
ЕЖЕГОДНИК

*Дома русского зарубежья
имени
Александра Солженицына*

2018

МОСКВА
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
2018

Редакционная коллегия

*М.А. Васильева, Н.Ф. Гриценко, Т.В. Марченко,
М.Ю. Сорокина (отв. секретарь), Г.А. Тюрина*

Международный совет

*Корин Амашер (Женева, Швейцария)
Ирина Антанасиевич (Белград, Сербия)
Лукаш Бабка (Прага, Чехия)
Всеволод Багно (Санкт-Петербург, Россия)
Стефано Гардзонио (Италия)
Драган Гачич (Белград, Сербия)
Юлия Матвеева (Екатеринбург, Россия)
Виктор Москвин (Москва, Россия)
Ивона Анна Ндяй (Ольштын, Польша)
Жорж Нива (Женева, Швейцария)
Юрис Салакс (Рига, Латвия)
Игорь Силантьев (Новосибирск, Россия)
Иван Толстой (Прага, Чехия)
Режина Хелена де Фрейтас Кампос (Белу-Оризонти, Бразилия)
Манфред Шруба (Мюнстер, Германия)*

Ответственный редактор

Н.Ф. Гриценко

Художник

И.И. Антонова

КАФЕДРА
К 100-летию со дня рождения
А.И. Солженицына

Г.А. Тюрина

ДОВЕРЕННЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ ЭПОХИ:
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

11 декабря 2018 г. исполняется сто лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Дом русского зарубежья, который с 2009 г. носит имя писателя, готовился к юбилею с особой тщательностью. Главной заботой сотрудников стала экспозиция музея-квартиры Солженицына на Тверской улице в Москве, в доме, где в 1970–1974 гг. жила его семья, где в феврале 1974 г., после выхода в Париже первого тома «Архипелага ГУЛАГа», он был арестован, в этой же квартире с 1992 г. находилось представительство Русского благотворительного фонда Александра Солженицына, где он часто бывал и встречался с людьми после возвращения в Россию в 1994-м. Начало работе над музеем было положено в 99-ю годовщину со дня рождения писателя, 11 декабря 2017 г., когда состоялось открытие мемориальной доски на этом доме по проекту народного художника России Андрея Николаевича Ковальчука. Этот же скульптор стал победителем Всероссийского открытого творческого конкурса на проект памятника Александру Солженицыну, который проводился в конце 2017 г. Союзом московских архитекторов при поддержке Министерства культуры Российской Федерации. Памятник установлен к юбилею писателя на улице, носящей его имя, по соседству с Домом русского зарубежья.

Столетие стало поводом прочитать или перечитать Солженицына-писателя, писателя во всей мощи своего художественного делания. В ответ на многочисленные просьбы помочь книгами и материалами для проведения чтений и обсуждений творчества Солженицына сотрудники Дома русского зарубежья разработали несколько выставок в виртуальном формате для рассылки по интернету в любую точку планеты. Эти материалы были использованы в десятках городов и сел России, в переводе на иностранные языки — и за рубежом. Наибольший успех снискала выставка «Доверенный летописец эпохи: К 100-летию со дня рождения Александра Солженицына» (составитель Г.А. Тюрина, дизайнер Э.И. Белоусов), в которой на 12 планшетах представлены документы из архива писателя, отражающие его творческую биографию: фотографии, репродукции рукописей и мемориальных предметов, печатные издания. Экспозиция напоминает историю создания и публикации многих произведений: сочиненной устно в каторжном лагере автобиографической поэмы «Дороженька», рассказов «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор», романа «В круге первом», повести «Раковый корпус», художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ», колоссальной исторической эпопеи

«Красное Колесо», ряда статей. В центре каждого стенда — цитата из того или иного текста Солженицына, лейтмотивом экспозиции стала народная поговорка, которой Солженицын завершил свою Нобелевскую лекцию: «Одно слово правды весь мир перетянет».

Столицей празднования столетия за пределами России стал Париж, где юбилейный год начался круглым столом в Штаб-квартире ЮНЕСКО в соответствии с решением о включении этого юбилея в список памятных дат 2018 г.* В обсуждении, которое состоялось 19 марта 2018 г., приняли участие исследователи и писатели из России и Франции (выступления сопровождались синхронным переводом). Русскую делегацию составили писатели Алексей Варламов, Евгений Водолазкин, поэт Юрий Кублановский, историк литературы Людмила Сараскина, вдова писателя Наталия Солженицына. С французской стороны выступили Ив Аман (профессор, славист, политолог, один из солженицынских «невидимок» начала 1970-х гг.), Пьер Морель (дипломат, посол Французской республики), Жорж Нива, профессор, славист, историк культуры. С приветственными словами обратились А.И. Кузнецов, постоянный представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО, и Йоти Хосаграхар, представитель генерального директора ЮНЕСКО Одри Азуле.

На заседании состоялась презентация комитета столетия Солженицына (Comité pour le Centenaire Soljénitsyne), в который вошли представители дипломатических кругов Франции, Французской академии наук, Академии моральных и политических наук, Академии надписей и изящной словесности, Академии изящных искусств и др. Под эгидой комитета в историческом здании Института Франции с 19 по 21 ноября 2018 г. проведена конференция, посвященная творчеству Солженицына. В рамках конференции организована выставка рукописей, документов и фотографий из архива писателя в величественном здании мэрии V района — особенного для писателя уголка Парижа, где на одной из улочек Латинского квартала находится магазин издательства «УМСА-Press».

Самой яркой странице истории этого издательства была посвящена выставка «“Архипелаг ГУЛАГ”: История литературного взрыва», которая ознаменовала открытие Культурного центра им. А. Солженицына в Париже. 19 мая 2017 г. книжный магазин «УМСА-Press» впервые открыл свои двери в этом новом качестве — давнюю мечту Никиты Алексеевича Струве удалось реализовать уже после его кончины. Второй этаж магазина отреставрировали, коридор и большой зал снабдили необходимым оборудованием. Основу экспозиции составили материалы архива Никиты Алексеевича: его тайная переписка с Солженицыным, история работы над первым изданием «Архипелага...». «Восклицательным знаком» экспозиции стало наборное место (деревянный пюпитр с ящиками с литерами), за которым работал наборщик книги, Леонид Михайлович Лифарь. В подготовке

---

* Решение было принято на 39-й сессии ЮНЕСКО 24 октября 2017 г. В список памятных дат были включены также 200-летие со дня рождения Ивана Тургенева и 150-летие со дня рождения Максима Горького. Среди 48 наиболее значимых для истории человечества юбиляров 2018 г. — Леонардо да Винчи (500-я годовщина смерти) и Фернан Магеллан (500-я годовщина первого в истории кругосветного путешествия). Полный список см. на официальном сайте ЮНЕСКО.

выставка участвовала Хели Сузи, дочь Арнольда Сузи, лубянского сокамерника Солженицына в 1945 г., помогавшего писателю организовать тайную работу над книгой в эстонском Уккрывице двадцать лет спустя, в 1965-м. Хели привозила в Уккрывице еду и увозила написанные главы. Для выставки она предоставила оригиналы писем Солженицына к Арнольду Сузи и кусок трубы, в которой рукопись «Архипелага...» хранилась в земле до 1990 г., когда появилась возможность ее откопать и вернуть автору. На поверхность старого зеркала нанесли имена «невидимок», помогавших с переправкой рукописей Солженицына на Запад. Этот сюжет был представлен и рядом иных предметов — например, обычной коробкой из-под конфет, в которой Анастасия Борисовна Дурова тайно вывозила из СССР копии текстов и «левые» письма (часть архива Дуровой недавно передана в ИМКА). О рецепции «Архипелага...» на Западе свидетельствовали многочисленные публикации во французской прессе 1970-х гг.

Выставка работала почти год, и на протяжении всего этого времени поток посетителей не ослабевал: к ней проявляли интерес и русские, и французы, и взрослые, и школьники. К завершению выставки был издан ее каталог.

Следующим событием Культурного центра в ИМКА стала выставка, организованная в марте 2018 г. Государственным музеем истории российской литературы им. В.И. Даля и отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья. «На родине Солженицына: Пролог “Красного Колеса”» — такое название получила экспозиция, посвященная первому в России государственно-му музею Солженицына в Кисловодске. Музей, расположенный в доме М.З. Гориной, тети писателя, представляет историю семьи Солженицына на Ставрополье, географию мест, связанных с его детством и юностью, жизненную и творческую биографию до 1962 г. — первой публикации. Ввиду отсутствия мемориальных вещей (в Кисловодске не сохранилось ничего из дома Гориной 1920-х гг.), основу экспозиции составили копийные материалы из архива Солженицына в Троице-Лыкове в Москве. Они размещены в виде коллажей в восьми объемных витринах. На выставке в ИМКА коллажи были представлены в виде планшетов в несколько уменьшенном, по сравнению с оригинальным, виде. Фонд кисловодского музея дополнил ее галереей фотографий Солженицына, сделанных в 1994 г., по возвращении его в Россию, и, заключительным, стендом, рассказывающим об истории создания и сегодняшней жизни кисловодского музея.

Бесценным расширением выставки в ИМКА стали подлинные вещи матери писателя, Таисии Захаровны Щербак, предоставленные специально для этого случая хранителем архива писателя Н.Д. Солженицыной. В отдельной витрине помещены материалы из архива ИМКА — документы и рукописи, связанные с первой публикацией «Августа Четырнадцатого» (которая состоялась в ИМКА в 1971 г.), в их числе — подлинные автографы Солженицына.

Сам юбилей писателя в Центре отметили выставкой «Солженицын-фотограф», представившей более полусотни репродукций фотографий конца 1950-х — начала 1960-х гг. Освоением фотоискусства Солженицын занимался самостоятельно в годы «вечной» ссылки в казахском ауле Кок-Терек (1953–1956), куда он был отправлен после двенадцати лет тяжелых жизненных испытаний, фронта, тюрем,

каторжного лагеря. Фотоаппарат ссыльный школьный учитель приобрел для того, чтобы облегчить конспиративное хранение плодов своего тайного литературного труда. Изучая технику фотографии, Солженицын запечатлевал окружавшую его жизнь: пейзажи, бытовые сценки, портреты. После возвращения писателя в Среднюю Россию его фотоальбом пополнился картинами летних путешествий, в которых рождались «Крохотки» 1960-х. Оригиналы составивших выставку фотографий сделаны дальномерным фотоаппаратом «Зоркий» (выпускался в СССР до 1956 г.), отпечатки черно-белые, формат 6 × 9 см. На обороте присутствуют рукописные комментарии Солженицына, некоторые из них воспроизводятся на выставке факсимильно.

Трудами детей Никиты Алексеевича, Даниила и Мелании Струве, а также верных друзей ИМКА жизнь в центре будет продолжаться. Главная ее миссия — бережно сохранить и рассказать новым поколениям парижан об удивительном культурном явлении, издательстве «УМСА-Press», и его уникальной исторической роли как в России, так и во всем мире. И конечно, в центре внимания — две ключевые фигуры этой истории: Струве и Солженицын, трудами которых хранителем этой драгоценной памяти стал также Дом русского зарубежья в Москве.

В честь 100-летия Александра Исаевича Солженицына и в память Никиты Алексеевича Струве публикуем текст их беседы — интервью писателя на литературные темы, мало известное сегодняшнему читателю. Запись была сделана в Париже, по приглашению издательства «Seuil». По-русски интервью впервые опубликовано в «Вестнике РХД» (1977, № 120).

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ С Н.А. СТРУВЕ*

Париж, март 1976

Александр Исаевич, после ваших выступлений в Америке и в Англии о вас всё пишут как о политике, но, собственно, эти выступления — скорее помеха для вашего творчества?

Конечно, поразительная вещь: как-то действительно все, кто разговаривает со мной, тянут на политику, желают слушать именно политические мои мнения. Я очень огорчён, но это так. Конечно, причина этому есть, — та, что вся русская литература, по традиции, очень живо откликается на социальные вопросы.

...Я большую часть времени и сил трачу на работу над своими книгами. Все эти встречи с прессой ограничены во времени и происходят почти случайно. Да, я действительно непонятным образом с восьми-, девятилетнего возраста почему-то думал, что я должен быть писателем, когда ещё понятия не имел, во что это может вылиться.

А как вы стали писателем?

Глубоко — уже в тюрьме. Я делал литературные опыты и перед войной, писал уже, настойчиво старался в студенческие годы. Но это не была серьёзная работа, потому что у меня не хватало жизненного опыта. Глубоко в тюремные годы я стал работать совершенно конспиративно, скрывая сам факт, что я пишу, — более всего скрывая это. Запоминал и заучивал наизусть сперва стихи, а потом уже и прозу.

В лагерях ваша поэма приняла определённую форму...

Все лагерные годы я, по сути, её писал и писал, потом пьесы. Нельзя было бездельно повиснуть. Годы-то шли. А роман, большой роман, эпопея, которую задумал ещё с 1936 года, её в лагере никак нельзя было написать. Можно было только собирать материал, думать, расспрашивать свидетелей. Лагерное существование, оно как бы меня повернуло. С одной стороны, оно как будто увело меня от магистральной темы, которую я хотел разрабатывать, от истории нашей революции, но с другой стороны, наоборот, это, как говорится, был Божий указ,

---

* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (март 1976). Записано в Париже, по приглашению издательства «Seuil», затем выпущившего на основе этого интервью телевизионный фильм (ныне утрачен). По-русски интервью впервые опубликовано в «Вестнике РХД» (1977. № 120). По-английски — в сборнике: Solzhenitsyn in Exile: Critical Essays and Documentary Materials / J.B. Dunlop, R. Haugh, M. Nicholson eds. Belmont, Mass.: Nordland House Publishers, 1983. В России впервые опубликовано в «Литературной газете» (27.3.1991).

потому что лагерь направил меня наилучшим образом к моей главной теме. Через лагерь, которые меня отвлекли по годам, по силам и могли кончиться моей смертью, — через это меня ввело в самое русло моей главной темы, задуманной ещё школьником.

Вы её отложили, и в ссылке началось ваше романическое творчество?

Это было так: я не откладывал никогда. Весь сосредоточенный интерес жизни в лагере был у меня — расспрашивать людей, что-нибудь знающих о революции. И так я всё собирал, не имея никакой возможности записывать. Я и не предполагал, какие огромные возможности заложены в нашей памяти. Я просто не верил, мы гораздо более сильные существа — люди, — чем мы думаем. В памяти — без всякой записи, когда я не мог ничего записывать, — так много укладывается, такой обильный материал. Так что все эти годы я запоминал данные, а когда я вышел на волю, — то есть что значит «на волю» — в ссылку попал, ссылка ведь это почти то же самое, что тюрьма, потому что я поднадзорный и в любую минуту жду обыска, — и опять писать нельзя.

Ну, всё-таки...

То есть сохранять материал... Надо было изобрести, как его сохранять, найти место хранения. Я ходил в школу преподавать, домик мой заперт на маленький замочек, туда кто хочет войдёт, найдёт там, что нужно... Но тут тюремная тема так давила, я должен был её отработать, а тут ещё я раком заболел. Эта смертельная болезнь, и раковый корпус, — они тоже своего потребовали. И так получилось, что свою главную тему я 30 лет всё откладывал, а работа вся шла над тюремной, лагерной темой. Я писал о шарашке, о раковом корпусе. Я всё никак не мог прорваться к своей теме. А потом «Архипелаг». Печатание «Ивана Денисовича» поставило меня в исключительное положение. Сотни людей присылали мне показания о лагере. Я должен был их выслушать, собрать, обработать. Тогда я стал собирать «Архипелаг».

Вы стали народным писателем.

Я стал доверенным летописцем лагерной жизни, к которому все несли правду. И так до 1969 года. То есть 33 года я своей этой темой жил, но по-настоящему над ней не работал. И только мог в 69-м году отдаться полностью вот этой своей главной работе.

Но к роману как форме вы приступили ещё в ссылке, вот эта романическая форма — как она к вам пришла?

Я думаю, во-первых, что у каждого писателя есть своя склонность к тому или иному виду архитектуры, от миниатюры до огромных зданий. Кроме того, жизнь нас гнёт, то есть тот материал, который идёт, требует, чтоб мы о нём писали, он диктует нам форму. Значит, тут должны были сойтись и личные склонности, и требования материала. Вот так они во мне сошлись, мои личные наклонности к большим формам и материал.

Самое смешное было, когда в тысяча девятьсот шестьдесят... в каком это году, вот сейчас память отказывает. В 1963 году. Тогда в Ленинграде происходил меж-

дународный симпозиум о судьбах романа, где говорилось, что «роман» уже умер. А у меня был уже написан «Круг первый», уже писался «Раковый корпус». Меня туда тянули участвовать, а я ведь не мог даже сказать, что у меня эти две вещи. А «Архипелаг» — я прежде не задумывал в таком большом объёме. Но надо было обработать этот огромный поток материала не иначе как в виде вот такой огромной вещи.

Да, но «Архипелаг» не что иное, как часть той же истории, её завершение.

Да почти что совсем другие формы пришлось избрать, это художественное исследование, и потом тактика, как обрабатывать совершенно неожиданно приходящий материал, абсолютно не запланированный, не организованный. Человек приходит и рассказывает то, что он хочет, а не что мне надо. Нужно было раздробить на куски и сообразить, что и куда пойдёт, в какое место.

Это, в общем, как строятся соборы, как составляется мозаика?

Ну да, вроде мозаики. Да и роман-эпопея, я не называю его романом — а эпопея, цикл Узлов, он тоже, по сути дела, подчиняется этому закону, а именно: принять весь материал, какой только сохранился, — независимо, подходит он или не подходит. Всё это принять и каждому найти место. В лагере мне приходилось бить чугун, тяжёлые чугунные предметы на куски, их бросали в печь и прибавляли материал похуже, и получался чугун совсем иного назначения. Так я для шутки называю свои материалы кусками чугуна, очень ценного качества. Пускать его в переплавку, и он в новом виде появляется.

Но тут, в отличие от «Архипелага ГУЛага», уже перед вами предстаёт весь план этой эпопеи, вы знаете точно — и когда она завершится, и что туда войдёт...

Вы знаете, и «Архипелага» нельзя было написать без плана. «Архипелаг» я тоже, когда строил, я уже представлял, что должен и его построить тематически по частям. Но там незаметно присутствует, например, и хронологический принцип.

Что в ваших больших романах очень поражает, в «Раковом корпусе» и «Круге первом», — это необычайная сгущённость места и времени, всё происходит в несколько дней и в закрытом помещении. Как это получилось? Сознательно? Подсознательно?

Во всяком случае, не из теоретических убеждений о том, что надо придерживаться классических единств. Нет. Ну, закрытое помещение — это, скорей, след моей биографии. Я большую часть своей жизни провёл в закрытых помещениях. А это уплотнение, нет, оно не случайно. Я вам так объясню. Я считаю первой характеристикой всякого литературного произведения — его плотность, художественную плотность, плотность содержания, мысли, чувств. Всякое произведение — велико оно или мало — всегда зависит от того, как оно плотно, то есть как оно соответствует своему назначению. И крохотный рассказец может быть велик: там, где требуется полстраницы, а ты написал страницу. И книга в две тысячи страниц может быть совсем не длинна, если она плотна, если ты не видишь там нигде рыхлости. Конечно, в большой степени и форму, и плотность, и ткань, состав произведения определяют материал и задача. Не следует, и нельзя,

и, наверно, очень дурно придумывать: а не сделаю-ка я что-нибудь для новизны? а вот не придумаю ли я новую форму? Боже упаси. Сам материал продиктует то, что надо. Я никогда не думал о форме художественного исследования, а материал «Архипелага» мне её продиктовал. Художественное исследование — это такое использование фактического (не преображённого) жизненного материала, чтобы из отдельных фактов, фрагментов, соединённых, однако, возможностями художника, — общая мысль выступала бы с полной доказательностью, никак не слабей, чем в исследовании научном.

Когда вы стали писать ваши первые большие романы, какие-то образы перед вами носились из русской литературы или это у вас вышло совершенно спонтанно? Что ведёт — материал или традиция?

Традиция в том смысле ведёт, что я в детстве читал, читал русскую литературу, и она отложилась в душе, вот и всё, а во время работы ни о какой традиции не думаешь и не помнишь, что вот продолжить ту или иную линию. Просто такой мысли нет. Вот захватывает какая-то новая вещь, например «Круг первый». Захватывает. Ну, как описывать такой сюжет? Я там жил три года. Описывать эти три года? вяло, надо уплотнять. Очевидно, страсть к такому уплотнению сидит и во мне, не только в материале. Я уплотнил — там, пишут, четыре дня или даже пять, — ничего подобного, там даже нет трёх полных суток, от вечера субботы до дня вторника. Мне потом неуютно, если у меня просторно слишком. Да, может быть, и привычка к камерной жизни такова. В романе я не могу, если у меня материал слишком свободно располагается. «Раковый корпус» я разделил на две части почти исключительно из того соображения, что ход болезни не допускает дать ей три дня. Болезнь требует показать её хотя бы за пять, шесть недель, а повествование хочет сжаться. Я разделил на две части только для того, чтобы в первой части разрешить себе всё в три дня поместить, там в несколько дней, а вторую часть вынужденно растянул, не потому что я хотел плавно повествовать, а потому что ход болезни требовал правдоподобного лечения, то есть пять-шесть недель.

У вас никогда и не чувствуется плавного повествования, вам всегда хочется сгустить, динамизировать статику.

Мне кажется, что только в плотности мы проявляем себя с наибольшей способностью. Как и в плотном разговоре. Если скучный, вялый собеседник — тянет муть какую-то, вы чувствуете, что ерунду говорит, и вы сами тут же глупеете, и весь разговор тогда пропадает, и вообще ничего не получается.

Плотность у вас касается и словесного материала?

Каждой фразы и каждого слова. Вот в позднем Лермонтове намечается, что ни одного внутреннего случайного слова нет, я не говорю рифмованного, там рифма диктует, — ни одного внутреннего лишнего слова в строке. Так вообще бывает и в поэзии и в прозе. Да, плотность должна дойти до фразы и до слова.

Ваш синтаксис удивительно эллиптический, вы динамизируете слово.

Я сейчас стараюсь каждое лишнее слово выбрасывать. Если только можно без слова — выбрасываю.

Но тут есть некоторая опасность перетянуть струны языка.

Я думаю, что нет. Вот, смотрите, Анна Андреевна Ахматова, уже перед смертью, говорила, что стихотворение в восемь строк ей кажется слишком длинное, надо четыре. От кого это услышишь? В нашей русской классической поэзии и двадцать строк никогда не считалось длинным стихотворением. Вот Ахматова тоже шла к этому — как к изваянию из камня, всё сокращая, сокращая, 12 длинно, 8 длинно, а вот 4 строки...

Да, хочется сравнить с изваянием из камня — но при том у вас удивительное движение, как вы достигаете одновременно скульптурности и необычайного динамизма?

Это уже мне оценить невозможно самому. Я работаю с материалом, и больше ничего не имею в виду, как только выразить этот материал.

Иногда вы бываете не удовлетворены написанным?

Тогда я его переписываю, переписываю, и всегда стараюсь уплотнить. Вот «Один день Ивана Денисовича», например, как это родилось? Просто был такой лагерный день, тяжёлая работа, я таскал носилки с напарником, и подумал, как нужно бы описать весь лагерный мир — одним днём. Конечно, можно описать вот свои десять лет лагеря, там всю историю лагерей, — а достаточно в одном дне всё собрать, как по осколочкам, достаточно описать только один день одного среднего, ничем не примечательного человека с утра и до вечера. И будет всё. Это родилась у меня мысль в 52-м году.

В лагере?

В лагере. Ну конечно, тогда было безумно об этом думать. А потом прошли годы. Я писал роман, болел, умирал от рака. И вот уже, простите, в каком это году, в 59-м году, однажды я думаю: кажется, я уже мог бы сейчас эту идею применить. Семь лет она так лежала просто. Попробую-ка я написать один день одного зэка. Сел — и как полилось! со страшным напряжением! Потому что в тебе концентрируется сразу много этих дней. И только чтоб чего-нибудь не пропустить. Я невероятно быстро написал «Один день Ивана Денисовича» и долго это скрывал. Я пришёл в «Новый мир», меня спрашивают: «Сколько времени вы писали?» Сказать, что я его написал за месяц с небольшим, — невозможно, ибо тогда: «Позвольте, а что вы писали остальные годы?» Я скрывал, скрывал, вообще уклонялся, уклонялся, а на самом деле — месяц с небольшим.

Это у вас такой обыкновенный процесс: вынашивание годами, а потом скоропалительная редакция?

Когда задумаешь — этот момент внезапен. Раз я шёл, выйдя из диспансера, шёл по Ташкенту, в комендатуру, и вдруг меня стукнуло, вот почти всё из «Ракового корпуса».

Как бы первоначальная интуиция...

Ну, всё, что линия Костоглотова, всю её во всяком случае... А линию Русанова по разговору моих соседей, я ведь с ним не лежал, по разговору однопалатников.

Я подумал: вот так это можно было бы написать. И это легло и лежало совершенно неподвижно, и могло и не написаться. А в 1963, когда «Ивана Денисовича» уж напечатали, я думал: что же можно такое написать и попробовать дать публично в «Новый мир»? И я так написал «Раковый корпус». А мог и не написать, могло бы лежать. И «Ивана Денисовича», если что-нибудь меня бы отвлекло, мог бы не написать. Есть у меня сюжеты, которые так никогда и не написались. Вот задуманы, а написано несколько слов, и всё так и останется.

И так никогда и не напишется?

Боюсь, что нет, потому что моя главная тема меня гонит, а времени уже в жизни мало осталось.

И вы не предвидите отклонений, хотя бы для писательского отдыха, от главной темы? Иногда от вас бы хотели возврата к малой форме, к рассказам.

Я понимаю, что в малой форме можно очень много поместить, и это для художника большое наслаждение, работать над малой формой. Потому что в маленькой форме можно оттачивать грани с большим наслаждением для себя.

Мне хочется поднять довольно обширный вопрос о соотношении реальности и вымысла. Некоторые вас упрекают в перевесе реальности над вымыслом. Хотелось бы знать, как рождаются у вас образы, каково их соотношение с прототипами. Вот, например, вы упомянули об Иване Денисовиче, многие могут думать, что есть автобиографический элемент, но на самом деле это образ собирательный?

Ничего не поделаться, я действительно не вижу перед собой задачи выше, чем служить реальности, то есть воссоздавать растоптанную, уничтоженную, оболганную у нас реальность, а вымысел я не считаю своей задачей или целью. Я вовсе не хочу никогда блеснуть вымыслом, но просто вымысел есть для художника средство концентрации действительности. Он помогает концентрировать действительность — вот только в этом его роль.

Реальность была так богата...

Только надо было воссоздать всё, как оно было. Но если воссоздавать абсолютно так — ну это известный принцип концентрации искусства, — тогда это не будет искусство, и это будет длинно, и не может человек пережить тысячи жизней. Вы говорите об Иване Денисовиче. Конечно, когда я пришёл к мысли написать день одного зэка, ясно было, что это должен быть наиболее такой рядовой член армии Гулага. Замысел был запомнен, не развивался, а когда я к нему приступил, писать его в 59-м году, — кого же брать? Много бывало заключённых вокруг меня, я мог вспомнить многие десятки людей, которых я хорошо очень знал, и сотни. Вдруг, почему-то, стал тип Ивана Денисовича складываться неожиданным образом. Начиная с фамилии — Шухов, — влезла в меня без всякого выбора, я не выбирал её, а это была фамилия одного моего солдата в батарее, во время войны. Потом вместе с этой фамилией его лицо и немножко его реальности, из какой он местности, каким языком он говорил. Вдруг, почему-то, вот этот рядовой солдат батареи советско-германской войны вдруг стал идти в повесть, хотя он не был заключённым. Ну конечно, он был таким же рядовым, только в других условиях.

А биография, как он попал и как он себя ведёт в лагере, уже шла от лагерных лиц, но не от него, он же не сидел.

Но вы были с ним особенно связаны?

Никак, вот именно что никак. Нет, я был гораздо ближе с другими солдатами. Когда я был арестован, он оставался солдатом нашей батареи. Нет основания у меня думать, что он потом сидел. Это был очень милый, славный вот такой пожилой солдат. Но я никогда не думал, что я буду о нём писать. И вдруг он сюда полез сам, а его лагерная биография и его лагерное поведение — это уже было не его, а собирательное от многих заключённых. Впрочем, и там есть автобиографичность, конечно, — то есть в каком смысле автобиографическое: я не мог бы его описать так, если б не был сам простым каменщиком в лагере. Смысл понимания работы самой — его трудно набраться от другого понаслышке. Я пишу крестьянина, с его крестьянской хваткой и хваткой ээка, однако что-то такое от собственного опыта обязательно вкладывается, оно вкладывается в кого угодно. Я описываю Русанова — человека, совершенно мне противоположного во всём, но, например, то отвращение и испуг, которые он испытывает, входя в онкологический диспансер, — конечно, там есть элемент автобиографичный, да всеобщий. В этом и состоят возможности искусства, что человек использует собственный опыт для точной угадки и воссоздания всяких других людей.

Вы всегда так распыляете себя почти во всех героях?

Я бы сказал да. Потому что без личного опыта, психологического или житейского, писать невозможно. Почему молодые люди не могут стать писателями сразу, да потому что им не хватает вот этого самого опыта. Если я описываю вас, то моя задача войти по возможности глубоко в вас и вас передавать. Но это нельзя, если я ещё не обладаю жизненным психологическим опытом.

Вот некоторые заметили, что даже в Ленина вы вкладываете как бы часть самого себя. Вы действительно это так ощущаете?

...Ленин — одна из центральных фигур моей эпопеи и центральная фигура нашей истории. О Ленине я думал просто с того момента, как задумал эпопею, вот уже 40 лет, я собирал о нём по кусочкам, по крохоткам всё, решительно всё.

Но прежде вы его видели и понимали иначе?

В ходе лет я постепенно его понимал, я составлял даже каталоги отдельных случаев его жизни по тому, какие черты характера из того вытекали. Всё, что я о нём узнавал, читал в его книгах, в воспоминаниях. Я ещё специально каталогизировал, что вот эти события дают такую черту характера, те события — другую черту характера. Я не использую этого непосредственно в момент работы, но это всё систематизируется в голове и складывается. Теперь, когда я счёл, что я уже созрел для того, чтобы Ленина писать, я пишу его конкретные годы, цюрихские; естественно, ретроспективно туда же помещаются происшествия его партийной и личной жизни. Я не имею задачи никакой другой, кроме создать живого Ленина, какой он был, отказываясь от всех казённых ореолов и казённых легенд. Но это совсем поверхностное утверждение, что я пишу его из себя. Я пишу его только из

него, но его, как любого, как Русанова, как Шухова, как любых персонажей, как Яконова в «Круге», Поддубева в «Корпусе», я не могу описать без того, что я сам достиг уже какого-то психологического и житейского уровня, что я могу понять другого человека в его обстановке, в его задачах. Вот так.

Когда вы гуляли по Цюриху, вы старались, вероятно, воссоздать...

Да, вы знаете, мне Цюрих очень помог. Цюрихские о Ленине главы я ведь написал в Москве. Это была одна глава из Первого Узла, одна из Второго. А когда я приехал в Цюрих, то сам Цюрих, и люди, которые знали Ленина, библиотеки вот эти, и документы о швейцарских социал-демократах, которые его там окружали, о которых в Советском Союзе нельзя было найти материала... Например, в Цюрихе мне помог сын того самого Платтена, который провёз Ленина через Германию. Они мне дали так много материала, что он стал расpirать, и, кстати, это лучший признак, что правильно пишется вещь. Если материал сам набирается и его объём неожиданно увеличивается, тогда вы обеспечены, что плотность будет велика. Безнадёжный способ — сперва создать общую рамку и потом начать наполнять её материалом, тогда выйдет из этого рыхлость и провал.

Но вот вы написали «Ленин в Цюрихе» сначала в Москве. Вы угадали Цюрих из Москвы? Мы, к сожалению, не читали этой первой пробы...

Стержень Ленина, я считаю, что я его уже тогда достаточно понимал. Я уже много лет над ним думал. Но очень много фактических деталей открылось мне в Цюрихе, таких, что я при их свете снова перечитываю ленинские работы цюрихского времени и они по-новому обретают смысл, наливаются плотью. Как будто я эти самые ленинские статьи читал в Москве. Но всё-таки я в то время не мог его понять из его собственных книг так, как я его понял, овладев цюрихским материалом.

Это не только расширило, но и изменило несколько тональность?

Ну, заполнило большей плотью, и рельеф несколько усилило. Я точнее смог сделать этот психологический рельеф. Тональности это не изменило, я его так и понимал, но рельеф увеличило и плотность.

Так что Ленина вы скорее вобрали в себя, чем дали из себя?

Как же я осмелюсь историческое лицо создавать из себя? Нет, я создал его из него. Всей его жизнью, из всех его качеств, эпизодов, событий, из него, но только при этом, конечно, я не перестаю быть автором. Моя задача — сделать его живым, каким он был, но поскольку я автор, то, конечно, понимание его психологии, его партийной психологии, основывается на том, что я всю историю партии изучал, и жил в этой стране, и знаю коммунизм.

То, что вы отбросили в каком-то смысле малую форму, свидетельствует о тяготении к некоторому синтезу? Синтезировать опыт русской истории, но также добиться и формального синтеза, объединив разные приёмы?

Я не то что отбросил малую форму. Я с удовольствием бы иногда отдыхал на малой форме, для художественного удовольствия.

Но не можете себе этого позволить?

Да, не могу. Несчастливым образом наша история так сложилась, что прошло 60 лет от тех событий, а настоящего связного большого рассказа о них в художественной литературе, да и в документальной, нет. Умирают последние свидетели, есть ещё возможность кого-то живых опросить. Разрушена вся та ткань жизни, которая была до революции и к моменту её, и, может быть, моё поколение — последнее, которое может ещё этот материал писать не совсем как историю, не в полном смысле историческое повествование, а ещё почти по живой памяти. Моя детская память всё-таки очень сохранила послереволюционный воздух. В 20-е годы ещё жило население в России почти всё дореволюционное, ещё этот воздух я ощущаю, он помогает мне в обработке материала.

Это не совсем исторический роман, это связь времён.

Я думаю, ещё последняя возможность моему поколению написать, а для следующего это будет уже совсем исторический. Вот почему я просто обязан вести это повествование, а так как в нём главное действующее лицо — Россия вся, то это огромное повествование, как я его ни сжимаю, и даже если мне Бог пошлёт 20 лет жизни, то вот только бы успеть кончить.

Главного героя не будет романического?

Главного героя не будет ни в коем случае — это и принцип мой: не может один человек, его взгляды, его отношение к делу передать ход и смысл событий. Обязательно даже главных, изблюбленных, ведущих героев должно быть с десятков, всего же их сотни, а главное действующее лицо — сама Россия. Тут вот только какой выход может быть, выход, на который я напал когда-то: нельзя давать всё течение истории подряд, это выйдет очень длинно, невозможно для чтения. Я придумал концентрировать, создать УЗЛЫ, то есть опять такой же метод плотности применять. В этой кривой истории, — то есть в смысле математическом кривая линия истории, — есть критические точки, их называют в математике особыми. Вот эти узловые точки — как Узлы, — я их подаю в большой плотности, то есть даю десять, двадцать дней непрерывного повествования. Я выбираю эти точки главным образом там, где внутренне определяется ход событий, не внешние обязательно события, а внутренние, — те, где история поворачивает или решает. И эти десять, двадцать дней я даю плотно, подробно, а потом между Узлами — перерыв, и следующий Узел. Вот так родилась эта идея Узлов.

Но трудно даётся соотношение между семейным аспектом романа и историческим? В «Августе Четырнадцатого» сама романическая часть немного придавлена военной эпопеей.

В Первом Узле я видел замысел такой. Я не мог показывать всей Первой Мировой войны, хотя история её не описана у нас, я решил выбрать одно-единственное событие — битву — и в нём показать всю войну. Этот выбор я сделал в 19-летнем возрасте, в 1937 году. Я изучил историю войны и уже тогда понял, что нельзя её всю описывать, тем более ещё потом и революцию, и Гражданскую войну. И тогда я выбрал самсоновскую катастрофу и в 37-м году начал писать главы, уже тогда. Мои первые главы. И характерно, что когда вот уже в 1969 вернулся к этому через много лет, то я ряд глав, по их композиции, так и оставил, они были взяты прямо

из 37-го года. Ну только ткань сама, сама манера письма, и образы более проработаны, поскольку я уже был взрослым. Но уже тогда явилась эта идея всю войну представить самсоновской катастрофой.

Один Узел я разрешил себе сделать целиком военным, не потому что я хочу писать военную историю, а потому что надо репрезентативно показать всю войну. Семейные линии, личные линии, даны пока что очень немного, но они и всё время будут не на первом месте, потому что главная цель — показать ход русских событий, а личные судьбы, они очень наполнены для самих персонажей, для людей, а на ход истории они не всегда влияют.

В «Августе Четырнадцатого» вершина — личная трагедия Самсонова. Будут ли такие шекспировские моменты в следующих Узлах?

Вы знаете, это не был замысел, это получилось само. Я задумывал только самсоновскую катастрофу, а когда я стал описывать, то фигура Самсонова сама стала вырастать, вот эта его собственная трагедия. Она никогда не была задумана, так что я не могу сказать, будут ли такие дальше, но очевидно, в каждом Узле есть свои главные деятели. У них свои критические моменты, и если удастся это выявить...

Вам приходится тщательнее обдумывать формы, чтобы разнообразить рассказ. Вы даёте разного рода графическое расположение, разную подачу повествования.

Вы понимаете, как всегда, художник не должен выдумывать форму, но материал диктует нам её. Для такого огромного повествования как быть с формой? Если применить обыкновенную повествовательную манеру, это будет очень не плотно, это будет долго; может быть, будет приятно читать, но 20 Узлов подряд так прочесть почти будет нельзя. Сами события очень концентрируются, и сами события властно требуют менять, я бы сказал, виды повествования. У меня таких видов повествования, в общем, сейчас до восьми.

Немного больше, чем в «Августе Четырнадцатого»?

Немного больше. И я ни один из них не придумал для того, чтобы блеснуть формой или создать новую форму, ни в коем случае, я только ищу каждый раз, как этот материал передать. Вот, например, киноэкран. Я совсем не собираюсь искать новых задач — мол, вот, давай-ка я дам киноэкран.

Вас упрекали в том, что вы воспроизвели метод Дос Пассоса.

Вот Дос Пассос. Я познакомился с Дос Пассосом в такой оригинальной обстановке: на Лубянке. На Лубянке, в тюрьме, принесли его «1919 год». Хотя я был занят больше своими тюремными переживаниями, но, читая эту книгу, был поражён, что тут есть близкое тому, что нам нужно.

Я, конечно, у Дос Пассоса поучился, но поучился вот каким образом. Двум вещам, пожалуй, — его газетным монтажах и его так называемому — так он называет — киноглазу. Я, однако, увидел, что эти две формы, в таком виде, к нам не применимы, а очень могут быть применимы видеоизменённо. Вот пример — киноглаз. Его киноглаз — это не сценарий. Если вы посмотрите Дос Пассоса — снимать

фильм по киноглазу нельзя. Почему он так его назвал? это скорей лирические отрывки.

Да, да.

Лирические — а я ставлю задачу, именно как если бы происходила киносъемка. Перед этим у меня был опыт, я написал сценарий «Знают истину танки». Без всякой надежды, что его когда-либо при моей жизни снимут. Я должен был изобрести такую форму, чтобы читатель, читая киносценарий, уже увидел фильм. Фильма пусть не будет, а он уже его видел. И такую я изобрёл форму расположения там, чтобы было читателю легче, не труднее, а легче было видеть, где звук, где кадр, как снимается, где говорят. И эту форму я потом повторил в своих маленьких киноэкранах.

В эпохее?

Да. Там они совсем маленькие. Но наступает момент повествования, когда вдруг хочется отбросить разговор, когда я уже лишний между читателями и событиями, когда читатель должен прямо видеть события. Например, вот бегство корпуса Благовещенского. Отступление корпуса Благовещенского нельзя передать, по-моему, иначе чем зрительно, — дать увидеть эту панику. Позже будут в подобном положении революционные сцены и уличные. Уличные сцены в Петрограде. Наступает такой момент, когда повествователь мешает, он становится стенкой между читателем и материалом. Лучше дать сразу в глаза читателю, чтоб он всё это увидел. Там даже не остаётся индивидуальных действующих лиц. Это какие-то представители массы. Но это всё должно быть зрительно, чтобы хотелось их снять. Но и даже не снимая, читатель сразу видит, без кино.

И в них усилен символический момент? Например, в «Августе Четырнадцатого» появляется образ колеса, который выделен графически.

Да, там есть символический образ. Потом уж я читаю в критике, что эти отрывки восприняты как стихотворения в прозе. Никогда об этом я сам не задумывался. Но, действительно, поскольку я хочу повлиять на зрительное восприятие, очевидно эти куски так повышено эмоциональны, что они, кроме того, оказывается, имеют ещё и другое звучание. Об этом я даже не думал. Теперь, раз уж вы коснулись Дос Пассоса, вторую его находку я тоже использовал. Но тоже как бы перевернул, в обратном смысле. Дос Пассос придумал вот эти газетные монтажи, они у него имеют такую функциональную роль: он хочет подать бессвязность газетного потока, не имеющего никакого реального отношения к жизни. Что истинная жизнь в газетном потоке не отражается, у него такая функция монтажа. А у меня противоположная — это благодаря особенностям русской жизни. На Западе может так быть, что поток газетный не увлекает за собой жизнь или не отражает её. Благодаря обилию и свободе прессы. В истории раннего Советского Союза, да и позднего, газеты имели совершенно другое значение. Наши газеты были пулемётными очередями, фразы наших газет расстреливали и делали события. И когда я создаю газетный монтаж, то гораздо более строгий, подтянутый, композиционно сюжетный, потому что в этих моих газетных монтажах отражается ход истории самой. Так что функция прямо противоположная, не та!

Ну, это носит иногда иронический характер.

Иногда бывает иронический, а иногда в ней поступь истории. Это тоже экономия средств. Потому что я таким образом коротко, плотно даю ход истории. Неизбежно применить, однако, и многие другие виды повествования, которые позволяют сэкономить время читателя и число страниц. Тут не избежать некоторых фольклорных вставок, особенно во время Гражданской войны. Какая-то одна там песня «Эх, яблочко! куда катишься», в зависимости от того, в каком варианте она дана, передаёт дух эпохи очень коротко, в четырёх строках создаёт целый сдвиг психологический.

Так что в следующих Узлах фольклорный элемент усилится?

Не то чтоб усилится, но он будет всё время идти. Там фольклор истинный, потом фольклор казённый. Потом вот пословицы, — я применяю иногда эти пословицы, — которые тоже критики литературные неверно оценили как «моралитэ», то есть как будто от себя хочу ещё дать моральный вывод. Но именно нет, этот приём у меня употребляется тоже иначе. Этими пословицами, их немного на Узел — пять, семь, десять, — этими пословицами выражается как бы голос народа. Я мысленно представляю среди своих читателей какого-то, может быть даже неграмотного, мужика, который слушал, слушал, слушал вот то, что там было в повествовании, и потом — раз, вlepил свою пословицу, врезал её. Она не бывает просто вывод, она бывает, под некоторым углом, дополнение. Может быть, читателям, допустим, интеллигентным — виден один пласт, а народ видит другой, вот этот самый...

Это открытие смысла...

Это новое открытие смысла глазами народа... Ну и наконец, чем более динамичны будут события дальше — революция Февральская, — тем более они будут диктовать динамизирование текста. Невозможно писать плавно повествовательные главы, когда события происходят по часам, по минутам и когда через три дня страна уже не та, что была три дня назад. Очевидно, здесь надо давать небольшие фрагменты; из фрагментов, как из мозаики, складывать события. Тут две крайности опасны: можно было бы целиком писать фрагментами, но это тоже будет утомлять читателя, потому что он не сможет мелькания выдержать. Искать надо какого-то равновесия между плавными повествовательными главами, какие отражают жизнь отдельных лиц, и фрагментарными этими монтажами — там, где я даю быструю смену событий и очень большой захват.

И в следующих Узлах можно будет найти все слои населения?

Это всегда было моей задачей — вертикаль дать всю, по возможности дать всю вертикаль, как только можно. Без участия масс и низов нет истории и нет исторического повествования.

Но в ходе такой длинной эпопеи вам приходится пересматривать даже законченные вещи. Вот вы закончили «Август Четырнадцатого», теперь некоторый промежуток между следующими Узлами, не принуждает ли это вас к некоторому подтягиванию от одного Узла к другому?

Конечно, когда пишешь ряд книг, то связывать их друг с другом, очевидно, правильный метод такой. В начале, в самом начале, я думал так: вообще не печатать ни одного Узла. А написать всё, то есть двадцати-, двадцатипятилетнюю работу сделать, и тогда напечатать. Может, это было и правильно, но нельзя не пытаться повлиять на сознание современников.

Это невозможно.

Невозможно, вот видите. Я бы мог не печатать. Но хочется повлиять, что-нибудь, хотя бы куски истории подавать по мере их готовности.

Вам нужно иметь с читателем какой-то контакт через...

Да просто если в многолетней работе мне приоткрылся истинный ход событий, мне же хочется, чтоб о нём узнали современники. Но, по-видимому, правильно делать так, что я печатаю какой-то Узел лишь тогда, когда готовы, скажем, два или ещё один хотя бы. Так, чтобы они выходили не сразу со сковородки, а постепенно, дожидались следующего. Это для более плавного перехода, для более верной связи сюжета.

Но и читатель участвует в создании этой эпопеи, как он участвовал в создании «Архипелага» в России. Вот на Западе бывшие свидетели откликнулись.

Уже мне потому был необходим «Август», чтобы найти контакт, вы правильно говорите, вот с теми участниками событий, которые могут мне что-то ещё дать. Я сейчас обратился к эмигрантскому читателю, мне было б крайне важно сделать это в Советском Союзе. Но, в Советском Союзе живя, если я ехал смотреть места событий, то обычно тайно, потому что мне мешали что-нибудь смотреть, а опрашивать свидетелей очень трудно. Я был в Тамбовской губернии, на месте крестьянского восстания, — там есть ещё сохранившиеся свидетели, но все боятся рассказывать какому-то незнакомому человеку, да и я сам опасаясь спрашивать, чтобы не пресекли моей экспедиции. Очень трудно собирать там материалы. С другой стороны, мне очень помогали тем, что из разных мест приносили и присылали книги, всюду в Советском Союзе уничтоженные. Вот какие-то там книги ВЧК, их, кажется, сожгли уже все, и вот где-то сохранились один-два экземпляра, — а уже знают, что я работаю, мне их несут. Очень помогают такие неизвестные лица своими рассказами, материалами, воспоминаниями, книгами.

Несмотря на все затруднения, вы пишете всё-таки эту эпопею со всем народом, с участием читателей?

Всё время. Вот так, как «Архипелаг» я писал с бывшими зэками, так эту эпопею я пишу ещё во время, пока живы участники и могут давать материал. К сожалению, высылка из Советского Союза меня лишила возможности ездить по местам событий, но я порядочно — и Петербург, и Москву, и Тамбов, и Дон, — я достаточно видел, — на Дону я вырос, Ростов, Новочеркасск мне родные города.

Критика не раз отмечала, что в «Августе Четырнадцатого» немного замедленное начало. Это намеренно, такая замедленная линия, будет ли она повторяться или потом исчезнет?

Вот как раз я вам сейчас сказал, что в ходе революционных событий даже повествование о динамичных действиях и то уже мне кажется замедленным. Начало же «Августа» замедлено сознательно. Это, знаете, как бы когда панорамический снимок, фотографический, то нужно, для того чтоб снимки друг с другом пересекались, совмещались, нужно их немножко перекрыть. Начало «Августа Четырнадцатого» потому и сделано таким, что показывается медлительное течение жизни предвоенной, для идентификации, что даже кусочка той жизни уж никогда больше не будет. Такого темпа не будет больше. Такого внимания к проблемам семейным уже не будет у людей, потому что будет совсем другой темп, совсем другая динамика.

Ну, это как бы образ предреволюционной России...

Нет, это не образ, это только для узнавания несколько глав медленного темпа предыдущей жизни. Семья Томчаков не имеет такого особого выразительного значения для всей России. Это просто один из слоёв, который, кстати, мало освещён, динамичный слой из мужиков поднявшихся. Но не в этом дело, а только в медленном темпе, вот такой темп был и никогда больше не будет.

Мужики поднявшиеся, динамичные, и вообще крестьянство отражено широко в вашем творчестве. Иван Денисович, Благодарёв занимают крупное место. Некоторые даже говорят, что вы показали русского мужика слишком идеально, без всяких пороков.

Крестьянство составляло всё-таки более 80 % населения России, и если я хочу быть репрезентативным, то ясно, что их должно быть очень много, мужиков, и ещё будет очень много. А идеализация? видите ли, дело, скорее, вот в чём: на Западе склонны о России прошлой говорить в основном плохое, потому что получили все сведения из рук революционеров, ненавидевших ту Россию. Поэтому всякий материал противоположного рода уже воспринимается как идеализация. Конечно, когда дальше крестьянство будет соблазнено этими лозунгами: «Бросай винтовку», «Хватай землю», «Грабь награбленное», — конечно, будут сдвиги очень тёмные в крестьянской душе.

Но Благодарёв не соблазнится?

Ну, там, знаете, в «Августе» уже есть намёки, кем он будет, но я не хочу расшифровывать раньше времени. А потом рабочий класс...

Вот он у вас пока фактически не представлен, хотя в 14-м году он уже был.

В «Августе Четырнадцатого» не вмещается, потому что Узел занят одной битвой. Начиная со Второго Узла я уже значительно показываю рабочий класс. У нас существует легенда, что рабочий класс произвёл революцию и был как бы движущей силой и властью. На самом деле рабочий класс — один из самых страдающих, из самых обманутых слоёв нашего общества. Может быть, он был наиболее обманут даже этим призраком диктатуры пролетариата, которая ни одной минуты не существовала. У меня — да, рабочие персонажи и главы, начиная со Второго Узла, будут непрерывно всё время идти.

И коммунистическая партия будет показана, и её возглавители — помимо Ленина — станут тоже действующими лицами?

И коммунистическая партия, и другие виды социалистических партий. А в самой коммунистической партии тоже существует казённый список легендарных имён, а другие погашены и уничтожены.

Так, например, Шляпников. У меня был соблазн: я в «Ленине в Цюрихе» упоминаю Шляпникова, но глазами Ленина. Ленин Шляпникова и не ценил, когда Шляпников был реальным и главным действующим лицом его партии перед революцией. У меня есть уже давно оконченная глава о Шляпникове в Петербурге в октябре 1916, но всё-таки, когда я делал подборку «Ленина в Цюрихе», мне неудобно было сюда её включать, а очень бы книга выиграла. Образ Ленина был бы больше понят, если бы показать Шляпникова по контрасту. Потому что Шляпников — это тот коммунист, который был истинный рабочий, всегда старался им быть, истинно связан с подпольем и рабочим классом, истинный деятель истории, который на том и погиб, что впал в оппозицию к Ленину в первые же годы революции, защищая рабочие интересы. На этом он и погиб, и растоптан, и забыт.

Это в силу народного происхождения или каких-то приводящих обстоятельств?

Такое благоприятное обстоятельство. Он, будучи профессиональным революционером, сам не переставал быть прекрасным токарем и великолепным рабочим. Он гордился тем, что всё время работал, как никто из вождей так называемой рабочей партии.

Они были скорей интеллигенты или интеллигентствующие.

Они были не способны даже себе кроме как журнальной статьёй заработать на хлеб. А тот отправлялся к токарному станку и работал, и себя кормил, и Ленина кормил, и других...

Ну, и эти интеллигенты тоже будут показаны...

Эти тоже безусловно будут показаны, каждый в его критический момент, там, где он что-то делает в истории, обязательно.

Читатели отмечали, что у вас очень сильная сатирическая линия в некоторых вещах, в частности в «Архипелаге». Будет ли это также в Узлах?

Нет. Вы знаете, сатирическая сторона потому в «Архипелаге» сильна, что я всё время противостояю огромной машине пропагандной лжи и у меня нет сил что-нибудь в кратком малом объёме ей ответить иначе как сатирой. Сатирический мазок снимает тонну целую. А там я должен описывать историю, как она идёт, там нет надобности в этой сатире.

По призыванию — вы не сатирик?

Нет, совсем нет.

Некоторые утверждают, что вы были бы сатирическим писателем в любом случае...

Совсем нет. Это надо быть под нашей грубой пропагандой, чтобы понять, как ответить: вот сатирой, резким мазком сатиры снимается эта тонна лжи.

Вы были бы писателем в любых условиях? Вы никогда не задумывались, кем бы вы стали в нормальных условиях? вне этой истории с тюремной посадкой?

Нормальных я уже не могу представить, а в советских условиях, если б меня не арестовали в конце войны, — да, большие духовные опасности были передо мной, потому что, если б я стал писателем в русле официальной советской литературы, я, конечно, не был бы собой и Бога потерял бы. Трудно представить, кем я был бы всё-таки, при всех моих замыслах. Но вот счастливым образом судьба провела меня через Архипелаг как будто длинным, а на самом деле коротким путём.

Нет ли у вас какого-то личного отношения к вашим же произведениям? Перечитываете ли их? Есть какое-нибудь произведение, которое вы больше любите? Или они вас больше не интересуют и вы идёте дальше вперёд?

Я вот стал последнее время немного перечитывать. Когда перечитываешь старые вещи с перерывом лет в десять, конечно видишь, что хотел бы изменить. Но вещь уже есть, и она уже долго живёт, и есть ли право у писателя менять? сам писатель изменился, стал другим. Личное отношение — всегда страсть к той вещи, которую пишешь сегодня, а потом она отделяется, живёт отдельной жизнью.

И вы уже её не ощущаете как собственность?

Уж не как собственность, ощущаешь её совсем со стороны, даже иногда с удивлением, — со стороны, как нечто неожиданно новое. Какие-то там забытые абзацы. Весь живёшь в том произведении, которое пишешь сегодня.

Вот это произведение, которое вы сейчас пишете, для него надо было б целый институт, поскольку входят в него столько событий, столько слоёв населения. Как вы можете справиться с этим разнородным огромнейшим материалом?

Только непомерной работой своей и моих помощников, тех, кто близки ко мне и помогают.

Но ещё и организационным талантом, чтобы не быть подавленным...

В наших ужасных условиях писателю надо быть конспиратором, стратегом, да ещё и организатором материала, потому что института не создашь, а материал плывёт в огромных количествах. Работа непомерная, очень трудная, я не знаю, сумею ли замысел выполнить весь, — сколько надо дней жизни, чтоб выполнить. Очень много, очень много.

Ну, я вам поставлю вопрос, может быть, немного наивный. Из русской литературы кто, какой писатель служит вам путеводной звездой? К какому писателю вы чувствуете наибольшую близость?

Я думаю, для всех нас уже второе столетие путеводная звезда — Пушкин. Причём, чем больше мы от него отдаляемся, тем больше мы видим, как много мы в нём потеряли, как много мы должны продолжать. Пушкин — несравненная звезда в том, что он, не на ровном месте конечно, создал язык, литературу, и в этом отношении ему нет равных с тех пор. А так, конечно, вся традиция XIX века так

или иначе воспитывала нас. Толстой и Достоевский всегда, на каждом из нас отразились.

Но Толстой, скорей, был одно время для вас моральным авторитетом?

Скорее, даже нет, а — художественным. Я прочёл «Войну и мир» в десятилетнем возрасте.

В десятилетнем?..

Да... Я, конечно, личных линий совсем не понял, но совершенно был захвачен этой композицией и историческими сценами. Я думаю, сильно отразился на мне этот роман и на моём желании писать исторический роман. А если уж теперь говорить о более позднем возрасте, когда появились нравственные вопросы, то Достоевский ставит острее, глубже, современнее, более провидчески.

Толстовства не было?

Никогда... Это в романе я о нём говорю, потому что оно было тогда модно, в то время.

Это относится к вымыслу, а не к автобиографичности?

К вымыслу, если в смысле меня, да, но меня там нет. Мой отец когда-то прошёл через толстовство. А если говорить вот в наше время, вы знаете, я считаю, что для нас, для писателей XX века, ну, значит, и для меня, определённые образцы заключены в прозе Замятина и в прозе Цветаевой, то есть проза Цветаевой — это вообще концентрация невероятной силы. Это проза для писателей, не для читателей, её нужно разбавить в десять раз, чтобы её могли читать обыкновенные люди.

Вас привлекает эта словесная уплотнённость?..

Словесная уплотнённость с такими динамическими поворотами, изгибами, взрывами. А Замятин во многих отношениях поражает. Главным образом вот синтаксисом. Если я кого считаю своим предшественником по синтаксису, то — Замятин. И потом невероятная яркость и сила портретов у него. Иногда одним-двумя словами он даёт целое лицо. Он сделал гораздо больше, чем Чехов, в этом отношении. У Чехова уже была попытка не описывать, какие глаза, какой рот, какой нос, а описывать каким-то сравнением...

Образом?..

Даже не образом, а сравнением передать лицо. Замятин идёт ещё гораздо дальше, он иногда одним словом схватывает портрет, до такой степени выразительно, как живописец. Я считаю, что высоты лаконического портрета никто такой не достиг, как Замятин, — это действительно поразительно.

И вы много его читали?

Много его не считаешь, потому что у него мало написано. У него же так несчастно жизнь сложилась, что некогда было писать. Ну, его известная дореволюционная повесть, «На куличках», которая была запрещена. Об армии. Того мирного времени армии, в гарнизоне тыловом. А потом его блестящее «Мы». И потом его рассказы в первые советские годы. Собственно, в 20-е годы Замятин был практически действительно старшим в нашей русской прозе. Хотя там считалось, что

Горький, или ещё кто-то. На самом деле безусловно он. И он разговаривал в 20-е годы уже как архиерей, как литературный вождь, и правильно, с основанием, он делал годовые обзоры литературы, в 26-м, 27-м годах.

А потом тоже несчастно окончилось, его придавили, разрешили выехать, и почему-то он здесь на Западе, это загадка, совсем потерялся. Он ведь был приучен к западной жизни, он здесь жил. Он был прекрасный инженер, он кораблестроительным инженером работал тут в предреволюционные годы, в Англии. У него есть английские рассказы. Я не понимаю, почему он на Западе совершенно захирел.

Ну, может быть, не успел развернуться?

Может, болезни его скрутили, не знаю. Вообще, судьба эмигрантских писателей — очень горькая судьба. Вот посмотрите: старики писали о прошлом, а молодой Набоков решил избрать английскую литературу.

Решил просто уйти... Но с вами этого не случится...

Мне уже теперь ближе к старикам, чем к молодым.

С Цветаевой вы познакомились уже позже?

С Цветаевой сравнительно недавно. Её у нас достать почти невозможно было. Да и Замятина трудно, так с трудом каждую книжечку доставал. Ну, сейчас у меня маленькая библиотека Замятина есть своя. А полный Замятин и не напечатан вообще.

А Пушкина вы иногда перечитываете? Когда вам хочется отдохнуть от самого себя или от собственных трудов и вы берёте книжку — к чему тянет вас?

Пушкин — неиссякаемый источник для нас, — и, собственно говоря, хотя все признавали, что выросли на Пушкине, а подражание его прозе, его динамичной, удивительно сжатой, небогатой атрибутами, без всяких украшений прозе, у нас как-то мало развивалось. Вот поздний Толстой в таких рассказах, как «Хаджи-Мурат» или «Кавказский пленник», в поздних рассказах, пожалуй, ближе всего к этому. А Толстой в своих главных романах нарочно строил иначе, нет сходства.

Пушкин не имел продолжателей, он сразу достиг такого совершенства.

Такой простоты... Лермонтов в какой-то мере шёл из Пушкина. Но его эта фехтующая проза немного имела оттенок западный.

Он её смягчил.

И неизвестно, во что бы она вылилась потом. Но все так рано умерли, о чём можно говорить, что можно сказать, что было бы с прозой Лермонтова? с прозой Пушкина?

Так что вы свою прозу отчасти рассматриваете как возврат к пушкинской лаконичности?

Я слова «возврат» всегда избегаю... Потому что какой же возврат, мы всё время идём куда-то вперёд. Я мечтал бы о наибольшей лаконичности. Но как в современном мире, нагруженном понятиями, какими действиями, как этой лаконичности достичь, не обеднив содержания, — вот вопрос.

К 100-ЛЕТИЮ
ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ:
ПОЛИТИКА,
ЦЕРКОВЬ,
НАУКА,
ЛИТЕРАТУРА

ПОЛИТИКА

А.Ю. Суслов

ПРОТОКОЛЫ ВТОРОГО СЪЕЗДА ЗАГРАНИЧНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ
(Париж, 29 апреля — 6 мая 1928 г.)*

С первой половины 1920-х гг. основная деятельность партии социалистов-революционеров протекала в эмиграции. В советской России оставались разрозненные подпольные группы, подвергавшиеся постоянным преследованиям. Несмотря на то, что руководство ПСР крайне отрицательно относилось к наличию значительной эсеровской эмиграции, за границей после октября 1917 г. в конце концов оказалось довольно много видных деятелей ПСР, в том числе В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, Е.К. Брешко-Брешковская, М.В. Вишняк, В.М. Зензинов, Е.Е. Лазарев, О.С. Минор и др. [Янсен 1989; Чубыкин 1996; Кукушкина 2004; Тикеев 2004; Антоненко 2008; Сафонов 2009; White 2010; Местковский 2012].

Формирование эсеровской эмиграции после октября 1917 г. имело свои особенности. В отношении членов ПСР (в отличие от социал-демократов меньшевиков), как правило, не практиковались высылки за границу. ЦК ПСР, избранный на последнем, IV съезде партии (ноябрь–декабрь 1917 г.) [Краткий отчет 1918, с. 152], практически полностью был арестован и осужден на известном процессе 1922 г. Из двадцати членов ЦК только трое — В.М. Чернов, В.М. Зензинов и Н.С. Русанов — сумели эмигрировать, из пяти кандидатов в члены ЦК — только один (В.В. Сухомлин). Таким образом, возможность легальной эмиграции с территории советской России для эсеров практически отсутствовала. Преимущественно они покидали страну с территорий, контролируемых антибольшевистскими правительствами (В.М. Зензинов, Н.Д. Авксентьев, А.А. Аргунов, Е.Ф. Роговский и др.), часть уехала нелегально.

Начало эсеровской послеоктябрьской эмиграции положил отъезд Н.С. Русанова и В.В. Сухомлина в марте–апреле 1918 г. в Стокгольм, где они совместно с Д.О. Гавронским образовали Заграничную делегацию ПСР. В августе 1919 г. ЦК ПСР постановил передать мандат на представительство партии за границей «т.т. Рубановичу, Русанову, Сухомлину и Гавронскому» [Партия социалистов-революционеров 2000, с. 578]. В январе 1922 г. Центральное бюро ПСР утвердило Заграничную делегацию (далее — ЗД) в составе В.М. Зензинова, И.А. Рубановича, Н.С. Русанова, В.В. Сухомлина и В.М. Чернова [Там же, с. 799]. Местопребыванием ЗД ПСР был Париж, а с конца 1923 г. — Прага. Кандидатами в члены ЗД ПСР стали С.П. Постников, М.Л. Слоним и Г.И. Шрейдер.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-01-00264а.

Сформировалось несколько центров эсеровской эмиграции. Наиболее многочисленные группы ПСР функционировали в Праге и Париже, более мелкие — в Белграде, Лондоне, Нью-Йорке и Харбине. Был налажен выпуск целого ряда печатных изданий [Базанов 2005; Базанов 2008; Кудрявцев 2011; Народноничество 2016].

С 16 по 24 ноября 1923 г. социалисты-революционеры провели в Праге первый съезд заграничных организаций ПСР. На нем для руководства партийной работой в эмиграции был избран Областной комитет заграничных организаций ПСР в составе В.Я. Гуревича, В.И. Лебедева, Ф.Е. Махина, О.С. Минора, И.П. Нестерова и Е.Ф. Роговского. Задачей Областного комитета являлось создание партийных групп на местах, установление связи между ними, объединение и развитие партийной работы за границей. ЗД сохраняла за собой функции связи с советской Россией и взаимодействие с Социалистическим Интернационалом. В апреле 1925 г. Центральное бюро ПСР утвердило следующий состав ЗД: В.Я. Гуревич, С.П. Постников, М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин, В.М. Чернов и Г.И. Шрейдер [Янсен 1989, с. 648]. Однако уже в 1926 г. ЗД ПСР раскололась, В.М. Чернов и его группа (Гуревич и Шрейдер) стали контролировать центральный орган партии, «Революционную Россию», Сухомлин был исключен из редакции и создал в 1927 г. в Париже журнал «Социалист-революционер».

Причины раскола ЗД ПСР до конца не ясны. М. Янсен писал о том, что это столкновение носило «скорее личный, чем деловой характер» [Там же, с. 738]. По мнению А.И. Авруса и А.П. Новикова, в ЗД

сепаратистские тенденции особенно усилились после того, как в мае 1925 г. ОГПУ разгромило последний состав ЦБ ПСР. В России перестал существовать руководящий эсеровский центр, на поддержку которого опирался Чернов. Это развязало руки тем силам среди зарубежных эсеров, которые хотели освободиться от черновского руководства [Аврус, Новиков 2013, с. 217].

Наиболее категорична оценка Д.А. Местковского, прямо обвиняющего В.М. Чернова в распаде ЗД ввиду его претензий на обладание «чрезвычайными полномочиями» [Местковский 2011, с. 119]. По мнению британского историка Элизабет Уайт (White), раскол в ЗД был не просто результатом атмосферы эмигрантской политики, а имел реальные идеологические причины. В то же время нельзя сбрасывать со счетов личные взаимоотношения, поведение В.М. Чернова и отсутствие у него лидерских качеств [White 2010, р. 99]. В любом случае конфликт резко ослабил эсеровскую эмиграцию, и без того не отличавшуюся внутренним единством. Известный эсер С.П. Постников в письме в харбинскую организацию ПСР в 1929 г. с горечью отмечал, что «в эмиграции у нашей партии есть “Генштаб”, лучший по сравнению с другими. Несмотря на наше мизерное число <...> у нас есть несколько литературных изданий <...>. Умный бы лидер умело использовал эти кадры для прямой партийной работы <...>. Чернов <...> сумел парализовать нашу работу. Если некие тайные большевистские силы хо-

тели уничтожить нас, они бы не сделали этого лучше, чем сделали черновцы» [Ibid.]¹.

Летом 1927 г. В.М. Чернов принимает активное участие в создании «Лиги Нового Востока» [Зубко, Ляхоускі 2003; Зубко 2004], пытавшейся объединить российских, украинских, белорусских и армянских социалистически ориентированных политиков (в 1928–1929 гг. в Праге вышло два номера «Вестника Социалистической Лиги Нового Востока»), а в марте 1928 г. группа Чернова порвала с заграничной организацией ПСР и образовала Заграничный Союз ПСР.

В такой ситуации созыв съезда заграничных эсеров являлся попыткой восстановить единство партии. Две крупнейшие эмигрантские группы — пражская и парижская — неоднократно обсуждали этот вопрос. Подготовка съезда шла весьма сложно.

В мае 1927 г. в Париже прошло совещание, на котором присутствовали представители парижских эсеров и группа «Воли России». Целью совещания являлась подготовка к проведению второго заграничного съезда партии. Докладчиками выступили: от правых — Н.Д. Авксентьев, от левых — М.Л. Слоним. Группа Авксентьева предлагала немедленно созвать съезд З.О. для организации партийной работы в России и за рубежом. По плану Авксентьева съезд должен был избрать Организационное бюро, полномочия которого действовали бы до тех пор, пока центральные органы в России не проявят своей воли. Слоним считал, что лучше было бы продлить полномочия Областного комитета, но расширить его функции за счет функций, ранее принадлежавших ЗД. По мнению Заграничного союза, речь шла о передаче в руки «заграницы» организационного руководства партией социалистов-революционеров. Причем по проекту Слонима это совершалось постепенно, как бы само собой, переходом к Заграничному Областному комитету тех или иных делегационных функций. А проект Авксентьева открыто предлагал создать новый «самочинный центр» для всей ПСР на эмиграционном съезде, но с оговоркой о его временности [Социалист-революционер 1929, с. 3].

Четкого решения принято не было, переговоры и обсуждения продолжались. Так, В.М. Зензинов отмечал в письме В.В. Рудневу от 22 сентября 1927 г.:

<...> третьего дня состоялось многочисленное собрание парижской группы, на котором специально обсуждался вопрос о съезде <...>. В субботу должны приехать сюда Брушвит и Николаев <...> — решено с ними также обсудить этот вопрос. Во всяком случае, срок созыва съезда — дело неопределенное, а может быть, и самый съезд. Во всяком случае, ни одна из «группировок» на собрании не обнаружила особого энтузиазма в смысле скорейшего созыва съезда [Современные записки 2011–2014, т. 3, с. 795].

23 сентября 1927 г. в Праге собралась вторая согласительная комиссия в составе Чернова, Гуревича, Брушвита, Калюжного, Постникова, Слонима и Миныхоряна. На этот раз совещание проходило при участии представителей всех эсеровских групп. Комиссия собралась для выработки тех условий, при которых

---

¹ Перевод с английского мой. — А.С.

черновская группа согласилась бы принимать участие в съезде. Согласительная комиссия работала до 16 декабря. Ввиду ее работ был отложен созыв второго заграничного съезда, первоначально предполагавшийся на декабрь или февраль.

В ходе переговоров Чернов сформулировал следующие требования:

1. Основное содержание 2-го съезда З.О. п.с.р. должно заключаться в обсуждении программно-тактических вопросов, а также организационных вопросов Заграничной Организации в рамках настоящего соглашения.
2. Пражское соглашение 1923 года, сформулированное в 9-м пункте резолюции, пересмотру на 2-м съезде не подлежит.
3. Организационный вопрос на съезде ставится: а) как вопрос о выборе дееспособного О.К. без майоризирования большинством меньшинства, на началах сговора, а при невозможности, на началах пропорционального представительства и б) как вопрос о выработке наказа группам и О.К. без пересмотра их функций.
4. Так как в компетенцию съезда не входит разрешение внутренних споров в З.Д., то относящиеся сюда вопросы из программы съезда исключаются.
5. По отношению к обеим частям распавшейся делегации Заграничная Организация и орган ее сохраняет полный нейтралитет, считая, что спор между ними наискорейшим образом должен быть решен легальными путями, т.е. соглашением или обращением к высшей инстанции, и что для внешнего мира их раскол не должен существовать.
6. Заграничная Организация, съезд и О.К. пользуются содействием обеих частей З.Д. и со своей стороны работают в контакте с ними; впредь до наискорейшего устранения современного ненормального положения, она поддерживает на равных основаниях деловые отношения с обеими на почве их позитивной партийной работы [Тикеев 2004, с. 147–148].

По всем этим пунктам было достигнуто единогласное соглашение. Уже не довольствуясь этой победой, Чернов выдвинул дополнительное требование. Чернов потребовал, чтобы съезд, а в его лице и Заграничная организация признали право «Революционной России» оставаться и дальше центральным органом партии. Более того, Заграничная организация в этом случае не должна была создавать органа с похожими задачами, чтобы это не умалило положения «Революционной России». «Такого же нейтралитета, — гласила его формулировка, дополнявшая пункт седьмой соглашения, — Заграничная Организация и ее органы придерживаются в споре между обеими частями З.Д. по вопросам персонального состава «Революционной России»» [Там же, с. 148]. Дело в том, что после деления ЗД ПСР на меньшинство и большинство Слоним и Постников сложили с себя редакторские полномочия письмом от 7 февраля 1927 г., в результате конфликта с третьим членом коллегии, В.М. Черновым.

Чернов отказался участвовать в съезде без соглашения по этому пункту. Слоним и Постников предлагали обсудить компромиссные формулировки данного соглашения, фактически удовлетворявшие всем запросам Чернова. Однако Чернов хотел, чтобы Заграничная организация выразила ему косвенное доверие в этом вопросе, не вынося его на обсуждение. Работа согласительной комиссии была прервана и не привела к желательному результату. Чернов и его последо-

ватели вышли из пражской группы и разорвали организационные связи с заграничной эсеровской организацией [Там же, с. 147–149]. Остальные члены партии решили провести съезд даже при отсутствии на нем группы Чернова.

В итоге II съезд заграничных организаций ПСР состоялся в Париже 29 апреля — 6 мая 1928 г. На нем присутствовали 22 делегата, представлявшие 119 членов местных групп (без В.М. Чернова и членов Заграничного Союза П.С.Р.).

Однако достичь реального соглашения заграничным эсерам в Париже не удалось. Фактически съезд увяз в решении организационных вопросов — доклады Е.А. Сталинского, В.В. Руднева, В.В. Сухомлина, посвященные важнейшим проблемам: социально-экономической политике ПСР, земельному вопросу, а также основным пунктам партийной платформы и тактики, — так и не были заслушаны. Делегаты, представлявшие различные партийные группировки, несмотря на декларируемые заявления о единстве, погрязли во взаимных претензиях. Как пражских, так и парижских эсеров объединяло лишь неприятие деятельности В.М. Чернова.

Резолюции съезда были опубликованы в газете «Дни» (см. [Дни 1928]). Делегаты продлили полномочия Областного комитета, осудили деятельность В.М. Чернова, а также отказали журналу «Революционная Россия» в праве именоваться центральным органом партии. Несмотря на столь скромные результаты, И.И. Фондаминский (в съезде участие не принимавший) в письме М.В. Вишняку от 16 мая 1928 г. оптимистично заключал: «Философия съезда: несмотря на все наши “ереси”, мы значительно усилились — наша фракция была в значительном большинстве и у нас новые сторонники (Жаба, Скобцова, Кроль)» [Современные записки 2011–2104, т. 1, с. 433]. Однако даже парижские эсеры, усиление которых констатировал Фондаминский, отнюдь не были монолитно едины, о чем свидетельствует деятельность группы А.Ф. Керенского, да и конфликты в редакции журнала «Современные записки», объединявшей правое крыло эсеровской эмиграции (В.В. Руднев, М.В. Вишняк, Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский). На одном из заседаний II съезда В.В. Сухомлин резко критиковал редакцию журнала:

Я не могу откровенно не сказать товарищам из «Современных Записок», что то, что они ставят себе в заслугу — объединение и спасение русской культуры — то, что им ставится в заслугу эмигрантской печатью, нам кажется делом, стоящим на тысячу верст от Партии с.-р. Там объединены такие элементы, которые, конечно, имеют право на существование, но которые не имеют ничего общего с идеологией и политикой П.С.-Р.

И далее:

«Современных Записок» вышло 34 книги, и там пишут авторы различных политических построений, но я не могу не сделать упрека членами Партии С.-Р., состоящим в Редакции этого органа. В этом органе выявляется солидарность чуждых людей. Это явление формальное, но за ним не может не скры-

ваться определенное идеологическое настроение. Есть какая-то глухота в сторону партийной жизни, в сторону социалистического общественного мнения и обостренный слух к консервативной части печати.

Сомнения В.В. Сухомлина были вполне обоснованы, многие современные исследователи не склонны считать «Современные записки» эсеровским партийным журналом (несмотря на состав редколлегии), считая, что он скорее отражал в целом народническую традицию.

Как отмечает И.В. Чубыкин,

<...> итоги работы съезда продемонстрировали фактическое отсутствие за границей единой партийной организации. Составленный из представителей различных партийных течений, Областной комитет обнаружил полную недееспособность, не сумев наладить взаимодействие местных групп, большинство из которых, пройдя регистрацию в Заграничной делегации и Областном комитете, в дальнейшем ничем не проявили себя [Чубыкин 1996, с. 17].

С.И. Гессен в письме из Праги М.В. Вишняку в Париж 13 июня 1928 г. делился впечатлениями о съезде:

То, что я слышал здесь, меня приводит в изумление: зачем Вы держитесь еще за связь свою с группой «Воли России», продолжающей пребывать в тени Чернова? Зачем сохранять традицию, себя изжившую? Не правильнее ли образовать новую партию — *народно-социалистическую*, в духе развиваемой в «С<овременных> з<аписках>» идеологии? Я не зову Вас в старую н<ародно>-с<оциалистическую> партию, но я призываю объединиться по признаку единства убеждения и чувства всех тех, кто думает и чувствует одинаково — независимо от своего разного прошлого. Надо понять, что прошлое наших соц<иалистических> партий есть уже история. Надо строить заново и не бояться с этим прошлым порвать, когда оно является балластом! [Современные записки 2011–2014, т. 3, с. 133].

Реакция В.М. Чернова на решения съезда была вполне предсказуема. В письме Н.С. Русанову из Праги 30 сентября 1928 г. он язвительно, но в целом вполне справедливо отмечал:

Вы уж, конечно, прочли в «Днях», какими громами, да не из тучи, разразились против нас «взволнованные лоботрясы» уездного городка Парижска с примыкающими к нему пригородами. Я считаю, что лучших резолюций нам, с нашей точки зрения и ввиду наших интересов, нечего и желать. Четыре года люди сидели по своим углам, сколько за это время воды утекло, сколько перемен и в России и во всем мире, а они съехались — и если бы не наш «Союз», да не «Соц<иалистическая> лига», им бы и говорить было не о чем. В четырех резолюциях с разных сторон ругали нас всех, ну, и меня, разумеется, в особицу, а больше из себя им и выжить было нечего [Письма В.М. Чернова 2014, с. 106].

Вплоть до 1933 г. в печати и личной переписке продолжалась ожесточенная полемика В.М. Чернова с оппонентами из различных эсеровских группировок.

Парижский съезд стал последним форумом в истории партии социалистов-революционеров, где были представлены, пусть и не в полном объеме, различные течения в партии социалистов-революционеров. Дальнейшие попытки собрать зарубежных эсеров и наладить общепартийную работу оказались безуспешны. На конференции пражской группы ПСР 1931 г. И.А. Якушев отмечал, что «...связь с Россией оборвалась, ЗД практически не существует, во всяком случае общепартийной работы не ведет, отсутствует и центральный орган» [Конференция Пражской группы 2015, с. 4]. Угасает и издательская деятельность партии. Журнал «Революционная Россия» перестал выходить в Праге в 1931 г. (на № 77/78), «Воля России» и «Социалист-революционер» прекратили свое существование в 1932 г. Только в Париже в 1933–1936 гг. группе эсеров под редакцией В.В. Руднева удалось выпустить шесть номеров журнала «Свобода».

Заключительным этапом существования эсеров была их деятельность при ежемесячном нью-йоркском журнале «За свободу» (1941–1947; № 1–18). Он выходил под редакцией В.М. Зензинова как «издание Нью-Йоркской группы Партии социалистов-революционеров». В группу входили эсеры, перебравшиеся из Европы: Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк, М.Л. Слоним, В.В. Сухомлин, В.М. Чернов и др. Секретарем стал проживавший в США с 1920-х гг. А.И. Чернов. В первом номере, вышедшем в мае 1941 г., в передовице «Наши задачи» журнал характеризовался как партийный: «Мы — всего лишь маленький отряд, когда-то большой армии, б. м., единственная сейчас горсточка партийных эсеров, партийная организация социалистов-революционеров» [Базанов 2008, с. 285]. Последний № 18 вышел в июле 1947 г. тиражом 2000 экз. Издание журнала прекратилось из-за недостатка средств.

Символическим итогом деятельности российских социалистов в эмиграции стало известное совместное обращение 1952 г. «На пути к единой социалистической партии» 14 русских социалистов — эсеров и меньшевиков (Р. Абрамович, В. Александрова, П. Берлин, М. Вишняк, С. Волин, Ю. Денике, М. Джемс, В. Зензинов, Б. Николаевский, М. Хиной, В. Чернов, С. Шварц, Д. Шуб, Е. Юрьевский), в котором говорилось:

Теперь уже не может быть сомнения в том, что «социализм» без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры о взаимоотношении между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое определение социализма.

* * *

Материалы съезда публикуются по машинописным копиям, хранящимся в ГА РФ, ф. 6108, оп. 1.

В тексте сохранена орфография и текстовые выделения подлинника. Явные ошибки и опечатки, пунктуация исправлены без оговорок. Неразобранные и опу-

ценные слова обозначены значком <...>. Сокращения слов раскрыты в угловых скобках. О ряде лиц, упоминаемых в тексте, сведений обнаружить не удалось.

Список сокращений

ЗД — Заграничная делегация
 ЗО — Заграничная организация
 ОК — Областной комитет
 ПСР — Партия социалистов-революционеров
 УС — Учредительное собрание
 ЦК ПСР — Центральный комитет партии социалистов-революционеров

Литература

- Аврус, Новиков 2013 — *Аврус А.И., Новиков А.П.* От Хвалынского до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В.М. Чернова. Саратов, 2013. 300 с.
- Агеева 2003 — *Агеева Л.* «Петербург меня победил...»: Документальное повествование о жизни Е.Ю. Кузьминой-Караваевой — матери Марии. СПб., 2003. 400 с.
- Александров 1997 — *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция: Истоки. Чебоксары, 1997. 197 с.
- Александров 2001 — *Александров Г.А.* Василий Гаврилович Архангельский: штрихи биографии // Эхо веков (Казань). 2001. № 3/4. С. 130–132.
- Александров 2002 — *Александров Г.А.* К биографии эсера Архангельского // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 173–175.
- Александрова 2002 — *Александрова О.А.* Кузьмина-Караваева (Мать Мария): Библиогр. указ. произведений и критической литературы. СПб., 2002. 158 с.
- Антоненко 2008 — *Антоненко Н.В.* Организационная и идеологическая трансформация партии социалистов-революционеров в эмиграции // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Вып. 11 (67). С. 562–568.
- Базанов 2003 — *Базанов П.Н.* «Современные записки» — партийный эсеровский журнал 20-х гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939: Сб. ст. Кн. 2. СПб., 2003. С. 40–45.
- Базанов 2005 — *Базанов П.Н.* Издательская деятельность Заграничной делегации партии социалистов-революционеров: на материалах Бахметевского архива (США) и ГА РФ (Россия) // Политические партии России: прошлое и настоящее: Мат-лы конф. СПб., 2005. С. 263–273.
- Базанов 2008 — *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008. 468 с.
- Базанов 2015 — *Базанов П.Н.* Журнал «Революционная Россия» — орган Заграничной Делегации партии социалистов-революционеров // Историк, документ, цензура. Историко-ведческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики: Сб. ст. к 60-летию со дня рождения доктора исторических наук Валерия Федоровича Блохина. СПб.; Брянск, 2015. С. 130–135.
- Бочарова 2009 — *Бочарова З.С.* Минор Осип Соломонович // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 432–435.
- Бочарова 2011 — *Бочарова З.С.* Эсеры в эмиграции: О.С. Минор // Люди и судьбы Русского зарубежья. М., 2011. С. 191–209.
- В.М. Чернов: человек и политик 2004 — В.М. Чернов: человек и политик: Материалы к биографии / сост. А.П. Новиков. Саратов, 2004. 318 с.

- Вокруг редакционного архива 2010 — Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. ст. и мат-лов / под ред. О. Коростелева и М. Шруббы. М., 2010. 552 с.
- Гардзонио 2004 — *Гардзонио С.* Материалы к биографии Григория Ильича Шрейдера // *From the Other Shore*. 2004. № 4. С. 35–48.
- Дни 1928 — Дни. 1928. 9 мая.
- Ёхина 2015 — *Ёхина Н.А.* «Я верю в человека и в человеческий прогресс»: К 160-летию со дня рождения Е.Е. Лазарева (1855–1937) // *Культура. Духовность. Общество: Сб. мат-лов XVIII Междунар. научно-практической конф.* Новосибирск, 3 июня 2015 г. Новосибирск, 2015. С. 58–64.
- Жаба 1923 — *Жаба С.П.* Петроградское студенчество в борьбе за свободную школу. Париж, 1923. 61 с.
- Жаба 1954 — *Жаба С.П.* Русские мыслители о России и человечестве. Париж, 1954. 286 с.
- Зубко 2004 — *Зубко О.* Соціалістична Ліга Нового Сходу // *Донецький вісник Наукового товариства ім. Шевченка*. Т. 5. Донецьк, 2004. С. 115–119.
- Зубко, Ляхоускі 2003 — *Зубко В., Ляхоускі У.* Сацыялістычная Ліга Нового Усходу // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоу (гал. рэд.) і інш.* Т. 6. Кн. 2. Мінск, 2003. С. 433–434.
- Коновалова 2009 — *Коновалова О.В.* В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009. 383 с.
- Конференция Пражской группы 2015 — Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / публ. подгот. А. П. Новиков и А. Ю. Суслов // *Вопросы истории*. 2015. № 4. С. 3–17.
- Краткий отчет 1918 — Краткий отчет о работах Четвертого Съезда Партии социалистов-революционеров (26 ноября — 5 декабря 1917 года). Пг., 1918. 160 с.
- Кудрявцев 2011 — *Кудрявцев В.Б.* Периодические и неперіодические коллективные издания русского зарубежья: 1918–1941: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. Ч. 1. М., 2011. 936 с.
- Кукушкина 2004 — *Кукушкина И.А.* Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918–1922) // *Русский исход: Сб. ст.* СПб., 2004. С. 79–105.
- Лисенкова 1996 — *Лисенкова Л.Н.* Постников С.П. об издательской деятельности партии эсеров // *Российская эмиграция в Чехословакии (1918–1945)*. СПб., 1996. С. 19–24.
- Местковский 2011 — *Местковский Д.А.* Идеи демократии и партийный централизм: к вопросу об организационных принципах в эсеровской эмиграции // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2011. № 4 (10): в 3 ч. Ч. II. С. 117–122.
- Местковский 2012 — *Местковский Д.А.* Партия социалистов-революционеров в эмиграции в 1920-х годах. Пути возрождения организации: централизм или демократизм // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2012. № 1 (21). С. 44–55.
- Народничество 2016 — *Народничество и народнические партии в истории России в XX в.: Биобиблиограф. справочник / сост. М.И. Леонов, К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов*. М., 2016. 544 с.
- Памяти В.И. Лебедева 1958 — *Памяти В.И. Лебедева: Сб.* Нью-Йорк, 1958. 140 с.
- Партия социалистов-революционеров 2000 — *Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы: в 3 т. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917–1925 гг.* М., 2000. 1055 с.
- Письма В.М. Чернова 2014 — «Мы, русские, — другие, мы созданы для испытаний»: Письма В.М. Чернова. 1920–1941 / публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Г.В. Лобачевой, А.П. Новикова [науч. ред. проф. И.Р. Плева]. Саратов, 2014. 412 с.

- Протасов 2008 — *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. 463 с.
- Сафонов 2009 — *Сафонов И.А.* Социалисты-революционеры в эмиграции // *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия.* М., 2009. С. 90–117.
- Современные записки 2011–2014 — «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2011–2014.
- Соколов 2012 — *Соколов А.С.* Издатель газеты и журнала «Воля России» (г. Прага) Егор Егорович Лазарев // *Эмигрантика = Emigrantica.* Периодические издания русского зарубежья: вопросы источниковедческой критики: Труды междунар. конф. к 85-летию Р.Ш. Ганелина. СПб., 2012. С. 336–344.
- Социалист-революционер 1929 — Социалист-революционер. 1929. № 2.
- Сухомлин, Полторацкая 2007 — *Сухомлин В.В., Полторацкая А.Н.* Дневниковые записи: (Гитлеровцы в Париже; В южной зоне; Встречи с И.А. Буниным) // *Дім князя Гагаріна: Збірник наукових статей і публікацій / Одеський літературний музей.* Вип. 4. Одесса, 2007. С. 220–233.
- Тикеев 2004 — *Тикеев М.Д.* Эсеровская эмиграция 20–30-х гг. XX в.: идейные основы и общественно-политическая деятельность: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 196 с.
- Фролова 2005 — *Фролова Е.И.* Судьба эсера В.Г. Архангельского // *Вопросы истории.* 2005. № 8. С. 145–147.
- Фролова 2007 — *Фролова Е.И.* «Если любишь Россию...»: Егор Егорович Лазарев (1855–1937) // *Звезда.* 2007. № 7. С. 138–156.
- Цветаева, Руднев 2005 — *Цветаева М., Руднев В.* «Надеюсь — сговоримся легко»: Письма 1933–1937 годов / изд. подгот. Л. А. Мнухин; предисл. В.К. Лосской. М., 2005. 208 с.
- Чубыкин 1996 — *Чубыкин И.В.* Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 25 с.
- Чернов 1993 — *Чернов В.М.* Перед бурей. М., 1993. 406 с.
- Чернов 2010 — *Чернов В.М.* Избранное. М., 2010. 718 с.
- Чубыкин 2009а — *Чубыкин И.В.* Керенский Александр Федорович // *Общественная мысль Русского Зарубежья: Энциклопедия.* М., 2009. С. 347–342.
- Чубыкин 2009б — *Чубыкин И.В.* Руднев Вадим Викторович // *Общественная мысль Русского Зарубежья: Энциклопедия.* М., 2009. С. 494–496.
- Янсен 1989 — *Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen.* Amsterdam, 1989. 772 с.
- Varaut 2000 — *Varaut L. Mère Marie: 1891–1945.* Saint-Petersbourg — Paris — Ravensbrück. P., 2000. 169 p.
- White 2010 — *White E.* The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939. Milton Park, Abingdon, Oxon; N. Y., 2010. 208 p.

ПРОТОКОЛ

заседаний 2-го Съезда Заграничных Организаций П.С.-Р.,
состоявшегося в Париже 29-го апреля — 6-го мая 1928 года

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В заседании присутствовали следующие делегаты, кандидаты к ним, докладчики и члены Областного Комитета и заграничных делегаций: Н.В. Макеев¹, Н.Д. Авксентьев², М.М. Тер-Погосян³, В.М. Зензинов⁴, А.Ф. Керенский⁵, В.В. Руднев⁶, М.В. Вишняк⁷, М.А. Кроль⁸, С.П. Жаба⁹, А. Хондкарян¹⁰, Е.Е. Лазарев¹¹, Л. Раузен¹², Е.А. Сталинский¹³, Л.В. Россель¹⁴, С.А. Сизов¹⁵, М.Л. Слоним¹⁶, С.П. Постников¹⁷, М.В. Кобяков¹⁸, О.С. Минор¹⁹, С.Н. Николаев²⁰, Е.Ф. Роговский²¹, В.В. Сухомлин²².

От имени Областного Комитета Заграничных Организаций П.С.-Р. О.С. Минор объявляет съезд 3.О. П.С.-Р. открытым и предлагает избрать президиум съезда.

Единогласно избирается Президиум в составе т.т.: О.С. Минора, И.М. Брушвита, В.В. Руднева и С.П. Постникова и секретариат в состав т.т.: С.Н. Николаева и М.В. Кобякова.

Председательствующий О.С. Минор предлагает избрать мандатную комиссию, в каковую съезд единогласно избирает т.т.: М.М. Тер-Погосяна, А. Хондкаряна и М.В. Кобякова.

Председатель предлагает утвердить следующую, предложенную Областным Комитетом, программу занятий Съезда:

1. Отчет Областного Комитета — докладчик С.Н. Николаев;
2. Сообщение Заграничной Делегации — С.П. Постников;
3. Партийная работа заграничных организаций — докладчики О.С. Минор и Н.Д. Авксентьев;
4. Социально-экономическая политика П.С.-Р. — докладчик Е.А. Сталинский;
5. Земельный вопрос — докладчик В.В. Руднев;
6. Основные пункты партийной платформы и тактики — докладчик А.Ф. Керенский и В.В. Сухомлин;
7. Выборы областного комитета.

Предложенная программа занятий Съезда утверждается единогласно. С.Н. Николаев предлагает принять Наказ, проект которого разработан Областным Комитетом.

В.В. Руднев предлагает Наказ не обсуждать: проект, составленный Областным Комитетом, передать на заключение Президиума, а до рассмотрения и утверждения его считать заседания Съезда закрытыми.

Предложение В.В. Руднева принимается без прений, и Председатель предлагает присутствующим т.т. неделегатам покинуть зал Заседания.

Слово предоставляется докладчику Областного Комитета С.Н. Николаеву.

ДОКЛАД С.Н. НИКОЛАЕВА

Докладчик начинает свой доклад с указания, что к нему, как докладчику, Областным Комитетом был назначен в качестве содокладчика В.И. Лебедев²³, который пока не мог прибыть на Съезд. Потому, очевидно, придется ограничиться лишь заслушанием его доклада.

Областной Комитет был избран Пражским Съездом в ноябре 1923 года²⁴ на паритетных началах в составе 6 Членов Комитета и 4 докладчиков. Все кандидаты принимали участие в работах Областного Комитета. Незадолго перед Съездом из состава Комитета выбыл, подавший о том письменное заявление, член Комитета В.Я. Гуревич²⁵. Никаких иных изменений в состав Областного Комитета не было.

Условия работы и существования О.К. не были благоприятны. Они заключались, с одной стороны, в отсутствии общих партийно-политических начал работы О.К. и всей заграничной организации. Составленный из представителей двух разных идеологических группировок, О.К. по своей природе не мог быть действенным органом. Если иногда в О.К. и ставились принципиальные вопросы партийной работы, то, сознавая, что положительных результатов все равно не достигнуть, такие вопросы снимались, чтобы не создавать ненужных трений. Не имея никаких прямых указаний, ни теоретических оснований, не имея возможности разрешать тактические вопросы, О.К. по основным вопросам почти ничего не делал и ничего не мог сделать, ограничив свою деятельность работой почти исключительно организационно-административного характера.

О.К. за границей на основе утвержденных организационных правил должен был вести работу параллельно с З.Д., но З.Д. всю руководящую роль взяла на себя, фактически устранив О.К. от работы. Возможно, что заграничная делегация рассматривала О.К. как орган нежизнеспособный. Но со стороны З.Д. не замечалось и желания совместной работы. Так, в октябре 1924 года З.Д. и О.К. на совместном заседании приняли некоторые общие постановления, а одновременно с этим З.Д. создавала совещание заграничных так называемых активных работников помимо и без ведома О.К. Быть может, З.Д. руководствовалась при этом соображениями, казавшимися ей положительными, но со стороны В.М. Чернова²⁶ отношение к О.К. было определенно отрицательное. К иллюстрации этого можно указать на следующий случай. В начале 1924 года О.К. обсуждал вопрос о позиции заграничной организации по вопросу о признании советской власти. В виду отсутствия единодушия по этому вопросу как в составе самого О.К., так и во всей заграничной организации, была предоставлена всем товарищам свобода выступления по этому вопросу на предстоящем митинге в Праге. В.М. Чернов и некоторые другие товарищи из З.Д. фактически отменили это решение О.К., сделав заявление, аннулировавшее постановление Областного Комитета и ангажировавшее в этом вопросе всю партию. В общем, складывалось определенное впечатление, что З.Д. стремится свести деятельность О.К. к минимуму.

Своеобразными были отношения к Областному Комитету со стороны местных организаций. О.К., например, разработал положение о работе среди моло-

дежи и разослал его по местным организациям. Областной Комитет имел также намерение приступить к изданию органа О.К., о чем также были разосланы соответствующие обращения к местным организациям. И не от одной организации по этим обращениям никакого ответа получено не было. Точно так же такую же судьбу имела попытка Областного Комитета собрать комплекты изданий с.р. за границей. Были и другие вопросы, по которым Областной Комитет обращался к местным организациям, но никаких ответов никогда не получал. Из этого общего правила явился исключением лишь вопрос о созыве настоящего Съезда, хотя и здесь были моменты, далеко не отвечающие нормальным отношениям.

Все это создало такое положение, что перед Областным Комитетом встал вопрос о полном прекращении деятельности О.К. Этот вопрос был решен О.К. в том смысле, что он постановил довести свое, не совсем славное существование до созыва настоящего Съезда. Фактически в течение целых 20 месяцев деятельность О.К. совершенно отсутствовала и вновь несколько оживилась с сентября 1926 года, когда выяснилась решительная необходимость созвать настоящий Съезд.

Созыв этого Съезда является осуществлением постановления I-го Съезда З.О., заключавшегося в поручении Областному Комитету в течение одного года созвать очередной Съезд. Принимая во внимание, что берлинское совещание 1922 года²⁷ и Пражский Съезд 1923 года занимались преимущественно вопросами организационного характера, было предположено первоначально 2-й Съезд посвятить вопросам идеологического и программно-тактического характера. В первый год жизни О.К. была организована Комиссия по созыву Съезда, однако по целому ряду причин тогда Съезд созвать не удалось, Съезд был отложен на 1925-й год, но и в этом году он не состоялся. Только в 1926 году, после раскола в З.Д. и фактического прекращения деятельности последней, перед О.К. встал вопрос о необходимости во что бы то ни стало созвать Съезд.

Работы по созыву Съезда проходили очень негладко. Здесь играли существенную роль различия устремления разных организаций. Первое заседание О.К. по этому вопросу состоялось 12 сентября 1926 года. Был выработан проект программы Съезда. Программа была разослана по организациям, и только одна Нью-Йоркская организация сообщила О.К. удовлетворительные ответы по вопросам О.К. Обстоятельства сложились так, что О.К. вынужден был шесть раз изменять сроки Съезда.

Первая задача, которая была поручена Областному Комитету — общее руководство деятельностью местных групп, — в конце концов свелась лишь к канцелярской переписке с местными организациями, которая, как правило, оставалась без ответа.

Вторая задача О.К. была организационная. До создания О.К. местные партийные организации регистрировались в З.Д. По созданию Областного Комитета было зарегистрировано три новых организации. Со стороны четырех членов П.С.-Р. было подано заявление о регистрации непосредственно в О.К. В настоящее время всего зарегистрировано местных организаций 12. Состав их следующий:

	Состояло первоначально	Состоит
1. Пражская	54	22
2. Парижская	25	40
3. Берлинская	6	3
4. Виленская	8	7
5. Двинская	10	10
6. Варшавская	6	3
7. Белградская	5	4
8. Льежская	2	3
9. Лондонская	5	4
10. Ревельская	3	4
11. Нью-Йоркская	22	10
12. Ковенская	неизв.	неизв.
	147	120

Таким образом, общее число членов заграничной организации сократилось на 27 человек. Объясняется это не выходом из группы и партии, а переездом в разные места и распылением местных организаций. В зарегистрированной Ковенской организации не имеется никаких сведений о численном ее составе.

Из расчета наличных членов З.О. на съезде должно было бы присутствовать 24 делегата; по сведениям же О.К. на съезде избрано всего 19 делегатов.

Партийно-политическая работа как Областного Комитета, так и местных организаций велась в минимальном объеме. Время от времени О.К. делали некоторые предложения местным группам, но ни работы, ни даже ответа с мест на свои предложения О.К. не получал. По соглашению с местными организациями предполагалось издание вестника Областного Комитета, но осуществить это предположение не удалось. Последний раз попытка издания вестника была предпринята в 1925 году; была создана комиссия в составе С.П. Постникова, Б.Н. Рабиновича²⁸ и В.Г. Архангельского²⁹. Комиссия получила соответствующее полномочие от О.К., ей было предоставлено право непосредственного сношения с местными организациями. Комиссия билась месяца два, но, не получая ответов, сделать ничего не смогла.

Деятельность Областного Комитета выражалась иногда в сношениях с иностранными социалистическими партиями. Но эта форма сношений в большинстве случаев сводилась лишь к тому, что в тех или иных случаях, выделяющихся в партийной жизни, Областной Комитет обращался к ним с разного рода приветствиями или выражениями соболезнования.

К сфере партийно-политической деятельности О.К. также следует отнести проявленное О.К. внимание к внутрипартийному печальному факту — расколу в

З.Д. О.К. в 5 заседаниях выслушивал информацию двух частей З.Д. Но все участие О.К. в этом печальном событии сводилось лишь к выслушиванию информации.

Практической работы в организациях почти не велось. Сознательность поддержания живой связи с местными организациями. Но осуществление ее было чрезвычайно ограничено и сводилось лишь к тому, что О.К., пользуясь случаями отъезда своих членов в другие страны, давал им те или иные поручения. У О.К. имеются данные, свидетельствующие о некотором значении даже такого рода связи.

Далее докладчик переходит к денежной отчетности О.К. и излагает подробно все поступления в кассу О.К. и произведенные расходы. Общая сумма всех поступлений в кассу О.К. за все время существования О.К. выражается в круглой сумме 21.000 кр<он> ч<ешских>, причем огромная часть этой суммы поступила от Нью-Йоркской организации. Областной комитет считает своим долгом отметить особо внимательное отношение Нью-Йоркской группы ко всем обращениям к ней со стороны О.К. и имел случай неоднократно выражать ей свою благодарность. О.К. отмечает, что без денежной помощи Нью-Йоркской группы не представилось бы возможным созвать даже настоящий съезд. Произведенные расходы составляют преимущественно административного характера. На чисто партийно-политическую работу из средств Областного Комитета израсходовано очень мало. Значительную сумму составят расходы по созыву настоящего съезда. По предварительному расчету расходы эти будут равняться приблизительно 9.000 кр<он> ч<ешских>.

Заканчивая свой доклад, С.Н. Николаев обращается к съезду с призывом сделать надлежащие выводы из представленных им фактов. Для того, чтобы была какая-нибудь работа, необходима надлежащая организованность и надлежащий Областной Комитет — авторитетный и работоспособный. Это зависит и от выясненности общих позиций заграничной организации, и от лиц, которые войдут в состав О.К., и от характера взаимоотношений между Областным Комитетом и местными организациями. Необходим минимум общепризнанных основных положений партийного мировоззрения и партийно-политической деятельности. Без него невозможна планомерная целесообразная деятельность. Надо, чтобы О.К. состоял из лиц, пользующихся авторитетом и общим уважением, надо, чтобы он опирался на местные организации, и, наконец, совершенно необходимо, чтобы были и точно очерчены границы дел, подлежащих ведению Областного Комитета и определены задачи всей заграничной организации. Одной из основных задач, стоящих перед О.К., является установление связи с Россией, отрыв от России мертвит заграничную организацию, деятельность за границы находится в прямой зависимости от установления живых и максимально постоянных связей с Россией. Такая же живая связь должна быть установлена между О.К. и местными заграничными организациями. Без этой связи отношения между ними превращаются в формальную связь путем переписки. Живое дело требует и живой связи. Необходимо во что бы то ни стало наладить издание печатного органа О.К.

Областной Комитет, заканчивает докладчик, выработал проект наказа О.К., в котором сделаны необходимые организационные выводы из работы О.К. Этот проект будет доложен съезду в связи с третьим пунктом программы.

По заслушиванию доклада С.Н. Николаева председательствующий В.В. Руднев ставит вопрос — считает ли съезд необходимым обсуждать доклад О.К. немедленно или же прения по докладу отложить и иметь по нему суждение по заслушиванию второго и третьего пунктов повестки.

В прениях по предложению председательствующего принимают участие т.т. Россель, Постников, Макеев, Керенский, Слоним, Жаба, Авксентьев и Тер-Погосян.

Председательствующий ставит вопрос на голосование. Большинством — 16 при 2 воздержавшихся — съезд постановляет — выслушать докладчиков по 3 первым вопросам программы и вести прения сразу по всем 3 вопросам.

Председательствующий предоставляет слово докладчику З.Д. С.П. Постникову.

ДОКЛАД С.П. ПОСТНИКОВА

Свое сообщение С.П. Постников начинает с указания, что оно делается не от З.Д. как органа, а от группы Членов этого органа. Состав З.Д. был утвержден в 1922 г., в З.Д. входили: Чернов, Русанов³⁰, Сухомлин, Сталинский, Слоним, кандидаты к ним: Постников, Шрейдер³¹. В таком составе делегация оставалась до марта–апреля 1925 г. Тогда была утверждена Ц.Б. Делегация в составе 7 членов — те же без Русанова и вновь В.Я. Гуревич. Как учреждение З.Д. не была зависимой от заграничной политики З.О.

После Пражского съезда З.Д. получила неприятное наследство Селецкого³². Селецкий был членом Ц.Б. и перед З.Д. встал вопрос, сноситься или отказаться временно от сношений с Ц.Б., пока в нем сидит Селецкий. В Россию был послан курьер. Селецкого накрыли, но ликвидация этого вопроса и организация Ц.Б. заняли ½ года. Последующие почти 1–1/2 года был постоянный контакт с Россией — туда посылали второго курьера, было оживление и в России, показатели: Южнорусская конференция, Урал, движение на Волге.

Также удачно выполнялась и вторая задача З.Д. — работа по печатанию книг и снабжению ими России. Была возобновлена «Революционная Россия»³³, которая пользовалась успехом. Было выпущено около 20 номеров «С.Р.»³⁴ на французском языке, было организовано издательство «Воли России»³⁵. Были изданы книги — Чернова «Конструктивный социализм»³⁶, Сталинского «Пути России»³⁷. Подготавливались работы по истории партии.

Из внешней деятельности З.Д. — о политике партии в интернационале доложит В.В. Сухомлин. Непосредственно же З.Д. провела: одну конференцию в Тешине с поляками по вопросам, связанным с пересмотром Римского договора, 2) русско-армянскую конференцию; 3) Лондонскую конференцию, 4) объезд лимитрофных³⁸ государств в <19>24 г., 5) туда же надо отнести участие партии в Марсельском конгрессе³⁹. Кроме того, З.Д. представляла партию во всех очередных больших Съездах.

В отношении заграничной организации З.Д. твердо держалась положений, выработанных Пражским съездом. «Мы не мешали деятельности Областного Комитета и не брали на себя его функций».

Отвечая на указание С.Н. Николаева о съезде активных работников, докладчик заявляет, что такого съезда не было. Было совещание приглашенных З.Д. лиц, обслуживающих связь с Россией — Верещака⁴⁰, Алко⁴¹, Минахоряна, Хондокоряна. Совещание это вызвалось состоянием работы по связи с Россией.

Из других заданий З.Д. имела хранение партийного архива и библиотеки. Партийный архив находится в полной сохранности в надежном месте, под замком. Богатейший архив, который, к сожалению, никем не разрабатывается.

Хуже обстоит дело с библиотекой. Библиотека хранится в «Земгоре», она в полном порядке и книги даже ремонтируются, но она совершенно не пополняется, период последних 10 лет в ней совершенно не освещен.

Положительный период деятельности З.Д. кончился в 1926 году. Перед Марсельским Конгрессом был получен мандат на представительство партии на этом конгрессе, и после этого связь с Россией была нарушена. В России произошел провал, серьезные работники были арестованы. Одна из причин, вызвавшая провал, — посылка конспиративным путем инородного — дашнака в Петербург. Здесь дашнаки ручались за этого человека, и З.Д. не могла отказать им в услуге — по правилу: услуга за услугу. В связи с этим открылись и другие причины провала — именно: неблагополучие наших связей с Россией.

Провал в России вызвал и развал З.Д. «Если съезд, — говорит докладчик, желает выслушать всю эту историю, — я вам ее изложу». Докладчик сожалеет, что при нем нет соответствующих документов, а без документов он затрудняется сделать доклад по этому вопросу. О провале же докладчик подробно не говорит, оговорившись, что расследование всего этого дела было поручено следственной комиссии — Минор, Ригана⁴², Рабинович, расследование еще не окончено, многое, например анонимное письмо, — темная вода. Докладчик заканчивает свое сообщение указанием, что вторую часть доклада он сделает в следующем заседании.

Е.Ф. Роговский — я хотел бы знать, есть ли сношения с Россией в настоящее время.

С.П. Постников — есть, только скорее случайного характера.

М.Л. Слоним — у нас был вопрос, в каком объеме докладывать съезду. У С.П. Постникова во многом имеются препятствия для подробного изложения этого дела. Надо прежде всего разрешить вопрос, в каком объеме и форме этот вопрос интересует съезд, тогда у нас возникает вопрос, в каком помещении можно это сделать.

В.В. Руднев — я считаю, что надо сказать все с документацией и в объеме — что можно сказать.

О.С. Минор — что касается деятельности следственной комиссии, то я единственный присутствующий здесь член комиссии и не могу сделать никакого доклада без разрешения всей комиссии.

Н.Д. Авксентьев — я предполагаю, что настоящий съезд что-то должен был ликвидировать и чему-то дать движение. Для этого необходимо подвести итоги прошлому и сделать соответствующие выводы. А для этого необходимо выслушать все. Оратор полагает, что без даты и имени и З.Д., и следственная комиссия

могут сделать съезду полный доклад всей истории, из которой съезд сделает выводы политического, организационного и морального характера.

Е.А. Сталинский предлагает рассказать в общих чертах историю провала, поскольку это касается развала З.Д., не отрывая ни даты, ни имени, ни документов.

О.С. Минор — заявляет, что он предложение Е.А. Сталинского готов принять и такое сообщение сделать согласен.

Председатель заявляет, что он считает вопрос разрешенным и в следующем заседании С.П. Постников закончит свой доклад и после него О.С. Минор сделает сообщение о выводах, к которым пришла следственная комиссия.

Председатель объявляет заседание закрытым.

Протокол заседания вел М.В. Кобяков.

ПРОТОКОЛ

утреннего заседания 30-го апреля 1928 года

(Протокол вел М.В. Кобяков)

Присутствовали: С.Н. Николаев, В.В. Руднев, М.А. Кроль, Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк, И.М. Брушвит⁴³, И.Н. Коварский⁴⁴, Е.Е. Лазарев, С.П. Жаба, М.Л. Слоним, В.В. Сухомлин, М.В. Кобяков, С.П. Постников, М.М. Тер-Погосян, О.С. Минор.

Председательствует В.В. Руднев.

От имени президиума В.В. Руднев докладывает заключение по проекту наказа съезду, выработанному Областным Комитетом. Наказ принимается съездом в сокращенной редакции с добавлением к п. 4 «Члены партии — не-делегаты могут присутствовать в заседаниях съезда при обсуждении идеологических докладов» и второго добавления: «Областному Комитету предоставляется право двух решающих голосов».

Председатель предоставляет слово для продолжения доклада о заграничной делегации — С.П. Постникову.

ОКОНЧАНИЕ ДОКЛАДА О З.Д.

Политическая сторона деятельности З.Д. определяется главным образом работой в интернационале, но, понятно, ею не исчерпывается.

З.Д. как орган партии работала все время, работа направлялась и определялась Ц.Б., и позиция В.В. Сухомлина в интернационале признавалась отвечающей настроениям Ц.Б.

Известно, что конструкция З.Д. была определена в 1921 году и утверждена Ц.Б. и Ц.К. Однако вскоре в З.Д. начались трения, которые были ликвидированы, Ц.Б. значительно окрепло, З.Д. послала на пересмотр бюро список состава З.Д. Помимо официального письма З.Д., в Ц.Б. было послано по тому же вопросу и личное письмо В.М. Чернова, в котором, кроме кандидатов З.Д., фигурировала также фамилия В.Я. Гуревича.

Россия утвердила состав делегации, включив в нее В.Я. Гуревича.

В мае 1925 года состоялся пленум З.Д., где Сухомлин и Сталинский заявили протест против действий В.М. Чернова по включению в состав делегации Гуревича. В ответ на это В.Я. Гуревич предложил снять свою фамилию из списка З.Д., Сухомлин и Сталинский проявили слабость, не настояли на своем протесте, и Гуревич остался в составе З.Д.

Одновременно с утверждением делегации в Петербурге произошел провал, который был воспринят как случайность, связанная с оживлением работы. В то время, как известно, усилилась работа в России, например наказ Марсельскому конгрессу обсуждался на заводах. В это же время З.Д. была получена анонимная открытка, посланная из Праги, с указанием, что в нашей среде сидит провокатор. По этому вопросу было назначено расследование специальной комиссии в составе Чернова, Гуревича и Яковлева⁴⁵.

Происхождение анонимки до сего времени не выяснено, может быть даже, что автором ее является Г.П.У.

До осени 1925 года расследование по этому делу не дало никаких результатов, и комиссия, с отъездом Яковлева в Париж, почти прекратила работу. Осенью Гуревич едет по лимитрофам для установления непосредственных сношений с Россией и в докладе <о> своей поездке сообщил З.Д., что дело серьезно, при сношениях ему повторили то же имя из тюрьмы.

Ввиду того, что дело зашло уже слишком далеко, решили расследовать все и всех. После ряда переговоров и совещаний расследование поручили специальной комиссии в составе: Минора, Минахоряна. Параллельно с этим расследование продолжал вести и Гуревич. Вскрылось это совершенно случайно. В декабре 1925 года на банкете с чехами В.Я. Гуревич передал Постникову как секретарю редакции «Р.В.»⁴⁶ статью, которую Постников, не читая, дал переписать на машинке одному товарищу. На другой день Постников пришел за перепечатанной статьей. Лицо, которому была дана для переписки статья, встретило Постникова изумленно и настороженно.

В чем дело. — «Да это — обвинительный акт против меня. Гуревич обвиняет меня в провокации. Что вы это сознательно сделали или нечаянно». Постников ничего не знает. Обратились за разъяснениями к В.Я. Оказалось, что он ошибся рукописями. Товарищ, указанный в обвинительном акте, просил о расследовании и устранился от партийных дел. Тогда начались разговоры о назначении следственной комиссии. После целого ряда ответов, наконец, З.Д. по общему соглашению избрала следственную комиссию в составе Минора, Риганы и Рабиновича. В эту комиссию передается также и дело Росселя.

Работа комиссии производилась в строжайшей тайне. Комиссия вела свое делопроизводство. Все сношения с Россией были доведены до минимума и производились с ведома комиссии.

1-го марта 1926 года от следственной комиссии поступил протокол, в котором имелся ответ на обвинения Росселя. Ответ был дан отрицательный, т. е. прямых улик или хотя бы обвинений по адресу Росселя не было, Россель был поставлен в одинаковые условия, наряду со всеми остальными. Сталинский и Постников предлагали считать Росселя реабилитированным и поставленным в одинаковое

со всеми остальными положение. Другая группа — Чернов, Шрейдер — говорили — нет, Россель находится в особом положении.

Следственная комиссия 2-го марта передала, что она считает Росселя политически реабилитированным, так как в ее распоряжении нет никаких опровергающих его материалов, и против него никто никаких прямых обвинений не выдвигает, что В.Я. Гуревич, дважды запрошенный, от обвинения отказался, что все причастные к делу сношения с Россией находятся в одинаковом положении, кроме товарища, названного в анонимном письме.

10-го мая были получены материалы от следственной комиссии со следующими выводами:

1. Конспирация не была поставлена так, как того требует обстановка. В частности, С.К. констатирует утечку сведений в Финляндию.
2. Провокация в России и за границей не исключена.
3. Нет оснований для обвинений в провокации тов. Х.
4. Дело тов. У., названного в анонимной открытке, отстранить от всякого касательства к партийной работе.
5. Необходимо назначить Секретариат из состава членов З.Д.
6. Ввиду того, что в З.Д. отношения чрезвычайно обострились — реорганизовать З.Д.

12 мая заседание З.Д. вынесло постановление — назначить по этому вопросу специальное заседание пленума З.Д. на 12 июня или другой какой-либо день после Лондонского съезда, пункт 5-й заключения С.К. провести в жизнь немедленно, по п. 4 устранить тов. Х от всякой конспиративной работы, но воздержаться от порочения его имени, по п. 3. считать т. Х. восстановленным в правах и обязанностях.

16-го июня состоялся пленум З.Д. Бурное заседание. Принята резолюция общего характера. Сухомлин предлагает реорганизовать работу — сохранить пленум и создать деловое бюро. Разгорались прения, в результате которых были сделаны следующие предложения:

1. Сухомлин — З.Д. просит В.Я. Гуревича подать в отставку ради оздоровления атмосферы. За отклонение предложения голосуют Постников, Чернов, Шрейдер, Гуревич. Против Сталинского, Слонима и Сухомлина.
2. Слоним — принимая во внимание создавшееся внутри З.Д. положение, считать З.Д. распущенной и немедленно снести с партией о новом составе З.Д.
3. Постников — составить деловое бюро из 3-х человек для ведения текущей работы, пленум З.Д. созвать в январе 1927 года.

Когда поступило предложение Постникова, председательствовавший В.М. Чернов сложил полномочия, не желая голосовать предложение, противоречащее Уставу. Чернов и Гуревич покинули заседание. Шрейдер остался, но участия в голосовании не принимал.

Докладчик зачитывает заявление Постникова к журналу постановлений З.Д., в котором указывается, что он является противником прекращения деятельности З.Д., что нужны средства для оздоровления З.Д., что предложенная им мера носит санитарный характер, дали заявление к тому же протоколу Слоним, Сталинский, Шрейдер.

Таким образом, работы пленума З.Д. были прекращены. Оставшиеся члены З.Д. предполагали продолжить работу пленума и постановили назначить на 18-е июня новое заседание. Но отколовшаяся группа не пришла, прислав мотивированное заявление. Докладчик зачитывает заявление Чернова, Гуревича и Шрейдера. 18-го июня оставшиеся члены З.Д. вынесли постановление: 1) устроить совместное заседание с Областным комитетом, 2) пленум З.Д. назначить на январь 1927 года, 3) избрать секретариат в составе Чернова, Сталинского и Сухомлина.

После этого велись переговоры с В.М. Черновым о его вхождении в секретариат. Чернов отказался.

В августе было получено письмо от Чернова, Шрейдера и Гуревича. Докладчик зачитывает письмо.

Вскоре вопрос З.Д. осложнился в отношении к центральному органу партии «Р.Р.». В то время уже была организована группа содействия «Р.Р.», которая выступала самостоятельно с докладами и лекциями. Вопрос об этой группе был поставлен Пражской организацией.

В ноябре группе Чернова был передан следующий документ. Докладчик оглашает письмо группы большинства З.Д.

За это же время были запрошены Гавронский и Русанов — считают ли они себя членами З.Д. От Гавронского ответа получено не было. Только два месяца тому назад он лично передал В.В. Сухомлину свое решение по этому вопросу. От Русанова же 4/1 – 1927 года было получено письмо следующего содержания. Докладчик оглашает письмо Русанова.

В то же время был получен ответ от В.М. Чернова на наше предложение созвать пленум (читает письмо).

28 января письмо большинства с приложениями копии письма Русанова В.М. Чернову (читает письмо).

29 февраля письмом В.М. Чернов отказался от участия в февральском пленуме З.Д. (читает письмо).

Председатель объявляет перерыв заседания.

Протокол вел М.В. Кобяков.

ПРОТОКОЛ
вечернего заседания 30-го апреля 1928-го года
(Протокол вела Е.Ю. Скобцова⁴⁷)

Продолжается доклад С.П. Постникова.

Впервые делегация собралась без Чернова 6-го февраля. Большинство Членов делегации вынесло следующее постановление (постановление оглашается). После этого Гуревич предпринял шаги к дальнейшему выяснению положения. И были выработаны условия соглашения (условия оглашаются), а в случае, если бы оно не состоялось, то условие, на котором должно осуществиться расхождение. По этому последнему условию все деньги должны были остаться у группы Чернова.

Тут необходимо дать некоторые разъяснения по вопросу о «Революционной России». В работу редакционной коллегии были введены Архангельский и Шрейдер, а Сухомлин продолжал оставаться в бюро интернационала, но числился в отпуске. С ноября 1926 года Чернов стал отрицать звание редактора за Сухомлиным и лишил Постникова звания секретаря. Несмотря на это, и тот и другой продолжали держаться примирительной тактики. В дальнейшем вопрос о соглашении провалился на Революционной России, что подтверждается следующим письмом (оглашается письмо). На этом кончаются официальные отношения между двумя группами делегации. Из этого разрыва можно сделать только один вывод: победителем будет тот, кто наладит сношение с Россией.

В.М. Зензинов протестует против того места письма, где говорится, что он подавал письменное заявление с протестом против кандидатуры Гуревича в З.Д.

М.Л. Слоним дополняет доклад: в З.Д. Гуревич исполнял сначала технические функции. В феврале 1925 года Чернов поднял вопрос об очередном письме в Россию. Чернов поручил Гуревичу написать письмо об утверждении состава делегации без Русанова, но с кандидатурой Гуревича. Письмо не дошло по техническим условиям и вернулось в Прагу.

Тогда Чернов отправил другое письмо из лимитрофов. Таким образом, Гуревич попал в делегацию и с этого времени в ней образовалась фракционность. Наша группа не хотела, чтобы Чернов вошел в конспиративную работу. Несмотря на это, все сношения были сосредоточены в руках Росселя, Чернова и Гуревича. В это время они получили из России указания на определенное лицо, способствовавшее провалам. Образовалась комиссия по расследованию в составе Чернова, Гуревича и Сталинского. Несмотря на ближайшее участие первых двух в работе по сношению, они не сочли себя обязанными устраниваться от работы комиссии. Гуревич поехал в лимитрофы и тем заявил подозреваемому о факте подозрения, несмотря на то, что было решено не говорить ему об этом. Сам Гуревич подозревал другое лицо. Он обратился в полицию с просьбой следить за некоторыми товарищами. В то же время случилось решительное событие: анонимное письмо с указанием провокатора Чернов якобы передал товарищу, подозреваемому Гуревичем, и заявил, что его надо потребовать обратно. На самом деле этот товарищ не получал письма и действительно оно потом было обнаружено у Чернова. Гуревич считал, что именно этот товарищ написал анонимное письмо. После всех этих событий и после раскола в июне 1926 года наша тактика сводилась к недопущению партийного скандала. И только в феврале 1927 года мы убедились, что никаких соглашений быть не может. Последняя попытка в связи с вопросом о съезде была в сентябре–октябре 1927 года. Чернов поставил тогда условием своего прихода на съезд, чтобы съезд не касался вопросов о З.Д. и «Революционной России». У Чернова с момента раскола на руках было 150 000 кр<он>.

В.В. Сухомлин дополняет вопрос о деньгах. Их группа предлагала ввиду распада З.Д. все средства положить в банк до ее восстановления.

М.Л. Слоним: мы сдали отчет. Ревизовал нас Гуревич. Теперь мы не имеем права объявлять себя заграничной делегацией и в то же время не можем отказаться от звания членов З.Д. «Социалист-революционер»⁴⁸ был издан членами З.Д.

Съезд переходит к заслушиванию докладов о партийной работе за границей.

Первый доклад по этому вопросу представляет О.С. Минор в письменном виде следующего содержания:

«План работы заграничной организации П.С.-Р.»

Имея в виду, что партийная организация за границей настроена в специальных условиях, она всегда почитала основной целью помощь партии, работающей во имя наших общих целей в самой России. В этом коренное отличие областных партийных организаций в России и за границей. Но как в самой России бывало, что после сильных разрушений основных организаций инициативу их объединения областных органов брали на себя наиболее активные группы, так и на долю заграничных организаций иногда падала обязанность такого восстановления. Так было направлено после разрушения народной воли и ее Ц.К., когда в 1884–<188>6 гг. южная группа взяла на себя инициативу объезда России с целью связать идейно и политически, так было в 1900–<190>2 гг., когда за восстановление ср-овской работы взялись одновременно товарищи на Севере и Юге России, так, наконец, было в 1902–<190>4 гг., когда на долю эмиграции пала главная задача воссоздания партийной организации. 10-летний отрыв ср-овской эмиграции после большевицкого переворота создал совершенно исключительное положение для нас, особенно вследствие огромного разрушения, постигшего партию С.Р. и внутри России, когда ее остаткам пришлось так реорганизовываться, что связи постоянной между ними почти не существовало. При всякой попытке воссоздать ее, она подвергалась воздействию самой подлой и разлагающей провокации и новых разрушений, и отдельным ее членам пришлось уйти в глубокое подполье. Длительное существование в таком положении все больше и больше ослабляло коллективную работу.

А боязнь попасть опять в руки провокаторов заставило товарищей почти совершенно порвать связи между собой отдельных лиц и групп и особенно избегать связей с за границей, где, по мнению этих лиц и групп, особенно опасно искать помощи. Последнему решению помогало еще и то, что заграничная эмиграция со своей стороны почти не делала активных попыток войти в сношения с русскими товарищами и ограничивалась главным образом работой общественной и журналистикой, где неизбежно разлагалась и внутренняя идейная работа. Между тем ход жизни внутри России все яснее и яснее указывал на наступление момента, когда организованная работа на почве идей П.С.-Р. становится не только необходимой, но и неизбежной. Осознавая это все ярче и опасаясь окончательного разложения не только партийной работы и партийного идейного богатства, эмиграция до сих пор делала все же кое-какие попытки объединиться, но до сих пор неудачно. В течение прошлых двух лет стало, однако, замечаться значительное оживление, приведшее к двум попыткам объединения, довольно резко различающегося по своим идеологическим и организационным формам и вылившегося в самое последнее время в создание, с одной стороны, в «С». Членов П.С.-Р.⁴⁹ и, с другой, в попытку вновь объединить всех ср-ов в недрах единой заграничной областной партии организации, для чего и созван ныне областной съезд П.С.-Р. за границей.

Очевидно, что задачи З.О. распадаются на две основные — 1/ воссоздание связи с русскими товарищами для того, чтобы прервать этот 10-летний разрыв

и получить от них точные указания о том, какого рода помощь им нужна, как в области идейной, так и в области практической, и 2/ восстановление работы за-
границей в широких кругах интеллигенции и рабочих с целью пропаганды идей
партии, привлечения в партию новых членов, создание необходимой для России
идейной работы и особенно партийной печати.

Ввиду всех этих соображений нам представляется необходимость набросать
план реорганизации заграничной организации — в соответствии с ее задачами.
Первая из указанных задач требует строго изолированной, конспиративной рабо-
ты, поэтому для нее необходимо выделить группу особо опытных, ответственных
товарищей из общего Областного Комитета, который будет избран на съезде, и
этой, особо конспиративной группе, при условии совместной работы с товарища-
ми, членами З.Д. надлежит поставить след<ующие> задачи:

1. Немедленный выезд всех лимитрофов, где еще сохранились остатки групп П.С.Р. или отдельные ее члены;
2. Восстановить при их помощи хотя бы элементарные связи с Россией;
3. Восстановить возможность постоянных с ней сношений;
4. Восстановить возможность установления «границ»;
5. Организация постоянной переписки с Россией;
6. Попытка объезда России и создание там хоть небольшого совещания.
/Если невозможно внутри России, то где-либо в ином месте/.

II.

Сам Областной заграничный комитет должен построить свою работу в соот-
ветствии с первой основной задачей, т. е.

1. Направить всю свою работу на обеспечение важных задач, возлагаемых на
Консп<иративную> группу его:

а) отысканием финансовых средств для немедленного осуществления первого
пункта данного консп<иративной> группе задания;

в) обеспечить для нее возможность постоянной связи с загр.О.К.;

г) направить энергично работу на дело привлечения в ряды П.С.Р. новых чле-
нов и для этого:

1. Усилить и вновь наметить работу среди сотен тысяч русских рабочих,
рассеянных за границей, — путем организации партийных лекций, кружков, ре-
фератов и пр.

2. Особенное внимание обратить на работу парт<ийных> товарищей в
Общественных заграничных организациях с целью обеспечить доступ в целях
пропаганды в общественную среду. Для этого ответственные работники обязаны
привлекать к работе товарищей.

3. Усиленная работа товарищей З.О. в профес<сиональных> рабочих орга-
низациях, где она может в значительной мере расширить дело пропаганды.

4. Создание партийной печати наряду с общей как для за границы, так и для
России.

а) за границей необходимо приступить к изданию двухнедельного областного
органа с отделами теоретическим и тактическим, в котором члены партии могли

бы разрабатывать все насущные вопросы программы и тактики и выявить все те разномыслия, которые в рядах партии имеют место.

в) необходимо создать постоянный рабочий орган, хотя в виде активной поддержки органа, созданного при С.Г. «Рабочего слова» — по крайней мере, в начале.

с) создать в общей печати, руководимой членами партии, атмосферу, которая могла бы вызвать сочувствие к П.С.-Р., а для этого сделать попытку объединить их редактирование и финансирование, первое достижимо организацией более частого общения ответственного Областного комитета с руководителями различных органов печати для совместной выработки тех теоретических границ, в которых было бы обеспечено единство.

Далее необходимо оживить работу на местах, а для этого мы предлагаем:

1) создать группу пропагандистов — референтов при О.К.

2) организовать систематические объезды провинции с рефератами и беседами на партийные темы.

3) организовать постоянные сборы с членов Обл<астной> Организации в пользу О.К. и П.С.-Р. в России.

4) обязать местные группы и отдельных членов П.С.-Р. поддерживать между ними и О.К. постоянную связь, снабжая его всеми сведениями из России, усиливая и обеспечивая возможность получения таких сведений, отыскивать случаи возможности связываться с российскими товарищами при помощи случайных поездок и т. д.

Мы сознательно оставили в стороне все сложнейшие вопросы существа пропаганды. Они должны быть спроектированы особой комиссией и получить окончательное разрешение только после совещания с российскими товарищами. Поэтому нам представляется необходимость на Областном съезде ограничиться лишь самыми общими указаниями. Нам представляется необходимым пока держаться основных положений старой программы П.С.-Р., базой которой служит критическое народничество, т. е. идеология, отрицающая так наз. материалистическое понимание политического процесса, марксистский монизм, признание факта существования классовой борьбы, столкновения интересов труда и капитала, в котором П.С.-Р. принимает участие, становясь постоянно на сторону труда.

РЕЗЮМЕ

1. Избирается 5 человек О.К.З.О.П.С.-Р.
2. Из числа его членов и привлечения др. товарищей избирается конспиративная комиссия.
3. Назначается группа референтов.
4. Избирается редакция Обл.Органа П.С.-Р.
5. Организуется Постоянное Областное Совещание.
6. О.К. имеет центром Париж.
7. О.К. собирается не реже 1 раза в месяц.

О.С. Минор

В.В. Руднев спрашивает С.П. Постникова о состоянии партийных организаций в России.

С.П. Постников: Россия нас боится из-за провокации. Трудно говорить о том, что там есть. Еще в августе была работа в Донецком бассейне, теперь она провалилась. Нам известно, что в России, в частности в Москве, распространяется «Революционная Россия», «Дни» «Эсер» и «Воля России».

Оглашается следующий, изготовленный Областным комитетом, проект основных положений Устава и организации заграничной части П.С.-Р.

ОСНОВЫ

Организационного Устава заграничных организаций П.С.-Р.
и наказа Областному Комитету заграничных организаций П.С.-Р.

1. Заграничная Областная организация составляет органическую составную часть всей партийной организации на общих основаниях партийного Устава.

2. Членом заграничных организаций П.С.-Р. признается всякий, принимающий программу партии, подчиняющийся партийной дисциплине партии, принятый в одну из партийных организаций или зарегистрированный в заграничном Областном комитете и регулярно платящий членский взнос.

3. Исполнительным органом заграничных организаций П.С.-Р. является заграничный Областной комитет.

4. В ведении заграничного Областного комитета состоят все партийные организации и члены партии, находящиеся за пределами С.С.С.Р.

5. Заграничный Областной комитет действует на основе нормального партийного Устава и руководствуется в своей деятельности постановлениями и директивами высших партийных органов.

6. О.К. избирается съездом заграничных организаций П.С.-Р. на срок до следующего съезда, но не более чем на 2 года.

7. Количественный состав О.К. определяется избирающим его съездом, а внутренняя его организация и порядок деятельности определяются самим О.К.

8. Члены заграничных местных организаций П.С.-Р. принимаются в состав организаций этими последними и исключаются из их состава постановлениями этих организаций. Постановления эти должны быть утверждаемы соответствующими высшими органами партии.

9. Для ревизии финансовых и хозяйственных дел О.К. выбирается съездом особая комиссия в составе, определяемом съездом.

10. Местопробывание Областного Комитета определяется избирающим О.К. съездом.

11. Круг ведения Областного Комитета составляют:

а/ установление общих организационных начал для местных партийных организаций за границей;

б/ непосредственное руководство всей партийной работой за границей среди русской эмиграции, беженства, учащейся молодежи и тех масс русского населения, которые исходом мировой войны включены в пределы других государств;

в/ определение линии партийно-политического поведения заграничной части П.С.-Р. по отдельным конкретным, выдвигаемым жизнью, вопросам;

г/ направление и руководство партийно-политической деятельностью заграничной части П.С.-Р.;

д/ наблюдение и общее руководство партийно-политической деятельностью местных заграничных организаций П.С.-Р.;

е/ регистрация местных организаций и отдельных членов партии, не входящих в местные организации по уважительным причинам;

ж/ принятие мер к организации в разных местах новых партийных организаций и привлечение новых членов партии;

з/ содействие местным организациям и высшим органам партии в осуществлении ими партийно-политических задач и целей;

и/ общее наблюдение и последующий контроль за деятельностью членов П.С.-Р. в общественных и культурных организациях за границей;

й/ наблюдение за выступлениями отдельных членов партии и групп, и в случае несоответствия этих выступлений партийной линии поведения, право делать заявления, указывающие на то, что выступление сделано без полномочия партии и не соответствует ее точке зрения;

к/ политические выступления в пределах своей компетенции от имени заграничной организации партии;

л/ организация и изучения теоретической разработки разных вопросов партийной идеологии и программы;

м/ организация за границей партийных изданий и издательств и снабжение местных организаций партийной литературой;

н/ установление и поддержание связи с партией в России;

о/ всемирное содействие партийно-политической деятельности партийных организаций и лиц в России;

п/ снабжение России /партии/ материальными средствами, партийной литературой и т. п.;

р/ установление и поддержание информационного и делового контакта с социалистическими партиями в России;

с/ общее представительство заграничной части П.С.-Р. перед социалистическими партиями и иными общественными и политическими организациями разных стран в пределах компетенции О.К.

12. Все конфликты между О.К. и местными организациями решаются на съезде заграничных организаций, до съезда же остаются в силе решения О.К.

13. Все партийные организации за границей обязаны вносить ежемесячно из всех своих поступлений 10 процентов в кассу О.К.

14. В О.К. дела решаются обычным порядком большинством голосов, при делении голосов пополам — вопрос может быть перенесен на референдум всех членов партии за границей, причем в вопросах, относящихся к конституционным основаниям жизни организации и к конфликтам внутрипартийного характера, не разрешаемых прецедентами партийной жизни, для решения необходимо 2/3 поданных голосов.

ПРОТОКОЛ
Утреннего Заседания 1-го мая 1928-го года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: С.Н. НИКОЛАЕВ, И.М. БРУШВИТ, М.Л. СЛОНИМ, С.П. ПОСТНИКОВ, А.С. СИЗОВ, О.С. МИНОР, И.Н. КОВАРСКИЙ, Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ, А.Ф. КЕРЕНСКИЙ, В.М. ЗЕНЗИНОВ, Н.В. МАКЕЕВ, М.В. ВИШНЯК, Е.Е. ЛАЗАРЕВ, М.А. КРОЛЬ, М.М. ТЕР-ПОГОСЯН, В.В. РУДНЕВ, Л.Т. РАУЗЕН, М.В. КОБЯКОВ, Е.А. СТАЛИНСКИЙ, В.В. СУХОМЛИН, Л.В. РОССЕЛЬ, Ф.Е. МАХИН и И.В. ЛЕБЕДЕВ.

Председательствовал В.В. РУДНЕВ.
Секретарь М.В. КОБЯКОВ.
Протокол вел М.В. КОБЯКОВ.

В ПОРЯДКЕ ДНЯ:

1. Доклад Мандатной Комиссии.
2. Доклад Н.Д. Авксентьева. Об основах работы Заграничной Организации и П.С.-Р.

От имени Мандатной Комиссии доклад представляет М.М. ТЕР-ПОГОСЯН. Мандатная Комиссия просмотрела выборное производство и не нашла никаких нарушений правил выборов и предлагает от имени Комиссии утвердить полномочия всех выбранных от организации делегатов.

Делегированы от организаций:

Организации:	Делегаты:	Кандидаты:
1. Пражская	И.М. Брушвит Е.Е. Лазарев С.П. Постников И.В. Кобяков В.И. Лебедев	И.А. Якушев В.Г. Архангельский М.Н. Лебедева А.С. Сизов
2. Парижская	В.В. Руднев Н.Д. Авксентьев С.П. Жаба М.В. Вишняк О.С. Минор А. Хондкорян В.В. Сухомлин Е.А. Сталинский	Е.Ю. Скобцева И.Н. Коварский М.А. Кроль Е.Ф. Роговский Л.Т. Раузен Л.В. Россель
3. Нью-Йоркская	В.М. Зензинов М.Л. Слоним	
4. Лондонская	Н.В. Макеев	
5. Белградская	Ф.Е. Махин	Л.В. Россель
6. Ревельская	М.М. Тер-Погосян	

Согласно предложению Мандатной Комиссии, полномочия делегатов и кандидатов к ним утверждаются.

ДОКЛАД Н.Д. АВКСЕНТЬЕВА

Докладчик начинает свою речь с указания, что он устраняет из своего доклада полемику и старые счеты, но поскольку ему надо говорить о духе организации, ему придется коснуться характеристики истории. «Я должен говорить о прошлом, дабы устранить из нашей жизни все ненормальности. Мы находимся в положении людей, которые заперты в герметической посуде без воздуха. Создалась невыносимая атмосфера. Но разве дело только в том, что в З.Д. оказался человек несносного морального характера. Порок состоит в недемократичном строении нашей организации. Что сделал с вами Чернов. Кончится это тем, что Чернов объявит себя делегатом, осененным особой партийной благодатью. Он проделал с вами то, что в свое время вы вместе с ним проделали с нами. Мы живем в Европе, но до сего времени не усвоили еще европейской психологии терпимости, возможности сосуществовать, не заниматься взаимными исключениями...

Я не хочу гнилого компромисса. Ведь документы сводятся к тому, что каждый из вас стремится стать правомернее другого, отгородиться от так наз. правых товарищей. А сами вы дошли даже до большевицкой терминологии партийцев. Здесь нет вопросов о принципах, достаточно одной формы, если вы сядете рядом с Вишняком, вы попадете в лагерь непартийцев. Теперь вы говорите то же, что говорили мы, а главный ваш идейный стержень остается тот же — отмежевание от непартийцев. Мы говорили и говорим, что не претендуем на руководство Партией, но не создавайте разделения на чистых и не чистых. Спорьте с нами, но будьте на равной ноге. Я же хочу, чтобы мы создали общую организацию, но это может быть только при условии равенности.

Кто-то в Праге пустил слух, что в Париже образовалась группа, которая ставит себе целью — переворот, захват партийного руководства. Я в этом неповинен и такой группы не знаю.

Нет партии, нет никакого политического курса, нет новых членов — мы находимся в полной безбрежности. При этих условиях мы должны устроить друг другу организацию на началах равноправности, давших в чем-то друг другу слово. Строить организацию мы можем, исходя из понятия области. Меня не заботит, кого будет больше в наших органах организации — пусть даже большинство будет у левых. Но туда должны войти по возможности все оттенки, все течения, и организация должна будет создать деловое бюро для работы на началах равноправности всех течений.

Задачи, которые, по моему мнению, стоят перед организацией, сводятся к следующему: 1) организация групп и обновление личного состава, 2) издание сборников, долженствующих освещать как вопросы, которые нас разделяют, так и то, что у нас есть общего, 3) организовать дело таким образом, чтобы наши издания ознакомили не только зарубежье, но, главным образом и в первую очередь, Россию, 4) помощь возрождению, или, если хотите, возрождающейся Партии в Рос-

сии. В какой форме — сейчас предугадать трудно, да и вырабатывать эти формы надо здесь, 5) работа за границей по идейной консолидации Партии, 6) наконец, вопрос о Делегации. Я вполне понимаю, говорил тов. Слоним, Делегации нет как учреждения. Но остаются Члены ея. С мотивами, которые тов. Слоним здесь изложил, я согласен, и мы с этим положением считаемся. Но я все же думаю, что все эти уловки ни к чему. Вы не можете поручиться, что завтра Чернов не дезавуирует вас, ибо я не думаю, что эти ваши звания помогают ему в чем-нибудь. Отрицательной стороной к тому же и не может исчерпываться деятельность организации: ведь нельзя серьезно говорить как о деятельности боевого партийного органа ея З.Д. — о работе по хранению Архива. Впрочем, есть еще Интернационал. Здесь два аспекта — а) представительство. По этому вопросу здесь высказывали такие соображения. Если окажется необходимость менять представителя, то этим возможно поколебать и самую возможность сохранения представительства Партии.

В этом смысле будет правильным удержать персональное представительство т.т. Сухомлина и Сталинского. Но здесь есть и другая сторона, другой аспект — б) идейная сторона представительства. Я вполне понимаю, что Сухомлин и Сталинский представляют Партию, а не группу и не Заграничную Организацию, но Заграничная Организация может и должна дать им идейную среду, идейные обоснования их работы. И это основной пункт. И если это будет принято, то только в этом смысле будет целесообразным сохранение существующей пожарной меры — фикции существования Делегации.

В настоящее время создалось положение довольно странное и недостойное. Образовался Союз Эсеров, куда вошли 3 Члена Делегации, и вы обязаны их запрашивать — как представлять Партию за границей.

Вы будете Членами Заграничной Организации, т. е. вы будете вести борьбу с Черновым в рамках Заграничной Организации, и в то же время вы должны будете о чем-то стовариваться с ним. Очевидно, такое положение не может быть одобренным. А положение в сущности таково — есть Сухомлин и Сталинский, утвержденные Россией, они могут и остаются представителями, а организация за границей должна создать необходимую для их работы идейную атмосферу.

Чернов взял топор и рубит, это признаете и вы, он обрезывает то, что может. И когда-то нужно переходить в наступление. Не все же только обороняться. Но у нас есть и особенно у вас сохранилось еще его обаяние. Теперь создалось такое положение, что мы должны идти в Каноссу или бороться. Нужно внести ясность: мы можем и должны сказать, что мы можем и должны работать без Чернова.

Что вы можете сделать. У него есть полномочия, монополия. Получит поручение и вас раскассирует. Стоит ли держаться за эту формалистику. Вы должны вложиться в эту работу и в той среде, в которой вы находитесь. Давайте же работать вместе, и вы используете нас, и мы вас используем.

Табула раза⁵⁰ на прошлое, оставим старые навыки. Пусть сохраняется звание З.Д., но на основе терпимости и идейной взаимности должна строиться дальнейшая жизнь Организации.

В.В. СУХОМЛИН: Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ сказал, что он не хочет гнилого комиссиса. Я такую постановку приветствую, но я боюсь, что этого не будет. На

мой взгляд, разногласия политического и идеологического характера зашли так далеко, что единственная возможность для нас — этот гнилой компромисс, т. е. сохранение формального соглашения. Я прошу не становиться на ту точку зрения, о которой говорил Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ. Можно быть терпимым, но можно и должно признавать, что некоторые приняли такую идеологическую и политическую установку, что между этой группой и другими политического и идеологического контакта нет. В этом нет ничего предосудительного, особенно в нашей обстановке разложения Партии. Ведь вообще эмигрантской среде свойственно разложение, это свидетельствует и литература о прошлом отрицательном отношении к эмиграции. Также мы смотрели на собственное свое положение в 1908–<190>9 гг. Тогда было общим представление об эмиграции, как болоте. В некоторых же кругах товарищей по этому вопросу существует иное представление — поднятие на какие-то ходули всей эмиграции. Это представление, может быть, создано потому, что наша эмиграция сейчас многочисленна и имеет выдающихся деятелей.

Этот отправной пункт создает две разных психологии, из которых вырос словутый конфликт между эмиграцией и Россией.

Вопрос о помазании и формалистике. Этот вопрос всплывал несколько раз. Я думаю, что Н.Д. не подозревает ни меня, ни моих товарищей в особой привязанности к фиктивной власти их званиями. Но если не сделать этого допущения, то сам собой напрашивается вопрос, что же руководит этими людьми. Скажу за себя. Мною руководит сознание ответственности, то же, что в 1918 и <19>19 году заставляло меня высказываться против интервенции. Я не знаю, кто и когда пустил термин партийцев. Мы во времена административного центра считали себя партийцами, признавая необходимым отстаивать точку зрения Ц.К. Я думаю, что обязательностью всех партийцев должно являться стремление сохранять партийную линию и восстать против всяких попыток в порядке какого-то захвата исказить партийную линию.

Я должен сказать, что в начале нашей работы здесь я тоже согрешил путем умолчания. Уже тогда искажали партийную линию. Я думаю, что исторические даты и разногласия того времени не имеют значения.

Тем более должны заботиться о сохранении преемственности партийной линии и идеологии те, кто начинает новые идеологические линии. К этому должны сугубо осторожно относиться те, кто группируется вокруг «Современных Записок»⁵¹ и отчасти «Дней»⁵². А эти группы, я прямо заявляю, отклоняются от политических и идеологических позиций Партии и создают нечто новое. Мне трудно говорить по этому вопросу в связи с докладом Николая Дмитриевича, который этого вопроса касался только в общей форме. Я выхожу из формальных рамок и перехожу к существу дела. Я не считаю эти явления совершенно чуждыми партии, но не могу не отдать себе отчета в том, что есть в них чуждого. Чуждое не значит вредное, но оно должно быть признано партийной массой прежде, чем может быть разрешен вопрос, есть ли пересмотр старой программы Партии или организация новой Партии. И нам приходится констатировать, что из новой идеологии делаются новые партийные выводы и делаются шаги, совершенно не считаясь с постановлениями и директивами Партии и без всякого контакта с признанными представителями политической линии Партии. Я не могу откровенно не сказать

товарищам из «Современных Записок», что то, что они ставят себе в заслугу — объединение и спасение русской культуры — то, что им ставится в заслугу эмигрантской печатью, нам кажется делом, стоящим на тысячу верст от Партии с.-р. Там объединены такие элементы, которые, конечно, имеют право на существование, но которые не имеют ничего общего с идеологией и политикой П.С.-Р.

Я не хочу вовсе прийти к выводам невозможности организационного единства. Мой практический вывод — наша задача заключается в том, чтобы в направляющих органах не получило отражение то течение, которое является новаторством в Партии. И для нас и основной партийной массы это не может показаться какой-то партийной ересью. Я лично никакой ереси никогда не боялся и не боюсь, в нормальных условиях все ереси могут быть полезны и плодотворны, но в наших условиях, при тех взаимных недоразумениях, которые происходят между Россией и границей, самим ересианам нужно делать все возможное, чтобы их точку зрения не смешивали с общепартийной.

Я не могу говорить о журналах. «Современных Записок» вышло 34 книги и там пишут авторы различных политических настроений, но я не могу не сделать упрека членам Партии С.-Р., состоящим в Редакции этого органа. В этом органе выявляется солидарность чуждых людей. Это явление формальное, но за ним не может не скрываться определенное идеологическое настроение. Есть какая-то глухота в сторону партийной жизни, в сторону социалистического общественного мнения и обостренный слух к консервативной части печати. Есть, по-видимому, необходимость более считаться с ней, чем с социалистической печатью.

Дело ведь в том, что изложил Руднев и Керенский в Заседании Парижской группы. Там были высказаны взгляды на идеологию Партии в прошлом, настоящем и будущем. Там начала кристаллизироваться та идеология «Современных Записок», которая сложилась у журнала в определенных положениях, объединяющих в каком-то странном сожительстве народных социалистов и проповедников нового церковного социализма. По этому представлению Партия должна быть народной, национальной, с уклоном к религии в каком-то особенном смысле. И в этих построениях не почувствовалось начало подведения новой базы под Партию с.-р. В известной газетной полемике некоторыми другими товарищ<ами> высказывались взгляды, идущие гораздо далее, которые привели Скобцову к программе и взглядам социалистических христианских партий. Вполне возможно, что такая партия может образоваться и в России, но она выходит из пределов Социалистического Рабочего Интернационала.

Все эти образования внутри эмиграции новых политических настроений могут быть очень полезными, но, с нашей точки зрения, нашей партийной политике совершенно чуждые. Я не могу сойти с этой точки зрения и считаю, что если у вас является новое настроение, то нужно себя дисциплинировать и делать все возможное, чтобы своими выступлениями не ангажировать Партию. Поэтому-то мы и считаем нужным и необходимым сохранить представительство Партии и личный состав, сохранив преемственность с тем направлением, которое дано в России.

Теперь по поводу самоназначения. Это не было так комично, как изобразил Николай Дмитриевич. З.Д. была созвана в 1921 году, в результате продолжительной переписки, в которой принимали участие и представители административного цен-

тра. Со стороны административного центра были сделаны представления о составе З.Д. В конце концов было получено постановление об организации З.Д. из наличных Членов Ц.К. Я помню письмо административного центра от В.М. Зензинова о назначении делегации без Рубановича. Я не хочу перебирать эту историю и делать кому бы то ни было упреки. Насколько я помню, назначение З.Д. из Членов Ц.К. было бы до некоторой степени компромиссным, чтобы кого-нибудь не обидеть.

Я достаточно ясно сказал, почему мы считаем правильным удержать определенный состав З.Д., который бы соответствовал партийным установлениям. После Пражского Съезда Ц.Б. прислало сюда свои заключения по поводу заграничного Съезда, где было выражено согласие с теми решениями, которые мы представляли и защищали при соглашении двух групп.

«Р.Р.» — здесь тоже не было все благополучно. «Р.Р.» отходила от корректности, которую должен соблюдать центральный орган Партии. Мы боролись, но «Р.Р.» была независима.

И в З.Д. порой, например, во время I-го Берлинского Съезда, атмосфера была скверная. Перебирать всех этих историй нет смысла, но некоторые некорректные действия были допущены и со стороны правых, и со стороны левых.

Нам, быть может, удастся некоторая общая работа, но для этого прежде всего необходимо парализовать известные личные отклонения.

Председатель объявляет перерыв.

ПРОТОКОЛ

Вечернего Заседания 1-го мая 1928 года

ПРИСУТСТВОВАЛИ: все делегаты и кандидаты к ним.

Председательствовал И.М. БРУШВИТ.

Протокол вел М.М. ТЕР-ПОГОСЯН.

Были произнесены речи А.Ф. КЕРЕНСКИМ, М.Л. СЛОНИМЫМ и Л.Г. РАУЗЕН. М.М. ТЕР-ПОГОСЯНОМ веденный им протокол заседания не представлен.

ПРОТОКОЛ

Утреннего Заседания 2-го мая 1928 года

ПРИСУТСТВОВАЛИ: все делегаты и кандидаты к ним.

Председательствовал В.В. РУДНЕВ.

Секретарь С.Н. НИКОЛАЕВ.

Протокол вел С.П. ЖАБА.

Заседание открывается в 10 час. 40 мин. утра.

Председательствующий В.В. РУДНЕВ от имени Президиума Съезда предлагает избрать следующие три комиссии: 1) по организационному вопросу, 2) по

составлению резолюции по текущему моменту и 3) по составлению обращения к товарищам в России по поводу отказа группы Чернова от участия в Съезде.

Е.Е. ЛАЗАРЕВ предлагает также обратиться к товарищам в России с письмом с изложением того, как смотрит и относится заграничная часть Партии к российским товарищам. Предложение это принимается.

Е.А.СТАЛИНСКИЙ не согласен на составление комиссии по проекту платформы и предлагает вместо нее составить комиссию по резолюции о текущем моменте.

По вопросу о создании комиссии высказываются В.И. ЛЕБЕДЕВ, М.Л. СЛОНИМ, Е.Е. ЛАЗАРЕВ и С.П. ПОСТНИКОВ.

Число Членов Комиссии устанавливается: по организационной — 5 Членов, по текущему моменту — 3 и по обращению к товарищам — 3.

Объявляется перерыв для назначения кандидатов в Комиссии.

По возобновлении Заседания Председатель оглашает следующий состав Комиссии: по первой — О.С. МИНОР, Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ, И.М. БРУШВИТ, В.И. ЛЕБЕДЕВ и С.П. ПОСТНИКОВ; заместитель АВКСЕНТЬЕВА — В.В. РУДНЕВ. По второй — В.В. СУХОМЛИН, Е.А. СТАЛИНСКИЙ, В.В. РУДНЕВ и М.В. ВИШНЯК.

А.Т. ХОНДКОРЯН просит отметить в протоколе, что состав Комиссий не был проголосован Съездом и был определен лишь фракционным сговором; просит занести в протокол его протест против такого порядка составления Комиссий и предлагает произвести выборы Комиссии на Заседаниях Съезда.

Намеченный состав Комиссий ставится на голосование и утверждается голосами всех против одного.

Съезд переходит к заслушанию продолжения прений по сделанным докладам.

В порядке записи слово предоставляется Е.А. СТАЛИНСКОМУ.

Вследствие замечания Председательствующего В.В. РУДНЕВА Е.А. СТАЛИНСКОМУ возникают пререкания последнего с Председательствующим. Председательствующий угрожает закрытием Заседания. В.И. ЛЕБЕДЕВ заявляет, что при таком поведении Председателя левая фракция может уйти со Съезда.

По восстановлении порядка продолжается речь СТАЛИНСКОГО. По окончании речи СТАЛИНСКОГО Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ предлагает объявить перерыв до вечера и не начинать работ Комиссий до следующего Заседания.

Предложение это отвергается большинством — 9 против 7.

Председательствование передается С.П. ПОСТНИКОВУ, и В.В. РУДНЕВ просит предоставить ему дать разъяснения о его действиях, как Председателя. Слово В.В. РУДНЕВУ предоставляется. Объявляется перерыв.

Подробный протокол Заседания С.П. Жабой не представлен.

ПРОТОКОЛ
Вечернего Заседания 3-го мая 1928-го года

Председательствовал И.М. БРУШВИТ.
Секретарь С.Н. НИКОЛАЕВ.
Протокол вел А.Т. ХОНДКОРЯН.

Ввиду того, что переговоры между группами не привели к соглашению, предлагается открыть частное Совещание по вопросам расхождения групп.

В.В. РУДНЕВ предлагает на частном Совещании изложить сущность дела. Предложение о Частном Совещании с дополнением В.В. РУДНЕВА принимается.

ЧАСТНОЕ СОВЕЩАНИЕ

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ: Я говорю от имени товарищей правой группы. Я прошу не усматривать в моей речи ни полемики, ни политики, а искреннее мнение. То, с чем я шел на Съезд, почти исчезло во мне. А я шел на Съезд с таким представлением о других и о самом себе. У нас было много столкновений теоретических и практических, и мы жестоко критиковали друг друга, но правая группа не мешала работать. Но совершились печальные результаты. И вот какие. Но в России и за границей нет организации, и мы стоим перед дезавуированием перед другими партиями. И мне казалось, что открылась задача перед нами, задача новой работы. Это было трудно, ибо наши взгляды не совпадали. Но выше этой разницы мы хотели поставить организационную работу, которая оказалась вполне возможной. А теперь стала невозможной. Мы думали, что надо признать правомерность всех работ. Вот в организационном вопросе у вас деловой Обл. Ком., а для нас авторитетный Обл. Комитет. Будет трудно вместе сидеть за одной работой. Да будет. Мы не предлагаем теоретической амальгамы. Мы предлагаем практическую работу для России, перед которой ряд теоретических вопросов является действительно теоретическими. Но вот совсем другой подход, подход платания. Ставятся задачи, для нас неценные и непонятные. Потому и мы говорим: на Съезде должны отсутствовать настроения отталкивания. Если этого не можем, то лучше констатировать, что мы еще недоспели или недогнали. Но для нас еще нет С.О.С. Поэтому и думаем, что бессмысленно создавать такой О.К., как было. Давайте найдем моменты верные. 1 / Нам важно, чтобы нашу Партию не считали участницей Лиги Востока; 2. Мы считаем, что Союз Заграничных С.-Р. есть раскольническая попытка; 3. Что «Революционная Россия» и ее руководитель не внушают нам доверия и 4. Нам необходимо попытаться договориться по организационному вопросу. Нудить и кишки выматывать друг другу умеем. Мы не хотим разрыва с Вами. Если вы можете пойти навстречу нашему настроению, то давайте разговаривать.

М.Л. СЛОНИМ предлагает вопрос: что, ваше предложение на счет Лиги Востока и прочее мыслится в случае разрыва или как.

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ: Я говорю о настроении, но если этого нет, то не верим, что создастся что-нибудь живое; мы не хотим, чтобы О.К. блистал именами; но

чтобы мы не боялись быть вместе. Я думаю, что у Съезда есть общие задачи, как, например, отношение к Лиге и прочее.

В.В. РУДНЕВ: У всех были две задачи: 1. Восстановить организации и 2. Вопрос, вызванный черновским Союзом. По вопросу об организации я с большим пессимизмом оцениваю это «если». Что все течения находятся в пределах одной идеологии или Партии — вот это вопрос. И неполучение ответа на этот вопрос закрывает все возможности.

М.А. КРОЛЬ: — делает исторический обзор деятельности с момента провокации СЕЛЕЦКОГО и заключает, что история живет, может быть, в Интернационале. И вот одна группа находит, что другая находится вне предела Партии и товарищи, которые всю эту тактику на Съезде проводили, — хоронили Съезд. Продолжать прошлое не стоит. Утверждать, что вы носители идеологии Партии, вы не имеете права, ибо нет ни центра, ни решений, которые могли бы определить это.

М.Л. СЛОНИМ: Я хочу говорить откровенно в порядке точного и ясного определения наших целей. У нас есть встречное уважение друг к другу. Встретив ту искренность, с которой мы шли на Съезд, есть общее в нашем настроении, и оно тяжелое. Мы чувствуем откровенность. Я наше ожесточение объясняю нашей эмигрантской историей. Мы не думали, что одним ударом мы совершим чудо на Съезде. Мы говорили, что съезд разом не изменит все. Мы не верили в это. Чего мы хотели? Мы полагаем, в этот тяжелый момент есть нечто общее, и это то, что нам наносят удары в равной мере обеим группам. В пределах единой организации мы хотим построить нечто для осуществления одной основной задачи — задачи связи с Россией. Эта ударная задача, как мы полагали, что независимо от всего должны выполнить. Мы не хотим замалчивать наши идеологии, разногласия и не хотим свести их к соглашению. Разногласия не мешают быть не только в одной Партии, но в одной организации. Мы хотим подчеркнуть разногласия еще потому, что мы считаем, что они не позволят кого бы то ни было считать вне партии. Факт нашего прихода на Съезд это доказывает. И далее, когда начались трения, мы сознательно сказали части наших товарищей, какие сомнения по поводу их явных и мнимых идеологических уклонений. Мы глубоко убеждены, что неправильно было, что вчера произошло. Неправильно и требование бумажек, что признаем идеологию за партийную. Нигде и ни в какой партии не существует такой свободы, как у нас. И мы готовы признать эту свободу для каждой группы. А вы требуете, чтобы мы признали, что вы находитесь в пределах партийной идеологии. В правой группе есть несколько групп. Группа С.З., есть группа «Дни». Есть позиция Бунакова. Какие бы идеологии здесь ни были, они не являются препятствием для организации работы. Но позвольте защитить и наше право. Взаимное признание друг за другом выразителей партийной идеологии, это неправильная постановка. Для нас тяжело обойти разделение вопросов и оставаться на организационном вопросе. Но момент требует. О боязни компрометации быть вместе говорить нечего. В настоящий момент задача заключается в создании Областного Комитета, который явился бы представителем политическим. Мы делаем нечто среднее и минимальное. Нам нужен Областной Комитет с боевыми заданиями. Дело не в компрометации. Сделать последнюю попытку организации мы долж-

ны. Протестовать против Союза С.-Р. Но кому как. Ведь мы сами раскалываемся. Оставим в стороне наши идеологические требования друг к другу, признаем друг друга членами Партии. Мы скоро найдем ту организационную форму, которая даст возможность представителям всех течений работать в полной мере.

В.И. ЛЕБЕДЕВ: Я шел на Съезд нехотя. Мы должны пред лицом Чернова обмениваться какими-то векселями. Это нам недостойно. Мы Чернова не боялись и будем бороться за наши позиции. Мы шли во имя Партии. Мы вас уважаем, ибо считаем за хороших людей. Верьте этому, я даю вам честное слово. И сожалеем, что работаем не с вами. Давайте составим такой Комитет, который был бы деловым. Мы раньше приносили товарищей в жертву. Наше настроение и сейчас остается. Мы не можем давать никаких штемпелей. Нами велась работа и после Селецкого. И будем работать сейчас. Нет ничего безнадежного ни перед вами, ни перед нами. Отбросим недоразумения и самолюбия.

С.П. ПОСТНИКОВ: В.И. ЛЕБЕДЕВ был противником Съезда все время. Я был на Съезде. Какие цели я ставил этому Съезду? А разве в ваших словах не было обидных моментов? Вы нас обвиняли в методах беспорядочных. Мы говорили, что тень Чернова витает надо мной. Да, витает, я позже всех отошел от Чернова. Я за Съезд потому, что начался развал. Все работают, но никто не делает ничего для Партии. Что мы можем дать Партии? Самое минимальное. Надо выбрать деловой Областной Комитет, который установит связь с Россией, и это оздоровит всех нас. Я заявляю, что если мы разоидемся, то не будем работать ни мы, ни вы.

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ: Разговоры о идеологии начал не я. Каковы взаимные обиды? Я говорил о неправильных организационных методах, о системе и предлагал устроить организацию на демократических началах. Что же вы говорили? Вы говорили, что ряд товарищей имеет идеологию, которая несовместима с их нахождением в Партии, что наша идеология на тысячу верст отстает от идеологии Партии. Не мы подняли этот вопрос, а вы. Вот предлагаем формулу, а вы что делаете? Два дня торгуетесь и комара оцеживаете. Почему трудно с этим согласиться? Потому что в вас есть то, о чем вы говорили, именно: ваша боязнь, что Чернов воспользуется этим.

Теперь об Областном Комитете. Вы говорите — оставим самолюбие. Но в чем дело? Неужели у нас честолюбие доходит до того, что мы страстно хотим попасть в О.К.? Но ведь такое предположение, по крайней мере, не серьезно. Но когда есть Союз С.-Р., то что мы должны ему противопоставить? Вы противопоставляете деловой Областной Комитет. Мы хотим поставить имена Руднева, Сухомлина, Слонима, Брушвита. Вот имена для протеста. Если нет этого настроения, то какое значение имеет создание О.К. Что касается протестов против Лиги Востока и прочее, то это можно сделать и может сделать Съезд. Почему нет, это можно сделать, если мы не сойдем с организационного вопроса. Да, надо приложить усилия для создания авторитетности и О.К., ибо это единственный партийный орган.

В.И. ЛЕБЕДЕВ: Мы сожалеем, что наши искренние речи не нашли отклика. Мы не хотим ответить на обиды и молчим.

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ предлагает созвать Комиссию по организационному вопросу, хотя и находит, при создавшемся настроении и взаимоотношении, что работы ее не приведут к положительным результатам.

С.П. ПОСТНИКОВ предлагает следующий день посвятить работам Комиссии.

О.С. МИНОР считает неудобным продолжение фракционных совещаний и предлагает вести суждения в Общих Собраниях.

М.Л. СЛОНИМ предлагает вечернего Заседания не делать, предоставив работать организационной Комиссии.

Протокол дальнейшей части Заседания ведет А.С. СИЗОВ.

О.С. МИНОР: Я, товарищи, убежден, что сейчас мы вступили на правильный путь, поставив волнующий всех нас вопрос на обсуждение Общего Собрания. Совершенно напрасно некоторыми товарищами был выдвинут идеологический вопрос. Никто из нас, ни одна группа не может претендовать в вопросах идеологического характера на истину. Только общепартийный Съезд со всей авторитетностью может разрешить спор идеологического порядка. Вспомните пример с Максималистами. Только Съезд исключил их из Партии⁵³. Неосторожная фраза товарища не может быть основанием раскола. Поступать так — это значит последовать примеру Чернова, всеми нами осуждаемому. Мы этого делать не имеем права. Вопросы идеологические надо оставить. Мы все члены единой Партии, несмотря на существующие идейно-политические разногласия. Это не мешает нашему организационному единству и совместной работе для России. При построении нашей организации мы должны руководствоваться единственным принципом, принципом целесообразности. При взаимном признании равенства не может быть споров о личном составе О.К. Съезд может избрать кого угодно.

Что касается З.Д., пытающейся отстоять свои прерогативы, с моей стороны говорить о ней, как о некоем коллективе, не приходится, так как З.Д. не является выразителем идей Партии. Я не возражаю, однако, против сохранения членами ее своего звания.

Повторяю, товарищи; ни одна сторона не имеет права навязывать другой своих взглядов, претендуя на исключительную правоту своей идеологии. Только общие принципы должны быть незыблемы: принципы демократии и классовой борьбы. Остальные разногласия будут предметом обсуждения общепартийного Съезда, в возможную близость которого я искренне верю. В трагический момент, переживаемый нами, оставим споры, ставшие случайно предметом наших дебатов по ошибке Президиума. Мы созданы для решений организационного характера. И наша сегодняшняя цель — создать О.К., наш единственный наказ — воссоздать связь с Россией.

А.Т. ХОНДКОРЯН: Признаюсь, товарищи, я не понимаю того, что здесь происходит. По-моему, инцидент, вызванный неудачным выступлением товарища, ликвидирован сегодняшними речами. Не понимаю я также требования части Съезда, обращавшейся к другой, признать свою идеологию партийной. Какая группа и кто про себя может сказать, что непогрешим в этом отношении. Мне кажется, что здесь скрывается какое-то недоразумение.

По вопросу о конструкции О.К. есть две точки зрения. Одна считает, что О.К. должен обязательно состоять из авторитетных Членов с широкими полномочиями вплоть до политического представительства. Другая, наоборот, полагает, что О.К. должен быть органом деловым, с компетенцией, определенной

Пражским Съездом. Я могу принять обе постановки. Только само собой ясно, что при второй конструкции остается целый ряд функций вне пределов компетенции О.К. Тогда автоматически ставится вопрос о сохранении З.Д. Я не понимаю, что значит сохранить звание Членов З.Д., т. е. я хочу знать, связано ли это сохранение звания с какими-нибудь правами или нет. В первом случае получается юридическая невязка. Если же без прав, тогда вопрос перестает быть принципиальным и как чисто тактический подлежит решению Съезда. Я думаю, что формальная постановка должна быть остановлена. Одно совершенно ясно — отдельные Члены З.Д. не могут выполнять этих функций.

Объявляется перерыв.

ПРОТОКОЛ

Заседания 4-го мая 1928 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: В.И. ЛЕБЕДЕВ, М.Д. СЛОНИМ, Е.А. СТАЛИНСКИЙ, С.П. ПОСТНИКОВ, Ф.Е. МАХИН, В.В. СУХОМЛИН, Л.В. РОССЕЛЬ, Л. РАУЗЕН, А.С. СИЗОВ, Е.Е. ЛАЗАРЕВ, С.Н. НИКОЛАЕВ, И.М. БРУШВИТ, Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ, В.В. РУДНЕВ, С.П. ЖАБА, И.М. КОВАРСКИЙ, М.А. КРОЛЬ, т. БЕЛОВЗОРОВ, О.С. МИНОР, А.Т. ХОНДКОРЯН.

Председательствовал И.М. Брушвит.

Секретарь С.Н. НИКОЛАЕВ.

Протокол вел Л.В. РОССЕЛЬ.

СЛУШАЛИ:

Сообщение о результатах работ Комиссии по организационному вопросу.

От имени Комиссии В.В. РУДНЕВ сообщает: в вопросах своих занятий Комиссия рассматривала четыре вопроса: 1. Характер и состав подлежащего избранию О.К.; 2. Полномочия и роль четырех членов З.Д.; 3. Представительство в Интернационале и 4. Печатный орган Областного Комитета.

По первому пункту, сообщает докладчик, в комиссии обнаружилось три позиции, и предлагает формулировать эти позиции товарищам, поддерживающим их в Комиссии.

Предложение принимается.

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ формулирует точку зрения правых товарищей.

По его мнению, необходимо образовать широкий, авторитетный, представительный и постоянно действующий Областной Комитет с широкими функциями и полномочиями. Никаких персональных или групповых подходов не может быть допущено.

М.Л. СЛОНИМ формулирует точку зрения левых товарищей. По их мнению, Областной Комитет должен быть избран исключительно по деловому признаку. Местопребывание его — предпочтительно в Праге, но это не ультимативно. Единогласие избрания О.К. — гарантия в том, что работа в нем будет вестись со-

гласованно, что все фракции будут ему одинаково содействовать и что он будет пользоваться достаточным авторитетом.

Левая фракция не возражает против создания совещательной Конференции при О.К. из представителей всех группировок. Эта Конференция сможет собираться 3–4 раза в год и регулировать ход работ Заграничной Организации.

О.С. МИНОР: Должен быть избран дееспособный и авторитетный О.К. Место пребывания его — безразлично. Присоединяюсь к предложению о Конференции при О.К.

А.Т. ХОНДКОРЯН: О.К. должен функционировать в виде двух Органов: Парламента и Исполнительного Бюро.

Ввиду того, что по этому пункту соглашение не достигнуто, возникает вопрос о закрытии Заседания для обсуждения в частном порядке создавшегося положения.

М.Л. СЛОНИМ предлагает заслушать до перерыва результаты работ Организационной Комиссии по остальным пунктам.

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ заявляет, что остальные пункты в правой фракции не обсуждались, и потому он может сформулировать его личный взгляд на эти пункты. Его взгляды сводятся к следующему: о З.Д.: а) З.Д. не существует как орган, б) четыре Члена З.Д., присутствующие на Съезде, сохраняют звание Членов З.Д., но не принимают никаких решений в качестве органа; в) представительство в Рабочем Социалистическом Интернационале остается то же, что до сих пор: Сухомлин и заместитель его — Сталинский; г) взаимоотношения между представителем в Интернационале и Заграничной Организации следующие: представительство координирует свои действия и выступления с Заграничной Организацией.

М.Л. СЛОНИМ формулирует мнение левых по данному вопросу:

а) Члены З.Д. сохраняют свое звание и могут выносить решения по вопросам своей деятельности; б) представительство в Интернационале не может быть подчинено ни одной отдельной организации, ибо оно представляет всю Партию; в) формула координирования нами отвергается. Мы предлагали метод информирования Заграничной Организации и Совещания с О.К. и группами по вопросам деятельности четырех членов З.Д. и Представителя в Интернационале, но без всякой формальной зависимости.

ХОНДКОРЯН поддерживает точку зрения левых и подчеркивает: представитель в Интернационале совещается с партийными организациями.

И.М. БРУШВИТ сообщает мнение Пражской группы, совпадающее с формулировкой СЛОНИМА.

Ввиду обнаружившихся разногласий и по второму пункту доклада Организационной Комиссии Председатель предлагает закрыть Заседание и обменяться в частном порядке мнениями о том, как выйти из создавшегося положения.

Предложение принимается. Открывается Частное Совещание.

С.Н. НИКОЛАЕВ предлагает Совещанию заняться заслушиванием мотивов, высказанных отдельными фракциями формулировок.

В.В. РУДНЕВ считает, что дальнейшие разговоры на эту тему излишни, ибо формулировки и аргументация в достаточной мере приводилась во фракциях и

Комиссии. Дальнейшая работа непроизводительна, ибо желания создать авторитетного О.К. — нет.

В.И. ЛЕБЕДЕВ протестует против такой постановки вопроса. У большинства Съезда — несомненное желание создать О.К. Предложения о том, что лучше разойтись, все время исходят с одной стороны — справа. Пусть они и несут ответственность за это.

Вопрос об авторитетности — оскорбителен. Почему Авксентьев, Руднев, Керенский или Сухомлин, Сталинский авторитетны, а другие активные Члены Партии или члены прежнего состава О.К. не авторитетны? Может быть, авторитетность определяется ошибками и промахами в прошлом. Авторитетны те лица и органы, которые могут и хотят работать на Партию. Настаивает на том, чтобы от каждой группировки было выслушано по одному оратору для мотивировки формулировок.

Предложение принимается, время ораторам — 10 минут.

В.И. ЛЕБЕДЕВ от имени левых товарищей.

О.К. стремился всеми силами созвать Съезд для обсуждения прошлой деятельности и разработки плана на будущее, но отнюдь не для углубления наших разногласий. Фракции на Съезде сейчас образовались искусственно: во многих группах выборы происходили не по фракционному признаку.

Он должен быть выбран в том же порядке, что и на 1-ом Съезде — в Праге без излишних разговоров об авторитетности. Заграницей мы знаем только три имени, возраст и прошлое которых дает право на авторитетность: Бабушка⁵⁴, Лазарев и Минор. Все остальные — по авторитетности равны.

Работавший до сих пор О.К. был достаточно авторитетен и выполнил свою задачу уже хотя бы тем, что, не взирая на весьма тяжелую обстановку и равнодушие к партийной работе партийной среды заграницей, он сумел сохранить целостность Загр<аничной> Орг<анизации>. И созвать Съезд. О.К. в дальнейшем должен пользоваться полным доверием тов<арищей> и возможностью вести самостоятельную работу. Но если поправки, по мнению товар<ищей>, необходимы, можно образовать Конференцию с широким составом.

О.С. МИНОР: Мы представляем здесь 120 чел. партийных товарищей, которые не допускают и мысли о том, что мы можем расколоться. Мы не имеем права этого делать. На Членах Съезда лежит прямая обязанность: сохранить цельность Загр<аничной> Организации. Мы имеем права расходиться до тех пор, пока не будет создан О.К.

Разговоры об авторитетном О.К. — оскорбительны. Никто не имеет права подобным разговорам давать нам ощущение, будто старый О.К. не авторитетен.

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ: Как видите, мы действительно напрасно теряем время. В.И. ЛЕБЕДЕВ и О.С. МИНОР хотят изобразить из нас раскольников. Мы можем вернуть им этот упрек. Такой подход к существу дела — демагогия. Не было речи о более или менее авторитетных товарищах. Разговор идет о желательности создания широкого О.К. с широкими политическими заданиями, а не узкий деловой, как предлагаете вы. В этот исключительный момент требуется сугубая авторитетность и дееспособность О.К. Задания его должны быть исключительно широкими, а в соответствии с этими заданиями должен быть и состав О.К.

СТАЛИНСКИЙ предлагает сделать последнюю попытку: вместо обсуждения принципов выбора О.К. перейти к намечению личного состава его. Может быть на лицах легче будет сговориться.

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ высказывается против этого предложения.

И.М. БРУШВИТ предлагает создать Комиссию для обсуждения создавшегося предложения.

РАУЗЕН предлагает устроить перерыв.

Предложения принимаются.

Комиссия избирается из С.Н. Николаева, В.В. Руднева, И.М. Брушвита, О.С. Минора, Ф.Е. Махина и В.И. Лебедева.

ПРОТОКОЛ

Заключительного Заседания Съезда 6-го мая 1928 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: С.Н. НИКОЛАЕВ, М.В. ВИШНЯК, С.П. ЖАБА, М.А. КРОЛЬ, Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ, В.М. ЗЕНЗИНОВ, И.Н. КОВАРСКИЙ, Н.В. МАКЕЕВ, М.М. ТЕР-ПОГОСЯН, С.П. ПОСТНИКОВ, М.Л. СЛОНИМ, В.И. ЛЕБЕДЕВ, А. ХОНДКОРЯН, И.М. БРУШВИТ, Е.Е. ЛАЗАРЕВ, БЕЛОВЗОРОВ, Л.В. РОССЕЛЬ, Ф.Е. МАХИН, Е.А. СТАЛИНСКИЙ, Л. РАУЗЕН, А.С. СИЗОВ, О.С. МИНОР, М.В. КОБЯКОВ, В.В. РУДНЕВ, Е.Ф. РОГОВСКИЙ.

Председательствовал В.В. РУДНЕВ.

Секретарь М.В. КОБЯКОВ.

Протокол вел М.В. КОБЯКОВ.

Председательствующий В.В. РУДНЕВ, открывая Заседание, доводит до сведения Съезда, что в результате работы Комиссии, составленной для изыскания выхода из создавшегося положения, составлена резолюция, которая и предлагается к принятию Съездом.

Резолюция эта следующая: «Второй Съезд Заграничной Организации Партии Социалистов-Революционеров, состоявшийся в Париже 26 апреля — 6 мая 1928 года, заслушав и обсудив доклад Областного Комитета и его деятельности за отчетный период, а также доклады по организационным вопросам, единогласно принял нижеследующие постановления:

1. Съезд постановляет продлить полномочия Областного Комитета, избранного на первом (Пражском) Съезде Заграничной Организации Партии С.-Р. На срок до следующего Съезда. Заявление В.Я. ГУРЕВИЧА о его выбытии из состава Комитета принимается к сведению.

2. Съезд поручает Областному Комитету подготовить и созвать следующий Съезд Заграничной Организации Партии С.-Р.

3. Съезд единодушно осуждает поведение т. н. “Союза Социалистов-революционеров за границей”, возглавляемого В.М. ЧЕРНОВЫМ.

Съезд не усматривает оснований партийно-общественного характера для откола от Заграничной Партийной Организации 10 человек в особый “Заграничный

Союз Партии с.-р.”, самым категорическим образом протестует против попытки этой группы внести раскол и разложение в ряды единой Заграничной Организации Партии с.-р. И проходит мимо недопустимой кампании тех систематических искажений истины, которым эта группа пытается оправдать свой откол от Заграничной Организации П.-С.-р.

4. Констатируя, что “Революционная Россия”, превращенная в орган отколовшейся группы, является орудием дальнейшего разложения и распада Партии, Съезд Заграничной Организации Партии с.-р. отказывается видеть в “Революционной России” центральный орган Партии.

5. Съезд самым решительным образом осуждает В.М. ЧЕРНОВА и его группу за то, что они, нарушив партийные традиции и перешагнув пункт партийной программы о федерации, примкнули, без предварительного обсуждения вопроса Организацией Партии С.-Р., к “Социалистической Лиге Нового Востока”, задачи и деятельность которой направлены на расчленение России, мыслимой Съездом как федерация народов.

Съезд солидаризируется с постановлением Исполнительного Комитета Рабочего Социалистического Интернационала, запрещающим Партиям Рабочего Соц. Интернационала участвовать в Социалистической Лиге Нового Востока, равно как и с решением Раб. Соц. Интернационала предложить Международному его Конгрессу запретить и персональное участие Членов Партий Раб. Соц. Интернационала в международных объединениях, направление коих находится в противоречии с программой и тактикой Раб. Соц. Интернационала.

Ввиду этого Съезд полагает, что участие Членов Партии С.-Р. в подобном объединении совместно с представителями Организаций, враждебных Рабочему Социалистическому Интернационалу и ведущих против него ожесточенную борьбу, является совершенно недопустимым».

Резолюция принимается единогласно.

М.Л. СЛОНИМ предлагает окончательную редакцию резолюции поручить Президиуму, после чего резолюцию надлежит опубликовать в газете «ДНИ».

Предложение принимается без прений.

Председательствующий от имени Президиума предлагает, за недостатком времени, оставшиеся не заслушанными доклады: а) о текущем политическом моменте — СУХОМЛИНА и КЕРЕНСКОГО, б) об экономическом положении — СТАЛИНСКОГО и в) Земельный вопрос — В.В. Руднева, — не заслушать и просить докладчиков обработать тезисы докладов и сообщить их через Областной Комитет группам, а также опубликовать в печати.

Предложение Президиума принимается единогласно.

Председательствующий от имени Президиума предлагает поручить Президиуму обратиться от имени Съезда: а) с приветствием к товарищам в России, б) к Е.К. Брешко-Брешковской и в) выразить соболезнование З.Д. Р.С.Д.Р.П. по случаю смерти АКСЕЛЬРОДА⁵⁵.

Предложение это принимается единогласно.

Вследствие состоявшегося между фракциями об оглашении заявления от групп по случаю несостоявшегося соглашения по основному вопросу — о новом

составе Областного Комитета — предоставляется слово представителям групп для указанных заявлений.

От имени правой фракции делает следующее заявление Н.Д. АВКСЕН-ТЬЕВ: «Цель, с которой мы шли на Съезд, одушевленные желанием создать, наконец, ту внутривнутрипартийную демократию, от отсутствия которой страдала вся наша Партия в ее работе за границей, осталась неосуществленной не по нашей вине. Мы думали, что это может быть достигнуто в особенности теперь, при том тяжелом положении, в котором находится Партия в России, при испытании, которое она пережила за границей, благодаря раскольническим действиям Чернова и его немногочисленной группы, и, наконец, главным образом вследствие того опыта, который привел к столь очевидному краху системы, с которой мы боролись. Повторяю, наши ожидания не осуществились.

Когда мы констатировали в речах наших товарищей из другой Фракции отсутствие у них воли к признанию, что все течения заграничной части Партии находятся в пределах партийной идеологии, мы настаивали на полной ясности, на принятии определенной резолюции.

Это было отвергнуто.

Несмотря на это, мы попытались еще раз подойти к этому вопросу с другой, организационной, стороны и предложили вложиться всем активно в работу, создавши широкий Областной Комитет, выполняющий все функции областной политической и организационной работы, которая так необходима областной организации.

Это тоже оказалось отвергнутым.

При таких условиях мы с глубоким прискорбием вынуждены констатировать, что задачи, которые мы ставили Съезду, не выполнены: соглашения по организационному вопросу не достигнуто и областного центра — действенного и широкого — не создано.

Решение же наше продлить полномочия прежнего Областного Комитета мы приняли исключительно во имя того, чтобы не порвать окончательно партийного единства. Мы рассматриваем этот Областной Комитет не как активный, организующий общее действие центр, а лишь как символ нашей неумирающей воли к единству и надежде, что это единство, несмотря ни на что, в более благоприятной обстановке, осуществится».

Заявление от имени левой фракции делает В.И. ЛЕБЕДЕВ. Представленное в письменном виде, оно гласило: «Мы шли на Съезд, вполне сознавая ту величину идеологических разногласий, которые имеются в Заграничной Организации Партии. Сознвая, что Партия в России нуждается в помощи, которую Заграничная Организация может ей принести, и имея волю к созданию единого органа областной организации, считает, что на первом Пражском Съезде были заложены основы консолидации эсеровской эмиграции, стремясь устранить все то, что могло нарушить нормальное течение партийной жизни, не желая ни в какой мере оценивать ту или иную степень участия в партийной работе отдельных групп, мы полагали, что Съезд был обязан и мог создать Областной Комитет.

На Съезде образовались три фракции: правая, группа не входивших в правую фракцию и стоящих на позиции Съездов и Советов Партии, наконец, так наз. де-

ловая. Мы полагали, что, не отводя персонально никого, Съезд мог создать деловой и авторитетный Комитет З.О. Мы полагали, что не авторитетность отдельных товарищей, а авторитетное избрание Съездом действительно деловых товарищей является признаком деловитости и авторитетности Комитета. И мы считали, что этим были бы действительно закреплены демократические формы жизни нашей организации.

Этого не случилось не по нашей вине. Здесь совершенно неправильно истолковывали, что мы будто бы рассматриваем товарищей правой фракции неравноправными нам. Мы предлагали резолюцию, в которой ясно и определенно сказано обратное. Но мы сейчас полагаем, что наш взгляд, наша оценка роли партийной эмиграции, как верного помощника Партии в России, правильна, и эмиграция не может и не должна претендовать на руководство всей партийной жизнью.

Областной Комитет, если он примет тяжелую миссию продолжать свое существование в том же составе и если к тому представится возможность, не имеет права отказаться от активной работы и никто из Членов партийной организации не вправе отказать ему в своей помощи. Левая фракция по мере своих сил деятельно примет участие в партийной жизни и не считает возможным прекратить эту работу. Фракция будет воздерживаться от ярко фракционных партийных выступлений, но она будет всегда стараться в своей работе проводить точку зрения партийных постановлений, принятых и тех, что будут приняты Партией».

От имени не входивших во фракции т.г. МИНОРА и ХОНДКАРЯНА делает заявление А.Т. Хондкарян: Я должен констатировать, что заявление В.И. ЛЕБЕДЕВА о существовании трех фракций на Съезде не соответствует действительности. На Съезде присутствуют делегаты двух фракций — правой и левой — и два товарища, отрицательно относящихся к фракционным выступлениям. К сожалению, разделение на фракции у нас существует в Партии уже давно и на выборах на настоящий Съезд фракции выступали вполне самостоятельно. Благодаря этому и Съезд свелся исключительно к переговорам делегаций двух фракций, двух поллярных сил Партии. Благодаря существованию фракции мы логически пришли на данном Съезде к полной неудаче, для дальнейшего мы выражаем пожелание, чтобы при существовании различных идеологических течений у нас не было бы отдельных самостоятельных фракций.

Ввиду принятого Съездом постановления о продлении полномочий Областного Комитета прежнего состава присутствующие на Съезде Члены Областного Комитета просят объявить перерыв и дать им возможность принять по этому постановлению то или иное решение.

Согласно заявленной просьбе, объявляется перерыв.

По окончании перерыва С.Н. НИКОЛАЕВ, от имени присутствующих на Съезде следующих 6 Членов Областного Комитета прежнего состава: О.С. Минора, Е.Ф. Роговского, Ф.Е. Махина, В.И. Лебедева, Л.В. Росселя и С.Н. Николаева — делает следующее заявление: «Наличные Члены О.К. могут говорить лишь от своего имени, не имея полномочий от отсутствующих Членов О.К. Мы в полной мере сознаем тяжесть нашего положения. Положение это исключительно своеобразное: Областной Комитет, существуя и неся ответственность, ограничен в своих

действиях. С одной стороны, часть Съезда говорит, что он должен действовать в полной мере, как нормальный Областной Комитет. Другая часть Съезда говорит, что Областной Комитет должен быть только символом единства Заграничной Организации. Согласовать два эти мнения чрезвычайно трудно. Что же нам остается делать при таком положении? Мы полагаем, что кроме обязательств, налагаемых на нас фракциями, мы имеем ответственность и перед интересами Партии. Поэтому мы полагаем, что мы, находясь в затруднительном положении, должны обращаться в определении своего поведения и к своей совести, как совести партийных людей. Мы поэтому думаем, что во всех случаях нашего ответственного поведения мы будем руководствоваться нашей партийной совестью, а в случаях особо важных мы будем обращаться к мнению и поддержке всех партийных заграничных товарищей и к их организациям».

Съезд заявление 6 Членов О.К. принимает к сведению.

В заключение Съезд принимает следующие, внесенные Президиумом Обращения:

«Второй Съезд Заграничных Организаций Партии С.-Р. шлет привет своим товарищам в России — тем, кто борется под старыми знаменами Партии за конечное торжество ее идеалов, и тем, кто томится в тюрьмах, концентрационных лагерях, ссылке.

Заграничная Организация Партии С.-Р., неразрывная часть Партии, в непоколебимом сознании своего единства со всей Партией в целом, видит главный смысл своей работы за границей в помощи товарищам в их активной борьбе против восторжествовавшей в России большевистской реакции».

Председательствующий В.В. Руднев от имени Съезда выражает благодарность наличным Членам Областного Комитета за согласие их продолжить работу Областного Комитета.

Объявив работы Съезда законченными, Председательствующий объявляет Съезд закрытым.

¹ Макеев Николай Владимирович (1889–1975). Из мещан. Окончил Владимирское реальное училище. Эсер с 1904 г. Секретарь князя Г.Е. Львова. В 1917 г. председатель губернской земской управы, председатель губернского исполкома, председатель губернского Совета КД. Делегат III съезда ПСР. Участник заседания УС 5 января. Эмигрант. Масон. Участник совещания членов УС в Париже в 1921 г. Литературовед. Второй муж писательницы Н.Н. Берберовой (в 1933–1947 гг.). См.: [Протасов 2008, с. 335].

² Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943). Из дворян, сын чиновника. По окончании Пензенской гимназии учился на юридическом факультете Московского университета. С 1899 г. в революционном движении, один из лидеров студенческого движения, был исключен из университета. Продолжил обучение в Германии, окончил университет в Галле, доктор философии. С 1902–1903 гг. в ПСР. Масон (с 1913). В 1905 г. член Петербургского Совета (современники отмечали его как оратора); был арестован и сослан в Обдорск, бежал за границу, возглавлял правое крыло партии. Вернулся в Россию в апреле 1917 г. В 1917 г. делегат III и IV съездов ПСР, член ЦК. Председатель Исполкома Всероссийского Совета КД, министр внутренних дел Временного правительства (июль–сентябрь), председатель Демократического совещания и Предпарламента. Был арестован в декабре 1917 г.,

заключен в Петропавловскую крепость, освобожден по ходатайству левых эсеров. Избран в УС как обязательный кандидат ПСР в Бессарабском, Могилевском, Новгородском и Пензенском округах и на Северном фронте. В 1918 г. участвовал в создании Союза возрождения России. Стронник широкой антибольшевистской коалиции, председатель Уфимской Директории (сентябрь–ноябрь 1918 г.). После переворота Колчака выслан в Китай. В эмиграции жил во Франции, США. Председатель совещания членов УС в Париже в 1921 г. За блокирование с кадетами исключен из ПСР. Издатель журнала «Современные записки». См.: [Протасов 2008, с. 246].

³ Тер-Погосян Михаил Матвеевич (1890–1967). Эсер, депутат Учредительного собрания. В 1917 г. состоял в распоряжении военного министра (А.Ф. Керенского); участник Гражданской войны, воевал против большевиков на юге России, в Закавказье и Персии. Масон, мастер ложи «Объединенное братство». С 1919 г. в эмиграции в Берлине, с 1925 г. в Париже. Сотрудник газеты «Дни» в 1923–1927 гг.; директор Кинематографического общества.

⁴ Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953). Из дворян, сын купца 1-й гильдии, чаоторговца. В 1899 г. окончил гимназию, учился в университетах Западной Европы. В революционном движении с 1899 г. Один из лидеров ПСР, с 1909 г. член ЦК. В 1905 г. арестован, выслан в Архангельскую губернию, откуда скрылся в эмиграцию. Вернувшись в Россию, вступил в Боевую организацию ПСР. В 1906 г. вновь арестован, выслан в Якутию, бежал за границу. В 1910–1914 гг. вновь находился в якутской ссылке, в устье Индигирки. В 1914 г. освобожден. Масон. В 1917 г. активный участник Февральской революции. Возглавлял Петербургский комитет ПСР. Делегат III и IV съездов ПСР, редактор газет «Дело народа» и «Партийные известия». Делегат I Всероссийского съезда Советов РСД, избран во ВЦИК. Покинул II Всероссийский съезд Советов РСД в знак протеста против захвата власти большевиками. Обязательный кандидат ПСР в УС (баллотировался, но не был избран в Петрограде и Москве). Член бюро фракции, участник заседания 5 января. Входил в состав Кочуча, Уфимского совещания, Директории. После колчаковского переворота в ноябре 1918 г. выслан в Китай. Жил в Париже, США, член Заграничной делегации ПСР, сотрудничал в эсеровских печатных изданиях. См.: [Протасов 2008, с. 299].

⁵ Керенский Александр Федорович (1881–1970). Депутат IV Государственной думы по списку трудовиков, товарищ председателя Петросовета (1917). Во время Февральской революции — член Временного комитета Государственной думы, товарищ председателя исполкома Петросовета. С марта 1917 г. — в партии эсеров. Министр юстиции во Временном правительстве (2 марта — 5 мая 1917 г.). В 1-м и 2-м коалиционном правительствах (май–сентябрь 1917 г.) военный и морской министр. С 8 июля по 25 октября 1917 г. — министр-председатель Временного правительства, с 30 августа одновременно Верховный главнокомандующий. С 1918 г. в эмиграции. См.: [Чубыкин 2009а].

⁶ Руднев Вадим Викторович (1874/79–1940). Из дворян, сын чиновника. Окончил Воронежскую гимназию (1897), учился на медицинском факультете Московского университета, исключен в 1901 г. В 1905 г. лидер московских эсеров, участник декабрьского восстания в Москве, с 1907 г. — член ЦК ПСР. Высылался в Иркутскую губернию, в Туруханский край. Выехал за границу, учился в Базеле. В 1914 г. вернулся в Россию, оборонец, работал врачом. В 1917 г. председатель Московского комитета ПСР. С июля городской голова. Участник Демократического совещания, глава Комитета общественной безопасности в дни восстания большевиков в Москве. Делегат III и IV съездов ПСР. Обязательный кандидат ПСР в УС, избран от Алтайского и Московского столичного округов. Председатель фракции ПСР УС, участник заседания 5 января. В 1918 г. входил в Союз возрождения России. В 1919 г. эмигрировал. Редактор «Современных записок». В эмиграции входил в правое крыло. См.: [Протасов 2008, с. 375–376; Цветаева, Руднев 2005; Чубыкин 2009б].

⁷ Вишняк Марк Вениаминович (1883–1975). Сын купца 1-й гильдии. Окончил в 1901 г. Московскую гимназию с серебряной медалью, учился в Берлине и Фрайбурге (Германия),

окончил, будучи нелегалом, юридический факультет Московского университета (1908). В революционном движении с 1905 г., эсер, делегат I съезда ПСР. Участник Московского восстания 1905 г. В 1906 г. эмигрировал. Добровольно вернулся и в 1910 г. выслан в Нарымский край на 4 года, освобожден досрочно по болезни. Четыре раза подвергался арестам. С 1912 г. вольноопределяющийся, с 1914 г. служил в Союзе городов. В 1917 г. член Особого совещания по УС, участник Государственного и Демократического совещаний, секретарь Предпарламента. Член Исполкома Всероссийского Совета КД. Делегат III съезда ПСР. Избран как обязательный кандидат ПСР в УС в Тверском и Ярославском округах, член бюро фракции, секретарь УС, участник заседания 5 января. В 1918 г. был арестован в Киеве при гетмане Скоропадском. Сторонник широкой антибольшевистской коалиции. С 1919 г. эмигрант, жил во Франции, затем в США. Редактор журнала «Современные записки». См.: [Протасов 2008, с. 273].

⁸ Кроть Моисей Аронович (1862–1942). Из мещан. В 1880 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, был дважды исключен за участие в студенческих беспорядках, окончил экстерном Новороссийский университет (1887). Присяжный поверенный. С 1880 г. народоволец. В 1887 г. сослан в Селенгинск на 10 лет. Был в эмиграции. С 1908 г. в Иркутске, возглавлял общество по изучению Сибири, вместе с В.Г. Архангельским и Е.Ф. Роговским издавал журнал «Народная Сибирь». Масон. В 1917 г. эсер, делегат III съезда ПСР. В 1918 г. входил в состав Комуча, член Сибирской областной думы. В 1919 г. эмигрировал в Харбин, затем в Париж. Сотрудничал в журнале «Современные записки». См.: [Протасов 2008, с. 321].

⁹ Жаба Сергей Павлович (1894–1982). Студент юридического факультета Петербургского университета. Член партии эсеров (1915). В 1920–1921 гг. был заключен в тюрьму за защиту академических свобод от диктатуры большевиков. Бежал из России (1922). Долгое время жил во Франции. Журналист, эссеист и религиозный мыслитель. Был близок к благотворительной и культурно-просветительной организации «Православное дело», основанной матерью Марией (Скобцовой). См.: [Жаба 1923; 1954].

¹⁰ Хондкарян Аршам Тевосович (1883–?). Юрист, деятель эсеровской партии Закавказья, член парламента Республики Армения двух созывов. С 1921 г. в эмиграции.

¹¹ Лазарев Егор Егорович (1855–1937). Из крестьян, сын крепостного. Гимназию не окончил. Участник «хождения в народ», проходил по «процессу 193-х». Во время войны с Турцией 1877–1878 гг. участник штурма Карса. С 1883 г. был близко знаком с Л.Н. Толстым, став прообразом Набатова в романе «Воскресение». Был выдан С. Дегаевым, выслан в Забайкалье. В 1890 г. бежал через Японию в США. Жил в Англии, Франции, Швейцарии, входил в Аграрно-социалистическую лигу. В ПСР с 1902 г., с 1907 г. член ЦК. В октябре 1905 г. вернулся в Россию, легализовался. В 1910 г. арестован, ссылка в Сибирь заменена высылкой за границу. В 1917 г. вернулся в Россию. Член Исполкома Всероссийского Совета КД. Делегат IV съезда ПСР. Участник заседания УС 5 января, сторонник решительной борьбы с большевиками. В 1918 г. член Комуча, управляющий ведомством просвещения. В 1919 г. ушел с чехословацким корпусом во Владивосток, затем эмигрировал в Чехословакию, один из издателей «Воли России». Участник совещания членов УС в Париже в 1921 г. См.: [Фролова 2007; Протасов 2008, с. 326; Соколов 2012; Ёхина 2015].

¹² Раузен Лазарь Григорьевич (1884–1960). Типограф, издатель, общественный деятель. Брат И.Г. Раузена. В Одессе работал типографским наборщиком. Член партии социалистов-революционеров, участник революции 1905–1907 гг. В 1920 г. эмигрировал в Париж. Вместе с братом работал в типографиях, участвовал в создании собственного типографского дела. Совладелец (с 1932) типографии «Братья Раузен». До 1939 г. владел типографией «Ménilmontant». Деятель Союза типографов. Активный общественник, член Одесского землячества. С 1940 г. жил в США. С И.Г. Раузенем открыл типографское дело (выполнял

заказы Издательства имени Чехова), затем основал книжное дело. Основатель (вместе с И.Г. Раузенем) и вице-председатель Одесского землячества в Нью-Йорке до кончины.

¹³ Сталинский Евсей Александрович (1880–1953). Публицист, прозаик, литературный критик. Эсер, с 1908 г. в эмиграции во Франции. Парижский корреспондент журнала «Русское богатство». Весной 1917 г. вернулся в Россию, работал в петроградских газетах. В 1919 г. вернулся в Париж. Стал соредактором газеты «Pour la Russie». В 1924–1932 гг. — соредактор журнала «Воля России», в 1927–1932 гг. — журнала «Социалист-революционер». Был близок к НТС. В начале Второй мировой войны переехал в Нью-Йорк.

¹⁴ Россель Леонид Владимирович (1896–1942). Профсоюзный и общественный деятель. Во время Первой мировой войны служил в Иностранном легионе во Франции. В эмиграции жил сначала в Праге, был помощником администратора журнала «Воля России» (в 1925 г. опубликовал воспоминания, статьи о пражском Земгоре и др.). Переехал в Париж. С 1928 г. состоял секретарем Объединения русских рабочих при Генеральной конфедерации труда во Франции (CGT), в 1932 г. избран его генеральным секретарем. Выступал на встречах с рабочими в Турине, Марселе, Монтаржи (деп. Луаре) и др., читал лекции о социальных законах и задачах русской эмиграции. В 1938 г. в Лионе выступил перед рабочими с докладом о международном положении и задачах трудовой русской эмиграции. В годы Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления. Был арестован, погиб в немецком концентрационном лагере.

¹⁵ Сизов Александр Сергеевич (1896–1976). Юрист, литератор, редактор, политический деятель. Эмигрировал в Югославию, переехал в Чехословакию, окончил Русский юридический факультет в Праге. Затем жил в Париже, имел частную юридическую практику. В 1930 г. входил в административный совет Объединения русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ОРОВУЗ). Участвовал в устных выпусках журнала «Кочевье»; в 1931 г. выступил на диспуте о кризисе эмиграции и ее втором поколении. С 1930-х гг. сотрудничал с советскими органами. Во время Второй мировой войны был заключен в немецкий концлагерь. В 1943–1944 гг. один из редакторов газеты «Русский патриот», в апреле 1944 г., после разгрома газеты, был арестован. В 1944 г. председательствовал на учредительном собрании Союза русских патриотов, связанном с его легализацией. В 1945 г. был избран генеральным секретарем русской Генеральной конфедерации труда во Франции (CGT). Редактор газеты «Рабочее слово» (1946). Выступил с докладом в Русской секции CGT (1946). В 1947 г. был выслан французскими властями в СССР.

¹⁶ Слоним Марк Львович (1894–1976). Сын раввина. Окончил Флорентийский институт высших наук, доктор философии. В 1915–1917 гг. учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета. Масон. Участник заседания УС 5 января. В 1918 г. редактор «Народного дела» в Киеве. Член Комуча. С 1920 г. в эмиграции в Чехословакии, член Заграничной делегации ПСР. Редактор «Воли России», литературный критик. Племянник литературоведа Ю. Айхенвальда. См.: [Протасов 2008, с. 384].

¹⁷ Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965). Из дворян, сын статского советника. Окончил Архангельскую духовную семинарию (1903), Коммерческий институт (1915). Поднадзорный с 1903 г. Эсер с 1906 г. В 1908 г. в эмиграции в Швейцарии. В 1909 г. выслан из Таврической губернии. В 1911 г. просил об ускорении дела («политической деятельностью не занимаюсь»). В 1912 г. основал журнал «Заветы». В 1913 г. входил в Петербургский Совет РД, был арестован. С осени 1914 г. работал в Союзе городов. В 1917 г. гласный Петроградской думы. Секретарь редакции «Дела народа». Делегат III съезда ПСР. Участник заседания УС 5 января. Делегат VIII Совета ПСР в мае 1918 г. В 1921 г. эмигрировал в Финляндию, затем жил в Берлине, Праге. Член Заграничной делегации ПСР. Один из основателей Русского заграничного исторического архива, составитель «Библиографии русской революции и гражданской войны» (1938). В 1945 г. депортирован из Чехословакии в СССР, был сослан на 5 лет в Североуральск. С 1950 г. жил в Никополе, работал швейцаром

в ресторане. В 1957 г. возвратился в Чехословакию. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге. Реабилитирован в 1989 г. См.: [Лисенкова 1996; Протасов 2008, с. 366].

¹⁸ Кобяков Михаил Васильевич (1897 — не ранее 1931). Эсер, член пражской группы ПСР.

¹⁹ Минор Осип Соломонович (1861–1934). Сын раввина, еврейского писателя. Учился на юридическом факультете Московского университета. Окончил Демидовский лицей. С 1883 г. народоволец. В 1885 г. сослан в Якутию на 10 лет. За участие в «якутской истории» в 1889 г. приговорен к бессрочной каторге, замененной поселением в Восточной Сибири. В 1902 г. эмигрировал. Участвовал в Аграрно-социалистической лиге, делегат I и II съездов ПСР. В 1909 г. арестован, выслан в Восточную Сибирь, освобожден после Февральской революции. Делегат III и IV съездов ПСР, участник Государственного и Демократического совещаний, член Предпарламента; председатель городской думы Москвы. Обязательный кандидат ПСР в УС. Участник заседания 5 января. В 1918 г. член Комуча, центрист, в 1919 г. эмигрировал. Участник совещания членов УС в Париже в 1921 г. Член редколлегии «Воли России». См.: [Протасов 2008, с. 345; Бочарова 2009; 2011].

²⁰ Николаев Семен Николаевич (1880–1976). Из крестьян. Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу, духовную семинарию, юридический факультет Казанского университета. Учитель, присяжный поверенный, служил в Симбирском окружном суде. С 1903 г. эсер. В 1909 г. выслан в Енисейскую губернию. В 1915 г. направлен в школу прапорщиков при Павловском военном училище. Служил в 142-м пехотном запасном полку (Симбирск). Летом 1917 г. мировой судья в Чебоксарах. В 1918 г. заведовал чувашским подотделом губкомпроса, затем секретарь Комуча, был арестован колчаковцами в Уфе. Член УС ДВР, судебный чиновник во Владивостоке. С 1922 г. жил в Чехословакии, заведовал Русской библиотекой в Праге. Автор мемуаров «Крушение Комуча» (ГА РФ). В 1945 г. депортирован в СССР. С 1946 г. находился в ГУЛАГе, сослан в Красноярский край, освобожден в 1957 г., вернулся в Чехословакию. Реабилитирован в 1992 г. Автор воспоминаний: *Николаев С.* Воспоминания // Лик. 2006. № 3 (7). Июль–сентябрь. С. 42–84; 2006. № 4 (8). Октябрь–декабрь. С. 73–136; 2007. № 1 (9). Январь–март. С. 61–134; 2007. № 2 (10). С. 60–130; *Он же.* Воспоминания. Прага, 2015. См.: [Александров 1997, с. 144–146].

²¹ Роговский Евгений Францевич (1888–1950). Из дворян, сын судьи. Окончил Саратовскую гимназию, юридический факультет Петербургского университета. Присяжный поверенный. Эсер с 1905 г., боевик. Был в ссылке в Иркутской губернии, сотрудничал в журнале «Народная Сибирь». В 1917 г. член Иркутского исполкома общественных организаций, затем городской голова Петрограда. Делегат III съезда ПСР. Обязательный кандидат ПСР в УС. Участник заседания 5 января. Делегат VIII Совета ПСР в мае 1918 г., член Комуча, товарищ министра внутренних дел Директории. В ходе военного переворота в Омске 18 ноября 1918 г. арестован колчаковцами и выслан в Китай. Эмигрант. Масон. В годы Второй мировой войны участник французского движения Сопротивления. В 1940-е гг. директор Русского дома в Жуан-ле-Пэн на Лазурном берегу. См.: [Протасов 2008, с. 373].

²² Сухомлин Василий Васильевич (1885–1963). Из мещан, по другим сведениям — из казаков. Сын народовольца (сестра — вторая жена В.М. Чернова), детство прошло на Каре. Окончил Ялтинскую гимназию, учился в Новороссийском и Петербургском университетах, в университете Монпелье (Франция). В революционном движении с 1898 г. В 1904 г. арестован как эсер, был выслан в Тобольскую губернию, в 1907 г. бежал из ссылки за границу. В 1917 г. вернулся в Россию, на IV съезде ПСР избран в ЦК, левоцентрист. Обязательный кандидат ПСР в УС, участник заседания 5 января. В 1918 г. редактор газеты «Дело народа». Эмигрировал в марте 1918 г., входил в Заграничную делегацию ПСР. Сотрудничал в социалистических изданиях, член Исполкома II Интернационала. С 1941 г. в США, призвал к поддержке СССР, сотрудничал в просоветских изданиях. В 1942 г. вышел из Нью-Йоркской группы ПСР. Обвинялся эмиграцией в связях с большевиками. С 1945 г.

во Франции, принял советское гражданство. В 1951 г. выслан из Франции как коммунистический агент. Вернулся в СССР в 1954 г. См.: [Сухомлин, Полторацкая 2007].

²³ Лебедев Владимир Иванович (1883–1956). Публицист, писатель, литературный критик, общественно-политический деятель, эсер, член Военной организации партии эсеров в период Первой российской революции 1905–1907 гг. В период Первой мировой войны — оборонец. Вступил добровольцем во Французскую армию, лейтенант французской службы, воевал в русском отряде волонтеров. После Февральской революции вернулся в Россию. Помощник военного и морского министра (с мая 1917); временно управляющий Морским министерством в первом коалиционном составе Временного правительства. Член комиссии «для восстановления порядка» (июль 1917). В июле–августе управляющий Морским министерством. Член Учредительного собрания от партии эсеров. В Самаре был одним из организаторов Народной армии. С 19 июня 1918 г. назначен членом Военного штаба Комуча; с 6 августа полковник. Известен взятием Казани, где действовал как уполномоченный Комуча. С 29 июля товарищ управляющего Военным ведомством Комуча. Участник Государственного совещания в Уфе. В конце 1918 г. посетил США и Францию, где вел переговоры с союзными правительствами об оказании военной и экономической помощи России. В эмиграции находился в Праге, член редколлегии журнала «Воля России» (1921–1932). Входил в областной Комитет заграничных организаций партии эсеров. Умер в США. Автор книги «Борьба русской демократии против большевиков» (Нью-Йорк, 1919). См.: [Памяти В.И. Лебедева 1958].

²⁴ С 16 по 24 ноября 1923 г. социалисты-революционеры провели в Праге первый съезд заграничных организаций ПСР (см.: Революционная Россия. 1923. № 32. С. 26–30).

²⁵ Гуревич Виссарион Яковлевич (1876–1940). Из дворян, сын владельца частной гимназии. Учился в Берлинском университете, окончил юридический и физико-математический факультеты Петербургского университета. Присяжный поверенный. Поднадзорный с 1898 г., эсер. Масон. В 1914 г. пытался объединить неонароднические группы, ездил в Париж для встречи с Авксентьевым, Натансоном, Вороновым, Фондаминским, Онипко и др. В 1917 г. член Исполкома Всероссийского Совета КД, участник Демократического совещания, член Предпарламента. Делегат III и IV съездов ПСР, член ЦК. Делегат II Всероссийского съезда Советов РСД. Обязательный кандидат ПСР в УС, член бюро фракции, участник заседания 5 января. В 1918 г. входил в состав Комуча. В 1920 г. министр в правительстве М.С. Бинасика во Владивостоке, гласный городской думы. С 1920 г. находился в эмиграции в Праге, член Заграничной делегации ПСР, председатель эмигрантского Земгора, управляющий Русским заграничным историческим архивом, профессор Русского юридического факультета. См.: [Протасов 2008, с. 286].

²⁶ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952). Окончил Саратовскую гимназию, учился на юридическом факультете Московского университета. С 1892 г. участвовал в студенческом движении. В 1894 г. арестован по делу «Народного права». Выслан в Камышин, затем в Тамбов. В 1899 г. выехал за границу, занявшись разработкой теории крестьянского социализма. С 1901 г. эсер, с 1903 г. член ЦК и Заграничного комитета ПСР. Вновь эмигрировал после поражения первой революции. Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций интернационалистов. Вернулся в Россию в апреле 1917 г. Товарищ председателя Петроградского Совета, редактор газеты «Дело народа», лидер левого центра ПСР. В мае–августе министр земледелия Временного правительства. Обязательный кандидат ЦК ПСР в УС. На заседании 5 января избран председателем УС. В 1918 г. входил в Комуч. Возглавил Съезд членов УС. Жил в подполье в Москве. В 1920 г. эмигрировал. См.: [Чернов 1993; 2010; В.М. Чернов: человек и политик 2004; Коновалова 2009; Аврус, Новиков 2013; Письма В.М. Чернова 2014].

²⁷ В декабре 1922 г. в Берлине состоялось частное совещание представителей групп ПСР за границей (см.: Революционная Россия. 1923. № 24–25; 26–27; [Партия социалистов-революционеров 2000, с. 928–954]).

²⁸ Рабинович Борис Николаевич (1886–1942). Окончил Пензенскую гимназию, Горный институт. Горный инженер. В 1900 г. организовал ученический кружок. С 1902 г. в революционном движении, эсер, боевик, участник ряда терактов. Был арестован за подготовку убийства Столыпина, освобождения М. Спиридоновой, отпущен за недоказанностью обвинения. Находился в эмиграции. В 1914 г. мобилизован в армию, солдат 44-й артиллерийской бригады. В 1917 г. руководитель Военной организации ПСР 12-й армии, товарищ председателя исполкома Советов СД Северного фронта. Входил в Предпарламент от 12-й армии. В годы Гражданской войны эмигрировал. Секретарь Заграничной делегации ПСР. Арестован гитлеровцами в Праге, погиб в концлагере. Шурин А.Р. Гоца. См.: [Протасов 2008, с. 368–369].

²⁹ Архангельский Василий Гаврилович (1868–1948). Сын дьякона, личный дворянин. Окончил Самарскую духовную семинарию, юридический факультет Юрьевского университета и Московскую духовную академию, кандидат богословия. Учитель. В 1905 г. отстранен от преподавания за агитацию против правительства, но в 1906 г. пожалован орденом за деятельность в народном образовании. Член II Думы. Эсер с 1906 г. В том же году выслан за границу. В 1908 г. приговорен к 6 годам каторги, жил в Черемхове и Иркутске. Сотрудничал в журнале «Народная Сибирь». В 1917 г. делегат III и IV съездов ПСР, избирался в состав ЦК. Гласный Иркутской городской думы, член Исполкома Всероссийского Совета КД, делегат Демократического совещания, член Предпарламента. С августа входил в состав Временного правительства. Избран как обязательный кандидат от ПСР в Иркутском и Самарском округах. Член бюро фракции ПСР, участник заседания 5 января. Участник Уфимского совещания в сентябре 1918 г., центрист. В 1919 г. эмигрировал в Чехословакию, один из основателей и управляющий Русского заграничного исторического архива. См.: [Александров 2001; 2002; Фролова 2005].

³⁰ Русанов Николай Сергеевич (1859–1939). Политический деятель, публицист, мемуарист. Участник народнических кружков конца 1870-х — начала 1880-х гг., сотрудник журналов «Дело», «Русское богатство». В 1882–1905 гг. в эмиграции. Входил в группу старых народолюбцев, один из создателей партии эсеров, член ее ЦК. С 1914 г. — главный редактор журнала «Русские записки». С 1918 г. в эмиграции.

³¹ Шрейдер Григорий Ильич (1860–1940). Из мещан. Окончил юридический факультет Харьковского университета. Народник с 1880-х гг. Эсер, в 1904–1905 гг. редактор «Сына Отечества», привлекался к суду с С.П. Юрицыным. В 1907–1917 гг. эмигрант. Во время Первой мировой войны оборонец. В 1917 г. городской голова Петрограда, член Предпарламента. Обязательный кандидат ПСР в УС, участник заседания 5 января. В 1918 г. возглавлял Юго-Восточный комитет членов УС (Екатеринодар), издавал газету «Родная земля». В ноябре 1918 г. арестован денкинскими властями. Эмигрант. С 1925 г. член Заграничной делегации ПСР. См.: [Протасов 2008, с. 425; Гардзонио 2004].

³² Селецкий Петр Александрович (1889–1938). Украинец, образование незаконченное высшее. Бывший эсер, агент ГПУ. В мае–июне 1923 г. был делегатом от Центрального Бюро ПСР на съезде Социалистического Интернационала в Гамбурге. Разоблачен 25 мая 1924 г. Заграничной делегацией ПСР, которая использовала информацию, полученную от бежавшего за границу бывшего агента ГПУ Н.А. Беспалова (см.: Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 4–8). В 1930-е гг. работал юристом-консультантом в НИИ по удобрениям Главхимпрома. Арестован 11 февраля 1938 г. Осужден 7 июня 1938 г. тройкой при УНКВД СССР по Московской обл. Расстрелян 1 июля 1938 г. Реабилитирован в августе 1989 г.

³³ «Революционная Россия» — журнал, центральный орган партии социалистов-революционеров. Юрьев, 1920–1921. № 1–18; Берлин, 1922–1923. № 19–31; Прага, 1923–1931. № 32–78. См.: [Кудрявцев 2011; Базанов 2015].

³⁴ Бюллетень издавался в 1922 г. параллельно на немецком (вышло 123 номера), английском (33 номера), итальянском (60 номеров) и французском (23 номера) языках. См.: [Базанов 2008, с. 65–66].

³⁵ «Воля России» — издательство эсеровского направления в Праге. Основано в 1920 г. В.М. Черновым, В.Я. Гуревичем, Ф.С. Мансветовым, С.П. Постниковым, В.И. Лебедевым, М.Л. Слонимом, Е.А. Сталинским, В.В. Сухомлиным и др. Выпустило около 30 книг. См.: [Базанов 2008, с. 69–72].

³⁶ Чернов В.М. Конструктивный социализм. Прага, 1925.

³⁷ Правильно: Сталинский Е.А. Пути революции. Прага, 1925.

³⁸ Лимитрофы (*лат.* limitrophus — пограничный) — название государств, образовавшихся после 1917 г. на окраинах бывшей Российской империи: Эстония, Литва, Латвия, отчасти Польша и Финляндия.

³⁹ Второй Конгресс Социалистического Интернационала состоялся в Марселе в августе 1925 г.

⁴⁰ Верещак Семен Иванович (? — не ранее 1931). Эсер, председатель исполкома Совета солдатских депутатов, образованного в Тифлисе 6 марта 1917 г. На I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов избран членом ВЦИК. В 1917 г. выдвинут по спискам эсеров кандидатом в депутаты Учредительного Собрания от Закавказского округа, но избран не был. В феврале 1918 г. комендант и председатель штаба по охране г. Тифлиса. В 1921 г. эмигрировал вместе с членами правительства Грузии; проживал в Праге, сотрудничал в журнале «Воля России», где публиковал статьи об экономике СССР. Автор воспоминаний о встречах со Сталиным в Бацловской тюрьме в Баку и жизни с ним в ссылке в Колпашеве (Дни. 1928. 22, 24 янв.) и рукописи «Революция в Закавказье».

⁴¹ Алко Илья Соломонович (1891–1935). Издатель. Член партии эсеров. С 1921 г. в эмиграции. Состоял членом Российского земско-городского комитета (Земгор) в Праге. Переехал во Францию.

⁴² Ригана Владимир Антонович (1884 — не ранее 1939). Учитель математики и физики, и.о. директора (1932–1934) Пражской русской гимназии. Редактор журнала «Русская школа за рубежом». С 1938 г. преподаватель гимназии в Мукачево в Подкарпатской Руси.

⁴³ Брушвит Иван Михайлович (1879–1946). Из крестьян. Окончил уездное и реальное училища, работал телеграфистом. Учился в Горном институте. Поднадзорный с 1898 г., эсер. В 1916 г. добровольно пошел в армию, прапорщик. В 1917 г. председатель исполкома губернского Комитета народной власти, гласный Самарской городской думы. Участник заседания УС 5 января. С января 1918 г. несколько месяцев провел в большевистской тюрьме. В мае 1918 г. в Пензе присоединился к восставшим чешским легионерам, участвовал в боях, один из организаторов и руководителей Комуча, управлял ведомством финансов. Эмигрировал вместе с чехословацким легионом. Участник совещания членов УС 1921 г. в Париже. Жил в Чехословакии, создавал Русский заграничный исторический архив в Праге, председатель Пражского Земгора. В 1945 г. депортирован в СССР, Особым совещанием при НКВД приговорен к 5 годам заключения. Умер в тюрьме. Реабилитирован в 1992 г. См.: [Протасов 2008, с. 265].

⁴⁴ Коварский Илья Николаевич (Свенцянский Иуда Натанович; 1880–1962). Из мещан, сын фабриканта. Учился в Киевском политехническом институте, окончил медицинский факультет Дерптского университета. Врач. Эсер с 1899 г., привлекался в 1901 г. в Киеве, в 1903 г. в Житомире. С 1909 г. член ЦК ПСР. С 1911 г. был в эмиграции, отошел от партии. В 1917 г. член Московского комитета ПСР, товарищ городского головы Москвы. Делегат III съезда ПСР. Обязательный кандидат ПСР в УС. Член бюро фракции, участник заседания 5 января. Сторонник широкой антибольшевистской коалиции. В 1919 г. эмигрировал, жил в Париже. Основал издательство «Родник». С 1940 г. жил в США, где возглавлял Общество российских врачей. См.: [Протасов 2008, с. 312].

⁴⁵ Яковлев Иван Иванович (? — не ранее 1942). Социалист-революционер. После 1917 г. эмигрировал, входил в состав Внепартийного демократического объединения.

⁴⁶ Очевидно, имеется в виду «Р.Р.» — «Революционная Россия».

⁴⁷ Скобцова Елизавета Юрьевна (урожд. Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева; 1891–1945) — монахиня Мария (известна как Мать Мария), монахиня Константинопольского Патриархата (Западноевропейский Экзархат русской традиции) русского происхождения. Поэтесса, мемуаристка, участница французского Сопротивления. См.: [Varaut 2000; Александрова 2002; Агеева 2003].

⁴⁸ «Социалист-революционер» — журнал под редакцией членов Заграничной делегации ПСР С.П. Постникова, М.Л. Слонима, Е.А. Сталинского, В.В. Сухомлина. Париж — Прага, № 1 (1927) — № 6 (1932). См.: [Кудрявцев 2011, с. 828].

⁴⁹ Имеется в виду Заграничный Союз ПСР, созданный в 1927 г. В.М. Черновым.

⁵⁰ *Tabula rasa* (лат.) — «чистая доска».

⁵¹ «Современные записки» — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, издававшийся в Париже в 1920–1940 гг. (всего 70 книг) при участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка, А.И. Гуковского, В.В. Руднева. См.: [Вокруг редакционного архива 2010; Современные записки 2011–2014; Базанов 2003].

⁵² «Дни» — газета (редакторы — А.Ф. Керенский, А.В. Милашевский и др.) выходила с 29 октября 1922 г. в Берлине, а затем в Париже. В 1928 г. преобразована в еженедельник «Дни» (издавался с 9 сентября 1928 г. по 4 июня 1933 г.). Всего 173 номера. См.: [Кудрявцев 2011, с. 270].

⁵³ Союз социалистов-революционеров максималистов организационно самоопределился на Первой учредительной конференции (г. Або, Финляндия, 10–24 октября 1906 г.).

⁵⁴ Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934). Из дворян. Получила домашнее образование. В своем имении основала школу, библиотеку. Оставив семью, ушла в революционную работу. С 1873 г. состояла в кружке «чайковцев», осуждена на каторгу по «процессу 193-х», после побега получила новый каторжный срок. Находилась на поселении в Селенгинске. С 1901 г. — в руководстве ПСР, член ЦК в 1902–1905 гг. и в 1907 г. Идеиная сторонница «аграрного терроризма». С 1907 г. провела более двух лет в Петропавловской крепости, выслана в Восточную Сибирь. В 1917 г. делегат III и IV съездов ПСР, участница Государственного совещания, член Предпарламента. Принадлежала к правому крылу партии. Депутат Учредительного собрания. В 1918 г. член Комуча, участница Уфимского совещания. С 1919 г. в эмиграции. См.: [Протасов 2008, с. 264].

⁵⁵ Аксельрод Павел Борисович (1850–1928). Видный деятель российской социал-демократической рабочей партии, меньшевик. В 1874 г. бежал из-под ареста и эмигрировал в Берлин, затем в Женеву. В 1879 г. вернулся в Россию, в 1880 г. вновь эмигрировал, поселился в Цюрихе. В 1883 г. один из основателей марксистской группы «Освобождение труда». Участник конгрессов II Интернационала в 1893 и 1896 гг. Член редакции газеты «Искра» в 1900–1903 гг. На втором съезде РСДРП (1903) один из лидеров меньшинства. В 1908–1911 гг. редактор газеты «Голос социал-демократа». В мае 1917 г. вернулся в Россию, с августа 1917 г. во второй эмиграции.

Б.В. Яковенко

СТАТЬИ ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ «РОССИЯ» 1917–1918 гг.*

*Предисловие и комментарии О.Т. Ермишина,
перевод с итальянского языка Ю.Г. Россиус*

Борис Валентинович Яковенко (1884–1949) — философ, один из авторов и редакторов журнала «Логос» (1910–1914, 1925), издатель журнала «Русская мысль» («Der Russische Gedanke», 1929–1931), сначала пропагандист немецкой философии в России, затем — популяризатор русской философии в Западной Европе. Его философские книги и статьи переводились и издавались на нескольких европейских языках (немецком, итальянском, чешском). Однако гораздо менее известен Яковенко в качестве журналиста и публициста, написавшего десятки политических статей, которые являются важным дополнением для понимания его общего мировоззрения.

В отличие от многих своих соотечественников, Яковенко оказался в эмиграции еще до революции 1917 г. После учебы в Германии, в Гейдельбергском и Фрейбургском университетах, он не вернулся в Россию, а поселился в Италии, в Кавиди-Лаванья (около Генуи), откуда часто ездил в Петербург и Москву по научным и издательским делам. Последний раз Яковенко посетил Россию весной 1914 г., после чего за событиями мировой войны следил из итальянской глубинки. В Италии Яковенко прожил достаточно долго — до 1924 г., пока с семьей не переселился в Чехословакию. Однако с Италией он навсегда сохранил культурные связи. После отъезда из Италии Яковенко активно занимался переводами для итальянских издательств: в 1924–1929 гг. он перевел около десяти книг из русской литературной классики (Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, А.П. Чехова, Н.В. Гоголя и др.) [Jakovenko 1984, p. 335].

Февральские и мартовские революционные события 1917 г. не только изменили государственный порядок в России, но принесли перемены в среду русских эмигрантов, живших в Италии. 24 марта 1917 г. Италия признала Временное правительство. Вскоре после этого события Яковенко переехал в Рим, чтобы принять участие в активной политической и публицистической деятельности. В декабре 1917 г. бывшее посольство России в Риме (под руководством посла Временного правительства М.Н. Гирса) начинает выпускать газету «La Russia» («Россия», 1917–1918), в которой Яковенко стал одним из редакторов и авторов. Первый же номер «России» от 2 декабря 1917 г. открывался программной статьей Яковенко

---

* Предисловие и комментарии подготовлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-00126 «Русское присутствие в Италии в первой половине XX века».

«От редакции». В этой статье Яковенко изложил свой политический идеал и надежды на будущие положительные изменения не только в России, но и во всей Европе. По мнению Яковенко, война, идущая в Европе три года, есть не только гигантское потрясение и разрушение привычного мира, но она принесет изменения в национальную жизнь, социальные отношения и духовную культуру, потому что должна закончиться очевидной победой демократических сил. Для Яковенко война идет не между военно-политическими союзами, а между автократией, представленной Германией и ее союзниками, и демократией, к которой относятся Антанта и Россия. Демократические страны, в том числе новая Россия, участвуют в «великом походе во имя свободы народов и мира на всей земле». Основной задачей новой газеты Яковенко считал стремление найти путь к преодолению отчуждения и непонимания между Россией и ее европейскими союзниками.

Довольно идеалистический взгляд Яковенко на российскую действительность постепенно менялся под влиянием новостей с родины. Особенно его потрясло известие о заключении Брестского мира с Германией. В августе 1918 г. Яковенко направил в Организационное бюро Союза «Возрождение России в единении с союзниками» письмо со своей оценкой текущих событий в России. По его мнению, революция уничтожила старый государственный порядок, но не создала новый демократический строй. Внешние враги воспользовались временной слабостью России, чтобы расчленить ее территорию и овладеть страной. Яковенко призывал к преодолению хаоса на пути к новому демократическому порядку. Для этого власть должны взять здоровые силы, а не предатели, заключившие мир с Германией [Яковенко 1918/2000]. Одновременно с ростом критических настроений Яковенко из-за разногласий с другими членами редакции покидает газету «Россия» и становится директором, издателем газеты «La Russia nuova» («Новая Россия», 1918–1919), которая занимает открытую антибольшевистскую позицию. Результатом публицистической деятельности Яковенко, его участия в выпуске двух газет на итальянском языке, явилось написание более шестидесяти статей, которые освещают самые важные политические события 1917–1919 гг. в России и Западной Европе. Продолжением политической публицистики Б.В. Яковенко можно считать две его работы: исследование «История великой русской революции» (было написано по заказу итальянского издательства, но впервые издано в 2013 г. [Яковенко 2013]) и брошюру «Философия большевизма» (Берлин, 1922).

В 1984 г. сын философа Дмитрий Яковенко собрал статьи отца и издал их отдельным сборником «Статьи о политических событиях в России 1917–1921 гг.» [Jakovenko 1984]. Он же переиздал брошюру Б.В. Яковенко «“Содружество народов” или “вражда народов”?», выпущенную газетой «Новая Россия» в 1919 г. на английском языке [Jakovenko 1969]. Однако ни одна из политических статей Б.В. Яковенко до сих пор не была переведена на русский язык. Настоящей работой это упущение исправлено. Ниже публикуются три статьи, которые специально переведены для «Ежегодника» по изданию 1984 г. [Jakovenko 1984, p. 1–10, 84–88]. К заголовку каждой статьи дана ссылка с выходными данными первого издания. В тексте оригинала встречаются отдельные опечатки, которые в процессе перевода исправлены по смыслу.

Литература

- Яковенко 1918/2000 — Борис Яковенко [Политическая декларация] (1918) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2000 г. М.: ОГИ, 2000. С. 293–296.
- Яковенко 2013 — Яковенко Б.В. История великой русской революции. М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына: ВИКМО-М, 2013.
- Jakovenko 1969 — *Jakovenko B.* The «Society of Peoples» or the «Hostility of Peoples»? Melbourne, 1969.
- Jakovenko 1984 — *Jakovenko B.* Articoli su avvenimenti politici in Russia 1917–1921. Melbourne, 1984.

ОТ РЕДАКЦИИ*

Мировая война, которую мы ныне переживаем, есть одно из тех событий, что случаются единожды за столетие или тысячелетие.

Ею завершается одна историческая эпоха и начинается другая. Она являет собой не только конфликт между двумя союзами государств, но и столкновение двух общественных систем, двух политико-культурных течений.

Почти все соглашаются с тем, что это колоссальное потрясение безусловно приведет человечество к новым формам национальной жизни, классовых отношений и духовной культуры. Оно разрушает остатки аристократии как внутри государств, так и в международных отношениях и призывает к безраздельному господству и мощному созидательному труду мировую демократию.

Эта жестокая война, развязанная силами реакции, завершится победой демократических сил.

Немецко-среднеевропейская коалиция, объединившая три наиболее деспотические державы Европы, вступившая в превентивную войну с целью консервации своего господства над некогда подчиненными народами и ради усиления и приумножения своей политической и экономической гегемонии в Европе и во всем мире, — это реакционная, «самодержавная» сила. Мировая коалиция, под воздействием событий и вослед их логике постепенно соединившая все крупные демократии мира, — сила, без сомнения, прогрессивная и демократическая.

Если какое-то время назад еще имелись хоть какие-то основания для того, чтобы сблизить ту и другую воюющие стороны по причастности к одному и тому же греху империализма, то со вступлением в конфликт Америки и с рождением демократической России ситуация определилась с окончательной и полной ясностью. Особые интересы и частные права отдельных государств мировой демократической коалиции отчасти отошли на второй план, отчасти растворились в общих конечных целях демократического международного права. Подобно тому как в давние времена мирные и трудолюбивые жители какого-нибудь квартала спешили вооружиться, чтобы дать отпор шайке разбойников, так и сегодня все крупнейшие демократии мира сжали тевтонского агрессора в кольцо, чтобы обес-

---

* Editoriale // La Russia. 1917. № 1. 2 dicembre.

силить, разоружить и навсегда обезвредить его, иными словами, чтобы обезопасить себя в будущем от любых проявлений международного насилия.

В этом великом походе во имя свободы народов и мира на всей земле не только право, но, на наше счастье, и сила на стороне демократической коалиции. Числом солдат, совокупностью технических средств она втроекратно превосходит силы противника. Более того, силы ее наполовину еще свежи, тогда как вражеские войска близки к полному материальному и моральному истощению.

В таких условиях на пути мировой демократической коалиции к успеху может стоять единственная серьезная опасность — опасность усталости от напряжения сил и от страданий, опасность соблазна добиться немедленного их прекращения, переложив их на плечи грядущих поколений; лишь маловерие, внутренний разлад, близорукий подсчет текущих жертв и будущих прибылей способны ослабить, разъединить союзников и склонить их если не к сепаратному договору с врагом, то во всяком случае к миру, основанному на компромиссе, лишенному идеальных принципов, непрочному, несущему в себе роковые семена новой войны в скором будущем.

Эту единственную возможность видит ныне для себя и основывает на ней свои надежды германская коалиция. Устами Гинденбурга¹ она уже выразила убежденность в том, что именно немецкие нервы выдержат дольше, а между тем с помощью тысячи интриг силится посеять раздор в демократической коалиции.

Для победы в борьбе против этой опасности демократическая коалиция нуждается лишь в одном — в тесном, глубоком и нерушимом единстве своих участников. Только признавая совершенное совпадение своих законных частных интересов с общими целями, только признавая невозможность обеспечить первые без завоевания вторых; только проникнувшись глубоким чувством духовного родства и братства всех демократий в этой гигантской общей борьбе за всемирные человеческие идеалы; только слившись в единый нерушимый монолит, сумеют союзные демократии быстро справиться со все еще могущественным противником и смогут диктовать ему условия демократического мира во всей его полноте, мира, который станет Великой Хартией свободы наций, торжественной и неоспоримой как вердикт высшего международного суда.

Существует единственный путь к полному единению демократий: их «взаимопознание». Без него не может быть надежной и глубокой связи между ними. Общеизвестно, что вражда и страх царствуют среди диких и варварских народов и исчезают с развитием отношений между народами и ростом их знания друг о друге. То, что не до конца познано, поначалу выглядит сомнительным, затем подозрительным и, наконец, угрожающим. Только вырвав корень зла — неполное знание одних о других, — сможем мы избавиться и от ядовитого плода, неполного единства между союзными демократиями.

Очевидно, что взаимное незнание никогда еще не было столь вредоносным как в отношениях между Россией и остальными союзниками. Западноевропейские (и с ними американская) демократии ближе друг к другу географически, более схожи между собой с точки зрения культуры, лучше осведомлены одна о другой, ввиду чего связывающие их узы довольно прочны. Однако Россия с ее

необозримым пространством, от всех далекая, наделенная совершенно особым характером, почти неизвестная, невольно внушает странное ощущение колоссальной силы, нависающей как грозная загадка не только перед лицом врагов, но и перед лицом друзей; она подобна облаку, среди которого в туманном отдалении видится шевеление жутких чудищ.

Единственный ключ к жизненно необходимому и на войне, и в мирное время союзу между Россией и другими демократиями — это подлинное познание ими России (ибо сама она давно уже знает их в весьма удовлетворительной степени), приближение союзных демократий к истинному ее пониманию.

Расширить брешь в стене незнания и нравственной отчужденности, отделяющей братские демократии от России, — вот цель, которую ставит перед собой наше издание.

Следует признать, что не только западные страны, но и сами мы, русские, делаем и делаем для этого слишком мало. Краткие, нерегулярные и противоречивые сообщения в газетах лишь констатируют уже свершившиеся события, сопровождая их маловразумительными русскими словами с варварским привкусом. Внутреннее содержание событий при этом остается для западного читателя практически неуловимым, равно как и подспудная связь между ними, а главное — значение тех особых глубинных процессов, выражением коих они являются. Именно взаимосвязь фактов русской жизни и углубленное, правдивое их объяснение и составляет предмет наших трудов.

Мы двинемся к этой цели самым прямым путем, проливая свет на Россию во всей ее полноте, ее сущности и духе. Мы попытаемся в немногих важнейших чертах, под самым объективным и широким углом зрения из всех возможных охарактеризовать ее историю, ее культуру — материальную и духовную. Со всей тщательностью, честно и правдиво мы покажем, с какой стороны раскрывается сегодня Россия в апокалиптической буре современности — в войне и революции.

Чтобы достичь нашей цели, мы, избрав ради скорейшего начала разговора и доступности его широким кругам публики форму еженедельника, тем не менее сохраним ту серьезность тона и основательность проработки, какой требует ученый журнал или книга.

Краткость, но не поверхностность: таким будет наш девиз. Мы будем стремиться дать как можно больше конкретных известий о русской жизни, сколь можно более разнообразных, причем так, чтобы известия эти не нагромождались хаотически, но сосредоточивались вокруг главных тематических ядер, что будет способствовать их организации и дополнительному освещению, распределялись по научным и художественным приложениям и сопровождалась обобщающими фундаментальными статьями и документами, предназначенными для роли путеводителей.

Такого рода глубокое и серьезное знакомство с Россией необходимо и возможно в первую очередь для Италии.

Оно необходимо, ибо сколь бы ни были скудны знания о России на Западе вообще, именно в Италии они несомненно скуднее, нежели где-либо еще. Италия давно уже пренебрегала должным изучением истории, культуры, научной и ху-

дожественной деятельности России, а ныне оказалась менее всех затронута тем возрождением интереса к России, какое в иных странах было вызвано войной и революцией.

Между тем для Италии, в силу несомненного и значительного сходства и родства ее с Россией, познание этой последней представляет куда менее трудную задачу, нежели для других стран. В общественной жизни (и более всего среди сельского населения), в общем психологическом строе итальянцев и русских, даже в той исключительной, по сравнению с прочими народами, легкости, с какой итальянцы осваивают разговорную русскую речь, — во всем этом проявляется особенное сродство Италии с Россией.

В России берет начало Восток, в Италии — Запад. Географически Италия протянулась словно мост между Западом и Востоком. И в этот торжественный и решительный час, во исполнение своей исторической миссии и во имя союза в войне и в мире, да будет Италия, как прозревал пророк ее, Мадзини², связующим звеном между демократиями Запада и Востока.

Nota Bene

Наша газета впервые выходит в свет в исключительно тяжелые дни. Коса войны, до сих пор неспешным, но упорным давлением итальянского войска прорезывавшая борозду на австрийской земле, внезапно повернулась вспять и вонзилась в живое тело Италии.

Маятник русской революции насильно отброшен влево попыткой ленинского мятежа: в минуту, когда пишутся эти строки, еще невозможно предугадать, каким будет исход событий; нам отчетливо видна лишь разворачивающаяся у нас перед глазами картина страданий, навлекаемых на подвергнутое столь тяжким испытаниям отечество.

Мы уверены в искреннем сочувствии, которое Италия питает в сей миг к России, охваченной родовыми муками революции. Ведь и мы страдаем не только из-за неблагоприятной судьбы, которая посредством Италии ударяет по всем народам, объединившимся в общей борьбе за свободу, справедливость и гражданский порядок, но и из-за нравственных и материальных тягот, через кои проходит сегодня Италия.

Так же как Америка, и притом задолго до нее, невзирая на куда большие опасности, грозящие ей, Италия вступила в мировую войну без того, чтобы вынудила ее к этому какая-либо внешняя необходимость, но лишь по велению внутренней убежденности в том, что интересы Италии неразделимы с общечеловеческими. Не в каждом и не всякий раз пламя этой идеи горело с одинаковой силой: подчас оно колебалось и слабело — так же, как было это и в России, и повсюду, — отчасти подпав под туманное обаяние выморочных доктринерских умозрений, оставшихся в стороне от пути, избранного жизнью, а отчасти и под воздействием затхлых миазмов примитивного животного эгоизма. Но пробил роковой час, и вот уже весь итальянский народ, полный осознанием необходимости войны и победы в ней, весь целиком загорается благородным огнем борьбы.

Италия дала миру Гарибальди³, великого вождя революционной освободительной войны, и Мадзини, гениального ее пророка. Ныне перед нами исполнятся его пророчества. Подобно тому как явился однажды миру Христос, как гремели когда-то битвы крестовых походов, как свершилась Реформация, как восторжествовала Великая французская революция, так и сегодня, в нынешней войне закручивается спираль Великой европейской революции. История, в божественном своем творении созидая Человечество, избирает зрелое время и народы, готовые к свершению величайших переворотов, когда надлежит дать смертный бой и пожертвовать собою для всесожжения во имя счастья грядущих поколений.

Простые души понимают подобные вещи с особой ясностью. Вот слова, прозвучавшие в устах иных из русских солдат: «Как Христос отдал себя ради того, чтобы свершилась среди людей революция, так ныне и мы выносим тяготы этой войны ради новой правды»... «Мы сгораем словно свечи пред лицом Господа...». Эти живые свечи, пламя которых сияет перед Богом, огненной чертой намечают дорогу, открывающуюся всем нам: неотвратимый и благодетельный путь исторического прогресса.

РОССИЯ И НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ*

Чтобы в точности понять, что происходит сейчас в России, необходимо узнать душу и нрав русского народа. Только такое знание может подсказать ключ к загадке, только оно может дать ответ на подобный же и вместе с тем трагический вопрос: «что дальше?» — вопрос, естественным образом встающий не только перед каждым западным европейцем, но и перед каждым русским.

Поверхностный, случайный наблюдатель, движимый эмоциями, которые вызывает в душе зрелище злополучных событий, и не готовый руководствоваться рациональным анализом и синтезом с должным вниманием собранных и изученных фактов, должен взирать на российскую действительность с беспредельным унынием. Терзаемая внутренним раздором, лишенная порядка и почти разрушенная, Россия — таково впечатление скользящего взглядом лишь по поверхности вещей — исторгла себя из семейства стран антигерманской коалиции и более неспособна оказать никакого положительного влияния на ход продолжающейся борьбы, наоборот: поддавшись обаянию безумных идей, своим заразительным примером она скорее грозит стать источником отрицательного воздействия.

По-иному, однако, видится положение вещей тому, кто по-настоящему знаком с историей России, кто сумел проникнуть в душу ее и в дух ее народа. С исторической точки зрения «главная идея» России, России как государственного единства, вышедшего на арену истории как сплоченный народ, родилась в борьбе за свободу против татарского ига и шаг за шагом закалилась в череде жесточайших испытаний. Смутное время, война со Швецией, вторжение Наполеона: такие воз-

---

* La Russia e il momento attuale // La Russia. 1917. № 1. 2 dicembre.

действия потрясали ее одно за другим, подталкивая и обязывая ее к росту, накоплению силы и развитию.

Глубокие потрясения и ужасные бедствия были ей необходимы: необходимо было, чтобы призрак национальной катастрофы со всей наглядностью вставал перед глазами каждого из русских; необходимы были и унижительный татарский деспотизм, и захват Москвы поляками, и зловещее явление шведских шеренг на юге, и, наконец, победоносное вторжение Наполеона, проникшего в самое сердце России, в Москву, — дабы национальное сознание явилось на свет и, наконец родившись, испытывало все новые потрясения и упорядочивалось под все новыми ударами, пока не укрепится окончательно и не обретет очертания народной и государственной целокупности. Русский народ обрел самосознание и стал самим собой, минув мучительные перипетии своей жизни: непогрешимым свидетельством тому служит его история.

Но есть и другое, неотделимое от первого и не менее верное свидетельство: всякий раз, как новое несчастье обрушивалось ему на голову, русский народ умел сопротивляться и преодолевать его, торжествуя над своими врагами и неся в порыве самозащиты свободу другим народам Европы. Из всех выпадавших ему тягот он вышел победителем только потому, что — в силу определенных жизненных условий и некоторых особенностей России вообще — на карту всякий раз ставилось само ее существование; всякий раз она бывала потрясена *ab imis fundamentis*⁴ — до самых корней бытия, что требовало напряжения всех без остатка жизненных сил ее народа и тем самым давало толчок развитию, укреплению и окончательному становлению его сознания в единстве народа и государства, а с другой стороны, в то же самое время оттачивало это сознание, вынуждая его снова и снова проходить через горнило испытания действительностью.

* * *

Среди обстоятельств, на фоне которых протекает жизнь русского народа, в глаза наблюдателю сразу бросаются два более всего поспособствовавших развитию его самоорганизации и самосознания. Первое — обширность, можно сказать, необъятность земель, занятых им, второе — исключительное разнообразие его этнических составных частей. Государство раскинулось приблизительно на одной шестой части суши, населенной почти сотней различных национальностей. Не естественно ли поэтому, что подобному государственному организму должно требоваться немало времени, прежде чем он придет в движение, и что нужно уязвить его в самую сердцевину его бытия, в качестве народа и в качестве государства, чтобы различные направления мыслей и воли народа, оное составляющего, оказались пробуждены в конце концов к согласному и решительному действию против устрашающего призрака внутреннего краха и чужестранного владычества?

Та же особенность проглядывает сквозь душу русского человека и накладывает свой неизгладимый отпечаток на национальный характер и на все его свершения. Россиянин прежде всего бездеятелен, нерешителен; он предрасположен выжидать, он терпеливо сносит лишения, неприятности, превратности судьбы и

неохотно решается на любой энергичный шаг. Надо подвергнуть его поистине невыносимым пыткам, чтобы он внезапно вскочил во весь рост и нанес могучий разрушительный удар всей своей непомерной силой.

Есть и еще три приметные характеристики русской души, коими объясняется многое в истории этого народа. Русский человек прежде всего весьма простодушен, порывист, прост и доверчив в своих представлениях о жизни; помимо того, он с чрезвычайной легкостью поддается влиянию идей. Всякая сильная идея способна мгновенно завладеть его юным сознанием, сделать его непреклонным, прочно обратить его в свою веру. Для того же, чтобы проникнуть в глубокий внутренний смысл такой идеи, русскому человеку необходимо прожить ее до конца, осуществить ее в мельчайших подробностях без каких-либо ограничений. В нем живет бесхитростный и простосердечный доктринер, которого может разочаровать лишь самая жестокая действительность или мучительный опыт, вызванный той самой идеей. Русский всегда должен «испить свою чашу до дна».

Однако, с другой стороны, если русский человек и простодушен, чистосердечен и уверен в своем идейном мире, он остается равен себе, даже когда настает пора подвести итог и оценить идею, коей он был очарован. Будучи убежден в ее несостоятельности, он умеет честно и отважно признать свое заблуждение, терпеливо нести ответственность за самые отдаленные его последствия и готов искупить свою вину, посвятив все свои духовные и физические силы делу восстановления и возмещения нанесенного вреда. Можно даже сказать, что русский человек любит глубокую боль, любит пострадать ради справедливого исхода, ибо в страдании за идеал он находит очищение, закаляется и готовится к победе над злом, навстречу которому он пошел либо которому он невольно поспособствовал.

* * *

Рассмотрев и сопоставив все эти особенности российской истории и русской души, можно незаметно для себя прийти к совершенно иному и отнюдь не столь пессимистическому и неутешительному выводу относительно событий, ныне свершающихся в России. Над Россией и русским народом в самом деле сгустились мрачные тучи, тяжелые, словно мучительнейший недуг. Все его существо трепещет в муках рождения к новой жизни, а враг между тем не дремлет и всеми средствами стремится воспользоваться положением, чтобы как можно изощреннее навредить ему. Извлекая всю выгоду из временного физического ослабления нашей нации, он все глубже внедряется в нашу территорию; пользуясь тем, что русская душа целиком захвачена идеей свободы и интернационализма, он норовит в качестве обманчивого для России плода этой идеи пожать выгодный для себя мир. В этом направлении он достиг далеко не ничтожных результатов, приведя русскую армию к разложению, приведя к развалу внутреннюю организацию страны и отравив государственный организм ядом анархии.

Для России сегодня несомненно наступила тяжелая минута, когда решается ее судьба, и именно в эти дни уместен становится вопль, шесть месяцев тому — слишком рано! — исторгнувшийся из груди тогдашнего российского военного министра: «Отечество в опасности!»⁵ Но тот, кто знает историю и душу России,

прозревает во всем этом не столько призрак смерти, сколько залог грядущей победы. Для него уже занимается заря того дня, когда Россия, до дна испив свою чашу, вновь обретет себя, воспрянет от одной своей границы до другой, соберет в кулак все свои силы и могучим ударом положит конец врагу своему и всей Европы.

Так всегда было прежде и так будет и ныне. Страна контрастов — географических, этнических, исторических, — Россия и на сей раз не может не выпутаться из тисков смерти, чтобы ринуться вперед в могучем и свежем жизненном порыве. Жестокие испытания служили ей колыбелью во младенчестве, жестокие испытания всегда сопровождали ее на всем пути, воспитывали ее, служили ей побуждением и в конце концов направляли на верную стезю — ту, что вела ее к спасению и торжеству справедливого народного начала. Так свершится и на этот раз. Покушение большевиков на само существование России как нации, как народа, как государства, сколь угрожающим и опасным оно бы ни было и как глубоко оно не разъедало бы силы, единство и прочность России, по сути дела есть не что иное, как сильная доза яда, с какой способны справиться лишь исключительно крепкие организмы, но которая подчас бывает единственным средством спасения их от острого недуга. В большевистском перевороте русский народ увидит отражение безобразия той идеи, что целиком им овладела, а увидев, содрогнется от ужаса, остановится в своем безудержном скольжении вниз, обернется и придет в себя. И как только сознание вернется к нему, он мгновенно соберется с силами и обрушится на врага Европы. От искренних друзей России и Европы в этот страшный и трагический час требуется лишь одно: проникнуться ненадолго «русским» терпением, опирающимся на знаменитую европейскую выдержку.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПА*

Ставшая свободной Россия — самый сокрушительный удар по пруссачеству.
Томаш Масарик⁶

Год назад в эти самые дни общественное мнение Западной Европы воодушевленно приветствовало глубокий и радикальный переворот, свершившийся в России. Казалось — и таким было всеобщее ощущение, — что произошедший сдвиг влево, к прочному установлению на русской почве истинно демократического правления, навсегда положит конец вечно чреватой подозрениями неустойчивости, характерной для поведения многих представителей российских правящих кругов в вопросе о неуклонном продолжении борьбы с Германией вплоть до окончательной победы и о возможности сепаратного мира с центральноевропейскими державами. Одновременно создавалось впечатление, что тем самым будет положен конец и естественной политической двусмысленности, неизбежно сопровождавшей участие монархической России, в союзе с демократическими

* La Rivoluzione Russa e l'Europa // La Russia. 1918. № 13/14. 6 aprile.

государствами Европы, в борьбе против центральноевропейских стран, таких же монархий, как и сама Россия той поры. Ныне отношение полностью изменилось: не только без следа исчез весь энтузиазм, не только испарились все надежды, но и сама русская революция, ввиду направления, какое принял ее ход, подвергается суровому и непримиримому осуждению: революция обесчещена, это «немецкая» революция, революция, обернувшаяся предательством!

Противоположной была картина изменения оценок этого события у немцев. Поначалу революция серьезно встревожила правящие круги Германии и Австро-Венгрии, поскольку казалось, что она развивается под знаменем патриотического обновления России, тем более что во главе нового российского государственного порядка на самом раннем этапе революции встали люди, известные своими симпатиями к союзникам и враждебно настроенные к центральной Европе. Кроме того, для Германии и Австрии никак не могло представляться желанным, в пору, столь напряженную и трагическую, формирование у них под боком нового демократического порядка в стране, доселе бывшей надежнейшим оплотом самодержавия. Однако постепенно, по мере того как мало-помалу обнаруживалась глубинная социальная природа русской революции, а политические вопросы и неотделимая от них проблема борьбы против центральных держав отодвигались на второй план, австро-германский подход к делу стал меняться, и в конце концов представители воинствующего самодержавного пангерманизма оказались в Брест-Литовске за одним карточным столом с русскими революционерами, в числе коих были и лица, едва вернувшиеся с каторги, назначенной им за покушения на жизнь русских представителей общей с немцами аристократии.

В этой столь противоречивой оценке русской революции общественное мнение Европы в который раз, как всегда и везде, впало в соблазн чрезмерной эмоциональности, по природе своей слишком поспешной и поверхностной. Сам ход событий показывает, что немцам русская революция поначалу не давала повода для тревоги, у союзников же, напротив, мало было причин для ликования, когда им оставалось лишь надеяться на взлет революционного патриотизма. Но, с другой стороны, стоит нам освободиться от сиюминутных впечатлений и попытаться рассуждать спокойно, держась исторической и объективной точки зрения, и мы вынуждены будем признать, что сегодняшнее ликование немцев опрометчиво и столь же опрометчиво пренебрежение, с каким союзники взирают на русскую революцию, уже будучи готовы во всех смыслах слова похоронить ее.

* * *

В самом деле, каково значение русской революции и куда она стремится с того мгновения, как она разразилась и как продолжает развиваться, — если мы рассмотрим ее в связи с прочими европейскими событиями, т. е. со всем всеобщим процессом современной истории Европы?

Вот уже около трех веков Европа по сути дела остается ареной борьбы двух непримиримо враждующих социально-политических принципов, двух форм народного и национального бытия: самодержавия, потихоньку сходящего со сцены,

и демократического начала, мало-помалу обретающего зрелость и созидательную полноту.

В своем, можно сказать, анахроническом стремлении к самосохранению и сплочению империя Габсбургов стала непроизвольно проявлять те самые колониальные аппетиты, что на протяжении предыдущего века отличали политику всех европейских держав. В силу географического положения австро-германской империи помыслы ее естественным образом обращались к Балканам и здесь входили в столкновение с извечным недругом Турции, старинной защитницей всех славян — с Российской империей.

Со своей стороны Пруссия, превратившаяся в могущественную империю после фиаско Франции в <18>70–<18>71 гг. и унижений, которые юная демократия испытала после всех обрушившихся на нее гроз и бесчисленных неудач, — будучи поставлена перед фактом столкновения интересов между своими союзниками, отдала предпочтение Австро-Венгрии перед Россией. Потому естественно, что Россия вслед за тем обратила свой взор к европейскому Западу, где после катастрофы <18>70–<18>71 гг. острее, чем в остальной Европе зрело ощущение угрозы надвигающейся гегемонии прусского самодержавия и неотделимое от него осознание необходимости принять меры предосторожности и оказать сопротивление враждебному росту и посягательствам.

Истоки идущей сегодня войны кроются именно в тех времена десятилетия между 60-м и 70-м гг. минувшего века, ибо именно в те годы достигло зрелости и окончательно утвердилось прусское самодержавие и именно в те годы стало очевидно, что России предстоит вступить в союз с западными державами и мало-помалу неизбежно претерпеть превращение в демократию согласно воле своего народа, не только чуждого какой-то особой приверженности самодержавию, но даже и не готового самодержавию безоговорочно покориться.

* * *

Такова историко-политическая подоплека разворачивающейся в наши дни войны. Мы взираем на кульминацию битвы, которую издавна ведет за свое существование молодое демократическое начало со старым самодержавным началом, когда последнее, временно набравшись сил, не желает уступить свое место и власть новой жизни и свежим формам.

У нас нет причин скрывать от себя, что эта борьба уже привела к двум последствиям исключительной важности.

Во-первых, сопротивление, оказанное демократическими силами западной Европы, показало, что эти силы, будучи даже недостаточно подготовлены и слабы, как и случилось в 1914 г., оказались настолько жизнеспособны и сплочены, что им удалось сокрушить наступление самодержавия, весьма искусенного во всем, что касается подготовки к завоеванию, и сосредоточившего для того все свои силы и ресурсы. Во-вторых — и это, возможно, еще важнее, — в ходе этой борьбы была одержана первая подлинно демократическая победа: война привела к окончательному падению и распаду российского самодержавного режима.

Нельзя отрицать, что последний, как тогда казалось, вступал в эту войну в теснейшем союзе с демократиями западной Европы и вместе с ними ожесточенно противодействовал гегемонистским замыслам самодержавия центральных держав. Однако в действительности данный союз был явно противоестественным, неустойчивым и, по правде говоря, вынужденным. Это было не союзничество принципов, но лишь альянс интересов, которые с легкостью могли измениться в любую минуту. Самодержавная Россия была бы вполне удовлетворена, если бы ей удалось сохранить свой авторитет на Балканах и довести до исполнения предмет давнишних своих помышлений — уничтожение Турции, для чего достаточно было соответствующим образом ослабить германскую коалицию; однако бывшая Россия, сама зиждящаяся на таком же самодержавии, ни в коем случае не согласилась бы на продолжение борьбы за демократическое преобразование Германии и Австро-Венгрии, что вело бы к разрушению самих основ их самодержавного строя. Дореволюционная Россия противостояла Германии лишь по той причине, что Германия выступала с претензиями на гегемонию — и именно лишь потому, что германская нация желала верховодить в новом Священном союзе самодержавных стран (о том, что планы создания его вынашивались Германией, свидетельствует вся политика Вильгельма II⁷, в частности недавно опубликованные его письма, в особенности переписка с царем). Но в случае благоприятного исхода войны и разгрома центральных держав Россия не пожалела бы сил, чтобы повторить историю 1815 г. и тем самым свести на нет совместный с Англией и Италией «реванш» Франции над немецкоговорящими державами, сама учредив новое издание былого Священного союза под своим началом.

Свершившаяся в России революция означает не только бесповоротное исчезновение всякой возможности для этого, но и окончательный крах самой идеи. Сегодня германское самодержавие охвачено замкнутым кольцом непреклонных демократических сил и не может более рассчитывать на традиционную поддержку с Востока.

* * *

Но разве не противоречит подобной идеологической интерпретации смысла и значения русской революции сама голая и суровая действительность? Вызванное ею исчезновение «восточного» фронта и оккупация обширных российских территорий немецкими войсками разве не грозит распадом Российской империи, — разве не грозят эти животрепещущие факты стать препятствием к достижению целей демократической антигерманской коалиции и оказать существенную поддержку немецкой победе, иначе говоря, помочь сплочению самодержавной Европы?

Если мы не поддадимся сиюминутным раздраженным впечатлениям и сумеем судить бесстрастно, со всем хладнокровием избрав историко-объективную точку зрения, мы вынуждены будем признать, что для столь пессимистичного вывода нет пока еще веских оснований.

Русская революция отнюдь не достигла своего завершения: все российские события, которые так тревожат, раздражают и тяготят напряженное воображе-

ние западноевропейцев, составляют лишь первый этап ее — скажем так, «внутриполитический», — и притом этап отрицающий, разрушительный. Под порывами бури российский народ замкнулся в себе, забыв все, что происходило в мире вокруг него, — что с психологической точки зрения вполне естественно. Но столь же естественно и неизбежно также и скорое его пробуждение, ибо долго жить в совершенном отрыве от реальности невозможно: она все равно нагрянет, чтобы преподать урок. Человеческая история полна такого рода примеров; точно так же и ныне немецкие войска и агенты — по иронии судьбы — всеми способами стараются заставить русского человека образумиться, стремятся вернуть его к действительности и вынудить его вновь взяться за оружие. Тогда начнется второй этап русской революции — назовем его внешнеполитическим, — этап положительный и созидательный, когда русский народ снова повернется против общего европейского врага и своими жертвами и решительными деяниями искупит сегодняшнее свое позорное бездействие.

Несомненно, первая фаза русского возрождения дорого стоит всей антигерманской Европе и еще дороже — самой России; и с той и с другой стороны потребуются огромные усилия и жертвы, чтобы достичь грядущего переустройства России, когда удушающий чад революции рассеется и вновь явится здоровое патриотическое чувство. Однако, невзирая ни на что, все усилия и жертвы обернутся для нас самым щедрым вознаграждением: прочным установлением истинно демократического порядка в одном из преданнейших в прошлом вместилищ деспотии, в прямой связи с чем неизбежно воспоследует и окончательное падение последнего прибежища самодержавия — пангерманского милитаризма.

---

¹ Б.В. Яковенко пересказывает известные слова, которые сказал в ноябре 1914 г. немецкий фельдмаршал Пауль фон Гинденбург (Hindenburg; 1847–1934) корреспонденту газеты «Neue Freie Presse» П. Гольдману: «Война с Россией в настоящее время, прежде всего, вопрос нервов. Если Германия и Австро-Венгрия имеют крепкие нервы и выдержат, а они выдержат, — то мы победим».

² Мадзини Джузеппе (Mazzini; 1805–1872), итальянский политик и писатель. Основатель организации «Молодая Италия» для борьбы за независимость Италии и создание итальянской республики. Участник восстаний и национально-освободительного движения, поддерживал военные экспедиции Дж. Гарибальди.

³ Гарибальди Джузеппе (Garibaldi; 1807–1882), итальянский военачальник и политик. Один из главных лидеров национально-освободительного движения в Италии. Активный участник революционных восстаний и военных действий, закончившихся объединением Италии.

⁴ До основания (*лат.*).

⁵ Б.В. Яковенко подразумевает А.Ф. Керенского, который, вступив в должность военного и морского министра Временного правительства в мае 1917 г., издал приказ № 5, который начинался словами: «Взяв на себя военную власть в государстве, объявляю: 1. Отечество в опасности и каждый должен отвратить ее по крайнему разумению и силе, не взирая на все тяготы...»

⁶ Масарик Томаш Гарриг (Masaryk; 1850–1937), чешский государственный и общественный деятель, философ, социолог. С 1882 г. профессор Карлова университета в Праге.

В 1907–1914 гг. депутат парламента австрийских земель. С 1915 г. участник движения за независимость Чехословакии. В 1917 г. участвовал в России в формировании Чехословацкого корпуса. В 1918–1935 гг. первый президент независимой Чехословацкой республики. Автор труда «Россия и Европа» (1913). Б.В. Яковенко познакомился с Масариком в 1922 г., когда президент Чехословацкой республики лечился на острове Капри.

⁷ Вильгельм II (1859–1941), последний германский император и король Пруссии (1888–1918). Сторонник активной внешней политики и расширения влияния Германии. Один из главных зачинщиков Первой мировой войны 1914–1918 гг., которая завершилась революцией в Германии и свержением монархии. Письма Вильгельма II к императору Николаю II см. в изд.: Переписка Вильгельма II с Николаем II: 1894–1914. М., 1923. Ранее эти письма были изданы в Лондоне, на английском языке (The Kaiser's letters to the Tsar. London, 1920). Б.В. Яковенко, вероятно, имеет в виду первую журнальную публикацию избранных телеграмм Вильгельма II: Императоры Вильгельм II и Николай II. Неизданная переписка // Былое. 1917. № 1 (23); № 2 (24).

«МЫ ЗАБЫЛИ, ЧТО ЗАКОНЫ НАПИСАНЫ
И ПИШУТСЯ ДЛЯ БЕДНЯКОВ»:
ПИСЬМА Г.П. МАКСИМОВА И О.И. МАКСИМОВОЙ
К ЭММЕ ГОЛЬДМАН (АПРЕЛЬ–МАЙ 1927 г.)

Предисловие, подготовка текста и комментарии Н.И. Герасимова

Целый пласт истории социально-политической деятельности российских анархистов-эмигрантов практически не исследован. Единственным систематическим научным трудом по данной теме является диссертационная работа Александра Владленовича Шубина, которая была написана четверть века назад, — в 1993 г. [Шубин 1993]. Текст этого исследования был переработан и изменен им для монографии по истории гражданской войны в России и Испании [Шубин 1998]. Сейчас к теме анархистской эмиграции А.В. Шубин обращается очень редко, лишь в тех случаях, когда речь заходит о неисследованных фрагментах биографии Н.И. Махно [Шубин 2014]. Другие отечественные историки — В.В. Дамье, Д.И. Рублев, А.Ю. Федоров и Я.В. Леонтьев — либо ограничиваются отдельными статьями и очерками на данную тему [Дамье 2011; Рублев 2012], либо «вплетают» исторические сюжеты из жизни анархистов-эмигрантов в общее «полотно» истории международного анархистского движения [Леонтьев, Быковский 2005; Федоров 2015]. Современная ситуация с публикацией первоисточников тоже не отвечает необходимым запросам отечественной исторической науки. Вплоть до 2005 г. переведенная с французского языка книга В.М. Волина «Неизвестная революция. 1917–1921» [Волин 2005] являлась единственным переизданным сочинением, снабженным подробным научным комментарием, которое имело прямое отношение к творческому наследию русских анархистов-эмигрантов.

Тем не менее с 2011 г. ситуация изменилась: внимание к работам эмигрировавших из России анархистов заметно выросло. В книжной серии «Размышляя об анархизме» выходят работы Э. Гольдман и А. Беркмана [Гольдман 2011; 2015; 2016; Беркман 2016]. Изменяется ситуация и с количеством исследований по истории анархистской эмиграции в целом: все чаще в научной печати можно увидеть статьи, в которых деятельность российских анархистов-эмигрантов представлена в качестве самостоятельного интеллектуального сюжета [Герасимов 2015; 2016а; 2017а; Дамье 2016; Рублев 2016]. На страницах «Ежегодника Дома русского зарубежья им. А. Солженицына» также стали появляться соответствующие научные публикации [Герасимов 2016б]. Усилился интерес к истории анархистской эмиграции и на научных мероприятиях: к примеру, одно из собраний на-

учно-просветительского проекта «Отражения» в 2017 г. было посвящено обсуждению феномена анархистской эмиграции в творчестве русских философов в изгнании [Марченко 2017]. 19 мая 2017 г. в стенах Дома русского зарубежья им. А. Солженицына состоялось первое за всю историю современной России научное мероприятие, полностью посвященное изучению творческого наследия российских анархистов-эмигрантов [Герасимов 2017б].

Крайне малое количество опубликованных первоисточников создает у современного ученого ложное представление о социально-политической деятельности эмигрировавших в XX в. анархистов — будто бы российское освободительное движение после триумфальной победы большевиков было настолько обескровлено, что находилось в состоянии абсолютной недееспособности, без возможности как-либо влиять на мировую политику. Систематическая и последовательная публикация эпистолярного наследия теоретиков анархизма позволяет воссоздать действительные исторические реалии — поступательно от разрозненных фрагментов к целостной картине. В письмах отражается и интегрированность российского анархизма в международное леворадикальное политическое движение, и его влияние на культурную жизнь XX столетия, и его связь с феминистской публицистикой 1920–1930 гг. Не стоит упускать из внимания и то, что история анархистской эмиграции является историческим сюжетом, дающим ключ к пониманию рабочей культуры российского зарубежья. Надеемся, что публикуемые письма внесут свой вклад в воссоздание целостной исторической картины. К сожалению, с учетом вышеуказанных обстоятельств, при составлении научного комментария возникли проблемы с идентификацией некоторых упомянутых в документе имен. Часть из них благополучно решена, а та, что вызывает вопросы, снабжена особыми пояснениями публикатора в форме предположений.

История жизни и творчества Григория Петровича Максимова (1875–1954), одного из влиятельнейших теоретиков анархизма первой половины XX в., исследована отечественной наукой очень слабо даже в сравнении с жизнью В.М. Волина¹ и П.А. Аршинова², биографии которых советские

---

¹ Волин Всеволод Михайлович (наст. фам. Эйхенбаум; 1882–1945) — российский анархо-коммунист. Брат советского литературоведа Бориса Эйхенбаума. В 1905–1907 гг. член партии социалистов-революционеров. Стал участником анархистского движения в 1911 г. Соратник Н.И. Махно в годы Гражданской войны в России. Переводчик. Историк русской революции. Был выслан из России в 1922 г. Активный деятель анархистской эмиграции в Париже. Один из главных критиков «платформизма» Н.И. Махно и П.А. Аршинова. После начала гражданской войны в Испании в 1936 г. благодаря Национальной конфедерации труда (далее — НКТ) стал редактором франкоязычного журнала «Антифашистская Испания». В 1938 г. переехал из Парижа в Ним по приглашению писателя-анархиста Андре Приюдоммо (Prudhommeaux), с которым стал издавать антифашистские листовки на французском языке. В 1940 г. переехал в Марсель и стал руководителем Интернациональной революционной синдикалистской федерации.

² Аршинов Петр Андреевич (1887–1938) — анархист, один из влиятельнейших политических деятелей времен Гражданской войны в России. Один из ближайших соратников Н.И. Махно. Эмигрировал в 1921 г. во Францию. В эмиграции разрабатывал концепцию единой «платформы» — всеобщей организации

историки хоть и изучали исключительно в контексте «махновщины», но всё же изучали [Кубанин 1927; Герасименко 1990]. Биография же Г.П. Максимова на этом фоне выглядит «белым пятном» в истории русского анархизма в эмиграции. Вместе с тем это был человек, который после окончания Сельскохозяйственной академии в Петрограде весьма быстро стал одним из учредителей важнейших анархистских издательских и пропагандистских групп — «Голос труда» и Союз анархо-синдикалистской пропаганды (далее — САСП). В том же году он знакомится с О.И. Фрейдлин (1894–1973), своей будущей женой. В «вихре революции» они сближаются и не расстаются до самой смерти. Установить дату, когда их брак был узаконен, пока невозможно, но известно, что не позже 1921 г. В 1918 г. Г.П. Максимова избирают секретарем Исполнительного бюро Всероссийской конфедерации анархо-синдикалистов. В 1919 г. он сражается в рядах Красной армии, но очень скоро приговаривается к расстрелу за неподчинение приказу (речь шла о карательной операции против крестьян) [Гудель 1950]. С 1920 по 1921 г. Г.П. Максимов раскрывает свой талант журналиста и оратора: публикуется в анархистской печати и много выступает на собраниях революционных групп. В 1921 г. он был арестован Чека и помещен в Таганскую тюрьму, где организовал 11-дневную голодовку, в результате которой был выслан из России вместе с женой в составе целой группы «неугодных большевикам» анархистов [Максимов 1922].

Ольга Иосифовна Максимова (урожд. Фрейдлин) в подростковом возрасте принимает участие в революции 1905–1907 гг. Развозит анархистскую литературу по Петрограду, распространяет революционные листовки. В 1907 г. О.И. Максимова была арестована и приговорена к каторге. Ввиду ее «юного возраста» каторгу заменяют ссылкой в Сибирь. В Сибири³ она становится убежденным анархо-коммунистом. В Петроград возвращается в 1917 г. и знакомится с Г.П. Максимовым, который предлагает ей работу в книжном издательстве «Голос труда». Вплоть до 1921 г., не прекращая работу в издательстве, занимается установкой связей между анархистскими группами Харькова, Урала и Москвы.

Эмме Гольдман (1869–1940) посвящено множество статей и книг, в том числе графических новелл [Rudahletal 2007; Drinnon 1961; Porter 2006; Shulman 1998]. В 2000 г. канадский режиссер К. Ромэлис (Romalis) снимает документальный фильм «Эмма Гольдман. Гость-анархист» («Emma Goldman: The Anarchist Guest»). Российскому читателю имя знаменитой феминистки практически неизвестно. С творчеством Эммы Гольдман в России знакомы лишь специалисты по гендерной теории, историки анархизма и философы.

эмигрировавших из России анархистов. Основатель и редактор журнала «Дело труда». Вернулся в СССР в 1934 г. Расстрелян в 1938 г.

³ Точное место ссылки установить не удалось.

Эмма Гольдман, или «Красная Эмма», как позднее называла ее американская пресса, родилась в ортодоксальной еврейской семье в Ковно (совр. Каунас, Литва). С самого детства она ощущала на себе сильнейшее давление патриархальной системы в лице отца, что позднее станет одной из причин ее увлечения анархистской, социалистической и феминистской литературой. Переехав с семьей в Санкт-Петербург, она работала на ткацкой фабрике и впервые столкнулась с деспотическим отношением к женщинам-рабочим. Когда ей исполнилось 17 лет, отец попытался насильно выдать Эмму замуж, она сбежала из дома и эмигрировала вместе со своей сестрой Еленой в Нью-Йорк. Там она работала на текстильной фабрике и стала устанавливать связи с местными рабочими и анархистскими группами. Одно из важнейших событий ее биографии — знакомство в 1890 г. с А. Беркманом⁴. Их любовным отношениям, часто сложным и всегда «свободным», посвящено немало публикаций, в том числе целая книга [Avrich 2012]. Вместе с А. Беркманом Э. Гольдман решила совершить покушение на фабриканта Г.К. Фрика⁵. Покушение оказалось неудачным, но резонанс в американской прессе был велик. В 1906 г. она создала собственный крупный анархистский журнал «Мать земля» («Mother Earth»). Это положило начало ее публицистическому «расцвету» — она стала много писать о проблемах брака, о правах женщин и сексуальном насилии, о дискриминационной политике американских властей и господствующей в обществе гомофобии. В 1919 г. Э. Гольдман, А. Беркман и ряд других анархистов были высланы на пароходе «Буфорд» из США в Россию из-за страха «красной угрозы»⁶. В РСФСР она с энтузиазмом встречает революцию, но очень скоро ей становятся очевидны принципы большевистской политики. В течение двух лет вместе с А. Беркманом Э. Гольдман путешествует по стране и собирает материал для исторического очерка о революционных событиях в России.

---

⁴ Беркман Александр (1870–1936) — анархо-синдикалист, эмигрировавший из Российской империи в США в 1888 г. Вплоть до событий «Советского ковчега» находился под влиянием идей Иоганна Моста (Most), утверждавшего необходимость применения методов индивидуального террора. После неудачного покушения на фабриканта Генри Клея Фрика в 1892 г. Александр Беркман был приговорен к 14 годам тюремного заключения. Выйдя на свободу, он стал сотрудником журнала «Mother Earth» под редакцией Эммы Гольдман. Во время Первой мировой войны был одним из участников антимилитаристской и пацифистской кампании, за что получил двухлетний тюремный срок. Вместе с Эммой Гольдман организовывал профсоюзные стачки и акции протеста против Джона Д. Рокфеллера. В 1919 г. был депортирован на «Советском ковчеге» в Россию, где стал влиятельным политическим деятелем. Лично встречался с В.И. Лениным, убеждавшим его в необходимости жестокой политики большевиков. Ощувив на себе масштаб большевистских репрессий, покинул Россию в 1921 г., эмигрировав в Германию. Тогда же стал членом Международной ассоциации трудящихся (далее — МАТ). В 1925 г. переехал во Францию, где работал переводчиком

⁵ Фрик Генри Клэй (Frick; 1849–1919) — американский предприниматель и финансист. Владелец угледобывающей компании «H.C. Frick & Company». Один из самых активных борцов против профсоюзного движения в США.

⁶ Так называемый «Советский ковчег» — акция правительства США 21 декабря 1919 г. по высылке из страны бывших уроженцев Российской империи.

В 1921 г. чета Максимовых знакомится с Э. Гольдман и А. Беркманом в связи с организацией похорон П.А. Кропоткина. Пары быстро находят общий язык. Их общение перерастает в тесную дружбу. Во время голодовки в Таганской тюрьме Г.П. Максимова поддерживает не только жена, но и его новые «русско-американские» товарищи. В конце года все покидают страну совершенно разными способами. Максимовы высылаются, а Э. Гольдман и А. Беркман уезжают по «собственному желанию», не в силах оказывать какое-либо сопротивление большевистскому режиму. Э. Гольдман приезжает в Лондон, где ее встречают философ Б. Рассел (Russell) и литератор Г. Уэллс (Wells). Максимовы же в это время живут в Берлине и участвуют в издании журнала «Рабочий путь»⁷.

В 1925–1927 гг. происходит своеобразная «точка сборки» на эмигрантском пути Э. Гольдман и семьи Максимовых. Всегда осуждавшая брак Э. Гольдман понимает свое неустойчивое юридическое положение и высокую вероятность стать «никем» без гражданства — в 1925 г. она выходит замуж за английского анархиста У. Колтона (Colton), чтобы получить подданство Великобритании. В том же году она приезжает во Францию, где встречается с недавно прибывшими в страну Максимовыми и А. Беркманом. Здесь они совместно участвуют в работе МАТ, в распространении информации о жестоких репрессиях против революционеров в будущей «стране победившего социализма». Спустя несколько месяцев Г.П. Максимова приглашают к себе чикагские анархисты для работы над журналом «Голос труженика». Он уезжает один, полагая, что жена придет к нему в самом скором времени, когда он сможет решить проблемы с жильем и работой.

После Революции 1917 г. въезд в США для новых эмигрантов становился все сложнее и сложнее. В 1921 г. вступил в силу Закон о квотах, который строго регулировал ежегодное количество новых «переселенцев». В 1924 г. квоты были снижены в три раза. Несмотря на то что Г.П. Максимова по счастливой случайности всё же удалось въехать в страну, а квоты не распространялись на жен эмигрантов, О.И. Максимова приехать к своему мужу в том же году так и не смогла. Не смогла и в следующем году. Обстоятельства разделили супругов. Для многих революционеров Атлантика стала пропастью, преодолеть которую можно было лишь силой хитроумных юридических решений: въезд для анархистов и социалистов был строго запрещен. Э. Гольдман в конце 1926 г. уехала в Канаду, не надеясь уже никогда вернуться в США. В Торонто она начинает работу над своей знаменитой книгой «Проживая свою жизнь» («Living my life») [Goldman 1931] и готовится к лекционному турне по стране. О.И. Максимова остается в Париже. Ее одолевает депрессия. Она не находит сил связаться с В.М. Волиным, А. Беркманом и другими проживавшими в то время во Фран-

---

⁷ «Рабочий путь» — ежемесячный анархо-синдикалистский эмигрантский журнал, издававшийся в Берлине в 1923 г. (март–август) под редакцией Г.П. Максимова, М. Мрачного и Е.З. Ярчука.

ции русскими анархистами-эмигрантами. Канада в конце 1920-х гг. была своеобразной «транзитной зоной» для анархистов, желавших «осесть» в США, — это обстоятельство и позволило решить проблему въезда. Благодаря совместным усилиям рабочих организаций США и Канады, а также участию канадских политиков и лично Э. Гольдман, О.И. Максимовой все же удалось встретиться с мужем в конце 1927 г. в Чикаго.

Приведенные ниже письма раскрывают подробности этого дела. «Планы» Г.П. Максимова и Э. Гольдман, решающие проблему въезда в США О.И. Максимовой, реконструированы благодаря соотнесению публикуемых ниже писем с корпусом архивных материалов в личном фонде Э. Гольдман. Публикуемые материалы раскрывают не только эмиграционную политику США 1920-х гг. — политику защиты от «красной угрозы», но и активное участие ведущих канадских политиков в жизни русских анархистов-эмигрантов. Как видно из писем, в эпоху расцвета социал-демократического движения в Канаде лейбористы и социалисты, члены канадского Парламента, были готовы оказывать поддержку русским анархистам и их семьям, даже несмотря на очевидные идеологические противоречия. Этому можно найти объяснение: социал-демократическая партия ФКС в лице Дж.Ш. Вудсворта (Woodsworth) и А.А. Хипса (Heaps) прекрасно осознавала, что истинное освободительное «левое» движение в России — это не большевики, а те, кто, выступая на стороне рабочего класса, сопротивлялся им.

По разным причинам многие анархисты-эмигранты находили свое будущее в Новом Свете — в США, Канаде, Мексике и Аргентине⁸. Несмотря на то что в Европе в 1920–1930 гг. сформировалась большая русско-еврейская колония, Г.П. Максимов и О.И. Максимова не стремились устанавливать контакты с русским интеллектуальным зарубежьем. Как и многих других анархистов, их интересовала рабочая культура — профсоюзы, профессиональные ассоциации, «левая» рабочая периодика, а также издательские центры, основанные работниками промышленных предприятий. Источник стремительной глобальной индустриализации находился именно в Новом Свете. Там, где развивалась промышленность (вместе с ней и профсоюзное движение), а идеи федерализма и демократии могли сопротивляться надвигающейся эпохе тоталитаризма, анархисты находили почву для революционной работы.

Представленные ниже письма анархиста Г.П. Максимова и его супруги О.И. Максимовой сохранились в Архиве Международного института социальной истории в Амстердаме, в отделе русских коллекций, в личном фонде Эммы Гольдман (1869–1940)⁹.

---

⁸ Впрочем, наступившее в 1930 г. «Бесславное десятилетие» (период диктатур в Аргентине с 1930 по 1946 г.) быстро завершило начавшуюся в стране деятельность русских анархистов-эмигрантов.

⁹ International Institute of Social History. Arch. 00520. Inv. nr. 121. P. 5971–5972, 5977–5982.

Текст публикуемых ниже писем написан от руки, без карандашных и чернильных помет. Орфография и пунктуация современные (но с сохранением специфических особенностей, отражающих индивидуальную авторскую манеру). Общеизвестные имена не комментируются. Восстановленные по смыслу отдельные слова раскрыты в угловых скобках.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

- Беркман 2016 — *Беркман А.* Азбука анархизма. М.: Ленанд, 2016. 200 с.
- Волин 2005 — *Волин В.М.* Неизвестная революция. 1917–1921. М.: НПЦ «Праксис», 2005. 400 с.
- Герасименко — *Герасименко Н.В.* Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М.: Интеграф Сервис, 1990. 128 с.
- Герасимов 2015 — *Герасимов Н.И.* Русская анархистская эмиграция против фашизма: Г.П. Максимов и В.М. Волин // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2015. С. 486–494.
- Герасимов 2016а — *Герасимов Н.И.* Нравственно-философские воззрения П.А. Кропоткина и антифашистская деятельность Г.П. Максимова // Этика П.А. Кропоткина и проблема соотношения нравственности и права: Сб. науч. тр. по материалам Межрегиональной научной конференции 25–26 сентября 2015 г. М.: Изд. центр МГЮА, 2016. С. 147–152.
- Герасимов 2016б — *Герасимов Н.И.* Г.П. Максимов и история русской анархистской эмиграции // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 93–120.
- Герасимов 2017а — *Герасимов Н.И.* «Дело труда — пробуждение» — анархистский эмигрантский журнал // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): Сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Институт российской истории Российской академии наук. М.: Русский путь, 2017. С. 391–396.
- Герасимов 2017б — *Герасимов Н.И.* Круглый стол «История анархистской эмиграции». Москва, 19 мая 2017 г. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 507–512.
- Гольдман 2011 — *Гольдман Э.* Анархизм. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 112 с.
- Гольдман 2015 — *Гольдман Э.* Проживая свою жизнь. Ч. 1. М.: Радикальная теория и практика, 2015. 384 с.
- Гольдман 2016 — *Гольдман Э.* Проживая свою жизнь. Ч. 2. М.: Радикальная теория и практика, 2016. 396 с.
- Гончарок 2017 — *Гончарок М.* Пепел наших костров. Очерки истории еврейского анархистского движения (идиш-анархизм). М.: Common Place, 2017. 400 с.
- Дамье 2011 — *Дамье В.В.* Берлинский центр российской анархистской эмиграции (1920-е годы) // Прямухинские чтения 2009 года. М.: Футурус, 2011. С. 60–63.

- Дамье 2016 — *Дамье В.В.* Всеволод Волин: жизнь ради революции // Прямухинские чтения 2015. М.: Регтайм, 2016. С.114–135.
- Кубанин 1927 — *Кубанин М.И.* Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. Л.: Прибой, 1927. 228 с.
- Леонтьев, Быковский 2006 — *Леонтьев Я., Быковский С.* Из истории последних страниц анарходвижения в СССР: дело А. Барона и С. Рувинского (1934 г.) // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации: Материалы междунар. науч. конф. / сост. П.И. Талеров. СПб., 2005. С. 157–171.
- Марченко 2017 — *Марченко Т.В.* Научно-просветительский проект «Отражения» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 517.
- Рублев 2012 — *Рублев Д.И.* «Теория анархизма М.А. Бакунина... до сих пор представляется в ложном свете»: Письмо Г.П. Максимова к П.Б. Аксельроду. 1923 г. // Исторический архив. 2012. № 5. С. 197–201.
- Рублев 2015 — *Рублев Д.И.* Проблема соотношения свободы и нравственности: взгляд теоретиков анархистской эмиграции (1920–1940-е годы) // Этика П.А. Кропоткина и проблема соотношения нравственности и права: Сборник научных трудов по материалам Межрегиональной научной конференции 25–26 сентября 2015 г. М.: Изд. центр МГЮА, 2016. С. 150–156.
- Федоров 2015 — *Федоров А.Ю. М.А. Бакунин и становление анархизма в Испании // Человек из трех столетий (Прямухинские чтения — 2014: международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М.А. Бакунина). М.: Футурис, 2015. С. 359–381.*
- Шубин 1993 — *Шубин А.В.* Проблема социальной революции в идеологии российской анархистской эмиграции 20–30-х гг. (по материалам эмигрантской периодики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 17 с.
- Шубин 1998 — *Шубин А.В.* Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917–1939 гг. М.: ИВИ РАН, 1998. 232 с.
- Шубин 2014 — *Шубин А.В.* Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и Украине. М.: URSS, 2014. 320 с.
- Avrich 2012 — *Avrich P. Sasha and Emma: The Anarchist Odyssey of Alexander Berkman and Emma Goldman.* Harvard University: Belknap Press, 2012. 528 p.
- Drinon 1961 — *Drinon R. Rebel in paradise: a biography of Emma Goldman.* Chicago: University of Chicago Press, 1961. 349 p.
- Goldman 1931 — *Goldman E. Living my life.* N. Y.: Alfred A. Knopf Inc., 1931. 939 p.
- Porter 2006 — *Porter D. Vision on Fire: Emma Goldman on the Spanish Revolution.* Edinburg: AK Press. 2006. 367 p.
- Rudahl et al. 2007 — *Rudahl S., Wexler A., Buhle P. A Dangerous Woman: The Graphic Biography of Emma Goldman.* N. Y.: The New Press, 2007. 128 p.
- Shulman 1998 — *Shulman A. Red Emma Speaks: An Emma Goldman Reader.* N. Y.: Humanity Books, 1998. 478 p.

10 апреля 1927 года, Чикаго

Дорогая и милая Эмма, Ваше письмо получил в четверг или пятницу, ответ на него отложил до сегодняшнего дня, так как я так физически устаю, что в середине недели не в состоянии ничего делать.

В этом письме вы найдете переписанное письмо Выдриной¹ и оригинал ее письма. Что касается письма Кайзермана², то если оно Вам нужно, то я пошлю Вам его в следующий раз.

Итак, дело с произволом Оли вперлось мне в 500 долларов залога³. Мне думается, если Hears⁴ совместно с Woodsworth-ом⁵ не в состоянии побороть это препятствие, то менее всего на это имеет шанс Mr. <нрзб>hen. Возможна, конечно, какая-нибудь случайность, но в общем-то я смотрю на дело безнадежно и считаю, что осталась одна возможность вытащить Олю из Парижа — это мое возвращение в Канаду. Дело весьма неприятное, но неизбежное, по-видимому. Так как мое возвращение в Канаду раньше июля состояться не может, то до этого я расположен терпеливо ждать исхода дела, так блестяще начатого.

Неделю тому назад получил письмо от Оли. Она, бедняжка, ждет бумаг и откладывает свою поездку с марта на апрель, а теперь с апреля на май... Ну, что же... Ничего не поделаешь. Между прочим, она сообщает, что Ярчуки⁶ выехали в Россию.

Марк⁷ просил у некоторых из местных товарищей денег на дорогу, но они ему отказали не совсем, а на ближайшее время. Судя по всему, он этим обижен и весьма обескуражен. Совершенно напрасно, ибо, если он достанет визу, деньги ему достанут⁸. Но он действует в этом деле как ребенок, а не взрослый человек. Я ему еще раз объясню положение вещей. Что касается моей идейной работы, то журнал⁹ еле-еле может выходить. Качество моих статей значительно понизилось, так как приходится писать в условиях чрезвычайной борьбы за кусок хлеба. Идейный круг сужается, а на лето журнал, надо думать, снова приостановится¹⁰.

Вы уже знаете, что Сакко и Ванцетти приговорены к казни¹¹, и убийство назначено на 10 июля¹². Классовое убийство... За последние два десятилетия американский суд носит слишком яркие классовые черты. Во имя интереса господствующего класса совершенно не считается ни со справедливостью, ни с общественным мнением...¹³ Здесь буржуазия слишком жестока, потому что слишком дика и некультурна... Успешно ли прошел Ваш доклад о Китае?¹⁴ На лето, во всяком случае, вы остаётесь в Канаде?

Сердечный дружеский привет. Жму Вашу руку. Максимов.

---

¹ Установить личность оказалось затруднительным. Возможно, имеется в виду Выдрина Анна Ильинична (1889–?), которая являлась членом РСДРП еще до 1917 г., а в 1921 г. была назначена работником Управления НКПС. Тем не менее отсутствие каких-либо фактов ее сотрудничества с анархистами, а также открытая конфронтация между анархистами и большевиками после 1921 г. говорят против указанного предположения.

² Кайзерман Ханания Мэйер (Caiserman; 1884–1950) — генеральный секретарь Канадского Еврейского Конгресса (1919–1950), идишист, один из лидеров рабочего движения Канады. Оказывал материальную поддержку для идиш-литераторов, таких как И. Рабинович (Rabinovitch) и Я.И. Сегал (Segal). Дом Х.М. Кайзермана и его супруги (Сары Виттал-Кайзерман) в Монреале в 1920–1930 гг. был излюбленным салоном для многих художников и писателей. В 1930-е гг. Х.М. Кайзерман боролся с антисемитским движением в Квебеке. В годы Второй мировой войны занимался делами беженцев. Дочь Кайзерманов Гитта вышла замуж за успешного художника и дизайнера Альфреда Пински (Pinsky).

³ Имеется в виду неудача с оформлением туристической визы в США с залогом в 500 долларов для О.И. Максимовой. (В 1925 г. с залогом в 500 долларов по туристической визе в США приехал В.В. Маяковский.)

⁴ Хипс Абрахам Альберт (Heaps; 1885–1954) — канадский политик, один из ведущих активистов канадского рабочего движения. Родился в Англии, в Лидсе. В 1911 г. эмигрировал в Канаду, где работал расклейщиком обоев. В 1919 г. стал одним из лидеров всеобщей забастовки в Виннипеге. С 1917 по 1925 г. был членом Лейбористского совета при Городском совете Виннипега. В 1923 г. баллотировался как представитель рабочих в Канадскую палату общин в Виннипег-Норт, но проиграл и место в Палате не получил. Тем не менее в 1925 г. он получил депутатский мандат как единственный представитель лейбористов в Парламенте. В том же году стал сторонником идей канадского социал-демократа Дж.Ш. Вудсворта. Вместе с ним он поддержал либеральное правительство Уильяма Лиона Маккензи Кинга (King) в обмен на лоббирование закона о пенсии (впервые в истории Канады). После этого А.А. Хипс и Дж.Ш. Вудсворт образовали политическую группу «Имбирь» (неформальное объединение членов Парламента, сочувствующих идеям социализма). В 1932 г. А.А. Хипс и другие активисты группы «Имбирь» основали канадскую социал-демократическую партию ФКС (Федеративная кооперация содружества). В 1939 г. он оказал успешное «давление» на правительство с целью разрешить евреям, спасавшимся от нацистов, получить политическое убежище в Канаде. В 1940 г. проиграл парламентские выборы (его место занял либеральный политик Ч. Бутом (Booth)). Умер А.А. Хипс в 1954 г. во время посещения своей семьи в Англии. Похоронен на кладбище города Лидса. В 1984 г. в печати вышла биография А.А. Хипса «В доме мятежник: жизнь и время» («There bel in the house: the life and times»), написанная его сыном Л. Хипсом. В 2006 г. внук А.А. Хипса Э. Хипс был избран в Городской совет Торонто.

⁵ Вудсворт Джеймс Шейвер (Woodsworth; 1874–1942) — один из основателей социал-демократического движения Канады, политик и общественный деятель. Лидер первой канадской социал-демократической партии ФКС. В своих книгах «Незнакомцы возле наших ворот» («Strangers Within Our Gates», 1909) и «Мой сосед» («My Neighbour», 1911) отстаивал права рабочих эмигрантов, прибывших в Канаду. В 1913 г. становится секретарем Канадской лиги социального обеспечения. Путешествует по стране, выступает с лекциями и собирает материал для своих статей, посвященных условиям труда рабочих. В 1914 г. становится членом Британской лейбористской партии. Во время Первой мировой войны придерживается принципиальной антивоенной позиции. В 1919 г. во время своего лекционного турне по Канаде оказывается свидетелем всеобщей забастовки в Виннипеге. В том же году организывает Независимую лейбористскую партию (НЛП). Знакомится с рабочим активистом А.А. Хипсом. В 1921 г. становится членом Парламента. В 1929 г. выступает на конференции Студенческого христианского движения Канады в качестве основного докладчика. В 1932 г. образовывает социал-демократическую партию ФКС, становится ее лидером. Публично осуждает Коммунистическую партию Канады (КПК), члены которой поддерживали идеи октябрьской революции 1917 г. в России. Дж.Ш. Вудсворт сильнее всего повлиял на канадскую политику социального обеспечения. Высокий уровень медицинского страхования, который является неотъемлемой частью современно-

го канадского общества, можно считать прямым результатом его деятельности. В честь Дж.Ш. Вудсворта назван колледж при Университете Торонто.

⁶ Ярчук Ефим Захарьевич (наст. имя и фам. Хаим Захарьев; 1882–1938) — деятель анархистского движения, один из активных участников революций в России в 1905 и 1917 гг. В 1905 г. сотрудничает с анархо-коммунистической группой «Хлеб и воля». Принимает участие в «экспроприациях на нужды революции». С 1913 по 1917 г. находится в эмиграции. Меняет свои взгляды и становится сторонником идей анархо-синдикализма. В США работает над изданием газеты «Голос труда». Весной 1917 г. возвращается в Россию, в Петроград, где тут же входит в Петроградский совет и становится одним из влиятельнейших участников САСП. В Кронштадте в качестве делегата от Петроградского совета занимается революционной агитацией среди матросов и рабочих. Возглавляет местную группу анархистов. 3 июля 1917 г. становится одним из ораторов и вдохновителей восстания кронштадтских матросов против Временного правительства. В октябре 1917 г. вместе с кронштадтскими матросами принимает участие в штурме Зимнего дворца. В качестве делегата от Кронштадта на Втором Всероссийском съезде Советов пытается отстаивать идеалы анархизма. В годы Гражданской войны принимает участие в организации сопротивления А.И. Деникину. В 1917–1918 гг. работает над периодическими изданиями «Голос труда» и «Вольный голос труда». В это же время является одним из влиятельных участников Всероссийской конфедерации анархо-синдикалистов. Неоднократно арестовывается чекистами. В 1921 г. после смерти П.А. Кропоткина становится членом похоронной комиссии, которая отстаивала тот принцип, что созданное большевиками государство не должно принимать участие в похоронах великого революционера. Такая позиция анархистов была воспринята большевиками как открытый жест «контрреволюционности». За поддержку Кронштадтского восстания 1921 г. был заключен в Бутырскую тюрьму, а позже переведен в Таганскую тюрьму, где на тот момент уже находились другие арестованные члены похоронной комиссии. Вместе с Г.П. Максимовым, А. Гореликом, В.М. Волиным и другими анархистами принимает участие в 11-дневной голодовке. В январе 1922 г. высылается из России. Проживает в Германии и входит в состав редколлегии периодических изданий «Рабочий путь» и «Бюллетень русских анархистов». В Берлине участвует в организации Заграничного бюро Российской конфедерации анархистов-синдикалистов (1922–1924). В 1923 г. в Нью-Йорке выходит в свет книга Е.З. Ярчука «Кронштадт в русской революции». В 1925 г. возвращается в СССР. Публично «отрекается» от анархизма 15 июня 1927 г. на страницах газеты «Правда». Вступает в ВКП(б). В 1928 г. по поручению ОГПУ участвует в создании Инициативного Бюро по созыву ликвидационного съезда анархистов. В 1937 г. подвергается репрессии, а в 1938 г. приговаривается к расстрелу.

⁷ Мрачный Марк (идиш — מרשק מרמור, наст. имя и фам. Яков Яковлевич Клаванский; 1892–1975) — деятель анархистского движения, активный участник русской революции 1917 г., идишист, с 1934 г. доктор медицинских наук, психиатр. В годы Гражданской войны участвовал в разработке идеологии махновского движения, был активным членом Культпросветотдела Революционной повстанческой армии Украины, распространял анархо-коммунистические газеты «Вольный повстанец» и «Путь к свободе» (1919–1921). Член анархо-синдикалистской организации «Набат». В 1921 г. был арестован и помещен в Таганскую тюрьму, где принял участие в 11-дневной голодовке заключенных анархистов. В январе 1922 г. был выслан из России в Германию, где стал активным участником русской анархистской эмиграции. Вместе с Е.З. Ярчуком, Г.П. Максимовым и А. Шапиро редактировал журнал «Рабочий путь». В 1927 г. жил в Париже, позже приехал в Канаду в надежде получить въездную визу в США. В 1928 г. с успехом получил разрешение на въезд. В 1928–1934 гг. в Лос-Анджелесе и Детройте работал учителем в школах системы «Арбертер Ринг», в которых преподавание проходило на языке идиш. Публиковался в анархической идиш-печати, а в 1934–1940 гг. возглавлял старейшую газету на идиш «Свободный

рабочий голос» (идиш *עמיטערעטערע צייטונג*). Параллельно с работой в газете изучал медицину. В 1934 г. получил степень доктора медицинских наук в области психиатрии. Удачная врачебная практика и собственные научные изыскания позволили Марку Мрачному стать одной из ключевых фигур в истории психоанализа середины XX в. М. Мрачный косвенно повлиял на становление движения «новых левых» — вместе с Эрихом Фромом начал разрабатывать психоаналитический подход к анализу феномена социальной отчужденности, страха свободы и др. Был избран членом американской Национальной психологической ассоциации психоанализа. Принимал участие в учреждении Центра современных психоаналитических исследований. Архив Марка Мрачного находится в Исследовательском центре исследования языка идиш в Нью-Йорке.

⁸ В 1927 г. Марк Мрачный жил в Париже. На основании письма Эммы Гольдман к Г.П. Максимуму от 30 ноября 1927 г. (International Institute of Social History. Arch. 00520. Inv. nr. 121. P. 5731) можно установить, что он неоднократно посещал Канаду в надежде получить там въездную визу в США. Согласно последним исследованиям М. Гончарока, эмигрировать в США ему удалось только в 1928 г. (см.: [Гончарок 2017, с. 277]).

⁹ «Голос труженика» — ежемесячный анархо-синдикалистский журнал, издававшийся в Чикаго в 1924 г. под редакцией В. Хомича, а с 1925 по 1927 г. — под редакцией Г.П. Максимова. Является преемником одноименной еженедельной газеты русской секции «Индустриальных рабочих мира» в США, выходящей в свет под руководством К. Гордиенко (1918–1919) и Я. Санжур (1918–1924).

¹⁰ Уже через месяц журнал «Голос труженика» прекратит свое существование (Голос труженика. 1927. № 26. Май).

¹¹ Дело Николы Сакко (Sacco; 1891–1927) и Бартоломео Ванцетти (Vanzetti; 1888–1927) стало одним из самых «громких» судебных процессов в истории. Обвиняемых в убийстве двух охранников и кассира анархистов приговорили к смертной казни без соответствующей «сильной» доказательной базы. Приговор суда города Плимут настолько возмутил мировую общественность, что многотысячные акции протеста проходили в США, Канаде и всех европейских странах. СССР публично выступил против судебного приговора. Многочисленные ходатайства были отклонены судом. Правительства разных стран жестоко подавляли разгневанные толпы людей в Бостоне, Нью-Йорке и Берлине. Дело Н. Сакко и Б. Ванцетти считалось «сфабрикованным», а смертный приговор — убийством за участие в рабочем правозащитном движении. Обвиняемые были казнены 23 августа 1927 г.

¹² Н. Сакко и Б. Ванцетти были казнены 23 августа 1927 г.

¹³ В среде «левой» русской эмиграции отношение к делу Сакко и Ванцетти было весьма разным. К примеру, известный литератор М.А. Осоргин в своем письме к анархо-феминистке М. Корн (урожд. М.И. Гольдсмит) пишет: «Мне же, как анархисту, должно быть совершенно безразлично, ошибся суд или судил по закону, виновны Сакко и Ванцетти или нет. Протестовать против “казни невинных”, употреблять это выражение, — значит оправдывать суд» (ГАРФ. Ф. 5969. Оп. 2. Д. 19.Л.1).

¹⁴ Эмма Гольдман никогда профессионально не занималась историей Китая, но хорошо была знакома с китайским освободительным движением. В 1890 г. в Сан-Франциско Эмма Гольдман выступала перед толпами рабочих, среди которых было много эмигрантов из Китая. Речи Эммы Гольдман, раскрывающие проблему дискриминации по расовому признаку в свете современности, имели большой успех. Вскоре после состоявшихся выступлений она стала наряду с М.А. Бакуниным и П.А. Кропоткиным одним из самых почитаемых теоретиков анархизма среди китайских революционеров. К 1908 г. в анархистской организации трудящихся «Индустриальные рабочие мира» (Industrial Workers of the World) состояло больше двух тысяч китайских рабочих. Один из самых известных китайских теоретиков анархизма Ба Цзинь (кит. 巴金; 1904–2005) называл Эмму Гольдман своей «духовной матерью». Вплоть до самой своей смерти она поддерживала переписку с китайскими анархистами.

9 мая 1927, Париж

Дорогая Эмма!

Вчера получила пересланное Максимуму Ваше письмо ко мне. Я давно уже себе объяснила молчание именно так, что писать <плохие> вести теперь очень тяжело. По Вашему молчанию я поняла, что дела с моей поездкой изменились к худшему. О том, как мне тяжело и как тяжело и болезненно я переживала и переживаю это разочарование, ведь я думала, что в мае я смогу беседовать с Вами, а не писать, мне Вам говорить незачем, ибо Вы его прекрасно себе представляете. Я смотрю на наше положение как на положение безвыходное — и как нам из него выкарабкаться, я абсолютно не знаю. Мрачно и пусто в душе моей... Но оставлю это, мне хочется сегодня с Вами посоветоваться и попросить Вас, Эмма дорогая, несмотря на то что мы Вас достаточно утомили бедой своей, уделить нам еще немного времени.

Дело в следующем: план, который имеет Максимов¹, сейчас меня не увлекает, а немного беспокоит.

Дело в том, что этот план он имел еще в прошлом году, и в прошлом году я смотрела на него тоже как на единственно верный, ...но проклятый Симкин² со своими ложными обещаниями³ стоял на нашем пути, ну а теперь — теперь <план> меня <тревожит>. Мне не хочется выкинуть новой глупости, достаточно с нас двух. Первая глупость — это то, что Максимов уехал один и что мы забыли, что законы написаны и пишутся для бедняков; и вот мы плохо учли свои силы, и Максимов забыл, что карман у нас пустой.

Вторая глупость — что верили Симкину и так долго ждали от него вестей. Ведь согласитесь, что в прошлом году⁴ в эмиграционном бюро не было ни одной бумажки обо мне — а теперь благодаря хлопотам там <родилась> довольная большая папка бумаг, в этих бумагах сказано, что я вдова и обо мне хлопочут чужие люди; теперь надо подумать, как они отнесутся к тому, что я вовсе не вдова, что у меня есть муж. Спрашивается, почему это Максимов не хлопотал до сих пор? Зачем так Максимуму понадобилась я? Вот Вам новое препятствие. Да при этом мы ставим Кайзермана, человека, так много для нас делавшего, в очень неловкое положение перед Дайсом⁵ и другими, а ведь это уже черная неблагодарность.

Так вот, Эмма, раньше, чем Максимов двинется в путь, я бы Вас попросила рассказать Кайзерману, что, мол, эти люди уехали сейчас за неимением другого выхода, так получилось. Следует ли? Он как человек компетентный — пусть он нам посоветует, чтобы мы не попались в бóльшую ловушку, чем мы оказались сейчас. Пожалуйста, Эмма, я вас очень-очень прошу, <попробуйте> узнать, стоит ли это сделать — поможет ли это нам? И я с нетерпением жду от Вас ответа.

Ваш план относительно прислуги налетит на такой же риф, на который мы и сейчас сели, т. е. я слышала, что за прислугу просят 200 долларов залогу и плюс, если я исчезну, то эти доллары пропадут⁶.

Нет, знаете ли, положение наше чертовски скверное.

Я сегодня же пишу Грише, чтобы он не двинулся с места, пока не получит сведений от Вас.

Для меня нет разницы, где нам придется жить, в Канаде или Америке, ни та, ни другая страна меня не тянет. Меня тянет только Максимов, и где будет он, там хочу и я быть. Так что в этом отношении для меня разочарования не будет. В моей голове сейчас такое сравнение, оно грубое, и Вы мне его простите, обе эти страны так много крови из меня выпили, что когда меня спросят, где мне больше хочется жить, то мне хочется ответить, как та лошадь, у которой сани и телега спросили, кого из них она больше любит: «и ты сволочь, и ты сволочь».

Вы мало пишете в этом письме о себе. Как Ваши дела? Где Вы намерены там обосноваться, если остаетесь на год? По-прежнему <собираетесь> развезжать?

О себе мне нечего сказать. Почти все время я во власти скверного настроения. Не живу, а тяну лямку и чувствую страшную обиду за это. Мне досадно, что лучшие годы я не живу, а <проживаю>. Работаю на старом месте, но работа — может быть, благодаря этой пустой жизни — мне опротивела и действует на нервы. Работа мне по-прежнему дает скромный <кусочек> хлеба и комнату.

Я надоела сама себе со своей вечной <тоской>, а потому мне часто кажется, что я надоела людям: никуда не хожу, сижу все время дома у себя — одна... По характеру, темпераменту своему я не для одинокой жизни создана. Я люблю людей, люблю жизнь, люблю смех, люблю любовь и ласки. Все это тогда у меня было, если не все, то последнее в достаточной мере, и последним я была избалована, а теперь я немного замерзла...

Так что, дорогой друг, Вы не шибко принимайте к сердцу мои стоны, ибо я думаю, что хлюпой стала. С Вами откровенна, Эмма, а эту мою откровенность вызывают Ваши письма — полные любви и дружбы. Я Вам очень благодарна, Эмма. На этом и кончу. Хочу думать, что Вы это мое письмо сами разберете — прочитаете. Я старалась очень — поскольку мои нервы это позволяли. Крепко целую Вас и жду Ваших писем. Ваша Оля.

---

¹ Г.П. Максимов полагал, что если въезд О.И. Максимовой в США окажется невозможен, то им следует встретиться в Канаде. Правительство Канады, в отличие от США, не предъявляло к въезжающим в страну эмигрантам строгих требований. Вместе с этим переход границы из США в Канаду не представлялся затруднительным. План Г.П. Максимова предполагал, что он оставит в США свою работу и уедет в Канаду ожидать ближайшего приезда супруги. Детального представления о том, как оформить въездную канадскую визу для Ольги Иосифовны, которая должна приплыть на корабле из Франции, Г.П. Максимов не имел.

² Симкин Франк (1885–1983) — публицист, издатель и идишист. Родился в Могилеве. В 1905 г. эмигрировал в Канаду. В 1911 г. в Виннипеге основал собственное издательство «The Israelite Press», которое ориентировалось на идиш-читателей. В том же году он стал руководителем одной из школ системы «Арбертер Ринг». Вскоре возглавил Народную школу им. И.Л. Перетца (The I.L. Peretz Folk School) в Виннипеге, которая была создана для детей эмигрантов, спасавшихся от еврейских погромов в Российской империи. С 1949 по 1960 г. занимал пост президента издательской компании «Universal Printers».

³ Ф. Симкин обещал добиться оформления американской визы для О.И. Максимовой.

⁴ В 1926 г. Э. Гольдман жила в Париже.

⁵ Определить личность в ходе исследования не удалось.

⁶ План Э. Гольдман заключался в том, чтобы О.И. Максимова приехала в Канаду в роли «прислуги», которую ждут «работодатели». В порту Монреаля, согласно плану, ее должны были встретить анархо-феминистки Роза Бернштейн и Елена Шлатман. Они внесли бы за О.И. Максимова как за свою «прислугу» залог в 200 долларов — так власти Канады поймут, что русская эмигрантка въезжает в страну, имея гарантированный источник дохода. Г.П. Максимов в таком случае не обязан был бросать свою работу в США и мог приехать в Канаду тогда, когда позволили бы обстоятельства.

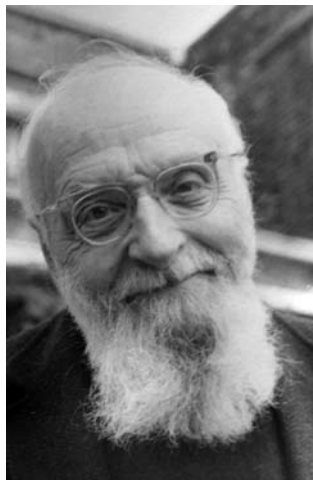
ЦЕРКОВЬ

Н.В. Ликвинцева

АРХИМАНДРИТ ЛЕВ (ЖИЛЛЕ)
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Творчество архимандрита Льва (Жилле) (Gillet¹; 1893–1980), богослова и автора духовной литературы, писавшего по-французски и по-английски под стремящимся к анонимности псевдонимом «Монах Восточной Церкви», широко известно западному читателю. Оливье Клеман (Clément) в статье с характерным названием «Великий богослов» заметил, что наследие отца Льва представляет «оригинальный синтез и неоспоримый шаг вперед в православном богословии XX века» [Clément 1981, p. 307]². Из поздних и самых известных произведений отца Льва на русский язык переведена пока лишь книга «Иисус очами простой веры» и отрывки из итоговой книги «Безграничная любовь»³. Между тем архимандрит Лев оставил яркий след не только в богословии и истории церкви XX в., но и в церковной и культурной истории русского зарубежья. В 1928 г. он, тогда католический иеромонах, перешел в православие и стал священником в эмигрантском Париже, монахом в миру. Отец Лев публиковал свои статьи в русской эмигрантской периодике, на русском языке вышла его первая книга «Иисус Назарянин по данным истории» (УМСА-Press, 1934), преподавал в Свято-Сергиевском православном богословском институте, был близким другом матери Марии (Скобцовой), а позднее в Лондоне служил капелланом Содружества св. Албания и прп. Сергия и дружил с митрополитом Антонием Сурожским. Этой многоплановой и до сих пор почти не попадавшей в поле зрения отечественных исследователей роли отца Льва (Жилле) в истории русского зарубежья и посвящена данная статья.

Самый известный фото-портрет о. Льва (Жилле). Великобритания, 1970-е гг. Из архива Содружества св. Албания и прп. Сергия

¹ В передаче по-русски французской фамилии нашего героя встречаются разночтения: чаще всего она передается как Жилле, но встречаются также варианты Жиллэ и Жиллет.

² Переводы всех текстов, которые приводятся в библиографии на иностранных языках, выполнены автором статьи.

³ См.: [Монах Восточной Церкви 2012; Монах Восточной Церкви (Лев Жилле) 2017].

В работе мы опирались в первую очередь на подробную и, к сожалению, до сих пор не переведенную на русский язык биографию отца Льва Жилле, написанную его верным другом и духовной дочерью Элизабет Бер-Сижель [Behr-Sigel 2005], но привлекали, конечно, и другие доступные источники. Сразу после кончины отца Льва в Содружестве св. Албания и прп. Сергия в Лондоне стали собирать его архив. В настоящее время это фонд архимандрита Льва Жилле в Оксфорде, включающий в себя несколько коробок ценных материалов: воспоминания о нем, фотографии, оттиски журнальных статей, часть рукописей, записные книжки — ежедневники за годы жизни в Великобритании, небольшая часть переписки, подготовленные им скрипты радиопередач и библиографические обзоры религиозной литературы, книги его авторства.

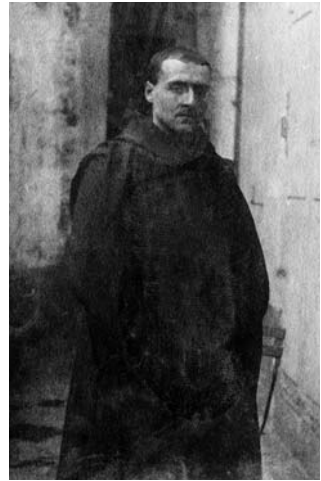
Автор приносит глубочайшую благодарность Содружеству св. Албания и прп. Сергия и его генеральному секретарю священнику Стивену Платту (Platt) за предоставленную возможность работать с этим архивом. Не вошедшая в данное архивное собрание переписка отца Льва (письма родным из его семейного архива; письма, связанные с историей создания Шеветоньского монастыря из монастырского архива; письма к Элизабет Бер-Сижель, хранящиеся в ее домашнем архиве) цитируется по книге Элизабет Бер-Сижель, что в дальнейшем не оговаривается. Мы приносим также глубочайшую благодарность протодьякону Питеру Скореру (Scorer) (Эксетер, Великобритания) за предоставленные копии писем о. Льва Жилле к Наталье Скорер из семейного архива и протоиерею Михаилу Фортунато за специально написанные по просьбе автора статьи проникновенные воспоминания об отце Льве.

1. ПРЕДЫСТОРИЯ: ФРАНЦУЗ С «РУССКОЮ ДУШОЙ»

Родился Луи Жилле 8 августа 1893 г. в г. Сен-Марселен на юго-востоке Франции в состоятельной католической семье. Отец, Анри Жилле, потомственный судья и ревностный католик, был непростым человеком, склонным к страхам и подозрениям. С тяжеловесной религиозностью отца, боявшегося ада, связан и временный отход Луи от веры и его вечное отталкивание от всех видов фундаментализма. С матерью, Анриеттой Жилле, тоже глубоко верующей католичкой, но с мягким характером и «радостной верой», как и со старшим братом, Пьером, у Луи навсегда сохраняются доверительные отношения. Окончив школу, он изучает философию и филологию в Гренобльском университете, увлеченно читает романы Толстого и Достоевского. Начало Первой мировой войны застаёт Луи Жилле в Париже, где он пишет дипломную работу и слушает лекции известного французского философа Анри Бергсона (Bergson) в Коллеж де Франс. В августе 1914 г. он призван в армию, а уже в сентябре, раненый (два пулевых ранения в руку, потеря сознания), попадает в плен. В том же бараке среди военнопленных немало русских — ярких, интересных людей; Луи постепенно начинает говорить по-русски. В начале 1917 г. по ходатайству семьи его отправляют в нейтральную Швейцарию, он продолжает учебу в Женеве, изучает психологию, начинает переводить на французский книгу

З. Фрейда «Толкование сновидений» (но работу эту до конца так и не доведет). А в 1920 г. уже становится послушником бенедиктинского монастыря Сен Морис де Клерво (Saint-Maurice de Clervax) в Люксембурге и в 1921 г. принимает первые временные монашеские обеты в бенедиктинском аббатстве Св. Михаила в Фарнборо (Farnborough) в Великобритании.

Почти сразу его отправляют в Рим для продолжения образования: «Университет св. Ансельма, куда он послан учиться, задуман как центр восточных исследований, предназначенный для бенедиктинцев» [Зелинский 2012, с. 113]. Там завязываются дружеские отношения с одним из преподавателей, доном Ламебртом Бодуэном (Beaudin) (позже он станет настоятелем Шеветоньского монастыря восточного обряда⁴), и униатским митрополитом Галицким Андреем Шептицким. Луи все отчетливее понимает, что его собственное призвание связано с Россией и с идеей единства Церкви. 1 июня 1924 г. Луи пишет дону Ламберту Бодуэну из Фарнборо:

Луи Жилле, послушник бенедиктинского монастыря. Фарнборо, 1920 г. Из архива Содружества св. Албания и прп. Сергия

<...> не отразился ли божественный замысел на тех обстоятельствах, что вот уже двенадцать лет приводят меня к тесному общению с русскими, позволяя мне приобщиться к русской культуре и, по свидетельству многих моих русских друзей, самому стать в некоторой степени русской душой, благодаря чему у нас с русскими так легко возникает взаимная симпатия? <...> Я испытываю желание служить и не могу отделить его от мысли о России и от великого католического видения единства [Rousseau 1980, p. 177–178].

«Русская мечта» приводит его в сентябре 1924 г. в Галицию, в Львовскую епархию (тогда территория Польши), где он становится личным секретарем митрополита Андрея Шептицкого и монахом-студитом в униатской Уневской лавре⁵.

⁴ Это было время, когда, как вспоминает Давид Бальфур (Balfour), «в марте 1924 г. Его преосвященство д'Эрбиньи и Дон Бодуэн убедили папу Пия XI издать призыв к Бенедиктинскому ордену, работать на примирение Рима с православием и, в частности, с русской Церковью. Программа была амбициозна и сверхоптимистична, предполагалось основание нескольких монастырских научных центров и служение по византийскому обряду в некоторых бенедиктинских общинах» [Balfour 1982, p. 204]. Одним из активных участников такой работы и стал Луи Жилле.

⁵ Монастырь греко-католической церкви в селе Унев Львовской области существует и по сей день. Историю его основания Луи так описывает в письме к другу-бенедиктинцу Оливье Руссо: «Эта история студитов крайне любопытна: однажды пятеро крестьян объединились, без священника, без признания церковных властей, чтобы жить евангельской жизнью. Митрополит, узнав об этом, поддержал их и купил им кусок земли. Отец Клемент счел возможным принять православных в католический монастырь без «обращения в католичество». И тут открывается дерзновенный и интересный путь, который может оказаться плодотворным для Единения: путь смешанных монастырей, с православными и католиками» [Rousseau 1980, p. 179].

Луи работает на земле вместе с крестьянами-студитами, изучает современную русскую философию и греческую патристику, размышляет над трудами Вл. Соловьева и Ф. Достоевского, всматривается в русский пейзаж, в котором можно затеряться, осознает это как собственное «призвание потери» [Behr-Sigel 2005, p. 105] (по евангельскому призыву потерять свою душу, чтобы спасти ее), мечтает нелегально перейти границу и пробраться в СССР. В 1925 г. в Уневской лавре он приносит постоянные монашеские обеты с именем Лев (ему важно, что это имя, которое носил Лев Толстой), и митрополит Андрей рукополагает его во священника. Рукоположение совершается не по униатскому обряду, но по правилам Киево-Печерской лавры, что становится для иеромонаха Льва еще одним свидетельством того единства церквей, под знаком которого он живет. В августе 1925 г. иеромонах Лев по приглашению донна Ламберта Бодуэна участвует сначала в «Литургической неделе» в аббатстве Мон-Сезар (Mont-César) в Бельгии, затем в «Брюссельской неделе», которая должна была подготовить общественное мнение к скорому открытию в Бельгии католического монастыря восточного обряда. В своем докладе и еще одном, незапланированном выступлении отец Лев говорит об опыте Владимира Соловьева и об особенном положении русской Церкви по отношению к Риму: с ней не было, как с Константинополем, юридического разрыва и обмена анафемами; говорит о новом монашеском труде ради единства церквей как о монашеской жизни уже в духе «общего первохристианского наследия христиан, потерявших потом, к сожалению, прежнее единство» [Rousseau 1980, p. 183].

В декабре 1925 г. отец Лев с митрополитом Андреем посещают Париж: в соборе Нотр-Дам совершается — вероятно, единственный раз за всю историю собора — служба восточного обряда по-церковнославянски. Тогда же происходит первая встреча отца Льва Жилле с «русским Парижем». В дневниках П.Е. Ковалевского сохранилась запись от 4 (17) декабря 1925 г. о пребывании гостей на Свято-Сергиевском подворье: «Приезжал архиепископ, гр. Шептицкий, униатский митрополит в сопровождении от. Льва Жиллэ, и осматривал Подворье». Сохранилась и очень подробная запись Петра Ковалевского от 7 (20) декабря о службе в Нотр-Дам:

Поехали с отцом в Notre Dame на униатскую службу. <...> Главный алтарь закрыт красным бархатным иконостасом с золотой бахромой с четырьмя иконами Спасителя, Божией Матери, Владимира и Николая Чудотворца. Престол — простой стол. Посреди храма — кресло для Шептицкого. Общий вид красивый. <...> Митрополит Шептицкий в плохонькой мантии и с посохом, прихрамывая, но производит своим громадным ростом и декоративностью очень сильное впечатление. <...> Католическое духовенство смотрело как на зрелище и как на необходимое и неизбежное зло по приказу папы. Народ очень интересуется и потрясен и пением, и службой, и самим Шептицким, так что служба служит к прославлению православного обряда [Ковалевский 1925, д. 14, с. 71–72].

Мы находим следы пристального внимания Льва Жилле к православной религиозной русской мысли в католической периодике того времени: его статьи появляются почти в каждом номере нового журнала «Иреникон» (Irénikon), ко-

торый начинает выпускать монастырь восточного обряда, основанный осенью 1925 г. доном Ламбертом Бодуэном в Бельгии, в Амэ-сюр-Мёз (Amay-sur-Meuse) (позднее монастырь переедет в Шеветонь (Chevetogne), где существует и поныне). Вот лишь краткий перечень работ отца Льва: «Владимир Соловьев как христианин» (Irénikon, 1926, № 1, p. 20–26), «Roma et Amor. Взгляд Владимира Соловьева на первенство апостола Петра» (Ibid., 1926, № 2, p. 74–80), «Владимир Соловьев: человек, философ, русский» (Ibid., 1926, № 3, p. 123–128), «Русская хроника: Православный богословский институт в Париже» (Ibid., 1926, № 4, p. 199–205), «Направления современной русской мысли» (Ibid., 1927, № 1, p. 5–12), «Форма русской аскезы: юродство во Христе» (Ibid., p. 14–19), «Sedes Sapientiae. Вклад русских мыслителей в Мариеологию» (Ibid., 1927, № 5, p. 259–263), «Русская религиозная философия» (Ibid., 1928, № 2, p. 98–101) [Behr-Sigel 2005, p. 618–619].

Весной 1927 г. Лев Жилле переезжает в Ниццу: одаренного монаха, умеющего ладить с русскими, попросил прислать туда хотя бы на время его преосвященство Жерар Ван Калоем (Van Caloen), бенедиктинец и епископ на покое, основавший в 1923 г. «ассоциацию помощи русским эмигрантам в департаменте Приморских Альп» [Ibid., p. 131]. Из-за прозелитизма священников дело католической помощи русским беженцам провалилось полностью: такая «помощь» вызывала лишь подозрительность и напряженность в межконфессиональных взаимоотношениях. В письме к Оливье Руссо от 5 июня 1927 г. Лев Жилле писал:

В основании моего перемещения сюда лежит «мистическая» (как сказал бы отец Ламбер) идея митрополита и его брата, полагающих, что у меня есть специальное призвание действовать среди русских. Они хотят, чтобы я оказывал такое воздействие, развивая собственную духовную жизнь в направлении «старчества», с большой свободой, но в абсолютной бедности и смирении, без внешней пропаганды, без «работы ради Единения», просто стараясь практиковать «непрестанную молитву» и отдавать себя русским людям, — быть «всеобщим братом», по формуле де Фуко из Хоггара. Эту попытку, которую я сейчас и предпринимаю, я осуществляю под знаком трех великих христиан разных конфессий — Шарля де Фуко, Серафима Саровского и Садху Сунгар Синга [Rousseau 1980, p. 186–187].

О Садху Сундар Синге, индусе, обратившемся в христианство, крестившемся в англиканской церкви и ставшем бродячим проповедником Христа в Индии, он напишет в 1929 г. статью в «Вестник РСХД», акцентируя внимание на добровольной бедности героя и сознательном отказе от профессиональных границ в пользу «христианства до-никейского»: «Все благовестие Садху может быть выражено в двух словах: любовь ко Христу и непрестанная молитва ко Христу» [Жилле 1929б, с. 15, 16]. Второй его духовный ориентир — Шарль де Фуко (de Foucauld; 1858–1916), монах-траппист, причисленный Католической церковью к лику блаженных: он просто жил в Алжире среди туземцев-туарегов и не проповедовал им Христа, а являл Его, деля с ними жизнь во всех ее трудностях. По его примеру в 1930-е гг. в Католической церкви начнут возникать ордена малых братьев и малых сестер Иисуса. Точно так же «монашество» в Ницце в 1927 г. и Лев Жилле:

работает простым рабочим и делит свой скудный заработок, стол и кров с эмигрантской беднотой, оставив в сторону вопрос о конфессиональных разделениях и монастырских уставах. В письме к Давиду Бальфуру (Balfour) от 20 сентября он так описывает свою жизнь:

Я живу в двух километрах от Ниццы, на вилле, в которой снимаю две комнаты и коридор. Я поселил там семерых русских обоего пола (все православные), которым нужна материальная помощь, я делю с ними стол; сплю я летом на земле в саду, а сейчас на полу в кухне. Работаю помощником электрика у бывшего гвардейского лейтенанта, это совершеннейший тип Дмитрия Карамазова (кокаин вдобавок к вину, игре и женщинам) и бесконечно симпатичный. Что касается денег, то мы живем исключительно сегодняшним днем и ... никогда не знаем, чем будем питаться на следующей неделе (цит. по: [Behr-Sigel 2005, p. 139]).

Не удивительно, что уже скоро этого странного монаха свяжет тесная дружба с матерью Марией (Скобцовой): их объединяет та же интуиция монашества в миру, необходимости разделить жизнь с нуждающимися и обездоленными, отдать себя им до конца и в такой самоотдаче найти Христа. В завершение того же письма к Давиду Бальфуру отец Лев писал: «Я могу найти Христа в людях, с помощью людей, через людей» [Ibid., p. 190].

На новом витке осознания принадлежности к неразделенной церкви, определившем ниццкий период жизни отца Льва, как гром среди ясного неба обрушивается на него вышедшая 8 января 1928 г. энциклика папы Пия XI «*Mortalium Animos*» («Души смертных»), перечеркнувшая все попытки межконфессионального диалога, в которых начинала принимать участие Католическая церковь: экуменизм объявлен ложным панхристианством, а единство Церкви осуществимым лишь через возвращение заблудших конфессий в лоно Римско-католической церкви. Лев Жилле переживает настоящий кризис веры: в такой церкви он не может оставаться, это противоречит его совести и ощущается как измена Христу. В столь трудный период он начинает теснее общаться с православным духовенством Ниццы; особенно сильное впечатление на него производит архиепископ Ниццкий Владимир (Тихоницкий), викарий митрополита Евлогия (Георгиевского) на Юге Франции и настоятель Свято-Николаевского собора в Ницце; после смерти митрополита Евлогия в 1946 г. он станет его преемником в управлении епархией и экзархом Вселенского патриарха. В 1959 г. в журнале «*Le Messager Orthodoxe*» («Вестник православия») архимандрит Лев (Жилле) напишет очень теплый и проникновенный некролог памяти только что почившего митрополита Владимира, «человека, целиком ставшего молитвой», и вспомнит, как когда-то, в поворотный момент жизни, его теплый и любящий прием помог сделать решающий шаг: «Многое могло бы сделать нас чужими друг другу, этого чистокровного русского, и меня, француза, хозяина и паломника, гостя на Востоке. Но за рамками интеллектуальных структур мы почувствовали очень близкое общение: сердце говорило с сердцем...» [Gillet 1959, p. 3–4].

Итогом такой новой встречи с православием и стало решение, кардинально изменившее жизнь французского иеромонаха: в Клараме, под Парижем, в часовне Григория Трубецкого, отец Лев перешел в православие и был принят митрополитом Евлогием в сущем сане. Сам акт перехода состоял в том, что он просто сослужил на православной литургии владыке Евлогию и о. Сергию Булгакову. Алтарничали на этой знаменательной службе братья Петр и Евграф Ковалевские и Николай Полторацкий. Биограф отца Льва Элизабет Бер-Сижель, со слов Николая Полторацкого, упоминает о присутствии на этой литургии Николая Бердяева, Льва Карсавина, Георгия Флоровского, Марины Цветаевой и Константина Бальмонта и указывает дату события как 25 мая 1928 г. [Behr-Sigel 2005, p. 158]⁶. Однако в «Дневниках» еще одного участника этого события, Петра Ковалевского, фигурирует другая дата: 4 июня по старому стилю, т. е. 17 июня по новому, воскресенье. Накануне, 3 (16) июня Ковалевский записывает: «Приехал тайно Gillet, деятель унии, ищущий соединения с Православием. Завтра Владыка приводит его в сущем сане в Клараме». А в записи от 4 (17) июня читаем:

Сегодня — торжество в Клараме. Служба Митрополита, приобретение гр. Хрептовичем⁷ дома и закрепление за Россией церкви, возведение о. Александра Калашникова в протоиереи и присоединение *père Gillet*. Прислуживали мы втроем: я, Полторацкий и маленький Бутенев. Хор пел перед окном. Сослужили Владыке о. Сергей Булгаков, о. Александр, о. Лев Жилле и два дьякона. Потом был молебен. Все прошло очень гладко и хорошо. Остался на обед, за которым бесконечно пели многая лета, и едва добрался к 4 часам в Париж [Ковалевский 1928, д. 19, с. 69, 70].

Сам отец Лев ощущает этот шаг в православие не как разрыв со своей прежней жизнью, но как выход ее на новый этап. В письме к брату Пьеру Жилле от 24 июля 1928 г. он писал, что нашел в Восточной церкви все тот же свет Христов, что и в Церкви Западной, не какой-то другой, а тот же самый, «просто более чистый и ясный» [Behr-Sigel 2005, p. 158].

2. В РУССКОМ ПАРИЖЕ РСХД

Первой подлинной встречей отца Льва с русской православной эмиграцией уже изнутри, а не извне, стала встреча с верующей молодежью, с Русским студенческим христианским движением (далее — РСХД). В июле 1928 г. в Клермоне-ан-Аргон (Clermont-en-Argonne) проходит III местный съезд РСХД во Франции, на

---

⁶ При этом ни в письмах и дневниках М. Цветаевой за этот период, ни в письмах К. Бальмонта никаких упоминаний об их присутствии на этой службе нами не обнаружено.

⁷ Речь идет о графе Константине Аполлинарьевиче Хрептовиче-Бутеневе (1848–1933), построившем вместе с Г.Н. Трубецким в Клараме, в своем семейном имении, церковь Свв. Константина и Елены; в ней в 1924–1932 гг. служил о. Александр Калашников (1860–1941), духовный руководитель Братства св. Троицы.

котором присутствует отец Лев. Самым удивительным в РСХД с момента его рождения был литургический характер Движения и сопутствующее ему чувство вдохновения, радостного и благодатного единения очень разных людей вокруг евхаристической чаши. Этот опыт дарованной за литургией, объединяющей всех благодати пережили все участники первого учредительного съезда РСХД, состоявшегося в 1923 г. в Пшерове (Чехословакия), движенцы вспоминали о нем как о «Пшеровской Пятидесятнице». Руководитель РСХД В.В. Зеньковский писал, что «всякий, кто глубоко и от всего сердца входил в Движение, — переживал “свой Пшеров”» [Зеньковский 2014, с. 59]. Переживает его летом 1928 г. и отец Лев Жилле, в письме к матери от 24 июля он описывает его так:

Я вернулся из Клермона-ан-Аргон в состоянии человека, пережившего наяву сон столь прекрасный, что и вообразить невозможно. Там было около 150 юношей и девушек. Общая жизнь, одновременно очень простая и очень братская. Меня словно усыновили все и каждый в отдельности. Первые три дня атмосфера была благожелательной, но ничего особенного не было, еще не было эмоционального взрыва... А затем внезапно случилось неожиданное, то, что я назвал потом Пятидесятницей. Что же в действительности произошло? Определенно, там было веяние Духа. Вечером и всю последующую ночь дарованы были слезный дар и сокрушенность сердца. Люди обнимали друг друга, просили друг у друга прощения... Многие просили меня об исповеди, и я исповедовал всю ночь. В последний день рано утром русский митрополит крестил, по древнему обычаю, прямо в реке семнадцатилетнюю русскую девушку, оглашаемую, а затем присоединил двух юных французов. <...> Литургия с общим причащением прошла в атмосфере молитвы и слез [Behr-Sigel 2005, p. 187–188].

Об этом съезде уже в № 9 «Вестника РСХД» за 1928 г. была опубликована статья Георгия Федотова «Третий Клермон». Интересно, что Федотов сам этот поворот от обыденности к чудесности, подмеченный Львом Жилле, связывает как раз с присутствием отца Льва, с его участием в работе съезда:

В четверг и пятницу произошли события, непредвиденные никем — настоящее чудо Клермона. На Съезде в числе других священников, присутствовал о. Лев Жилле, француз по национальности, совсем недавно перешедший в православие, католический иеромонах восточного обряда. Не многие на Съезде знали, какую большую силу приобрела наша Церковь в лице о. Льва. Стесняясь говорить по-русски, он первые дни, кажется, чувствовал себя довольно одиноким среди нас. В четверг ему пришлось выступить в семинаре по инославным исповеданиям с рассказом о своем духовном пути. Впечатление, произведенное им на молодежь, было потрясающим. Сделаны были все усилия, чтобы в пятницу могла быть совершена французская литургия (по благословию Владыки Митрополита, как выражение любви к новому брату). Оказалось возможным, к сожалению, совершить лишь смешанную, славянско-французскую литургию. Евангелие и проповедь по-французски

были предоставлены о. Льву. Он выбрал своею темою вечерю в Эммаусе, где ученики узнают Христа «в преломлении хлеба». Развив мысль, брошенную о. Булгаковым на прошлогоднем Съезде, о. Лев говорил о Съезде как о пути в Эммаус, рядом с еще неузнанным Христом, который открывается в последней трапезе. Его слово, превосходное с точки зрения ораторского искусства, было для нас подлинной встречей с Христом в личном пути говорившего. Один из участников съезда сказал: «О. Лев говорит о своей любви к Св. Руси, а сам показывает нам Святую Францию». Особенно поражало напоминание о. Льва о близости русских могил под Верденом, и то, как он говорил о русских воинах. О. Лев сам был на фронте в русском секторе, и впечатление, произведенное на него, тогда еще мирянина, этим опытом соприкосновения с русской душой, было одним из самых сильных моментов его духовного пути к православию. В его лице мы почувствовали живую связь с безвестными усопшими. Они возвращали нам плоды, выросшие на их могилах. Они умерли, сражаясь за Францию — и дали России и Церкви православной нового преданного сына [Федотов 1928, с. 27].

Отец Лев быстро включается в жизнь Движения — в № 11 «Вестника РСХД» за 1928 г. он публикует статью «Социальное христианство», отклик на доклад Георгия Федотова все на том же июльском клермонском съезде, а также на доклад о. Льва Липеровского на сентябрьском общем VI съезде в Амьене. Жилле отмечает важность социального момента как в учении древней Церкви, так и в современном христианстве, ведь центральным моментом экуменической Стокгольмской конференции 1925 г. стали именно социальные вопросы, объединившие христиан разных конфессий. Особенно остро стоят эти вопросы перед русской эмиграцией, которая «состоит из рабочих, нередко нуждающихся»: «Мы знаем, что сотни наших братьев не только страдают, но и умирают, благодаря материальным обстоятельствам, в которых они живут. Неужели мы ничего не сделаем?» [Жилле 1928, с. 15]. Отец Лев предлагает вполне конкретную программу организации социальной помощи неимущим при РСХД, она должна строиться на трех задачах, поставленных перед Движением: 1) обеспечить связь РСХД с социальными учреждениями вне Движения; 2) «социальное просвещение членов Движения»; 3) социальная помощь путем собирания и координирования информации, т. е., например, создание «бюро социальной информации, секретариата социальной помощи», куда сможет обратиться по разным вопросам «каждый русский беженец» [Там же, с. 17].

*Лев Жилле. Париж,
конец 1920-х — начало 1930-х гг.
Из архива Содружества
св. Албания и при. Сергия*

Отец Лев (Жилле) в гостях у Элизабет Бер-Сижель. Нанси, 1938 г. Из архива Содружества св. Албания и прп. Сергия

С января 1929 г. Лев Жилле начинает вести в Париже кружок, на котором читает и разбирает с движенцами евангельские тексты. Опубликованная в № 4 «Вестника РСХД» его статья «Искушение в пустыне» объявлена автором «коллективным трудом» — «итогом работы, выполненной в течение одного заседания библейского кружка» [Жиле 1929а, с. 8], в ней анализируется евангельский эпизод искушения Христа в пустыне. В «Вестнике» выходят и другие публикации отца Льва: мы уже упоминали статью о Садху Сундаре Синге (1929, № 7); в № 12 за 1929 г. мы находим статью «Христос — моя жизнь», в которой автор размышляет о смысле Боговоплощения, явившем вместо абстрактной идеи Живое Лицо, вместо учения о Христе — самого Христа, так что «мы члены Христовы в реальном, не метафорическом смысле» [Жилле 1929в, с. 5].

СВЯТО-СЕРГИЕВСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ, БИБЛЕИСТИКА

Отец Лев Жилле сразу включается в деятельность Свято-Сергиевского православного богословского института, об открытии которого он писал еще в католической франкоязычной периодике. В 1929–1938 гг. он преподает здесь французский язык. В лице студентов новый преподаватель встречает все ту же ищущую, пытливую молодежь, что и в РСХД. В письме матери он описывает их так:

Парижские русские совершенно прекрасны... особенно студенты. Некоторые из них зарабатывают на жизнь физическим трудом, а учатся по ночам. Я вблизи наблюдаю за одним интересным движением в русской мысли: под влиянием нескольких русских парижских философов молодая русская интеллигенция проделывает огромную работу по «переосмыслению» неоплатонизма, греческих Отцов церкви и византийской мистики, по возрождению понятий Логоса и Софии («Святой Премудрости», которая осмысливается как живая реальность), забытых еще со времен Отцов. Я знаю молодых людей, которые весь день трудятся на вокзале, а по вечерам, за столиком бистро, пишут об «антиномиях в Святой Троице», и мне кажется это прекрасным [Behr-Sigel 2005, p. 188].

В последней фразе речь, видимо, идет о Павле Евдокимове, тогда студенте Института, зарабатывавшем на жизнь мытьем вагонов на парижском вокзале,

поже — крупном православном богослове, пишущем по-французски, с отцом Львом они на всю жизнь останутся близкими друзьями. В «Дневниках» П.Е. Ковалевского второй половины 1928–1929 гг. имя Льва Жилле появляется довольно часто; вот характерная запись от 30 июня 1928 г.: «Митрополит был на Подворье на акафисте. Я задержался там к обеду и вел зато интересный разговор с о. Львом Жилле и В.Н. Ильиным на литургические темы» [Ковалевский 1928, д. 20, с. 2].

В 1932 г. во французском издательстве Феликса Алькана выходит книга отца Сергия Булгакова «Православие» (*Boulgakov S. L'Orthodoxie*. Paris: Librairie Félix Alcan, 1932). Книга сразу готовилась по заказу французского издательства как рассказ о православии западному читателю. Перевод был сделан отцом Львом (Жилле), хотя на обложке и не стоит имени переводчика, на чем, очевидно, из скромности настоял сам отец Лев: Давид Бальфур вспоминает о том, что видел экземпляр книги с дарственной надписью автора отцу Льву с выражением «благодарности за незаменимую братскую помощь» в этой работе и сожалением, что переводчик не разрешил выразить все это в печатном виде [Balfour 1982, p. 110]⁸.

Со Свято-Сергиевским институтом связаны и исследования Льва Жилле по библеистике. Элизабет Бер-Сижель пишет, что импульсом к этому стало обращение о. Кассиана (Безобразова), обеспокоенного тем, что студенты читают книги с опровержениями историчности Иисуса, смущаются и не могут их критически оценить. О. Кассиан предложил «о. Льву Жилле организовать беседы со студентами о научных методах экзегезы, еще мало известных и мало применяемых в православных богословских школах» [Бер-Сижель 2010, с. 398]. В итоге в № 36 журнала «Путь» за 1932 г. выходит научная статья иеромонаха Льва (Жилле) «В поисках первоначального евангельского предания», где дан обзор современного автору состояния библейской критики и научных поисков предполагаемого источника Q, предшествовавшего синоптическим Евангелиям, рассмотрены современные тенденции, сменившие поиск письменных источников на попытки «добиться до устного первоэвангелия», вычленив ритмическую основу речи Иисуса и «воссоздать арамейский подлинник»⁹ [Жилле 1932, с. 82, 88]. Результатом тщательного изучения всех источников по библейской критике и стала вышедшая в 1934 г. в издательстве «УМСА-Press» книга отца Льва «Иисус Назарянин по данным истории». Автор сразу, уже во вступлении, признается, что он верующий человек, «что сердцем и духом он последователь Иисуса» [Жилле 1934, с. 4], но что это не мешает ему поставить перед собой конкретную задачу: «дать очерк жизни, личности и учения Иисуса в историческом плане, и только в нем» [Там же, с. 3], т. е. отвлечься на время от собственной веры и церковной доктрины, чтобы сосредоточиться на Христе как «предмете истории», на современных находках исторической науки, чтобы не прятаться от точных сведений, но впустить их в свою картину мира и

---

⁸ Сохранилась также переписка о. С. Булгакова с Н.А. Бердяевым (май 1929 г.), в которой обсуждается доклад отца Сергия о Церкви: Бердяев очень просит сделать этот доклад в самое ближайшее время, а отец Сергей пытается отговориться своей работой над «французской» книгой о православии, уверенностью, что книга должна предшествовать докладу и что для доклада нужен хороший переводчик, а «О. Лев теперь так занят, что я просто не могу на него рассчитывать» [Братство Святой Софии 2000, с. 246, 248].

⁹ Развитием этой идеи в конце XX в. будет заниматься, в числе других, и С.С. Аверинцев.

тем расширить горизонт. Во вступлении автор приносит благодарность Надежде Городецкой, переведшей этот труд с французского на русский язык, а также профессорам Свято-Сергиевского института иеромонаху Кассиану (Безобразову) и Г.П. Федотову, «которые помогли своими советами в редактировании этого труда» [Там же, с. 5]. В книге последовательно и подробно рассмотрены: история научной и философской постановки проблемы исторического Иисуса, ее основные периоды и авторы; источники, осведомляющие нас об Иисусе (нехристианские, а из христианских неканонические и канонические). В исторической оптике рассмотрены: события жизни Иисуса, Его Личность и благовестие, вера в воскресение. Автор на протяжении всей книги старается сохранять объективность и беспристрастность, давая спектр разных концепций и представлений о Христе. Заканчивает он евангельским вопросом, который Иисус задал своим ученикам: «А вы за кого почитаете Меня?» — и признается: «От этого выбора нельзя уклониться» [Там же, с. 159]. В № 48 журнала «Путь» за 1935 г. рецензию на эту книгу написал о. Кассиан (Безобразов). Дав подробный обзор содержания книги и похвалив автора, сумевшего создать «первую русскую “Жизнь Иисуса”, стоящую на уровне современной западной науки» [Безобразов 1935, с. 74], за эрудицию, стремление к объективности и ряд научных находок и неожиданных интерпретаций евангельских событий, о. Кассиан не преминул тут же вступить в горячую дискуссию с автором. Рецензент упрекает Льва Жилле не только в том, что тому не всегда удается согласовать тексты синоптических Евангелий с Евангелием от Иоанна, но и в более существенном упущении, из-за которого его книга многих вводит в соблазн: в стремлении говорить не из личного опыта христианской веры, а только с позиций научной честности: «Но разделение истории и живого религиозного опыта не только опасно, оно просто — невозможно», поэтому «задача, поставленная о. Львом, принципиально законная, фактически невыполнима» [Там же, с. 75]. Спор двух ученых, осваивающих библеистику, оказался плодотворен для творчества каждого из них: о. Лев Жилле станет известен читателям не столько своими научными трудами (хотя и они будут иметь продолжение), сколько совершенно неповторимой интонацией своих поздних книг, написанных уже как раз изнутри опыта веры; а о. Кассиан (Безобразов) защитит докторскую диссертацию по богословию Евангелия от Иоанна, станет ректором института, напишет целый ряд книг, под его редакцией выйдет один из лучших и по сей день переводов на русский язык Нового Завета.

ТЮРЕМНОЕ СЛУЖЕНИЕ. МИТРОПОЛИТ ЕВЛОГИЙ

Одним из существенных моментов пребывания отца Льва в русском Париже 1930-х гг. стало его тюремное служение. Митрополит Евлогий вспоминал, как Лев Жилле «взял на себя весьма трудное дело — окормлять русских заключенных в тюрьмах. О. Льву, как французу, было легче туда проникнуть, нежели какому-нибудь русскому священнику...» [Евлогий 1994, с. 496]. В число обязанностей тюремного священника входило и сопровождение на казнь приговоренных к смер-

ти: «Все русские, приговоренные к смертной казни <...>, в последний час видели в нем друга» [Там же, с. 497]. 14 сентября 1932 г. именно отцу Льву пришлось сопровождать на эшафот Павла Горгулова (1895–1932), русского эмигранта, литератора, застрелившего 7 мая президента Франции Поля Думера (Doumer). Элизабет Бер-Сижель сохранила в памяти рассказы отца Льва о психической невменяемости Горгулова; о том, как накануне казни священнику пришлось навестить беременную жену осужденного, как на рассвете он причастил приговоренного и проводил его к эшафоту, после чего навсегда стал ярким противником смертной казни [Behr-Sigel 2005, p. 226–227]. Навещал о. Лев Жилле в тюрьме и еще одну знаменитую в эмиграции заключенную: певицу Надежду Плевицкую (1884–1940), осужденную в 1937 г. французским судом на двадцать лет по делу о похищении органами ГПУ генерала Е.К. Миллера. Узнав о бедственном положении Плевицкой в неотопливаемой тюрьме, жена похищенного генерала передала через отца Льва для нее керосиновый обогреватель [Там же, с. 227].

В своих воспоминаниях митрополит Евлогий характеризует «ревностного и самоотверженного о. Жилле» как «религиозного мыслителя, молитвенника, вдохновенного проповедника и духовного руководителя отдельных душ» [Евлогий 1994, с. 496]. Но и отец Лев, в свою очередь, успел оставить несколько строк о владыке: 18 сентября 1946 г. в русской церкви в Лондоне Лев Жилле произнес по-английски проповедь памяти только что почившего митрополита Евлогия. Он начал с того, что сам факт проповеди на английском языке, произнесенной православным священником, не являющимся русским, «стал возможен благодаря особой позиции митрополита Евлогия, вследствие которой русская церковь перестала быть чем-то вроде сегрегационной общины и вошла в живую связь и общение с христианским Западом» [Жилле 2007, с. 242]. О. Лев говорил далее о заслугах владыки: о его участии в экуменическом движении, о создании Свято-Сергиевского православного богословского института и, главное, о его «предельной сострадательной и самоотдающей любви», об «образе мира и любящей кротости, явленной нам в личности владыки» [Там же, с. 245].

ПЕРВЫЙ ФРАНКОЯЗЫЧНЫЙ ПРИХОД И ЗАПАДНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

В ноябре 1928 г. митрополит Евлогий назначил иеромонаха Льва Жилле настоятелем первого франкоязычного прихода. Сам владыка Евлогий связывал идею создания такого прихода с заботой «о наших денационализованных русских детях», терявших родной язык во французской среде [Евлогий 1994, с. 496], а все не с пропагандой православия среди французов. Приход был основан еще в ноябре 1927 г., и ключевую роль в этом сыграло Братство святителя Фотия. Его создали 11 февраля 1925 г. несколько молодых людей по инициативе Евграфа Ковалевского (1905–1970). В 1970 г. архимандрит Лев (Жилле) написал статью-некролог для сборника памяти только что почившего епископа Сен-Денийского Иоанна (Ковалевского), где так описывал свою первую встречу с ним:

Одним майским утром 1928 года на рю де Крима, возле Сергиевского подворья ко мне подошел и представился молодой человек двадцати двух лет. Это был Евграф Ковалевский. Я уже слышал о нем, о его уме, талантах, религиозном рвении. Одни говорили о нем с энтузиазмом, другие с нескрываемой враждебностью, некоторые сдержанно. Нас связала очень тесная дружба. Евграф активно участвовал в «Братстве святителя Фотия». Братство отличалось тесным взаимообщением своих членов, фундаментализмом в области догматики, изучением и ревностным поклонением самым древним французским религиозным традициям. Оно сыграло решающую роль в образовании «православного франкоязычного прихода», в котором ему хотелось видеть «православный французский приход», фундамент «французского православия» [Jean de Saint-Denis 1970, p. 97–98].

В те годы будущий епископ Сен-Денийский и основатель французского Богословского института св. Дионисия был студентом Свято-Сергиевского православного богословского института и Сорбонны, прислужником в Александро-Невском соборе на Дарю, талантливым иконописцем и ревностным православным. Эта ревностность, строгая, «патриотическая верность православию» [Van Taack 2001, p. 10] и юношеский максимализм, глубокий интерес к «православному» наследию Запада и к традициям неразделенной церкви и стали отличительными чертами Фотиевского братства. В мае 1928 г. в Братство входит Владимир Лосский, среди его членов братья Петр и Максим Ковалевские; братчики изучают жития святых неразделенной церкви, «организуют паломничества, составляют календарь православных святых Франции» [Ibid., p. 7], начинают переводить на французский богослужебные тексты и тщательно изучают галльские литургические традиции, провозглашают церковное «единство в многообразии и свободе» [Boigne 1975, p. 79]. Максим Ковалевский, талантливый музыкант и композитор, делает музыкальные переложения богослужений в соответствии с французским текстом. Структурно Братство делится на несколько «провинций», Евграф возглавлял провинцию св. Ирины, занимающуюся Западным православием. Расхождения отца Льва с «фотиевцами» обозначились сразу: ему чужд их воинственный триумфализм в попытках отстаивать догматическую чистоту православия и распространять его на Западе: в 1936 г. в печально знаменитом «споре о Софии» и попытках объявить софиологию о. Сергия Булгакова ересью члены Братства Вл. Лосский и А. Ставровский выступают на стороне обвинителей, а отец Лев Жилле подпишет с другими преподавателями Свято-Сергиевского института письмо в защиту отца Сергия. Льву Жилле не близко и стремление братчиков служить литургию по западному обряду, в традиции древней галльской церкви: в его приходе всегда будут служить по византийскому обряду, просто на французском языке вместо привычного церковнославянского. Но чувство единства Церкви и укорененность в опыте неразделенной церкви у него с братчиками общая. Евграф входит в приходской совет именно как представитель Фотиевского братства. 27 января 1929 г. Общее приходское собрание утверждает устав прихода Преображения Господня и святой Женеьевы: само сочетание одного из центральных для восточного христианства праздника — Преображения — с именем западной

святой, покровительницы Парижа, здесь не случайно. Служат сначала в одном из помещений РСХД на бульваре Монпарнас, 10, затем снимают помещение в лютеранской церкви Святой Троицы в 13-м округе на бульваре де ля Гар (de la Gare) (в настоящее время бульвар Венсан Ориоль (Vincent-Auriol)) [Behr-Sigel 2005, p. 203]. Отец Лев сразу начинает выпускать приходскую газету «La voie» («Путь»); в первом номере, вышедшем в январе 1929 г., он публикует своеобразный манифест нового франкоязычного прихода. В нем четко обозначены те принципы, на которых будет строиться приходская жизнь, ее задачи и цели: создание «западного стиля православия на основании местных традиций»; не прозелитизм, а уважительное отношение к другим церквям; не конкуренция, а сотрудничество с ними при постоянной молитве о единстве. Речь идет именно о создании местной общины, канонически зависимой от митрополита Евлогия только как от ближайшего епископа; вполне возможно, что «французское православие станет автокефальным, когда достигнет определенной стадии развития». Отец Лев пишет:

Французы по национальности или по языку, мы чувствуем себя наследниками древней православной традиции Франции — христианнейшей Франции тех веков, когда Восток и Запад еще не отделились друг от друга. Мы обращаемся к священномученику Иринею, который был связующим звеном между Западом и Востоком, к мученикам Лиона и Вьенны, к святителям Дионисию Парижскому и Мартину Турскому, к святой Женевиеве. Но в то же время и святой король Людовик, и Жанна д'Арк, и Паскаль нам отнюдь не чужды. Мы признаем все то, что французское сердце и французский ум создают сегодня хорошего и великого, желая все это посвятить Христу и воцерковить [Бер-Сижель 2015, с. 463–465; Gillet 1981, p. 344–345].

Однако межюрисдикционные и внутриправославные расколы и разделения внутри зарубежной церкви, которые сразу так болезненно замечает в парижском православии отец Лев, прошли и по его первому приходу. После разрыва митрополита Евлогия с Московской патриархией (из-за требований полной лояльности советской власти) и перехода его в 1931 г. под омофор Константинопольского патриархата, Фотиевское братство оказывается той горсткой людей, которые решают сохранить верность гонимой на родине церкви любой ценой: их усилиями в Париже было основано Трехсвятительское подворье, вошедшее в юрисдикцию Московского патриархата. А отец Лев выбрал верность своему епископу и тем принципам церковной свободы, которые призывали отстаивать гонимую в России церковь, не идя на соглашательство с советской властью. Приход после такого выбора лишился самой творческой и деятельной части своих прихожан. Хотя еще остались и Павел Евдокимов с женой, и организаторы Франко-русской студии, в которой проходили встречи эмигрантских писателей с представителями французской культурной элиты — Марсель Пеги (Réguy; 1898–1972, сын Шарля Пеги, журналист и издатель), Всеволод Фохт (1895–1941; писатель, журналист, переводчик, позднее переедет в Палестину и примет монашество) и Надежда Городецкая (1901–1985; литератор и переводчик, писавшая прозу и по-русски, и по-французски, именно она перевела на русский книгу Льва Жилле и ряд его статей).

Для Надежды Городецкой встреча с отцом Львом оказалась решающей: он на всю жизнь останется ее духовным отцом и другом, а она из французской романистки станет со временем профессором-славистом Ливерпульского университета, доктором богословия, защитившим диссертацию о Тихоне Задонском как вдохновителе Достоевского. Вслед за отцом Львом она «увлекается его идеями миссионерства, самоотвержения, кенозиса» [Любомудров 2013, с. 29].

Но и в замыслах Фотиевского братства о создании Западного православия отцу Льву пришлось еще раз сыграть ключевую роль, и связано это с историей еще одного француза, перешедшего в православие: Луи-Шарля Винарта (Winnaert; 1880–1937). Отец Лев познакомился с ним в ноябре 1929 г. на экуменической «Международной неделе за мир», и его очень тронул опыт исканий, искренняя вера и жажда правды этого человека, служившего священником в католической церкви, прошедшего через протестантизм, собравшего вокруг себя общину верных последователей и бывшего на тот момент епископом «собственной Церкви, получившей наименование “Евангелико-Католической”» [Полторацкий 2015, с. 446]. Узнав через посредничество отца Льва о православии, епископ Винарт понял, что в области вероучения его ничто не отделяет от православных, что это именно то, что он всегда искал. Епископ Винарт со своей паствой решил примкнуть к православию и попросил отца Льва (Жилле) о помощи. В деле было два осложняющих обстоятельства: за время пребывания в протестантизме епископ успел жениться (но супруги были согласны на церковный развод), и ему хотелось сохранить западный обряд служения литургии. По просьбе митрополита Евлогия в 1934 г. о. Лев Жилле делает доклад об этом деле перед профессорами Свято-Сергиевского православного богословского института, взвешивая все «за» и «против» и призывая не пропустить столь уникальный случай, когда в православие переходит не просто отдельный человек, но целая организованная община со своим епископом: это может «стать началом нового движения — Западной православной церкви», «может быть первым шагом к объединению христианского Запада и Востока» [Bourne 1966, p. 236]. Профессора института выносят положительную резолюцию, под которой стоят подписи Н.Н. Афанасьева, прот. Сергия Булгакова, иеромонаха Кассиана (Безобразова), А.В. Карташева, В. Зеньковского. Однако и личные письма Винарта, и официальные обращения владыки Евлогия к Константинопольскому патриарху остаются без ответа. Дело затягивается, и это на фоне смертельной болезни епископа Винарта (хронический нефрит, он прикован к постели и очень переживает за судьбу своей паствы). Тогда в 1935 г. отец Лев, с письмом митрополита Евлогия, отправляется лично в Стамбул, ходатаем по этому делу. После уклончивых ответов Константинопольского патриархата он едет в Дамаск и пытается решить вопрос с Антиохийским патриархатом. После сложных и так и не увенчавшихся успехом переговоров, на берегу Тивериадского озера, в состоянии, близком к отчаянию, отец Лев переживает самый важный в своей жизни мистический опыт: опыт бесспорного, необъяснимого, но несомненного Присутствия, воспринятого как присутствие самого Христа. С тех пор меняется сама тональность его книг: в них звучит теплота и убежденность человека, пережившего личную встречу со Христом.

В итоге, когда Константинополь ставит перед епископом Винартом и его паствой совершенно неприемлемые для них условия перехода в православие (сначала с отказом признать за Винартом епископство и возможность служить по западному обряду, а в затем и с отказом признать даже его священство), отец Лев советует ему обратиться в Московскую патриархию и знакомит с Евграфом Ковалевским и Фотиевским братством, предположив, что, может быть, церковь Соловков и мучеников лучше сможет понять искателя правды. Владимир Лосский и Евграф Ковалевский отсылают досье с делом Винарта в Московскую патриархию, и 16 июня 1936 г. выходит указ заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) о приеме Винарта в православие в сане иерея, вместе с его последователями, и с разрешением служить по западному обряду. 1 декабря 1936 г., после оформления церковного развода, Луи-Шарль Винарт пострижен в монашество под именем Ириней, а 5 февраля 1937 г. возведен в чин архимандрита¹⁰. 7 февраля было принято в православие 55 человек. 4 марта 1937 г. архимандрит Ириней (Винарт) скончался. Своим преемником он видел Евграфа Ковалевского: по его просьбе тот рукоположен в священники 6 марта 1937 г. и служит свою первую литургию на отпевании старшего друга. В письме к Элизабет Бер-Сижель от 27 февраля 1937 г. о. Лев писал: «Будущее Западного православия сейчас в руках у Евграфа» [Behr-Sigel 2005, p. 275]. В дальнейшем, с болью и неизменной любовью, отец Лев будет следить за непростым путем Евграфа Ковалевского: во время Второй мировой войны тот будет мобилизован, станет военнопленным в Германии, помогающим в лагере всем нуждающимся и поддерживающим всех, кому нужна помощь; в послевоенном Париже он будет не только священником, но и основателем и ректором Французского православного института св. Дионисия, с преподаванием на французском языке; порвав в 1953 г. с Московской патриархией, отец Евграф начнет свое скитание по юрисдикциям. Константинопольский патриархат даже предлагал отцу Льву одно время принять епископское звание и взять на себя ответственность за общину Евграфа, которая только на таких условиях могла быть включена в юрисдикцию Константинополя, но о. Лев отказался. В 1960 г. Евграф Ковалевский со своим приходом и институтом принят в РПЦЗ, и в 1964 г. рукоположен архиепископом Иоанном (Максимовичем) во епископа Сен-Денийского, но и из РПЦЗ он выходит, основав собственную «Французскую Кафолическую православную церковь». В оксфордском архиве сохранилось письмо от 9 января 1958 г., в котором отец Лев описывает некоему мистеру Саттеруэиту (Satterthwaite) ситуацию с общиной Евграфа, ушедшего из Московской патриархии и оказавшегося в канонической пустоте, очень честно и четко очерчивая все сложности такого положения и ошибки отца Евграфа, и все же добавляет с теплотой:

Ничего нельзя сказать против его морального облика. Он искренний, очень умный и одаренный, добросердечный, с явно выраженными пастор-

---

¹⁰ См. воспоминания о «деле» епископа Винарта митрополита Евлогия (Георгиевского): [Евлогий 1994, с. 530–531].

скими способностями и рвением <...>. Стоит признать, что он гораздо более способен привлечь в свою «церковь» западных людей, чем священники других православных групп. Он часто сам чем-то вдохновляется и вдохновляет других. Его приход в Париже многолюдный и очень живой [Gillet 1958, Archive, p. 7–8]¹¹.

А свой некролог об отце Евграфе, спорном епископе Сен-Денийском, в 1970 г. архимандрит Лев закончит признанием, что видит в этом противоречивом и одаренном человеке «одного из тех, кто услышал опаляющие слова на дороге в Эммаус и кто у горы Синай увидел пламя горящего куста» [Jean de Saint-Denis 1970, p. 101].

Стоит еще упомянуть о многозначности самого термина «Западное православие», а следовательно, и о разном понимании того, какими путями православие на Западе должно и может развиваться. Николай Полторацкий, уже после возвращения в Россию написавший в 1960 г. статью «Западное православие», напрямую связывает его судьбу с делом Винарта как с первым случаем «массового перехода в православие», со службой западного обряда, с самим принципом «разнообразия <...> обрядов» [Полторацкий 2015, с. 447, 449]. На другом полюсе дискуссии слышен голос Льва Зандера, опубликовавшего в № 47 за 1957 г. и № 48 за 1958 г. «Вестника РСХД» статью «Западное православие», с расширительным пониманием того, что терминологически «уже вошло в наш лексикон, хотя твердо установленное понятие Западного православия еще нет» [Зандер 1957, с. 3]. Зандер предлагает включить в это понятие:

1) тех представителей Запада, кто формально присоединился к Православной церкви; 2) все то, что делается православными для того, чтобы сделать православие понятным и близким для людей Запада; 3) все то, что делается неправославными западными людьми из любви к православию и из интереса к жизни Православной церкви; 4) все то, что в религиозной жизни Запада является православным по своему содержанию, независимо от исторических связей, церковной оформленности и целевой устремленности [Там же, с. 7].

Отец Лев (Жилле) всей своей последующей деятельностью (участие в создании Синдесмоса, Западноевропейского православного Братства, журнала «Contacts» и т. д.) оказывается в русле именно этого второго, более широкого движения, с тенденций к созданию поместной церкви, открытой современному западному миру.

¹¹ Ср. с текстом письма отца Льва (Жилле) к Элизабет Бер-Сижель от 9 декабря 1959 г.: «По поводу нашего бедного Евграфа, мое мнение тут полностью совпадает с мнением владыки Антония [Блума]: его стоило бы “признать”, объявить независимым православным, епископом, если он того желает, не пытаясь приписать его ни к одной из существующих во Франции юрисдикций, и не очень стараясь ограничивать его обрядовые и прочие фантазии. Важно то, что он привлекает ко Христу множество людей — он умеет утешать — он умеет “омыть ноги”. На Дарю делают ли столько?» (цит. по: [Lossky 2007, p. 232]).

ДРУЖБА С МАТЕРЬЮ МАРИЕЙ,
«НОВЫЙ ГРАД» И «ПРАВОСЛАВНОЕ ДЕЛО»

С Е.Ю. Скобцовой иеромонах Лев (Жилле) познакомился еще до ее пострига летом 1929 г. на съезде РСХД: отец Лев произнес проповедь по-французски, и на какое-то время возникло неловкое молчание, прерванное Елизаветой Юрьевой, — она «приблизилась к нему, поклонилась, поцеловала крест» [Десанти 2011, с. 112]. Завязывается близкая дружба. Отец Лев пристально следит за деятельностью матери Марии, за созданием общежитий: сначала на Вилла де Сакс, затем на улице Лурмель. 24 июля 1933 г. он писал в письме к Элизабет Бер-Сижель:

Мать Мария Скобцова строит планы с огромным размахом, немного фантастические и очень реальные — обширная миссия в русском рассеянии, в самых разных областях — странствующие команды — что-то вроде православной Армии Спасения. Начать предполагается где-то через год, после систематической подготовки. Я слежу за всем этим с энтузиазмом, немного и с иронией, но веры больше, чем иронии (цит. по: [Lossky 2007, p. 107]).

Осенью 1935 г. отец Лев, постепенно передавший настоятельство во франкоязычном приходе своему преемнику отцу Георгию Жуанни (Jouanny), переезжает в дом на улице Лурмель, центр деятельности матери Марии, служит в Покровской церкви при общежитии: «Отец Лев устроился в бывшем гараже, перенес туда свой матрас, одеяло, кресло с торчащей из него соломой и, для работы, столик из кафе, с треснувшим мраморным покрытием» [Десанти 2011, с. 125]. Он активно участвует в лурмельской жизни, со своим неизменным чувством юмора сглаживает конфликты между насельниками дома, входит в подробности жизни детей матери Марии: помогает Юре с учебой, становится старшим другом и поверенным для Гаяны [Там же, с. 127–128]. После отъезда Гаяны в СССР и ее внезапной гибели именно ему приходится принести эту трагическую весть матери Марии¹². В письме к Э. Бер-Сижель от 9 ноября 1935 г. он так описывал лурмельскую обстановку: «Это странный пандемониум: у нас тут девушки, сумасшедшие, высланные, безработные, а в данный момент еще хор Русской оперы и грегорианский хор дона Малерба, миссионерский центр, и службы в церкви теперь каждое утро и каждый вечер» (цит. по: [Behr-Sigel 2005, p. 282]). Лев Жилле становится активным участником объединения «Православное Дело», созданного для многоплановой работы по помощи нуждающимся эмигрантам в попытке охватить такой помощью не только социальную, но культурную и духовную сферы в их единстве. Группа, созданная по инициативе матери Марии, выпустила в 1939 г. сборник «Православное Дело», задуманный как пери-

---

¹² Доминик Десанти пишет: «В сентябре отец Лев, доверенный Гаяны, был вынужден, по просьбе окружения, сообщить новость матери Марии. Позднее он рассказывал: “это было то же самое, что ударить себя кулаком. Подобно тому, как мне приходилось беседовать с приговоренным к смерти перед казнью. Еще хуже, потому что он-то ‘знал’, что его ждет, а здесь я был громом среди ясного неба. Она вскрикнула и выбежала наружу. Я побежал за ней, боясь, что она бросится в Сену. Я нигде ее не нашел”» [Десанти 2011, с. 46].

С.Б. Пиленко, о. Лев (Жилле), неустановленное лицо, мать Мария (Скобцова). Париж, 1930-е гг.

одическое издание, но оставшийся единственным номером из-за начавшейся Второй мировой войны. В него, наряду с «Введением», статьями Н.А. Бердяева «Христианство и опасность материалистического коммунизма», матери Марии «Вторая заповедь» и «На страже свободы», К.В. Мочульского «Идея социального христианства в русской философии» и Г.П. Федотова «Любовь и социология», вошла и открывающая сборник статья иеромонаха Льва (Жилле) «Страдающий Бог». Отец Лев всесторонне рассматривает тему человеческого страдания и сострадающей ему Божественной любви: «Любовь страдающая и распятая, но всегда победоносная продолжает действовать в мире» [Жилле 1939а, с. 19].

В 1930-е гг. отец Лев активно публикуется и в журнале «Новый град», разделяя с «новоградцами» интерес к социальной проблематике, рассмотренной в контексте религиозной мысли. Здесь выходят его обзорные статьи: «Христианское движение против войны» (в № 3 за 1932 г., о Братстве примирения, созданном в Первую мировую войну в Англии и расширившемся затем в «международное Движение примирения» [Жилле 1932б, с. 72]); «Религия и социальный вопрос в современной Франции» (в № 4 за 1932 г., подробно рассматривающая, как соотносятся социальная и религиозная темы в политической мысли Франции [Жилле 1932в, с. 77]); «Письма немецких пасторов из тюрьмы» (в № 14 за 1939 г., с выдержками из нелегально напечатанного в Германии сборника «писем немецких пасторов, заключенных или в тюрьмах, или в концентрационных лагерях» [Жилле 1939б, с. 112]). В № 13 за 1938 г. выходит его аналитическая статья «Мессианская вера», в которой автор подробно рассматривает особенности еврейского мессианизма, сравнивает с ним христианский мессианизм, как он выражен в новозаветных текстах, прежде всего у апостола Павла, и как развивался далее в христианской мысли, и заканчивает вопросом: «Почему великое мессианское движение не могло бы возгореться внутри христианства?» [Жилле 1938, с. 145].

Не случаен уже заметный в этой новоградской статье живой интерес отца Льва к иудаизму, с его «страстью к справедливости и этим вечным революционным горением, которые делают из Израиля фермент беспокойства среди народов» [Там же, с. 141]. Он возник прежде всего благодаря дружбе с Ильей Исидоровичем Фондаминским, еще одним участником «Православного Дела», входившим в редакцию «Нового града». Его жену-еврейку, Амалию, отец Лев навещал во время ее смертельной болезни и поддерживал «с такой братской нежностью, что Илья попросил его произнести надгробную проповедь, которую позже повторял наизусть» [Десан-

ти 2011, с. 130]¹³. Сам Илья Фондаминский погибнет в 1942 г. в Освенциме, примет крещение незадолго до этого в лагере Компьень и будет канонизирован Константинопольским патриархатом в 2004 г. вместе с матерью Марией, ее сыном Юрием и отцом Дмитрием Клепининым. Доминик Десанти вспоминает, как в 1937 г. именно Илья Фондаминский привел ее на встречу с Эме Пальером (Pallière; католиком, перешедшим в иудаизм и проповедовавшим в либеральной синагоге в Париже), состоявшуюся на Лурмеле в присутствии матери Марии и с вдохновенным вступительным словом Льва Жилле, говорившего о «срочной необходимости» «в разгул нацизма» восстанавливать «разрушенные мосты» между христианством и иудаизмом, искать иудейские корни христианства [Десанти 2011, с. 131]. Именно это увлечение приведет отца Льва в 1938 г. в Лондон: по просьбе Поля Левертофа (Levertoff; еврея, перешедшего в христианство и сохранившего верность иудейским корням, преподавателя Института иудаики, переехавшего с началом войны из Лейпцига в Лондон) и с благословения митрополита Евлогия, Лев Жилле согласится жить там на случайные заработки, быть священником без прихода и участвовать в создании еще одного общежития, наподобие лурмельского, для евреев и христиан еврейского происхождения, бежавших из Австрии и Германии от уже начавшихся там гонений на евреев. В 1942 г. в разгар войны отец Лев напишет в Лондоне по-английски одну из лучших книг об иудейских корнях христианства «Общение в Мессии»¹⁴. Единственное, о чем он потом всегда жалел — об «упущенной возможности» погибнуть вместе с матерью Марией и другими участниками «Православного Дела». В письме от 11 сентября 1973 г. он писал к Элизабет Бер-Сижель:

Я хотел отдать свою жизнь, но упустил две горячих возможности. Одна — если бы я не уехал с Украины — то мог бы быть убитым вместе с братьями митрополита Андрея Шептицкого. Другая — если бы я не уехал из Парижа — то был бы депортирован и убит вместе с матерью Марией Скобцовой. <...> Да, я мог бы, как Клепинин, разделить ее участь — а оказался в безопасности. Я об этом не говорю, но это незаживающая рана (цит. по: Lossky 2007, p. 314–315)].

3. В ЛОНДОНЕ

Накануне Второй мировой войны отец Лев окончательно перебирается в Лондон, продолжая все тот же, давно выбранный путь монашества в большом городе, нестяжания и полной отданности Христу в сочетании с абсолютной внутренней свободой. С момента переезда он перестает быть штатным священником

---

¹³ Об этой проповеди отца Льва, «запечатлевшейся в памяти присутствовавшей при этом христианской молодежи», пишет в своей биографии и Э. Бер-Сижель, ссылаясь при этом на устное свидетельство Никиты Струве [Behr-Sigel 2005, p. 296]. О своеобразном чине погребения некрещеной Амалии осталось свидетельство в письме 1936 г. Татьяны Манухиной к Вере Буниной: «О смерти Амалии Осиповны Вы, наверное, все уже знаете. Как-то трудно о ней говорить. Была служба у Матери Марии (в церкви при общежитии). Отец Булгаков составил с разрешения митрополита нечто вроде панихиды» [Манухина 1996–1997, с. 201].

¹⁴ Gillet L. *Communion in the Messiah. Studies in the Relationship Between Judaism and Christianity*. L.: Redhill, 1942.

и зарабатывает на жизнь не служением у алтаря (оно остается совершенно бескорыстным), но светскими работами: в основном реферированием религиозной литературы и составлением библиографических списков. Рабочим кабинетом ему служит читальный зал библиотеки Британского музея (он называет его шутливо «своей кельей»), где написаны не только библиографические обзоры, но и большая часть книг, изданных по-английски и по-французски под псевдонимом Монох Восточной Церкви. Самые известные из них: «Православная вера», «О призывании имени Иисуса», «Иисус очами простой веры», «Присутствие Христа», «Безграничная любовь», «Голубь и Агнец»¹⁵. После войны он много ездит: отдельная большая тема — участие Льва Жилле в православном духовном возрождении в Ливане или в экуменическом движении в послевоенной Франции. Очень многие вспоминают о нем как о «старце», духовном отце, удивительном священнике и старшем друге. Ограничимся здесь лишь темой жизненных и творческих связей архимандрита Льва с русской эмиграцией. Н.М. Зернов, религиозный мыслитель и церковный деятель, вспоминает, как отец Лев служил по приглашению их «небольшой колонии русских» пасхальную литургию в военную весну 1941 г. в пригороде Лондона под обстрелом немецких бомбардировщиков:

О. Лев окончил заутреню и приступил к служению литургии, бомбардировка все усиливалась, вокруг нас рушились здания, все было предельно напряжено внутри каждого из нас. И вдруг случилось чудо: как только он начал читать Евангелие, воцарилась полная тишина — рейд кончился. Когда мы подошли к чаше, раздались радостные звуки отбоя [За рубежом 1973, с. 288].

В эту «колонию» входили и жена Николая Зернова Милица Зернова (урожд. Лаврова, доктор медицины и иконописец), и его сестра Мария Кульман (урожд. Зернова, основатель и председатель первого в Лондоне Пушкинского клуба), и давний друг, духовная дочь и переводчик отца Льва Надежда Городецкая. Николай Зернов называет отца Льва в числе тех «исключительных личностей», которые были среди его «духовных отцов» [Там же, с. 556–557]. Сразу после смерти отца Льва он написал о нем некролог в «Вестнике РСХД», вспоминая, как на съезде РСХД летом 1928 г. тот произвел на всех участников глубокое впечатление «не только своим даром проповедника и оригинального истолкователя Св. Писания, но в особенности духом православной свободы». Лондонский, последний период его жизни Зернов считает «самым творческим» — «расцветом его пастырской и миссионерской работы», связанной с духовным окормлением отдельных людей и общин не только в Англии, но и в Бейруте, Париже, Женеве, Греции и с «большим литературным творчеством». В тексте некролога отец Лев признан «не только подлинным сыном Франции», но и «истинным голосом Вселенского правосла-

¹⁵ См.: A monk of the Eastern Church. Orthodox Spirituality. L., 1945; A monk of the Eastern Church. On the Invocation of the Name of Jesus. L., 1950 (русский перевод книги с пропуском двух глав вышел в № 3, 4 и 6 за 1952 г. «Вестника РХД»); Un Moine de l'Église d'Orient. Jésus. Simples regards sur le Saveur. Chevetogne, 1959; Un Moine de l'Église d'Orient. Présence du Christ. Chevetogne, 1960; Un Moine de l'Église d'Orient. Amour sans limites. Chevetogne, 1971; Un Moine de l'Église d'Orient. La Colombe et l'Agneau. Chevetogne, 1979.

вия», путь к которому был найден «в Русской православной церкви в эмиграции» [Зернов 1980, с. 387–389].

Одним из центральных моментов лондонского служения о. Льва Жилле становится его участие в деятельности Содружества св. Албания и прп. Сергия, начатое еще в парижский период¹⁶. Отец Лев выступал с докладами на летних конференциях Содружества, печатался в журнале Содружества «Соборность» и руководил весенними «ретритами» (выездами с общей молитвой, встречами и размышлениями над библейскими текстами). Наиболее запомнились участникам ставшие традиционными его библейские «медитации». Митрополит Каллист (Уэр) вспоминает удивительную «свежесть и новизну» всех библейских толкований отца Льва [Ware 1981, р. 338, 341]. С 1948 г., как капеллан церкви при Доме св. Василия Великого, лондонской штаб-квартиры Содружества св. Албания и прп. Сергия, он служит в ней каждую субботу литургию и занимает небольшую комнату в доме, наравне с православным и англиканским секретарями Содружества.

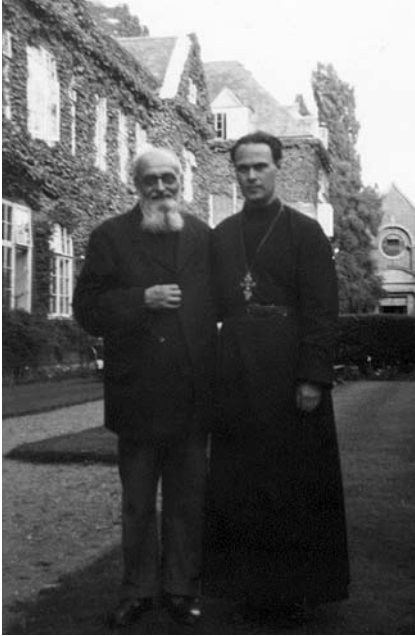
Среди «русского» лондонского окружения Льва Жилле стоит выделить семью философа С.Л. Франка. С Семеном Людвиговичем продолжается общение, завязавшееся еще в Париже: в дневнике Т.С. Франк за 1950 г. сохранились записи о посещении отцом Львом философа в последние месяцы его болезни, отголоски их разговоров¹⁷. В домашнем архиве внука С.Л. Франка, протодьякона Питера Скорера, хранятся письма отца Льва к его матери, дочери Семена Людвиговича Наталье Семеновне Скорер (во втором замужестве Норман, урожд. Франк), по которым видно, как заботливо и осторожно поддерживал отец Лев своих духовных детей: в 1943 г. погиб на войне первый муж Натальи Поль Скорер, и она осталась одна с двумя маленькими детьми. В этих удивительных письмах, написанных по-французски и по-английски с вставками русских фраз, кроме слов любви, молитвы и поддержки мы находим еще и ранний словесный портрет митрополита Антония Сурожского. В недатированном письме, написанном, очевидно, после первого приезда в Лондон в 1948 г. будущего владыки Антония, а тогда врача и тайного монаха Андрея Блума, отец Лев пишет Наташе:

Я благодарен Богу за то, что именно в этот момент Он послал в ваш дом Андрея Блума. Андрей произвел на меня глубокое впечатление. Даже когда он ничего не говорит, есть в нем что-то вроде молчаливого послания. В нем чувствуется очень редкое качество души, простая сила, абсолютная концентрация на усиллии. Можно не соглашаться с его «идеями», но невозможно не стать лучше при соприкосновении с его жизнью. Я не знаю ни того, что вы ему говорили, ни что он говорил вам. Но считаю, что он может сильно вам

---

¹⁶ Содружество св. Албания и прп. Сергия было создано в 1928 г. при участии митрополита Евлогия и о. Сергия Булгакова как место встречи, общения и совместной молитвы англикан и православных. В 1940-х гг. жизнь Содружества особенно оживилась благодаря активному участию в ней секретаря Содружества Н.М. Зернова и не без участия отца Льва (Жилле). Содружество существует и по сей день со штаб-квартирой в Оксфорде, где хранится, в числе прочего, и часть архива о. Льва Жилле.

¹⁷ Вот, например, запись от 12 ноября 1950 г.: ««Был От<ец> Жиле. Семенушка рассказал ему свои переживания. От<ец> Лев сказал ему, что это духовное приобщение к жертве Христовой, к Его сущности. Семенушку это обрадовало» [Резвых 2015, с. 234].

Отец Лев (Жилле) и о. Антоний (Блум). Лондон, 1940-е гг. Из архива фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

помочь и что в настоящий момент именно он послан вам на вашем пути [Скорер, арх].

Биограф митрополита Антония Аврил Пайман (Рупан) называет имя отца Льва рядом с именем архимандрита Афанасия (Нечаева), духовного отца Андрея Блума, в числе тех двух людей, кто оказал самое сильное, «формирующее» влияние на владыку [Рупан 2016, с. 31]. Связано это не только и не столько с личной дружбой последних лет, сколько с плодами деятельности о. Льва Жилле по созданию первого франкоязычного прихода, с теми принципами, на которых он строился: православие как явление не славянское, византийское или сугубо русское, а вселенское; укорененность в опыте неразделенной церкви; внимательное отношение к западным традициям, к христианским святыням той страны, в которой создается приход, к ее святым покровителям времен неразделенной церкви. Этот росток Западного православия, посаженный отцом Львом, дал со временем и другие плоды: принципы подлинного вселенского православия подхватил в 1930-е гг.

отец Михаил Бельский в новом франкоязычном приходе Всех Скорбящих Радости: именно туда отправил юного Андрея Блума его духовный отец архимандрит Афанасий (Нечаев). Митрополит Антоний позже вспоминал, как в этом приходе «начал видеть, как дар Православия может менять жизнь людей нерусских, как вдруг раскрываются души, открываются умы, новое отношение к нашей Родине, к нашей Церкви рождается» [Антоний Сурожский 2007, с. 40]. Такое, открытое всем, не «национально-узкое», но вселенское православие мы найдем потом в Сурожской епархии. Владыка Антоний вспоминал также роль, сыгранную отцом Львом (Жилле) в принятии им священства, что сам стал священником «в 1948 году, по слову человека, которому очень верил. Он был французом, православным священником, до этого я видел его один раз, когда мне было лет семнадцать, в день, когда я окончил среднюю школу и сдал экзамен на аттестат зрелости. А тут я его встретил в Англии на православно-англиканском съезде, и он прямо ко мне пришел и сказал: “Вы нам здесь нужны, бросайте медицину, делайтесь священником и переходите в Англию”. <...> и я так и поступил...» [Антоний Сурожский 2002, с. 270]. Именно отец Лев в 1957 г. присутствует на епископской хиротонии о. Андрея (Блума) и вводит его в алтарь. В архиве митрополита Антония Сурожского сохранилось его письмо, написанное перед епископской хиротонией к архиепи-

скопу Клишійскому Николаю (Еремину), экзарху Московской патриархии в Западной Европе, в котором архимандрит Антоний пишет:

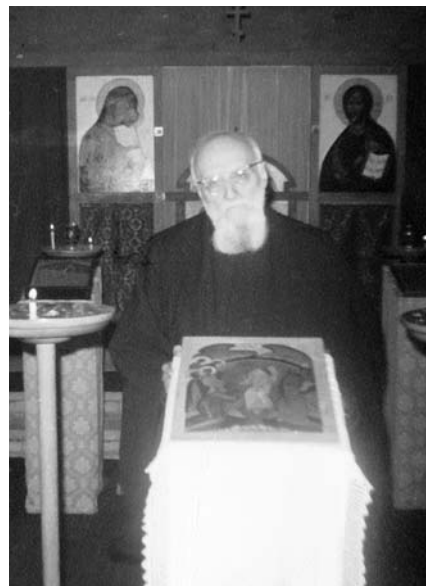
<...> есть у меня большая просьба: я просил отца Льва Жиллэ, в том случае если моя Хиротония состоится в Лондоне, привести меня к Посвящению в епископы; я с ним связан глубокой дружбой уже больше двадцати лет, очень многим ему обязан в устроении моей внутренней жизни. Не разрешите ли Вы, чтобы меня и к наречению и к хиротонии приводили отец Михаил и отец Лев? Я не думаю, что этим будет нарушен ни замысел, ни даже чин действия в чем бы то ни было, но нам троим это будет в радость великую [Антоний архим. 1957, арх., с. 1].

Именно владыка Антоний в 1980 г. отвеает архимандрита Льва и произносит поминальное слово: «Отец Лев пронес и передал нам светильник, и огонь, горящий и сияющий в его пламени, низведен на землю Самим Христом — это горение Святого Духа» [Антоний Сурожский 1996, с. 85, 87].

Жизненные переключки двух этих удивительных священников продолжаются и на уровне текстов. 10 февраля 1980 г., совсем незадолго до смерти, архимандрит Лев сказал неожиданную проповедь в лондонском соборе в присутствии владыки Антония. О ней вспоминает очевидец события о. Михаил Фортунато, удивляясь неожиданности прихода отца Льва, редко бывавшего в этом соборе, и неожиданности его слов:

Общая тема, по-видимому, опиралась на феномен пророчества в истории, с возможным уклоном в пользу фигуры нашего митрополита (который остался в алтаре и слушал оттуда, я был при нем), и где-то слышу отзвук о переходе в вечную жизнь. Отец Лев говорил, не запинаясь, очень бойко, видно, накипело что-то. В голове у меня промелькнула мысль — не о себе и не о своей ли кончине вещает он и прощается. Или прощается лично с митрополитом в лице прихода» [Фортунато 2018, с. 3].

В Оксфордском архиве отца Льва сохранилась авторская рукопись текста этой проповеди, написанного по-английски, с припиской сверху по-французски: «Проповедь, сказанная в русском соборе в Лондоне, в воскресенье 10 февраля 1980 г. в присутствии владыки Антония». Он начинает с очень личных воспоминаний о том, как на хиротонии вел за руку «молодого архимандрита», став-

Надпись на обороте: «Оксфорд, 1974. В православной церкви после литургии. Фотографировала Милица Зернова». Из архива Содружества св. Албания и при. Сергия

шего затем «митрополитом Антонием Сурожским», дружба с которым никогда не прекращалась. А затем переходит к вопросу о сути епископского служения, к тому, что означает «епископская благодать». Она, неожиданно, оказывается у него связана с «божественным самоубийством, смертью для самого себя» [Gillet 1980, Archive, p. 1–4], т. е. с той темой жертвы и самоотдачи как самой сути любого служения и как сердцевины жизни самого отца Льва. Скончался о. Лев Жилле 29 марта 1980 г., успев отслужить утром литургию Лазаревой субботы, успев пошутить с обитателями Дома св. Василия, вернуться с прогулки, сесть в кресло с книгой: и только звук падающей книги сообщил о смерти ее читателя. Своеобразным ответом на «прощальную» проповедь отца Льва стала речь митрополита Антония на вечере его памяти в Содружестве св. Албания и прп. Сергия 17 апреля 1980 г. Владыка Антоний начинает с фигуры Первосвященника в толковании Маймонида, как с того, кто способен тихо произносить за народ Имя и тем «достигнуть Бога». Затем делится личными воспоминаниями о старшем друге, очерчивая суть его служения как способность постоянно «находиться в Божием присутствии и делать это Присутствие ощутимым» для других. Служение это не может не продолжаться, и потому, несмотря на боль потери, «эта утрата — и не утрата». Владыка Антоний тоже переходит в своей прощальной речи к экзистенциальным вопросам и говорит дальше о самой сути жизни и смерти, о преодолении смерти Воскресением [Антоний Сурожский, митр. 1980, арх.], словно продолжая, и после смерти отца Льва, их давно начатый и не прекращающийся диалог.

Открытость к диалогу, к общению, к другому человеку, к присутствию Божию в человеке любого вероисповедания, включая и неверующих, может быть, и будет одной из самых ярких черт архимандрита Льва (Жилле). Он нередко оказывался мостом, соединяющим разные культуры и вероисповедания, и тем самым служил тому единству Церкви, к которому всегда стремился и внутренним опытом которого жил и щедро делился.

Источники и литература

- Антоний архим. 1957, арх. — Письмо архимандрита Антония (Блума) к архиепископу Клишыйскому Николаю (Еремину) от 08.11.1957. Маш. // Архив фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».
- Антоний Сурожский, митр. 1980, арх. — *Антоний Сурожский, митр.* О воскресении: Беседа памяти о. Льва Жилле, 17 апреля 1980. Архив фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».
- Ковалевский 1925, арх., д. 14 — Дневники П.Е. Ковалевского: 1918–1938. Архив ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 69. Оп. 1. Д. 14. Авт. маш.
- Ковалевский 1928, арх., д. 19 — Дневники П.Е. Ковалевского: 1918–1938. Архив ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 69. Оп. 1. Д. 19. Авт. маш.
- Ковалевский 1928, арх., д. 20 — Дневники П.Е. Ковалевского: 1918–1938. Архив ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 69. Оп. 1. Д. 20. Авт. маш.
- Скорер, арх. — Письма архим. Льва (Жилле) к Н.С. Нойман-Скорер, рук. — Частный архив протод. Питера Скорера (Эксетер, Великобритания).
- Фортунаго 2018 — *Фортунаго Михаил, прот.* Отец Лев Жилле // Неопубликованные воспоминания, написанные по просьбе автора статьи.

- Gillet 1958, Archive — *Archim. Lev Gillet*. Letter to Mt Satterthwaite. 09.01.1958. Manuscript // Father Lev Gillet Archive. The Fellowship of St. Alban & St. Sergius, Oxford. Box 7.
- Gillet 1980, Archive — *Archim. Lev Gillet*. Sermon. 10.02.1980. Manuscript // Father Lev Gillet Archive. The Fellowship of St. Alban & St. Sergius, Oxford. Box 7.
- Антоний Сурожский 1996 — *Антоний Сурожский, митр.* Проповедь на погребение архимандрита Льва (Жилле) // Альфа и Омега. 1996. № 8. С. 85–87.
- Антоний Сурожский 2002 — *Антоний Сурожский, митр.* Труды: [Книга первая]. М.: Практика, 2002.
- Антоний Сурожский 2007 — *Антоний Сурожский, митр.* Труды: Книга вторая. М.: Практика, 2007.
- Безобразов 1935 — *Кассиан (Безобразов), игумен.* Иеромонах Лев Жилле: «Иисус Назарянин» // Путь. 1935. № 48. С. 73–77.
- Бер-Сижель 2010 — *Бер-Сижель Э.* Архимандрит Лев (Жилле) (Lev Gillet) // Преподобный Сергей в Париже: история Парижского Свято-Сергиевского православного богословского института / отв. ред. протопресв. Б. Бобринский. СПб.: Росток, 2010. С. 392–400.
- Бер-Сижель 2015 — *Бер-Сижель Э.* Первый франкоязычный православный приход // *Полторацкий Н.А.* Братство святителя Фотия. Переводы. Одесса: Изд-во «Optimum», 2015. С. 450–468.
- Братство Святой Софии 2000 — Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / сост. Н.А. Струве. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2000.
- Десанти 2011 — *Десанти Д.* Встречи с матерью Марией: неверующая о святой. СПб.: Алетейя, 2011.
- Евлогий 1994 — *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий, 1994.
- Жилле 1928 — *Лев (Жилле), иером.* Социальное христианство // Вестник РСХД. 1928. № 11. С. 14–18.
- Жилле 1929а — *Лев (Жилле), иером.* Искушение в пустыне // Вестник РСХД. 1929. № 4. С. 2–8.
- Жилле 1929б — *Лев (Жилле), иером.* Садху Сундар Синг // Вестник РСХД. 1929. № 7. С. 14–16.
- Жилле 1929в — *Лев (Жилле), иером.* Христос — моя жизнь // Вестник РСХД. 1929. № 12. С. 3–5.
- Жилле 1932а — *Лев (Жилле), иером.* В поисках первоначального евангельского предания // Путь. 1932. № 36. С. 81–88.
- Жилле 1932б — *Лев (Жилле), иером.* Христианское движение против войны // Новый град. 1932. № 3. С. 72–75.
- Жилле 1932в — *Лев (Жилле), иером.* Религия и социальный вопрос в современной Франции // Новый град. 1932. № 4. С. 77–83.
- Жилле 1934 — *Лев (Жилле), иером.* Иисус Назарянин по данным истории. Париж: YMCA-Press, 1934.
- Жилле 1938 — *Лев (Жилле), иером.* Мессианская вера // Новый град. 1938. № 13. С. 140–145.
- Жилле 1939а — *Лев (Жилле), иером.* Страдающий Бог // Православное Дело. Париж, 1939. С. 9–20. Переизд.: Вестник РХД. 2017. № 207. С. 38–48.
- Жилле 1939б — *Лев (Жилле), иером.* Письма немецких пасторов их тюрьмы // Новый град. 1939. № 14. С. 112–114.
- Жилле 2007 — *Лев (Жилле), архим.* Памяти митрополита Евлогия: Проповедь, произнесенная в русской церкви в Лондоне 18 сентября 1946 года // Вестник РХД. 2007. № 192. С. 242–246.

- Зандер 1957 — *Зандер Л.* Западное православие // Вестник РСХД. 1957. № 47. С. 3–16.
- За рубежом 1973 — За рубежом: Белград–Париж–Оксфорд: Хроника семьи Зерновых (1921–1972) / под ред. Н.М. и М.В. Зерновых. Париж: УМСА-Press, 1973.
- Зелинский 2012 — *Зелинский В., свящ.* Монах Восточной Церкви: отец Лев Жилле // *Монах Восточной Церкви. Иисус очами простой веры.* М.: Общедоступный православный ун-т, основанный прот. А. Менем, 2012. С. 111–124.
- Зеньковский 2014 — *Зеньковский В.В.* Из моей жизни. Воспоминания. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Книжница, 2014.
- Зернов 1980 — *Зернов Н.* Памяти архимандрита Льва Жилле // Вестник РХД. 1980. № 131. С. 387–389.
- Любомудров 2013 — *Любомудров А.М.* Надежда Городецкая: Очерк жизни и творчества // Городецкая Н. Остров одиночества. СПб.: Росток, 2013. С. 5–36.
- Манухина 1996–1997 — Письма Т.И. Манухиной к В.Н. Буниной // Вестник РХД. 1996-II / 1997-I. № 174. С. 170–210.
- Монах Восточной Церкви 2012 — *Монах Восточной Церкви. Иисус очами простой веры.* М.: Общедоступный православный ун-т, основанный прот. А. Менем, 2012.
- Монах Восточной Церкви (Лев Жилле) 2017 — *Монах Восточной Церкви (Лев Жилле).* Из книги «Безграничная любовь» // Вестник РХД. 2017. № 207. С. 49–54.
- Полторацкий 2015 — *Полторацкий Н.А.* Западное православие // Полторацкий Н.А. Братство святителя Фотия. Переводы. Одесса: Изд-во «Optimum», 2015. С. 432–449.
- Резвых 2015 — *Резвых Т.Н.* «Моя судьба меня не беспокоит...»: С.Л. Франк в оккупированной Франции // «Самый выдающийся русский философ»: Философия религии и политики С.Л. Франка: Сб. науч. статей. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 195–240.
- Федотов 1928 — *Федотов Г.* Третий Клермон // Вестник РСХД. 1928. № 9. С. 25–28.
- Balfour 1982 — *Balfour D.* Memoires of father Lev Gillet // *Sobornost.* 1982. Vol. 4. № 2. P. 203–211.
- Behr-Sigel 2005 — *Behr-Sigel É.* Un moine de l'Église d'Orient: le père Lev Gillet. P.: Cerf, 2005.
- Bourne 1966 — *Bourne V.* La Queste de Vérité d'Irénée Winnaert. Geneva: Labor et Fides, 1966.
- Bourne 1975 — *Bourne V.* La Divine Contradiction: L'avenir catholique orthodoxe de la France. P.: Librairie des Cinq Continents, 1975.
- Clément 1981 — *Clément O.* Un grand théologien // *Contacts.* 1981. № 116. P. 306–331.
- Gillet 1959 — *Gillet L., Archim.* In memoriam: Metropolitane Wladimir // *Le Messager Orthodoxe.* 1959. № 8. P. 3–4.
- Gillet 1981 — *Gillet L., Archim.* Une Église orthodoxe de langue française (1928) // *Contacts.* 1981. № 116. P. 344–346.
- Jean de Saint-Denis 1970 — *Jean de Saint-Denis.* Eugraph Kovalevsky. 1905–1970: In Memoriam. P.: Presence Orthodoxe, 1970.
- Lossky 2007 — *Lossky O.* Une vie d'Élisabeth Behr-Sigel (1907–2005). P.: Les éditions du Cerf, 2007.
- Pyman 2016 — *Pyman A.* Metropolitan Anthony of Sourozh: A Life. Cambridge: The Lutterworth Press, 2016.
- Rousseau 1980 — *Rousseau O.* Le «Moine de l'Église d'Orient» // *Irénikon.* 1980. № 2. P. 175–195.
- Van Taack 2001 — *Van Taack E.* La fondation de la paroisse des Trois Saint Hiérarques: les fondements théologiques et spirituels du retour à l'icône. 1925–1945 // *L'Iconographie de l'Église des trois saints hiérarques et l'oeuvre de Leonide A. Ouspensky et du moine Grégoire Krug.* P.: Patriarchat de Moscou, diocèse de Chersonèse. Paroisse des Trois Saint Hiérarques. 2001.
- Ware 1981 — *Ware K., Archim.* Le père Lev et le Fellowship de saint Alban et de saint Serge: quelques souvenirs personnels // *Contacts.* 1981. № 116. P. 338–341.

Приложение 1

ОТЕЦ ЛЕВ ЖИЛЛЕ (1887–1980), ИЗВЕСТНЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК-МЫСЛИТЕЛЬ: ШТРИХИ ВСТРЕЧ

*Протоиерей Михаил Фортунато
(Шатель Монтань, Франция)*

О, что за необыкновенная Православная церковь, столь убогая и бессильная, у которой нет ни организованности, ни культуры Запада, как бы чудом выживающая среди бесчисленных испытаний, несчастий и битв; Церковь контрастов, несомая преданием, но столь внутренне свободная; архаичная, но полная жизни; столь обрядовая, но лично живая; Церковь, усердно хранящая в себе — порой под слоем пыли — бесценную евангельскую жемчужину Христову; Церковь, которая, в тени и молчании, ставит превыше всего вечные ценности чистоты, бессребренничества, самоотверженности, смирения и всепрощения; Церковь, часто неспособная действовать, зато умеющая радостно воспеть, как никто другой — пасхальную радость!

Отец Лев Жилле

В начале 1950-х годов в Париже об отце Льве мне было известно, что это — ученый-священник, из французской католической семьи, не так давно (лет 12 до того) перешедший в православную веру. Открытый обществу, он считался выдающимся учителем веры, скромным свидетелем Истины, и в частности известен был как духовник возникающего тогда в Ливане молодого православного движения.

Первое, что я от него услышал, — выступление где-то в городе. Это — мой родной Париж. Мне шел 21-й год, я получил среднее образование и собирался поступать студентом в Православный богословский институт. Мы с отцом пошли послушать его доклад на собрании. Говорил он о Пресвятой Троице. Первое впечатление докладчик произвел — хорошего знакомления с темой, — которое скоро перешло в убеждение, что он живет Тремя Лицами Божества, что он Им родной. В описании Святого Духа он пользовался сравнениями из ежедневной жизни, вроде неземного цветка, веселящего душу, или дуновения ветра, приносящего живительную свежесть и бодрость разуму человека. О Христе отец Лев говорил трогательно, как о глубоко почитаемом Учителе, тонко и с любовью ссылаясь на благостное расположение Господа Иисуса ко всем, которое можно было почти осязать, к нему прикоснуться, собрать зерна Его золотых слов. Описание отцом Львом личности Отца Небесного еще глубже поразило меня и поражает до сего дня. Хотя Отца никто

не видел никогда, кроме Сына и Духа, потоки жизни Его разливаются через пределы недосягаемого, особенно если представить себе один образ действий Всевышнего — в виде сердца, Любящего Сердца, на пределе Страсти Христовой. Отец — как бьющееся Сердце... Я долго ходил после того под впечатлением утонченности языка и неподдельной веры этого человека. Он казался осторожным докладчиком, не загружающим аудиторию излишними аргументами в пользу своей тэзы. Отец Лев пользовался негромкими, но странно убедительными средствами в свидетельстве об Истине. Без сомнения, он был высоко одарен умственно и золотым сердцем любил Бога. Христос стоял в центре его чувств и мыслей. Однако он был по-западному практик, умел тонко привлекать людей ко Христу.

О его работе в восточном Лондоне в годы войны 1939–1945 гг., среди бедного населения, я узнал от своей жены, Мариамны Михайловны. Она же об этом узнала прямо со слов профессора С.Л. Франка и его супруги, сын которых послан был из гитлеровской Германии в более безопасный Лондон на эти годы. Отец Лев его опекал.

О его «Ливанской миссии» я узнал со временем, косвенно, через общение в Богословском институте, куда я поступил в 1952 г. Здесь доучивались два корифея славной Антиохийской Церкви, будущий патриарх Игнатий (Хазим) и его соотечественник, будущий митрополит и крупный богослов, владыка Георгий Ходр. Тут исподволь я стал узнавать некоторые аспекты жизни православия на Ближнем Востоке. Зародившееся десяток лет до моего становления студентом, Православное Движение Молодежи в Сирии и Ливане уже к тому времени выросло в целую волну возрождения живого Предания. Помню такой рассказ (вполне вероятно, что отец Лев уже успел повлиять на происходящее). В некоей ливанской деревне идет престольный праздник. После окончания богослужения и подобающего угощения прихожане с приезжим к празднику митрополитом сидят за столами, беседуют. Несколько поодаль разместились небольшими группами дети и тоже мирно беседуют. Митрополиту (а он был человеком старого, иерархического закала) показалось непонятным, как дети сидят так смиренно. Ему родители объяснили, что идут уроки Закона Божьего. Митрополит парировал: а где учителя? Ответ родителей: учителя с ними сидят, молодые православные подростки, наученные основам веры. Митрополит возмутился, и потребовал одного из «учителей» на ответ, и думал запретить молодым преподавателям заниматься не своим делом. Он был еще того поколения, где все решали более старые люди. На его вопрос: «Кто тебя назначил преподавателем?» — молодой парень, не смущаясь, ответил: «Вы назначили меня, когда миропомазали меня при крещении». Удивленный митрополит не посмел противоречить и отпустил молодца.

Между всем прочим я узнал, что одним из поводов приезда молодых ливанцев учиться в русский Православный институт было чтение ими книги отца Сергия Булгакова, написанной им в экуменических целях — изложение Православной веры «Orthodoxie» (Православие). Кроме двух названных будущих иерархов, в Богословский институт поступали и другие уроженцы арабского мира, питомцы отца Льва.

В Лондон отец Лев переехал навсегда еще до войны. Его я встречал случайно, без мысли общения, по скромности, скорее. Он жил в доме св. Василия в квартале Кенсингтон, куда сосредотачивались посетители знаменитых православно-англиканских конференций Содружества св. Албания и преп. Сергия. Однажды сидел я в группе таких же, как я, проезжих за столом, где отец Лев был центром внимания. Много он рассказывал про жизнь Церкви не только на Ближнем Востоке, но и в Галиции, куда он постоянно ездил еще молодым человеком. Зашел разговор о знании иностранных языков, и выяснилось, что отец Лев в совершенстве знает русский. Хотелось многим знать побольше об этом. Отец Лев блеснул, вспоминая кого-то, кто ему запомнился по следующей характеристике. Отец Лев выразил это так: «он горазд был подхамить...» Взрыв восхищения всей нашей публики заглушил дальнейшие слова рассказчика. Как видно, со своим острым умом отец Лев способен был быть и колючим собеседником.

На том же уровне тонкого юмора, помнится ответ отца Льва одной благочестивой даме в тесной обстановке «говения». Это форма педагогической встречи, которая на английском называется «Retreat». В спокойном месте, часто за городом, собираются желающие углубить духовную жизнь — вокруг лидера, который проводит ряд бесед в спокойной, дружеской обстановке. После одной такой беседы к отцу Льву подошла некая благочестивая дама из слушающих и выразила скрытый восторг относительно красноречия учителя. Отец Лев ее так отблагодарил за внимание: «Мадам, не беспокойтесь, меня уже диавол благодарил до Вас!»

Хотя знал он много языков, отец Лев не был способен преодолеть родной акцент французского. Митрополит Антоний Сурожский, который не уступал ему ни в ораторском искусстве, ни в своеобразном чувстве юмора, в дружеском ключе о выговоре отца Льва отзывался так: отец Лев проповедует на многих языках, и очень хорошо, но узнать — на каком именно языке, очень трудно. Когда услышите длинное «in-de» (индюшка), знайте, что он выражается по-английски: «and»...

Жизнь ума и сердца выступали в отце Льве как одно единое действие. Никогда он не был безразличным. В его распорядке времени вошло в привычку, и это стало неким преданием, — служить литургию по субботам. В известном смысле, это оказывалось практичным: в воскресенье он считал себя свободным навестить кого-нибудь или пойти в другую церковь и т. д. Среди близких к нему была приехавшая из-за границы некая православная женщина с ребенком. По воскресениям, пользуясь выходным нешкольным днем, отец Лев забирал девочку в парк на зверей посмотреть или на качелях повеселиться, пока девочка не выросла.

Выбор субботы для служения литургии мне представляется плодом евангельской интуиции. Отец Лев и так ходил и говорил, как будто со Христом, как будто по палестинским дорогам. Как будто отец Лев смотрел на явления семитическим взором. Если так, если суббота еще ценится как день покоя, как день Господень, то следует ей отдать должное, конечно, не в ущерб воскресению. Может быть, отец Лев хотел приравнять оба дня Господня по достоинству. Может быть, думал он, что император Константин, выделив вос-

кресение, поступил слишком опрометчиво, что в субботу Господь завершил свое дело Спасения и забывать это нельзя. Без сомнения, отец Лев ценил библейские корни веры и знал, что единственным Священным Писанием в восприятии Христа был — Ветхий Завет со псалмами, пророками, праздниками и субботой. Сама суббота, день покоя, установленная у истоков Священной истории есть прообраз Христа, принесшего покой душам.

Живя в доме св. Василия, в то время о. Лев ездил ежедневно в Британский музей в библиотеку, писал по заказу отчеты из журналов относительно мировых религий. Я спросил однажды — почему не напишет он свою версию, книгу о религиях. О. Лев кратко ответил: «Я не знаю санскритский язык». Зато о. Лев всесторонне изучил Православие, и, когда подобралась группа «молодых взрослых» университетского уровня в лондонском русском приходе, о. Лев был приглашен прочитать ряд бесед. Суммирую, как смогу. Вопрос был поставлен: каково состояние православного богословия на сегодня? О. Лев прочитал несколько докладов, среди которых помнятся мне четыре:

— о Достоевском (1821–1881), о христианском откровении в его романах, сознание святости и любви в людях, по образу Христа;

— о Казанцакисе (1883–1957), «Последнее искушение» у этого автора о. Лев описывал как бы невероятное следствие Вочеловечения Сына Божьего;

— о Карле Барте (1886–1968), протестантском мыслителе и выдающемся богослове XX века. В рамках богословия Откровения он излагал видение близости Бога лично к каждому верующему. Никакое человеческое слово не способно исчерпать Божию милость, один Христос являет Бога; отсюда и учение о Церкви как единстве с Богом;

— об институте мирян (см. мою запись этой беседы).

Ближе ко времени его кончины, отец Лев однажды в воскресенье явился в наш собор (он почти никогда не бывал) и произнес длинную проповедь. Я старался вникнуть, но это было трудно. Общая тема, по-видимому, опиралась на феномен пророчества в истории, с возможным уклоном в пользу фигуры нашего митрополита (который остался в алтаре и слушал оттуда, я был при нем), и где-то слышу отзвук о переходе в вечную жизнь. Отец Лев говорил, не запинаясь, очень бойко, видно, накипело что-то. В голове у меня промелькнула мысль — не о себе ли и не о своей ли кончине вещает он и прощается. Или прощается лично с митрополитом в лице прихода. Невозможно сказать, как будто кого-то хоронит...

Однажды в доме св. Василия, собралась небольшая группа вокруг отца Льва, а он находит в бумагах, которые держит в руках, лист с текстом надгробной проповеди, предназначенной для похорон отца Алексея Мечева в Москве; отец Лев указывает — проповедь стоит за подписью самого еще не покойного святителя... «Как это так? Что нужно, чтоб о себе написать похвальное слово?!» У меня в голове мелькнула невероятная мысль, а знает ли отец Лев себе ценность? На словах никогда не зазнавался он. Да и в сокровенном сердце, должно быть, еще меньше — столь беззаветно любил он своего Господа.

В моей памяти останется несравненная, скромная фигура отца Льва, которого мы однажды пригласили в простой семейной обстановке у нас поужинать. Пока жена-хозяйка дорабатывала меню, он сел за инструмент и стал

спокойно наизусть играть хорал Баха — «Jesu, meine Freude» («Иисус, радость моя»), так спокойно, так мелодично, что в квартире все стало. Как будто ввел нас отец Лев в вечные чертоги своего любимца, Христа...

Шел 1980 год, отец Лев к тому времени сильно ослабел и накануне кончины вечером лег у себя на койку, прямо по-дневному одетый. Я был при нем. Уже несколько дней я знал, что может наступить кончина. Я остался при нем, в его комнате. Я пытался немного высвободить его и разомкнуть стеснявший его кушак. Он не позволил, так и пролежал всю ночь. Я стерег его и заодно кончал составлять очередную партитуру в английской версии, «великое славословие» малым знаменным распевом. К утру кончил работу. Хозяева в доме отправили меня домой отдохнуть. В Страстную пришла весть, что отец Лев отошел ко Господу. Похороны назначены были в греческом соборе, где он был клириком, на светлую среду. Но из греков никто не явился, кроме дружелюбного настоятеля собора, епископа Тимофея. Выяснилось, что и он не будет служить, уступает Владыке Антонию. Местного псалта нет, одни мы, русские певчие — друзья-почитатели. Я рысью поехал за книгами, нотами, и мы отпели праведника своим уставом, своими силами, своими слезами, при печально-радостном пении «Христос Воскресе!».

28 мая 2018 г.

Приложение 2

УЧЕНИЕ О МИРЯНАХ В ЦЕРКВИ (Конспект доклада архимандрита Льва (Жилле), записанный прот. Михаилом Фортунато)

В Библейском учении о священстве фигурируют:

- ◇ «иереи», ветхозаветные евреи и язычники, приносящие жертвы на престоле;
  - ◇ новозаветные «пресвитеры», поставленные управлять поместными церквями.
- Христос:
- ◇ упразднил касту ветхозаветных иереев;
  - ◇ и произвел **всякого крещеного** через помазание в иерейское достоинство, т. е. во вселенское «царственное священство»;
  - ◇ в их среде некоторые «старцы-пресвитеры» избираются из числа других священным собранием;
  - ◇ равно как и внутренним Божиим призванием;
  - ◇ с назначением стать епископами и священниками, через возложение рук;
  - ◇ одновременно и объективным Божиим поставлением, которое их делает носителями апостольской благодати;
  - ◇ эта благодать, которая есть Христова, их облакает авторитетом.

Пять положений, касательно «лаиков»¹:

1. Православные лаики постоянно несли служение защиты и научения веры, т. к. всецелое Тело Христово составляет высший авторитет в области вероучительного Предания.

◇ Так в «Послании православных патриархов» 1848 г., отзывающемся на Энциклику Папы Пия IX, «лаики именуются» защитниками, вооруженными щитом (по-гречески в тексте), не судьями. Судьями являются епископы, сошедшиеся в Собор, в роли представителей <верующего> народа и как носители апостольской благодати.

◇ Они — наставники богословия.

◇ Созываются Вселенские Соборы, мирянам предоставляется их признать и усвоить их заключения (но известны и «разбойничьи» — Эфесский собор, Флорентийский собор).

2. Православные лаики постоянно разделяли управление Церковью.

◇ Согласно истории: патриархи, епископы, священники назначаются предпочтительно посредством выбора, который совпадает с сошествием божественной благодати.

---

¹ «Лаики» (миряне) — отец Николай Афанасьев в своих экклезиологических работах употреблял именно этот термин и считал его основополагающим, хотя и непонятным публике. Часто он пользовался в этом же значении словами «верные», «члены Церкви». — *Примеч. о. Михаила Фортунато.*

◇ Согласно истории: братства (в России XVI–XVII вв.) являлись оплотом и столпом Православия.

◇ В общественных делах Церковь управляется советами.

◇ В области пастырского призвания епископ исполняет скорее благодатную роль, духовную, литургическую.

◇ Миряне заседали на Поместном Соборе 1917 г.

◇ Государство представляет христианское общество, если оно содействует материальной жизни Церкви.

3. Некоторые миряне постоянно несли в Церкви духовное и пророческое служение.

◇ Наделенные «духовным» знанием, некоторые монахи и миряне несут харизматическое служение, к которому народ прибегает для водительства совести.

4. Православные миряне постоянно несли в Церкви литургическое непосредственное служение

◇ Миряне могут крестить.

◇ В Божественной Литургии один Христос — совершитель «вечери»; епископ (священник) является апостольским свидетелем Его присутствия.

◇ Служение мирянина — непосредственно, в силу того, что священник никогда не встает между верным и Христом, чтобы не помешать их прямому сношению. Священник употребляет выражение «мы», но никогда не говорит «я» (он — рупор общины). Святой Дух производит пресуществление хлеба и вина; священник является Его апостольским свидетелем; священник является объективным свидетелем прощения, он молится Богу о прощении.

5. Миряне постоянно пользовались правом инициативы и свободного развития в делах распространения веры

◇ Древние братства или современные «движения» состоят в большинстве из мирян; они не всегда бывают приемлемы начальству.

Царственное священство упразднило приношение кровавых жертв и всякое обязательное посредничество. Во Христе находится совершенное священство, совершенный дар самоотдачи.

М.В. Шкаровский

СЛУЖЕНИЕ ПРОТОПРЕСВИТЕРА
ГЕОРГИЯ ШАВЕЛЬСКОГО В БОЛГАРИИ

Заметной фигурой русской послереволюционной церковной эмиграции являлся бывший глава российского военного и морского духовенства протопресвитер Георгий Иванович Шавельский, еще до революции 1917 г. ярко проявивший себя как талантливый администратор, церковный писатель, поэт и историк. Он родился 6 (18) января 1871 г. в селе Дубокрай Витебской губернии в бедной семье дьячка. Окончив Витебское духовное училище и семинарию, 19 августа 1891 г. он был назначен псаломщиком одного из приходов той же губернии. 19 марта 1895 г. о. Георгий был рукоположен во иерея и назначен настоятелем храма в селе Бедрица Витебской губернии. 6 апреля 1897 г. умерла жена пастыря, и он остался с двухлетней дочкой, но отец Георгий энергично продолжил священническое служение. На его деятельность обратил внимание Витебский епископ Александр (Заккис), который рекомендовал отцу Георгию продолжать богословское образование в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1898 г. отец Георгий блестяще выдерживает вступительный экзамен и с первых месяцев обучения выделяется как лучший студент Академии. За добросовестное отношение к богослужению его назначили благочинным академического духовенства, а также направили проповедником на Александровский машиностроительный завод.

В 1900 г. отец Георгий Шавельский был назначен настоятелем церкви при Академии Генерального штаба. После начала Русско-японской войны в 1904 г. он пошел добровольцем на фронт в действующую армию, получил место полкового священника, затем стал дивизионным благочинным. 1 декабря 1904 г. его назначают главным священником Маньчжурской дивизии. Посещая передовые позиции с риском для жизни, он подвергся тяжелой контузии, а в дальнейшем за воинский подвиг был награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте (с крестом в руках повел полк в атаку и вывел его из окружения).

В марте 1906 г. отец Георгий вернулся в Санкт-Петербург, продолжил служение в церкви при Академии Генерального штаба и занялся преподавательской деятельностью. С 1906 по 1910 г. он был законоучителем Смольного института, а с 1910 г. — профессором богословия Императорского историко-филологического института. В 1910 г. отец Георгий стал членом Духовного правления при протопресвитере, а 22 апреля 1911 г. был назначен протопресвитером военного и морского духовенства.

Своей кипучей энергией, организаторскими способностями, а также доступностью и отзывчивостью он заслужил уважение и доверие подчиненного духо-

венства, которое впоследствии, в 1917 г. на Всероссийском съезде, избрало его своим пожизненным протопресвитером. В 1945 г. один из бывших священников, подчиненных отцу Георгию, писал: «Отца протопресвитера мы боялись, как огня, любили, как отца; нас сам не обижал, но и другим в обиду не давал. Под его началом работали не за страх, а за совесть потому, что он сам был для нас, прежде всего, примером» (см.: [Косик 2008]). В годы Первой мировой войны за посещение опасных мест на передовых позициях отец Георгий был награжден Георгиевскими медалями трех степеней, а в феврале 1917 г. — орденом Св. вмч. Георгия.

С ноября 1915 по май 1917 г. протопресвитер состоял членом Святейшего синода, с осени 1917 г. был членом Всероссийского Поместного собора и товарищем его председателя, а затем входил в состав Высшего церковного совета при Святейшем Патриархе Тихоне. Поместный собор на своем пленарном заседании в июне 1918 г. в лице митрополита Антония (Храповицкого) просил отца Георгия принять сан митрополита, а еще ранее группа членов Собора во главе с митрополитами Арсением (Стадницким) и Платоном (Рождественским) выдвигала его кандидатуру в патриархи (см.: [Косик 2008]).

После вынужденного прекращения работы Собора в сентябре 1918 г. отец Георгий отправился в Белоруссию, затем в Киев, а оттуда — в ставку командующего Белой армией на Юге России генерала А.И. Деникина, где возобновил свою работу по организации военного и морского духовенства. Он стоял у истоков Зарубежной русской церкви как один из организаторов и товарищ председателя Ставропольского Церковного собора 18–24 мая 1919 г., член учрежденного 23 мая 1919 г. Временного высшего церковного управления на Юге России и редактор его журнала «Церковные ведомости». После поражения войск А.И. Деникина отец Георгий был заменен на должности протопресвитера военного и морского духовенства Добровольческой армии и по приказу генерала П.Н. Врангеля от 28 марта 1920 г. командирован за границу «для изучения духовного быта и устройства этой стороны жизни наших беженцев»¹.

В конце апреля 1920 г. о. Георгий Шавельский покинул Севастополь и ненадолго прибыл в Константинополь, уже 19 мая он выехал в сербскую столицу Белград, решив по дороге заехать в Софию. Здесь 21 мая он получил предложение заняться преподавательской деятельностью в намеченной к открытию Духовной академии. Синод Болгарской православной церкви назначил протопресвитера на профессорскую кафедру и разрешил ему поселиться в Софийской духовной семинарии. Однако к концу 1920 г. Болгарский синод из-за финансовых и административных проблем оставил мысль об открытии Академии (в дальнейшем ее заменил открытый в 1923 г. богословский факультет Софийского университета), и о. Георгию было предложено заняться преподаванием в пастырском училище, размещавшемся в Бачковском монастыре, в 50 км от г. Пловдива. Это предложение пастырь не принял и затем получил преподавательскую должность в Софийской духовной семинарии, где работал три года [Соловьев 2010, с. 30–31].

---

¹ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об. — 3.

Отец Георгий также служил священником в русской софийской церкви Свт. Николая Чудотворца и после отъезда в 1921 г. архимандрита Тихона (Лященко) хотел занять пост ее настоятеля. Назначение на эту должность епископа Серафима (Соболева) протопресвитер воспринял как проявление недоброжелательного отношения к нему управлявшего Западно-Европейской епархией архиепископа Евлогия (Георгиевского)². Обиженный протопресвитер отказался принять участие во встрече Владыки Серафима на софийском вокзале; его отношение к архипастырю не изменилось и после визита епископа, который первым пришел к отцу Георгию для знакомства [Кострюков 2014, с. 102–103].

В дальнейшем приходская служба о. Георгия складывалась не слишком благополучно. Епископ Серафим (Соболев), будучи строгим монахом, не нашел, однако, общего языка со своими сослуживцами по Никольской церкви [Соловьев 2010, с. 32–33]³. Первоначально отец Георгий хотел участвовать в работе Высшего русского церковного управления за границей (далее — ВРЦУ), и епископ Серафим 21 сентября 1921 г. ходатайствовал о предоставлении протопресвитеру визы в Королевство сербов, хорватов и словенцев и права бесплатного проезда в г. Сремски Карловцы. Однако эти попытки оказались безуспешными, визу о. Георгий не получил, а на Первом русском всезарубежном церковном соборе, проходившем в Сремских Карловцах осенью 1921 г., против о. Георгия Шавельского прозвучал ряд обвинений. В частности, на заседании военно-церковного отдела протопресвитера обвинили в том, что именно его паства совершила революцию. После этого о. Георгий перестал пытаться влиять на деятельность Зарубежной русской церкви [Кострюков 2014, с. 103].

Помимо личных негативных отношений с главой ВРЦУ митрополитом Антонием (Храповицким), причинами данного конфликта были широта богословских взглядов и либерализм о. Георгия. Многие его идеи вызывали настороженное и даже отрицательное отношение со стороны консервативных архиереев Русской православной церкви за границей (далее — РПЦЗ). В частности, протопресвитер считал, что инославные миряне могут причащаться и исповедоваться у православных священников, выступал за совместную молитву с инославными, открыто сочувствовал экуменическому движению и русскому христианскому студенческому движению, считал переход к григорианскому церковному стилю (даже в Пасхалии) полезным и неизбежным, проявлял неприязнь к институту ученого монашества, в отличие от Архиерейского синода не считал опасными труды протоиерея Сергия Булгакова о Софии, Премудрости Божией (см.: [Энеева 2001]), а также оправдывал некоторых знакомых ему деятелей обновленческого раскола, которым открыто симпатизировал [Кострюков 2006, с. 135–143; Жевахов 1993, с. 36–37, 44–46].

Разногласия между протопресвитером и русскими зарубежными архиереями постепенно углублялись. В 1922 г., когда ВРЦУ было упразднено указом Патриарха Тихона № 348 от 5 мая, о. Георгий Шавельский поддержал сторонников выпол-

² ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 628.

³ См. также: Там же. Л. 645.

нения этого указа и выступил за передачу митрополиту Евлогию (Георгиевскому) управления всеми европейскими приходами. Позднее протопресвитер считал, что нерешительность Владыки Евлогия, его нежелание взять власть в свои руки после патриаршего указа № 348 стала одной из главных причин образования Архиерейского синода вместо упраздненного ВРЦУ [Кострюков 2006, с. 146–147].

Обстановка обострилась в 1926 г., когда о. Георгий Шавельский выступил против разрыва Архиерейского синода с митрополитом Евлогием и Северо-Американским митрополитом Платоном (Рождественским) [Бокач 1998, с. 103]. Протопресвитер встал на сторону митрополита Евлогия и вскоре предложил ему создать альтернативное Архиерейскому синоду Высшее церковное управление. Отец Георгий считал, что этот Владыка вместе с викариями имеет все основания учредить такой орган и устроить параллельную «Русскую Зарубежную Церковь» [Письма 2006, с. 104, 107]. Однако митрополит Евлогий не воспользовался советом о. Георгия.

Недоброжелательное отношение Архиерейского синода не осталось без ответа со стороны протопресвитера. Обиду на отвергших его архипастырей отец Георгий пронес через всю жизнь, отметив в своих воспоминаниях: «...малоценен был этот Синод, составленный из архиереев небольшого калибра, возглавлявшийся совершенно одряхлевшим, а в последние годы выжившим из ума м. Антонием, совершенно потерявшим способность и движения и размышления. А между тем своим живым участием в крайне-правой политике, своим рабским преклонением перед вождями крайне-правых партий, как и церковной смутой, им порожденной и им раздутой, он не только огорчил, смутил, сбил с толку множество беженских Русских душ, но и принес много огорчений и страданий Патриаршей Церкви, отвечавшей перед Советской властью за все его грехи»⁴.

Нелестными и часто совершенно необъективными были отзывы протопресвитера и о других архиереях Зарубежной русской церкви. Так, например, в будущем Первоиерархе РПЦЗ архиепископе Анастасии (Грибановском) он отмечал «угодничество перед высокопоставленными особами». Отец Георгий пытался найти отрицательные черты даже в практически безупречных архиереях. Об архиепископе Феофане (Быстрове) протопресвитер снисходительно писал: «Большой аскет, доводивший свой аскетизм до самоистязания, монах до мозга и костей... маленького роста, худенький и невзрачный, сторонившийся от людей... проповедовавший, что для студентов важно благочестие, а не богословская наука» [Кострюков 2006, с. 141]. Не находя ничего негативного в характере архиепископа Серафима (Соболева) и даже признавая его праведность, протопресвитер обращал внимание на отдельные изъяны в хозяйственной и административной деятельности Владыки, а также неодобрительно отзывался о его богословии, говоря, что своими рассуждениями архиепископ напоминал «благочестивую женщину» [Там же, с. 144–145].

Протопресвитер также писал не только об «огромном влиянии, которым пользовался епископ Серафим в Карловацком Синоде», но и о том, что Владыка

---

⁴ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 651.

якобы «заправлял» деятельностью Синода и постоянно влиял на Первоиерарха РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого). По словам о. Георгия, архиепископ Серафим «в своих выступлениях с церковной кафедры вещал, что Советская власть — бесовская, что м<итрополит> Сергей лишился святительского права»⁵.

Тем не менее, как справедливо отмечал историк А.А. Кострюков, сохранившиеся архивные документы и другие источники «дают все основания относиться к словам протопресвитера Г. Шавельского с известной осторожностью», и сведения о резких высказываниях Владыки Серафима относительно Московской патриархии, а также о его влиянии на Архиерейский синод РПЦЗ и лично митрополита Антония, вероятно, сильно преувеличены [Кострюков 2014, с. 103–105]. С некоторыми иерархами Московской патриархии архиепископ Серафим продолжал поддерживать отношения, а его влияние на дела руководства РПЦЗ, согласно документам, было не очень большим. Так, например, в конце 1935 г. он активно выступал против участия наравне с архиереями в планируемом Всезарубежном соборе клириков и мирян, но остался в меньшинстве. Поняв это, Владыка Серафим стал добиваться, чтобы собрание с участием мирян было названо не Собором, а съездом и окончательное решение по всем вопросам принимал бы Собор архиереев, однако и это предложение не нашло поддержки у руководства РПЦЗ [Кострюков 2015, с. 436, 438–439].

С 21 октября 1921 по 4 декабря 1926 г. о. Г. Шавельский был членом Епископского совета при управляющем русскими православными общинами в Болгарии, но в конце года узнал о прещениях, которые готовит ему Архиерейский синод. Отец Георгий в спешном порядке подал прошение епископу Серафиму об увольнении из юрисдикции РПЦЗ, где так и не смог прижиться [Соловьев 2010, с. 33–34]⁶. 9 декабря 1926 г. Архиерейский синод постановил: в связи с представлением епископа Серафима от 6 декабря уволить протопресвитера Георгия Шавельского, согласно своему прошению, от должности члена Епископского совета с 4 декабря; «предварительно замещения освободившейся должности, ожидать представления Преосвященного Епископа Серафима. О чем Епископу Серафиму, для зависящих распоряжений, послать указ, объявив таковым же и Протопресвитеру Шавельскому»⁷.

В том же месяце о. Георгий перешел в юрисдикцию Болгарской церкви. При этом протопресвитер сохранил связи с митрополитом Евлогием (Георгиевским). Так, в 1927 г. он по приглашению Владыки приезжал в Париж для участия в комиссии, составлявшей ответ заместителю Патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому), и посетил Клермонский съезд Русского студенческого христианского движения, которому горячо сочувствовал, а позднее неоднократно получал от митрополита приглашения для консультаций и трижды — «почетные предложения» переехать служить во Францию (последний раз в 1937 г.) [Кострюков 2006, с. 147–148; Бокач 1998, с. 103].

⁵ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 649, 651.

⁶ См. также: Там же. Л. 646–647.

⁷ Там же. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 85. Л. 2 об. — 3.

В 1930 г. о. Георгий определенно встал на сторону митрополита Евлогия в его конфликте с возглавлявшим Московскую патриархию заместителем Патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием. Как известно, конфликт произошел из-за того, что митрополит Сергей сначала потребовал от заграничного духовенства подписку о лояльности к советской власти, а затем, после того как митрополит Евлогий в Лондоне молился о гонимых в России христианах, обвинил его в политиканстве и запретил в служении [Соловьев 2010, с. 34].

Выдающиеся организаторские способности, яркий проповеднический и педагогический талант протопресвитера уже вскоре были высоко оценены руководством Болгарского экзархата. Софийский митрополит Стефан (Шоков) предложил о. Георгию Шавельскому место почетного священника в столичном храме Святых Седмочисленников (равноапостольных Кирилла, Мефодия и пяти их учеников), где пастырь служил до своей кончины.

Близко знавший о. Георгия Шавельского по совместной жизни в Болгарии Федор Бокач в своих воспоминаниях много писал о том всеобщем уважении, которым пользовался протопресвитер среди болгар: «Могу сказать, не обинуясь, что такой популярности, какую пользовался о. Георгий, я больше в своей жизни не встречал нигде и никогда. В один из своих заездов в Софию, на прогулке, я даже спросил, не болит ли у него рука от столь частого снятия шляпы в ответ на приветствия встречаемых. Кланялись ему не только русские, но еще больше болгары. Последние мне часто с восхищением говорили: “Той не прост поп, той като владика”. Св. Синод Болгарской Церкви не раз обращался к отцу Георгию за советами» [Бокач 1998, с. 104–105].

Как уже говорилось, протопресвитер с 1924 г. служил доцентом на богословском факультете Софийского университета. Здесь он, помимо других предметов, читал лекции по пастырскому богословию, которые нравились студентам и впоследствии легли в основу ставшей широко известной книги о. Георгия Шавельского «Православное пастырство», вышедшей в 1928 г. на болгарском и в 1930 г. на русском языках. Эта книга получила самые высокие отзывы со стороны православной иерархии и клира разных стран [Соловьев 2010, с. 31–32]⁸.

И во второй половине 1930–1940-х гг., несмотря на преклонный возраст, протопресвитер Георгий Шавельский вел очень активную преподавательскую, научную и церковно-общественную деятельность. В частности, 19 декабря 1938 г. он писал редактору выходившего в Белграде частного журнала «Церковное обозрение» Е.И. Махараблидзе о том, что были изданы его книги: «О Боге и Его правде» (София, 1938), о монастырях (часть будущего труда «Русская Церковь перед революцией») и вызвавший восторженные отзывы курс лекций «Православное пастырство» (на русском и болгарском языках), по которому учатся на богословском факультете Софийского университета. В это время о. Георгий заканчивал еще одну книгу — беседа деда с внуком «О молитве Господней, или О том, что нужно человеку» (вышла в Софии в 1939 г. под названием «Молитва Господня»), а затем планировал написать большую статью на болгарском языке «Юдаистиче-

---

⁸ См. также: ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

ский национализм в свете учения ветхозаветных пророков» для академического журнала.

Кроме того, протопресвитер служил в храме, читал лекции в Софийском университете, вел 15 уроков в неделю в Софийской русской гимназии (директором которой он являлся в 1932–1934 гг.) и председательствовал в трех обществах: Софийской Академической группе (с 1926 г.), Союзе учителей и Обществе почитателей императора Николая II. Создал пастырь и отдельное братство свт. Николая Чудотворца для помощи нуждавшимся русским беженцам, которое, правда, прекратило существование после его ухода из русской Никольской церкви. В октябре 1939 г. о. Георгию Шавельскому указали, что «по предельному возрасту» (68 лет) он должен завершить чтение лекций в Софийском университете. Но протопресвитер продолжил преподавание в русской гимназии, где работал в общей сложности более 20 лет [Соловьев 2010, с. 33].

В другом письме Е.И. Махараблидзе от 11 января 1941 г. о. Георгий сообщал, что ему, вероятно, вскоре удастся написать на болгарском языке еще две книги: «Литургия» и «Жить — служить». При этом протопресвитер, для которого была характерна большая скромность в личной жизни, категорически не хотел праздновать предстоящее 50-летие своего служения в священном сане⁹. Следует также упомянуть, что в Софии в 1924 г. вышла книга о. Георгия «Свети Атанасий Великий», а в 1934 г. — книга «Толстовское учение о непротивлении злу».

Очень болезненно о. Г. Шавельский переживал опубликование в газетах письма митрополита Анастасия Адольфу Гитлеру от 12 июня 1938 г. с благодарностью за постройку русского собора Воскресения Христова в Берлине. По воспоминаниям о. Феодора Бокача, протопресвитер «никак не мог понять, как этот уважаемый им иерарх мог дойти до такого унижения Православной Церкви. Этот акт о. Георгий считал столь же позорным, как и раскол Зарубежной Церкви» [Бокач 1998, с. 103].

К концу Второй мировой войны отец Георгий Шавельский фактически занял просоветскую позицию, которая вызвала изумление даже у некоторых его прежних знакомых. Так, В.А. Маевский писал 5 января 1945 г. из Линца Е. Махараблидзе в Вену: «Поразили Вы меня сообщением о прот. о. Г. Шавельском!?»¹⁰ Впрочем, эволюция взглядов протопресвитера была постепенной. Уже вскоре после нападения Германии на СССР о. Георгий Шавельский несколько поменял свои взгляды на советскую власть. Он полагал, что она либо изменит свою идеологию, либо уступит место другой, более национальной власти. Протопресвитер не разделял надежд ряда русских эмигрантских генералов на скорое падение советской власти, хотя и не сочувствовал ей. Согласно его собственным, еще не опубликованным мемуарам, о. Георгий считал, что в условиях, когда германские войска хотят завоевать Россию и обратить ее в свою колонию, «надо быть преступником перед своей Родиной», чтобы помогать немцам [Соловьев 2010, с. 36].

⁹ АГЕ. Д. Разная переписка. Военные годы. Л. 1, 23.

¹⁰ Там же. Л. 36.

Позиция о. Георгия в период войны заключалась, в частности, в том, что он отказывался служить молебны о победе германского оружия. «Советская армия теперь защищает Русскую землю от порабощения ее немцами, — сказал о. Г. Шавельский генералу Ф.Э. Бредову, командовавшему во время Гражданской войны Корниловским полком и собиравшимся теперь идти в поход против СССР, — а вы собираетесь помогать немцам. Не могу я благословить вас на такое дело» [Там же, с. 37]¹¹.

Начал о. Георгий постепенно пересматривать и историю борьбы «белых» и «красных» в годы Гражданской войны. «Добровольческое дело 1917–1920 гг., — записал он летом 1943 г., — может быть, когда-нибудь будет признано недоразумением: своя, мол, своих не познаша. Может быть, Добровольческая Армия принесла не только пользу, но и вред России. Может быть, скажут иные, без обильно пролитой в гражданской войне русской крови скорее возродилась бы Россия. Но в оправдание Добровольческой Армии надо сказать, что она явилась благородным и самоотверженным протестом... против тех крайностей, с какими выступила в октябре 1917 г. новая, большевистская власть: объявлением религии опиумом для народа, отрицанием частной собственности и свободы труда, жестоким подавлением всех прочих свобод и прав населения и полным пренебрежением к человеческой личности...» [Шавельский 2010, с. 665].

После прихода в сентябре 1944 г. в Болгарию советских войск о. Георгий Шавельский стал помогать митрополиту Софийскому Стефану, вступившему в активные отношения с новым правительством Отечественного фронта и советским военным командованием, в ведении переписки, которая возникла по поводу ликвидации болгарской схизмы. Кроме этого, о. Георгий, по меткому выражению современного российского исследователя о. Илии Соловьева, «стал спичрайтером митрополита Стефана». Так, большую известность в свое время получила написанная о. Георгием речь митрополита, произнесенная Владыкой на Московском совещании глав и представителей Православных Церквей в июле 1948 г. по случаю юбилея автокефалии Русской Церкви [Соловьев 2010, с. 38].

25 марта 1945 г. исполнилось 50 лет пастырского служения отца Георгия, но по его желанию юбилей прошел тихо, без празднества. Однако руководство Болгарского экзархата все же отметило это событие¹². В апреле 1945 г. о. Георгий несколько раз встречался с членами прибывшей в Софию делегации Московского патриархата в составе Псковского архиепископа Григория (Чукова), архимандрита Иоанна, протоиерея Константина Мещерского и профессора А.И. Георгиевского [Там же, с. 39–40]¹³.

В конце мая 1946 г. отец Георгий приветствовал в храме Святых Седмочисленников Патриарха Московского и всея Руси Алексия, приехавшего в Софию 20 мая и покинувшего столицу Болгарии лишь 3 июня. До революции протопресвитер не знал Владыку Алексия. При встрече о. Георгий увидел в Патриархе аристокра-

---

¹¹ См. также: ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 663.

¹² ЦГАБ (Централен държавен архив — ЦДА). Ф. 791к. Оп. 2. Ед. хр. 54. л. 1.

¹³ См. также: ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 682.

тические манеры, хорошее воспитание, умение вести аполитичные разговоры и вообще говорить и выступать публично так, что ни к одному его слову нельзя было придаться. Первосвятитель предложил о. Г. Шавельскому вернуться в Москву, однако чуткий и умный протопресвитер почувствовал, что в словах и речах Патриарха было много недоговоренного, «и после всех его речей завеса, закрывавшая от нас происходившее в Российской Православной Церкви и в Советском Союзе, осталась спущенной»¹⁴. Кроме того, из разговоров с митрополитом Григорием о. Георгий Шавельский понял, что произошло в России за минувшие с его отъезда годы, — из 40 военных священников, остававшихся в Петрограде, в Ленинграде не было никого. Проповеди, печатавшиеся в «Журнале Московской Патриархии» убедили протопресвитера в том, что в СССР «церковная проповедь сильно сужена, ограничена строго благочестивыми рамками, хотя для антирелигиозной пропаганды там предоставлена полная свобода» [Там же, с. 40].

Трижды во время своего визита Святейший Патриарх Алексий приглашал к себе на обед о. Георгия Шавельского, и хотя за столом всякий раз было около 10 человек, Первосвятитель беседовал почти исключительно с ним. Но и в застольных, и в частных беседах с глазу на глаз Патриарх не был многоречивым: «Более тридцати лет, — писал о. Георгий в своих мемуарах, — он провел в стране, где за всякое праздное слово люди дают строгий ответ на суде, <...> ни одно слово Патриарха не оставалось в тайне от тех, кому надо было знать» [Там же, с. 41]¹⁵.

Вскоре после возвращения в СССР Святейший Патриарх Алексий отправил протопресвитеру телеграмму с приглашением приехать осенью 1946 г. в Москву для занятия профессорской кафедры в Московской духовной академии с проживанием в г. Загорске. 11 июля последовал ответ: «Согласен. Земно кланяюсь. Прошу благословения. Протопресвитер Шавельский». Через два дня Патриарх Алексий обратился к председателю Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпову с письменной просьбой о содействии приезду отца Георгия в Москву, однако встретился с негативной реакцией. В резолюции Карпова на письме Первосвятителя говорилось: «Договорились с патриархом, что он посылает ответ Шавельскому, что в этом году надо воздержаться (ввиду неполучения корпуса в Загорске), а фактически ввиду его старости» [Письма Патриарха Алексия I 2009, с. 172–173].

Впрочем, действительная причина отказа заключалась в том, что протопресвитер не вызывал доверия у советских чиновников, особенную враждебность вызывали его «белогвардейское» прошлое и экуменические взгляды. Так, например, в справке о положении в Болгарской церкви, составленной в ноябре 1947 г. заведующим консульским отделом Миссии СССР в Болгарии Г.П. Шнюковым, отмечалось: «...ближайшим советником экзарха является русский белый эмигрант, б. духовник царя Николая II, протопресвитер Шавельский, известный своей ненавистью ко всему советскому» [Власть и церковь в Восточной Европе 2009, т. 1, с. 628]. А в письме поверенного в делах СССР в Болгарии К. Левычкина заместителю

¹⁴ ГА РФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8. Л. 683.

¹⁵ См. также: Там же. Л. 684.

министра иностранных дел А.Я. Вышинскому от 7 мая 1948 г. говорилось: «Протопресвитер Георгий Шавельский, белоэмигрант (комиссия отказала ему в восстановлении в советском гражданстве за активную антисоветскую деятельность), сторонник экуменизма, имеет сомнительные связи с американскими представителями в Болгарии, оказывает большое влияние на экзарха Стефана» [Там же, с. 688]. Советские власти не хотели включения отца Георгия в состав делегации Болгарской церкви на Всеправославное совещание в Москве 1948 г. и сделали все, чтобы этого не случилось, несмотря на желание экзарха. К. Левычкин предлагал прямо сказать митрополиту Стефану, что кандидатура о. Георгия Шавельского в составе делегации «нежелательна как белогвардейца, не восстановленного в советском гражданстве за его активную деятельность против Советского Союза» [Там же, с. 690–691]. В результате о. Георгий так и не увидел Родины.

В докладной записке председателя Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпова в Совет Министров СССР от 28 сентября 1948 г. отмечалось: «В отношении протопресвитера Георгия Совет считает необходимым пересмотреть вопрос о приеме его в гражданство СССР и срочной репатриации в СССР, как и других в прошлом активных белоэмигрантов, переодевшихся в церковную рясу (б. князя Ливен, Ухтомский и другие)» [Там же, с. 750].

В конце 1948 г. о. Георгию Шавельскому пришло приглашение занять богословскую профессорскую кафедру в США (где жила его дочь), однако об этом вскоре узнали в Москве. 27 декабря Г.Г. Карпов написал в МИД СССР о данном приглашении, указав, что это якобы может повлечь за собой «усиление враждебной деятельности эмигрантского духовенства», и попросив принять меры по предотвращению выезда протопресвитера [Косик 2003, с. 86]¹⁶. В результате отец Георгий после безуспешной попытки выехать в США остался в Болгарии. В другом письме в МИД СССР от 2 сентября 1949 г. Г.Г. Карпов писал, что «было бы целесообразно» «устранение от занимаемых постов, а может быть, и привлечение к ответственности проф. Цанкова и протопресвитера Шавельского, как главную агентуру западных экуменистов» [Власть и церковь в Восточной Европе 2009, т. 2, с. 267]. К счастью, этого не произошло.

Отец Георгий скончался в Софии 2 октября 1951 г. В своем скромном завещании он просил: «Отпевание совершить по русскому обряду в болгарской церкви, простой гроб, деревянный крест, пара лошадей в катафалке и никаких надгробных речей». Его похороны привлекли огромное количество людей, пожелавших проститься с любимым пастырем и наставником. Ближайшие друзья — священнослужители, отслужив на квартире почившего панихиду, на руках отнесли гроб с останками в болгарский храм Святых Седмочисленников. На другой день рано утром храм начал наполняться так, что к девяти часам, когда начиналась заупокойная литургия, опоздавшим уже нельзя было пробиться внутрь, чтобы отдать последний долг. Несмотря на то, что о смерти отца Георгия нельзя было известить всех его близких и знакомых, весть об этом с молниеносной быстротой разнеслась не только по Софии, но и в провинции, и народ шел непрерывной чередой.

---

¹⁶ См также: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 419. Л. 195.

На заупокойной литургии присутствовали все члены Болгарского синода, отпевание совершал его председатель митрополит Кирилл (впоследствии Патриарх Болгарской церкви) в сослужении двух епископов, всех синодальных архимандритов, софийского духовенства и представителей Русской церкви, — всего около 40 человек. Начатое в 11 часов утра, оно закончилось к началу четвертого. Похоронили отца Георгия рядом с его другом, профессором Н.Н. Глубоковским на русском участке Софийского кладбища [Бокач 1998, с. 109–110].

Источники и литература

АГЕ — Архив Германской епархии Русской православной церкви за границей

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ЦГАБ — Центральный государственный архив Болгарии (ЦДА — Централен държавен архив)

Бокач 1998 — *Бокач Ф.* Протопресвитер Георгий Шавельский // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 101–112.

Власть и церковь в Восточной Европе 2009 — Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. / сост. Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова. М., 2009.

Жевахов 1993 — *Жевахов Н.* Воспоминания. М., 1993.

Косик 2003 — *Косик В.И.* Русская Церковь в Болгарии (1940–1950-е годы) // Славяноведение. 2003. № 6. С. 79–91.

Косик 2008 — *Косик В.И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М., 2008.

Кострюков 2006 — *Кострюков А.А.* Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод // Церковь и время. 2006. № 1 (34). С. 135–149.

Кострюков 2014 — *Кострюков А.А.* Преодолевший разделение. М., 2014.

Кострюков 2015 — *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. М., 2015.

Письма 2006 — Письма протопресвитера Г. Шавельского к митрополиту Евлогию // Вестник Русского христианского движения. 2006. № 191. С. 104, 107.

Письма Патриарха Алексия I 2009 — Письма Патриарха Алексия I в Совет по делам русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1970 гг.: в 2 т. / под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Лященко. Т. 1. М., 2009.

Соловьев 2010 — *Соловьев И.* Протопресвитер Георгий Шавельский и его литературное наследство // Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 5–41.

Шавельский 2010 — Протопресвитер Георгий Шавельский: Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010.

Энеева 2001 — *Энеева Н.Т.* Спор о софиологии в русском зарубежье. 1920–1930 гг. М., 2001.

В.Н. Ильин

«РУССКАЯ МУЗЫКА»

(главы из книги)*

Публикация и археографическое предисловие Е.В. Бронниковой, вступительная статья К.Б. Ермишиной и В.Ю. Григорьевой, комментарии К.Б. Ермишиной

«Русская музыка» В.Н. Ильина¹ является частью большой рукописной работы, посвященной русской культуре. По мысли Ильина, эта книга должна была состоять из трех частей: русская наука, русская музыка и русская философия². «Русскую музыку» Ильин писал в 1950-е гг., точная дата создания текста неизвестна, поскольку рукопись не датирована. Для настоящей публикации из всего текста «Русской музыки», состоящей из 7 глав, были выбраны первые две, в которых раскрыта общая концепция сочинения. Свой подход автор обозначает как евразийский, хотя ко времени написания этой работы он уже не был евразийцем и разорвал дружеские отношения с П.Н. Савицким.

Владимир Ильин начал сотрудничать с евразийцами в 1923 г., написав для сборника «Россия и латинство» статью «К проблеме литургики в православии и католицизме» [Ильин 1923]. После переезда в 1925 г. в Париж он стал членом Парижской евразийской группы под руководством П.П. Сувчинского, а во время Кламарского раскола евразийского движения примкнул к антисоветской, «правоверной» Пражской группе П.Н. Савицкого. В.Н. Ильин был активным членом евразийского движения, писал статьи, участвовал в прениях, съездах, был одним из авторов программы «Декларация. Формулировка. Тезисы — 1932». В 1934 г. Ильин поместил в газете «Возрождение» открытое письмо, в котором протестовал против того, что его имя значилось среди сотрудников брюссельского просоветского журнала «Евразиец». В открытом письме он упрекал евразийство в склонности к большевизму и оповещал о своем выходе из организации. Ильину была чужда политическая составляющая евразийства, но он ценил классические евразийские идеи Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого.

Текст «Русской музыки» на первый взгляд кажется загадочным и нелогичным, поражает обилием упомянутых авторов, источников, ссылок на книги, причем подавляющее их число относится к XVII–XIX вв. — эти

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Текстологическое исследование и подготовка к публикации работы В.Н. Ильина “История русской музыки”» № 18-09-00270а.

¹ Подробно о биографии В.Н. Ильина см. в публикации: [Ильин 2015].

² О своем замысле Ильин писал в предисловии к «Русской науке» (см.: [Ильин 2017, с. 27]).

источники сложно было найти в послевоенной Европе. Одновременно Ильин цитирует или упоминает авторов, не имеющих прямого отношения к истории музыки в России. Он также дает ссылки на книги, которые в 1940–1950-е гг. считались вполне устаревшими и не соответствовали достижениям научной мысли того времени (Н.Я. Марр, С.Ф. Платонов, Р. Авенариус). Построение «Русской музыки» также вызывает вопросы: текст состоит из семи глав — первые две носят характер предварительный, в них излагается методология и концепция развития русской музыки. В первых главах Ильин дает обзор культуры, предшествовавшей Киевской Руси, прослеживая связи русской культуры через скифов с античным миром. Казалось бы, далее Ильин должен был писать о музыке Киевской и средневековой Московской Руси, поскольку этот период охватывает несколько ключевых веков развития русской музыки (кондакарный, знаменный, демественный распевы). Однако автор опускает несколько столетий и «перескакивает» в эпоху Ивана Грозного, а потом, без видимой связи с ней, — к XVII в., причем речь ведет не о музыке как таковой, но о различных ритуальных и увеселительных представлениях, сопровождавшихся музыкой. Последующие главы рукописи Ильина, посвященные XVII и XVIII вв., носят вполне цельный характер, без перерывов и скачков через эпохи, таким образом автор доводит свое повествование до периода расцвета русской оперы.

Все эти «странности» нуждаются в объяснении, и оно оказывается довольно простым, если внимательно присмотреться к тексту Ильина, цитированным источникам и ссылкам на литературу. «Русская музыка» строго следует книге Н. Финдейзена «Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века» [Финдейзен 1928]. Работа Финдейзена также начинается с описания древнейшего периода, предшествовавшего Киевской Руси. Ильин не просто цитирует Финдейзена без кавычек, не ссылаясь на него, но буквально переписывает целые абзацы его книги, давая ссылки на авторов и литературу, которые использовал Финдейзен в своем труде. Именно этим объясняется «архаичность» и редкость источников Ильина, вполне доступных для Финдейзена до революции 1917 г. в столичных библиотеках и недоступных Ильину в эмиграции после Второй мировой войны, когда, вероятно, он начинал работу над «Русской музыкой». За исключением выпуска 2, весь текст «Русской музыки» следует работе Финдейзена, которого сам Ильин почтительно называет «величайшим историком русской музыки». О знаменном распеве тем не менее Ильин пишет не с опорой на тексты Финдейзена, посвятившего этой теме 2-й выпуск 1-го тома «Очерков», а опираясь на работу музыковеда Дом де Малерба (de Malherbe), который исследовал григорианское пение, но попутно затронул тему знаменного распева. Со ссылкой на Малерба Ильин упомянул о двух особенностях знаменного распева: отсутствие тактовой черты (свободный ритм) и мажорно-минорную систему. Столь скудные сведения о знаменном распеве, безусловно, недостаточны, если

речь идет об истории русской музыки, в которой знаменное пение является центральным событием музыкально-певческой жизни X–XVII вв. Что касается привлечения таких источников, как тексты Марра, то создается впечатление, что Ильин пользуется ими вследствие отсутствия нужной литературы, поскольку несколько раз оговаривает свое отрицательное отношение к его лингвистической теории, хотя в ней, как замечает Ильин, также можно обнаружить «крупницы истины».

Фундаментальные исследования знаменного распева, осуществленные в СССР в 1950–1980-е гг. [Успенский 1968; Бражников 1972; 1974; Владышевская 1975; Холопова 1983], были Ильину недоступны, однако еще до революции в свет вышли ценные работы исследователей знаменного распева — Д.В. Разумовского, С.В. Смоленского, В.М. Металлова, А.В. Преображенского³. На труды этих авторов ссылается, например, И. Гарднер в своей основополагающей работе «Богослужбное пение Русской Православной Церкви»⁴. Концепция развития русской музыки Гарднера очень близка историософии евразийства, поскольку основывается на представлении о кризисе русской музыкальной культуры в результате Петровских реформ, а последующее существование русской музыки связывает с мучительным поиском национальных истоков.

При сравнении рукописи Ильина о русской музыке с его же «Программой по истории и теории церковной музыки для Русской консерватории в Париже»⁵ сразу заметна огромная разница: разделы, пропущенные в тексте, в Программе раскрыты максимально подробно, насколько можно судить по конспективному изложению. Ильин уделяет большое внимание теоретической части музыковедения (вопросам стиля, гармонии, семиографии, полиморфизма, проблеме композиции, нотации, лада, контрапункта и т. д.). В тексте Программы несколько раз упомянут специалист по истории знаменного распева В. Металлов, с трудами которого, судя по тексту, Ильин ознакомился позже написания «Русской музыки». Таким образом, мы видим два разных текста — «Русская музыка», которая, по сути, является конспектом книги Финдейзена с многочисленными авторскими примечаниями, и Программу с конспективным изложением истории развития русской музыки. В Программе история русской музыки представлена с точки зрения классического музыковедения, а «Русская музыка», вторичная по отношению к книге Финдейзена, содержит евразийскую концепцию развития русской музыки. Можно предположить, что «Русская музыка» была первой попыткой приближения к теме, которая не получила дальнейшего развития в виде отдельной работы.

---

³ Еще до революции вышла обширная литература о древнерусской музыке, например: [Потулов 1872; Смоленский 1888; 1901; Металлов 1899а; 1899б; Калашников 1908].

⁴ Помимо И. Гарднера, в эмиграции над темой истории музыки работали такие авторы, как М.Е. Ковалевский, Л.Л. Сабанеев, А.Н. Черепнин, Ю.И. Арбатский, Ф.Н. Шешко (подробнее об этом см.: [Зверева 2013]).

⁵ Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 559. Л. 1–4.

Для понимания концепции Ильина необходимо определить его методологический подход к исследуемому предмету. Ильин пишет не просто историю русской музыки, рассуждает не об особенностях ее ритма, интонации, модуляции, гармонии, жанрового или мелодического разнообразия, но историю русской культуры, или, еще шире — пытается понять и описать сущность евразийской цивилизации. В данном случае мы имеем дело с феноменологической редукцией как с основным методологическим исследовательским подходом. Этот подход отличается от экзистенциальной методологической концепции исследования творческого процесса как такового, сформулированного историком музыки Б.В. Асафьевым: «композитор — исполнитель — слушатель» [Келдыш, Левашова, Кандинский 1983, с. 5]. Сторонником экзистенциального подхода в музыковедении был лидер евразийства, музыковед П.П. Сувчинский⁶. Исследовательский подход Асафьева и Сувчинского вполне применим к композиторской музыке, как она сложилась в Европе с началом эры композиторской музыки в XI–XII вв. и в России начиная с XVII в.

Западноевропейская музыка до X в., так же как и русская музыкальная (официальная, церковная) культура, были не светской деятельностью, но аскетическими дисциплинами, подчиненными строгому канону [Мартинов 2002]. Параллельно религиозной канонической музыке существовала народная музыка — как инструментальная, так и певческая. Огромный пласт народной музыкальной культуры был связан с распевом былинного эпоса, различных сказаний и плачей и выполнял характер информационного хранилища, коллективной народной памяти. Уже к началу XIX в. эпос стал стремительно исчезать, так что появилась настоятельная потребность записывать и издавать русский былинный эпос и песенную низовую культуру. Сборник Кирши Данилова, собрание народных песен П.В. Киреевского и П.И. Якушкина [Данилов 1977; Киреевский 1977] открыли эру полевых исследований стремительно исчезающего народного эпоса. Инструментальная музыка Древней Руси также была довольно разнообразна, но и этот поток оскудевает к XVII–XVIII вв., когда правящий класс России отдал предпочтение западноевропейским музыкальным инструментам.

Таким образом, музыкальная стихия древнерусского мира имела три главных мощных потока: аскетическое церковное музыкальное искусство, народная былинно-песенная музыка и инструментальная музыка. Ильин, задумавший написать историю русской музыки, тем не менее

---

⁶ См. работу П.П. Сувчинского «Стравинский вблизи и поодаль. Девять (разнородных) положений», в которой он представляет концепцию сочетания природы, материальной основы человека, исторически и генетически обусловленной, и дара гения, который не поддается описанию и пониманию до конца. Сочетание этих сторон в личности порождает творчество: «Гений — самое таинственное и неуловимое из всех явлений — находится, помимо всего прочего, в плену у своей природы, то есть у материальной и физической системы <...>. Формы взаимозависимости природы и дара беспредельны и устанавливаются с трудом <...>. Этому поединку нет конца» [Сувчинский 1999, с. 288–289].

практически не затрагивает эти три древнерусские музыкальные стихии, вследствие выбранного исследовательского метода. Кроме того, его исследовательская источниковедческая база ограничивалась, по сути, работой Финдейзена, исследовательский метод, уже выше обозначенный как феноменологическая редукция, состоял в том, чтобы выделить некоторые наиболее яркие черты музыкальной культуры и прокомментировать их с точки зрения евразийской историософии. Музыку он рассматривал как форму бытия народа, обусловленную особенностями евразийского месторазвития. Термин «месторазвитие» Ильин заимствует из работ основоположника евразийства П.Н. Савицкого [Савицкий 1927а; 1927б].

Ильин писал о том, что русская музыка отлична от западной в первую очередь в силу историко-географических условий, кроме того, она глубоко укоренена в стихии соборной народности, а народ и элита именно в музыке находили единство и взаимопонимание. Истоки русской музыкальной традиции — в эллинстве. На глубочайшем уровне русская музыка связана с западной, в основе которой также античные черты. Одновременно, вследствие историко-географических причин, русская музыка проникнута восточными элементами. Композиторская музыка в России вырастает из народной, евразийской музыкальной стихии, чем объясняются ее особенности и характерные музыкальные черты. Русская музыка явилась сплавом скифо-татарской и славяно-эллинской стихий, что повлияло на ее размах, мощь и ширь, отражающие географические просторы Евразии. В концептуальном плане Ильин вполне самостоятелен и выдвигает идеи, прямо противоположные утверждениям Финдейзена. Так, например, для последнего славяне «вовсе не были чужды началам культурной жизни» [Финдейзен 1928, с. 45], хотя список причастных культуре ограничен у Финдейзена исключительно вельможами. Люди Древней Руси предстают у Финдейзена не вполне варварами, поскольку имели кое-какие музыкальные инструменты, во многом похожие на те, что бытовали у «культурных народов». Снисходительное отношение к собственной истории и благоговение к Западу были общим местом дореволюционной историографии, а книга Финдейзена, хотя и была издана в 1928 г., написана была во время и в духе «классической» для дореволюционной России западнцентристской установки. Ильин же, со ссылкой на аналогичную концепцию о. П. Флоренского, делает смелый вывод о том, что южнорусское эллинство питалось соками древнерусской культуры через крымские колонии, дипломатические, а позже и религиозные сношения. Таким образом, евразийский Восток и дохристианская Русь у Ильина предстают одним из источников формирования культуры античного мира. Отказ от установки «догоняющего» Запад развития и выявление ценности русской цивилизации как таковой был важнейшей методологической установкой евразийства, что было чрезвычайно близко взглядам самого Ильина.

Вместе с тем концепция Ильина оптимистична, то есть не вписывается в рамки классической евразийской историософии, как она была сформулирована Н.С. Трубецким [Трубецкой 1921; 1925], для которого петровские преобразования стали причиной краха национальной древнерусской культуры, что привело в конце концов к революционной катастрофе 1917 г. и крушению европеизма. Для Ильина, напротив, процесс европеизации предстает исторически неизбежным и даже органичным, а русская музыка проходит суровую, но необходимую европейскую школу, чтобы зазвучать через русских композиторов XIX–XX вв. с новой силой и убедительностью. «Русская музыка» имеет историко-философскую ценность, поскольку главное в ней — не просто факты, но смыслы, которые дают его идеям новое, глубокое значение, а исследовательский темперамент и юмор Ильина придают ей особое очарование, свойственные по-настоящему качественным литературным текстам.

В «Русской музыке» нет цельного представления о древнерусском знаменном пении, но отдельные замечания о нем рассыпаны по всему тексту. Если собрать все отдельные суждения Ильина воедино, то получится несколько тезисов:

1. Знаменный распев аналогичен григорианскому пению Католической церкви. Ильин высказывает предположение, что григорианское пение имеет восточное, античное происхождение. Таким образом, изначально эти два распева едины, поскольку имеют общий исток.

2. Русская музыка — явление исходно западное, поскольку пришло из Византии. Кроме того, она унаследовала через византийское посредничество и античные черты. Одновременно, поскольку Россия расширялась на восток, русская музыка, соприкасаясь с восточными и дальневосточными элементами, впитывала их мелодические элементы.

3. Русский знаменный распев не является изолированной, замкнутой в себе системой пения, но одним из элементов всей древнерусской культуры, наряду с архитектурой, иконой, народной песней и литературой.

4. Особенностью знаменного распева и народной музыки является особый ритм, отличный от ритмических принципов западноевропейской музыки. Древнерусская музыка не терпит тактовой черты, т. е. существует в рамках свободного асимметричного ритма и может быть понята только вне рамок минорно-мажорной тональности.

5. Утверждения об абсолютном единогласии знаменного распева Ильин называет «легендой». Он утверждает, что в XVI в. из знаменного распева рождается русская версия контрапункта, двух- и трехголосное пение. История музыки в России и Европе имеют единую направленность от одноголосного пения через контрапункт к композиторской музыке.

6. Знаменный распев чрезвычайно редко допускает ходы на терцию и лишь в исключительных случаях не дает хода на кварту.

Суждения В.Н. Ильина о знаменном пении отражают его личный жизненный и церковный опыт. Если Ильин и слышал когда-либо знаменное

пение, то, вероятнее всего, или в пореформенной (речь идет о церковных реформах патриарха Никона) редакции, или в исполнении старообрядцев-поповцев, то есть не в классическом дореформенном виде. Знаменное пение существует в двух редакциях: наречной, которая сформировалась ко времени церковных реформ середины XVII в., и аутентичной наонной, сохраненной старообрядцами-беспоповцами. Со вторым типом пения Ильин, вероятно, не имел практического соприкосновения. Знаменный распев не был для Ильина естественным и тем более единственно возможным певческим языком богослужения, поэтому он воспринимал его в первую очередь как культурно-исторический феномен. Неудивительно, что философ рассматривал его в контексте общей истории русской музыки.

С точки зрения современной науки целый ряд суждений Ильина верен: знаменный распев действительно аналогичен григорианскому пению и восходит к общему раннехристианскому корню. Необходимо уточнить, что искать античный компонент в русском церковном пении не стоит. Известно, что в силу особенностей рецепции на Руси византийской культуры ее гуманистическая составляющая, которая и должна была бы обеспечить преемство с античностью, практически не переносилась. Это объясняется аскетическими установками греческих миссионеров, прибывших на Киевскую Русь, а также сугубо катехизическим характером древнерусского образования [Живов 2017, с. 103–109]. Что касается мнения Ильина о внедрении в знаменные песнопения восточных и дальневосточных интонаций, то таковых при музыкальном анализе не выявлено. Между тем в византийском пении арабо-турецкие интонации и ритмы присутствуют как у греков, так и у южных славян. Самые яркие из них — характерные мелизматические украшения и исон. Мнение Ильина о том, что знаменный распев является частью древнерусской культуры в целом и тесно связан с другими искусствами: зодчеством, иконописью, словесностью, совершенно справедливо.

Ильин много писал о сходстве и преемственности народной музыки и знаменного распева. В отношении фольклора, однако, следует говорить скорее о противопоставлении, чем о родстве знаменного пения и народной песни, по крайней мере, для дораскольного периода. Среди устойчивых мелодических оборотов церковных песнопений нет пересечений с оборотами народных песен, а некоторое интонационное сходство двух данных пластов возникает лишь в старообрядческий период существования знаменного пения в силу падения крюковой грамотности певцов. Происходя от византийского корня, знаменное пение оставалось на Руси особым мелодическим языком, отличным от фольклора, так или иначе восходящего к языческим ритуалам как по своему интонационному фонду, так и по статусу в культуре. Сближает знаменное пение и фольклор только использование подголосков. По справедливому замечанию Ильина, вектор развития русского церковного пения резко меняется в сторону Запада начиная со 2-й половины XVII столетия. Знаменное пение переста-

ет соответствовать музыкальным вкусам общества, так что этот период является рубежным.

В.Н. Ильин совершенно верно особо отмечает специфику ритма и лада знаменных песнопений, высказывания же его о «русском контрапункте» требуют некоторых уточнений. Русское безлинейное трех- и четырехголосие, диссонантное с точки зрения западноевропейской традиции, возникает несколько раньше, чем указывает Ильин: не в XVI в., а в конце XV в. Эта неточность вполне понятна: находясь вдали от России, исследователь не имел возможности работать с древнерусскими певческими рукописями.

Русское безлинейное многоголосие организовано согласно иным принципам, нежели западноевропейский контрапункт. В основе знаменного пения лежит линейное развитие голосов, а не их гармоническое сочетание по вертикали. С мнением Ильина о поступательной направленности развития истории музыки от одноголосного пения через контрапункт к композиторской музыке для Руси также нельзя согласиться. Безлинейное многоголосие занимает в древнерусской церковно-певческой культуре достаточно скромное место. Ни на одном из исторических этапов оно не имело широкого распространения, оставаясь привилегией лишь нескольких высокопрофессиональных хоров, а в XVIII–XIX вв. традиция его исполнения и вовсе была прервана. Новые стили не могли послужить почвой для творчества русских композиторов. «Новое открытие» древнерусских многоголосных стилей произошло лишь во 2-й половине XIX в., причем споры об их диссонантном, а не консонантном звучании были окончательно разрешены менее 10 лет назад.

Желая показать отличие знаменного распева от западноевропейской музыкальной системы, Ильин характеризовал его мелодику не вполне точно. Суждение о том, что для знаменного пения не характерны кварты, не соответствует реальности. Ходы на терцию и кварту в знаменном распеве есть, причем для некоторых гласов (например, попевки «колесо» в 1-м гласе, «переволока» в 4-м, «хориса» в 5-м, «площадка» и «скачек больший» и «скачек средний» во 2-м и 6-м, «кулизма», «порывка», «поворотка» в 8-м гласе и др.) они чрезвычайно характерны. Есть в мелосе знаменного распева и ходы на более широкие интервалы: на квинту (например, переходы от «кулизмы» к «рафатке» в 1-м гласе, от «хорисы» к «рафатке» в 5-м гласе). Соглашаясь с «правилом А.Н. Серова» о белых клавишах рояля, которых якобы достаточно, чтобы сыграть русскую мелодию, т. е. с мнением о ее полной диатоничности, Ильин также обнаруживает недостаточное знакомство со знаменным пением: его архаический звукоряд не равен ни диатонике, ни хроматике, ни тем более темперированному строю и притом достаточно изменчив.

Таким образом, высказывания Ильина относительно самобытности знаменного пения, его высокой культурной и художественной ценности и о генетическом родстве как с византийским, так и с григорианским пением

ем безусловно верны. Наблюдения же более частного характера, касающиеся ладо-мелодического и фактурного устройства древнерусского пения, для получения адекватных результатов необходимо проводить на аутентичном материале.

* * *

В «Ежегоднике Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» продолжается цикл публикаций из обширного рукописного наследия Владимира Николаевича Ильина (см. первую публикацию: [Ильин 2015]).

В личном архивном фонде сохранился неопубликованный очерк по истории русской музыки с древнейших времен до XIX в. (Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 560. 185 л. Черновой автограф; Ед. хр. 561. 288 л. Машинопись с авторской правкой). Для предварительного знакомства читателя с этой книгой подготовлены две начальные главы — «Месторазвитие русской музыки и ее предыстория» и «Русские особенности в искусстве» (Ед. хр. 561. Л. 9–46), в дальнейшем текстологическая работа будет продолжена.

Текст публикуется в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Без каких-либо оговорок исправлены явные опечатки и пропуски букв, восстановлены обрывы слов в конце строки. Все авторские выделения текста (разрядка, заглавные буквы) воспроизводятся курсивом. Сокращенные слова раскрываются в угловых скобках (< >); также в угловых скобках воспроизводятся самоочевидные пропуски слов в авторском тексте. Знаком купюры ([...]) отмечены невозстановленные авторские пропуски либо невозпроизводящиеся излишние повторы слов. Археографические примечания публикаторов отмечаются звездочкой и даются в постраничных сносках, переводы иностранных слов и научные примечания к тексту — в конце публикации.

Источники и литература

- Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына
- Бражников 1967 — *Бражников М.В.* Новые памятники знаменного распева. Л., 1967.
- Бражников 1972 — *Бражников М.В.* Древнерусская теория музыки. По рукописным материалам XV–XVIII вв. Л., 1972.
- Бражников 1974 — Федор Крестьянин. Стихиры / публ., расшифровка, исслед. и коммент. М.В. Бражникова // Памятники русского музыкального искусства. Вып. 3. М., 1974.
- Владышевская 1975 — *Владышевская Т.Ф.* Ранние формы древнерусского певческого искусства: Автореф. ... дис. канд. искусствоведения. М., 1975.
- Гарднер 1977 — *Гарднер И.А.* Богослужбное пение Русской Православной Церкви: в 2 т. Джорданвилль, 1977.

- Данилов 1977 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.
- Денисов 2005 — Денисов Н.Г. Стрельниковский хор Костромской земли. Традиции старообрядческого церковного пения. М., 2005.
- Живов 2017 — Живов В.М. История языка русской письменности. Т. I. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017.
- Зверева 2013 — Русское зарубежье: музыка и православие / сост. С.Г. Зверева. М., 2013.
- Ильин 2015 — Ильин В.Н. Пережитое / предисл., подгот. текста и коммент. Е.В. Бронниковой и О.Т. Ермишина // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014–2015. М., 2015. С. 461–515.
- Ильин 2017 — Ильин В.Н. Русская наука. М., 2017.
- Ильин 1923 — Ильин В.Н. К проблеме литургики в православии и католицизме // Россия и латинство. Берлин, 1923. С. 177–219.
- Калашников 1908 — Калашников Л. Азбука церковного знаменного пения. Киев, 1908.
- Келдыш и др. 1983 — Келдыш Ю.В., Левашева О.Е., Кандинский А.И. От редакционной коллегии // История русской музыки. М., 1983. Т. 1. С. 5–16.
- Киреевский 1977 — Собрание народных песен П.В. Киреевского: в 2 т. Л., 1977.
- Мартынов 2002 — Мартынов В.И. Конец времени композиторов. М., 2002.
- Металлов 1899а — Металлов В. Азбука крюкового пения. М., 1899.
- Металлов 1899б — Металлов В. Осмогласие знаменного роспева. М., 1899.
- Потулов 1872 — Потулов Н. Руководство к практическому изучению древнего богослужебного пения Православной российской церкви. М., 1872.
- Савицкий 1927а — Савицкий П.Н. Географические особенности России. Прага, 1927.
- Савицкий 1927б — Савицкий П.Н. Россия особый географический мир. Прага, 1927.
- Скрижинская 2001 — Скрижинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 2001.
- Смоленский 1888 — Смоленский С.В. Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца. Казань, 1888.
- Смоленский 1901 — Смоленский С.В. О древнерусских певческих нотациях // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1901.
- Стравинский 2003 — Стравинский И.Ф. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы биографии. Т. III: 1923–1939. М., 2003.
- Сувчинский 1999 — Сувчинский П.П. Стравинский вблизи и поодаль. Девять (разнородных) положений // Петр Сувчинский и его время: Русское музыкальное зарубежье в материалах и документах. М., 1999. С. 288–289.
- Трубецкой 1921 — Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку. София, 1921. С. 86–103.
- Трубецкой 1925 — Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую культуру не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925.
- Успенский 1968 — Успенский Н.Д. Образцы древнерусского певческого искусства. Л., 1968.
- Финдейзен 1928–1929 — Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1–2. М.; Л., 1928–1929.
- Холопова 1983 — Холопова В.Н. Русская музыкальная ритмика. М., 1983.

МЕСТОРАЗВИТИЕ РУССКОЙ МУЗЫКИ И ЕЕ ПРЕДЫСТОРИЯ

Появление Игоря Стравинского¹ совсем не означает доведение до конца модернизма и дурное революционизирование русской и вместе с ней европейской музыки. Конечно, элементы крайнего и самого передового модернизма имеются в изобилии у Игоря Стравинского, но они только являются одеянием по существу глубоко архаической и даже предысторической музы великого композитора. Явление Игоря Стравинского означает то, что история русской музыки замкнула свой круг и как бы вернулась к своему началу, к своим первоистокам и даже праистокам. К тем временам, относительно которых нельзя даже сказать, скифские они или славянские. В этом отношении очень важна связь Игоря Стравинского с Волынью — тем местом России, где ближе всего и непосредственнее всего чувствуется дыхание не только праистории и ее связь с месторазвитием², определяющим историю, но и дыхание древних биологических периодов... Как известно, север Волыни часто дает обнажение на дневной поверхности раннетретичных и, может быть, поздневторичных мезозойских формаций. У Игоря Стравинского не только чувствуется стихийность человека, разгуливает между едва принявшим вертикальное положение *Homo sapiens*³ гоголевский «Вий», но еще чувствуется дрожащая под тяжелой поступью вымерших чудовищ земля. Временами кажется, что эти чудовища еще не совсем вымерли, но где-то в умопостигаемом месте существуют и готовы явиться вновь, чтобы показать, как под всем культурно-цивилизированным существованием человека «шевелится древний хаос»⁴.

Географический и геологический пейзаж имеет в своем роде решающее значение, преобразовывая по-своему и комфортно антропологическую стихию, сообразная ей свой облик и формируя соответственно ее творческий порыв, составляя с ним одно морфологическое целое, один морфологический комплекс. В этом отношении месторазвитие с его географическими, и геологическими, и астрологическими компонентами имеет более решающее и определяющее значение, чем, может быть, сама этнографическая стихия, которая к тому же, весьма возможно, целиком или в значительной части создается месторазвитием, во всяком случае, существенно им трансформируется. Идея проф<ессора> Якобсона⁵ о существовании языковых семейств, своими фонетическими аналогиями преодолевающих семейственную (племенную) несходственность, должна быть генерализирована и обращена на все прочие проявления творчества и культуры — включая сюда и музыку.

Для историка музыки важно знать дославянские и доисторические музыкальные древности русско-евразийского месторазвития не только с точки зрения общепринятой в науке методологии предшественников и влияний, но чтобы выяснить, каков был древний морфологический комплекс музыкальной культуры и ее месторазвития, к которому впоследствии присоединился и в который впоследствии включился славяно-русский музыкально-творческий этнический момент. Академик Н.С. Державин⁶ считает, что «русский народ в составе трех образующих его братских народов — великороссов, украинцев и белорусов — ведет свое начало с глубокой древности, с тех времен, когда о русском народе как особой

этнографической группе на европейском материке не было еще и речи. Не было тогда и речи и ни об одном из ближайших соседей русского народа: ни о литовцах и латышах — на Западе, ни о финнах — на Севере и Северо-Востоке, ни о турко-татарах — на Востоке» (Академик Н.С. Державин. «Происхождение русского народа». Москва, 1944, стр. 3). Этот ученый готов относить время происхождения русского народа к ледниковому или послеледниковому периоду русско-евразийского месторазвития, т. е. ко времени наиболее раннего пребывания на этом месторазвитии человека в связи с сохранившимися материальными остатками этого пребывания. Можно с уверенностью утверждать, что с четвертичного периода (дильвий⁷), может быть, даже от границы третичного и четвертичного периода на русском месторазвитии, именно в среднем Приднепровье и в прилегающих к нему с востока районах Заднепровья до рек Донца и Дона включительно, эта область идет на запад через Волинь к Подолью, к Галиции, к верхнему течению Вислы, к области города Кракова, все далее на запад в Моравию. Можно с большой степенью уверенности утверждать, что эти места — быть может, самые древние месторазвития европейской и евразийской культур. В наиболее древнюю из доступных исследованию эпох человек, обитавший в этих местах, умел изготавливать орудия из кремня и из костей животных и, находясь в стадии перехода от мелкой охоты к крупной, должен был несомненно иметь сравнительно высокую общественную организацию. В верхнем палеолите этого месторазвития можно утверждать наличие скотоводства и мотыжного земледелия. Земледелие же, как показал проф<ессор> Богаевский⁸ и другие, неразрывно связано с высокой степенью культа и культуры (относительно высокой, конечно, для данного периода). Пение, танцы и игра на музыкальных примитивных инструментах представляются весьма вероятными в этот период, особенно в порядке ритуально-культовом. К палеоэтнографии вполне применимы общие принципы изучения культур, и среди этих общих принципов особенно [...]*

Современная наука о древнейших насельниках месторазвития начальной русской истории засорена общеобязательными и навязанными в порядке политического террора теориями Карла Маркса и грузинского ученого Н.Я. Марра⁹, «прославившегося» своей теорией «яфетизма» в этнографии и лингвистике. Наряду с диалектическим материализмом, как он изложен в известной брошюре Сталина¹⁰ на эту тему, этнография и лингвистика Н.Я. Марра стали полицейски общеобязательными, и академику Н.С. Державину необходимо было в своей книге с этим считаться. Конечно, это не значит, что в теориях Карла Маркса, Сталина и Марра нет крупиц истины, которые рассеяны повсюду. Но эти крупинки сводятся совершенно на нет принудительностью общей схемы, абсолютно произвольной и не имеющей никакого отношения к науке. Кстати сказать, подобно тому, как масло не смешивается с водой, так и в схеме академика Державина сразу можно отделить политически навязанную под страхом смерти теорию от нормального и величавого течения общенаучной мысли, базирующейся на хорошо известных

---

* На этом слове кончается страница 3 авторской пагинации, следующая страница, имеющая авторскую буквенную пагинацию, начинается с нового предложения.

классических свидетельствах Геродота¹¹, на исследованиях археолога В.В. Хвойко¹² и академика А.С. Лаппо-Данилевского¹³.

Хорошо известно, что с VIII в. до Р<ожества> Х<ристов> до II в. после Р<ожества> Х<ристов> на месторазвитии Киевской Руси с присоединением Галиции обитала группа племен, известных под общим собирательным и загадочным именем *скифов*. По свидетельству Геродота, предшественниками скифов были киммерийцы, известные также и Гомеру. Некоторые ученые, в том числе и Марр, видят в основе слова «скиф» термин *скловен*, что, может быть, имеет общую связь с термином «славянин». Статья эта несколько не разрешает проблему языкового и племенного взаимоотношения славян и скифов. «Без учета киммерско-скифского материала, — говорит академик Н.С. Державин, — нельзя даже подходить к проблеме происхождения русских славян, потому что *киммеры и скифы* продолжают жить до наших дней в русском, украинском и белорусском языках» (акад<емик> Н.С. Державин. «Происхождение русского народа», стр. 12). На этом основании акад<емик> Н.С. Державин полагал, «что Н.Я. Марр имел все основания утверждать, что “*славянский*”, понимаемый палеонтологически, есть скифский, вернее — киммерийский» (там же).

С этой точки зрения, по мнению акад<емика> Н.С. Державина, центральный интерес исследователя должен быть сосредоточен на западной, Днепровско-Бугско-Днестровской, группе оседлых земледельческих скифских племен. Согласно свидетельству Геродота, это и есть — *древние скифы*. Их должно считать потомками насельников интересующего нас месторазвития эпохи палеолита, неолита, меди и бронзы. Эту группу Геродот противопоставляет восточной группе скифских племен, именуемых *царскими* скифами, что указывает на их гегемонию в скифском союзе племен. Согласно свидетельству Геродота, скифы восточные отличались от западных не только бытом и религией, но, насколько можно судить, и племенным типом. Акад<емик> А.С. Лаппо-Данилевский еще в 1887 г. выставил ставшую классической и доныне не опровергнутую теорию, на основании которой западные земледельческие и оседлые скифы собственно и были славянами. Во всяком случае свидетельство Геродота дает для такого заключения много оснований. Согласно тому же Геродоту западно-скифские племена, известные под именем *каллипидов*, можно тоже считать славянами. У таких авторов, писавших после Геродота, как Эфор¹⁴, Скимон Хиосский¹⁵ и др., каллипиды превращаются в *карпидов*, что, по всей вероятности, связано с позднейшими *Карпатами*, тем более что киевский летописец упоминает *карпов*, *карпиан* и *хорватов*. Нет никакого сомнения, что все это жители Прикарпатского края. Для всех этих племен существует терминологический двойник в виде слова *сармат* или же *сармар*, что дало название двух приволжских городов Самара и Саратов и для древнехазарского города Саркель. По этому поводу акад<емик> Державин говорит: «что же касается самого племенного наименования *сармат-сармар*, то оно, как и все племенные наименования, представляет собою двуплеменной скрещенный термин *сар-мат* или *сар-мар*. В первой части этого термина, т. е. в слове «сар», отложились наименования древнейшего исторического населения европейской части нашего Союза (имеется в виду Советский Союз. — В.И.), народа *салы*, тоже *талы* или *италы*, на

Кавказе *талыши*, на Балканском полуострове *теталы*, т. е. *фессалы*, страна *Феосалия*, город *Фессалоники*, позже *Салоники* и *Солунь*» (Державин, там же, стр. 13). Салы оставили заметные следы в русском языке, так что, напр<имер>, по мнению акад<емика> Державина, само слово «село» должно быть выделено из этого имени. По мнению Н.С. Державина, *сары* или *сарматы* в спирантизированной форме дают *каров*, откуда и наименование гор *Карпаты*. Лингвистически можно связать «Карпаты» сначала с «камнем», потом с «горой». «В Халдском клинописном языке языческой Армении на Ванском озере, в Малой Азии, относящемся к IX–VIII вв. до н. э. (т. е. до Р<ождества> Х<ристов>. — *В.И.*), когда мы говорили о скифах, имеется, по показанию Н.Я. Марра, между прочим, слово *рi* — камень, которое в усеченной форме *рi* присутствует у халдов же в составе слова *ка-рi*, чаще *карi* — камень. Первая же часть этого слова в халдском оформлении означает крепость-замок. Такого же происхождения и русское *Кремль*» (акад<емик> Н.С. Державин, там же, стр. 14, также: Н.Я. Марр. «Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревозии». Избр<анные> работы, IV, стр. 198–229). На основании этого наблюдения и ряда других Н.С. Державин приходит к убеждению, «что в языке русских славян, т. е. в великорусском, украинском и белорусском языках, а стало быть, и в народах-носителях этих языков заключен большой слой культурного наследия их доисторических предков на занимаемой ими сейчас территории... Предки эти, во-первых, *тимеры*, они же *идеры* или *беры*, и, во-вторых, *салы* или *сары*» (Державин, там же, стр. 15).

За этим следует загадка следующих после упомянутых Геродотом *каллипидов* — входящие в состав западных скифов *алазоны*. Они жили в нынешнем Подолье, где реки Днестр и Буг ближе всего подходят друг к другу. Расшифровать термин «*алазоны*» лингвистически нетрудно, в действительности это *алачоны*, *аличи* или *галичи*, что соответствует нынешним *галичанам* (см. акад<емик> Н.С. Державин, там же).

Этот ученый считает, «что нам нет надобности расшифровывать, кто такие геродотовы *скифы* — *пахари*, сидевшие на территории южной части Волыни и Киевщины, и *скифы* — *земледельцы*, занимавшие восточную часть Херсонщины и часть Киевщины. Это, несомненно, потомки уже известных нам на Приднепровье землеробов — «трипольцев», продолжавших и в геродотово время оставаться на тех же местах, где они и до Геродота сидели испокон веков» (Державин, там же, стр. 15–16). Скорее всего, что и те скифы, которых Геродот именовал скифами-кочевниками или номадами и которые занимали западную часть нынешней Запорожской области <и> «представляли собой пастушеские скотоводческие племена. В эпоху железа, на средней ступени варварства, они в связи с ростом скотоводческого хозяйства выделились из основной массы тех же Приднепровских и Приднестровских варваров, которые в геродотово время составляли западную ветвь скифского народа» (Державин, там же). Подлинными скифами были, вероятно, только так наз<ываемые> «царские скифы», но, очевидно, по стадильности своего культурного развития и по своему языку и эта восточная ветвь скифов была близка к западной ветви. В середине I тысячелетия до н. э. (т. е. до Р<ождества> Х<ристов>. — *В.И.*) все известные Геродоту скифские племена говорили на

каком-то, по-видимому, общем для них всех языке, стоявшем на доиндоевропейской, т. е. яфетической, стадии (общеобязательный для СССР термин академика Марра. — В.И.), не исключавшей, конечно, диалектических отличий, которыми разнились друг от друга отдельные племенные языки, обнимавшиеся у греков понятием *скифский язык*» (Державин, там же). «Вобрав в себя культурное наследие своих предшественников на занимаемой ими территории, т. е. *кимеров* или *иберов* и *этрусков*, скифы передали его своим преемникам. Это наследие в скифском оформлении продолжает жить до наших дней как в русском языке, так и в языках, соседящих с русскими народами Поволжья — удмуртов (вотяков), коми (зырян) и др.» (Державин, там же)... Акад<емик> Н.Я. Марр указывает на то, что такие слова, как «скот», «золото», «соха» и ряд других, в сущности являются скифскими словами (см. Н.Я. Марр. «Скифский язык». Избр<анные> раб<оты>, V).

Таким образом, нет и невозможно провести границы между славянами, в частности славянами русскими, и скифами на месте древнейшего русского месторазвития... Поэма А. Блока «Скифы» имеет, таким образом, за собой не только поэтическое ясновидение, но и твердое научное обоснование. Свидетельства, поскольку они существуют, о скифской музыке и доскифской палеомыке этого же месторазвития имеют, таким образом, <значение> для истории русской музыкальной культуры, особенно если принять во внимание греческие колонии* на этом месторазвитии или на местах соседних.

Надо заметить, что свидетельства греков неизменно проходят сквозь призму презрительного отношения к чужеземцам-варварам, и в этом отношении далеко не беспристрастны, что очень хорошо известно на примере отношений европейцев, т. е. романо-германцев к русским. Даже поэты, напр<имер> лирик Анакреон¹⁶ и комик Аристофан¹⁷, в своих произведениях издеваются над скифами, главным образом потому, что они иностранцы, пародируют их обычаи и высмеивают их язык. И все же за неимением иных лучших свидетельств приходится довольствоваться и такими, что в области музыкальной археологии и особенно археологии инструментов, не так уж опасно в смысле выяснения истины... Живший при императоре Коммодe, т. е. во II в. по Р<ождеству> Х<ристову>, грамматик и софист Юлий Полидевк¹⁸ написал «Словарь», где сообщает о музыкальных инструментах разных народов. В этом словаре имеется важное сведение о скифском *пятиструннике* (пентахорд). Это что-то вроде пятиструнной арфы или кифары с жильными струнами, на которых играли плектром, представляющим козье копытце. Этот же автор сообщает, что у скифов было некое подобие флейты, что они «дуют в кости орлов и коршунов наподобие флейт». Умерший в 120 году по Р<ождеству> Х<ристову> известный стоик-моралист и писатель, биограф Плу-тарх¹⁹ в «Нравственных рассуждениях» сообщает о музыке гипербореев, т. е. соседних со скифами обитателях Кавказа: «говорят, что в древности святыни из страны гипербореев посылались в Делос с флейтами, свирелями и кифарами».

* Возможно, что это даже не колонии, а пра-Греция и что сама метрополия есть создание своей колониальной периферии. Ведь недаром Италия, родина пифагорейской пра-философии, именуется Великой Грецией, и она же место обитания загадочных этрусков — возможно, русских славян. (Примеч. В.Н. Ильина.)

Получается такое впечатление, будто даже в деле музыки скифы и соседние с ними народы могли иметь значение для музыкальной культуры древних греков и, может быть, поучали их в этом смысле... Во всяком случае упомянутый Полидевк считает, что пентахорд изобретен самими скифами. Об образованном скифе, юноше Анахарсиде имеется сообщение у Плутарха, Геродота, Максима Тирского²⁰, философа II века по Р<ождеству> Х<ристову>, и у других. Анахарсид²¹, современник якобы Солона и потомок скифского царского рода, может быть отнесен к V в. до Р<ождества> Х<ристову> или к началу IV.

В Греции, по которой он путешествовал с образовательной целью, он настолько удивил своим умом и благородством образа жизни, что оказался причисленным к семи мудрецам классической древности. На основании свидетельства Анахарсида видно, что в его времена игра на флейте еще не была распространена среди скифов (см. В.В. Латышев. «Известия древних писателей греческих и латинских о скифах и о Кавказе». СПб., 1893, т. I, стр. 32, 322, 352, 495, 590).

Согласно свидетельству Геродота и Страбона²², на берегах Меотидского озера (нынешний Таврический пролив) жили амазонки, не терпевшие в своей среде мужчин, но для продолжения рода вступавшие в связь с соседями, жившими около Кавказа. Известный латинский писатель и философ, живший в первой половине V в. по Р<ождеству> Х<ристову>, Марциан Капелла²³ написал знаменитый в Средние века и доньше не утративший интерес философский роман «О браке Филологии и Меркурия», где много научно-исторического и богословско-метафизического материала. Там сообщено в главе о музыке, что игрою на кифаре привлекались гиперборейские лебеди, что амазонки совершали свои военные упражнения под звуки свирелей. Там же сообщено, как одна из таких амазонок, желавшая иметь ребенка, явилась с этой целью к Александру Македонскому, который подарил ей флейтиста, с которым она, весьма обрадовавшись, отправилась к себе (Латышев. «Известия». т. II, вып. 2, стр. 413. — Марциан Капелла. «О браке Филологии и Меркурия», кн. IX).

Что касается Черноморского побережья, или «Босфора Киммерийского», то археологические исследования приводят к заключению, что уже с VII века до Р<ождества> Х<ристову> это побережье представляло ряд цветущих и богатых греческих колоний. Среди них всем известны названия таких древних городов, как Ольвия, Херсонес, Пантикапея, Фанагория. Из раскопок на их местах и в курганах прилегающих мест выяснилось, что греческое влияние простиралось на юг России до Киевской губ. включительно и даже далее до бассейна Западной Двины и позже, еще севернее. Так, в 1841 г. одесский археолог А.Б. Ашик²⁴ открыл фрески Пантикапейской катакомбы. Особенно интересно, что здесь свидетельствуется о памятнике византийской культуры на юге России. Из этой фрески выяснилось, что обитатели Пантикапеи не только следовали в своих погребальных обрядах обычаям греческой митрополии, но что вообще их быт и культура стояли не ниже величайших античных культур той эпохи («Керченские древности», «О Пантикапейской катакомбе, украшенной фресками». Одесса, 1845 д. 44 + XII табл. Издатель II вып. «Русские древности», гр<аф> Толстой и Н.П. Кондаков заимствовали снимки этого издания без указания их источника. См. также статью В.В. Стасова

«Катакомба с фресками, найденная в 1727 г. близ Керчи». В.В. Стасов. Собр. соч. Т. I, СПб., 1794, стр. 214).

На этой фреске вторая группа, состоящая из трех мужчин, дает нам представление об инструменталистах древней Пантикапеи. Первая фигура, нагая, с зеленым поясом на бедрах, играет на трубе, вторая, в безрукавном хитоне, играет на деревянной флейте (эту флейту Пана Ашик называет свирелью), третья фигура, в хитоне без пояса, играет на трубе. За гробом представлен кортеж с четырьмя музыкантами впереди, играющими на трубах. «Обе группы одной и той же похоронной процессии в обоих случаях изображают хор трубачей в одинаковом составе. В левой половине фрески они *предшествуют* покойнику. В правой — стоят перед катафалком, по-видимому приблизившимся к катакомбе. Здесь они точно исполняют прощальную перед погребением фанфару. Одновременное выступление четырех музыкантов показывает, что у древних босфорцев существовал стройный ансамбль духовой музыки» (Н. Финдейзен²⁵. «Очерки по истории русской музыки». Т. I, вып. I, стр. 12).

Тот же археолог Ашик в исследовании гробницы, открытой в 1830 г. в шести верстах от Керчи, описывает несколько кусков букового дерева, хотя и сильно поврежденных, но дающих возможность предположить, что это остатки какого-то музыкального инструмента, по всей вероятности флейты. Некоторые из этих кусков были покрыты резьбой тончайшей работы с изображением фигур в греческих одеждах (Ашик. «Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками». Одесса, 1848).

Вообще в древностях материальной культуры Иммерийского Босфора (Эрмитаж, Московский исторический музей, музеи Херсона, Одессы, Киева) имеются изображения музыкальных инструментов, а также тех сцен, бытовых и религиозных, где музыка играет существенную роль (см. «Отчеты Императорской Археологической комиссии»). Н. Финдейзен указывает по этому поводу на тот факт, что данные этих и других исследований в этом роде имеют первостепенное значение для истории греческой и европейской музыки — особенно для эпохи, восходящей к V в. до Р<ождества> Х<ристов>. Это эпоха позднего расцвета греческого искусства, совпадающего с расцветом греческих колоний Черноморского побережья. Как известно, основой греческой культуры, ее питающими корнями были колонии, и по колониям следует составлять представление об элементах также и музыкальной культуры соответствующего периода. То что западная наука до сих пор не обратила на этот драгоценный материал никакого внимания — объясняется все тем же традиционным презрением по адресу всего того, что так или иначе связано с Россией и ее историей: «Из Назарета может ли быть что доброе <?>»²⁶. Здесь невежество и всевозможные разновидности т<ак> наз<ываемой> «клюквы» почитаются даже признаком, если угодно, хорошего тона, хотя от подобного рода «хорошего тона» наука терпит невознаградимый урон. Впрочем, и у ученых тоже ведь в ходу принцип *argumentum ad hominem*²⁷ — и тоже не в меньшей степени, чем у рядовых обывателей.

В Эрмитаже (Петербург-Ленинград) имеются две вазы эпохи позднего расцвета (V в. до Р<ождества> Х<ристов>). На этих вазах роспись изображает со-

стяжание кифаристов. Здесь изображена семиструнная кифара. В этом же Эрмитаже находятся терракотовые статуэтки, на одной из которых мы видим женщину, играющую на многострунном инструменте, т<ак> н<азываемой> «тригоне». Эта статуэтка найдена на т<ак> н<азываемой> «Митридатовой горе» около Керчи. Другая статуэтка изображает Пана, играющего на присвоенной этому божеству «флейте Пана» (об этом см. соотв<етствующие> места «Отчетов»). Еще интереснее, что в Курской губ. было найдено ритуальное стеклянное блюдо, приуроченное культу Диониса и употреблявшееся для возлияния (Императорский Исторический музей. Указатель памятников. 2-е изд. Москва, 1893, стр. 154, 200, 273 и т. д. Финдейзен, *op. cit.* Т. I, стр. 11 — примеч<ание>).

Это «эллинизм» Древней Руси, и притом всей Древней Руси без исключения, а не только того, что проф. М. Грушевский²⁸ называет «Украиной-Русью». Сама собою напрашивается гипотеза о том, что в основании культуры Киево-Новгородской Руси с отнесением сюда Путивля и Курска (см. «Слово о полку Игореве» — памятник общерусский) лежит эллинизм или некий общий с эллинизмом корень. Только таким образом и можно объяснить чрезвычайно высокий и ультра-европейский характер культуры Киевской Руси и, в частности, необычайно высокий уровень музыкально-певческой ее культуры, носящей явные черты эллинизма или, во всяком случае, родственной эллинизму в чрезвычайной степени. Тогда элемент киевский окажется по отношению к этому докиевскому и раннекиевскому комплексу приблизительно тем, чем были татары на исходе Киевской Руси и в начале Руси Ростово-Суздальской и Московской. Роль этого т<ак> н<азываемого> «варварского» элемента была совершенно особой. Скифско-татарская стихия соощала славяно-эллинской этнографической и биологической основе тот грандиозный размах, ту ширь и мощь, которые географически связаны с евразийскими просторами и чего не могло быть не только у эллинов, но даже у римлян. Ширь, мощь, размах, стремительный напор и темперамент — все это русско-евразийская культура получила от скифов и татар, включая сюда и длину, гигантское богатство и оригинальность линии мелоса²⁹.

В одном из курганов в семи верстах от г. Симферополя (в Крыму) были найдены следующие предметы: рог в серебряной оправе, топор, рукоятка которого была обвита золотой лентой, железные дротики, на правой руке — золотое кольцо змейкой, на левой руке — серебряное кольцо с печатью, амфора, глиняные кувшины и вазочка черного лака. В этом кладе интерес с точки зрения историка музыки представляет рог — охотничий или военный. Н. Финдейзен предполагает, что он принадлежал знатному лицу или воину. Такой рог мог быть атрибутом сана или знатности. Финдейзен вспоминает по этому случаю средневековых олифантов (Финдейзен, *op. cit.* Т. I, стр. 15–16). Этот историк делает очень важное указание на то, что рог, найденный в симферопольском кургане, сходен с подобным же рогом более поздней эпохи, именно IX–X вв., который был найден в черниговском кургане. Мы здесь опять сталкиваемся с очень важным фактом славяно-эллинской культуры на протяжении всего месторазвития Древней Руси. Это указывает на то, что греческие колонии были отнюдь не чуждым и высшим элементом по отношению к низшим и варварским (в pejоративном смысле³⁰) автохтонам или

«туземцам». Скорее всего, эти колонии эллинов даже и не колонии в обычном и одиозном буржуазно-империалистическом смысле слова, но органические образования на лоне синтетической, уже тогда славяно-эллинской или, вернее, русско-эллинской культуры. При таких обстоятельствах история не только музыкальной, но и общей культуры, особенно культуры церковной, столь тесно связанной с музыкой, — является в ином и очень важном для общей истории культуры и музыки, свете. Не исключено, что именно здесь и находилась одна из важнейших лабораторий, где вырабатывались ценности культуры (в данном случае — культуры артистической) для самой эллинской метрополии, а следовательно и для всего Западного мира. Таким образом, месторазвитие древней евразийской культуры становится и месторазвитием т<ак> н<азываемой> «общеевропейской» культуры и даже, быть может, одним из ее важнейших начал. И здесь оправдывается неизменное правило: свет с Востока³¹.

К перечисленным инструментам, найденным в древних могилах, надо отнести еще очень важный для России инструмент — колокольчики разных форм и звучностей. Сюда относятся: собственно колокольчики, а также бубенчики — одиночные, парные, а также соединенные группами по несколько штук и прикрепленные, напр<имер>, к поясам. Раскопки, сделанные в Александропольском кургане в Екатеринославском уезде (юг России), дали, кажется, самые прекрасные образчики в этом роде.

Раскопки эти сделаны были в 1850 г. Они дали целую серию бронзовых украшений. Большинство из них были приспособлены для прикрепления к ним колокольчиков. Это были гл<авным> обр<азом> изображения зверей. Помимо колокольчиков, в этом кладе были найдены и разные погремушки, бляхи и вообще такие предметы, которые надо отнести к ударным инструментам, по всей вероятности, ритуально-чародейского характера (см. альбом «Древности Геродотовой Скифии». СПб., 1866).

Колокольчики, как это очень хорошо теперь известно, есть общеритуальный инструмент скифско-античной древности, равно как и ритуальный инструмент иудейства (ветхозаветного) и христианства: стоит вспомнить звоночки на священных одеждах православного епископа, перешедшие от священных одежд ветхозаветного первосвященника, так же как и позвонки на католических кадилъницах, звенящие украшения на православных кадилъницах, что<бы> понять, о чем здесь идет речь. Н. Финдейзен в качестве сравнительного материала, где изображены звонки и флейта, упоминает хранящийся в Лувре барельеф, воспроизведенный известным Дюрюи³² (Duryu) в I т. «Истории римлян» (Histoire des Romains, 1879, p. 90). В совершенно ином и гораздо более позднем памятнике, относящемся к XIII в., именно в т<ак> н<азываемой> «хлудовской Псалтири»³³ изображен очень известный в православной литургии мотив «Трех отроков», где на древе виднеются священные колокольчики. В Чертомлыцкой могиле (20 верст от Никополя, юг России³⁴) найдено 42 колокольчика и притом с остатками язычков и цепочек. Эти находки повсеместны в России и встречаются от берегов Черного моря и до Сибири включительно.

Однако Черноморское побережье представляет совершенно особый интерес. По причине яркости выражения эллинского элемента археологические остатки этого месторазвития русской культуры дают картину великого культурного прошлого. В «Отчетах Императорской Археологической комиссии» за 1861 г. описаны в изобилии найденные при раскопках изображения музыкальных инструментов. Сюда относятся: воспитание молодого Диониса с изображением игрока на двойной флейте³⁵; Аполлон и Дионис в Дельфах с изображением игры на шестиструнной лире и на двойной флейте. Отчет за 1867 г. воспроизводит вазу, находящуюся в Эрмитаже и относящуюся к IV веку. Эта ваза найдена в одной из гробниц в Крыму. На ее лицевой стороне изображена процессия из 5 лиц, где юноша приплясывает, а девушка в хитоне и гиматии играет на двойной флейте. В отчете за 1869 г. изображена наружная сторона деканы, где изображена сакральная пляска девушек около жертвенника под игру двух женщин на лире и на двойной флейте. В этом же отчете репродуцирована и описана ваза V ст<олетия> до Р<ождества> Х<ристового> работы живописца Ефрония в Церах³⁶. Здесь изображены пирующие гетеры, из которых третья играет на двойной флейте. Отчет за 1870–<18>71 гг. дает описания найденных при раскопках труб-раковин (т<ак> н<азываемых> [...]). В отчете за 1874 г. даны репродукция и описание хранящейся в Эрмитаже вазы, на которой изображен сатир, играющий на двойной флейте (см. Н. Финдейзен, *op. cit.* Т. I, стр. 11. Примечания). Это изобилие изображе<ний> игры на двойной флейте тем знаменательнее, что в известном труде Гетри³⁷ о русской музыке, изданном в XVIII в., изображен русский юноша, кажется пастух, совершенно в духе и стиле «Леля», играющий на двойной дудке, очень напоминающей двойную греческую флейту, изображенную на только что перечисленных предметах, найденных в могильниках на юге России и в других местах, связанных с месторазвитием истории России.

Мы не хотим этим сказать, что русская культура преимущественно эллинского происхождения и характера — хотя такая гипотеза возможна и законна. Одно не подлежит сомнению — это то, что эллинский момент составляет весьма существенный компонент в культуре русской и что, скорее всего, эта культура общего с эллинством происхождения, составляя одно целое с ее корнями и глубоко родственная ей по духу.

Другим фактором русской предкультуры, в частности предкультуры музыкальной, надо считать еще тот особый Восток, который не должен быть отнесен ни к «ближнему», ни к «дальнему», но к Востоку *евразийскому*. Об этом евразийском Востоке в синтезе с Востоком славянского евразийства как основе русской культуры имеются драгоценные указания и сведения у арабских историков и путешественников. Опубликованы были в свое время основательные исследования об этих источниках с переводами из них. Речь идет о трудах таких ученых, как Д.А. Хвольсон³⁸ и А.Я. Гаркави³⁹. Известный гебраист Д.А. Хвольсон (отец всемирно известного русского физика⁴⁰) написал в своем роде классическое исследование — «Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Дастан». СПб., 1869. Не уступает ему в основательности

работа А.Я. Гаркави «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1870.

Из «Записок» Ибн-Фадлана⁴¹ (первая половина X в.). Для историка музыки и культы особое значение имеет рассказ этого писателя, относящийся к 922 г. и описывающий погребальные обычаи волжских болгар (вернее, «булгар»). Этот рассказ важен тем, что он переполнен культовыми сообщениями о культовой музыке, именно о музыке, готовящейся к добровольной смерти одной из жен гарема, следующей за своим умершим властителем. Музыка эта вокальная и состоит из ряда ритуальных гимнов. Все это описание дышит первобытным, древним ужасом (<Terror Antiquus>) и первобытной мистикой крови и смерти, очень напоминающей древнемексиканские ужасы, связанные с культом Уитцли-Потчли⁴² и Тецалькоатля⁴³. Об этом с точки зрения философски-метафизической имеются очень важные для данного случая соображения у гр<афа> Германа Кайзерлинга⁴⁴ в его «Южно-американских размышлениях».

Материал известного музыканта-этнографа С.Г. Рыбакова⁴⁵, собранный в его книге «Музыка и песни уральских мусульман» (СПб., 1897), представляет некоторые аналогии и, может быть, реминисценции того, о чем говорит Ибн-Фадлан. Речь идет о древней песне, перевод которой дан на стр. 156-й, цит<ата> С.Г. Рыбакова:

Вставши рано, я смотрю:
Синицы поют песни;
И хотела бы я так же петь,
Но одиночество гнетет мою шею.
В широкой степи перед дверью
Нет следов от белого зайца.
Со мной играли и смеялись мои друзья,
А теперь — ни одного нет...

Захват упомянутых арабских писателей очень широк, национальных предрассудков в европейском духе, мешающих научно-беспристрастному анализу чуждых явлений, у них не наблюдается, и в этом отношении арабы остаются вечными учителями Европы. И на этом примере становится понятным, почему Евразия в лице арабов явилась учительницей Европы буквально по всем отраслям положительного знания, — если перестать упоминать затасканный и самими европейцами выдуманный анекдот о калифе Омаре, очень подходящий для Голливуда или другого в этом роде притона пошлости и невежества и характеризующий прежде всего самих выдумщиков анекдота. Культурнейшие арабские писатели свидетельствуют о такой же культурнейшей стране, какой была Киевская Русь, духовно творческий и духовно артистический центр восточного славянства, вообще самого значительного и мощного — что Европа испытала не раз во время своих неоднократных колониально-крестовых походов в эту часть мира.

Музыкальная жизнь Киевской Руси была не только очень развита, но даже представляла, скорее всего, завершение длинного и очень прихотливого исторического пути. Принятие христианства Киевщиной тоже надо, скорее всего, рассматривать как заключительный момент истории Киевской Руси — совершен-

но по аналогии с античным миром, с миром классической древности, который, как это мы уже видели, был представлен в предыстории русского месторазвития очень значительно и очень ярко. Настолько ярко, что приходится даже ставить вопрос, — не было ли южнорусское эллиновство одним из значительнейших очагов эллиновства вообще и особенно в области музыки. Таким образом, Киевская и вообще Южная Русь, скорее всего, органически входила в состав античного комплекса, которому Европа обязана своей культурой вообще, — поскольку подлинная европейская культура есть в основе своей явление античное и прежде всего греческое. Другими словами, есть много оснований утверждать, что Киевская Русь органически принимала участие в выработке тех ценностей, наличие которых делает ее тем, что она есть и что она отрицает за Россией. Впрочем, конечно, от времени до времени на Русь действительно «накатывает» волна эллинофобства, отражающегося самым плачевным образом на качестве и высоте русской культуры. Это утверждение касается в такой же степени доцерковной культуры, как и культуры церковной.

Абуль Хасан ибн-Хуссейн⁴⁶, путешествовавший багдадский ученый (литературное имя — Аль Масуди), написал несколько «повестей временных лет» — форма также и русской летописи, может быть, даже исходный пункт для последней и даже модель для подражания, во всяком случае, одна из моделей, если считать вместе с Баратцем⁴⁷, что русская «Повесть временных лет» имеет еврейские, т. е., вернее, хазарские, иудаистические истоки. (Баратц пытается доказать, мобилизуя много эрудиции и остроумия, что эти истоки исключительно еврейские, — что, конечно, более чем сомнительно.) Так вот, этот Аль Масуди в одной из «повестей временных лет», относящейся к первой половине X в., свидетельствует уже для этой эпохи о том, что у славян господствует характерное двоеверие; среди многоплеменных славян имеются христиане и язычники (солнцепоклонники). Эти последние сжигают своих мертвецов и поклоняются им. Аль Масуди говорит о многочисленных городах славян, т. е. о высокой степени культуры, уже переходящей в цивилизацию. В городах славян, по указанию Аль Масуди, находятся церкви, а в церквях — колокола. По указанию писателя-путешественника в эти колокола «ударяют молотком, подобно тому как у нас (речь идет об Аравии. — В.И.) христиане ударяют деревянной колотушкой по доске» (Гаркави. «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», стр. 125; Финдейзен, *op. cit.* Т. I, стр. 111, примечание). Финдейзен замечает, что на основании этого свидетельства трудно понять, о каких собственно церквях идет речь: о собственно христианских церквях или же о языческих божницах, при которых ведь тоже могли иметься колокола. Ныне уже не подлежит сомнению существование у древних славян широко развитого язычества, даже большой языческой храмовой культуры. Аль Масуди и Ибн Даста оба свидетельствуют, что главным городом славян в ту пору был *Кюяб*, т. е. Киев. Это был центр самого мощного во всех смыслах и самого многочисленного восточного славянства и в то же время центр тогдашней евразийской культуры — сюда сходились нити и пути культур таких народов, как хазары, болгары, половцы, печенеги, — народов, обладавших нижним течением и устьями Волги, Дона и Днепра. Постепенно в старую языческую культуру стала врезаться

новая христианская струя, стала завоевывать души и формировать свою культуру, отрывая от перестававшего удовлетворять высшим запросам духа язычества все больше и больше душ. Конечно, этот отрыв шел гл<авным> обр<азом> по элите, как всегда стоявшей впереди. Такой элитой было, разумеется, прежде всего окружение князя. Значительное распространение христианства наблюдается уже во втором поколении Рюриковичей, именно при Игоре Рюриковиче. Договариваясь с греками в 945 г., языческая часть дружины клялась в Киеве в храме Перуна «оружием и золотом», полагая к ногам идола щиты, мечи и кольца («обручи»), а христианская часть дружины клялась в храме св. пр<орока> Илии на Подоле, древнейшей части Киева (Н. Закревский. «Летопись и описание Киева». Москва, 1857, стр. 7; Финд<ейзен>, *op. cit.* Т. I, стр. 111, прим<ечание>).

Ибн-Даства говорит: «В самом начале границы славян находится город Куяб». А по поводу религии он свидетельствует: «все они идолопоклонники». Имеется у него и деталь культа: «во время посева берут они просяные зерна в ковше, поднимают к небу и говорят: “Господи, ты, который снабжал нас пищей (до сих пор), снабди и теперь нас ею в изобилии”». По поводу инструментов Ибн-Даства свидетельствует: «Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиною в два локтя, лютня же их восьмиструнная» (Г. Гаркави, *op. cit.*, стр. 265; Финдейзен, там же, <Т.> I, стр. 22). Последний, комментируя этот текст, полагает, что под именем лютни, которой у славян не могло быть, Ибн-Даства здесь приводит лютнеобразный инструмент: либо «гудок», либо (что вероятнее всего) лютнеобразный инструмент, нечто вроде гуслей или украинской бандуры. Что гудок, как инструмент смычковый, вряд ли имеет здесь место, видно из того, что гудок, конечно, не мог иметь восемь струн, а разве только три или четыре. «Можно допустить, — говорит Н. Финдейзен, — что в данном случае неверно прочитан арабский подлинник (вообще допускающий разночтения) и что показания Ибн-Даства о количестве струн следует отнести к гусям, которые в ту эпоху вполне могли быть и восьмиструнные» (Финдейзен, *op. cit.* Т. I, стр. 23).

Нельзя, конечно, не согласиться с утверждением Финдейзена что «у древних славян было искусство» (стр. 23). Но этот трюизм, являющийся таковым и для самого автора, конечно, нуждается в детализации и в уточнении, чтобы иметь значение научного достижения, обогащающего знание по существу. Речь идет здесь не только о том, что славянские инструменты были туземного происхождения и изготовления. Дело в том, что инструментальная и вокальная музыка славян (и особенно славян восточных) была у них связана с цветущим языческим культом, основой большой, хотя и своеобразной культуры, звуковой материал которой в силу целого ряда причин, связанных со свойствами месторазвития, оказался прочнее и долговечнее материала вещественного. Этот материал звуков оказался той неоскудевающей сокровищницей, откуда последующие поколения черпали обильно для восстановления звукового здания, — уже на иных основаниях и в ином стиле, неоднократно менявшемся в зависимости от обстоятельств исторического инобытия и его месторазвития.

РУССКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ИСКУССТВЕ

Русская культура, как и всякая великая и подлинная культура, — явление в основе религиозное или, во всяком случае, культовое. Специфические особенности этой культуры заставляют признать ее созданием общей почвы, в которой объединились Европа и Азия, русская культура есть особое явление, «евразийское» — по существу. Однако это отнюдь не означает экзотики в поверхностном и декоративном смысле слова. Русская культура в некоторых своих, и притом весьма существенных, основополагающих чертах должна быть названа культурой восточно-европейской. Эта восточно-европейская культура последние два столетия пошла путем острой секуляризации, тоже европейского типа. И на путях этой секуляризации проделала самую грандиозную, самую страшную и радикальную, самую европейскую из всех когда-либо бывших революций. Но именно грандиозность денационализирующего процесса этой революции, ее сдвигов вновь обнаружили могучий евразийский устой, оказавшийся непоколебленным и связавший то, что казалось навсегда разъединенным, расколотым и уничтоженным. Даже в дни наиболее острых приступов секуляризационного трансформизма в духе последнего слова европейского прогресса могучий дионисический порыв — натуралистическая подпочва русской религиозности — продолжает сказываться со всею силою во всех явлениях русского искусства. И в этом одна из главных причин его значительности и мощного действия на сердца и умы всех тех, кто с ним приходит в соприкосновение.

«Камаринская» Глинки, «Снегурочка» Римского-Корсакова, «Весна священная» и «Жар-Птица» Стравинского, Вторая и Четвертая симфонии Чайковского, Вторая симфония Бородина и прежде всего русский фольклор и в нем русская песня подтверждают все сказанное. И здесь столько же все заключается в тайне исполнения, как и в тайне генезиса. Всем памятен в Париже тот восторг, с каким там слушали хор красноармейцев, гастролировавших под регентством проф<ессора> Александрова в 1937 году⁴⁸. Глубочайших натуралистических магических корней процесс секуляризации не коснулся, и русский артист — творец и исполнитель — продолжает быть объятый той божественной манией (θεια μανια), о которой говорит Платон⁴⁹. Это все и сообщает особый отпечаток, свойственный русскому искусству даже в самых, казалось бы, реалистически-натуралистических его проявлениях.

Религия и ее культовое оформление, т. е. культура, имеют два источника: натуралистический (природный) и духовно-творческий, который можно еще назвать церковно-сакральным. Первый исток дает *трагедию рока*, второй — *трагедию креста*. Эта трагедия есть вместе с тем и трагедия свободы. В истории человечества в его античный период господствует трагедия рока, связанная с действием стихийных и натуральных сил, поглощающих человеческую личность. В истории человечества после античного периода возникает трагедия креста, трагедия личности и свободы, на которую постоянно восстает бунтом теллурических сил оттесненная, но не устраненная трагедия рока. Пантеистические, теллурические силы неизменно сопровождаются рационализмом, рассуждальчеством, folie

résonante⁵⁰. Ницше⁵¹ и Роде⁵² показали подпочвенные «хтонические» извивы натуралистической трагедии эллинской души. А творец «Заратустры»⁵³, кроме того, вскрыл и общий корень трагедии рока и музыки. Роковой характер музыки в ее натуралистическом аспекте подслушал Артур Шопенгауэр⁵⁴.

Европейская культура давно уже стала ареной борьбы этих двух религиозностей — натуралистически-безличной и благодатно-персоналистической. Борьба эта осложнилась тем, что эмпирическая Церковь внесла в элемент благодатно-личный старый роковой груз органического начала, идущего войной на человеческую личность и упраздняющего трагедию креста. Церковь временами тоже идет путями этого естественного процесса.

В России борьба была особенно ожесточенной, ибо драма двоеверия так и осталась навсегда основной болью русской души. Реакция против рационализма и позитивизма привела в народе к экстазам мистического сектантства, а на верхах — к русскому дореволюционному Ренессансу конца XIX и начала XX в. Этот Ренессанс сказался прежде всего как борьба за право на красоту и трагедию. А что может быть трагичнее красоты? В этом — один из основных мотивов Достоевского. Ренессанс секулярный причудливо сплелся с Ренессансом церковным (тоже в аспекте красоты), и это под грозный аккомпанемент надвигавшейся Первой мировой войны и нараставшей новой революционной бури в лице теллурического бунта, рассудальческого безумия и секуляризационного европеизирующего ража воинствующей денационализации.

Это и стало главной темой — сознательной или бессознательной — трагического аспекта русского искусства, увенчанного гениями Достоевского, Мусоргского, Чайковского, Александра Блока. Но не надо забывать, что если дионисизм есть преобладающее свойство русского искусства и русской души, то и аполлонизм имеет в них своих сияющих и гармонических представителей. Перед нами Пушкин, Фет, Тютчев, Глинка, аполлонистические стороны⁵⁵ творчества Чайковского, Римского-Корсакова, Глазунова⁵⁶ и, наконец, русский балет, где, несмотря ни на какие разгулы дионисизма, все же побеждает строй Аполлона, могучая и гармоничная движущаяся пластика.

«Область искусства, — говорит Жюль Комбарье⁵⁷, — может быть разделена на две главных и независимых триады: триаду искусств, подчиненных категории пространства (триада *неподвижной красоты*) и триада искусств, подчиненных категории времени (триада *красоты в движении*). Первая включает в себе архитектуру, живопись и пластику; вторая содержит те искусства, которые греки называли «музыкальными», т. е. собственно музыку (вокальную и инструментальную), поэзию и ту живую скульптуру, которая является связующим звеном обеих групп — танец»⁵⁸.

Полно глубокого символического смысла то, что русская культура в ее творчески-артистических проявлениях избрала для себя вторую категорию искусств. Древнерусское храмостроение и древнерусская икона с их чрезвычайной значительностью и ценностью представляют как будто исключение. Но это исключение только кажущееся. Духовно-символическая проблематика древнерусского храмостроения и древнерусской иконы тоже музыкальная. И внутреннее родство

русских храмов и кремлей, русской древней иконы и русской народной песни, так же как и церковного знаменного распева, можно сказать, представляется почти аксиомой. Русская музыка, русская литература (в частности, несравненная поэзия) и русский балет — это выявления динамического, полного глубокой драматичности и трагизма начала *интенсивности*. Вообще, можно сказать, возвращаясь к вышеупомянутой идее Жюль Комбарье, что «триада неподвижной красоты» есть выражение начала экстенсивно-пластического и очень свойственна народам латинской расы и вообще Европе... Тогда как «триада красоты во времени» — есть носительница начала интенсивности. Она типична для Востока Европы, для Азии и для великой русско-евразийской культуры. Конечно, не надо здесь смешивать экстенсивность с экспансией, а интенсивность с созерцательным неделанием. Наоборот — интенсивность чрезвычайно гармонирует с грандиозными экспансивными размахами. Великий русский поэт последнего периода дореволюционной России, одной половиной существа своего уже стоящий за гранью «октября», раскрыл это в своей вещи поэзии о Куликовом поле в профетических реминисценциях о грандиозно-стихийной битве 1380 года:

И вечный бой! Покой нам только снится
 Сквозь кровь и пыль...
 Летит, летит степная кобылица
 И мнет ковыль...
 <И нет конца!> Мелькают мимо версты, кручи...
 Останови!
 Идут, идут испуганные тучи,
 Закат в крови!
 Закат в крови! Из сердца кровь струится!
 Плачь, сердце, плачь...
 Покоя нет! Степная кобылица
 Несется вскачь!

Это начало связано с тайной времени и движения и очень свойственно, вопреки существующим шаблонам, Востоку. Движение, так же как и свет, тоже с Востока. И этой жутью стремительного движения Россия охватывалась во все переломные периоды ее многоликой истории — в период варяжский, в период татарско-монгольский, в период Иоанна Грозного, в период Петра Великого, в период красного Октября. И это есть причина того, почему русская история, породившая великую культуру, есть самое трагическое явление, какое только знает мир, и русский человек, несмотря на свою грандиозность и гениальность, есть самый несчастный и самый страдающий человек в мире.

На <гладах> бесконечных вод,
 Закатом в пурпур облеченных,
 Она вещает и поет,
 Не в силах крыль поднять смятенных.
 Вещает иго злых татар,
 Вещает казней ряд кровавых,

Умчались, пропали без вести
 Степных кобылиц табуны,
 Развязаны дикие страсти
 Под игом ущербной луны.
 Я <слушаю> рокоты Сечи
 И трубные звуки татар.

И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..
(А. Блок. «Гамаюн, птица вещая»).

Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.
И я с <вековой> тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!..
(А. Блок. «На поле Куликовом»).

Родившаяся под знаком ущербной луны музыка, колыбель трагического начала, есть искусство, наиболее позднее в его совершенных раскрытиях... И Россия выступила с ним тоже поздно, как бы идя на смену музыки западной, о чем в свое время так пронизательно говорил Лист, в восторге от искусства Могучей Пятерки⁵⁹. Русской музыке надлежало спасти музыку западную, которую подстерегала двойная опасность: с одной стороны, иссохнуть в бесплодных песках академизма и эпигонства, а с другой — завязнуть в топях декадентства и разлагающегося буржуазного урбанизма.

Русская музыка, хотя и окрашенная всей яркостью национальных красок и носящая на себе печать самого богатого в мире песенного фольклора, в то же время далека от каких бы то ни было признаков национализма и национальной исключительности. Русский или, если угодно, великорусский элемент в ней является центром организующего средоточения, но сама она возвышается над противоположностью Запада и Востока, объемлет тот и другой, образуя собой грандиозное всесоюзное целое. Поэтому русскому музыкально-артистическому сознанию так же, как и сознанию литературно-идеологическому, претит всякое «дойой!» и всякое «довольно!». И не только претит, но эта мещански-шовинистическая эмоция русскому сознанию просто неизвестна и невозможна, а если бы стала возможной и известной подобная эмоция — это значит, что русское начало выветрилось и перестало быть самим собой. Для иллюстрации сказанного достаточно сравнить таких двух характерных для каждой нации оперных композиторов, как Рихард Вагнер и Римский-Корсаков. В то время как Римский-Корсаков не может быть объяснен по-марксистски, совсем не есть выразитель ни так называемого классового, ни национального сознания, ни тем более жажды властвующего империализма, Рихард Вагнер выражает и то и другое в сильнейшей степени, и, может быть, поэтому назван классовым политиком и националистом в музыке. Его очень легко объяснить по-марксистски. Даже характеры обоих композиторов совершенно противоположны. Римский-Корсаков, чрезвычайно требовательный к себе, был в высшей степени скромный, тих и уважал чужую свободу, не вынося какого бы то ни было насилия, и прежде всего насилия, исходящего от собственного лица. Вагнер был arrogantный⁶⁰ саморекламист, очень типичной складки, он все прощал себе и все позволял себе и ничего не прощал и ничего не позволял другим. Однако, так как немецкий фольклор и немецкая народная песня до крайности малы и ничтожны, сравнительно с грандиозными замыслами Вагнера и его «колоссальными фигурами», то Вагнеру остается только одно: доводить общеевропейский романо-германский и отнюдь не специально немецкий музыкальный элемент (которого и нет) в своих операх до предела. Однако национально-немец-

кий характер Вагнер выражает через свойство персонажей в чисто литературном плане. Римский-Корсаков весь погружен в общеславянскую стихию, где русский элемент является не подавляющим, но организующим, центром художественной кристаллизации. Персонажи его опер — совершенно не литературные персонажи даже там, где либретто дано таким великим национальным писателем, как Островский («Снегурочка»). Персонажи опер Римского-Корсакова — это различные грани все той же поющей и созерцающей, погруженной в музыкальный транс славянской «сути». И именно вследствие этого без всяких нажимов и подчеркиваний у Римского-Корсакова получается подлинно национальная музыка, в чем отказано Рихарду Вагнеру, дающему громадные глыбы общеевропейского романо-германского сплава и общеевропейского шаблона. И удивительным образом, несмотря на все трафаретные рассуждения о русской бесформенности и расплывчатости, о славянской непродуктивности (*improductivitée slave*), Римский-Корсаков на редкость плодovit, строен, закруглен, аполлонистичен. Все его оперы без исключения так же, как и персонажи, на диво «хорошо сложены», а что же касается специально его работоспособности и плодovitости, то при наличии абсолютного совершенства его сложных произведений, количеству им созданного формально приходится только удивляться... Он ведь был, кроме того, и превосходным преподавателем, [...] ревностно исполнявшим свой педагогический долг профессора. За тем исключением, где Вагнер следует шаблонам европейских опер, последние угнетают своей бесформенностью, свинцовой тяжеловесностью, расплывчатостью первичного замысла и недостаточностью аполлонистического начала. Как по своей общей структуре, так и по складу отдельных персонажей, создания Вагнера дисграциозны, неуклюжи, «плохо сложены», они иногда какие-то музыкально-литературные «гориллы»... Несмотря на все старания создать из Зигфрида немецкого Геракла, а из Брунгильды — Венеру Милосскую, все же получилось нечто по сути мелкое и неприличное. Почти ничего человеческого. И от них до SS-ов⁶¹ мужского и женского пола — рукой подать. Мы подходим к последней противоположности Римского-Корсакова и Вагнера. Римский-Корсаков предельно гуманен, щепетильно честен, Рихард Вагнер не порядочен, бесчестен, бесчеловечен. И на долю Римского-Корсакова, таким образом, как представителя русско-славянского начала поющей человеческой души, остается высокое представительство генеральной идеи человечности в эпоху начавшегося быстро расчеловечения, одним из главных факторов и симптомов которого надо считать Рихарда Вагнера. Последний парадоксальным, но естественным образом сочетал в себе общие места европеизма с германским воинствующим шовинизмом, заострившимся в нацизме, но выражающим общеевропейскую стихию.

В качестве характерного представителя высот русской музыкальной культуры мы здесь выбрали Римского-Корсакова, но можно было бы выбрать и любого из других великих русских композиторов, например Чайковского, которого иногда считают лишенным национального лика и держатся этого мнения вследствие досадного недоразумения — очень часто по причине незнакомства с его лучшими произведениями и еще чаще вследствие общечеловеческой склонности повторять раз навсегда затверженные общие места.

Евразийский элемент русской музыки — как симфонической, так и оперной, — русского балета и русской песни выявился с особой силой и яркостью в произведениях знаменитой «Кучки», о которой должно сказать, что она, главным образом, провозгласила и осуществила принципы музыкального и хореографического евразийства, доведенного Игорем Стравинским до своего предела.

Это обстоятельство и обеспечило победное шествие русского музыкально-драматического, симфонического и балетного искусства по всему миру и, по меткому и сильному выражению Жюль Комбарье, «положило конец гегемонии германизма в музыке» — выражение чрезвычайно ответственное, приняв во внимание огромную положительную роль немцев в истории этого искусства. А ведь Жюль Комбарье является одним из самых блестящих и ученых представителей европейской музыкальной историографии. Конечно, это не мешает ему впасть порою в досадные промахи и недоразумения касательно частностей русской музыки и отдельных ее композиторов. Но это происходит в столь трудной и мало доступной для не знающего русского языка области, как история русской музыки, да еще включенной в общую историю рус<ской> культуры.

В русском искусстве, в литературе и особенно в музыке и хореографии сказывается артистический динамизм. Динамизм красоты, где есть нечто покоряющее, захватывающее, вызывающее к действию, «механизм симпатического подражания» и стимулирующего этот механизм. Сюда же надо отнести и необычное своеобразие русского ритма, выходящего за пределы грубых, равномерных и мертво автоматических делений тактовой черты. Этот «тактовый ритм» в значительной степени деформировал и обезличил западную музыку, душу которой он, однако, в новую эпоху и в значительной степени выразил. Сделал это же «тактовый ритм» и с русской музыкой, поскольку она следовала западным шаблонам. Но русская народная песня, равно как церковный знаменный распев и все то, что на них основано, — совершенно не терпят или почти не терпят не только европейской тактовой черты, но и европейской мажор<но>-минорной системы в области тональностей. Здесь следует заметить, что возрождение на Западе «григорианского пения» оказалось счастливой и животворной параллелью тому музыкальному евразийству, о котором мы только что говорили. Да и само «григорианское пение», как это мы дальше увидим, несомненно, евразийского, греко-восточного происхождения. Что касается проблемы живого ритма, побеждающего жесткую и мертвую схему тактовой черты, то здесь следует отметить поразительное по глубине своего философского проникновения в сущность дела исследование Дом де Малерба (Dom de Malherbe O. S. B.). Этот известный знаток григорианского пения и философ музыки написал небольшое по размерам, но буквально переполненное глубокими мыслями и остроумными открытиями исследование «Вновь найденная музыка — музыка ритмическая» («La musique retrouvée — la musique rythmique». 1934). Будучи также знатоком и русской музыки, Дом де Малерб оказался в данном случае пророком возрождающейся в лоне церковности западной музыки. И здесь, как во многих других случаях, касающихся проблем новой музыки, обнаруживаются интересное сродство и параллелизм русской и французской музыкальной мысли. Это, быть может, следует объяснить тем, что, несмотря на свой неоспоримый ла-

тинизм, французская культура содержит в своих глубинах очень мощную эллинисткую струю, от времени до времени пробивающуюся на дневную поверхность и обнаруживающую свое сродство с такими же эллинскими и византийскими элементами в культуре русской.

Есть еще одно свойство русского ритмо-динамического искусства.

Свойство это — глубочайшая онтологическая социальность, или, лучше сказать, — «соборность», «артельность» — сказали бы старшие славянофилы. Русская музыка и русский балет могут быть отнесены к «духовным основам общества»⁶², выражаясь термином С.Л. Франка⁶³, большого русского философа. Выйдя из утонченнейшей элиты, какую только знал мир, русское интенсивное «искусство времени» стало выразителем народной, массовой души, ее энергии, ее размахов и порывов, ее сил и душевных движений, как лирических, так и драматических. Русская музыкальная элита была орудием общения, а не разъединения — и отсюда ее огромная социальная роль и умиротворяющее действие, та ее «социальность», о которой для искусства мечтал Гюйо⁶⁴. В особой степени применимы слова уже цитированного Комбарье к русской музыке: «Эти искусства, связанные с жизнью общества всех стран многочисленными связями, не что иное, как род языка, на котором в большей или меньшей степени точности высказывается человеческий дух. Они подчиняются главному принципу композиции, который носит название «симметрия» для первых и для ритма *вторых*»⁶⁵.

Еще не было сделано серьезных попыток проведения детальной и действительной аналогии между симметрией и ритмом. Однако в основе эта идея верна. Конечно, и симметрию, и ритм надо здесь понимать в духе Дом де Малерба, а не видеть в них мертвой схемы, сковывающей жизнь искусства. Это симметрия и ритм «сверху», а не «снизу», живое нечто, но не набор кубиков. Русская культура и русский артистизм лишь в иконе и храмостроении проявили себя как искусство симметрии, во всем прочем предоставив это свойство пластическому гению романских наций. Но зато живой ритм был всегда атмосферой, которой дышал русский гений и которой был окружен.

Словно некую грандиозную артель в шествии, некий «кортеж красоты» представляет русское музыкальное искусство в его национальном аспекте. Этим и объясняется, почему русский человек даже тогда, когда суховей рационалистической секуляризации иссушает в нем непосредственное благодатное начало сверхприродной религиозности, все же находит для себя орган дыхания и жизни в стихии соборно-артельного искусства — ибо эта сфера была всегда сферой натурально-религиозных устремлений русско-евразийской души. И здесь надо искать связь русскости с эллинизмом, общий корень и общее имя которому — дионисизм. Соборный аспект натуралистической религиозности нашел артистическое выражение в дионисически-трагическом восторге, в «восхищении». И недаром самые глубокие прозрения в эту сферу совершил гениальный русский мыслитель, наделенный необычайной чуткостью в области красоты — отец Павел Флоренский⁶⁶. Это он, созерцая открывшийся ему эллинский орфический мир, показал, что значит отрыв от земли, подъем, полет, «восхищение» (ἀρπυμός)⁶⁷. И удивительным образом это свойство проявляется в русском человеке не только в его молитвен-

но-аскетических экстазах, но в хлыстовских радениях, в пафосе соборности и в грозном натиске народной войны. Здесь, конечно, преимущество, но и громадная опасность растворения личности в коллективе, который для оторвавшихся от положительной церковной религиозности символизирует собой эту «иную сферу».

И все же есть в русской душе, особенно в ее искусстве и более всего в музыке и танце, — летающее окрыленное начало, спасающее от пошлости, — и независимо от того, кто является представителем этого начала: созданный Римским-Корсаковым образ ли скопца Звездочета из «Золотого петушка», является ли оно в вихре хлыстовских радений, принявших восточную форму половецких плясок у Бородина в «Князе Игоре» или же в адском урагане, уносящем осужденную пару в грозной, грандиозной «Франческе де Римини», созданной Чайковским по духу глубоко западной, адекватной поэзии Данте, но по темпераменту и стихийности напора — вполне русско-евразийской.

---

¹ Стравинский Игорь Федорович (1882–1971), композитор, дирижер, ключевая фигура музыкального модернизма XX в. С 1914 г. жил в Швейцарии, с 1920 г. — во Франции, с 1939 г. — в США. В.Н. Ильин очень ценил И.Ф. Стравинского, часто и с почтением упоминал его творчество в своих работах. Личное знакомство с композитором состоялось во Франции. Известно письмо В.Н. Ильина к Стравинскому от 9 сентября 1926 г., в котором речь идет о встрече в Ницце. Письмо написано в очень восторженных тонах: «Не могу выразить всего чувства счастья, которое переполняют (sic!) меня, когда я думаю о том, что увижу и буду разговаривать с Игорем Стравинским. Молю Бога, чтобы на этот раз встреча состоялась. Итак, ожидаю с нетерпением радостной минуты» [Стравинский 2003, с. 206].

² Месторазвитие — термин основоположника евразийства П.Н. Савицкого, одна из важнейших категорий евразийского учения. Савицкий доказывал, что месторазвитие — это территория, на которой раса, культура, государство развиваются в тесной связи с природным ландшафтом, климатом, рельефом местности, флорой и фауной. По его мнению, пространство, в котором развиваются различные культуры, является местом взаимного влияния географического, природного и человеческого факторов. Месторазвитие есть определенный топос пространства, оно влияет на формирование особенностей народа, форм культуры и государственности.

³ Человек разумный (*лат.*).

⁴ «Шевелится древний хаос» — неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (1832). В оригинале: «О, страшных песен сих не пой / Про древний хаос, про родимый!.. / О бурь заснувших не буди — / Под ними хаос шевелится!..»

⁵ Якобсон Роман Осипович (1896–1982), лингвист, фонолог, литературовед. Основоположник структуралистского подхода в языкознании. С 1920 г. жил в Чехословакии, с 1941 г. — в США, профессор Колумбийского и Гарвардского университетов (1943–1946, 1949–1965). Дружил с евразийцем Н.С. Трубецким, с которым основал Пражский лингвистический кружок (1926). В.Н. Ильин подразумевает основную идею работы Р.О. Якобсона «К характеристике евразийского языкового союза» (Париж, 1931).

⁶ Державин Николай Севастьянович (1877–1953), филолог-славист, историк. С 1917 г. профессор, в 1922–1925 гг. ректор Петроградского университета. С 1931 г. академик Академии наук СССР, в 1931–1934 гг. директор Института славяноведения. С 1944 г. заведующий кафедрой славянской филологии в Ленинградском государственном университете, с 1947 г. одновременно директор ленинградского отделения Института славяноведения. Сторонник взглядов Н.Я. Марра. Основные труды: «Вековая борьба славян с немецкими

захватчиками» (1943), «Происхождение русского народа» (1944), «Славяне в древности» (1946).

⁷ Дилувий (от лат. diluvium — потоп, наводнение), устаревшее название, которое использовали в науке XIX — первой половины XX в. по отношению к четвертичному периоду (дилувиальный период).

⁸ Богаевский Борис Леонидович (1882–1942), филолог, историк, археолог. Окончил филологический факультет Петербургского университета (1907), стажировался в Германии, Италии, Греции (1907–1909), защитил магистерскую диссертацию «Земледельческая религия Афин» (1916). Декан историко-филологического факультета Пермского университета (1917–1918), ректор Томского университета (1921–1922), проректор по учебной части Ленинградского университета (кон. 1920). Основные труды: «Крит и Микены (эгейская культура)» (1924), «Техника первобытно-коммунистического общества» (1936), «Очерки истории техники докапиталистических формаций» (1936).

⁹ Марр Николай Яковлевич (1864–1934), востоковед, филолог, академик, вице-президент Академии наук СССР. Создатель лингвистической теории об общем яфетическом корне всех языков, один из самых известных филологов XX в. Профессор (1902), декан (1911) восточного факультета Петербургского университета, академик Петербургской академии наук (с 1912). Основатель Яфетического института (1921), директор Ленинградской публичной библиотеки (1926–1930), председатель Российского Палестинского общества (1929–1934). Учение Марра, которое при его жизни признавалось «марксистским», подверглось резкой критике после издания работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950).

¹⁰ Речь идет о брошюре: *Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме*. М., 1938. Впервые напечатана в газете «Правда» (12 сентября 1938 г.). В этой работе Сталин сделал конспект основных мыслей К. Маркса и Ф. Энгельса, раскритиковал «идеализм» И. Канта, описал основные категории материалистической философии: мышление, материя, исторические формации, диалектика, борьба противоположностей и т. д.

¹¹ Геродот (ок. 484 — ок. 425 г. до н. э.), древнегреческий историк. Жил в Афинах (в конце жизни). Много путешествовал (был в Вавилоне, Ассирии, Египте, Малой Азии, Геллеспонте, Северном Причерноморье и т. д.). Автор энциклопедического труда «История», первого исторического сочинения Древнего мира.

¹² В.Н. Ильин неточно пишет фамилию. Подразумевается археолог чешского происхождения Викентий Вячеславович Хвойка (1850–1914), первооткрыватель трипольской культуры, исследователь скифской, зарубинецкой, черняховской культур. С 1876 г. жил в Киеве. Один из основателей Киевского городского музея древностей и искусств. Основные сочинения: «Раскопки в области трипольской культуры» (1901), «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена» (1913).

¹³ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), историк. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1886), приват-доцент, магистр истории Петербургского университета (1890), академик Петербургской академии наук (1905), почетный доктор права Кембриджского университета (1916). Автор трудов по политической, социальной и культурной истории России XV–XVIII вв., методологии истории, источниковедению, истории науки.

¹⁴ Эфор Кимский (400–330 гг. до н. э.), древнегреческий историк. Ученик ратора, софиста Исократ. Автор исторического труда (в 30 книгах), который был первой попыткой всеобщей истории у древних греков. Исключил из исторического описания все мифологические сюжеты, басни и анекдоты, уделял особое внимание географическим аспектам. Исторические сведения о Спарте в основном почерпнуты из его труда.

¹⁵ Скимн Хиосский (III–II вв. до н.э.), древнегреческий географ, автор не сохранившегося описания Европы и Азии.

¹⁶ Анакреон (ок. 570 — 485/478 гг. до н. э.), древнегреческий поэт, музыкант. В его лирике скифы упоминались как символ пьянства и неводержанности. Например, эта тема представлена одой Анакреона в переводе А.С. Пушкина: «Мы не скифы, не люблю, / Други, пьянствовать бесчинно...» (ода LVII («Что же сухо в чаше дно?..»), 1835).

¹⁷ Аристофан (444 — ок. 380 гг. до н. э.), древнегреческий комедиограф, получивший прозвище «отец комедии». В двух его комедиях, «Лисистрата» и «Женщины на празднике Фесмофорий», высмеиваются скифы: в первой — как бессловесные стражники, во второй — как глупые и простодушные люди (см. исследование на эту тему: [Скрижинская 2001]).

¹⁸ Юлий Полидевк (кон. II — нач. III в.), лексикограф, софист, ритор. Родился в Египте, учился у ритора Адриана, пользовался покровительством римских императоров Марка Аврелия и его сына Коммода. В.Н. Ильин подразумевает его сочинение «Ономастикон», которое представляет собой энциклопедию в 10 книгах на греческом языке.

¹⁹ Плутарх (ок. 46 — ок. 127), философ, биограф, общественный деятель. Автор около 210 сочинений. В.Н. Ильин под «Нравственными рассуждениями» подразумевает сборник «Моралии» («Moralia»), включающий 78 литературных, философских и публицистических сочинений. Он цитирует трактат «О музыке» («De musica»), который в современной науке считается принадлежащим Псевдо-Плутарху и относящимся к II–III вв.

²⁰ Максим Тирский (II в.), греческий ритор, философ. Автор 41 речи или рассуждения («Λογοι») на различные темы. Об Анахарсисе говорится в речи XV (Max. Tug. Diss. XV).

²¹ В.Н. Ильин неверно пишет имя, правильно — Анахарсис (Αναχάρσις). Речь идет о философе и мудреце скифского происхождения (сыне скифского царя), который жил в первой половине VI в. до н. э., путешествовал по Греции, в Афинах встречался с Солоном. Сохранилось около 50 изречений Анахарсиса на различные темы.

²² Страбон (ок. 64 г. до н. э. — ок. 23 г. н. э.), историк и географ. Родился в Малой Азии, имел римское гражданство. Автор трудов «История» (не дошел до наших дней) и «География» в 17 книгах (сохранилась, за исключением части 7-й книги), которая служит одним из достоверных источников по географии Древнего мира. «География» Страбона дает чрезвычайно разнообразный материал об известных в его время странах и народах, в том числе об азиатской Скифии, Кавказе, закаспийских землях.

²³ Марциан Минней Феликс Капелла (ок. 360 — ок. 428), латинский писатель-энциклопедист, философ, ритор. Автор энциклопедии «О бракосочетании Филологии и Меркурия», в которой дан обзор семи свободных искусств. Филология предстает как знание, которое должна получить душа, если желает соединиться с Божественным Разумом, представленным в образе Меркурия. В числе указанных Марцианом дисциплин — грамматика, диалектика, риторика, геометрия, арифметика, астрономия, гармония (музыка).

²⁴ Ашик Антон Бальгазарович (1801–1854), археолог. Помощник начальника Кавказской области для выполнения особых поручений (1830), директор Керченского музея древностей (1833–1849). С 1839 г. действительный член Одесского общества истории и древностей. Многие ценные археологические находки передал в Эрмитаж. В 1843 г. открыл античные катакомбы в Пантикапее (близ Керчи) и сделал подробное описание их фресок. Автор работ по археологии «Керченские древности» (1845), «Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами» (1848–1849) и др.

²⁵ Финдейзен Николай Федорович (1868–1928), музыковед, писатель, издатель. Создатель Музыкально-исторического музея Петербургской филармонии, с 1920 г. его директор. Первые работы по истории музыки опубликовал в 1890–1891 гг., с 1892 г. постоянно печатался в русских и зарубежных изданиях. Главный редактор и издатель «Русской музыкальной газеты» (1894–1918). Один из основателей «Общества друзей музыки» в Петербурге (1909). Преподаватель Археологического института (с 1919), возглавлял комиссию по из-

учению народной музыки при Русском географическом обществе (с 1925). Автор многочисленных музыковедческих работ, из которых самым известным является сочинение «Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века» (М.; Л., 1928–1929. Т. 1–2), которое активно цитирует В.Н. Ильин.

²⁶ «Из Назарета может ли быть что доброе?» — фраза из Евангелия от Иоанна (1: 46), ставшая крылатым выражением (обычно о людях, от которых не ждут ничего дельного (*ирон.*)). Смысл фразы заключается в том, что Назарет считался глухой провинцией, и появление Иисуса Христа из этой местности было встречено с недоверием.

²⁷ *Argumentum ad hominem* (*лат.*) — аргумент к человеку, т. е. доводы, апеллирующие не к логике и фактам, но к чувствам слушателей.

²⁸ Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934), историк. Один из лидеров украинского национального движения. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1890), магистр истории (1894). Профессор Львовского университета (1894–1914), председатель Украинской Центральной Рады (1917–1918), академик Академии наук СССР. Автор «Истории Украины-Руси», в которой отстаивает тезис об обособленности украинского народа и формировании особого славянского этноса на территории современной Украины с середины I тыс. н. э. Политику собирания русских земель под эгидой Москвы рассматривал как негативное явление.

²⁹ Об этом евразиец князь Н.С. Трубецкой пишет в работе «К проблеме русского самосознания» (1927), в которой, в частности, автор анализирует музыку и танец евразийских народов.

³⁰ «Пежоративный» (пейоративный; от *франц.* *réjoratif* — уничижительный, унизи- тельный, пренебрежительный) — слово, выражающее негативную характеристику како- го-либо явления.

³¹ Свет с Востока (*лат.* *ex oriente lux*) — парафраз евангельского повествования о рождении Иисуса Христа и звезде, которую мудрецы-волхвы увидели на Востоке.

³² Дюрюи Жан Виктор (*Duruy*; 1811–1894), французский историк и государственный деятель. Министр народного просвещения (1863–1869), способствовал расширению бес- платного начального образования, развитию женских учебных заведений, увеличению числа высших школ. Автор исторических исследований по истории Древнего Рима, из ко- торых главным является его труд «История римлян с древнейших времен до смерти Тео- досия» («*Historie des Romains depuis les temps les plus resulés jusqu'à la mort de Théodose*», 1883–1886).

³³ Хлудовская псалтирь — рукопись на пергаменте, созданная в Византии ок. 850 г. на греческом языке. Один из трех сохранившихся манускриптов, датируемых до IX в., памят- ник раннехристианской книжной культуры. Написан, предположительно, в Студийском монастыре (Константинополь), имеет 169 листов по 23 строки на странице, рукопись со- держит 209 миниатюр. Книга была создана в эпоху иконоборчества, с иллюстрациями на тему почитания икон. Список получил название по имени купца, собирателя рукописей А.И. Хлудова, который приобрел его в 1860-х гг. В настоящее время хранится в Государ- ственном историческом музее в Москве.

³⁴ В.Н. Ильин имеет в виду юг Российской империи. Современный Никополь распо- ложен в Днепропетровской области (Украина).

³⁵ Вместо «двойная флейта» должно быть: «двойной авлос», поскольку такого музы- кального инструмента, как двойная флейта, нет. Тем не менее существовала традиция русского перевода, в соответствии с которой употреблялось название «флейта» вместо «авлос».

³⁶ Евфроний (кон. VI — нач. V в. до н. э.), древнегреческий гончар и вазописец, пред- ставитель «строогого стиля» и группы вазописцев-пионеров. Вероятно, начинал работать в чернофигурной технике. В росписях стремился передать сложные движения. До наших

дней дошли его произведения: «Битва Геракла с Герионом», «Всадник», «Борьба Геракла с Антеем», «Психтер с гетерами» и др.

³⁷ Ошибка В.Н. Ильина, на самом деле имеется в виду французский ученый Мишель Гютри и его труд «Исследование древностей России» (*Guthrie M. Dissertations sur les Antiquités de Russie. Saint-Petersbourg, 1795*).

³⁸ Хвольсон Даниил Авраамович (1819–1911), востоковед, историк, лингвист. Учился в Германии, получил степень доктора в Лейпцигском университете. С 1855 г. заведующий кафедрой еврейской, сирийской и халдейской словесности восточного факультета Петербургского университета, в 1858–1883 гг. профессор Петербургской духовной академии. В.Н. Ильин упоминает труд, который ошибочно называет «исследованием». На самом деле «Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даства» — это перевод сочинения арабского писателя X в. по рукописи Британского музея с предисловием и комментариями Д.А. Хвольсона.

³⁹ Гаркави Авраам Яковлевич (1839–1919), востоковед, семитолог, гебраист. Окончил восточный факультет Петербургского университета, там же защитил магистерскую и докторскую диссертации. С 1870 г. возглавил кафедру истории Древнего Востока Петербургского университета, в 1872 г. перешел на работу в отдел еврейской литературы и восточных рукописей Императорской публичной библиотеки. В.Н. Ильин упоминает его магистерскую диссертацию «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских» (была защищена в 1868 г., издана в 1870 г.).

⁴⁰ Хвольсон Орест Данилович (1852–1934), физик, педагог. Член-корреспондент Петербургской академии наук. Окончил физико-математическое отделение Петербургского университета, в 1874 г. стажировался в Лейпцигском университете. Приват-доцент Петербургского университета (1876), профессор Технического училища почтово-телеграфного ведомства (1886–1894). Лауреат Ломоносовской премии (1892) за создание учебника «Курс физики» (в 5 т.). Работал почти во всех разделах физики, включая магнетизм, теплопроводность, диффузию, актинометрию. Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1926).

⁴¹ Ахмад ибн Фадлан (1-я пол. X в.) — арабский путешественник, государственный чиновник, старший писец военачальника Мухаммада ибн Сулеймана. В 921–922 гг. посетил в качестве секретаря аббасидского халифа Волжскую Булгарию. О путешествии составил «Записку» («Рисале»), в которой описан быт и политическое устройство народов, населяющих Поволжье, Среднюю Азию и земли за Уралом (руссос, хазар, огузов, башкир, булгар).

⁴² Уитцли-Потчли, или Уицилопочтли (в переводе с астекского языка — «колибри юга» или «колибри левой стороны»), национальный бог ацтеков, бог солнца и войны, покровитель города Теночтитлан. Ацтеки считали, что Уитцли-Потчли постоянно сражается с тьмой, а его силы поддерживают человеческие жертвоприношения.

⁴³ Тецалькоатль, или Кецалькоатль (в переводе с астекского языка — «пернатый змей»), самое популярное божество индейцев Центральной Америки, почитался ольмеками, тольтеками, миштеками и ацтеками. Майя почитали его под именем Кукулькана. В мифологии этот бог считался творцом мира и людей, создателем искусств, покровителем стихий.

⁴⁴ Кайзерлинг Герман Александр фон (*Keyserling*; 1880–1946), философ, писатель. После кругосветного путешествия (1911–1912) написал свое самое известное сочинение «Путевой дневник философа» («*Das Reisetagebuch eines Philosophen*», 1919). Основал в Дармштадте «Школу мудрости» и «Общество свободной философии», пропагандировал идеи интуитивной мудрости, стремления к гармонии души, постижения мудрости древних народов. В.Н. Ильин упоминает его книгу «Южно-американские размышления» (*Keyserling H. Sudamerikanischen Meditationen. Stuttgart; Berlin, 1932*), в которой автор излагает впечатления о путешествии по Южной Америке и одновременно рассуждает об истоках истории, мире древних народов.

⁴⁵ Рыбаков Сергей Гаврилович (1867–1921), этнограф, исследователь фольклора и музыкальной культуры. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, учился в Петербургской консерватории. С 1893 г. много путешествовал по Российской империи, занимался этнографическими исследованиями (в Туркестане, Башкирии, Поволжье и других регионах). Член Русского географического общества (с 1893). Собрал и записал большое количество туркменских, таджикских, еврейских, киргизских и русских народных песен.

⁴⁶ Абуль Хасан Али ибн аль-Хуссейн аль-Масуди (ок. 896 — 956), арабский историк, географ, путешественник. Его главный исторический труд в 30-ти томах «Известия времени» и приложение к нему под названием «Средняя книга» не дошли до нашего времени. В.Н. Ильин, вероятно, подразумевает сохранившиеся сочинения «Книга указаний и наблюдений» и «Золотые копии и россыпи самоцветов», в которых Али аль-Масуди упоминает Древнюю Русь и Хазарию.

⁴⁷ Барац Герман Маркович (1835–1922), историк, писатель. Окончил юридический факультет Киевского университета (1869). С 1870 г. состоял на службе в Министерстве внутренних дел, с 1871 г. цензор еврейских книг в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. В 1881 г. вышел в отставку, затем служил адвокатом, присяжным поверенным. Автор статей по истории Древней Руси, в том числе исследований древнерусских летописей с точки зрения влияния на них еврейской культуры. В.Н. Ильин мог читать как статьи Г.М. Бараца, опубликованные в киевских журналах, так и его книгу «Исследование еврейских элементов в древнерусских хрониках» (Берлин, 1924).

⁴⁸ Всемирная выставка техники и искусства проходила в 1937 г. в Париже, в ней приняли участие 47 стран. Во время выставки программа советской делегации сопровождалась выступлением коллективов Московского академического художественного театра им. Горького и Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской армии под руководством А.В. Александрова. Советский павильон получил 270 наград и более 50 дипломов.

⁴⁹ Древнегреческий философ Платон (ок. 428 — 347 гг. до н. э.) «божественной манией» (θεῖα μανία) называл высшее вдохновение, которое охватывает душу при познании вечной сущности мира.

⁵⁰ Folie résonante — резонирующее безумие (*франц.*).

⁵¹ Ницше Фридрих Вильгельм (Nietzsche; 1844–1900), философ, филолог, поэт. Учился в Боннском и Лейпцигском университетах. С 1869 г. профессор Базельского университета. В 1879 г. в связи с ухудшением здоровья вышел в отставку, полностью посвятив себя литературно-философской деятельности. В данном случае В.Н. Ильин упоминает Ницше как автора работы «Рождение трагедии из духа музыки» («Die Geburt der Tragödie», 1872) с концепцией древнегреческой культуры.

⁵² Роде Эрвин (Rohde; 1845–1898), немецкий филолог-классик. Автор известной книги «Душа» (Psyche, Seelenkult und Untsterblichkeitsglaube der Griechen. Friburg, 1890–1894) о древнегреческих культурах, связанных с душой.

⁵³ «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого», труд Ф. Ницше, изданный частями в 1883–1885 гг. Первоначально этот философский роман не имел успеха, он стал знаменит в конце XIX — начале XX в. Книга написана в форме афоризмов, ее центральный образ — сверхчеловек, который является целью существования человека и смыслом истории.

⁵⁴ Шопенгауэр Артур (Schopenhauer; 1788–1860), философ. Учился в Гёттингенском университете. В 1820–1831 гг. преподавал в Берлинском университете. Автор труда «Мир как воля и представление» («Die Welt als Wille und Vorstellung», 1819), в котором развивал философскую систему, основанную на идеях И. Канта, индийской мистики, Цицерона и других философов. Оказал большое влияние на различных мыслителей, ученых, компози-

торов, включая Ф. Ницше, А. Эйнштейна, З. Фрейда, Э. Шредингера, Л.Н. Толстого. Р. Вагнер посвятил ему оперный цикл «Кольцо нибелунга».

⁵⁵ Аполлонизм и дионисийство — понятия в философской концепции Ф. Ницше. Первоначально введены Ф. Шеллингом, развитие получили в сочинении Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872). Дионисийское начало (от имени бога вина Диониса) — олицетворение хтонических, темных сил, одновременно исток творчества и витальной силы. Аполлоническое начало (от имени бога музыки и искусств Аполлона) вносит в жизнь гармонию, рациональную организацию, принцип прекрасного. Идеал — равновесие двух начал, которое разрушается, по мнению Ницше, с появлением рационального (сократического) начала.

⁵⁶ Глазунов Александр Константинович (1865–1936), композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель. Профессор (с 1899), директор Петербургской консерватории (1907–1928). В 1882 г. написал свою первую симфонию, которая была исполнена оркестром под управлением М.А. Балакирева. Восстановил по памяти и оркестровал незаконченную оперу А.П. Бородина «Князь Игорь» (1887). В 1928 г. эмигрировал, жил в Париже. Наиболее известное сочинение — балет «Раймонда» (1897). В архиве В.Н. Ильина сохранился очерк «Глазунов и его эпоха» (Архив ДРЗ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 565).

⁵⁷ Комбарьё Жюль Леон Жан (Combarieu; 1859–1916), французский историк музыки. Учился в Сорбонне и Берлинском университете. В 1901 г. основал журнал «Вестник музыки и музыкальной критики» («Revue d'histoire et de critique musicales»), с 1904 г. «Музыкальный вестник» («Revue musicale»). Преподавал в Коллеж де Франс (1904–1910), в лицеях Кондарсе и Луи-ле-Гран. Главный труд: «История музыки от истоков до начала XX в.» (Париж, 1913–1919. Т. 1–3; Histoire de la musique des origins au début du XX-e siècle).

⁵⁸ На полях Ильин выписал цитату на французском языке и дал сноску: J. Combarieu. Hist<oire> d<e> la Musique. Т. I, p. V.

⁵⁹ В.Н. Ильин соединил два разных названия — «Могучая кучка» и «Русская пятерка» (одно было принято в России, второе распространено в Западной Европе в отношении знаменитого творческого содружества русских композиторов М.А. Балакирева, М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, Н.А. Римского-Корсакова, Ц.А. Кюи).

⁶⁰ Аррогатный (от *франц.* arrogant) — надменный, напыщенный.

⁶¹ SS (от *нем.* Schutzstaffel — «отряды охраны»), военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии в 1925–1945 гг., подчинялись лично А. Гитлеру и Г. Гимлеру.

⁶² Подразумевается книга С.Л. Франка «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» (Париж, 1930), посвященная социальным проблемам и понятию общества, которое автор понимает как соборный организм.

⁶³ Франк Семен Львович (1877–1950), философ, религиозный мыслитель. Выпускник Московского университета. С 1912 г. приват-доцент Петербургского университета, в 1917–1920 гг. профессор Саратовского университета, в 1921–1922 гг. Московского университета. В 1922 г. выслан из советской России, затем жил в Германии (1922–1937), Франции (1937–1945), Англии (1945–1950). В.Н. Ильин высоко ценил его философские работы и написал о нем статью «С.Л. Франк и его место в русской философии и русской культуре» (1951).

⁶⁴ Гюйо Жан Мари (Guéau; 1854–1888), французский философ, поэт. Занимался разработкой этического учения, которое было основано на «законах жизни», направляющих энергию на благо общества. В.Н. Ильин имеет в виду книгу Гюйо «Искусство с социологической точки зрения» («L'Art au point de vue sociologique», 1886; перевод на русский — 1901 г.).

⁶⁵ В тексте в скобках цитата на французском языке и дана сноска: J. Combarieu. Op. cit. Т. I, p. VI.

⁶⁶ Флоренский Павел Александрович (1882–1937), философ, богослов, ученый, священник. Выпускник Московского университета и Московской духовной академии. В 1908–1918 гг. преподавал в Московской духовной академии. С 1911 г. священник. С 1921 г. работал в ряде советских научных учреждений. В 1933 г. арестован, в 1937 г. расстрелян. Автор многочисленных философских и богословских сочинений. В.Н. Ильин написал о нем статью «Отец Павел Флоренский. Замолчанное великое чудо науки XX века» (1969).

⁶⁷ Упомянув «восхищение», В.Н. Ильин имеет в виду работу Флоренского «Не восхищение непщева (К суждению о мистике)» (1915), в которой толкуется греческое слово «ἀρταυμός» в тексте Послания апостола Павла к Филиппийцам (Филип. 2: 6–8).

НАУКА

«НЕТ УТЕШЕНИЯ В РАЗЛУКЕ...»:
ПЕРЕПИСКА Н.П. И Н.В. ТОЛЛЕЙ И Н.Е. АНДРЕЕВА
(1948–1980 гг.)

*Публикация Е.Н. Андреевой,
подготовка текста А.А. Кондратьевой и М.Ю. Сорокиной,
вступительная статья Е.Н. Андреевой и М.Ю. Сорокиной,
комментарии М.Ю. Сорокиной*

Юбилей рубежных исторических событий — всегда хороший повод для их переосмысления и концептуализации в рамках Большой истории. Столетие «Зарубежной России», отмечающееся в 2018 г., не стало исключением. Многочисленные конференции и семинары, сопровождавшие и / или сопровождающие и 100-летие Русской революции 1917 г., и собственно годовщину возникновения и распространения так называемой «первой волны» русской постоктябрьской эмиграции, подробно обсуждали те дискурсивные практики, которые сложились вокруг истории российской эмиграции / русского зарубежья / Зарубежной России в академической историографии постсоветской России, современном русском зарубежье и в мировой научной литературе.

В сравнительно-исторической перспективе феномен Зарубежной России (или даже — русского зарубежья)¹ и по масштабам, и по структуре вполне укладывается в типологию аналогичных явлений, связанных с гражданской войной в любой стране: ее следствием, например, почти всегда бывает изгнание определенной части политической, экономической и культурной элиты старого режима, возникновение значительного беженского компонента среди населения, а затем институционализация этих потоков в различных географических и социально-политических центрах эмиграции. В то же время российским беженцам удалось создать удивительный по силе образ этой эмиграции, который на протяжении уже столетия сохраняется не только в художественной и мемуарной литературе, коллективной и семейной памяти, но и продолжает довлеть многими академическими исследователями.

Так, в подавляющем большинстве отечественных изданий последних двух десятилетий «российское/русское научное зарубежье» рассматривается как следствие революционных катаклизмов 1917–1921 гг. и невольно редуцируется до круга персоналий и учреждений, непосредственно связанных с постреволюционными эмигрантскими организациями (см., например: [Волошина 2013, Ковалев 2012]). Между тем, как нам уже не-

---

¹ Сегодня принято различать «Зарубежную Россию» как синоним институционального оформления постоктябрьского Белого движения в эмиграции и «русское зарубежье» как более широкое хронологическое и событийное понятие.

однократно приходилось отмечать, многие российские ученые-беженцы межвоенного периода XX в. строили успешную индивидуальную профессиональную карьеру в научных институтах стран пребывания без непосредственной опоры на эмигрантские ресурсы [Сорокина 2010]. Достаточно напомнить судьбу самого успешного коллективного международного научного проекта российского научного зарубежья — Археологического института им. Н.П. Кондакова. Созданный в 1925 г. в Праге (Чехословакия) как Семинарий, а затем продолживший свою деятельность и в Белграде (Королевство Югославия), он исходно — материально и статусно — был связан с Министерством иностранных дел Чехословакии, различными зарубежными научными организациями и частными лицами, но не с русскими эмигрантскими учреждениями.

Более того, в научном плане Кондаковский семинарий в целом и его отдельные сотрудники стремились сохранять связи со специалистами, оставшимися в СССР, и тем самым, с одной стороны, служить медиатором разорванного социальными катаклизмами научного сообщества, а с другой — оказывать влияние как на его развитие, так и на методологию и практики самого исследования. Вопрос о том, в какой мере и в каком направлении научное сообщество «диаспоры» влияет на науку «метрополии» и наоборот, — исключительно актуальный и для современной повестки дня. Исторические аллюзии представляют любопытный материал для его решения тем более, что после Первой мировой войны, разрушения «старых» империй и появления «новых» национальных государств вся коммуникативная среда мировой науки претерпела существенную трансформацию.

Изучение просопографии российских научных специалистов, работавших за пределами Российской империи / СССР в конце XIX — первой половине XX в., показывает, что они сформировали сложное по структуре, но вполне определенно очерченное «российское научное зарубежье»², объединенное не только единством происхождения и языком, но и внутренними профессиональными связями. Оно сумело не только выжить в условиях новой языковой, культурной и профессиональной среды, но и занять в ней лидирующие и / или заметные позиции при сохранении своей «диаспоральной» принадлежности (персональные связи, институции, пресса).

По разным причинам оказавшись за рубежом, ученые, как правило, не теряли личные и профессиональные связи с родиной. Подавляющее боль-

² На наш взгляд, применительно к первой половине XX в. понятие «российское научное зарубежье» может быть сформулировано как совокупность всех специалистов, имевших печатные научные труды на русском языке и принимавших участие в деятельности российского научного сообщества, — подданных / граждан Российской империи / Российской республики / СССР / Российской Федерации, по различным причинам покинувших страну и / или работавших длительное время за рубежом. Согласно нашим материалам, география миграций российских научных специалистов в XX в. охватывает все континенты — от Южной Америки и Австралии до Евразии и Африки. Такое «рассеяние» и разбросанность ученых свидетельствуют, с одной стороны, о проблемах профессионального устройства, а с другой — о высокой мобильности и адаптивности научного сообщества диаспоры.

шинство из них продолжали идентифицировать себя с русской культурой, а многие осознавали и позиционировали себя как часть российского национального научного сообщества, активно распространяли и пропагандировали достижения российских научных школ.

Благодаря многообразным личным связям ученых-эмигрантов (беженцев и невозвращенцев) на всем протяжении XX в. поддерживалась свободная циркуляция и трансляция собственно новых научных идей, концепций и практик; в то же время они создавали своего рода широкие коммуникативные коридоры между различными национальными, социальными, политическими и профессиональными элитами в условиях политически нестабильного мира. Этот важнейший аспект социальной истории науки изучен минимально, хотя, безусловно, заслуживает серьезного внимания.

Семинарий / Археологический институт им. Н.П. Кондакова — самый известный международный гуманитарный проект, выросший на почве русской научной эмиграции межвоенного периода XX в., — также сыграл важную роль в этом глобальном движении. Однако, несмотря на весомость научных достижений его сотрудников во многих областях истории, археологии и искусствоведения, авторитет и влияние всей институции в международном научном сообществе, ее реальная история по-прежнему окутана завесой историко-культурной мифологии и до сих пор не существует ни одной научной монографии, анализирующей деятельность Семинария на основе всей совокупности документов, сосредоточенных в архивах Москвы, Праги, Нью-Йорка и архивохранилищах других стран.

Настоящая публикация продолжает издание эпистолярных материалов из личного архива известного историка, одного из директоров Кондаковского института, в послевоенные годы преподававшего в Кембриджском университете (Великобритания), Николая Ефремовича Андреева (1908–1982), а также серию наших статей, посвященных участникам Кондаковского семинария. Если в первой «андреевской» публикации «Ежегодника» были представлены его письма другу — профессору зоологии Константину Ивановичу Гаврилову (1908–1982), жившему в Аргентине [Андреев, Гаврилов 2011], то в статье дочери Н.Е. Андреева, также известного историка, преподавателя Оксфордского университета Екатерины Андреевой раскрывается драматическая история поддержки русских ученых-эмигрантов, в том числе «кондаковца» Николая Андреева, Обществом защиты науки и знаний в Великобритании [Андреева 2013]. Новые архивные документальные свидетельства о судьбе одного из директоров Кондаковского института — Николая Петровича Толля (1894–1985), а также его коллег и сподвижников А.П. Калитинского (1880–1946) и Н.М. Беляева (1899–1930), рассматриваются в статье [Сорокина, Стоюхина 2013].

Двух Николаев — Толля и Андреева, — историков разных поколений, объединяло многое: общая эмигрантская судьба — после Гражданской

Кондаковцы. На переднем плане — Н.П. Толль, далее — Н.Е. Андреев, Г.А. Острогорский, Е.И. Мельников. Прага. 1930-е гг. Личный архив Е.Н. Андреевой (Великобритания)

войны в России они оба оказались в изгнании, страсть к науке и научная профессия, а также членство в Археологическом институте им. Н.П. Кондакова. Николаем Толлем фактически возглавлял его в 1932–1938 гг., а Николай Андреев стал его преемником и последним директором института в 1939–1945 гг.³ Можно даже сказать, что Толль был учителем Андреева: именно он посоветовал молодому историку тему диссертации и дал еще один полезный совет — никогда не

вступать ни в какие политические организации [Андреев 2008, с. 281, 444]. Но если Н.П. Толль принадлежит к числу тех историков-эмигрантов, чья личная судьба и профессиональная карьера остаются почти неизученными, то Николай Ефремович Андреев — один из самых известных историков русского зарубежья XX столетия. О нем написано немало персональных статей, его замечательные мемуары опубликованы на русском языке двумя изданиями (см. библиографию: [Андреев 2008, с. 609–622]).

Николай Толль приехал в Прагу в 1922 г. в возрасте 28 лет. Активный участник Гражданской войны, боевой офицер-артиллерист, он окончил факультет искусств Карлова университета в 1926 г. и в том же году венчался с Ниной Владимировной Вернадской (1898–1986), дочерью академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) и сестрой историка Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973)⁴. Родственные связи с одной

³ Формально институт существовал до 1952 г.

⁴ Брак Нины Вернадской и Николая Толля оказался очень счастливым и продлился почти шестьдесят лет, но изначально ему пришлось преодолевать значительные препятствия, т. к. в эмиграцию Н.П. Толль приехал женатым, а его первая супруга оставалась в СССР. Матери Нины Наталии Егоровне он писал незадолго до венчания: «Благодарю Вас за письмо и заботу. Мои дела с разводом были почти совсем хороши, но встретилось препятствие, через которое я не могу перейти, нужны два показания под присягой двух человек, т. е. ложь уже не только моя, и ложь не только перед адвокатом, но перед церковью. Я не могу никого просить об этом. Очень надеюсь, что Георгий Владимирович <Вернадский> в Париже узнает какой-либо другой путь для развода и соответственно тогда буду предпринимать те или другие шаги. Очень тяжелое положение» (BAR. Vernadsky Coll. Box 230).

из самых известных академических семей сыграли значительную роль в жизни Н.П. Толля, сразу введя его в близкий круг русской научной элиты.

Избранница Николая Толля, Нина Вернадская, приехавшая в Прагу с отцом из советской России в 1922 г., осталась здесь и получила высшее медицинское образование по специальности «психиатрия». Она занималась не только медициной, но и печаталась в евразийских изданиях [Байсвенгер 2014; Сорокина 2011]. Отец Нины очень ценил, что дочь «не замыкается в один круг»; 26 мая 1924 г. он писал ей из Парижа:

Мне кажется, сейчас одно из наиболее важных дел для русских — подвергнуть критике те представления — и белые, и красные, — которые в конце концов привели их к тому положению, в каком они находятся. Все же основное для меня — уважение к человеческой личности, сознание ее безусловной ценности. Этого нет ни у белых, ни у красных, ни у социалистов, ни у русской эмиграции, ни у того нового «американизма», который нарождается. Тенденции окружающего — враждебны тому развитию свободной личности, которое так необходимо для научной и производительной человеческой работы вообще — но по существу кругом есть все данные для построения человеческого будущего на этой основе⁵.

Среди тех, кого академик Вернадский высоко ценил как свободную и творческую личность, был и учитель Н.П. Толля, выдающийся историк искусства, академик Никодим Павлович Кондаков (1844–1925).

Сейчас <Кондаков>, — писал Вернадский Толлю из Франции 10 ноября 1924 г., — делает и для России большое дело, т. к. он один из немногих русских за границей, большая творческая работа которого ясна для всех и влияет на научную мысль. Я не могу связывать неразрывно научную работу с национальностью или государственностью и считаю, что ученые по существу идейно всегда должны стоять на общечеловеческой точке зрения: сама жизнь невольно внесет в них ограничивающий элемент их среды, их воспитания, их навыков и интересов работы, связанных с национальностью. Это преходящее, а общечеловеческая основа научного искания есть для нас не временное явление. Мне даже кажется, что именно не стоя на национальной точке зрения, ученый больше дает для положения своей страны — и своего народа, чем стоя на национальной основе⁶.

Вероятно, Н.П. Толль во многом разделял наукоцентричное мироощущение своего знаменитого тестя, с которым многие годы переписывался, обсуждая различные научные проблемы. В одном из писем он признавался старшему Вернадскому незадолго до защиты диплома в Карловом университете:

---

⁵ BAR. Vernadsky Coll. Box 12.

⁶ Ibid.

Занятия мои идут не блестяще, висящий надо мной экзамен по философии, с одной стороны, и текущие отчеты и мелкие доклады, с другой, лишают меня возможности заниматься наукой, что меня очень тяготит. Очень мечтаю, как только сдам экзамен, в корне поменять мой образ жизни. Хочу переехать в город, более близкий моим научным интересам по материалам и библиотекам, и свести до минимума время, расходуемое на сутолоку жизни и общение с людьми. Очень явственно ощущаю опасность потери времени и измельчения⁷.

«Первым ... выходом в общество ученых»⁸ стало для только что завершившего курс в Карловом университете Н.П. Толля участие в Международном византологическом конгрессе в Белграде в апреле 1927 г. В июне того же года Николай Петрович защитил в Праге диплом под руководством профессора Янко (Janko)⁹ и продолжил активную научную деятельность в рамках Кондаковского семинария.

В эти годы он не чурался контактов с оставшимися в СССР коллегами и отправлял туда свои печатные работы, прежде всего в Российскую академию наук и Академию материальной культуры. 9 мая 1929 г. у четы Толлей родилась дочь Татьяна (ум. 1 декабря 1999), единственная внучка академика Вернадского. А в 1930-е гг. «Ник», как именовали Толля зарубежные коллеги, стал ближайшим помощником другого известного русского академика-эмигранта — М.И. Ростовцева (1870–1952) по археологической экспедиции Йельского университета в Дура-Эуропас (Сирия) и в дальнейшем с семьей переехал в США. Его жизнь в послевоенные годы была почти неизвестна, Толль как бы исчез, вероятно, не в последнюю очередь из-за наметившейся еще в 1920-е гг. «скверной особенности <...> чуждаться людей и недостаточного знания языков»¹⁰. Публикуемые ниже письма впервые подробно рассказывают о его «трудах и днях» в США, раскрывая драму несостоявшейся новой карьеры.

Николай Андреев окончил философский факультет Карлова университета (1927–1932), изучал славянскую литературу, филологию и историю; был личным стипендиатом президента Чехословакии Томаша Г. Масарика (Masaryk; 1850–1937). Участник Кондаковского семинария с ноября 1928 г., он в 1931 г. стал сотрудником, а в 1939–1945 гг. — фактическим директором Археологического института им. Н.П. Кондакова. Весной 1945 г. перед приходом советских войск в Прагу Андреев принял решение оставаться в городе, чтобы обеспечить сохранность собраний Кондаковского института, и 23 мая 1945 г. был арестован СМЕРШ. До 1947 г. историк находился в заключении под Дрезденом (Германия), но все-таки был освобожден и

⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1641. Л. 1–1об.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ См.: <https://is.cuni.cz/webapps/archiv/public/bookfull/bf/1391711927350373/406/?lang=en> (дата обращения: 10.06.2018).

¹⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1641. Л. 1.

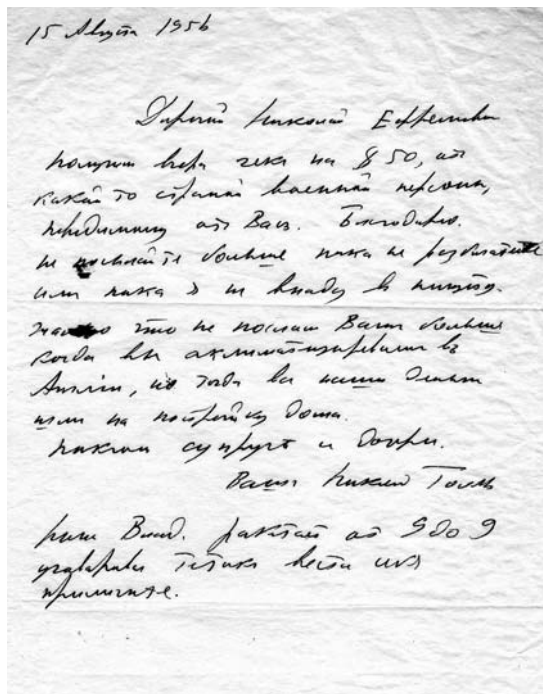

уехал в Берлин в поисках старых друзей и знакомых. Некоторые из них пропали в конце войны, другие оказались беженцами и находились в лагерях для перемещенных лиц (ди-пи), ожидая разрешения уехать за границу, а кое-кому удалось уже уехать, и они устраивали жизнь по-новому. Сам Н.Е. Андреев выехал 1 августа 1948 г. из Германии в Великобританию, где получил место лектора русского языка по кафедре славистики Кембриджского университета, но всего на один год.

Публикация открывается воспоминаниями историка Екатерины Николаевны Андреевой, дочери Н.Е. Андреева и непосредственной свидетельницы событий, специально написанными для настоящей работы.

Издаваемые письма освещают не только личные отношения между Н.П. Толлем и Н.Е. Андреевым, но также ярко характеризуют саму эпоху, в которой им довелось жить, а также обстоятельства и проблемы, с которыми сталкивались русские эмигранты после Второй мировой войны. Они отправлялись из Великобритании в США (и обратно) в период с 1948 по 1980 г. Это только часть переписки Н.Е. Андреева и Н.П. Толля, ибо не все письма сохранились. К сожалению, пока неизвестно, что случилось с архивом Н.П. Толля и письмами Н.Е. Андреева к нему. Архив Андреева также все еще не полностью разобран, и некоторые письма явно отсутствуют, между тем понятно, что коллеги переписывались не совсем регулярно.

Оригиналы публикуемых писем Н.П. и Н.В. Толлей и Н.Е. Андреева хранятся в личном архиве Е.Н. Андреевой (Оксфорд, Великобритания). Часть из них представляют авторизованную машинопись, часть — автографы. Письма Толлей написаны с элементами старой орфографии, что достаточно необычно для эпистолярия второй половины XX в. В данной публикации мы стремились сохранить все особенности их своеобразного, нередко искаженного «неправильностями», русского языка, которые специально не оговариваем.

Письмо Н.П. Толля Н.Е. Андрееву. Личный архив Е.Н. Андреевой (Великобритания)

Екатерина Андреева

О ВСТРЕЧЕ С НИКОЛАЕМ ПЕТРОВИЧЕМ,
НИНОЙ ВЛАДИМИРОВНОЙ
И ТАТЬЯНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ ТОЛЛЯМИ

Осенью 1977 г. мои родители, Николай Ефремович Андреев (1908–1982) и Джилл Андреева (1931–1993), поехали в Северную Америку. Это была их единственная поездка в Новый Свет. У меня была стипендия на учебу в Гарвардском университете в 1977–78 академическом году, и мои родители хотели повидать меня, но в то же время встретиться со множеством друзей и знакомых, которые поселились в этих краях. Мой отец читал лекции по-английски в Гарвардском университете и в университете в Амхерсте, а также по-русски в Монреале (Канада), в Нью-Йорке и Вашингтоне, главным образом для русской эмигрантской аудитории. Помню, как в Канаде, когда он делал доклад об «Августе Четырнадцатого» А.И. Солженицына, интерес был огромный и публика задавала множество вопросов. Обсуждение доклада кончилось тем, что какая-то дама стояла на стуле и кричала, что Достоевский все предвидел. А мой отец действительно наслаждался реакцией аудитории, говоря, что отвык от русских страстей, и от души смеялся.

Некоторые друзья родителей гостили у нас в Англии, но многие не могли себе позволить поехать в Европу, и это были их первые встречи с моим отцом за долгие годы. Были встречи со школьными товарищами и университетскими друзьями, и как-то все начали держаться так, будто не прошло много времени. Меня очень сместило тогда, что пожилые люди вдруг начали себя вести как восемнадцатилетние. Многие встречи и разговоры происходили после лекций отца, но нас также приглашали в гости и старались показывать достопримечательности. Моей матери особенно нравилась природа и великолепные американские осенние краски, которые она не могла себе представить ранее. В какой-то из этих визитов мы ночевали у Толлей.

Встреча с историком и археологом Николаем Петровичем Толлем (1894–1985) была первой после того, как он уехал из Праги в 1938 г. В 1977 г. мой отец еще не записывал свои воспоминания на магнитофон, и я тогда не осознавала и не понимала все эмоции, связанные с этой встречей. Для обоих, моего отца и Н.П. Толля, она была очень важной и волнующей. Их связывали и история Кондаковского института во время войны, и их личные и семейные вопросы, и академическая деятельность после пражского периода.

Мой отец всегда очень ценил Н.П. Толля как академического наставника. В своих воспоминаниях он пишет: «Николай Петрович сыграл огромную роль в выборе темы моей диссертации, и я ему крайне обязан» [Андреев 2008, с. 281]. Отец также часто рассказывал, что после публикации его первой научной статьи Николай Петрович вошел в комнату с оттиском работы и спросил: «А вы все еще согласны с вашими доводами?» С одной стороны, это была шутка, а с другой —

вопрос подчеркивал, как отношение ученого к материалу меняется со временем. Мой отец рассказывал эту историю нам и своим аспирантам, и я в свою очередь также использовала этот рассказ, чтобы в беседах с моими аспирантами подчеркнуть, как научная жизнь должна двигаться и меняться.

Мой отец очень считался с мнением и советами Н.П. Толля. Но когда перед Второй мировой войной встал вопрос, как поступить с Кондаковским институтом — оставить в Праге или перевести в Белград, и мнения членов института разделились, Андреев и Толль также разошлись в оценках ситуации [Там же, с. 386]. Н.П. Толль, бывший тогда директором Кондаковского института, в декабре 1938 г. собрался уезжать в Белград и оттуда в США, и Н.Е. Андрееву пришлось требовать специальных полномочий представителя института в Праге, чтобы принимать необходимые практические решения. Он получил такие полномочия, но осталось впечатление, что старшие коллеги бросили его на произвол судьбы.

Когда Толль оказался в Белграде, он написал Андрееву «очень интересное письмо» [Там же, с. 392], в котором советовал действовать по собственному разумению и не слушать коллег в Белграде. Вероятно, этот совет поддерживал Андреева в ощущении правильности его политики в отношении института, но реально помогал мало. Стоит напомнить, что в 1938 г. Андрееву исполнилось всего 30 лет и его оставили в Праге в сложной ситуации: нацисты оккупировали Судеты осенью 1938 г. и 15 марта 1939 г. вошли в Прагу.

По-видимому, Н.П. Толль понимал шаткость положения Андреева. Он и Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) поддержали прошение, которое Н.Е. Андреев послал Обществу защиты науки и знаний в Великобритании в июле 1939 г. [Андреева 2014, с. 84–86]. Много позднее Н.П. Толль считал, что был в каком-то смысле ответственным за судьбу Н.Е. Андреева, которого арестовали 22 мая 1945 г. после того, как советские войска вошли в Прагу [Андреев 2008, с. 503]. По-видимому, Н.П. Толль чувствовал, что Андреев оказался на том месте, где следовало бы быть ему. Когда после освобождения из плена Общество защиты науки и знаний в Великобритании стало помогать Андрееву, Толль был одним из тех, кто старался ему найти подходящее академическое место в США [Андреева 2014, с. 85]. Все эти перипетии личных судеб не обсуждались между ними, но эмоции в связи со всем этим, конечно, существовали.

С другой стороны, академическое положение самого Н.П. Толля было неопределенным. Его друг и родственник, коллега по Кондаковскому институту Георгий

Николай Андреев. На обороте — дарственная надпись: «Промоционный портрет 30 июня 1933 — На добрую память Николаю Петровичу. Прага. 12 / VIII 1933». Личный архив Е.Н. Андреевой (Великобритания)

*Интерьеры Археологического института им. Н.П. Кондакова. Прага. 1930-е гг.
Личный архив Е.Н. Андреевой (Великобритания)*

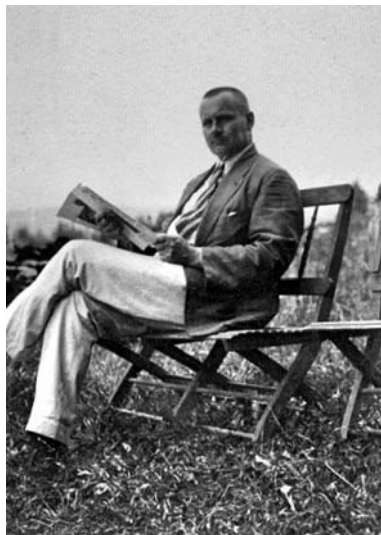
Владимирович Вернадский (1887–1973) уехал из Праги в 1927 г., и русские эмигранты считали, что его назначили на блестящее место в Йельском университете в США с помощью М.И. Ростовцева. Толль был женат на родной сестре Вернадского, и все думали, что его тоже назначат на какую-то академическую должность. Но реально положение Вернадского было гораздо более шатко, чем это представлялось русским ученым в Праге. Исследование голландского историка М. Веса показывает, что его назначение в Йельский университет проходило весьма нелегко [Wes 1990]. Ростовцев надеялся, что Вернадского назначат на год для преподавания аспирантам, но эта вакансия исчезла и его протеже определили на менее престижное место научного сотрудника, а профессором Г.В. Вернадский стал только через двадцать лет, в 1946 г.

Теперь мы понимаем, что Г.В. Вернадскому устроить своего родственника на академическое место в 1939 г. было гораздо сложнее, чем это представлялось русской академической среде в Европе. Сначала он выписал в США свою сестру Нину Владимировну и ее дочь Танечку, а Н.П. Толль смог приехать позднее. По-видимому, его приняли на работу в университет по контракту, и, читая список его публикаций¹¹, понимаешь, что Николай Петрович работал при Йельском универ-

¹¹ См.: страницу Н.П. Толля на сайте «Некрополь российского научного зарубежья» (http://www.russianguave.ru/person?prs_id=321).

ситете только какой-то определенный срок. В 1948 г., когда он старался помочь выпущенному из тюрьмы Н.Е. Андрееву, Толль подписывался как служащий Художественной галереи Йельского университета [Андреева 2014, с. 85], но вполне возможно, что по какой-то еще неизвестной причине контракт не был продлен.

Судя по сохранившимся адресным книжкам Н.Е. Андреева, у него никогда не было домашнего адреса Толлей. Нина Владимировна работала психиатром, и для связи всегда давался ее рабочий адрес. Андреев, судя по всему, продолжал писать Николаю Петровичу, но в своем ответе от 21 августа 1948 г. Н.П. Толль подчеркивал, что Андреев должен научиться хорошо говорить по-английски и что, возможно, ему придется поработать физически до того момента, когда он сможет получить академическое место. Из этого можно заключить, что Н.П. Толль сам прошел через нечто подобное по приезду в США.

*Георгий Владимирович Вернадский.
США. 1950-е гг.*

В 1955 г. Н.П. Толль советовал Н.Е. Андрееву оставаться в Кембридже. Нина Владимировна в свою очередь описывает сад и пишет, что ее муж и дочь заняты курами. Другие знакомые, например Петр Николаевич Савицкий (1895–1968)¹², спрашивали, почему Николай Петрович бросил заниматься научным исследованием, но четкого ответа на этот вопрос не существует. Так что когда Андреев и Толль встретились в 1977 г., вопрос об академической карьере был чувствительным.

Николай Ефремович Андреев считал, что англичане не дали ему продвигаться так, как он хотел, но, с другой стороны, ему удалось осуществить очень многое и его студенты в дальнейшем активно преподавали во многих университетах Великобритании. У Н.П. Толля, напротив, мало что состоялось в академическом мире США.

Третьей чувствительной темой было положение Танечки Толль. Она была ребенком с особенностями развития. Родители ее горячо любили, но тем не менее это было трагедией для них. Мой отец рассказывал, что в Праге Толли считались одной из самых интересных, интеллигентных и культурных семейных пар и то, что Танечка никогда не сможет достигнуть интеллигентного уровня, было большим разочарованием для них. Однажды Н.Е. Андреев сказал мне, что если бы Танечка родилась более обыкновенной и в менее интеллигентской среде, ее состояние было бы почти незаметным, но что в ту эпоху и в той среде это было трудно. Моя мать также рассказывала мне, что отец никогда не писал Толлям обо мне и моих братьях, ибо не хотел огорчить их сравнением между нами и Танеч-

¹² Письмо П.Н. Савицкого от 11 мая 1958 г. Н.Е. Андрееву (личный архив Н.Е. Андреева, Оксфорд, Великобритания).

Владимир Иванович Вернадский, Нина Владимировна Толль (урожд. Вернадская) и ее дочь Таня. Прага. 1930-е гг.

кой. Поскольку Н.Е. Андреев не знал, как Танечка развивалась и как это отражалось на семейном круге Толлей, это тоже вызывало беспокойство и напряжение перед встречей.

В то время я не знала всех обстоятельств, но понимала, что эта встреча была очень важна для моего отца. К сожалению, я не вела дневник, о чем теперь жалею. Нина Владимировна писала, что нам надо приехать на автобусе в близлежащий городок и оттуда вызвать такси. Но мы приехали не на общественном транспорте. По-моему, нас подвезли, и мне кажется, это был Олег Леонидович Новосильцев, который тоже жил в Коннектикуте и был в родстве с Ириной Дмитриевной Завойко (урожд. Вергун, 1913–2000), у которой мы тоже гостили. Олег Новосильцев и его брат Игорь¹³ очень о нас заботились и возили на машине.

Помню, нас привезли днем, мы ужинали у Толлей, ночевали там, и утром нас увезли на следующее свидание. Вспоминается, что их дом был невелик, вокруг росло много деревьев и из-за этого было сравнительно

темно. Комната, где мы сидели, — теплая и уютная. Все были очень дружелюбны и гостеприимны, а Татьяна Николаевна много улыбалась. Разговор касался в основном общих знакомых в Праге и Кондаковского института, а также того, что произошло после отъезда Николая Петровича из Европы. После ужина нам постелили, и все Толли ушли неизвестно куда. Моя мать сказала мне на следующий день, что, вероятно, мы спали на их кроватях.

Мой отец был очень рад, что смог еще раз встретиться со старыми друзьями. Они многое обсудили, но и о многом не успели поговорить. Отец жалел, что Толли так отделились от русского эмигрантского и академического миров. Но встреча с ними была важна для него и убедила в незыблемости чувств лояльности и дружбы, которые имели большое значение и для Андреева, и для Толля.

¹³ Олег (1907–2002) и Игорь Леонидовичи Новосильцевы (1905–2002) — сыновья депутата первой Государственной думы, присяжного поверенного Л.Н. Новосильцева (1872–1934). В эмиграции в КСХС, Чехословакии, США. Олег — инженер-архитектор, Игорь в конце Второй мировой войны возглавил отдел культуры и искусства Комитета освобождения народов России.

Источники и литература

АРАН — Архив Российской академии наук, Москва

BAR — Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York, USA

Андреев 2008 — *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.

Андреев, Гаврилов 2011 — Российские ученые в Южной Америке: письма зоолога К.И. Гаврилова историку Н.Е. Андрееву (1948–1980) / предисл. Е.Н. Андреевой, М.Ю. Сорокиной; подгот. текста А.А. Жидковой; коммент. Е.Н. Андреевой, Н.Ю. Масоликовой, М.Ю. Сорокиной // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 608–652.

Андреева 2013 — *Андреева Е.Н.* Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помощь русским ученым-эмигрантам // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 67–101.

Байссвенгер 2014 — *Байссвенгер М.* Н.В. Вернадская-Толль и становление «научного» евразийства (конец 1920-х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 172–176.

Волошина 2013 — *Волошина В.Ю.* Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013.

Ковалев 2012 — *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2012.

Люди мира 2018 — Люди мира: Русское научное зарубежье / под ред. Д. Баюка. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

Сорокина 2010 — *Сорокина М.Ю.* Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «русское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 75–94.

Сорокина 2011 — *Сорокина М.Ю.* Прага в судьбе семьи Вернадских // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii.* 2011. Vol. 80. №. 2/3. S. 227.

Сорокина, Стоюхина 2013 — *Сорокина М.Ю., Стоюхина Н.Ю.* К биографии историка Николая Петровича Толля (1894–1985): новые архивные данные // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 209–220.

Wes 1990 — *Marinus A. Wes Michael Rostovtzeff. Historian in Exile. Russian Roots in an American Context.* Frank Steiner Verlag, Stuttgart, 1990. P. 75–78.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

January 10, 1948¹

Dear Nicholas²,

we are very happy that you are free³, and we hope very much to see you here with us. We both have very good positions, and we would be perfectly able and very happy to support you here. We do not dare to send official documents to you directly — because of the insecurity of your Berlin address.

With love, your Nina and Nick.

¹ Это и последующие письма Н.Е. Андрееву отправлялись с официального адреса Н.В. Толль: Connecticut State Hospital. Middletown, Conn. Письмо адресовано Андрееву в Германию — C/o Oberpfarrer S. Poloshensky. Trautenau Str. 9. Berlin — Wilmersdorf. Germany — Europe.

² Дорогой Николай, мы счастливы, что ты на свободе, и надеемся вскоре видеть тебя у нас. У нас обоих хорошая работа, и мы сможем поддержать тебя здесь. Не посылаем официальные документы прямо тебе, ибо опасаемся небезопасности твоего берлинского адреса (*англ.*).

³ Весной 1945 г. перед приходом советских войск в Прагу Н.Е. Андреев решил остаться в городе, чтобы обеспечить сохранность коллекций Кондаковского института. 23 мая 1945 г. он был арестован СМЕРШ. До 1947 г. находился в заключении под Дрезденом (Германия), а после освобождения поехал в Берлин и сразу начал искать друзей и знакомых. 1 августа 1948 г. Андрееву удалось выехать из Германии в Великобританию, где он получил место лектора русского языка по кафедре славистики Кембриджского университета на один год.

Н.П. ТОЛЛЬ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

21 августа <1948> г.¹

Дорогой Кота²,

я получил вчера Ваше письмо, вчера же мы ездили в город послать Вам деньги, но почта уже была закрыта. Пошлем на следующей неделе, и на этот раз не телеграфом (что очень дорого), а почтой, это, вероятно, будет идти неделю, сообщите, когда получите. Приспосабливаться к английской жизни будет не легко, не делайте фатальных ошибок в первые дни, англичане ненавидят ничего экстравагантного, достаточно, что Ваше произношение долго будет бросать их в холодный пот, не высказывайте оригинальных суждений. Во многом Ваша судьба будет зависеть от тех первых впечатлений, которые Вы произведете в университете, и английский студент — не чешский или русский, перепуганный до смерти от величия *raja professori*. Affidavit³ для Вас давно читал, нужно вписать в него только Ваш адрес, когда он у Вас окончательно установится.

Я думаю, что Вам следует (не оглашая этого) подать в Амер<иканский> Ком<итет> прошение и list эмигрантский на всякий случай, это во всяком случае возьмет год. Зато надежда устроиться в университет, ехать и, вероятно, придется

работать физически, но самое важное — научиться свободно и правильно говорить.

Ваш Н. Толль

---

¹ Письмо адресовано Н.Е. Андрееву в Великобританию на адрес: C/o Mrs. N. Scorer, 46, Corringham Rd. London N.W. 11, т.е. на адрес философа С.Л. Франка (1877–1950) через его дочь Наталью Скорер-Норман (1912–1999). Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

² Дружеское прозвище Н.Е. Андреева, которое использовалось только в переписке с Толлями. Традиционно домашние и школьные друзья называли историка «Кока».

³ Заявление под присягой, подтверждающее историю беженца, необходимое для получения этого статуса.

Н.П. ТОЛЛЬ — Н.Е. АНДРЕЕВУ

10 февраля 1955 г.

Дорогой Николай Ефремович,

письмо Ваше получил сегодня и тороплюсь ответить. Мне первые импульсивные и интуитивные отношения говорят: «Конечно, нет» или по-английски лучше «No», для которого у нас нет точного перевода. Логических оправданий могу изобрести сколько угодно, но они не существенны, так как я не знаю деталей Вашего положения в Cambridge¹. Думаю, что и Вы их не очень знаете. Слушайте Елизавету² и оставайтесь в Cambridge. Остальное пока не важно.

Напишите мне Ваши объяснения по поводу отставки Маленкова³, на которого я почему-то возлагал большие надежды. Ваш Н.

---

¹ См. примеч. 3 к письму от 10 января 1948 г.

² Имеется в виду профессор Елизавета Федоровна Хилл (Hill; 1900–1996), возглавлявшая Славянское отделение в Кембридже.

³ 7 февраля 1955 г. ушел в отставку председатель Совета министров СССР Георгий Максимилианович Маленков (1902–1988).

Н.В. ТОЛЛЬ — Н.Е. АНДРЕЕВУ

1 июня 1955 г.

Дорогие Gill и Кота!

Только что получили Ваше письмо, поздравляем вас обоих с рождением Катеньки¹, так радуемся за вас. Теперь Gill уже совершенно русская — вдвойне, и через мужа, и через дочь. К тому же по единственной ее карточке, кот<орую> мы получили, мы находим, что она (Gill) очень похожа на Коку, так что несомненно Катенька будет вылитый отец (и мать).

Будем ждать с нетерпением подробностей о Вашей дочке. По-моему, очень рано выявляются черты характера, что Вы о ней думаете? Скоро произойдет за-

мечательное событие — когда она начнет улыбаться. Каждый день вы оба будете делать новые и интересные открытия. Как вы ее кормите? Надеюсь (ради Gill), что ее кормит сама Gill. Будем ждать новостей от вас, а также нового адреса.

У нас все пока благополучно и по-прежнему. Сейчас все цветет, масса ирисов и пэонов, а в огороде уже своя редиска и салат. Ник<олай> П<етрович> и Татьяна, как всегда, заняты с курами с утра до вечера, кроме того, Татьяна учится на машинке, кот<орую> ей подарили. Я бываю дома мало — моя практика понемногу растет. К счастью, ночью меня никогда не беспокоят, т <ак> к<ак> моя специальность исключительно психиатрия. Как жаль, что вы так далеко, все мечтаю, что вы (теперь трое!) как-нибудь приедете в гости в Америку.

Еще раз поздравляем вас все трое с рождением Катеньки!

Ваша Нина Толль.

---

¹ 16 июля 1954 г. Н.Е. Андреев женился на своей бывшей студентке Джилл Хаддлстон (Huddleston). В апреле 1955 г. в семье Андреевых родился первый ребенок — дочь Екатерина, в будущем историк, преподаватель Оксфордского университета, автор первой диссертации о Власовском движении и настоящей публикации.

Н.П. ТОЛЛЬ — Н.Е. АНДРЕЕВУ

12 августа 1956 г.

Дорогой Николай Ефремович.

Спасибо за письмо и за хлопоты денежные, не тратьтесь, деньги нам сейчас не нужны, разве когда впаду в нищету или в старческое слабоумие. Приятно думать, что Европа для Вас доступна и что так много прежних друзей осталось вокруг Вас. Мы здесь почти не имеем связи с русскими, а тетя Соня Панина умерла от удара¹. Набокова² никогда не вижу, слышали, что переводит «Ев<гения> Онегина» на английский язык, по-моему, занятие праздное. А что, есть ли на книжном рынке Гумилев и Ахматова <?> Живем по-старому. Нина Влад<имировна> уговаривает психотиков от 9 до 9, а я пасу кур и собираю яйца.

Как-то Кембридж без Ильи Егоровича³ потерял смысл в моем представлении.
Ваш Николай Т.

---

¹ Имеется в виду кончина графини Софьи Владимировны Паниной (1871–1956), известной благотворительницы, члена ЦК конституционно-демократической партии. С 1921 г. жила в эмиграции в Праге (Чехословакия). Основательница «Русского очага». В 1939 г. переехала в США, жила в Нью-Хэйвене.

² Писатель Владимир Владимирович Набоков (1899–1977) преподавал в это время в Корнуэльском университете (США). Его перевод пушкинского «Евгения Онегина» на английский язык, а также два тома комментариев к нему были впервые опубликованы в 1964 г.

³ Речь идет об известном кембриджском историке и археологе профессоре сэре Эллисе Миннсе (Minns; 1874–1953), который тесно сотрудничал с Кондаковским институтом, перевел на английский язык «Русскую икону» Н.П. Кондакова и т. д. Русские коллеги нередко называли его «Илья Егорович».

Н.П. ТОЛЛЬ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

15 августа 1956 г.

Дорогой Николай Ефремович,
получил вчера чеки на \$50, от какой-то странной военной персоны, по-видимому, от Вас. Благодарю. Не посылайте больше, пока не разбогатеете или пока я не впаду в нищету. Жаль, что не послали Вам больше, когда вы акклиматизировались в Англии, но тогда все наши деньги шли на постройку дома.

Поклон супруге и дочери.

Нина Влад<имировна> работает, от 9 до 9 уговаривает теток вести себя приличнее.

Ваш Николай Толль.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

4 февраля 1964 г.

Дорогой Николай Ефремович.

Спасибо за письмо и за благополучное избавление от последствий автомобильной катастрофы. Я не думаю, что Вы немного потеряли от отказа Vesley'ского колледжа¹. Для русского «русского» историка погода здесь не подходящая. Мы живы пока что. Привет супруге.

Ваш Н. Толль (не писал по-русски лет 15).

---

¹ Женский частный колледж свободных искусств в штате Массачусетс, США.

Дорогой Кота,

все-таки это очень обидно, что Вы сюда не попали. Какое счастье было бы Вас повидать и наконец увидеть Вашу семью. Конечно, здесь провинция, но стоит увидеть Америку. Ну, м<ожет> б<ыть>, что-ниб<удь> еще образуется? Здесь увлечение изучением всего русского!?

Мы пока слава Богу. Живем в лесу, как рай летом¹.

Ну всего самого лучшего вам всем. Нина Толл.

---

¹ Так в тексте.

Н.Е. АНДРЕЕВ – Н.В. и Н.П. ТОЛЛЯМ

29 сентября 1971 г.

Дорогие Нина Владимировна и Николай Петрович,
к моему глубокому разочарованию, мне так и не удалось съездить в США, где, конечно, более всего хотелось бы увидеться с Вами: едва ли бы Вы узнали во мне

прежнего Коту (мне уже за 60, думаю о скорой отставке), но, ручаюсь, душевно я не изменился и рассказать бы Вам мог немало (вероятно, интересных для Вас вещей). Переписка — это не то, и к тому же я плохой корреспондент, ленюсь (ибо уже слишком много приходится писать делового).

От Георгия Владимировича¹, с которым у меня много деловых контактов, я слышал, время от времени, и о Толлях. Книжку моих работ по Москве — *Studies in Muscovy*² — послать я Николаю Петровичу постеснялся: все перепечатанные там работы он знает (у меня есть и новые — отдельные не опубликованные — и готовлю книгу — всю новую). В Россию послал я 16 экземпляров: прошло 8 (по-видимому, только адресатам-партийцам). Милее всех лично в письме отозвался В.Н. Лазарев³. Но большинство получивших побаивается и только отмечает факт получения. Избранный в полные академики Д.С. Лихачев⁴ (с которым я в дружбе, он останавливался у нас — 6 дней — когда читал лекции в Кембридже) не получил, хотя Министерство связи СССР цинично подтвердило почте, что книга для него достигла Москвы...). Кстати, меня персонально приглашал Ленинградский университет приехать на конференцию в этом октябре, но Джилл запротестовала: «Это что? Приглашение на казнь?» Казнь не казнь, но я вежливо отклонил: из-за двухмесячной почтовой здесь забастовки я не мог уже сделать заявки в Кембриджском университете об отъезде.

Только что получил письмо от И.О. Панаса⁵ из Праги (помните, он «состоял» при В.А. Францеве⁶, а затем при А.В. Флоровском⁷). Он сообщает, что недавно умер Петечка⁸, умерла Валентина Афанасьевна («Флорида»)⁹ (имущество Флоровских завещано Академии наук СССР, будут устроены стипендии для занимающихся изучением русско-чешских отношений). Панас пишет: «Жаль, что мне не удалось узнать от П.А. Хмырова, куда попали иконы б<ывшего> К<ондаковского> и<нститута>. В бытность здесь проф. Пашуто¹⁰ из Москвы по делу архива А.В. Флоровского П.А. передал ему икону кисти Г.О. Чирикова¹¹, которая ввиду высокого качества была включена Третьяковской галереей в главный фонд¹².

¹ Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) — историк-евразиец, один из основателей Кондаковского семинария в Праге, преподаватель, затем профессор Йельского университета, США.

² Точное название: *Studies in Muscovy: Western influence and Byzantine inheritance*. L.: Variorum Reprints, 1970.

³ Лазарев Виктор Никитич (1897–1976) — искусствовед, специалист по древнерусскому искусству, действительный член АН СССР.

⁴ Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999) — филолог, искусствовед, специалист по древнерусскому искусству, академик.

⁵ Панас Иван Онуфриевич (1890–1980) — историк, филолог-славист. В 1951–1959 гг. заведующий русским отделением кафедры языков Педагогического института в Праге.

⁶ Францев Владимир Андреевич (1867–1942) — филолог-славист, академик РАН. С 1927 г. председатель правления Союза Русских академических организаций за границей, до 1937 г. возглавлял Русский научный институт в Праге.

⁷ Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) — историк-славист, общественный деятель, педагог. В эмиграции в Чехословакии. В 1948–1952 гг. председатель правления Ар-

хеологического института им. Н.П. Кондакова. Ординарный профессор Карлова университета в Праге (1948–1957).

⁸ Хмыров Петр Алексеевич (1898–1971) — филолог, в эмиграции в Чехословакии, библиотечарь Археологического института им. Н.П. Кондакова.

⁹ Жена А.В. Флоровского Валентина Афанасьевна (урожд. Белоусова; 1892–1970), педагог.

¹⁰ Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) — историк-медиевист, в 1970-е гг. занимался изучением научного наследия русских историков-эмигрантов, автор монографии «Русские историки-эмигранты в Европе» (М., 1992).

¹¹ Чириков Григорий Осипович (1882–1936) — известный реставратор, иконописец, коллекционер.

¹² Окончание письма не сохранилось.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ — Н.Е. АНДРЕЕВУ

5 октября 1971 г.

Дорогой Николай Ефремович.

Благодарю за письмо, которое меня очень тронуло. Живу, или доживаю, на покое в лесу и медленно разлагаюсь умственно и физически, но глав<ным> образ<ом> умственно. Читаю мало: Набокова, но не все, а Солженицына не могу, очень больно (Солженицын сын). Благодарите судьбу, что не занесла она Вас сюда. Туземцы разделяются на два типа: благородные идиоты и идеалистические прохвосты. Для успеха нужно соединить в себе оба качества. О нашей жизни может рассказать Вам Г.М. Катков¹, если он жив, он бывал у нас несколько раз. <Георгий> Вернадский гостит у нас часто, но он очень слаб. Из сов<етских> историков читал только Гумилева (сына)² и преклоняюсь до земли. Cambridge помню, бывал у Ильи Егоровича Minns'a когда-то. Поклонитесь от меня Вашей умной супруге.

Ваш Николай. Храни Вас Бог.

---

¹ Катков Георгий Михайлович (1903–1985) — историк, историк философии. Окончил Немецкий университет в Праге в 1939 г. Выехал в Великобританию. Член Колледжа Св. Антония в Оксфорде. Его брат Кирилл (1905–1995), художник, иконописец, был тесно связан с Кондаковским институтом.

² Гумилев Лев Николаевич (1912–1992) — востоковед, в своих исследованиях придерживался евразийских идей.

Дорогой Кота.

Спасибо за Ваше письмо, так хорошо от Вас слышать, и Боже, как давно мы не виделись — жизнь прошла так быстро.

Мы живем пока слава Богу, работаем. Я работаю в моем office, кот<орый> в городе, 4 мили отсюда. У нас луг, огород, цветы, собака Тютя, кошки, и хотя это чужая страна, но дома у нас хорошо. Время продолжает лететь все быстрее, и я все еще помню Вас мальчиком 26 лет.

Привет Вашей жене и всем.

Ваша Нина.

Н.В. ТОЛЛЬ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

22 июня 1973 г.

Дорогой Кока,

10 дней назад, 12 июня, мой брат Георгий <Вернадский> скончался. Вероятно, внезапно: его нашли как будто спящего, с закрытыми глазами, на полу в кухне — он упал со стулом, на кот<ором> сидел. Он жил один¹ на своей старой квартире и работал до последнего дня. Мы нашли дневник № 5, где он описывает все, даже мельчайшие события дня. Очевидно, есть еще 4 предыдущих дневника. Татьяна ему звонила ежедневно, но в день смерти он не ответил. В дневнике предпоследняя запись в день его смерти: «Танечка звонила в 8 ч. утра».

Так пусто — но он был глубоко верующий — на столе в его гостиной в коробочке были им написанные молитва Иисусова и 3-23 из первого послания апостола Иоанна Богослова. Недели за 1 ½ до смерти он мне говорил, что много раз в день он внутренне читает Иисусову молитву.

За 2 недели до смерти он пробыл у нас одну неделю. Он уже был очень слабый. Посылаю Вам вырезки из газет.

Сердечный привет Вашим. Ваша Нина Толль.

---

¹ Жена Г.В. Вернадского — тоже Нина Владимировна (урожд. Ильинская; р. 1884) — скончалась в 1971 г.

Н.Е. АНДРЕЕВ – Н.В. и Н.П. ТОЛЛЯМ

2 ноября 1974 г.¹

Дорогие Нина Владимировна и Николай Петрович,

спасибо Нине Владимировне за письмо, посланное с James Golob: вчера оно было им переслано мне в сопровождении его собственного письма. Я позвонил в его колледж и попросил, чтобы он связался с нами по телефону. Конечно, мы будем рады оказать ему внимание и гостеприимство. К сожалению, Катенька (ей 19 лет) уже в Оксфорде: изучает там европейскую историю и русские предметы (интересная, но и нелегкая, новая комбинация), она большой мастер при устройстве встреч с молодежью.

Сегодня (сейчас) пришло письмо от Владимира Алексеевича Мошина²: я посылаю его Вам, ибо оно хорошо передает, чем живет Мошин, и — главное — он столь дружески пишет о Николае Петровиче. Возможно, что Вы захотите порадовать Вл<адимира> Ал<ексеевича>. Я очень радуюсь, что поздравил его «вовремя». А когда же юбилей Ник<олая> П<етровича>? Мне кажется, что он моложе Мошина. Сыновья (Ник<олай> Ник<олаевич> — 15, учится в Eton; и Мишук — 12: учится еще в Кембридже³) процветают. Джилл замечательно ведет наш семейный корабль в лейбористском море (до чего дожила Великобритания: у нас — ренщина...).

А я занят по горло писаниями и преподаванием. Боюсь Вам надоест, а то бы описал...

Сердечно преданный Вам Ваш Кота.

Танечке — сердечный привет, но вряд ли она помнит.

---

¹ Письмо написано на бланке «University of Cambridge. Faculty of Modern and Medieval Languages. Sidwick avenue, Cambridge, CB3 9DA».

² Мошин Владимир Алексеевич (1894–1987) — византолог и славист-палеограф, в эмиграции в Югославии. Действительный член Македонской академии наук.

³ Здесь и далее Николай Николаевич — старший сын Н.Е. Андреева, полное имя — Хуберт-Джарвис-Николас (Николай, р. 1959), медик, по первому образованию — востоковед-арабист; Мишук — Михаил (р. 1962), младший сын Н.Е. Андреева, священник англиканской церкви.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ — Н.Е. АНДРЕЕВУ

9 ноября 1974 г.

Дорогой Николай Ефремович,

благодарю глубоко за подарок ко дню рождения, да еще с приложением письма В. Мошина (который и возвращаю для архива).

Так счастлив, что и Вы, и он здоровы и работаете. Письмо Мошина было особенно важно, как с того света.

Мы пока живы и здоровы. Я значительно поглупел и уже ничего не пишу.

Ваш Николай Толль.

Дорогой Николай Ефремович,

Так счастливы были получить Ваше письмо сегодня. Н<иколай> П<етрович> не поглупел (конечно), но как всегда полон критикой себя, плохо слышит, но очень бодр и физически работает и поддерживает нам дом и землю в красоте. Он был бы очень счастлив узнать все, что возможно, о Вашей работе, ему страшно интересно.

Большой привет Gill и детям. Ваша Нина.

Н.П. ТОЛЛЬ — Н.Е. АНДРЕЕВУ

16 января 1977 г.

Дорогой Николай Ефремович.

Письмо Ваше меня страшно обрадовало, и я Вам за него очень благодарен. Мои сведения о Вас были только от наших общих друзей, и гл<авным> обр<азом> от Шуки (Страховской)¹, а теперь у меня есть первоисточник в виде Вашего послания.

Поклоняюсь супруге Вашей, спасшей Вас от набоковской проблемы и сотворившей три новые жизни.

Я еще живу и чищу дорогу уже пятый день от снега, а у Нины В<ладимировны> переизбыток пациентов, которых она никак не может поместить в десятичасовой рабочий день.

Обрадовало меня, что у Вас есть академическая жизнь.

Будем очень рады, если Вы приедете к нам погостить, если Вас судьба занесет в Америку, но не доверяйте американским предложениям: они любят приглашать и выгонять.

Ваш Н. Толль

---

¹ Галина Владимировна Страховская (Strachowski), художница, знакомая Толлей и Андреева по Чехословакии. Сотрудничала с Кондаковским институтом, прежде всего с княгиней Н.Г. Яшвилем и Т.Н. Родзянко в иконописной мастерской. После Второй мировой войны (в конце 1960-х — начале 1970-х гг.) выехала в Швейцарию, жила в г. Цуг.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

23 августа <1977 г.>

Дорогой Николай Ефремович,
благодарю за радостную весть об Вашем приезде¹. Поживите у нас подольше.

Живем мы в трех милях от маленького городка Middletown'a. Добираться до Мидлтавна можно только басом². В Мидлтавне я Вас встречу, а если не буду точно знать, когда придет «Бас», то вызовите такси³. Семира, дама, начальник станции басов, нас знает и вызовет такси. Адрес: Saybrook road № 1700 (дом наш далеко от дороги). Разучился писать.

---

¹ Осенью 1977 г. Н.Е. Андреев с женой навестили дочь, которая училась в Гарвардском университете (США). Андреев выступал с докладами по-английски и по-русски в Гарварде, Нью-Йорке, Вашингтоне и в Монреале (Канада), а также встречался со старыми друзьями.

² То есть автобусом (англ. bus).

³ То есть такси. Так в тексте.

Дорогой Кота!

Продолжаю. Мы страшно счастливы и ждем Вас обоих с нетерпением. Наш телефон: 203-345-4625.

Если почему-нибудь не добьетесь, звоните 203-347-3547 — это мой office. Куда Вы прилетите? Если в New York или в Бостон, то оттуда возьмите bus в Middletown, и мы Вас там встретим. Это очень просто.

Слава Богу, что, наконец, повидаемся и встретим Gill. У нас остановитесь и поживите, сколько хотите.

Привет обоим. Ждем! Ваша Нина

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

11 ноября 1977 г.

Дорогой Николай Ефремович,

получил Ваше письмо с необычайным описанием хождения по мукам. Бесконечно Вам благодарен за посещение нас, о значении и ценности которого я мог бы Вам говорить, но не писать. Мне хотелось еще слушать и слушать о Ваших мучениях там, где я должен был бы быть — в Праге, пытаюсь сохранить Институт.

Я счастлив, что мог видеть и пытаться выразить мое обожание Gill.

Ваш Николай Т.

Дорогой Кота,

какое счастье было повидать Вас всех троих, и наконец, встретить Gill, которую мы сразу узнали как свою, как будто мы ее давно и всегда знали. Катенька тоже очаровательная, теперь остается только увидеть сыновей! Спасибо, дорогие, что приехали, и спасибо, Кота, за Ваше замечательное письмо — теперь будет легче писать с тех пор, что мы повидались и еще оживили и подкрепили нашу дружбу!

Обнимаю Gill и Вас и спасибо еще раз! Ваша Нина Толль.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

16 февраля 1978 г.

Дорогой Кота,

спасибо за Ваше письмо, кот<орое> мы получили сегодня и кот<орое> нас очень растрогало. Спасибо, что подумали о нас. У нас действительно было несколько бурь, одна за другой. Всего напало: 8 инчей обледенелого снега и потом 16 инчей нового снега. Я не могла попасть на работу, все отменила, да и губернаторша объявила emergency state¹ и каждый, кто выезжал на дорогу, должен был платить \$25 — fine². Ник<олай> П<етрович> работал отчаянно — почистил несколько крыш (что очень всегда странно, бесконечно чистил дорогу). Все это прямо невозможное усилие для молодого, но он молодец, слава Богу, справился и не хотел никакой помощи, как всегда. Сейчас у нас дорога великолепна, но кто знает, надолго ли — это безумная зима.

Очень беспокоят нас Ваши болезни. Глаукома, конечно, теперь лечится, но с катарактами просто беда. Как долго надо ждать, ч<то>б<ы> катаракт поспел? И как другой глаз? Тут в Америке делают замечательные глазные операции — у Вас, верно, тоже. Надеюсь, что Gill уже поправилась. Какая изнурительная зима!

Мы пока, слава Богу, здоровы, но у Татьяны артрит шеи, а я заболела легкой инфлюенцией.

Слышите ли Вы об Щуке? Меня страшно беспокоит, живы ли они. Последнее, что я слышала (давно, еще летом), это что муж ее был очень болен. Она мне не ответила на последние два письма, что на нее не похоже.

Крепко целую Вас обоих. (Какое счастье, что мы знаем и любим Gill.)
Нина

Дорогой Николай Ефремович, мне очень понятны муки и ужасы ослабления зрения у меня до того, так как сняли катаракт <sic!>. Обожаемой супруге мои симпатии и ее страданиями личными и Вашими <sic!>. Храни Вас Бог. Ваш Николай.

¹ Чрезвычайное положение (англ.).

² Штраф (англ.).

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

10 марта <19>78 г.

Дорогой Кота,

сегодня пришло Ваше письмо, спасибо. После Вашего приезда так ярко видим все, о чем пишете, даже Ваших длинных сыновей, в моем воображении, конечно.

Спасибо, что узнали о Щуке. Я почему-то очень о ней беспокоилась. Ну, слава Богу, что она еще жива.

Как интересно, что Николай решил заниматься арабским языком¹. Помню, как Ник<олай> П<етрович> учился по-арабски в Праге, да и практически учился в Дуре² на раскопках. Недавно я читала воспоминания Агафангела Ефимовича Крымского, арабиста, лингвиста разных восточных языков³. Он был другом отца моего и часть моего детства — в Москве, и Лазаревский институт, где он был. В этих воспоминаниях он описывает Бейрут, Ливан и т. д. в конце прошлого столетия. Он был очень интересный человек.

У нас пока все слава Богу, хотя мы переболели «<in>flu<enza>»⁴, потеряли в весе, и т. д. Маша⁵ по-прежнему опекает и «пасет» Николая П<етровича> и также дика с посетителями.

У нас было больше снега в этом году, чем когда-либо. Сейчас потеплело, но горы снега еще не таят. И Н<иколай> П<етрович>, больной, должен был лазить на крыши (все) и чистить снег, ч<то>б<ы> крыши не провалились. Сейчас передышка, стихия — это белки, кот<орые> его не слушаются и влезают в кормушку для птиц. Их было 2, а теперь 6! А два раза влезал в кормушку гасоон!⁶ (громадный, и тоже не боится!) Вот, видите, наша жизнь полна мелких событий, но это часть здешней благодати.

Крепко-крепко Вас обоих целую и бесконечно благодарим за такую радость Вашего посещения. Нина.

¹ Имеется в виду сын Н.Е. Андреева.

² В 1930-е гг. Н.П. Толль был ближайшим помощником академика М.И. Ростовцева по археологической экспедиции Йельского университета в Дура-Эуропас (Сирия).

³ Имеется в виду книга «Письма из Ливана» (М., 1975) выдающегося арабиста Агафангела Ефимовича Крымского (1871–1942) — профессора Лазаревского института восточ-

ных языков по кафедре арабского языка и истории мусульманского Востока (1898–1918). По приглашению академика В.И. Вернадского в 1918 г. он стал одним из основателей Украинской академии наук, ее действительным членом и первым непререваемым секретарем (до 1928). Репрессирован в 1941 г., осенью вывезен в Казахстан, скончался в больнице при тюрьме НКВД № 7 в Кустанае. Место захоронения до сих пор неизвестно. Реабилитирован в 1957 г.

⁴ Грипп (*англ.*).

⁵ Собака Толлей.

⁶ Енот (*англ.*).

Дорогой Николай Ефремович,
спасибо за письмо. Ориентальные амбиции Николая Николаевича меня очень взволновали, я ведь тоже псевдо-ориенталист, а в Праге пропустил Грозного¹ и мою мечту о Пехлеви и Персии². Утешает, что Шука жива, а как ноги Gill, у меня тоже ноги.

Храни Вас Бог. Ваш Николай Толль.

Николай П<етрович> боится за свое правописание, а хотел бы Вам писать и писать. Н<ина>.

Я уже забыл мой разговорный арабский. <Николай Толль>.

---

¹ Грозный Бедржих (Hrozný; 1879–1952) — чехословацкий востоковед, лингвист, филолог. Дешифровал хеттский язык.

² Имеется в виду стремление Н.П. Толля в довоенные годы устроиться на научную работу в Персии, где в это время правила династия Пехлеви.

Н.Е. АНДРЕЕВ — Н.В. и Н.П. ТОЛЛЯМ

<Не ранее 30 апреля 1978 г.>¹

Христос Воскресе!

Мы (Джилл и я) провели 8 дней в Швейцарии. Очень там забавно: утренний завтрак в Швейцарии (Базель), обед в Германии (Freiburg), ужин в Эльзас Лотарингии (замечательная и вино в кабачках), ночлег опять в Швейцарии. На границах таможенники обычно машут рукой — проезжайте! В Женеве швейцарские слависты устраивали конференцию о русск<ой> лит<ературе>² — позвали меня, оплатив полет и гостиницу.

У меня будет операция в правом глазу в конце мая или в начале июня.

Из Базеля созвонились с Шукой. Она приедет как будто бы в мае в Англию и когда-то позже в США.

От Николая Николаевича из Бейрута очень интересные письма. Он объездил Алеппо, Крак <де Шевалье>, Дамаск. Забавно описывает местные нравы. Возвращаясь с какой-то «party»³, он вдруг услышал, что кто-то за скалой ввел в боевую готовность винтовку. Он уже мысленно представил себя сидящим на облаках и играющим на арфе ангелочком. К счастью, это был палестинский араб (которые

дики и анархичны), а часовой — сириец. Узнав, что Ник<олай> Ник<олаевич> — англичанин, улыбнулся («проходи!») — англичане странным образом популярны среди «оседлых арабов». Это же он обнаружил во время путешествия в Дамаск. Торговец фруктовыми водами расцвел, узнав, что Ник<олай> Ник<олаевич> и его друзья не «русские», а англичане, и предложил всем сначала попробовать соки, прежде чем купить... Беспорядок, хаос, подкупность в самом Бейруте беспредельны. Двенадцатилетние мальчишки палат «по вдохновению» из сов<етских> автоматов... Чудесный красивый город в руинах.

Обнимаю всех вас от имени Джилл и моего собственного. Кота.

¹ Датируется по времени православной Пасхи в 1978 г.

² Имеется в виду состоявшийся 13–15 апреля 1978 г. в Женеве Международный симпозиум «Одна или две русских литературы?», созданный Факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской академией славистики.

³ Вечеринка (англ.).

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ — Дж. и Н.Е. АНДРЕЕВЫМ

12 октября 1978 г.

Дорогая Джиль,

я не могу перечислить всех точек моего восхищения Вами. Так было бы просто встать на колени перед Вами, и глубокий поклон. Я очень боялся за судьбу Вашего сына в Ливане, слава Богу, что он дома. Когда я был мальчиком, я тоже мечтал попасть на восточный факультет.

Три новые жизни сотворили Вы. Ваш Николай Т.

Дорогие Джиль и Кота.

Спасибо за письмо. Как замечательно, что Джиль так великолепно знает русский язык! Это просто чудо!

У нас все пока благополучно, похолодало, но стоят ясные дни. Как радостно слышать о Ваших детях и их интересную жизнь. Надеюсь, что очки скоро будут готовы, но, наверное, возьмет время к ним привыкнуть. Главное, что операция позади!

Спасибо, дорогие, что написали. Крепко Вас обоих обнимаю. Ваша Нина.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ — Н.Е. АНДРЕЕВУ

10 августа 1979 г.

Дорогой Кота,

спасибо за замечательную фотографию и за письмо. Нам так бесконечно дорога наша дружба с Вами и Джиль. Джиль совсем своя, точно мы ее знали всю нашу жизнь. Бог спас Вас и охранил встречей с Джиль и приездом в Англию. Письмо

пришло вчера, и я его отнесла Ник<олаю> П<етровичу>, кот<орый> сейчас в госпитале, поправляется от операции толстой кишки, где у него нашли маленькую опухоль, слава Богу, вовремя и все вырезали.

Доктор сказал, что прогноз великолепный и никаких осложнений не ожидает, но надо будет ждать 3 месяца, пока ему совсем зашьют рану — он хочет следить, чтобы не было осложнений.

Ему будет трудно не рубить деревья по крайней мере 4 месяца, но он пока все принял философски. Надеюсь, что будет осторожен. Наша Маша (собака) страшно по нему тоскует, спит около его постели, почти не ест, прямо беда. Днем сидит и смотрит на дорогу. Она, ведь, его не отпускала из виду и все время за ним ходила, даже из комнаты в комнату. Ну, надеюсь, что скоро вернется домой, уже третий день.

Только что вернулась домой из госпиталя. Он хорошо пока поправляется и уже ест, слава Богу.

Храни Вас Бог всех, обнимаем Вас и Джиль.

Ваши Нина и Николай Толль.

Дж. и Н.Е. АНДРЕЕВЫ — Н.В. и Н.П. ТОЛЛЯМ

24 августа 1979 г.

Дорогие Нина Владимировна и Николай Петрович, привет из Корнуелла, куда приехали на месяц 10 августа — двадцатилетняя традиция. Старший сын Ник<олай> Ник<олаевич> после шестинедельного арабского курса в местном университете Туниса побывал в Карфагене. Жара была пылающая: по Цельсию 46 градусов!.. Днем — сон. Проблема — соки для питья (воду пить нельзя). Душ — минимум два раза в день. Иностранцев студентов на курсе было до 500 человек. Фавориты арабов — восточные немцы. Уклон всего курса — промарксистский. Британцы для дискуссий специально приготавливали арабские вопросы, чтобы сбить «генеральную линию» пропаганды. Ник<олай> Ник<олаевич> стал оливковым, а сейчас побелил весь наш домик снаружи и спустил наш парусничек «Rusalka» на воду. Мишук вернется завтра из Парижа. Катя отдыхает после напряженного года и готовится к полету в Новый Свет (до Рождества) — она получила стипендию от Колумбийского университета.

Джилл «дирижирует» детьми. А я все жду линзу. Ваш Кота, Джилл.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ — Дж. и Н.Е. АНДРЕЕВЫМ

9 октября 1979 г.

Дорогой Кота,

спасибо за письмо — я была рада, что Джиль тоже делает хлеб — это мой главный отдых почему-то. Я уже 2 месяца не успевала печь хлеб, пока Н<иколай>

П<етрович> был болен, но теперь, слава Богу, он объявлен здоровым — вчера был у доктора-хирурга, кот<орый> позволил ему все делать и все есть — он очень похудел от голода и диеты, но все же прибавил 10 фунтов за 2 недели. Наша Маша счастлива бесконечно и все ходит за ним.

Крепко вас обоих целую. Нина.

Дорогой Николай Ефремович и драгоценная Джиль.

Вчера был последний раз у своего хирурга, он очень доволен результатами своего рукоделия и сказал, что я могу есть и пить все, что хочу, и поднимать и носить все, что могу. Надо быть готовым, чтобы чистить снег и листья с нашей дороги. Благодарю за письма и за то, что Вы меня помните.

Ваш Николай Т.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

24 августа 1980 г.

Дорогой Кота,

Дорогой Николай Ефремович,

вчера читал и наслаждался Вашей «Русская Эстония» в «Новом русском слове»¹, а содержание и особенно стиль и язык замечательны. Мы пока еще живы. Мои глубокие поклоны супруге Вашей. Ваш Николай Т.

---

¹ Статья Н.Е. Андреева была опубликована в известной нью-йоркской русской газете 17 августа 1980 г.

Дорогой Кота,

вчера пришел воскресный номер русской газеты с Вашей замечательной статьей. Ваш русский язык прямо поэзия. Читая, вижу картины Эстонии, ее церквей, людей, природы. Великий дар Вам дан. У нас была длинная влажная жара, сейчас начало пахнуть осенью и воздух стал суше. Пока слава Богу. Живем и работаем. Обнимаем Вас и Джиль. Ваша Нина.

Н.Е. АНДРЕЕВ – Н.В. и Н.П. ТОЛЛЯМ

19 декабря 1980 г.

Николин день — «Никола зимний»

Дорогие Нина Владимировна и Николай Петрович,

как вернулись в сентябре из Корнуелла, попали «под волну» посетителей (особенно «густо шли» американцы). Шаховская¹ в Париже издает весной 1981 г. «Русский альманах» и просила настойчиво написать о «русской Праге»². Я поставил целью — что-то рассказать о литераторах и «мучился» сильно, чтобы вогнать

текст в отведенные 15 страниц на машинке. Так что получилась как бы пунктирная линия, а не сплошная, в рассказе о «днях и делах».

Мы перешли в доме с нефтяного отопления на газовое, которое пока что дешевле и как будто бы надежнее, чем «черное золото». Все дети по горло заняты работой. Катя два месяца провела в Германии, просматривая в госуд<арственных> архивах разные документы.

Ник<олай> Ник<олаевич>, получивший много непосредственных впечатлений на Ближнем Востоке, начинает думать, что арабистика сейчас мало сулит начинающим, и... может быть — придется после арабистики изучать что-то иное (прикладное: медицину и т. д.).

Младший — Мишук — окончил среднюю школу и теперь не знает, сосредоточиться ли на китайском, или на истории, или на русских предметах.

Джилл — с юмором и дипломатическим талантом — дирижирует темпераментами членов семьи.

Сердечно Ваш Кота.

---

¹ Шаховская Зинаида Алексеевна (1906–2001) — русская писательница, мемуаристка, главный редактор парижской газеты «Русская мысль» (1968–1978).

² «Русский альманах», составителями которого были З. Шаховская, Р. Герра и Е. Терновский, опубликован в Париже в 1981 г. Воспоминания Н.Е. Андреева назывались «О русской литературной Праге» (С. 332–350).

Н.Е. АНДРЕЕВ – Н.В. и Н.П. ТОЛЛЯМ

<Декабрь 1980 г.>

Дорогих Нину Владимировну и Николая Петровича, равно как и Танечку (ей послан календарь), приветствуют с Рождеством Христовым и новым — 1981 — годом, желая здоровья и всяческих благ, кембриджские Андреевы, которые все пятеро вместе на праздниках, — последние (пока) бесснежны, дождливы, но полны оживления и изобилия, как и полагается в «веселой Англии». Ваш Кота.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ – Н.Е. АНДРЕЕВУ

<Без даты>

Дорогой Кока,
поздравляем Вас и Ваших с наступающими Праздниками Рождества Христова. Дай Вам Бог всего лучшего в Новом году!

У нас все слава Богу пока, живы и здоровы, продолжаем работать, как всегда. Вспоминается, как всегда, время в Праге, когда Вы приходили к нам и пели!
Nick Nina Tania.

Н.В. и Н.П. ТОЛЛИ – Дж. АНДРЕЕВОЙ

11 марта 1982 г.

Дорогая Джиль,

С горем и болью мы узнали о кончине нашего дорогого Коки — все думается о Вас, Вы та, которая дала ему столько счастья и радости в его последние годы, мать его детей, спутница и друг его. Нет утешения в разлуке, но верю, что смерти души нет, и что он с Вами и охраняет Вас. Он теперь в мире радости и покоя, в мире прозрения. Но Вам Бог послал большое утешение, которое не многим дается, — то, что он нашел в Вас столько радости и поддержки и любви.

Трудно сказать все это словами. Это просто короткое письмо сказать, что мы Вас любим, как Коку, горюем с Вами вместе. Храни Вас Бог.

Знаем, что дети с Вами и около Вас. Поклон и любовь им от нас тоже.

Ваши Нина, и Николай, и Татьяна.

ЛИТЕРАТУРА

А.А. Бабиков

СОКРАТОВА ОТРАВА

1. К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНЫХ И БИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ В РАННИХ СОЧИНЕНИЯХ НАБОКОВА

В стихотворной драме «Смерть», написанной Набоковым в Берлине в марте 1923 г. на годовщину трагической гибели отца, присутствует странная ассоциация. Смерть ассоциируется в ней с Флоренцией посредством сравнения яда с флорентийским утром. Кембриджский студент и приятель Байрона Эдмонд, узнав о внезапной смерти своей возлюбленной Стеллы, собирается покончить с собой; его друг, ученый Гонвил, второе лицо пьесы и ревнивый муж Стеллы (здесь драма тематически соприкасается с рассказом Набокова «Мечь», написанным в 1924 г.), желая будто бы с научной целью наблюдать его кончину, предлагает Эдмонду выпить некий состав, который вначале выдает за яд, а затем за безвредное средство, лишь слегка колеблющее рассудок. Приготовлением этого состава коварный Гонвил, стремящийся с его помощью выведать у Эдмонда тайну его отношений со Стеллой, по-видимому, и занят в начале пьесы:

...и эту власть над разумом чужим
сравню с моей наукою: отрадно
заране знать, какую смесь получишь,
когда в стекле над пламенем лазурным
медлительно сливаются две соли,
туманную окрашивая колбу [Набоков 2008, с. 77].

Чем в конце концов оказывается выпитый Эдмондом состав — ядом или дурманящим средством, остается загадкой: занавес падает в тот момент, когда Гонвил приглашает Стеллу явиться на сцене, чтобы доказать Эдмонду, что она жива и что он стал жертвой изощренной, тщательно продуманной мести-мистификации.

Склонный уснащать свою речь пышными поэтическими образами, Гонвил протягивает безутешному Эдмонду «яд» со словами:

Вот — пузырек. Он налит зноем сизым,
как утро флорентийское... Тут старый
и верный яд [Там же, с. 84].

В написанном весной того же года рассказе «Удар крыла» таинственный Монфиори также получает у решившего покончить с собой героя, первого из нескольких набоковских Кернов, позволение сопроводить его «наверх», как ино-

сказательно говорится в рассказе, а смерть вновь связывается с Флоренцией. Путешествующий по миру в поисках самоубийц Монфиори упоминает о подобном сеансе смерти, на котором ему довелось присутствовать во Флоренции:

- Я повсюду ищу таких, как вы, — в дорогих гостиницах, в поездах, на морских курортах, — ночью, на набережных больших городов...
- Мечтательная усмешка скользнула по его губам.
- Я помню, однажды, во Флоренции...
- Он медленно поднял свои козы глаза:
- Послушайте, Керн, я хочу присутствовать... Можно? [Набоков 2016, с. 65–66].

Отчего же и в пьесе, и в рассказе смерть, хотя и не прямо, ассоциирована с родиной Данте?

Источником ассоциации служат «Итальянские стихи» (1909) Александра Блока. Как известно из сохранившейся копии дневниковой записи Набокова о том вечере, когда в зале берлинской Филармонии был застрелен его отец, сообщению о несчастье предшествовал разговор Набокова с матерью о стихах Блока: «Я читал вслух нежные стихи об Италии, о влажной, звонкой Венеции, о Флоренции, подобной дымчатому ирису. “Как это прекрасно, — сказала мама, — да-да, именно: дымчатый ирис”. И тут зазвонил в передней телефон» (цит. по: [Бойд 2010, с. 227]). Телефонный звонок того же зловещего рода, что и в английском рассказе Набокова «Знаки и знамения» (1948), прерывает разговор о стихах, сама смерть как будто вмешивается в их чтение. Последнее произнесенное слово, на котором оборвался разговор о флорентийских стихах Блока, «ирис», приобретало в свете трагического события особую многозначительность, являясь неполным палиндромом литературного имени Набокова, «В. Сиринъ», взятого им с тем, чтобы его сочинения не путали с выступлениями в печати его отца¹.

Однако если исходить лишь из данности текста пьесы, отзвук флорентийских стихов Блока в ней едва ли удастся заметить. Чтобы обнаружить эту ассоциацию, следует обратиться сперва к процитированной дневниковой записи, а затем проследить в драме литературные источники сквозь призму личных обстоятельств Набокова. Особенное значение в словах Гонвила приобретает его уточнение о *сизом зное* флорентийского утра. О том же несколько раз говорится и в стихах Блока, причем набоковский «сизый зной флорентийского утра» оказывается лишь слегка переименованным «голубым вечерним зноем» Флоренции из третьего и седьмого стихотворений флорентийского цикла Блока («Страстью длинной, безмятежной...»; «Голубоватым дымом...»), в которых встречается также «дымный ирис», упомянутый в дневниковой записи Набокова.

Еще менее заметна в пьесе отсылка к другому литературному источнику, имеющему отношение к этой ассоциации. Она происходит из образа третьего лица драмы — якобы умершей Стеллы, действующей исключительно в своем поту-

¹ Ср. в последнем завершённом романе Набокова «Взгляни на арлекинов!» (1974) литературный псевдоним героя — В. Ирсин.

стороннем мире, то есть за сценой². Ее астральное, «мерцающее», по замечанию Эдмонда, имя³ напоминает об Астарте, умершей возлюбленной Манфреда из одноименной драматической поэмы Байрона (Манфред просит Немезиду вызвать призрак Астарты, что она и исполняет), и о «деве-звезде» из крайне важной для раннего Набокова драмы Блока «Незнакомка», с ее финальным вопросом: «Где же Мэри? Да где же Мэри?» У темной занавески уже нет никого. За окном горит яркая звезда» [Блок 1982, с. 410]. В автобиографическом плане оно соотносено с именем невесты Набокова, семнадцатилетней Светланы Зиверт, помолвка с которой была расторгнута — всего за два месяца до создания пьесы — по воле ее родителей, пожелавших дочери более надежного будущего, чем то, которое мог обеспечить молодой поэт-эмигрант. Набокову нравилось обыгрывать значение имени невесты в обращенных к ней стихах 1921–1922 гг. (ср., например, «светлица ее души» в стихотворении «Ее душа, как свет необычайный...»; «О любовь, ты светла и крылата...» и другие стихи в разделе «Ты» из сборника «Гроздь», а также стойкий астральный мотив, связанный с образом возлюбленной), и здесь биографические реалии вновь соединяются у Набокова с литературными источниками.

В самом темном и многозначительном месте пьесы «умерший» Эдмонд, убежденный Гонвиллом, что после смерти его разум еще некоторое время творит иллюзорный мир на основе земного опыта, вспоминает о своем свидании со Стеллой у окна: он смотрел в ее глаза, и ему казалось, что они, «расправив громадные крылья», поднимаются в небо. Детали в описанном Эдмондом вознесении, которое движет и вдохновляет взгляд Стеллы, сходны с началом третьей кантики «Божественной комедии», когда Данте, неотрывно глядя в глаза Беатриче, устремленные к солнцу, возносится с нею в небесные сферы («Рай», I, 64–91; II, 22–25). Так флорентийская тема в пьесе находит свое неожиданное развитие и разрешение в истории несчастной любви Данте к Беатриче Портинаре, о которой известно, что она вышла замуж за Симоне де'Барди и умерла двадцати пяти лет от роду.

Если принять следующие три ряда соположений: (1) Набоков — Данте — Эдмонд, (2) Светлана Зиверт — Беатриче — Стелла и (3) размышления Набокова о смерти — путешествии Данте в мир иной — «загробный» опыт Эдмонда, то можно предположить, что в драме «Смерть» Набоков обратился к классическому сюжету потустороннего свидания Данте со своей возлюбленной, переосмыслив в литературном плане и печальные личные обстоятельства того времени: смерть отца и расторжение помолвки с невестой. Догадку эту подкрепляет тот факт, что Беатриче, вообще крайне редко возникающая в русских произведениях Набокова, упоминается вместе с Данте и его провожатым Вергилием в рассказе «Боги», написанном в том же 1923 году, что «Смерть» и «Удар крыла», и построенном на серии лирических обращений рассказчика к светозарной возлюбленной, потерявшей ребенка:

² О соотношении в пьесах Набокова сцены и зрительного зала (или кулис) как этого света и мира иного см.: [Бабиков 2001; Babikov 2002/2003].

³ Здесь нельзя не вспомнить и Зину Мерц, в чьем имени герой «Дара» замечает «полумерцанье» и чья трагическая смерть в набросках второй части «Дара» должна была, по неосуществленному замыслу Набокова, с новой силой вызвать в Федоре Годунове-Чердынцеве любовь к ней.

Видишь, вон там, у стеклянной двери вагона, стоит высокий господин в черном пальто. Я смутно узнаю это лицо, узкое, желтоватое, — костяную горбинку носа. Тонкие губы сжаты, внимательная складка между тяжелых бровей: он слушает, что объясняет ему другой, бледный, как гипсовая маска, с круглой лепной бородкой. Я уверен — они говорят терцинами. А вот соседка твоя — эта дама в палевом платье, что сидит, опустив ресницы, уж не Беатриче ли она? [Набоков 2016, с. 40].

Наконец, еще одна дантовская черта обнаруживается в самом конце драмы. Имевший склонность к симметричным, цикличным и различным образом замкнутым композициям, Набоков, вполне возможно, указал в своей пьесе на соответствующий прием Данте: в финале Гонвил трижды, словно призрака, выкликает Стеллу, и это троекратное повторение напоминает о повторе у Данте слова «stelle» — «звезды», которым заканчиваются все три кантики «Комедии». Для заплутавшего в сумрачном лесу сомнений Эдмонда смерть — единственная возможность свидания с умершей возлюбленной, как загробное странствие Данте — возможность его соединения с Беатриче, и потому, выпив «яду», он спрашивает Гонвила: «Скажи мне, а умерших / могу я видеть?» [Набоков 2008, с. 88]. Эти слова вновь обращают нас к Пушкину: имя для своего героя Набоков позаимствовал из песни Мери в «Пире во время чумы» (1830), которая кончается следующими строками:

И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

Финал этой преломленной в призме русского символизма фаустовской драмы, представляющей у Набокова один из первых его неразрешимых парадоксов (как позднее «Соглядатай», «Приглашение на казнь» и «Ultima Thule»), оставляет читателю теряться в догадках: в самом ли деле Стелла умерла или то был жестокий розыгрыш Гонвила; в самом ли деле умер Эдмонд или выпитый им состав был дурманящим средством? В какой момент падает занавес — когда является Стелла или когда кончается иллюзия, творимая сознанием мертвого Эдмонда? Что Гонвил «знает заранее», в том Эдмонд совсем не уверен. Его порывистая поэтическая душа, как и у тонко чувствующей героини рассказа «Мечь», расчетливо убитой мстительным мужем-профессором, который «все знает... все разметил», стремится проникнуть значительно глубже в тайну жизни, чем ум холодного ученого ревнивца. Напоминая в этом отношении пушкинского Сальери, хранящего пузырек яда, оставшийся от его Изоры, этот «заветный дар любви», Гонвил, желающий проникнуть в недоступные ему области чувств и преследующий на самом деле непостижимую тайну любви, протягивая другу яд, отождествляет его с любовью: «Тут старый / и верный яд. <...> Он сладок / и действует мгновенно, как любовь» [Там же, с. 84].

Уже в этой ранней пьесе Набоков выходит за рамки обычной riddle story, выстраивая сюжет таким образом, чтобы читателя под конец посетила мысль, что

дело вовсе не в самой загадке. Главное открытие у Набокова проистекает не из разрешения «загадки», к примеру, был ли Фальтер из «Ultima Thule» «богом» (как о нем говорит рассказчик) или талантливым шарлатаном (как полагала жена рассказчика), а из *самой постановки задачи* и происходящих из нее нравственных и метафизических следствий, которые с неизбежностью возникают *при попытке ее решения*. Дважды обманутый Эдмонд, просящий Гонвила: «Дай продумать... Страшно... / Повремени, не прерывай полета...» [Там же, с. 96], оказывается близок к убеждению, как позднее герой «Приглашения на казнь», но не успевает «продумать» его, к которому приходит герой рассказа «Боги», скорбящий об умершем ребенке: «Смерти нет. <...> Смерти не может быть» [Набоков 2016, с. 43].

2. СИЛЛОГИЗМ О СМЕРТНОМ СОКРАТЕ В «ТРАГЕДИИ ГОСПОДИНА МОРНА» И «ПРИГЛАШЕНИИ НА КАЗНЬ»

В том же 1923 г. Набоков задумывает еще одну драму самоубийцы для самого крупного своего поэтического (в нем около четырех тысяч строк) и драматургического сочинения «Трагедия господина Морна». В ней висельник Тременс, страдающий болезненной сонливостью вкупе с огневицей, образ которого напоминает вместе мрачного и неумолимого Гонвила и жестокого профессора из рассказа «Месь», говоря о своем нездоровье, употребляет архаичное выражение «дрема долит». Годы спустя Набоков вновь использует его в гл. XIV «Приглашения на казнь», в которой повествователь, описывая состояние сонного Цинцинната, говорит, что «дремота долила его», то есть одолевала.

Выражение это отсылает к чрезвычайно важному для романа и «Трагедии...» источнику. В песни второй «Полтавы» Пушкин так рисует Кочубея перед казнью:

Завтра казнь. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни;
О жизни не жалеет он.
Что смерть ему? желанный сон.
Готов он лечь во гроб кровавый.
Дрема долит... [Пушкин 1977, с. 199]⁴.

Сходство в положении двух узников, Кочубея и Цинцинната, оттеняется различием их отношения к собственной участи: на протяжении всего романного затворничества Цинциннат задается как раз этим пушкинским вопросом: «Что смерть мне?» — и спрашивает себя, готов ли он взойти на плаху. Цинциннат и о жизни жалеет, какой бы грубой бутафорией она ни была заставлена, и, в отличие от Кочубея, мыслит о предстоящей казни с трепетом. Впрочем, положение Цин-

---

⁴ Не случайно среди шившихся Цинциннатом «мягких кукол для школьниц» упоминается «маленький волосатый Пушкин в бекеше» [Набоков 2000, с. 58].

цинната и намного страшнее: если Кочубей точно знает утро своей казни, Цинциннату о том остается лишь гадать.

Иной смысл получает пушкинское выражение в отношении бунтовщика Тременса. Он нарочно оставлен мудрым государем на свободе, хотя и под надзором, а неизбежная казнь ожидает его лишь четыре года спустя, после устроенного им кровавого восстания. Вместе с тем Тременсу много ближе, нежели Цинциннату, отношение Кочубея к смерти. Тременс, которым движет одно лишь безумное стремление уничтожения рода людского, в полном согласии со словами Пушкина, «о жизни не жалеет», смерть ему буквально — «желанный сон», в чем он сам и признается. Так, спустя двенадцать лет после создания «Трагедии...», при жизни Набокова оставшейся неопубликованной, он вновь обратился к пушкинской характеристике узника, отметив заимствование тем же архаичным выражением из «Полтавы», но на этот раз он противопоставил Цинциннату в равной мере и Кочубею, и Тременсу.

Имя последнего, образованное от латинского *tremens* (дрожащий), простой перестановкой букв дает: СМЕРТЕН и скрывает, стало быть, лаконичное утверждение, напоминающее заключение известного силлогизма «Все люди смертны. Сократ — человек. Следовательно, Сократ смертен». Развязка «Трагедии...» вполне оправдывает это тайное клеймо в имени бунтовщика, когда во время подавления поднятого им восстания Тременса схватывают и казнят на месте. Но что относится к отдельному смертному Тременсу, то не касается всех без исключения (как, например, не касается Дандилио, воскресающего в финале «Трагедии...» в образе Седого Гостя). Логику этого силлогизма, действительно небезупречную, как показал Бертран Рассел⁵, Набоков поставил под сомнение в «Ultima Thule» и «Бледном огне», обратив внимание на то, что выражение «все люди смертны» не обозначает сущности такого же рода, как та, что обозначается словом «Сократ»⁶. Представление о неизбежности смерти (последнее утверждение эпитафии к «Дару», взятое из учебника грамматики: «Смерть неизбежна») Набоков сводит к форме помешательства в эпитафии к «Приглашению на казнь» («Comme un fou se croit Dieu, nous nous croyons mortels»), представляющем собой цитату из «Рассуждения о тенях» вымышленного Делаланда. Омри Ронен заметил, что этот эпитаграф обычно переводится на русский язык неверно, а следует его переводить так: «Как безумец полагает, что он Бог, мы полагаем, что мы смертные (а не “смертны”). Каламбур основан на том, что *смертные* есть синоним слова *люди*» [Ронен 2001/2002].

Развернутое опровержение аристотелевского силлогизма, восходящее у Набокова к «Смерти Ивана Ильича» Толстого, с пронзительным протестом умира-

⁵ «Метафизические ошибки возникают из-за того предположения, что “все люди” являются субъектом суждения “все люди смертны” в том же самом смысле, в каком “Сократ” является субъектом суждения “Сократ смертен”» (см.: [Рассел 2001, с. 256]).

⁶ Ср. в «Ultima Thule» «почти сократовские» рассуждения Фальтера: «Во-первых, — сказал Фальтер, — обратите внимание на следующий любопытный подвох: всякий человек смертен; вы (или я) — человек; значит, вы, может быть, и не смертны. Почему? Да потому что выбранный человек тем самым уже перестает быть всяким» [Набоков 2016, с. 522–523]. А так рассуждает Джон Шейд в «Pale Fire»: «A syllogism: other men die; but I / Am not another; therefore I'll not die» [Nabokov 1992, p. 31]. Перевод Веры Набоковой: «Вот силлогизм: другие люди умирают, но я / Не другой; поэтому я не умру» [Набоков 2010, с. 37].

ющего героя против школьной логики Кизеветтера, которая вдруг приобрела для него ужасный личный смысл, представляет собой также финал «Приглашения на казнь».

Цинциннат Ц. не похож ни на пушкинского Кочубея, ни на Тременса, отличаясь от них исключительной духовной статью, нарушающей не только нормы тоталитарно-мещанского общества, изображенного в романе, но и законы формальной логики. Остро сознаваемая им коренная ложность окружающего мира вскрывается в финальном открытии, что смерть не есть конец его «я», а есть гибель этого самого бутафорского мира, приговорившего его к уничтожению, и поэтому в романе торжествуют иные, более высокого порядка законы, которые нельзя изложить в терминах хрестоматийного логического ряда. Набоков, вероятно, был знаком с очерком Ходасевича «Об Анненском» (1921), в котором высоко ценимый им поэт и критик приводит знаменитое рассуждение Толстого об этом силлогизме («Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветтера: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, — казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю. То был Кай, человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо...») и прибавляет от себя: «Чего не додумал Иван Ильич, то знал Анненский. Знал, что никаким директорством, никаким бытом и даже никакой филологией от смерти по-настоящему не загородиться. Она уничтожит и директора, и барина, и филолога. Только над истинным его “я” <...> над личностью — у нее как будто нет власти. И он находил реальное, осязаемое отражение и утверждение личности — в поэзии. Тот, чье лицо он видел, подходя к зеркалу, был директор гимназии, смертный никто. Тот, чье лицо отражалось в поэзии, был бессмертный некто» [Ходасевич 1996, с. 98–99].

На сходство судьбы Цинцинната с судьбою Сократа указывает название оперы-фарса «Сократись, Сократик», премьеры которой должна пройти в вечер казни Цинцинната⁷. Собственно, его казнь и есть часть этого представления, которое, как объявляет заместитель градоначальника, взойдя на эшафот и обращаясь к согражданам, «сегодня вечером идет с громадным успехом злободневности». Да и сам этот заместитель, уходящий со словами: «Теперь уступаю место другим исполнителям» [Набоков 2000, с. 185], является участником этого страшного фарса. В рукописи романа после его выступления эшафот с м-сье Пьером, показывающим, как Цинциннату нужно лечь на плаху, окружает «толпа статистов» — исправленная затем на «публику»⁸. Очевидно, что название «оперы», как и многие другие знаки в романе, исполненные некоего важного, но темного значения (вроде рисованных часов в крепости или ночницы в Цинциннатовой камере), обращено к самому герою. Как предположил Геннадий Барабтарло, весьма вероятно, что в «опере» участвует один из двух братьев Марфиньки, певец, напевающий

---

⁷ В английском переводе романа название оперы содержит менее выразительную игру слов: «Socrates Must Decrease», буквально: Сократ должен сократиться [Nabokov 1984, p. 189].

⁸ Library of Congress / Manuscript Division / Vladimir Nabokov papers. Box 6, reel 5.

псевдоитальянскую фразу-анаграмму, скрывающую важное сообщение для Цинцинната: «Смерть мила — это тайна» [Барабтарло 2011, с. 136–137]. О том же Цинциннат, пользовавшийся тюремной библиотекой, мог бы узнать из платоновской «Апологии», в которой рассказано, что Сократ перед казнью задавался вопросом: «велика ли надежда, что смерть есть благо» и пришел к выводу, которого не могли понять его судьи, что «не следует ожидать ничего дурного от смерти» [Платон 1990, с. 95–96].

С другой стороны, отвратительный эвфемизм к «обезглавливанию» в названии «оперы», вполне возможно, придуман другим братом Марфиньки, сочинителем плоских остроумств. В той же сцене посещения Цинцинната семьей Марфиньки он говорит узнику:

Возьми-ка слово «ропот» <...> и прочти обратно. А? Смешно получается? Да, брат, — втяпался ты в историю. <...> Покайся Цинциннатик. Ну сделай одолжение. Авось еще простят? А? Подумай, как это неприятно, когда башку рубят [Набоков 2000, с. 108].

Если же все это так и пропетая одним братом фраза является частью арии из «оперы», для которой другой брат Марфиньки придумал игривое название, то выходит, что оба они, сами того не ведая, говорят Цинциннату очень важные вещи на фарсовом своем языке. А именно, что ропщущего «Цинциннатика», как его называет этот шурин-остряк, ставят в один ряд с вольнодумцем «Сократиком», приглашенным на казнь во время оно⁹. Шуточное обиходное выражение в названии оперы, имеющее значение — умолкни / перестань («Алеша, сократись», — говорит Любовь своему мужу Трощейкину в пьесе «Событие»), напоминает слова адвоката Романа Виссарионовича в гл. III романа: «Вот за этот тон...» — говорит он, а Цинциннат заканчивает: «Меня и казнят — знаю» [Набоков 2000, с. 64]. Однако при более внимательном взгляде, как и в случае с именем Тременса, шутка остряка-шурина оказывается не так проста (и именно эта намеренная простота ее в сравнении с глубокомысленной анаграммой в оперной фразе второго брата Марфиньки понуждает искать дальше), поскольку «ропот» дает не только «топор», но и анаграмматический «отпор» — балаганной яви «тутошнего» мира, с его узаконенной логикой.

Литература

Бабилов 2001 — Бабилов А. «Событие» и самое главное в драматической концепции В.В. Набокова // В.В. Набоков: Pro et contra: Антология. Т. 2 / сост. Б.В. Аверин. СПб.: РХГИ, 2001. С. 572–586.

⁹ Набоков вновь обратится к судьбе Сократа, рисуя диктаторское государство в первом своем американском романе «Под знаком незаконнорожденных» (или «Левая перевязь», 1947), где упоминается «Панкрат Цикутин» — псевдоним журнального редактора-черносотенца. В предисловии к переизданию романа 1963 г. Набоков задается вопросом: «Кто обратит внимание на то, что Панкрат Цикутин, жалкий старик-погромщик (гл. 13), — это Сократова Отрава?...» [Nabokov 2010, p. x.] (Перевод мой. — А. Б.). В оригинале «Socrates Hemlocker», второе слово означает яд из болиголова.

- Барабтарло 2011 — *Барабтарло Г.* Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
- Блок 1982 — *Блок А.* Лирика. Театр. М.: Правда, 1982.
- Бойд 2010 — *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы: биография. СПб.: Симпозиум, 2010.
- Набоков 2000 — *Набоков В.* Приглашение на казнь // Собр. соч. русского периода: в 5 т. / сост. Н.И. Артеменко-Толстой. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2000.
- Набоков 2008 — *Набоков В.* Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о театре / сост., вступ. ст., примеч. А. Бабикова. СПб.: Азбука, 2008.
- Набоков 2010 — *Набоков В.* Бледный огонь / пер. В. Набоковой. СПб.: Азбука, 2010.
- Набоков 2016 — *Набоков В.* Полное собрание рассказов / сост., примеч. А. Бабикова. 3-е изд., уточненное. СПб.: Азбука, 2016.
- Платон 1990 — *Платон.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
- Пушкин 1977 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 4. Л.: Наука, 1977.
- Рассел 2001 — *Рассел Б.* История западной философии: в 3 кн. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001.
- Ронен 2001/2002 — *Ронен О.* Исторический модернизм, художественное новаторство и мифотворчество в системе оценок Владимира Набокова // *Philologica*. 2001/2002. Vol. 7. № 17/18.
- Ходасевич 1996 — *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / сост. И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова и др. М.: Согласие, 1996.
- Babikov 2002/2003 — *Babikov A.* *The Event and the Main Thing in Nabokov's Theory of Drama* // *Nabokov Studies*. Vol. 7. 2002/2003. P. 151–176.
- Nabokov 1984 — *Nabokov V.* *Invitation to a Beheading*. L.: Penguin Books, 1984.
- Nabokov 1992 — *Nabokov V.* *Pale Fire*. N. Y. et al.: Alfred A. Knopf (Everyman's Library), 1992.
- Nabokov 2010 — *Nabokov V.* *Bend Sinister*. L.: Penguin Books, 2010.

Н.А. Егорова

КНИГА, БИБЛИОТЕКА И ЧТЕНИЕ В ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННО-ПЛЕННЫХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВВЕДЕНИЕ

В год столетия начала Первой мировой войны ее история вновь привлекла повышенное внимание многих исследователей в различных странах мира. Продолжается восстановление исторической памяти. В течение 2014 г. на разных площадках в России и за рубежом прошел ряд масштабных выставок, состоялся цикл научных форумов, вышли многочисленные печатные публикации, были созданы тематические сайты, изданы библиографические пособия. В 2015–2017 гг. появилось множество новых публикаций, были сняты документальные фильмы и телевизионные передачи о Первой мировой войне, ее причинах и последствиях.

К темам, пока еще мало разработанным как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке, относится тема военного плена. Во время Первой мировой войны в плену оказались миллионы солдат и офицеров враждующих блоков. Данные о числе русских, попавших в плен, опубликованные в разных источниках, существенно разнятся. Приводятся цифры от 1,5 млн [Нагорная 2008, с. 196] до 3,4 млн [Сергеев 1996, с. 66] человек. Почти половина русских военнопленных (42 %) находилась в лагерях на территории Германии [Там же, с. 66].

За последние двадцать лет современными исследователями опубликован ряд работ, отражающих положение русских военнопленных в германском плену. В их числе диссертации Э.Е. Абдрашитова и О.С. Нагорной; книги С.Н. Васильевой, В.Л. Телицына; статьи в периодических изданиях и сборниках В.П. Галицкого, В.А. Карелина, И. Ленцен, О.С. Нагорной, Е.С. Сенявской, Е.Ю. Сергеева, Т.М. Симоновой, С.А. Солнцева; интернет-публикации Г.К. Кокебаевой, В.П. Фишмана.

Особая роль в изучении темы русского военного плена принадлежит эмоциональным источникам личного происхождения. К ним относятся письма и воспоминания военнопленных, документальные свидетельства, материалы допросов, экспертиз, сообщения, полученные следователями Чрезвычайной следственной комиссии.

Воспоминания военнопленных, повествующие о жизни в плену, стали появляться еще в ходе Первой мировой войны. Тогда же началась работа по их публикации, продолжившаяся и в 1920–30-х гг. В дальнейшем интерес к данной теме снизился, и к концу 1930-х гг. публикации воспоминаний прекратились. Интерес возобновился с началом Великой Отечественной войны, но после окончания бо-

евых действий снова угас. В 1980–90-х гг. исследователи вновь обратились к теме Первой мировой войны, в том числе и к истории русских военнопленных [Абдрашитов 2003].

На сегодняшний день свидетельства непосредственных участников событий Первой мировой войны опубликованы в различных сборниках, периодических изданиях, вышли отдельными брошюрами и книгами. В семейных архивах и по сей день хранятся письма и дневники родственников, переживших германский плен. Подобные документы личного происхождения являются важнейшими, а иногда и единственными источниками информации для изучения отдельных аспектов жизни русских военнопленных. Среди таких аспектов малоизученной является тема лагерного досуга, в том числе роли книги и чтения для пленных. В настоящее время вопросы организации досуга в лагерях наиболее полно рассмотрены в трудах О.С. Нагорной. На эти работы, а также на опубликованные личные воспоминания военнопленных автор и опирается в данной статье.

Следует отметить, что у нижних чинов и офицеров были разные условия и возможности проведения досуга. Изначально, по «Положению о размещении военнопленных» от 11 августа 1914 г., старшие чины и рядовые солдаты должны были содержаться в разных помещениях, генералам и штабным офицерам полагалось выделять комнату площадью 18 кв. м, а другим офицерам — 12 кв. м [Кокбаева 2012].

Содержание военнопленных вражеских армий организовывалось в соответствии с условиями Гагской конвенции 1907 г. Согласно конвенции (Отд. 1, гл. 2, ст. 6.) офицеры, в отличие от солдат, не могли быть привлечены к работам на пленившее их государство, они освобождались от физического труда [4-я Гагская конвенция 1907], им была предоставлена возможность организовать свой досуг.

В лагерях имели место различные виды досуга: кружки, курсы лекций, школы, библиотеки, самодеятельные театральные спектакли и концерты, художественные выставки, лагерные газеты, игра в шахматы и т. д. [Сенявская 2013, с. 79]. Одним из организованных немецкой стороной видов досуга, особенно распространившимся в офицерских лагерях с 1915 г., стал кинематограф.

В отделах Федерального архива ФРГ и в Государственной библиотеке Берлина сохранились коллекции приказов комендантов лагерей, лагерные газеты, программы лагерных досуговых мероприятий [Нагорная 2011, с. 8].

Офицеры по собственному почину проявляли активность в обустройстве лагерного быта. Получая от немецкой стороны денежное содержание (хотя не везде и не всегда), они за свой счет оборудовали лагерные лавочки, библиотеки, церкви, спортивные сооружения [Нагорная 2010, с. 206].

В солдатских лагерях по инициативе комитетов тоже возникали организованные формы досуга: кружки и самодеятельные коллективы, школы, библиотеки. Благодаря организации лагерных школ, библиотек, киносеансов, курсов лекций рядовые приобщались к грамоте и расширяли свой кругозор.

КНИГИ И ЧТЕНИЕ

Чтение было одним из важнейших занятий, которым военнопленные заполняли свой досуг. Постоянно нуждались в книгах нижние чины в лагерях: чтение поддерживало их моральный дух, помогало выжить этим людям, оторванным от своих семей и родины, в тягостной и мрачной действительности [Книги для русских военнопленных 1917].

Сведения об этой стороне жизни в плену содержатся в воспоминаниях и письмах. В 7-м томе сборника «Российский архив» опубликованы «Письма из немецкого плена» [Миловский 1995, с. 467–471]. Автор — Михаил Николаевич Миловский, находившийся в плену с 1915 по 1918 г. в лагерях Альтенграбов (Altengradow) и Вербен (Werben (Elbe)), который относился к лагерю Гарделеген (Gardelegen), расположенному на севере от города Магдебург. Письма его адресованы свояченице Ксении Дмитриевне Миловской. В Альтенграбов Ксения Дмитриевна присылала книги, московский журнал широкого профиля «Бюллетени литературы и жизни». Газету Миловский выписывал сам. В лагере Вербен, сообщает Михаил Николаевич, библиотеки не было.

Чтение газет, получение книг и организацию библиотек разрешили в лагерях не сразу. Бесценное свидетельство очевидца содержится в воспоминаниях Вениамина Валериановича Завадского (1884–1944). После ранения в ноябре 1914-го он попал в плен и находился в германских лагерях для военнопленных на протяжении почти всей войны, до февраля 1917-го в Мюнденском (Hannoversch-Münden), а затем до 18 июля 1918 г. в городах Галле (Halle) и Эшwege (Eschwege).

Вернувшись в Россию летом 1918 г., Вениамин Валерианович работал в советских органах власти в Белоруссии. В августе 1919-го в Киеве был мобилизован в Вооруженные силы Юга России, служил в Киевском офицерском полку. В феврале 1920 г. эвакуировался из Одессы.

В эмиграции Завадский жил в Париже, занимался литературным трудом. Он написал серию автобиографических произведений под псевдонимом В.В. Корсак. Две повести посвящены нахождению в плену в период Первой мировой: «Плен» [Корсак 1927] — о пребывании в Мюндене и «Забытые» [Корсак 1928] — о пребывании в городах Галле и Эшwege. В этих книгах отразился взгляд на события 1914–1918 гг. русского офицера. В 2011 г. воспоминания были переизданы одной книгой [Забытая война 2011].

Мюнденский лагерь для офицерского состава находился в долине между двумя невысокими горами, почти на самом берегу реки Везер (Weser). В нем содержалось около 300 человек. Газет пленным немцы не давали, и сведения о военных событиях ограничивались лишь тем, что удавалось украдкой прочитать в комендатуре переводчику Штейнбергу из числа самих пленных. Он был родом из Прибалтийского края и прекрасно владел немецким языком.

Приходилось довольствоваться этой скудной информацией, но, как пишет Завадский: «Душе, взволнованной всеми пережитыми событиями, хотелось остановиться на чем-нибудь высоком и утешительном, что дало бы возможность найти потерянную точку, нащупать вновь нравственный стержень» [Там же, с. 61].

Таким утешением стали произведения русской классической литературы. Во время карантина, который должны были пройти все прибывшие в лагерь, Завадский и пленный Саламатин вспоминали произведения великих русских писателей: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова (в частности, поэму «Демон»). Это помогало им забывать окружающую обстановку. Саламатин, обладавший прекрасной памятью, читал наизусть целые страницы из «Анны Карениной», «Войны и мира», «Детства» и «Отрочества».

И после прохождения карантина, по свидетельству Завадского, пленные не могли получить даже маленького клочка печатной бумаги. Они были вынуждены питаться слухами, тем, что удавалось прочесть из положенной вверх ногами в кантине¹ газеты, и сообщениями ландштурмистров.

Вечерами пленные собирались в длинном крытом коридоре, соединявшем здание и уборные, чтобы рассказать и обсудить новости прошедшего дня. Это место называлось «Брехаловка». Каждая комната посылала на «Брехаловку» своего представителя послушать разговоры о том, что происходит в мире.

Похожая ситуация была и в лагере Хамельн (Hameln), расположенном на отлогом склоне холма недалеко от города Хамельна на Везере. В этом лагере провел три с половиной года Юлий Иванович Кирш (1890–1936), взятый в плен в ноябре 1914 г. В своих воспоминаниях он откровенно рассказал о тяжелых условиях, в которых находились русские военнопленные, межнациональных отношениях, революционной агитации и политике немецкой лагерной комендатуры в отношении заключенных во время октябрьских событий 1917 г. В 1925 г. мемуары Кирша вышли отдельной книгой «Под сапогом Вильгельма» [Кирш 1925]. В год столетия начала Первой мировой войны книга была переиздана в Москве Государственной публичной исторической библиотекой [Кирш 2014].

В лагере Ю.И. Кирш — заключенный № 4925 — лето 1915 г. проработал на фабрике по производству угольных брикетов в Валлензене (Wallensen), где, очевидно, и заболел туберкулезом. С того времени в рабочие команды его не зачисляли. По март 1915 г. пленных не посылали на работы вне лагеря, только часть из них ежедневно была занята в самом лагере. На первых порах лагерь был неустроен: «Ни о какой духовной жизни не было и речи. Ни о библиотеке, ни о школе никто не смел и заикнуться. Сборища были строго запрещены. Ни книг, ни бумаги не было. Люди превращались в животных, которые только о еде и мечтали» [Там же, с. 57].

Газеты читать и получать не разрешалось. Пленным приходилось жить слухами, передававшимися в русские бараки из французских и наоборот. Иногда в лагерь попадали французские, английские и русские газеты. Порой это происходило в виде обмена. Немецкие рабочие, налаживающие электрическое освещение и канализацию, часовые приносили в лагерь папиросы, табак, соль, бумагу и обменивали на более ценные предметы. Таким же образом в лагерь попадали и газеты. Был, однако, и другой путь: немецкие солдаты и рабочие после завтрака выбрасывали газеты, в которые был завернут завтрак, а пленные подбирали эти

---

¹ Кантина — военная столовая или лавка.

лоскутки и приносили их своим переводчикам. Так узнавались более или менее официальные данные о ходе событий [Там же, с. 52].

Со временем ситуация изменилась в лучшую сторону и в лагере Хамельн, и в других лагерях. Было разрешено выписывать книги и газеты, возникли лагерные библиотеки. По словам Завадского, когда со временем разрешили выписывать книги, пленные Мюнденского лагеря набросились на каталог, который принес в комнату лейтенант Вальтер. В нем оказался список запрещенных в России произведений издания одной из лейпцигских фирм. В список входили «История революционных движений в России» А. Туна, полное «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Тайны дома Романовых» неизвестного автора, запрещенные стихотворения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, стихи И.С. Баркова. Вскоре все это появилось в лагере. Кроме того, в присланных книгах содержались бесплатные приложения — разные брошюры и прокламации.

Похожий список книг встречаем в воспоминаниях другого военнопленного Мюнденского лагеря — Николая Михайловича Адерсона (1878–1961), русского офицера, отца известной поэтессы и танцовщицы русского зарубежья Лариссы Андерсен.

Четыре года провел Николай Михайлович в немецком плену (1914–1918). Он вспоминал, как пленные обратились к коменданту с просьбой дать разрешение на выписку книг и газет. Пожелание было отчасти выполнено. Разрешались только определенные газеты, а также книги из предоставленного каталога, в котором почти каждое издание сопровождалось припиской: «запрещена в России», «ввоз из-за границы запрещен». Среди книг были следующие: «Исторические анекдоты о российских императорах и царствующих домах», «Николай Палкин. Правда о Николае II», «Интимная жизнь Екатерины II», «Нецензурные стихотворения А. Пушкина и М. Лермонтова», «Горе от ума» в новом изложении. Разрешили также получать из России учебники, но только не связанные с военным делом [Адерсон 2010, с. 131–132]. В первый день Святой Пасхи немцы раздали пленным бесплатную газету, где на первой странице на русском языке было опубликовано поздравление с праздником, а затем шла информация «низкого пошиба» [Там же, с. 137].

Еще в начале войны в Стокгольме в системе Российского Красного Креста по инициативе российского посланника в Швеции А.В. Неклюдова был образован Русский комитет для оказания помощи военнопленным и пострадавшим от военных действий. Со временем в комитете появился учебно-просветительный отдел, который занимался изданием и перепечаткой популярных брошюр и учебников для лагерных школ, библиотек, курсов [Симонова 2006].

Отовсюду шли призывы о снабжении лагерей военнопленных необходимой литературой. В Лондоне был образован комитет по снабжению русских военнопленных в Германии и Австрии книгами. Из воззвания комитета следовало:

Велик умственный голод, велико желание использовать невольный досуг на приобретение знаний, на расширение образования. В лагерях, при всей скудости средств, образуются школы, кружки самообразования. Ото-

всюду приходят просьбы прислать книги для первоначального обучения, для усовершенствования, наконец, для «интеллигентных» читателей. Особенно настоятелен спрос на учебники всех степеней, на словари и пособия по изучению языков, на доступные руководства по естественным и техническим наукам, на выдающиеся произведения изящной литературы. С целью оказать посильную помощь в этом направлении образован в Лондоне небольшой комитет, который собирает сведения о нуждах пленнх и отправляет им посылки с книгами.

Комитет получает пожертвования из Англии, как книгами, так и деньгами, но нужна поддержка со стороны русского общества. Присылка книг издателями и частными лицами поможет развить и систематизировать принятое нами дело снабжения лагерей необходимой им духовной пищей [Известия книжных магазинов 1915, с. 183].

Просьбы пленнх о доставке им книг способствовали тому, что в сентябре 1915 г. при Московском городском комитете помощи военнопленным (МГК) был образован отдел по снабжению книгами. Деятельность отдела была направлена на удовлетворение по возможности всех просьб. Она состояла в разборе жертвуемых и закупаемых книг, составлении каталогов офицерских и солдатских библиотек, в подборе учебников и научных книг по разным отраслям знаний, согласно письмам пленнх; в исполнении поручений некоторых провинциальных комитетов, Земского союза и частных лиц.

Книги посылались в распоряжение Русского Красного Креста в Швеции, Датского Красного Креста в Копенгагене, Швейцарского и Лондонского комитетов помощи русским военнопленным. Лондонский комитет расширил свою деятельность в 1916 г. и, собрав средства, при помощи добровольной работы сотрудников выслал книги для русских пленнх в 76 германских лагерей.

Первоначально и Московский отдел обслуживал больше германские лагеря. Книги высылались туда почтовыми посылками. После посещения русскими сестрами милосердия австрийских лагерей завязались более оживленные сношения с австрийскими лагерями. За время работы отделом было выслано 147 199 экземпляров книг в 227 германских, австрийских и венгерских лагерей.

По инициативе сотрудников МГК к активному участию в деле помощи военнопленным привлекались представители творческих профессий, включая именитых мастеров. Инициированный МГК городской День пленнх, впервые проведенный 31 октября 1915 г., нашел широкий отклик в творческой среде. Литераторы (среди них В.Я. Брюсов, А.Н. Толстой) передавали в помощь заключенным свои произведения [Нагорная 2010, с. 63].

Педагогический кружок исполнял просьбы пленнх учителей. Часть книжных просьб, поступавших из лагерей, исполнялась Обществом взаимопомощи агрономов, Московским книгоиздательством писателей, Лигой по борьбе с туберкулезом. священный Синод также заботился об обеспечении русских военнопленнх в немецких лагерях необходимой литературой и церковной утварью для совершения богослужений в самих лагерях.

Много помогал в деле снабжения книгами Союз артистов города Москвы, доставлявший в большом количестве научно-популярные книги и народные библиотечки, издания «Посредника». Часть собранных книг отдавало Московское общество грамотности. Оно составляло комплекты из специально разрешенных изданий и отсылало книги для русских военнопленных в Германию и Австро-Венгрию [Панченко 2016, с. 34].

Как свидетельствует Завадский, выписка книг сопровождалась массой стеснительных формальностей. Заказы шли через комендатуру и приходили иногда месяц спустя. Часто случалось, что к моменту получения книги заказчик успевал поиздержаться, и книга шла обратно в магазин. Книги можно было получить и в посылке от родных. Выдавались эти книги после предварительного их осмотра в комендатуре. Сами посылки в специальной комнате вскрывались на глазах владельца, и содержимое просматривалось одним из немцев. Иностранные газеты в лагерь не пропускались.

Через комендатуру можно было пользоваться и местными библиотеками. Завадский пишет, что комендатура вошла в соглашение с Пироговской библиотекой при Гёттингенском университете, и оттуда можно было заказывать книги. Скорее всего, в названии университета автор ошибся. Пироговская библиотека существовала при Гейдельбергском университете. И как свидетельствует далее Завадский: «Библиотеку эту составили учившиеся там русские; в ней было около семи тысяч томов научного содержания на русском языке» [Забывтая война 2011, с. 102].

Библиотечный каталог находился в комендатуре, и желавшие получить что-нибудь из Пироговской библиотеки подавали в канцелярию записку с указанием книг. Через день-два заказ приходил в лагерь. Таким же образом можно было пользоваться и мюнденской городской библиотекой, внося небольшой залог. Помимо заказа книг в местных библиотеках, имелась возможность приобрести их у книготорговцев. В лагере была отведена комната, куда три раза в неделю являлись продавцы книг.

ЛАГЕРНЫЕ БИБЛИОТЕКИ

Большинство лагерей имели библиотеки. Библиотечная и издательская работа для лагерей организовывалась преимущественно официальными учреждениями Германии типа военного ведомства «*Heeresverwaltung*»². После войны наблюдались проявления такой работы в лагерях силами религиозных организаций и Коммунистической партии Германии [Кратц 2001, с. 392].

Московским отделом по снабжению книгами было зарегистрировано 164 лагерных библиотеки [Книги для русских военнопленных 1917]. Библиотеки обслуживали не только местное лагерное население: книги раздавались по другим лагерям и рабочим командам. В сборе литературы для лагерных библиотек оказывали большую помощь нейтральные страны, особенно Швейцария, Международный

² Военная администрация (нем.). Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

комитет Красного Креста, Немецкое общество Красного Креста, Христианский союз молодых людей и другие общественные организации.

В журнале «Русский военнопленный» приводятся отрывки из писем военнопленных. Один из них писал из лагеря Шнайдемюль (Schneidemühl; ныне город Пила (Piła) на территории Польши):

Уже второй год в нашем лагере существует школа и библиотека. Начали мы это дело с кусочком мела и клочком бумаги. Сейчас наша школа далеко подвинулась вперед [Там же].

В одном из писем в Московский отдел председатель библиотечного правления в лагере Альтенграбов так описал постановку у них библиотечного дела:

Удовлетворить спрос на книги не было никакой возможности, а потому пленные сделали добровольное самообложение и на собранные деньги приобрели немного книг. Потом стали поступать книги. В настоящее время библиотека имеет 2000 экземпляров книг, обслуживает свой лагерь и рабочие команды, причисленные к лагерю. Каждый месяц мы производим учет библиотеки и ее деятельности; за февраль месяц учет показал, что библиотекой обменено за месяц 3117 экземпляров. Несмотря на такой большой состав библиотеки, мы не можем сказать, что имеем возможность удовлетворить вполне спрос на книгу [Там же].

Лагерные библиотеки активно снабжались революционной агитационной литературой. Это происходило с подачи Прусского военного министерства, при активном участии русских политических организаций в эмиграции, сделавших ставку на развитие революционного потенциала пленных [Нагорная 2010, с. 309].

Успех политической пропаганды зависел от содержавшегося в лагерях контингента, но в основной своей массе военнопленные не были готовы к восприятию революционных лозунгов.

Контактные лица с мест, среди которых оказался попавший в плен депутат Госдумы от большевиков Р.В. Малиновский, сообщали, что «собранные здесь пленные стоят по своему развитию очень низко, а потому литературу нужно простую и ясную»; «большинство читателей малограмотны, им Маркс и Лассаль не по плечу»; «почва для работы самая неблагоприятная, а условия существования усугубляют дело». В основном в нелегальные революционные организации поступали заказы на беллетристику и «занимательные учебники» [Там же, с. 310].

Об организации работы одной из лагерных библиотек рассказал в своих воспоминаниях студент Максим Сонин [Сонин 1917, с. 92–113], интернированный в Льеже сразу после начала Первой мировой войны. Он описал условия содержания интернированных студентов в лагерях в Шартрезе (Chartreuse), Мюнстере (Münster), Целле (Celle). Библиотеку в лагере Целле создали на средства от сборов

по подписным листам. Первые книги были из пожертвований и купленные на обранные средства. В их числе Сонин называет издания фирмы «И.П. Ладыжников». Со временем много книг стало поступать из швейцарских колоний. Пропускались народнические и марксистские издания. Были разрешены все толстые журналы. Сначала библиотекой заведовал пленный, раздававший книги в своем бараке, а затем немцы предоставили комнату и у дверей прибили дощечку с надписью: «Russische Bibliothek»³.

Первое время, когда в библиотеке было еще мало книг, они выдавались только представителям барака или отдельным группам для совместного чтения. Когда к концу августа 1915 г. библиотека разрослась до 1000 экземпляров, книги начали выдавать всем желающим. Читателей насчитывалось около 500 человек. За право чтения вносилась плата в несколько пфеннигов, но кто не мог вносить, тот пользовался библиотекой бесплатно. Сонин отмечает большой спрос на книги Л.Н. Толстого, М. Горького (особенно на роман «Мать»), М.Е. Салтыкова-Щедрина, рассказы по русской истории Л.Э. Шишко. Охотно читались заграничные издания и сельскохозяйственные книги [Там же, с. 104].

В отчете лагеря Гютерсло (Gütersloh) о работе сельскохозяйственных курсов содержится информация о том, что при курсах имелась библиотека, составленная специально из книг по сельскому хозяйству. Для пользования библиотекой общим собранием была выработана инструкция [Книги для русских военнопленных 1917].

Необычный опыт организации лагерной библиотеки изложен в воспоминаниях Н.М. Адерсона:

Для добычи основных средств на создание библиотеки (а они требовались немалые) решено было использовать азартную игру, куда будущие пользователи библиотеки должны были отчислять определенный процент от выигрыша. Казначеем выбрали капитана Диксона, поскольку он не играл в карты и не притрагивался к спиртному. А в качестве почетных членов вновь созданного клуба пригласили генералов [Адерсон 2010, с. 132–133].

Когда прибыли выписанные книги, Диксон, ознакомившись с некоторыми из них, категорически отказался от должности заведующего библиотекой. Он считал неудобным для офицера не только распространять эти книги, но даже и держать на хранении, так как по русским законам за это положено наказание. В лагере не нашлось ни одного человека, пожелавшего бы заменить Диксона и стать библиотекарем. На общем собрании было принято решение изорвать и сжечь некоторые из поступивших книг, что и было сделано.

Однако ряд офицеров пожелал прочесть все выписанные книги, и в лагере начали действовать две библиотеки: в одной содержались только те книги, которые не противоречили русским законам, во второй — любые. Библиотеки постоянно пополнялись новыми книгами, особенно благодаря пожертвованиям одного пол-

³ «Русская библиотека» (нем.).

ковника, сестра которого часто присылала ему очень хорошие русские издания [Там же, с. 135].

Интереснейшее свидетельство содержится в книге Ю.И. Кирша, который в 1916–1917 гг. заведовал русской библиотекой в лагере Хамельн. Сначала в лагере функционировали французская и английская библиотеки, каждой из которых заведовал один из пленных. Для наблюдения во главе библиотек был поставлен немецкий солдат. Обе библиотеки были скудны и помещались в маленькой комнате, куда в дни выдачи книг «стекалась такая масса народу, что кругом барака, где помещались библиотеки, все время толпились люди» [Кирш 2014, с. 75].

В комнатке нашлось место и для русской библиотеки. Всего лишь одна полочка с надписью: «Russische Bibliothek». По каталогу значилось 60 русских книг, приобретенных комендатурой лагеря. Это были в основном издания, не разрешенные в России. Большинство книг было выпущено «Издательством И.П. Ладыжникова» в Берлине, в том числе произведения Л.Н. Толстого — «Воскресение», «Четыре Евангелия», «Не могу молчать». Имелись и произведения М. Горького, А.И. Герцена, С.С. Юшкевича, сборник «Революционные песни», брошюры о еврейских погромах в России, сборники прокламаций тайной революционной организации «Земля и воля».

Выдавались книги немецким солдатом, шефом библиотеки. В отличие от англичан и французов, из среды русских пленных библиотекаря не выдвинули, так как библиотеку с самого начала невлюбила солдатская часть лагеря. Из рядовых в лагере могли удержаться только больные и переводчики, здоровые отправлялись в рабочие команды. Поэтому в русской части лагеря преобладали унтер-офицеры, фельдфебели и подпрапорщики, то есть в большинстве своем черносотенцы. Они считали лишним иметь для солдат библиотеку, тем более из книг заграничного издания. Им не могли нравиться книги революционного содержания, и они составляли списки читающих подобные издания.

В лагере образовалась типичная черносотенная организация, которая преследовала все революционное и внушала пленным, что «революция в России — это затея немцев и революционеры в лагере — немецкие агенты, революционные книжки — германское производство. <...> Значительная часть пленных думала, что лагерная библиотека — исчадие ада, сотворенное по поручению германского Вильгельма» [Там же, с. 101].

Вскоре военнопленные установили, что лагерь все время обкрадывали. На адрес русской колонии в Хамельне неоднократно высылались различные газеты, но в лагере ничего не получали. Все это создавало много препятствий работе библиотеки. Однако, по свидетельству Ю. Кирша, «пленные очень интересовались русскими книжками и разбирали их нарасхват. В библиотеке на полке не задерживалась ни одна книжка» [Там же, с. 77].

Кирш вспоминает, как в канун 1916 г. удалось конспиративно получить на почте несколько номеров «Социал-демократа», из которых пленные узнали о международном положении. Вслед за «Социал-демократом» стали «конфисковывать» и другую революционную литературу, которая высылалась хамельнской колонии

военнопленных из других городов Швейцарии и Парижа. Таким образом получили журнал «Коммунист», газету «Наше слово», эсеровский журнал «На чужбине», посвященный военнопленным, которые находились в Германии и Австрии. Это продолжалось долгое время. Чтобы цензоры ничего не заподозрили, на почте конфисковывали только часть литературы. В нескольких посылках с сухарями получили внутренний лист газеты «Речь», отдельные обрывки газет «День» и «Сельский вестник» [Там же, с. 89].

Положение изменилось после Февральской революции 1917 г. в России. Ослабел политический режим в лагере: разрешили выписывать немецкие газеты, лагерная цензура стала пропускать адресованную библиотеке революционную литературу без задержек. Большую партию книг революционного направления прислали из берлинской генеральной комендатуры. Регулярно получали революционную литературу из Швейцарии.

Кириш отмечает, что в других лагерях, например в Гольцминдене (Holzminden), лагерная цензура свободно пропускала всякую революционную литературу с самого начала войны. В то же время он уточняет: «Нельзя сказать, чтобы пленные очень набрасывались на революционную литературу. Массы были слишком малограмотны, чтобы читать “Социал-демократ”, “Коммунист”, “Наше слово”. Эти издания дальше ограниченного круга и не распространялись. Ходкой литературой в лагере и в рабочих командах был журнал “На чужбине”, редактируемый Виктором Черновым» [Кириш 2014, с. 89].

К лету 1916 г. русская библиотека разрослась в солидное книгохранилище, в котором в основном были книги революционного направления. Во второй половине лета 1916 г. лагерь посетила сестра милосердия Российского Красного Креста. Военнопленные опасались, что сестра, узнав, какая литература имеется в библиотеке, потребует через лагерную комендатуру ее частичного очищения.

После осмотра библиотеки сестра милосердия задала библиотекарю вопрос — не еврей ли он. Получив отрицательный ответ, она успокоилась и стала беседовать с библиотекарем-французом, так как была убеждена, что революционной пропагандой занимаются только евреи [Там же, с. 98–99].

Завадский тоже вспоминал, что в Германию прибыло несколько сестер милосердия для осмотра лагерей, и пленные сделали вывод: «Просто послали сестер в Германию посмотреть, что читают пленные и каково их настроение» [Забывтая война 2011, с. 121].

В библиотеке лагеря Хамельн, подчеркивает Кириш, пленные всегда обменивались новостями. Именно в библиотеку прибежал француз с сообщением, что Петроград в руках матросов, правительство Керенского арестовано, власть перешла в руки большевиков. В библиотеку же зашел немецкий солдат, заведующий всеми библиотеками лагеря, и подтвердил известие о революции в Петрограде.

В октябре 1917-го в лагере усилились партийные группировки. Лагерь разделился на две части: с одной стороны — приверженцы большевиков, которыми руководила группа из библиотеки, с другой — все остальные. С первых дней Октябрьской революции в лагерь не было доставлено ни одного письма, ни одной посылки из России. После Брестского мира, по словам Ю. Кириша, «мы вступили в

наитягчайшую полосу нашего плена» [Кирш 2014, с. 131]. Из Швейцарии начали посылать по адресу русской колонии военнопленных информационные бюллетени контрреволюционного направления. Это была первая русская белогвардейская литература за границей.

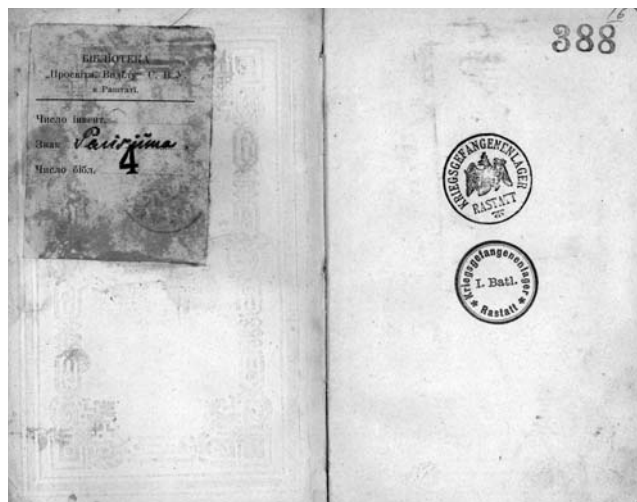
Лагерная комендатура в лице русского цензурного отделения снова занялась делами русских военнопленных. В конце апреля 1918 г. из библиотеки была изъята вся литературы большевистского направления. Изымающие имели слабое представление о большевистской литературе, и для пленных не составило труда их обмануть. В распоряжение проверяющего были переданы брошюры, пришедшие в негодность от чтения, журнал «На чужбине» и эсеровская литература вообще. С тех пор большевистская литература в библиотеке не числилась, но при выдаче книг читателям по-прежнему продолжали распространяться большевистские брошюры.

Однажды друг Кирша и товарищ по партии Гофман, работавший в одном из госпиталей, попросил Юлия Ивановича сообщить о положении дел в России. Острое письмо Кирша, где он писал о контрреволюционной роли германского империализма в России, было перехвачено, переслано в лагерную комендатуру, и Кирша отстранили от работы в библиотеке. Весной 1918 г. его в числе других больных и инвалидов отправили в Россию.

Кирш вернулся на родину в мае 1918-го и вскоре после возвращения начал писать воспоминания о пребывании в германском плену. Позже Юлий Иванович работал заведующим сектором истории Научно-исследовательского педагогического института национальностей СССР. Однако вскоре факт пребывания в германском плену стал рассматриваться весьма негативно. Многие бывшие военнопленные были репрессированы. Не избежал этой участи и Ю.И. Кирш. Его арестовали 7 октября 1936 г., обвинили в контрреволюционной и террористической деятельности и расстреляли 15 декабря того же года [Там же, с. 15]. Его прах захоронен на территории Донского монастыря Москвы. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 апреля 1956 г. Юлий Иванович Кирш реабилитирован.

КНИГИ ИЗ ЛАГЕРНЫХ БИБЛИОТЕК В ФОНДЕ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Лагерные библиотеки для русских военнопленных просуществовали в Германии до середины 1921 г. [Кратц 2001, с. 392]. Какова их дальнейшая судьба? Возможно, частично книги были уничтожены или же разошлись по разным книгохранилищам и букинистическим магазинам, дожив до наших дней. Семь таких уникальных книг, изданных более 100 лет назад, хранятся в фонде Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Они были получены в дар от Национальной библиотеки Чешской Республики, отдела «Славянская библиотека». Принадлежность к лагерным библиотекам удостоверена штампами и наклейками.

Оборот обложки и авантитул книги
«Евангелия від Св. Луки» (Відень, 1913)

Титульний лист книги
«Евангелия від Св. Луки»
(Відень, 1913)

На авантитулє книги «Евангелия від Св. Луки» [Евангелия від Св. Луки 1913] имеются два круглых штампа: «Kriegsgefangenenlager Rastatt»⁴ и «Kriegsgefangenenlager Rastatt I. Batl.»⁵ На последней странице книги и на внутренней стороне задней обложки содержатся две надписи простым карандашом, соответственно: «Тарас Кириллович Уманс <нрзб.>» и «В Кооперативную чайную просимо Вас продать намъ в клуб сухарів по 2 <нрзб.> 40 <нрзб.> 4 пачки. Голова Клуба В. Соболев».

Почему текст написан на украинском языке, объясняет наклеенный на оборот обложки «Евангелия» библиотечный листок. В верхней части листка отпечатано название библиотеки: «Бібліотека “Просвітн. Виділу” СВУ⁶ в Раштаті»⁷. Далее идут графы: Число інвент. (не заполнено. — *Н.Е.*), Знак (Релігіма), Число бібл. (4). На авантитулє проставлены номера, возможно инвентарные: простым карандашом — 16, печатным способом — 388. На титульном листе карандашная пометка — DF 120235.

Книга отпечатана в типографии Адольфа Гольцгаузена в Вене. Это издание Британского и заграничного библейского общества. В 1903 г. по разрешению данного общества в типографии А. Гольцгаузена была издана первая Библия на украинском языке. Значительная часть западноукраинских земель входила в тот период в состав Австро-Венгерской империи. И ее столица Вена — большой европейский центр науки и культуры — была избрана местом для работы над пере-

⁴ «Лагерь военнопленных. Раштатт» (*нем.*).

⁵ «Лагерь военнопленных. Раштатт, I батальон» (*нем.*).

⁶ СВУ — Спілка визволення України (Союз освобождения Украины).

⁷ «Библиотека просветительского отдела СВУ в Раштатте» (*укр.*).

водом. Более 25 лет трудились два выдающихся украинца Пантелеймон Кулиш⁸ и Иван Пулюй⁹ над созданием первого полного перевода Святого Письма на украинском языке. Со временем этот перевод был признан лучшим. Святое Письмо было издано при участии украинского писателя Ивана Нечуя-Левицкого¹⁰ и вошло в золотую сокровищницу украинской духовности и культуры. Однако на Украину, входившую тогда в состав Российской империи, украинскую Библию не допустили [Остерская 2009–2017].

Тем не менее она попала к украинским солдатам в годы Первой мировой войны. Украинцы воевали по обе стороны фронта: около 3 миллионов — в составе российской армии и 250 тысяч — в составе австрийской армии [Горелик 2010]. С началом войны руководство Германии и Австро-Венгрии организационно и материально поддерживало противников царской власти для формирования антироссийской оппозиции с целью ослабления России изнутри. Поддерживало оно и украинскую оппозицию, добывавшуюся независимости Украины и ее отделения от России.

В сентябре 1914 г. представители Союза освобождения Украины в Австро-Венгрии в поисках партнеров в борьбе за независимость Украины были приняты в Министерстве иностранных дел Германии, где изложили свою позицию в этом вопросе. Немцы сочли, что украинская оппозиция будет хорошим помощником в борьбе с Россией, и выделили ей миллион крон на пропаганду своих взглядов. В книжном фонде Дома русского зарубежья находится 16 экземпляров книг и брошюр (18 названий¹¹), изданных Союзом освобождения Украины.

Поддержка Германии выражалась в организации специальных лагерей для пленных украинцев. «В этих спецлагерях пленным украинцам были созданы гораздо более комфортные условия содержания и питания, чем в обычных лагерях для русских военнопленных. С помощью такого льготного режима, возможностей для самообразования и интенсивной избирательной информационной антироссийской “накачки” по истории Украины, ее культуры и языка немецкое и австро-венгерское командование надеялось с помощью СВУ получить в будущем

---

⁸ Кулиш Пантелеймон Александрович (укр. Куліш Пантелеймон Олександрович; 26 июля (7 августа) 1819, с. Воронеж, Глуховский уезд, Черниговская губерния, Российская империя — 2 (14) февраля 1897, хутор Мотроновка, Борзнянский уезд, Черниговская губерния, Российская империя), украинский писатель, поэт, фольклорист, этнограф, переводчик, критик, редактор, историк, издатель. Создатель «кулишовки» — одной из ранних версий украинского алфавита.

⁹ Пулюй Иван Павлович (укр. Пулюй Іван Павлович; 2 февраля 1845, Гримайлов, Галиция, Австро-Венгрия (ныне Гусятинский район Тернопольской области) — 31 января 1918, Прага), украинский и австро-венгерский физик и электротехник, организатор науки, общественный деятель. Известен своим вкладом в продвижение украинской культуры: в тернопольской гимназии основал молодежный кружок «Громада» для изучения и популяризации украинской истории и культуры, в студенческие годы стал организатором «Венской Сечи», объединявшей украинскую молодежь австрийской столицы.

¹⁰ Нечуй-Левицкий Иван Семенович (укр. Нечуй-Левицький Іван Семенович; наст. фам. Левицкий; 13 (25) ноября 1838, м. Стеблев — 2 апреля 1918, Киев), украинский писатель, публицист.

¹¹ Количество названий превышает количество экземпляров, т. к. под одним переплетом может находиться несколько книг.

националистически настроенных надежных партнеров для достижения своих целей в Восточной Европе» [Там же].

Подобные лагеря находились в германских городах Зальцведель (Salzwedel), Ветцлар (Wetzlar), Ганноверш-Мюнден (Hannoversch-Münden), Раштатт (Rastatt), в венгерском (ныне словацком) городе Дунайска-Стреда (венг. Dunaszerdahely, словацк. Dunajská Streda). Всего в них было собрано около 50 тысяч пленных. Кроме того, в Австрии украинцы содержались в лагере во Фрайштадте, а в Чехии — в Йозефштадте. Одна из книг лагерной библиотеки Раштатта [«Евангелия від Св. Луки» 1913] и оказалась в фонде Дома русского зарубежья.

Обложка брошюры Н.П. Дружинина «Палаты народных представителей» (Москва, 1906)

Второе издание из фонда ДРЗ, принадлежавшее одной из лагерных библиотек, — брошюра Н.П. Дружинина «Палаты народных представителей» [Дружинин 1906]. Николай Петрович Дружинин (1858–1941) — один из крупнейших общественных деятелей европейской России, журналист, издатель, краевед. Пик его деятельности пришелся на начало XX в.

Образование Дружинин получил в Московском коммерческом училище, затем некоторое время был вольнослушателем Демидовского юридического лицея в Ярославле, юридического факультета Петербургского университета, около полугода провел в Англии, большей частью в Оксфорде, где состоял студентом-пансионером колледжа и слушал лекции в университете.

Еще во время учебы в Санкт-Петербурге Дружинин начал печататься в журналах «Нива», «Иллюстрированный мир», «Живописное обозрение», «Мысль», «Русское богатство».

Позднее печатался в общероссийских периодических изданиях «Вестник Европы», «Курьер» и некоторых других. С 1898 г. Николай Петрович сотрудничал с ярославской политической, общественной и литературной газетой «Северный край». Переехав в Ярославль в 1901 г., он полностью погрузился в журналистскую деятельность, был одним из самых активных членов кадетской организации в городе. После смерти редактора «Северного края» Э.Г. Фалька стал его фактическим преемником в редакционном комитете Товарищества по изданию газеты. В 1906 г. издание было закрыто властями.

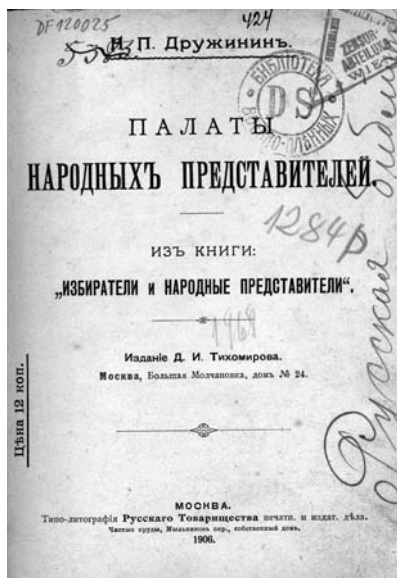
В 1909 г. совместно с К.Ф. Некрасовым Дружинин основал газету «Голос», близкую по своей политической направленности к кадетам. Николай Петрович в течение восьми лет являлся главным редактором «Голоса». Как писатель-юрист регулярно участвовал в чтениях для народа, устраивавшихся Комиссией народных чтений Ярославской губернии.

Дружинин был также известен как юрист, занимавшийся вопросами представительных учреждений и крестьянского самоуправления. Работая в газетах, он активно разъяснял идеи самоуправления и создания представительных органов.

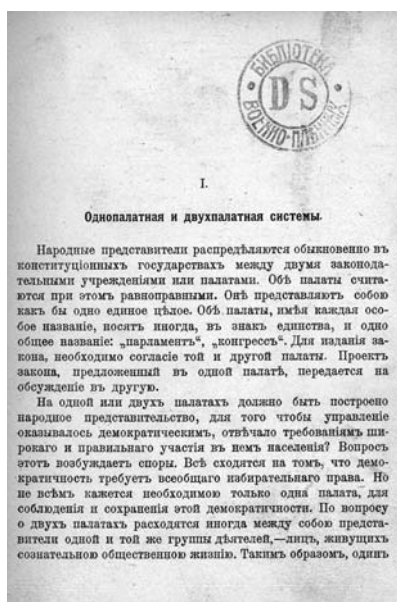
Н.П. Дружинин одним из первых поставил вопрос о необходимости популяризации юридических знаний для простого населения. Его отличительной чертой являлось то, что он не пытался популяризировать право в одной работе. После первого издания своих сочинений он их переделывал, улучшал и переиздавал в виде мелких брошюр, разбив большой труд на интересующие его вопросы.

Собственно, одной из таких брошюр и является издание «Палаты народных представителей» из фонда Дома русского зарубежья. На титульном листе и трех страницах (3, 5, 40) стоит круглый штамп: «DS Библиотека военно-пленных». Аббревиатура DS, по-видимому, означает название города Дунайска-Стреда в Словакии. В период Первой мировой войны, когда Словакия входила в состав Австро-Венгрии, здесь был лагерь военнопленных. Два штампа: на обложке книги («Просмотрено Военной цензурой Петроград № 23») и на титульном листе («Zensur-Abteilung Wien»¹²) свидетельствуют, о том, что книга дважды прошла цензуру — в Петрограде и Вене. На титульном листе имеются пометки чернилами («424») и простым карандашом: «Русская библиотека, DF 120025, 1284 р, 1968». На странице 40 надпись чернилами: «Городской житель Ученые свѣтъ не ученье тьма».

Брошюра Дружинина отпечатана на русском языке в типографии Русского товарищества. На титульном листе размещены сведения: «Издание Д.И. Тихомирова. Москва, Большая Молчановка, домъ № 24». Ниже указано место издания (Москва) и типография: «Типо-литографія Русскаго Товарищества пе-

Титульный лист брошюры Н.П. Дружинина «Палаты народных представителей» (Москва, 1906)

Страница 3 брошюры Н.П. Дружинина «Палаты народных представителей» (Москва, 1906)

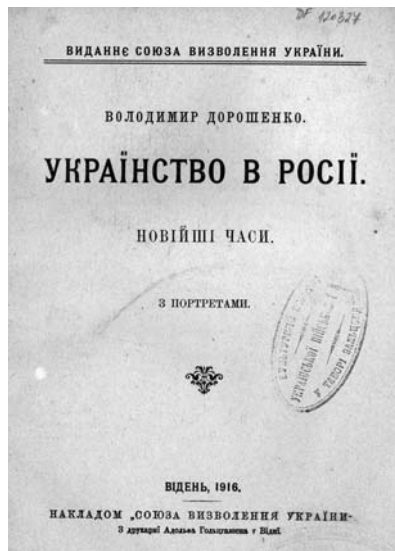
¹² «Отдел цензуры Вены» (нем.).

чатн. и издат. дѣла. Чистые пруды, Мельниковъ пер., собственный домъ». Какой же путь проделала эта маленькая брошюрка от Мельникова переулком до улицы Нижней Радищевской города Москвы! Как минимум она побывала в Австрии, Словакии и Чехии. Теперь на книге имеется и штамп библиотеки Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

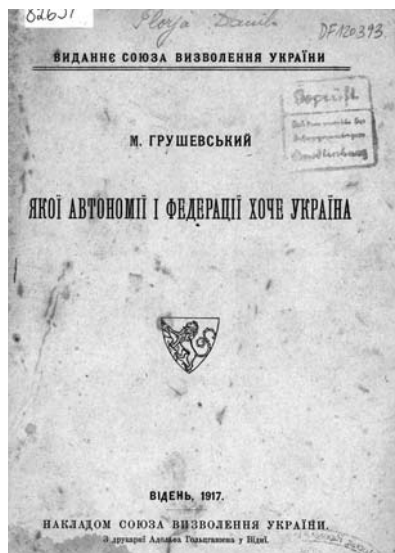
Два экземпляра книги В. Дорошенко «Українство в Росії. Новійші часи» [Дорошенко 1917] из фонда ДРЗ принадлежали библиотеке лагеря Зальцведель. На титульном листе обеих книг стоит штамп: «Культурний комітет Української військової <нрзб.> у таборі Зальцведель»¹³.

Брошюра украинского историка, общественного и политического деятеля, первого председателя украинской Центральной рады (20 марта 1917 — 29 апреля 1918) М.С. Грушевского «Якої автономії і федерації хоче Україна» [Грушевский 1917] принадлежала библиотеке лагеря Кведлинбург (Quedlinburg). Благодаря помощи профессора из Мюнстера Г. Кратца было распознано содержание штампа на обложке и странице 3: «Gepprüft <нрзб.> Kriegsgefangenenlager Quedlinburg»¹⁴.

К сожалению, на штампе, проставленном на титульном листе книги «Перша читанка» [Перша читанка 1917], отчетливо видна только первая буква в названии лагеря: «Gepprüft! 16. Postprüfungsstelle des Gefangenenlagers S <нрзб.>»¹⁵. Эта книга интересна еще и тем, что она издана в лагере, о чем сообщают сведения, относящиеся к заглавию: «Видання Просвітнього т-ва імени Бориса Грінченка в таборі Зальцведель»¹⁶. Можно предположить, что на штампе указан Зальцведель, но если только в сокращении, т. к. количество неразборчивых букв гораздо меньше, чем в назва-

Обложка книги В. Дорошенко «Українство в Росії. Новійші часи» (Відень, 1917)

Обложка брошюры М.С. Грушевского «Якої автономії і федерації хоче Україна» (Відень, 1917)

¹³ «Культурний комітет Української воїнської <нрзб.> в лагері Зальцведель» (укр.).

¹⁴ «Проверено <нрзб.> лагерь военнопленных Кведлинбург» (нем.).

¹⁵ «Проверено! 16-й контрольно-пропускной пункт почты лагеря военнопленных <З или С, нрзб.>» (нем.).

¹⁶ «Издание Просветительского общества имени Бориса Гринченко в лагере Зальцведель» (укр.).

нии города. Представляют интерес еще два издания украинской военной миссии из серии «Бібліотека “Шлях”», выпущенные в Зальцведе и отпечатанные в типографии Союза освобождения Украины, — брошюра К. Немовой «Як вести збори» [Немова 1919] и сборник фельетонов «Гостинці» [Синежупанец 1919].

И наконец, сказки В. Гауфа [Гауф 1919], изданные в Вене, с двумя штампами на титульном листе. Первый штамп свидетельствует о принадлежности книги украинскому лагерю, но вот какому именно, к сожалению, прочитать не представляется возможным: «Культпросвітний кружок Українськ. табору <нрзб.>»¹⁷. Второй штамп указывает на благотворительную женскую организацию: «Український жіночий комітет у Відні»¹⁸. Основной задачей комитета был розыск украинских солдат и предоставление им необходимой помощи в венских госпиталях, а кроме того, обеспечение раненых книгами. С 1916 г. деятельность комитета распространилась и на лагеря военнопленных. В лагерях, где пребывало значительное количество пленных украинцев, открывались библиотеки, школы, действовали хоры, кооперативные и хозяйственные курсы [Бежук 2008, с. 132].

В фонде Дома русского зарубежья им. А. Солженицына имеется еще ряд изданий, которые, предположительно, могли бы принадлежать библиотекам специальных лагерей для пленных украинцев времен Первой мировой.

Это книга И. Крипякевича «Українське військо» [Крипякевич 1916] и два экземпляра книги Л.М. Цегельского «Русь-Україна а Московщина-Россія» [Цегельський 1916] с наклеенным на форзацах библиотечным листком «Бібліотека “Просвітн. Виділу” СВУ в Раштагі», о котором речь шла выше. На обоих экземплярах книги Л.М. Цегельского имеется штамп: «Zentralstelle für Deutschland. Der Bund zur Befreiung der Ukraina»¹⁹.

Подобный штамп — «Der Bund Befreiung der Ukraina. Zentralstelle für Deutschland»²⁰ — проставлен четырежды (на переднем и заднем форзацах и на страницах [1], 3) на книге «Курс географии Европы» [Курс географии Европы, б.

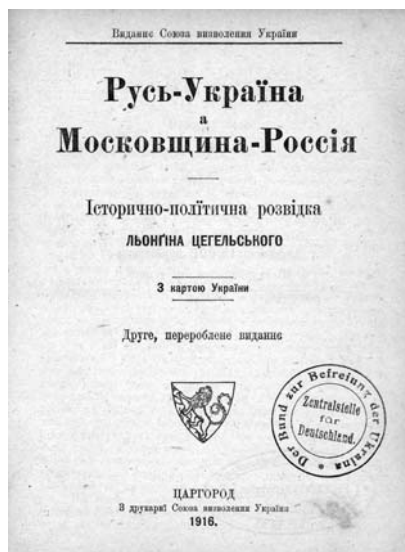
Титульный лист книги «Казки Вильгельма Гауффа: з 82-ма малюнками. Ч. 2» (Відень, 1919)

¹⁷ «Культурно-просветительский кружок Украинского лагеря <нрзб.>» (укр.).

¹⁸ «Украинские женщины Вены» — благотворительная организация, основанная в Вене в конце 1914 г. как Украинский женский комитет помощи раненым воинам [Воззвание организации «Украинские женщины Вены» 1933].

¹⁹ «Центральное бюро Германии. Союз освобождения Украины» (нем.).

²⁰ «Союз освобождения Украины. Центральное бюро Германии» (нем.).

Титульний лист книги Л. Цегельського «Русь-Україна а Московщина-Россія: Історично-політична розвідка» (Царгород, 1916)

г.]. Книга интересна еще и тем, что данный экземпляр — из собрания великой княгини Анастасии Николаевны, принцессы черногорской²¹. Об этом можно судить по штампу на страницах VI и 232: «Пансиона Е.И.В. Вел. Кн. Анастасіи Николаевны».

Круглый штамп на переднем и заднем форзацах и странице 35 книги «Перша читанка» [Перша читанка 1918] указывает на то, что книга предназначалась для украинских пленников в Германии: «Українська Військова Місія для зараз українських полонених у Німеччині»²².

Во время Первой мировой войны в австрийском городе Фрайштадте (Freistadt) был создан лагерь для российских военнопленных, в котором находилось до 20 000 заключенных. С разрешения немецкой и австро-венгерской военных властей Союз освобождения Украины вел здесь широкую организационную, религиозную и культурно-воспитательную работу среди военнопленных украинского

происхождения. Для них были организованы образовательные курсы, художественные кружки, театр, библиотека, читальня, в лагерной типографии печатались периодические издания и книги на украинском языке.

Дом русского зарубежья обладает уникальными изданиями, выпущенными в этом лагере. Это три экземпляра иллюстрированного календаря «Розвага» [Розвага 1916] и два выпуска из серии «Народня бібліотека»: брошюра В.К. Винниченко «Хома Прядка. Студент» [Винниченко 1918] и книга «Маленький декляматор» (2 экз.) [Маленький декляматор 1918].

На обложках выпусков серии «Народня бібліотека» указаны выходные данные — «в друкарні “Союза визволення України” у фрайштадтському таборі»²³. Календарь «Розвага» является памятной книжкой пленников украинцев, что отражено в сведениях, относящихся к заглавию: «Памятна книжка полонених українців: видання української таборової організації в Фрайштадті»²⁴.

²¹ Анастасия (Стана) Петрович-Негош (серб. Анастасија Петровић Његош, также известная в России как Анастасия Николаевна; 23 декабря 1867 (4 января 1868), Цетине, Черногория — 15 ноября 1935, Антиб, Франция) — принцесса черногорская, герцогиня Лейхтенбергская и русская великая княгиня. Супруга герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского и великого князя Николая Николаевича. Дочь короля Николы I Черногорского и его жены Милены Вукотич [Анастасия Черногорская 2017].

²² «Украинская военная миссия для украинских пленников в Германии» (укр.).

²³ «В типографии “Союза освобождения Украины” во фрайштадтском лагере» (нем.).

²⁴ «Памятная книжка пленников украинцев: издание украинской лагерной организации во Фрайштадте» (укр.).

До выхода календаря «Розвага» в лагере издавался одноименный еженедельник. Инициатором выпуска календаря был Николай Голубец²⁵, активный деятель Союза освобождения Украины, по поручению которого 15 декабря 1914 г. прибыл в лагерь во Фрайштадте [Цимбала 2017, с. 57]. Здесь он занимался национально-воспитательной и культурно-образовательной работой среди пленных украинцев, организовал редакционную и издательскую работу в лагере и осуществлял техническое руководство типографией. Информация о деятельности Н. Голубца во время Первой мировой войны, в частности в лагере Фрайштадт среди военнопленных, обобщена в диссертации О.С. Цимбала [Там же].

Вышеназванные книги также получены Домом русского зарубежья в дар от Национальной библиотеки Чешской Республики в 2014 г. и заслуживают отдельного разговора.

На сегодняшний день история лагерных библиотек для военнопленных Первой мировой войны остается малоизученной. Эту тему в той или иной степени рассматривали в своих работах Г. Кратц, С.Н. Лютов, О.С. Нагорная, Т.Д. Рубанова.

Профессор Челябинской государственной академии культуры и искусств Т.Д. Рубанова выделила три основных причины слабой изученности темы: кратковременность существования и экстремальные условия функционирования; тяжелое положение пленных солдат и офицеров российской армии в лагерях Германии и Австро-Венгрии при отсутствии контроля со стороны администрации Российской империи; недоступность источников, большая часть которых сосредоточена за границей [Рубанова 2015, с. 104].

ЛАГЕРНАЯ ПРЕССА

Особое явление, заслуживающее отдельного внимания, — лагерная пресса. Вследствие утраты архивных и библиотечных фондов в ходе Второй мировой войны основополагающим источником о лагерной прессе Первой мировой служит диссертация Р. Хойссера [Haeusser 1940], уделившего основное внимание газетам западных союзников. Небольшой раздел «Лагерные газеты» содержится в книге О.С. Нагорной «Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922)» [Нагорная 2010, с. 261–264]. Вслед за Хойссером О.С. Нагорная выделяет три категории газет, имевших хождение среди военнопленных: созданные по инициативе самих пленных, выпускавшиеся пленными с подачи и под руководством пропагандистских институтов, печатавшиеся и централизованно распространявшиеся немецкими и австрийскими военными органами [Там же, с. 262].

Из русскоязычных изданий, выпускавшихся в лагерях по инициативе пленных, можно назвать: «Сквозняк», солдатский лагерь Нюрнберг (Nürnberg), редактор Л. Либерберг; «Журнал лагеря военнопленных Дёберитц», солдатский лагерь

---

²⁵ Голубец Николай (укр. Голубец Микола, лит. псевд: Микола Вілонський, М. Вільшина Гуменецкий; 15 декабря 1891, Львов — 22 мая 1942, Львов), украинский историк, краевед, архивист, искусствовед, литератор, публицист, редактор, переводчик, библиограф.

Дёберитц (Döberitz), редактор Н. Левитин; «Вестник пленных», офицерский лагерь Фридрихсфельд (Friedrichsfeld); «Новости дня», офицерский лагерь Нейссе (Neuss); «В замке», офицерский лагерь Райзен (Reisen). Ко второй категории относятся издания для военнопленных украинцев: «Союз Украины», «Громадська думка» (Ветцлар), «Рассвет», «Селянин» (Зальцведель), «Нова зоря», «Вільне слово». Все они финансировались Союзом освобождения Украины. К третьей категории принадлежат «Русский вестник» и «Неделя», издававшиеся, соответственно, немецкими и австрийскими военными органами. На сегодняшний день отдельные номера газет хранятся в собраниях Федерального военного архива во Фрайбурге (Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg), Берлинской государственной библиотеки (Staatsbibliothek zu Berlin), Государственного архива Российской Федерации (Москва), Российской государственной библиотеки (Москва), Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Государственной публичной исторической библиотеки (Москва), Национальной библиотеки Беларуси (Минск).

Специальная газета для русских военнопленных на русском языке — «Русский вестник» [Русский вестник 1915–1918] — начала издаваться в Берлине в 1915 г. Она редактировалась в духе германского империализма. Все статьи подписывались псевдонимами. Сначала газета рассылалась бесплатно. В солдатских лагерях она была единственно доступным материалом для чтения. После появления большевиков «Русский вестник» стал больше по объему и грамотнее, расширился отдел известий. Последняя страница была отведена для справок: газета печатала точные сведения на запрос о любом из пленных, находившихся в Германии. Благодаря этому газета получила широкое распространение, и когда редакция прекратила бесплатную рассылку, многие стали выписывать газету [Забывтая война 2011, с. 300].

Об этой газете вспоминают и Ю.И. Кирш, и М.В. Ярославцев²⁶, содержащийся в лагере у польского города Пасленк (Preussisch Holland, польск. Pasłęk). Последний добавляет, что в лагере Пасленк получались и немецкие газеты всех направлений. Полковник Сорокин делал из них переводы, и последние, размноженные любителями, вывешивались на наружных стенах бараков [Ярославцев 1924, с. 194].

Военнопленные нередко сами начинали издавать в лагерях газеты и журналы, где публиковали свои статьи, рассказы, стихи и философские эссе. Приложения к газетам содержали обзор событий в лагере и развлекательные публикации. Так, в Мюндене, по воспоминаниям Завадского:

Весной 1916 года мы затеяли издавать журнал. Пришла эта мысль в голову прапорщику Герману. На его призыв дружно откликнулись художники и беллетристы. Первые принесли свои рисунки, а вторые — рукописи. Я тоже принимал некоторое участие в журнале, состоя секретарем редакции.

²⁶ Ярославцев Михаил Владимирович (архим. Митрофан) (30 декабря 1883 (11 января 1884), Тульская губерния — 28 января 1954, Рабат, Марокко). С 1905 г. служил в 68-м Лейб-Бородинском императора Александра III полку. Участвовал в Русско-японской войне. Вместе со своим полком выступил на фронт Первой мировой войны. Был полковым адъютантом, командиром батальона. В боях был ранен и контужен. С февраля 1917 г. — подполковник, командир 1-го батальона полка. В 1917 г. в чине полковника командовал 301-м Бобруйским пехотным полком. В феврале 1918 г. во время наступления немецких войск был взят в плен.

Много надо было потрудиться, прежде чем мог появиться первый номер «Kriegsgefangener'a» <Военнопленного>. В нем отразился наш плен, с его маленькими радостями и большой тоской. Особенно хороши были рисунки; некоторые карикатуры невольно вызывали смех. Что же касается беллетристики, то если не все было сказано гладко, зато все было свое, пережитое. В коротких безыскусственных рассказах наша жизнь и ее неволя. Многие читатели «Kriegsgefangener'a» заявляли, что после него другие литературные произведения кажутся им слишком придуманными. Редактор-издатель со своим секретарем обещали выпускать журнал так часто, как только возможно. Но, увы, это было трудно. Журнал мог выходить только рукописным. На нас лежала обязанность подобрать материал, переписать его, отдать художникам для заготовления виньеток, сброшюровать и переплести. Выходил «Kriegsgefangener» в одном экземпляре и давался в каждую комнату для прочтения на несколько дней, с просьбой беречь его от немецкого глаза.

Всего удалось выпустить два номера; когда третий был еще в зародыше, немцы произвели среди пленных «перепутаницу»: редактор и сотрудники были рассеяны по разным лагерям; я же в это время находился в госпитале, и, кто увез с собой «Kriegsgefangener», я до сих пор не знаю [Забывтая война 2011, с. 166].

Об издании этого журнала вспоминает и Н.М. Адерсон, также бывший в плену в Мюндене:

Группа офицеров во главе с прапорщиком Громовым, известным деятелем в московских судах, затеяла издание своего журнала в рукописи. Его ближайшим сотрудником и участником оказался наш прапорщик <Василий Александрович> Топков. В своих задачах, объявленных в проспекте и первом номере, журнал обещал дать пленным «правдивое освещение событий внутренней жизни, служить целям объединения и развлечения» и так далее, и тому подобное. Журнал был назван «Гефанген», то есть пленник. Для его издания приглашены были постоянные сотрудники, главным образом из числа прапорщиков. Свои статьи мог прислать любой желающий. Таким образом, материала набралось довольно много. Пленные были очень заинтересованы в выпуске подобного журнала. Его планировалось «издавать» в двух-трех рукописных экземплярах. Планировалось также брать небольшую плату за чтение, чтобы покрыть расходы по изданию. Истинная же цель, то есть воспроизведение журнала в России, скрывалась [Адерсон 2010, с. 138–139].

Далее Адерсон рассказывает, что в первом номере журнала были представлены рассказы, стихи и рисунки. В журнале был отдел сатиры, в котором помещались талантливые карикатуры и остроты, а их предметом являлись офицеры и солдаты комендатуры лагеря. Первый номер имел большой успех. Вышел и второй номер. Но в редакции произошла ссора, и интриги редакторов погубили начинание, третий номер уже не вышел [Там же, с. 139–140].

Русские пленные лагеря Хамельн неоднократно обращались к руководству лагеря с просьбой разрешить им издавать свою газету, но просьба осталась без внимания [Кирш 2014, с. 115].

Была попытка издавать газету в лагере Мюнстер, об этом писал в своих воспоминаниях М. Сонин. Но студентов перевели в другой лагерь в Целле, где началась просветительская работа: лекции в солдатских бараках на общественно-политические темы. Иногда вместо лекций читали беллетристику: Толстого, Горького [Сонин 1917, с. 104].

ОБУЧЕНИЕ

Для многих военнопленных многолетнее пребывание за колючей проволокой стало своеобразным процессом обучения. Они желали заниматься самообразованием, а некоторые офицеры хотели основательно пройти общеобразовательные и специальные курсы наук.

Если военнопленные в первые месяцы войны столкнулись с острым ощущением тоски и безысходности, то по мере улучшения условий проживания и организации досуга они начали адаптироваться к условиям жизни в лагерях. Образованные слои военнопленных стремились заполнить отсутствие привычной для них профессиональной службы не только чтением различной литературы, но и изучением немецкого языка, занятием музыкой.

По инициативе комендатур и при поддержке представителей самоуправления практически во всех лагерях возникли школы, в которых значительная часть солдат приобщалась к грамоте. Для имевших начальное образование организовывались уроки математики, агрономии и немецкого языка, а также лекции и литературные чтения. Посещаемость занятий была высокой. Так, в лагере Вормс (Worms) была обустроена школа для неграмотных.

В офицерских лагерях с согласия комендатур пленные организовывали постоянно действующие курсы лекций на различные темы: о российской и зарубежных системах железных дорог, финансов, налогообложения, а также по биологии и анатомии [Нагорная 2008, с. 199]. Проводились занятия по математике, астрономии, бухгалтерскому учету, электричеству, сельскому хозяйству, юриспруденции, музыке. В лагерях выступали немецкие профессора с докладами по истории, географии, по вопросам конституционного права и социального законодательства Германии, по истории музыки и проблемам теологии [Кокебаева 2012].

Историк О.С. Нагорная в одной из своих статей приводит выдержки из писем офицеров, содержащихся в лагере Дёбельн (Döbeln) в Саксонии. Предводитель русского офицерского сообщества в лагере полковник Буба писал жене о многообразии обучающих мероприятий:

Использую предоставленное время, чтобы читать. Благодаря службе я отстал в этом и теперь восполняю недостаток знаний. Слушаю лекции по физиологии растений, которые читает доцент Московского университета в форме

болтовни с некоторыми нашими офицерами. О пчелах и пчеловодстве уже прослушал (цит. по: [Нагорная 2008, с. 199]).

Другой офицер сообщал:

С полудня до часу слушаю доклады о шахматах, с полвторого до полтретьего — по химии, после этого я читаю и гуляю. В шесть — общая переключка. По понедельникам и пятницам вечером — доклады о жизни растений и биологии. Потом читаем или играем в шахматы [Там же, с. 199].

В журнале «Русский военнопленный» цитировалось письмо из лагеря Вюльцбург (Wülzburg) в Баварии: «У нас есть кружки или курсы бухгалтерии, агрономии, автомобилизма, электротехники, химии и др. Преподавателями являются люди с высшим образованием и некоторые из прапорщиков студентов» [Книги для русских военнопленных 1917].

В.В. Завадский в своей книге «Плен» вспоминает, как комендант лагеря в Мюндене генерал-майор фон Визе (von Wiese), приступивший к обязанностям в апреле 1915 г., объявил представителям пленных:

Я хочу, чтобы время, проведенное пленными в Германии, не было потеряно ими; среди них, несомненно, найдутся лица, которые пожелают чем-нибудь заняться; им будет предоставлена полная возможность читать и учиться. Я буду горд, если кто-нибудь из них, возвратясь к себе, скажет: «Я изучил это в Германии» [Забывтая война 2011, с. 101].

Пленные, получив возможность расширить свои познания и приобрести новые, с жадностью набрасывались на книги. Воспользовавшись разрешением приобретать учебники и научные книги, они обзаводились учебниками, главным образом немецкого и французского языков. Не окончившие курсы студенты вооружались томами каждый по своей специальности.

От пресловутой русской лени ничего не осталось. Путь к образованию лежал через языки. И вот пожилые полковники, капитаны и совсем молодые поручики и прапорщики заходили по лагерю с книгами, тетрадками и словарями [Там же, с. 102].

Завадский описывает, как бережно пленные относились к книгам и как старательно занимались наукой:

Пленные копались в стружках, оставленных плотниками; выбирали оттуда обрезки досок, пускали в ход ящики от посылок, доставали гвозди и сколачивали себе столики для занятий. На этих столиках, часто не больше носового платка, в величайшем порядке складывались книги, словари, тетради. <...> Вечером, сидя под тусклой лампочкой и напрягая зрение, писали упражнения, читали, переводили [Там же, с. 103].

В смешанных лагерях, где находились офицеры из разных стран, в практику вошло парное обучение языку, что позволило желающим русским углублять свои знания английского и французского [Нагорная 2010, с. 323].

Сонин вспоминал, что в Мюнстере возникли кружки слушателей лекций по геологии и эсперантистов. Пленные обучались французскому, немецкому, английскому, итальянскому, испанскому и японскому языкам. Занятия продолжались и в Целле, куда перевели М. Сонины.

Об интенсивности процесса приобщения офицеров и солдат к чужой языковой среде свидетельствуют многочисленные обращения в русские и зарубежные общественные организации с просьбами выслать учебные пособия по немецкому языку и словари для активно функционировавших в лагерях школ [Нагорная 2008, с. 200]. Русские военнопленные, согласно отчету Лондонского комитета, не просили повестей, они просили учебники [Книги для русских военнопленных 1917].

Администрации лагерей организовывали курсы по изучению немецкого языка, где преподавали учителя, которые до войны подолгу жили и работали в России и других странах Антанты. К преподаванию допускались также и военнопленные — бывшие преподаватели и студенты, они с воодушевлением отнеслись к возможности применения своих профессиональных знаний. Желающих изучать немецкий язык было много, так как знание языка позволяло работать переводчиком и старшим по бараку, а также устанавливать контакт с администрацией и охраной лагеря. Изучением языка занимались почти во всех лагерях.

Адерсон в своих воспоминаниях констатировал:

После того как в лагере появилось достаточно учебных изданий и словарей, открылись классы по изучению иностранных языков и других предметов. Молодые, не так давно окончившие университеты прапорщики читали лекции по разным направлениям [Адерсон 2010, с. 135].

Перевод большинства пленных солдат весной 1915 г. в рабочие команды обусловил временное затишье, было прервано массовое обучение. Однако даже в этот период незначительное количество пленных (нетрудоспособных, представителей творческих профессий и пленных работников лагерной администрации) поддерживали функционирование школ и библиотек. Наладившие свою деятельность лагерные библиотеки старались снабжать крупные бригады рабочих книгами и учебниками.

Неработоспособные, оставшиеся в основных лагерях, продолжали повышать свой образовательный уровень, заказывая в благотворительных организациях учебную литературу, книги и программы для сдачи экзаменов на гражданский чин после возвращения в Россию.

Новый всплеск в развитии лагерных школ произошел по инициативе советского представительства в Берлине, которое распространило на лагеря закон об обязательном образовании и финансировало закупку книг и работу учителей [Нагорная 2010, с. 322].

Русские пленные привлекались к принудительному труду во всех сферах немецкой военной экономики. Военнопленные работали в промышленности, в сельском хозяйстве, часть из них прошла обучение новым специальностям. Многие бывшие пленные после возвращения в Россию применяли усвоенные навыки у себя дома.

«Я — сын крестьянина, который имеет землю, но пользы от нея не видит почти. Очень хотелось бы мне в это время приобрести некоторые познания в отрасли сельского хозяйства», — писал пленный лагеря Фридрихсфельд [Книги для русских военнопленных 1917].

Свой «невольный» досуг пленные хотели использовать для самообразования, чтобы, вернувшись на родину, иметь возможность приносить ей пользу. Оказать русским военнопленным такую помощь, которая позволила бы им самостоятельно встать на ноги, старался американский Христианский союз молодых людей (Young Men's Christian Association — YMCA). В организованных союзом школах обучали ремеслам (портняжному, столярному, переплетному). Так, в лагере Вормс пациенты лазарета получили от союза столярные инструменты. В газетах YMCA содержались практические советы по полезному использованию лагерного досуга для изготовления занимательных вещей из бытового мусора: консервных коробок и посылочных ящиков [Нагорная 2010, с. 66].

YMCA стремился скрасить монотонность жизни военнопленных развлечениями. В лагере Вормс пациенты лазарета получили от союза краски, граммофон, настольные игры. В Коттбусе (Cottbus) на протяжении месяца проходил инициированный YMCA шахматный турнир, в котором участвовало около 40 военнопленных и множество зрителей. Во многих лагерях союз оборудовал спортивные площадки и закупил инвентарь для занятий теннисом, футболом, крокетом и борьбой.

Завадский вспоминает, что для лиц, желавших заняться ручным трудом, в лагере Мюнден была оборудована переплетная мастерская:

Работал в ней капитан Гладкевич и его помощник — военный чиновник. Переплетали они хорошо, и, благодаря обилию книг в лагере, они были всегда завалены работой [Забывтая война 2011, с. 103].

В лагере Мюнстер, по воспоминаниям М. Сони́на, проводились экскурсии, устраивавшиеся немцами. Так, пленным показывали опытное поле при агрономической школе [Сонин 1917, с. 106].

В офицерских лагерях сложилась традиция проведения культурных мероприятий, там формировались театральные коллективы, хоры, оркестры. Содержание театральных постановок зависело от наличия в лагерной библиотеке текстов произведений, поэтому репертуар представлений был очень схож. Чаще всего ставили комедийные сюжеты из творчества Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, А.Н. Островского; трагедии на лагерных сценах были редкостью [Нагорная 2010, с. 215].

Как писал Адерсон:

Чтобы отвлечься от сутолоки и тяжелых мыслей, мы устраивали импровизированные концерты, где выступали рассказчики, певцы и танцоры [Адерсон 2010, с. 133].

Как и многие моменты лагерной организации, интенсивность творческой жизни полностью зависела от коменданта. Творческие коллективы пленных являлись частью самоуправления и были подотчетны комитету. Общий доход от продажи билетов на спектакли и концерты шел на оплату декораций, костюмов и инструментов. Благотворительные вечера устраивались в пользу лазаретов, лагерных школ, библиотек и церквей.

Прекрасной иллюстрацией организации в лагере культурных мероприятий и лекций являются воспоминания М.В. Ярославцева:

Образовались у нас помимо церковного и светского хоров оркестр смешанных инструментов и балалаечный. За инструментами ездили офицер и капельмейстер с немецким офицером в Лейпциг. Были также куплены принадлежности для лаун-тенниса, но играющих было мало из-за голода и отсутствия костюмов. Были открыты курсы немецкого, английского и французского языков, бухгалтерии, автомобильного дела и сельскохозяйственные. Устроена была в бараке церковь, для которой я привез иконы из г. Эльбинга. Остальное мы сделали сами. Мастеров нашлось много по всякой специальности. В одном из барakov устроили театр, хорошо обставленный, с декорациями и занавесом работы лагерных художников. Артисты тоже нашлись; ставили драмы, комедии, водевили и даже оперетки. Была установлена небольшая плата для покрытия расходов, и театр в дни представлений бывал переполнен. Наконец, устроили «Казино» с картинами доморощенных художников на стенах, поставили рояль, столики и стулья. Здесь можно было пить слабое белое вино, пиво и есть конфеты. Иногда играл оркестр, выступали солисты и играли в лото.

Начался целый цикл лекций: оккультные — полковника Окатова, на политические темы — полковника Генерального штаба Сорокина и др. Лекции тоже пользовались успехом. Были, впрочем, среди обитателей лагеря и такие, которые целыми днями лежали на кровати или слонялись по двору и не посещали ни лекции, ни курсов. В кантине появились в продаже работы художников, выжигальщиков, выпильщиков, коллекции и т. п. Все это охотно раскупалось [Ярославцев 1924, с. 193–194].

В Гёттингенском лагере (Göttingen) из русских военнопленных был организован хор, музыкальное трио: балалайка, гитара и мандолина [Кокебаева 2012]. В лагере Мюнстер были организованы театр, оркестр балалаечников и солдатский хор. Давались спектакли и концерты для солдат. Одним из культурных мероприятий стал Толстовский день: художниками были нарисованы портреты Л.Н. Толстого, вырезаны его профили; на специально воздвигнутой эстраде прошел концерт, на котором читались отрывки из «Войны и мира» [Сонин 1917, с. 107].

В лагерях оказались востребованными театральные критики, комментировавшие культурные события в лагерных газетах. Именно в этих заметках можно

найти упоминание зрительской реакции на любительские постановки [Нагорная 2010, с. 216]. Очередной подъем творческой активности в лагерях произошел в послереволюционный период, когда значительная часть пленных была отозвана с работ и вновь сконцентрирована в основных лагерях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время много сделано для того, чтобы вернуть Первую мировую войну в историческую память России. В значительной степени реконструирована панорама русской жизни тех лет.

До сих пор не угасает интерес к судьбе российских военнопленных Первой мировой войны. В условиях военного плена многогранная реальность повседневной жизни заключалась и в условиях содержания, и в степени изоляции, и в разнообразных формах самоорганизации пленных, и в отправлении религиозных обрядов и праздников, и в видах лагерного досуга.

Подводя итог, можно отметить, что историками активно изучаются лагерная повседневность, внутренняя иерархия пленного сообщества, досуг, палитра эмоциональных проявлений, образцы восприятия и толкования нового опыта.

В данной статье, не претендующей на полноту освещения вопроса, затронуты лишь некоторые аспекты лагерной повседневности, связанные с книгой и чтением. В их числе процесс обучения языкам и специальным наукам, лагерная пресса, выпускавшаяся пленными, организация и функционирование лагерных библиотек.

Впервые в научный оборот вводятся данные о конкретных книгах, принадлежавших лагерным библиотекам периода Первой мировой войны и хранящихся в настоящее время в фонде Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Данная тема, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении и осмыслении. Одним из нераскрытых вопросов остается вопрос изучения специфики и роли лагерных библиотек для военнопленных как особого типа библиотек. Предстоит воссоздать исторически достоверную картину организации и деятельности лагерных библиотек для военнопленных Российской империи в Германии и Австро-Венгрии в период Первой мировой войны.

Книги из фонда Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, принадлежавшие лагерным библиотекам

Гауф 1919 — Казки Вильгельма Гауффа: з 82-ма малюнками / пересказ з нім. мови М. Харченка, Ф. Супруна, Д. Корзуна та інших; под ред. І. Труби. Ч. 2: Пригоди Саїда; Малий Мук; Альманзор; Злот; Черстве серце. 2-е видання. Катеринослав; Відень: Стежка до дому, 1919 (Wien: тип. J.N. Vernay). 128 с., 82 малюнка. (Дитяча бібліотека; ч. 24). Мягк. пер.

- Грушевский 1917 — *Грушевський М.С.* Якої автономії і федерації хоче Україна. Відень: Союз визволення України, 1917 (друк. Адольфа Гольцгавзена). 22 с.
- Дорошенко 1917 — *Дорошенко В.* Українство в Росії: Новіші часи. Відень: Союз визволення України, 1917 (друк. Адольфа Гольцгавзена). 116 с.: портр. Мягк. пер. (2 экз.)
- Дружинин 1906 — *Дружинин Н.П.* Палаты народных представителей: из кн.: Избиратели и народные представители. М.: Изд. Д.И. Тихомирова, 1906. (типо-лит. Русского Тов-ва). 40 с.: тв. пер.
- Евангелия від Св. Луки 1913 — Евангелия від Св. Луки: Мовою русько-українською. Відень: Виданнє Британського і Заграничного Біблійного Товариства, 1913 (тип. Адольфа Гольцгаузен). 158 с.: мягк. пер.
- Перша читанка 1917 — Перша читанка: видання Просвітнього т-ва імені Бориса Грінченка в таборі Зальцведель: матеріал взятий з читанки О. Білоусенка «Вінок». Зальцведель, 1917 (друк. Союзу Визволення України). 83 с. На фронтисписе портр. Т.Г. Шевченко. На обл. загл.: Матернє слово: Перша читанка: Видання товариства «Просвіта»: тв. пер.

Литература

- Абдрашитов 2003 — *Абдрашитов Э.Е.* Источники личного происхождения по истории российских военнопленных Первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. 22 с. URL: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/31405/753151.pdf?sequence=-1&isAllowed=y> (дата обращения: 20.03.18).
- Адерсон 2010 — *Адерсон Н.М.* Путь русского офицера: записки из германского плена (1914–1918) / [сост. Т.Н. Калиберовой; предисл. В.П. Пака и др.]. Владивосток: Валентин, 2010. 221, [3] с.
- Анастасия Черногорская 2017 — Анастасия Черногорская. URL: <https://nekropole.info/lv/person/view?id=11379984&l=ru> (дата обращения: 20.03.18).
- Бежук 2008 — *Бежук О.* Благодійна діяльність Українського жіночого комітету допомоги пораненим воякам у місті Відні 1914–1918 рр. // Науковий вісник ЛНУВМБТ імені С.З. Гжицького. 2008. Т. 10. № 2 (37), ч. 5. С. 130–135.
- Винниченко 1918 — *Винниченко В.К.* Хома Прядка. Студент: (Оповідання) накладом «Вістника життя». Фрайштадт, 1918 (друк. Союзу визволення України у фрайштадтському таборі). 30 с. (Народня бібліотека; ч. 6).
- Воззвание организации «Украинские женщины Вены» 1933 — Воззвание организации «Украинские женщины Вены» к Международному комитету Красного Креста о помощи Украине. 9 октября 1933 г. URL: <http://istmat.info/node/43612> (дата обращения: 20.03.18).
- Горелик 2010 — *Горелик В.* Украинские солдаты в Германии. URL: <http://neuezeiten.rusverlag.de/2010/07/19/ukrainskie-soldati-v-germanii/> (дата обращения: 20.03.18).
- Забывтая война 2011 — *Забывтая война*: [Сб. ист. лит. произведений / сост., науч. ред. Р.Г. Гаркуев]. М.: Посев, 2011. 460, [2] с.
- Известия книжных магазинов 1915 — Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии и Вестник литературы: историко-литературный и критико-библиографический иллюстрированный ежемесячный журнал. Пг.; М., 1915. № 12.
- Карпук 2015 — *Карпук Д.А.* Деятельность Св. Синода по организации пастырского служения среди русских военнопленных в годы Первой мировой войны // Христианское чтение. 2015. № 6. С. 188–201.
- Кириш 2014 — *Кириш Ю.И.* Под сапогом Вильгельма: из записок рядового военнопленного № 4925, 1914–1918 / Гос. публ. ист. б-ка России. [Печ. по изд. 1925 г.]. М., 2014. 158 с.

- Кириш 1925 — *Кириш Ю.И.* Под сапогом Вильгельма: (из записок рядового военнопленного № 4925): 1914–1918 гг. М.; Л.: Госиздат, 1925. 104 с.
- Книги для русских военнопленных 1917 — Книги для русских военнопленных. URL: <http://personalhistory.ru/papers/00158.htm#t1-3> (дата обращения: 20.03.18).
- Кокебаева 2012 — *Кокебаева Г.К.* Военнопленные стран Антанты в лагерях Германии. URL: http://www.rusnauka.com/25_PNR_2012/Istoria/2_115941.doc.htm (дата обращения: 20.03.18).
- Колоницкий 1996 — *Колоницкий Б.* Берлинская газета «Русский вестник» (1915–1919 гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. науч. трудов / Росс. нац. б-ка; отв. ред. И.И. Фролова. СПб., 1996. Вып. 8. С. 132–143.
- Корсак 1927 — *Корсак В.В.* Плен. Париж: [б. и.], 1927. 238 с.
- Корсак 1928 — *Корсак В.В.* Забытые. Париж: [б. и.], 1928. 131 с.
- Кратц 2001 — *Кратц Г.* Лагерные библиотеки для русских военнопленных в Германии времен Первой мировой войны // Библиотечное дело — 2001: Российские библиотеки в мировом информационном и интеллектуальном пространстве: Тез. докл. 6-й междунар. науч. конф. (Москва, 26–27 апр. 2001 г.): [в 2 ч.]. / Моск. гос. ун-т культуры и искусств, кафедра библиотековедения; сост., науч. ред. и авт. предисл. В.В. Скворцов. М., 2001. Ч. 1. С. 392–393.
- Крисякевич 1916 — *Крисякевич І.* Українське військо: короткий історичний нарис з малюнками. Відень: Союз визволення України, 1916 (друк. Адольфа Гольцгавзена). 24 с.
- Курс географии Европы, 6. г. — Курс географии Европы / авт.-сост. А. Крубер, С. Григорьев, А.Н. Барков, С. Чефранов. М.: [б. и.] (Тип. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко.). VI, [1], 232 с.
- Маленький декляматор 1918 — Маленький декляматор: накладом «Вістника Життя». Фрайштадт, 1918 (друк. Союзу визволення України у фрайштадтському таборі). 64 с. (Народня бібліотека; ч. 7–8).
- Миловский 1995 — *Миловский М.Н.* Письма из немецкого плена / публ. М.В. Миловской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова: Росс. архив, 1995. Т. 6. С. 467–471.
- Нагорная 2008 — *Нагорная О.С.* «Русский народ закончил в этой войне все классы и семинары»: военный плен Первой мировой как процесс обучения // Новое литературное обозрение. 2008. № 93. С. 196–214.
- Нагорная 2010 — *Нагорная О.С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. 422, [2] с.
- Нагорная 2011 — *Нагорная О.С.* Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.): Автореф. дис. ... док. ист. наук. Челябинск, 2011. 42 с.
- Немова 1919 — *Немова К.* Як вести збори: Заходом «Просвітного Відділу Української Військової Місії». Зальцведель: Наклад Української Військової Місії, 1919 (друк. С.В.У.). 40 с. (Бібліотека «Шлях»; ч. 4).
- Остерская 2009–2017 — *Остерская М.* Праздник перевода. URL: <http://what.in.ua/page/prazdnik-revevoda> (дата обращения: 20.03.18).
- Панченко 2016 — *Панченко А.М.* История военных библиотек в контексте развития библиотечного дела России (1802–1917 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2016. 56 с.
- Перша читанка 1918 — Перша читанка: (буквар) для народних шкіл: видане «Української Культурної Ради»: книжка дозволена до ужитку в народних школах розпорядком ц.к. Міністерства Просьвіти з дня 29. листопада 1915. ч. 35.632. / уложили А. Крушельницький, О. Попович, Б. Лепкий; образки О. Кульчицької. Відень, 1918 (із друк. Шарфого у Вецлярі). [80] с.
- Розвага 1916 — «Розвага»: ілюстрований календар на р.р. 1916 і 1917: (календар на рік 1916 на початку книжки на 1917, на кінці книжки): памятна книжка полонених

- українців: видання української таборової організації в Фрайштадті. Фрайштадт: Заходом «Видавничого товариства ім. Івана Франка», 1916 (таборова друк. «Союза визволення України»). 344 с.
- Рубанова 2015 — *Рубанова Т.Д.* Библиотеки для раненых воинов и военнопленных в годы Первой мировой войны // *Библиотекосведение*. 2015. № 6. С. 98–106.
- Русский вестник 1915–1918 — *Русский вестник = Russischer bote*: [газ. для рус. военнопленных в Германии] / ред.-изд. М.В. Мейер. Берлин, 1915. 4 дек. — 1918. 16 нояб. Загл. парал. нем. Выходит 2 раза в неделю, с 1918 — 3 раза в неделю. Загл. с 1918, 19 нояб. (№ 1/363): *Русский социалист*.
- Сенявская 2013 — *Сенявская Е.С.* Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // *Вестник РУДН. Сер. История*. 2013. № 1. С. 64–83.
- Сергеев 1996 — *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 1996. № 4. С. 65–78.
- Симонова 2006 — *Симонова Т.М.* Русские в германском и австрийском плену в период Первой мировой войны. URL: http://www.srcc.msu.su/bib_roc/jmp/06/05-06/09.htm (дата обращения: 20.03.18).
- Синежупанец 1919 — *Синежупанец М.* Гостинці: Збірка фейлетонів: Заходом «Просвітнього Відділу Української Військової Місії». Зальцведель: Наклад Української Військової Місії, 1919 (друк. С.В.У.). 88 с. (Бібліотека «Шлях»; ч. 5).
- Сонин 1917 — *Сонин М.* В германском плену: (по личным наблюдениям) // *Русские записки*. Пг., 1917. № 1. Янв. С. 51–69; № 2/3. Февр.–март. С. 92–113.
- Степовик 2016 — *Степовик Д.* Пантелеймон Кулиш и первый полный перевод Библии на украинский литературный язык. URL: <http://day.kyiv.ua/ru/article/istoriya-i-ya/nashput-k-slovu-zhizni> (дата обращения: 20.03.18).
- Таточенко 2011 — *Таточенко В.В.* Вклад популяризатора юридических знаний Н.П. Дружинина в гражданско-правовое воспитание населения Ярославской губернии в конце XIX — начале XX века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки*. Архангельск, 2011. № 3. С. 39–42.
- Фишман 2014 — *Фишман В.П.* В стане врага. Пленные Первой мировой войны. URL: http://www.rg-rb.de/index.php?id=14340&option=com_rg&task=item (дата обращения: 20.03.18).
- 4-я Гаагская Конвенция 1907 — 4-я Гаагская Конвенция от 18 октября 1907 года: О законах и обычаях войны. URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml> (дата обращения: 20.03.18).
- Цегельський 1916 — *Цегельський Л.* Русь-Україна а Московщина-Россія: Исторично-політична розвідка. 2-е вид., перероблене. Царгород: Союз визволення України, 1916. 123 с.
- Цимбала 2017 — *Цимбала О.С.* Громадська та наукова діяльність Миколи Голубця (1891–1942): дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Львів, 2017. 309 с.
- Ярославцев 1924 — *Ярославцев М.В.* В немецком плену во время революции // *На чужой стороне: историко-литературные сборники*. Прага: Пламя, 1924. Сб. 7. С. 187–199.
- Haessler 1940 — *Haessler R.* Das Nachrichten- und Pressewesen der feindlichen Kriegsgefangenen in Deutschland. Berlin: Hiehold, 1940. 141 S.

Ю.В. Матвеева

РАЗМЫШЛЯЯ НАД «ВОЗВРАЩЕНИЕМ»
ПИСАТЕЛЯ БОРИСА ШИРЯЕВА*

Имя писателя второй волны эмиграции Бориса Николаевича Ширяева (1889–1959) вошло в российский читательский обиход в самом начале 1990-х гг., когда журнал «Наш современник» впервые напечатал его документально-очерковую книгу «Неугасимая лампада» [Ширяев 1991]. «Последний монастырь», «первый советский концлагерь» — тема для того времени острая, попадающая в мейн-стрим самых волнующих сюжетов эпохи перестройки. Книга, написанная в сказовой манере, нарочито нездешним для постсоветского читателя слогом, влилась в быстро набирающий скорость поток «лагерной прозы», была несколько раз переиздана. Имя автора запомнилось, но так и осталось безвестным на долгие годы.

Однако закон исторической и культурной памяти действует непреложно: что написано пером, того не вырубишь топором, «рукописи не горят», все тайное и запретное становится явным и вполне легальным. Вышел из тени вслед за многими и многими представителями российской словесности XX в. и прозаик Б.Н. Ширяев. Можно сказать, что 2016 г. стал годом его полноценной легализации в России: после неоднократно переизданной в разные годы «Неугасимой лампады» (1991, 2003, 2008, 2010, 2012, 2014), после очерково-автобиографических книг «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол» [Ширяев 2007] и «Италия без Колизея» [Ширяев 2014] сразу в двух издательствах («Полиграф» и «Алетейя») вышли две большие книги — «Кудеяров дуб: Повести и рассказы» [Ширяев 2016б] и «Бриллианты и булыжники: статьи о русской литературе» [Ширяев 2016а]. Составители и редакторы обеих — А.Г. Власенко и М.Г. Талалай. Но и это не все: в 2017 г. появилась ими же составленная еще одна книга Ширяева — собрание очерков на историческую тему «Люди земли Русской. Статьи о русской истории» (СПб.: Алетейя) [Ширяев 2017].

Если учесть, что М.Г. Талалай уже выступил в качестве редактора и составителя книг «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол» и «Италия без Колизея», становится очевидно, что перед нами издательский и научный проект, претендующий на то, чтобы заполнить пустующую клеточку в литературной таблице Менделеева России XX столетия. И это само по себе не могло бы не радовать каждого, кто стремится разгадать прошлое по следам его духовной истории. Однако, даже впервые увидев изданные в России XXI в. книги Б. Ширяева, невольно замираешь.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-21-07002-ОГН «Человек советский» в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI веков».

Замираешь как человек, у которого с Великой Отечественной войной неизбежно связана своя трагическая семейно-родовая прапамять, как читатель, ожидания которого сформированы без преувеличения замечательной военной литературой советского производства, как филолог, не могущий подыскать единственно правильного ответа на этот вызов времени.

Конечно, и составителям вышеупомянутых книг, и авторам предисловий двух из них — В.А. Акимову и Н. Казанцеву — факт «возвращения» литературного наследия Б. Ширяева видится в свете созидательном и позитивном: вернулось то, что «долгое время, почти полвека, вообще не учитывалось, и даже отторгалось априори в России» [Акимов 2016, с. 5]. Причина — вполне ясна, ведь Б. Ширяев принадлежит ко второй волне эмиграции, интерес к которой только-только формируется в российском обществе. И вот наконец «стали открываться контуры» его «прикровенной биографии» [Талалай 2007, с. 5], пришло время «читателю-россиянину <...> открыть творчество Ширяева» [Власенко, Талалай 2016, с. 430].

Все три книги действительно сделаны с искренним желанием собрать и полностью донести наследие Б. Ширяева до современного российского читателя. Одна из них («Кудеяров дуб: Повести и рассказы») впервые воплощает заветный замысел писателя — сложить из пяти написанных во второй половине 1940-х — 1950-е гг. повестей своеобразную историю русской, а потом и «подсоветской»¹ жизни, начиная с дореволюционных времен и заканчивая Второй мировой («Последний барин», «Ванька-Вьюга», «Овечья лужа», «Кудеяров дуб», «Хорунжий Вакуленко»). Вторая книга («Бриллианты и булыжники: статьи о русской литературе») представляет собой скрупулезно собранную из периодических изданий послевоенного русского зарубежья подборку литературно-критических статей Ширяева, посвященных русской литературе золотого и Серебряного веков, советской и эмигрантской. Третья книга («Люди земли Русской. Статьи о русской истории») также предлагает републикацию рассеянных по разным эмигрантским источникам очерков Ширяева, объединенных исторической проблематикой.

Условной вершиной в раскрытии Ширяева-писателя, эмигранта, мыслителя можно, по-видимому, назвать книгу «Бриллианты и булыжники: статьи о русской литературе», тем более что под ее обложкой представлены не только статьи самого Ширяева, но и критические отзывы о нем других литераторов (Н. Чухнова, В. Рудинского, М. Бойкова, Л. Норд). В библиографической части собраны и систематизированы все опубликованные тексты Ширяева эмигрантского периода, а затем — его посмертные публикации. В особый раздел объединены короткие справки о тех литераторах-эмигрантах, которые были упомянуты в статьях и заметках Ширяева. В книге использованы также фотографии периодических изданий, в которых Ширяев печатался, о которых писал и размышлял, фотографии изданных в зарубежье произведений, на которые он откликался. Этот справочно-библиографический ресурс издания нельзя не отметить и не рекомендовать воспользоваться им при изучении наследия второй волны русской эмиграции XX столетия.

---

¹ Именно такое определение чаще всего применяет Б. Ширяев, говоря о жизни в СССР, в своих эссе, критических заметках, художественных произведениях.

Казалось бы, весь этот громадный и совершенно новый для российского читателя материал должен удивить — и объемом, и прояснением многих, весьма непростых вопросов. Вместо этого возникает сложное чувство: количество материала, его новизна доказывают безусловную историко-литературную ценность всех изданных М.Г. Талалаем и А.Г. Власенко книг Ширяева, но вот комментарии и статьи редакторов-составителей по меньшей мере обескураживают. Словно нашу историю нам показывают в кривом зеркале, где начинает действовать набоковский оптический закон неток, когда искривленная поверхность предмета отражается искривленной же поверхностью зеркала так, что предмет получается цельным и прекрасным. Таким вот цельным и прекрасным получается, со слов М.Г. Талалая и А.Г. Власенко, творчество Б. Ширяева, человека, активно сотрудничавшего с немцами во время оккупации, редактировавшего не одну газету на занятых ими территориях, получившего чин капитана Русской освободительной армии генерала Власова, присоединившегося впоследствии к казачьему корпусу атамана Т.И. Доманова на севере Италии и никогда, по-видимому, не пожалевшего об этих страницах своей биографии.

Что это значит и какую тень отбрасывают подобные факты биографии, догадаться нетрудно. Сошлемся на известную книгу воспоминаний В.А. Пирожковой «Потерянное поколение: воспоминания о детстве и юности» [Пирожкова 1998], на опубликованные О.В. Будницким и Г.С. Зелениной документальные свидетельства других людей, имевших аналогичный опыт: «Дневник коллаборантки» Л. Осиповой (О. Поляковой) и воспоминания «Гражданская жизнь под немецкой оккупацией, 1942–1944» В. Самарина (Соколова) [Свершилось... 2014], сошлемся на многочисленные факты и свидетельства, собранные в научных трудах, посвященных изучению быта и психологии людей на оккупированной немцами советской территории².

Нельзя отрицать, что у Ширяева для коллаборационизма были свои резоны, был свой очень и очень нелегкий жизненный путь, включавший Белое движение, соловецкую каторгу, скитания по советским окраинам, но все это требует особых комментариев, оговорок и больших, серьезных пояснений. Пояснения же, которые дают М.Г. Талалай, А.Г. Власенко, В.А. Акимов и Н. Казанцев, не искажают правду, но искусно маскируют ее под героикку, корректно выпуская все «невыгодные» моменты биографии «проблемного» писателя, подсвечивая коллаборантское хождение по мукам ореолом идеализма и почти что праведничества. Российский читатель начала XXI в., заранее готовый сочувственно воспринять все, что было гонимо большевистской властью, должен отнестись с положенным пиететом ко всему написанному «бывшим соловецким каторжником», «изгнанником» и «жертвой ушедшего века» [Талалай 2007, с. 6], должен заранее, не требуя доказательств, проникнуться доверием к бежавшему от «сталинских карателей» [Талалай 2016, с. 5] русскому писателю, который виновен лишь в том, что исповедовал идею народной монархии, христианской веры и национальных корней. Приведем

---

² См., например: [Ковалев 2011].

в качестве примера фрагмент вступительной статьи, написанной М.Г. Талалаем, где упомянуто военное прошлое Б. Ширяева:

«Приход немцев Ширяев расценил как возможность легальной борьбы с большевизмом: он становится редактором ставропольской газеты “Утро Кавказа” (“Ставропольское слово”), а затем симферопольской газеты “Голос Крыма”. Он ведет широкую социальную работу, добиваясь освобождения ряда военнопленных и помогая многим соотечественникам, иногда даже рискуя своим положением. Позднее этот драматический опыт отразился в романе “Кудеяров дуб” (1958), где поднимается большая проблема судьбы русского патриота, ради пользы своего народа готового сотрудничать с немцами.

С наступлением Красной армии литератор уезжает в Берлин, а оттуда — в Белград, где в 1944 г. провел несколько месяцев. В феврале 1945 г. вместе со своей семьей он через Германию переправляется в Италию...» [Талалай 2007, с. 8].

То же самое читаем в предисловии к книге «Кудеяров дуб: Повести и рассказы», только «борьба с большевизмом» заменена более радикальным, более убедительным словосочетанием — «борьбой со сталинизмом» [Талалай 2016, с. 11].

В книге «Бриллианты и булыжники» биография писателя уже и вовсе сведена к перечислению тех социальных ниш, тех социально-политических статусов, которые он на протяжении жизни последовательно менял. Война здесь зашифрована в одной лишь фразе: «редактор нескольких газет на оккупированном немцами Юге России, а также в Казачьем Стане на Севере Италии» [Власенко, Талалай 2016, с. 430].

Несколько подробнее, с точным перечислением дат, должностей, чинов, имен и географических названий рассказывает о жизни Б. Ширяева автор предисловия к книге «Люди земли Русской. Статьи о русской истории» Н. Казанцев, нынешний редактор газеты «Наша страна».

Однако о самой оккупации, о страшной, порой трагически неразрешимой двойственности положения, в которое попали оказавшиеся в плену или на оккупированных территориях противники Сталина, большевиков и советской власти, нигде нет ни слова. Но ведь в этом все дело. Многих представителей второй волны мука разногласия с самим собой, мука беспокойной совести преследовала очень долго — случай Л. Ржевского, например. У многих было отчетливое понимание ужаса фашизма, самой сути Второй мировой войны, как, скажем, у И. Елагина. У Б. Ширяева ничего подобного нет. В отличие от большинства писателей, вышедших из эмиграции ди-пи, он, по-видимому, почти не скрывал своего коллаборантского прошлого, как не скрывал, несмотря на эпизодическое использование псевдонимов, и своей подлинной фамилии.

Общеобязательное для культурного и политического климата послевоенного десятилетия осуждение фашизма, конечно, проступает в его послевоенной публицистике и литературной критике: в одной статье с сочувствием цитируется стихотворение «коммуниста Симонова» «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» [Ширяев 2016а, с. 82], в другой — Сталинградская битва уподобляется обороне Севастополя, воссозданной Толстым [Там же, с. 102], и весьма велеречиво признается, что «в 1941 году, в смертельной схватке с поработителем <...>

исторический путь русского народа временно слился со стремлением к самозащите его кремлевских насильников» [Там же].

Однако в это же самое время Б. Ширяев создает целый ряд произведений, которые не оставляют сомнений в коллаборационистских взглядах писателя. Пожалуй, самое откровенное из них, непосредственно связанное с биографией Ширяева, — повесть «Кудеяров дуб». Здесь все иначе: «усталые женщины» несут свои крынки, а также хлеб-соль, водку, мед, сметану и сало вовсе не отступающим русским солдатам, но пришедшим завоевателям Третьего рейха, причем несут с радостью и надеждой. Ни о какой «смертельной схватке с поработителем» нет и помину, а всюду — с этим самым «поработителем» редкостное согласие мирного населения: бывшие коммунисты и комсомольцы сами идут в немецкую комендатуру искать для себя работу, директор школы становится начальником полиции, а доктор-еврей (!) соглашается возглавить при новой нацистской власти городское здравоохранение, ведь немцы-оккупанты гуманны и вообще сусально-прекрасны. Зверства, которые присутствуют на страницах повести, — лишь зверства НКВД в недавнем прошлом, в то время как установленная немцами на центральной площади виселица — по контрасту — всегда пустует. Главный герой Всеволод Брянцев с приходом немцев переживает свое духовное возрождение. Подлинными героями представлены все расправившие при немцах плечи и поднявшие голову дезертиры, двурушники и откровенные трусы. С точки зрения художественной повести не выдерживает критики — ее герои, сюжетное построение, язык производят впечатление тенденциозной схемы, полной и непоправимой ходульности³.

Эту нравственную и эстетическую ущербность «военной» прозы Ширяева замечает автор статьи «Любовь и ненависть Бориса Ширяева» А.М. Любомудров [Любомудров 2016], но совершенно не видят М.Г. Талалай и А.Г. Власенко. Они как будто полностью солидаризируются с Б. Ширяевым: каратели, зло, насилие существуют только со стороны советской. Все, кто ей противостоит, заведомо оправданы, и ничего, что они какое-то время сознательно поддерживали нацизм. Что же касается оценки Ширяева как писателя, — она зафиксирована лишь в восхищенных выражениях: «замечательная книга» [Власенко, Талалай 2016, с. 430], «легкость пера, юмор, ирония...» [Талалай 2016, с. 5], «как Гоголь в Риме...» [Талалай 2007, с. 8]. Но... «нет величия там, где нет простоты, добра и правды», это давно известно, а с правдой и в прозе Ширяева, и в критических очерках, сопровождающих его изданные на родине книги, не все благополучно.

Правда была у Ширяева в его «Неугасимой лампаде», не случайно именно эта книга задела души российских читателей начала 1990-х гг., не случайно именно ее выпустило «Издательство имени Чехова» в 1954 г. Во всех других произведениях писателя правду найти, увы, нелегко. По-видимому, сознавали это чуткие и много знавшие представители первой русской эмиграции, относившиеся к Ширяеву весьма и весьма осторожно, так и не обеспечившие ему «хорошей прессы»⁴.

---

³ См. об этом подробнее: [Матвеева 2016].

⁴ В своей статье о Б. Ширяеве Н. Чухнов с сожалением констатирует, что писатель, как говорят французы, «не имеет хорошей прессы» (см.: [Чухнов 2016, с. 410]).

В свою очередь, и многие литературно-критические заметки Ширияева содержат сетования на так называемых старых эмигрантов, которые обвиняются им в консерватизме, незнании современной русско-советской реальности, приверженности левым настроениям, чрезмерной щепетильности. В «Новый журнал», жалуется писатель, доступ «возможен лишь по предъявлении или свидетельства о демократической или социалистической благонадежности» [Ширияев 2016а, с. 239]. Однако речь идет, по-видимому, вовсе не о бумажных свидетельствах и справках, а просто о личной репутации, о том, что обычно называют рукопожатностью, степенью гражданского доверия.

Подводя итог этим коротким заметкам, хочется еще раз подчеркнуть, что знать о писателе Б. Ширияеве, конечно, нужно. Необходимо учитывать его точку зрения, его произведения, его присутствие в русском историко-литературном процессе XX столетия. Не стоит только его «выгораживать» и покрывать позолотой, ведь писатель Б. Ширияев интересен со своими сильными и слабыми сторонами, со своими упованиями и заблуждениями как свидетель и участник истории, как фигура в какой-то мере характерная для своего времени. И если уж пытаться восстановить правду его жизни, а «личная жизнь каждого писателя, — как сам он считал, — неразрывно связана с его творчеством» [Ширияев 2016а, с. 118], то следующий «том» сочинений Б. Ширияева должен содержать статьи, написанные им и в советских газетах 1930-х гг., и в «поднемецких», «подгитлеровских»⁵ газетах периода оккупации, а затем — периода отступления с немцами. И это не просто слова, ибо работа по изучению оккупационного периода литературно-публицистической деятельности Ширияева, по сути дела, уже начата историком С.Б. Филимоновым [Филимонов 2011; 2012]. Рассмотрев публикации Ширияева в таких газетах, как «Утро Кавказа», «Мелитопольский край», «Голос Крыма», отыскав заметку о поездке Ширияева в числе восемнадцати представителей прессы в Германию, откуда все они вернулись ревностными поклонниками генерала А.А. Власова и офицерами РОА, С.Б. Филимонов делает однозначный вывод о невозможности рассматривать Ширияева вне истории российского коллаборационизма.

Что же касается прозы Б. Ширияева — как беллетристической, так и очерково-автобиографической, — она, безусловно, нуждается в историко-литературных или даже просто в исторических комментариях и только в их контексте может быть по-настоящему прочитана.

Литература

- Акимов 2016 — *Акимов В.М.* Предисловие // Ширияев Б.Н. Бриллианты и бульжники: статьи о русской литературе. СПб.: Алетейя, 2016. С. 5–7.
- Власенко, Талалай 2016 — *Власенко А. Талалай М.* От составителей // Ширияев Б.Н. Бриллианты и бульжники: статьи о русской литературе. СПб.: Алетейя, 2016. С. 430–434.
- Ковалев 2011 — *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 656 с.

---

⁵ Граждан СССР Ширияев в своих текстах называет «подсоветскими» людьми. Слова образованы по аналогии.

- Любомудров 2016 — Любомудров А.М. Любовь и ненависть Бориса Ширяева // Ширяев Б.Н. Кудеяров дуб: Повести и рассказы. СПб.: ООО «Полиграф», 2016. С. 692—718.
- Матвеева 2016 — Матвеева Ю.В. Вторая мировая война в литературном восприятии трех волн русской эмиграции // Quaestio Rossica. 2016. № 2. С. 137—158.
- Пирожкова 1998 — Пирожкова В.А. Потерянное поколение: воспоминания о детстве и юности. СПб.: Журнал «Нева», 1998. 222 с.
- Свершилось... 2014 — «Свершилось. Пришли немцы!»: Идеальный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / сост. и авт. вступ. ст. и примеч. О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина. М.: РОССПЭН, 2014. 328 с.
- Талалай 2016 — Талалай М.Г. Предисловие // Ширяев Б.Н. Кудеяров дуб: Повести и рассказы. СПб.: ООО «Полиграф», 2016. С. 5—11.
- Талалай 2007 — Талалай М.Г. Итальянский кукольник, он же русский изгнанник // Ширяев Б.Н. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. СПб.: Алетейя, 2007. С. 5—10.
- Филимонов 2011 — Филимонов С.Б. Борис Ширяев в оккупированном Крыму: новые материалы в годы Великой Отечественной войны // Проблемы национальной безопасности России в XX—XXI вв.: уроки истории и вызовы современности: к 70-летию начала Великой Отечественной войны: Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Краснодар, 2011. С. 360—363.
- Филимонов 2012 — Филимонов С.Б. Запретно-забытые страницы истории Крыма. Поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Н. Орианда, 2012. 151 с.
- Чухнов 2016 — Чухнов Н. Замалчиваемый писатель // Ширяев Б.Н. Бриллианты и булыжники: статьи о русской литературе. СПб.: Алетейя, 2016. С. 410—413.
- Ширяев 1991 — Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада // Наш современник. 1991. № 4. С. 134—146; № 5. С. 139—159.
- Ширяев 2007 — Ширяев Б.Н. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. СПб.: Алетейя, 2007. 260 с.
- Ширяев 2014 — Ширяев Б.Н. Италия без Колизея. СПб.: Алетейя, 2014. 144 с.
- Ширяев 2016а — Ширяев Б.Н. Бриллианты и булыжники: статьи о русской литературе. СПб.: Алетейя, 2016. 520 с.
- Ширяев 2016б — Ширяев Б.Н. Кудеяров дуб: Повести и рассказы. СПб.: ООО «Полиграф», 2016. 720 с.
- Ширяев 2017 — Ширяев Б.Н. Люди земли Русской: Статьи о русской истории. СПб.: Алетейя, 2017. 512 с.

«ТАМ» НАШИ УСИЛИЯ НЕ ОСТАЮТСЯ ТЩЕТНЫМИ
И ПРИНИМАЮТСЯ С ВЕЛИЧАЙШИМ ВНИМАНИЕМ»
(ПЯТЬ ПИСЕМ ИЗ ПЕРЕПИСКИ РЕДАКТОРОВ
АЛЬМАНАХОВ «МОСТЫ» И «ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ»)

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья
и комментарии П. Трибунского и В. Хазана*

Изучение истории послевоенной эмигрантской периодики и издательских центров немисливо без обращения к таким известным именам, как Геннадий Андреевич Хомяков (псевдонимы: Г. Андреев, Н. Отрадин; 1906–1984) и Роман Николаевич Гринберг (1896–1969), и описания их продуктивной деятельности в качестве редакторов, издателей (эти роли в их случае временами сливались в одну) и — что предполагал в эмиграции данный статус — ярких общественных фигур.

Издательско-редакторская деятельность Г.А. Хомякова началась после Второй мировой войны и была связана в основном с политическими процессами в среде послевоенной эмиграции в Германии: в бытность в рядах Народно-трудового союза российских солидаристов (далее — НТС) он был заместителем редактора издательства «Посев», членом редколлегии журнала «Грани», в годы работы в Центральном объединении политических эмигрантов из СССР (далее — ЦОПЭ) — главным редактором альманаха «Мосты» (с 1962). Последний был создан ЦОПЭ как «тамиздатовский» проект. Такую же функцию выполняло организованное в 1959 г. издательство «Товарищество зарубежных писателей» (далее — ТЗП), среди учредителей которого был и Хомяков. Прекращение финансирования и деятельности ЦОПЭ с 30 июня 1963 г. и, соответственно, «Мостов» (к печати готовилась 10-я книжка) сподвигло Хомякова заняться самостоятельным сбором средств на издание альманаха, продолжавшего выходить до 1970 г. Перебравшись в США, Хомяков вошел в редколлегию «Нового журнала» (1975–1977), в 1980–1981 гг. был редактором журнала «Русское возрождение». Разойдясь с соратниками по «Русскому возрождению», с 1982 г. начал подготовительные работы по созданию журнала «Русские записки», — проекту, который остался нереализованным.

Другой корреспондент, Р.Н. Гринберг, деля свое время и жизненную энергию между биржей и литературой, и там и там сумел добиться ощутимых результатов. Но в истории послевоенной эмиграции он известен прежде всего по редакторско-издательской деятельности: в 1953–1954 гг. (вместе с В.Л. Пастуховым) редактировал первые три номера журнала «Опыты», основанного известной меценаткой М.С. Цетлиной, а впоследствии — в силу независимого характера, самостоятельности суждений

и не в последнюю очередь диктовавших все это финансовых возможностей — решил основать собственное «дело» в виде альманаха «Воздушные пути» (1960–1967; свет увидели пять выпусков).

Принадлежа к двум разным волнам эмиграции, Гринберг и Хомяков вместе с тем в одинаковой степени проявляли пристальный интерес к произведениям, написанным в СССР, но немислимым появиться там и проникавшим на Запад из-за «железного занавеса». Так, в частности, оба приложили руку к нарушению заговора молчания вокруг подцензурных текстов А.А. Ахматовой: в 1963 г. в ТЗП отдельной книгой вышел «Реквием» (с благодарности Гринберга за присланный ему экземпляр начинается публикуемая ниже переписка), позже — ряд произведений поэтессы, ее портреты, да и вообще ахматовская тема довольно обильно представлена в «Воздушных путях».

История выхода в свет обсуждаемого в первых двух публикуемых письмах ахматовского «Реквиема» сегодня хорошо известна. Текст поэмы Хомякову передал Г.П. Струве, который в свою очередь получил его от Ю.Г. Оксмана через американскую славистку Кэтрин Б. Фойер (Kathryn B. Feuer), писавшую диссертацию о «Войне и мире» Л.Н. Толстого и побывавшую в СССР в начале 1963 г., вскоре после вступившего в силу соглашения о научном обмене между США и Советским Союзом. Как это все происходило, подробно описано в воспоминаниях мужа К. Фойер Льюиса С. Фойера (Lewis S. Feuer), профессора философии и социологии Калифорнийского университета в Беркли:

Глеб Петрович <Струве> предупредил заранее Юлиана Григорьевича <Оксмана>, что к нему пойдет молодая дама, филолог, и выразил надежду, что Оксману будет приятно поговорить с ней о литературе. Кэтрин позвонила Оксману и отправилась к нему домой. <...> Кэтрин рассказала о своей работе над Толстым, и он одобрил и поддержал планы, которые она обрисовала. Кэтрин сразу же поняла, что перед ней большой ученый, глубоко знающий и чувствующий русскую литературу. Позднее Оксман подарил Кэтрин машинописную копию ахматовского «Реквиема». Той весной 1963 г. они несколько раз подолгу обсуждали литературные и теоретические вопросы; Оксман много рассказывал о годах заключения и ссылки. <...> Кэтрин тогда уже решила нелегкую задачу: как переправить в Америку бесценную копию ахматовской поэмы. К счастью, она вспомнила, что ее бывший однокашник по учебе в Русском институте Колумбийского университета стал сотрудником Госдепартамента и служил в американском посольстве в Москве. Он был литературоведом, но хорошо разбирался и в политических делах. Конечно, я как ученый, приехавший по обмену в АН СССР, мог отправлять свои письма с дипломатической почтой, но бывший соученик Кэтрин любезно предложил свое содействие в том, чтобы послать новую поэму Ахматовой по еще более надежному каналу. Кэтрин запечатала «Реквием» в конверт и адресовала письмо Глебу Струве в Беркли. Так, под защитой дипломатической неприкосновен-

ности, поэма попала в Соединенные Штаты, где Струве включил ее текст в собрание сочинений Ахматовой [Фойер 1994, с. 348–349]¹.

У Струве текст «Реквиема» оказался в мае 1963 г. Впервые о наличии в его руках литературного материала «первоклассного интереса и ценности» без указания автора и названия Струве сообщил Хомякову в письме от 6 июля 1963 г. Струве обговорил с Хомяковым вопрос о публикации, опять-таки не называя имени автора, при личной встрече в Мюнхене в конце сентября 1963 г. По выяснении условий издания Струве выслал текст «Реквиема» А.А. Ахматовой при письме от 17 октября 1963 г., оказавшемся у Хомякова 21 октября. 27 ноября Хомякову из типографии были доставлены первые 400 экземпляров, полный тираж поэмы, выпущенный без ведома автора, составил 1200 экземпляров². Издание оплатил Струве, о чем просил Хомякова не распространяться, как и вообще держать этот проект в тайне. После издания поэмы на Западе она ожидала своего выхода на родине автора еще 24 года (Октябрь. 1987. № 3. С. 130–135; Нева. 1987. № 6. С. 74–79).

В первых двух книжках «Воздушных путей» (1960 и 1961) Гринбергом были напечатаны разные редакции «Поэмы без героя» [Ахматова 1960; 1961]. Во 2-м выпуске, кроме новой редакции «Поэмы без героя», была напечатана нотная партитура сочиненной к ней музыки А.С. Лурье [Лурье 1961], а также посвященные Ахматовой заметки Б.А. Филиппова [Филиппов 1961]. В 3-м выпуске появились два ахматовских стихотворения: первое — «Нас четверо» (1961 — из цикла «Комаровские кроки»), обращенное к памяти О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака и М.И. Цветаевой, и второе — «Невидимка, двойник, пересмешник...» (1940), поздний ответ на цветаевские стихи-посвящения Ахматовой [Ахматова 1963б; 1963в]. В том же выпуске содержался раздел «Стихи разных лет, посвященные Анне Ахматовой», включающий поэтические тексты Н.С. Гумилева, В.К. Шилейко, Б.В. Анрепа, В. Хлебникова и О.Э. Мандельштама [Стихи 1961]; сам Р. Гринберг, скрывшийся за псевдонимом Эрге, опубликовал очерк «Читая “Поэму”» [Гринберг 1963], кроме того, здесь была помещена знаменитая графическая миниатюра А. Модильяни, изображившего Ахматову (1911). В 4-й выпуск альманаха вошли ахматовские воспоминания об авторе этого рисунка и О.Э. Мандельштаме³ [Ахматова 1965а; 1965б], а

¹ Данные воспоминания включены в блок материалов, придающих им контекстно-историческую рамку [Еще раз о «деле» Оксмана 1994]. См. также фрагмент из письма Г.П. Струве Р.Н. Гринбергу от 4 января 1965 г. о получении текста «Реквиема» и принятии решения печатать его [Тименчик 2014, с. 351].

² Г.П. Струве — Г.А. Хомякову, 6 июля 1963 г. // Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы; Г.А. Хомяков — Г.П. Струве, 21 октября, 28 ноября 1963 г. // НИА. G.P. Struve papers. Box 95, folder 11; [Струве 1969, с. 23].

³ Заметим, однако, что сама А.А. Ахматова, как это следует из записи Ю.Г. Оксмана от 27 июня 1965 г., «с отвращением» говорила «об издателе “Воздушных путей” Гринберге. Он бес тактно напечатал черновой вариант ее воспоминаний о Мандельштаме, где раскрыты полно-

5-й знакомил с мемуарным очерком Г.В. Адамовича «Мои встречи с Анной Ахматовой» [Адамович 1967]. Во 2-м и 4-м выпусках имеются фотопортреты Анны Андреевны.

Для Гринберга публикация «Поэмы без героя» явилась не просто крупной редакторской удачей («украшение альманаха», как он определяет ее в письме к Г.В. Адамовичу от 5 августа 1959 г.), но, вероятно, чем-то гораздо большим: в своем роде политическим и литературным оправданием самой идеи издания «Воздушных путей», где ахматовский текст, обреченный в родном отечестве на изустное хождение или в случае связи с печатным станком — на расколотость и фрагментарность, мог появиться в целостном виде и тем самым обрести иное — поэнное — художественное качество.

А поэма ААА — настоящее золото, — аттестовал Гринберг «Поэму» в упомянутом письме Адамовичу. — Каждое слово — кусок этого настоящего металла. Ничего такого не читал за годы, годы. Писалась поэма в 1940/43 гг. в Ленинграде — Ташкенте — Москве. Ахм<атова> пишет: «Работу над поэмой я продолжала и после возвращения в Ленинград, т. е. 1 июня 1944 г.»

Это должно быть событием, вернее, станет событием в нашей жизни, если хоть немного понимаю, в чем дело. Правда, русский эмигрант как-то совсем не любопытен ко всему, что «не политическое». Но и этот оттенок есть, хотя раздувать его не хотелось бы по причине хорошо понятной, 30 страниц гениальных строчек о гневе, мести, страданиях трех человек, среди которых Вы узнаете всех троих [«Если чудо вообще возможно за границей...» 2008, с. 396].

И Гринберг, и Хомяков явились страстными поборниками и пропагандистами антикоммунистической идеологии, что отразилось в их главных издательских проектах: как тот, так и другой стремились познакомить советского читателя с текущим литературным процессом в русском зарубежье и были захвачены поиском литературных раритетов, созданных в СССР, которые, однако, не могли по известным причинам появиться там и потому, попадая на Запад и печатаясь в эмигрантских изданиях, обретали свое законное место в русской литературе. Подчиняясь этой генеральной издательской стратегии, оба альманаха, кроме того, выполняли крайне существенную задачу, связывая между собой два лагеря эмиграции — старой и новой, довоенной и т. н. дипишников — людей, попавших на Запад в ходе Второй мировой войны. Это был неизбежный процесс прилаживания друг к другу разных беженских потоков, отличавшихся между собой возрастными, а нередко и мировоззренческими характеристиками, обладавших политическим и культурным опытом, сформировавшихся в разных жизненных условиях и обстоятельствах, имевших несходные со-

---

стью некоторые фамилии — например, Маруся Петровых, где Эльза Триоле третируется как «Трилешка» [«Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...» 1990, с. 565].

циальные статусы и пр. Нельзя не солидаризоваться с мнением современного исследователя, который пишет:

«Мосты» были задуманы и стали наводиться в условиях, имевших мало общего с предвоенным временем, с литературной активностью первой русской эмиграции. К концу 1950-х годов основная часть литераторов первой волны уже не определяла журнальной политики, многочисленной и свежей была волна вторая, военные беженцы и «перемещенные лица», «ди-пи» (displaced persons), как называли их в изгнании. Но эти новые изгнанники резко отличались от старых: интеллигенции здесь было мало, да и была она новой формации, не было среди них громких и общепризнанных имен <...>. Если эмигранты 20–30-х годов видели свою миссию в сохранении и развитии русской культуры, то в конце 1950-х стало ясно, что, несмотря ни на что, культура в Советском Союзе не уничтожена и наведение мостов с литературными силами за железным занавесом сулит альманаху значительное оживление [Толстой 1993, с. 156–157].

Для изгнаннической культуры оказалось чрезвычайно важно устранение внутри самой себя тех разграничений и демаркаций, которые возникали по объективно-историческим, а нередко по субъективным причинам, и обретение некоей необходимой целостности, без разделения на эмигрантов-«старожилов» и «новобранцев». И «Мосты», и «Воздушные пути» в этом смысле явились местом знакомств, связей и соединений между собой тех деятелей русского зарубежья, кто, принадлежа к разным по времени исходам из России, был совершенно друг другу неизвестен.

Строя объективную историю русской зарубежной литературы и издательского дела как ее неотъемлемой части, нельзя не указать на естественную конкуренцию, возникавшую между различными органами печати, и теми, кто их возглавлял. Монолитной связи внутри разных эмигрантских изданий, даже между теми, что держались одних и тех же идеологических взглядов и политических пристрастий, не было. Временная синхрония существования двух крупных печатных органов, издававшихся в разных центрах эмигрантского рассеяния, создавала почти неизбежное в этих условиях ревностное отношение их редакторов друг к другу. Очевидным следствием данной конкуренции становились наступающая друг другу на пятки или дышащая в затылок соревновательность и конкурентность в публикации заполученных текстов, как это, скажем, случилось с антисталинским стихотворным памфлетом О.Э. Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...», который в числе других пяти его стихотворений, приложенных к статье Г. Стукова (Г.П. Струве) «Новое о судьбе О. Мандельштама», появился в «Мостах» (1963. № 10. С. 150–159). По весьма достоверному предположению О.А. Коростелева, данное стихотворение хотел опубликовать в парижской «Русской мысли» и Гринберг, обратив-

шийся с этой целью к редактору газеты С.А. Водову, однако через Г.В. Адамовича получивший отказ, и именно со ссылкой на уже имевшуюся его публикацию в «Мостах» (письмо Адамовича Гринбергу от 20 марта 1963 г.) [«Если чудо вообще возможно за границей...» 2008, с. 412–413]. Другая сторона той же проблемы — борьба за авторов, если иметь в виду то очевидное обстоятельство, что как для одного, так и для другого издания мобилизация велась внутри примерно одного и того же авторского корпуса. Таким образом, возникали «параллельные» феномены присутствия одних и тех же имен, а стало быть, и сходных тематических, жанровых и идейно-текстовых стратегий в обоих изданиях. Следует сразу оговориться, что публикуемая переписка между редакторами «Мостов» и «Воздушных путей» отражает описываемую проблематику скорее не в эксплицитной плоскости и уж тем более не «любовом» столкновении, а в имплицитном виде, что свидетельствует, однако, не столько о ее отсутствии, сколько о своего рода латентном существовании, «умолчательно-потаенном» контексте.

Несмотря на значение Хомякова и Гринберга в истории послевоенной эмиграции, их биографии относятся к разряду малопроясненных, значительный фактографический материал остается пока неизученным. Тем важнее продолжение публикации их архивных собраний⁴. Следует сказать о том, что «первая сессия» переписки между редакторами двух альманахов, начавшаяся на два с половиной года раньше, чем та, с которой знакомит настоящая публикация, уже введена в научный обиход: несколько лет назад Г.Б. Глушанок, опираясь на архив «Воздушных путей», находящийся в отделе рукописей Библиотеки Конгресса, опубликовала 4 письма Хомякова и Гринберга (по два с каждой стороны) [«... Там у нас самый жадный и благодарный читатель...» 2009, с. 303–312]. Наша публикация расширяет эту картину, прибавляя к ней еще 5 неизвестных писем, которые хронологически следуют за теми, что представлены в работе Г.Б. Глушанок. Как кажется, знакомство с эпистолярным «мостом», построенным на «воздушных путях» между двумя столь важными изданиями, как альманахи Хомякова и Гринберга, является весьма существенным и поучительным для изучения истории литературы и журналистики русского зарубежья 1950–70-х гг.

* * *

Письма публикуются в соответствии с правилами современной орфографии с сохранением особенностей авторского стиля. Сокращенные и пропущенные слова восстановлены. Оригиналы писем Гринберга и от-

---

⁴ Среди основных публикаций архива Р.Н. Гринберга см.: [Адамович 2000; «Дребезжание моих ржавых струн...» 2000; Друзья, бабочки и монстры 2001; «Мы служим не партиям, не государству, а человеку» 2009; Переписка 2003; Роман Гринберг 2007; Роман Гринберг и Роман Якобсон 1999; «... Там у нас самый жадный и благодарный читатель...» 2009; Хазан 2010; Янгиров 2003; 2005].

Среди основных публикаций архива Г.А. Хомякова см.: [«Кроме Вас, не вижу никого!» 2016 (то же: «Кроме Вас, не вижу никого!» 2017); Переписка 2017].

пуски писем Хомякова публикуются из фонда Хомякова в архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Биографические справки известных эмигрантских деятелей политики и культуры, сведения о которых могут быть без труда уточнены в специализированных справочниках, в комментариях к переписке не приводятся.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Beinecke — Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University
 HGARC — Howard Gotlieb Archival Research Center. Boston University
 HIA — Hoover Institution Archives. Stanford University

- Адамович 1967 — *Адамович Г.В.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Воздушные пути. 1967. Вып. 5. С. 99–114.
- Адамович 2000 — *Адамович Г.В.* Письма Роману Гринбергу / публ. В. и В. Крейд // Новый журнал. 2000. № 218. С. 141–151.
- Ахматова 1960 — *Ахматова А.А.* Поэма без героя: Триптих // Воздушные пути. 1960. Вып. 1. С. 5–42.
- Ахматова 1961 — *Ахматова А.А.* Поэма без героя: Триптих // Воздушные пути. 1961. Вып. 2. С. 113–152.
- Ахматова 1963а — *Ахматова А.А.* Реквием. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1963. 23 с.
- Ахматова 1963б — *Ахматова А.А.* Нас четверо (Комаровские кроки) // Воздушные пути. 1961. Вып. 3. С. 9.
- Ахматова 1963в — *Ахматова А.А.* Невидимка, двойник, пересмешник... // Воздушные пути. 1961. Вып. 3. С. 10.
- Ахматова 1965а — *Ахматова А.А.* Амедео Модильяни // Воздушные пути. 1965. Вып. 4. 1965. С. 15–22.
- Ахматова 1965б — *Ахматова А.А.* Мандельштам: (Листки из дневника) // Воздушные пути. 1965. Вып. 4. С. 23–43.
- Булгаков 1964 — *Булгаков М.А.* Иван Васильевич; Мертвые души. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1964. 147 с.
- Глёткин 1997 — *Глёткин Г.* Встречи с Ахматовой: (Из дневниковых записей 1959–1966 годов) / вступ. и публ. Н. Гончаровой // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 302–323.
- Гринберг 1963 — *Эрге [Р.Н. Гринберг].* Читая «Поэму» // Воздушные пути. 1963. Вып. 3. С. 295–300.
- «Дребезжание моих ржавых струн...» 2000 — «Дребезжание моих ржавых струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / публ., предисл. и коммент. Р. Янгирова // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Athenaeum, 2000. С. 345–397.
- Друзья, бабочки и монстры 2001 — Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / вступ. ст., публ. и коммент. Р. Янгирова // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaeum-Феникс, 2001. Т. 1. С. 477–556.
- «Если чудо вообще возможно за границей...» 2008 — «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эми-

- грантов / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. 816 с.
- Еще раз о «деле» Оксмана 1994 — Еще раз о «деле» Оксмана // Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения / отв. ред. М.О. Чудакова. Рига: Зинатне; М.: Импринт, 1994. С. 347–374.
- Заседание 1965 — Заседание Художественного совета — чтение «Бега» Булгаковым (в МХАТ) // Мосты. 1965. № 11. С. 388–390.
- Из выступлений 1965 — Из выступлений на вечере памяти М.А. Булгакова в первую годовщину смерти // Мосты. 1965. № 11. С. 395–398.
- Караганова 1996 — *Караганова С.Г.* В «Новом мире» Твардовского // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 318–344.
- «Кроме Вас, не вижу никого!» 2016 — «Кроме Вас, не вижу никого!»: Переписка С.Ю. Прегель с Г.А. Хомяковым, 1961–1972 гг. / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. П. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016 [/ отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2016. С. 518–580.
- «Кроме Вас, не вижу никого!» 2017 — «Кроме Вас, не вижу никого!»: Переписка с Г.А. Хомяковым // Прегель С.Ю. Разговор с памятью: в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2017. Т. 2, кн. 2: Письма. С. 1149–1221. (Серебряный век).
- Л.Д.В. 1962 — *Л.Д.В.* 70-летие И.Г. Раузуна // Новое русское слово. 1962. 21 ноября. № 18153. С. 3.
- Лурье 1961 — *Лурье А.С.* Заклинания: Музыка к «Поэме без героя» Анны Ахматовой: (Отрывок) // Воздушные пути. 1961. Вып. 2. С. 153–165.
- «Мы служим не партиям, не государству, а человеку» 2009 — «Мы служим не партиям, не государству, а человеку»: Из истории журнала «Опыты» и альманаха «Воздушные пути» / публ., вступ. ст. и примеч. В. Хазана // *Toronto Slavic Quarterly*. 2009. № 29. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml> (дата обращения: 23.01.2018).
- Немирович-Данченко 1965 — *Немирович-Данченко Вл.* Запись для театра // Мосты. 1965. № 11. С. 398–399.
- Паустовский 1965 — *Паустовский К.* Булгаков и театр // Мосты. 1965. № 11. С. 378–388.
- Переписка 2003 — Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом: 1953–1967 / публ., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 97–181.
- Переписка 2017 — Переписка Г.А. Хомякова с В.С. и Т.Г. Варшавскими, 1962–1983 гг. / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. М. Васильевой, П. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017 [/ отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 446–504.
- Письмо 1965 — Письмо <В.Г. Сахновского> М.А. Булгакову // Мосты. 1965. № 11. С. 399–400.
- Роман Гринберг 2007 — Роман Гринберг. Вечер поэзии Набокова глазами современника / вступ., публ. и коммент. Ю. Левинга // Октябрь. 2007. № 7. С. 185–190.
- Роман Гринберг и Роман Яacobсон 1999 — Роман Гринберг и Роман Яacobсон: Материалы к истории взаимоотношений / вступ. ст., публ. и примеч. Р. Янгирова // Роман Яacobсон: Тексты, документы, исследования / отв. ред. Х. Баран, С.М. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 201–212.

- Седых 1962 — *Седых А.* 70-летие И.Г. Раузена // Новое русское слово. 1962. 16 ноября. № 18148. С. 3.
- Стенограмма 1965 — Стенограмма речей, произнесенных на гражданской панихиде по Михаиле Афанасьевиче Булгакове // Мосты. 1965. № 11. С. 391–395.
- Стихи 1961 — Стихи разных лет, посвященные Анне Ахматовой // Воздушные пути. 1961. Вып. 3. С. 11–15.
- Струве 1969 — *Струве Г.П.* Как был впервые издан «Реквием» // Ахматова А.А. Реквием, 1935–1940. 2-е изд., испр. / послеслов. Г.П. Струве. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1969. С. 22–24.
- «...Там у нас самый жадный и благодарный читатель...» 2009 — «...Там у нас самый жадный и благодарный читатель...»: Переписка редакторов журнала «Грани» и «Мосты» с редактором альманаха «Воздушные пути» / предисл., публ. и примеч. Г.Б. Глушанок // Периодическая печать российской эмиграции, 1920–2000 / под ред. Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого. М.: Институт российской истории РАН, 2009. С. 282–312.
- Тименчик 2014 — *Тименчик Р.Д.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы [: в 2 т.]. 2-е изд., испр. и расшир. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2014. Т. 1. 592 с.
- Тименчик 2015 — *Тименчик Р.Д.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы [: в 2 т.]. 2-е изд., испр. и расшир. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2015. Т. 2. 621 с.
- Толстой 1993 — *Толстой И.Н.* Курсив эпохи: Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 201 с.
- Филиппов 1961 — *Филиппов Б.А.* «Поэма без героя» Анны Ахматовой // Воздушные пути. 1961. Вып. 2. С. 167–183.
- Фойер 1994 — *Фойер Л.С.* О научно-культурном обмене в Советском Союзе в 1963 году и о том, как КГБ пытался терроризировать американских ученых // Тыняновский сборник: Пяты Тыняновские чтения / отв. ред. М.О. Чудакова. Рига: Зинатне; М.: Импринт, 1994. С. 347–357.
- Хазан 2010 — *Хазан В.* «Семь лет»: история издания: (Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом) // Новый журнал. 2010. № 258. С. 177–224.
- «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...» 1990 — «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...»: (Набросок портрета Ю.Г. Оксмана по материалам его архива) / Обзор А.Д. Зайцева // Встречи с прошлым. Вып. 7. М.: Советская Россия, 1990. С. 525–566.
- Янгиров 2003 — *Янгиров Р.* К истории «встречи двух эмиграций»: Документ из архива Р.Н. Гринберга // Canadian-American Slavic Studies. 2003. Vol. 37, № 1–2. P. 121–131.
- Янгиров 2005 — *Янгиров Р.* «Пример тавтологии»: Заметки о войне Владимира Набокова с Георгием Ивановым // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaeum-Феникс, 2005. Т. 7. С. 596–618.
- Christopher, Mitrokhin 1999 — *Christopher A., Mitrokhin V.* The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB. N. Y.: Basic Book, 1999. 700 p.
- Ivanov 1964 — *Ivanov I.I.* Letter from a Russian Writer: The American Pangs of the Russian Conscience // Encounter. 1964. Vol. 22, № 6. P. 88–98.

1

Р.Н. Гринберг — Г.А. Хомякову

26 декабря 1963 г., Нью-Йорк

26.12.63

Дорогой Геннадий Андреевич,

Поздравляю Вас с Праздником и Новым Годом, и изданием «Реквиема»!¹ Спасибо за присылку экземпляра.

Я уже говорил кой-кому из друзей, что, когда мы с женой были у Вас, в сентябре, у меня, в боковом кармане, лежала эта вещь, данная мне на прочтение². Разница между Вашей редакцией и тем, что прочел я, та, что в моем списке на 6 стихотворений было больше и что четверостишие «Нет, и не под чужим³ небосводом...» не служит эпиграфом, а является началом самого цикла⁴. Этот цикл — замечательная вещь! Но Вы, вероятно, знаете, что некоторые стихи давно были известны за рубежом⁵.

Интересно, какая будет реакция самой А<нны> А<хматовой>. Не думаю, чтоб она была довольна выходом в Западной Германии. Впрочем, кто знает?⁶

Когда соберетесь сюда? Как жизнь в Мюнхене? Литература?

Сердечнейший привет Вам обоим от нас обоих.

Ваш

Р. Гринберг

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Машинопись, подпись — автограф.

¹ [Ахматова 1963а].

² Ср. в письме Г.П. Струве Б.А. Филиппову от 22 января 1964 г.: «Между прочим, Гринберг не так давно получил тоже экземпляр <“Реквиема”> (рукопись стала ходить по рукам с весны 1963 г.) и собирался напечатать эту вещь в “Возд<ушных> путях”, поэтому очень недоволен появлением ее в Мюнхене» (цит. по: [Тименчик 2015, с. 472]).

³ Гринберг использует аутентичное ахматовское слово «чужим», хотя в книге, изданной Товариществом зарубежных писателей, было «чуждым» (ср.: [Ахматова 1963а, с. 7]).

⁴ Положение четверостишия:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был, —

вынесенного на отдельную страницу в виде эпиграфа, соответствовало замыслу самой А.А. Ахматовой.

⁵ О ряде стихов из «Реквиема», опубликованных в профашистской русскоязычной прессе, выходившей в Берлине или на оккупированных немцами территориях («Тихо льется Тихий Дон...», «Уводили тебя на рассвете...»), а также стихотворении «И упало каменное слово...» (без заголовка «Приговор» и с ложной датой 1934 г.) в советском издании стихов поэтессы Г.А. Хомякову сообщил Б.А. Филиппов в письме от 4 декабря 1963 г. —

в связи с полученной от него книгой Ахматовой (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

⁶ Реакцию А.А. Ахматовой на вышедший в Мюнхене «Реквием» описал встречавшийся с ней биолог и биофизик Г.В. Глёткин (дневниковая запись от 26 декабря 1963 г.): «Около 4 часов пробыл сегодня у А<нны> А<ндреены>. Она на несколько дней снова у Ардовых, но не в обычной комнате, а где-то в недрах ардовского логовища. <...> Затем мы сели, и А<нна> А<ндреена> со словами “а про себя я никак не могу сказать — благополучно” — вынула из сумочки... Реквием, изданный на русском языке в Мюнхене с пометкой, что книга издается без ведома и согласия автора. “Я не книги боюсь. Боюсь, что они там напишут по ее поводу. Вот что страшно”» [Глёткин 1997, с. 314].

В письме к М.Л. Слониму от 24 ноября 1964 г. Г.П. Струве, касаясь ахматовской реакции на мюнхенское издание «Реквиема», писал: «Теперь у меня есть сведения, что А<нна> А<ндреена> была довольна изданием» (HGARC. M. Slonim papers. Box 22, folder 4: Marc Slonim Correspondence, 1964–1965).

2

Г.А. Хомяков — Р.Н. Гринбергу

30 декабря 1963 г., Мюнхен

30 декабря 1963 г.

Мюнхен

Дорогой Роман Николаевич,

примите и наши поздравления с Новым годом, с праздниками, хотя и чуть запоздалые: к 1-му <января> письмо к Вам не доберется. Успехов и благополучия в новом году!

Рад, что «Реквием» Вы цените высоко, — я тоже, как и многие здесь другие (Степун, Вейдле и т. д.). Знаю, что некоторые относятся к этому циклу этак свысока, — ну, на вкус и цвет, как говорится...

А вот подозрения Ваши, что будто у меня вроде бы камень за пазухой был — неосновательны. Когда Вы были у нас и говорили об этих стихах, я только слышал о них (о чем, по-моему, и сказал Вам), но их не видел и не читал¹. Признаться откровенно, я малость подозревал, что у Вас они уже есть: мне показалось, что Вы об этом чего-то не договариваете. Но по деликатности своей настаивать не стал.

Я получил рукопись числа 20 октября и тотчас же отвез ее в типографию. Сделал за пять недель, хотя пришлось набирать в одном месте, печатать в другом, брошюровать в третьем (от этого получилось не совсем так, как хотелось бы): типографии в это время загружены рождественскими заказами. Между прочим, тогда же я написал лицу, приславшему рукопись², что подозреваю, что у Вас эти стихи тоже есть, — если бы я знал это твердо, тогда, может быть, мы как-нибудь «кооперировались» бы.

Я, конечно, не счел себя вправе что-либо менять и напечатал точно по рукописи, т. е. — первое стихотворение перед предисловием. Я думаю (и мне писали об этом), что эта рукопись — копия посланной автором в «Новый мир», там отклоненной³. Поэтому, возможно, сборник совпадает с желанием автора, хотя —

она ведь все время вносит дополнения, изменения. Что два стихотворения были прежде напечатаны, я знал, но это в сущности ничего не меняет: в цикле они на своем месте. Потом мне написал Филиппов, что и еще одно тоже появлялось в печати⁴. Жаль, конечно, что имеющиеся у Вас остались втуне, но тут ничего не поделать.

Я не думаю, чтобы автор был недоволен, что издано тут (а в США, «в гнезде империализма», разве лучше?). Между прочим, мне писали, будто летом она в одном разговоре намекнула, что хотела бы, чтобы эти стихи были изданы «за пределами», поскольку там не печатают, но был ли такой разговор в действительности, конечно, утверждать нельзя⁵. На днях мне передали из Парижа вот что: кто-то из иностранцев был у нее и уже сказал об этом сборнике. Она будто бы не выразила ни удовольствия, ни неудовольствия, что может быть естественным: к ней заезжают довольно часто, и не может же она знать всех.

Что меня огорчает, это то, что в США будто никакого интереса к этим стихам нет: в Париже у меня разошлось уже более 300 экз<емпляров>, в Англии, тут я распространил около двухсот, — а Мартьянову послал первые 30, и на этом нью-йоркский рынок будто бы исчерпался. Что за странность! Написал еще Мартьянову⁶.

Привет сердечный от нас вам обоим,
Ваш
Г. Хомяков

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись, подпись — автограф.

¹ См. вступительную статью.

² Г.А. Хомяков поделился своими подозрениями с Г.П. Струве в письме от 21 октября 1963 г.: «Об этой вещи, кое в чем повторяя то, что пишете Вы, говорил мне Гринберг, и неизвестно, может быть, она у него есть и он собирает ее тиснуть?» (НИА. G.P. Struve papers. Box 95, folder 11).

³ См. в воспоминаниях заведующей отделом поэзии «Нового мира» С.Г. Карагановой, через которую А.А. Ахматова передала рукопись «Реквиема» редактору журнала А.Т. Твардовскому: «Тот долго молчал после чтения. “Мы могли бы попытаться напечатать отдельные части. Но все — не сможем. Вряд ли это устроит Ахматову”» [Караганова 1996, с. 330].

⁴ См. примеч. 5 к письму № 1.

⁵ О таковых же слухах Г.А. Хомяков сообщал А.М. Мильруду в письме от 28 октября 1963 г. (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

⁶ Упомянутое письмо не обнаружено.

Мартьянов Николай Николаевич (1894–1984) — владелец издательства и книжного магазина в Нью-Йорке (1326, Madison Av.). Член партии социалистов-революционеров. Участник Белого движения. После эмиграции в 1920 г. жил в Праге, учился в Карловом университете. В 1920-е гг. переселился в США, окончил Колумбийский университет по специальности «деловое администрирование» (Business Administration). Работал в газете «Новое русское слово». Основал в Нью-Йорке и на протяжении нескольких десятков лет вел собственное дело по книгоизданию и книготорговле (одним из самых успешных его достижений — как рыночных, так и библиографических — было печатание отрывных и настольных календарей на русском языке).

Г.А. Хомяков — Р.Н. Гринбергу

19 октября 1964 г., Мюнхен

19 октября 1964 г.

Мюнхен

Дорогой Роман Николаевич,

на прошлой неделе я был у «степуновских дам», как мы тут говорим¹, они сказали мне о Вашем письме по поводу типографии, — о типографских делах они, разумеется, мало что знают, поэтому и хотели справиться у меня. А сегодня я разговаривал с Башкирцевым² и решил, насколько могу, осведомить Вас по этому поводу.

Вообще дела типографские тут стали дрянны. Типография, с которой мы прежде работали³, пришла в полный упадок: там работает только один человек, хозяин, и работает с большой прохладцей. За два месяца он ухитрился набрать, например, всего сто страниц «Мостов». Правда, приняв ряд мер, я все-таки надеюсь, что «Мосты» мы как-нибудь выпустим все же еще в этом году. У Башкирцева лучше, но он сильно загружен. Главная беда — нет линотипистов, а работы достаточно, и типографии в общем мало заинтересованы в новых заказах. Немецкие типографии тоже загружены и часто обращаются даже в русские. К тому же много русских заказов приходят из-за океана и выполняются они многие месяцы: надо ждать корректуру, переписываться и т. д., — тем временем металл лежит. Башкирцев, например, жаловался сегодня, что у него несколько тонн металла лежит в наборе, а последней корректуры еще нет, и когда будет печатать, сам не знает. Вкладывать же много денег в металл он не может.

Я тоже заинтересован в ускорении работы, но сделать многого не могу, хотя — я на месте, в более выгодном положении. Поэтому иногда мне удается выпускать довольно быстро: Ахматову я сделал за месяц, Булгакова за два⁴. Но я набираю в одной типографии, печатаю в другой; иногда сам везу набор из одной в другую и т. п.: мотаюсь на машине через весь город.

Ускорить можно таким образом: больше платить линотипистам, тогда они не будут воротить нос, как делают это сейчас. Я думаю, что для Вас это было бы приемлемо: при некотором удорожании работ это все равно будет значительно, раза в два дешевле, чем печатать в Нью-Йорке, где, как Вы пишете, подняли цены еще на 40 %. Прибавляется, правда, морока с пересылкой книг, на это тоже уйдет почти месяц, но, может быть, и это будет приемлемо Вам⁵.

Башкирцев, между прочим, говорит, что он охотно воспользовался бы моим посредничеством (его, как он говорит, измучила переписка с заокеанскими заказчиками), — но, признаться, мне это мало улыбается. Я тоже охотно помог бы Вам, однако побаиваюсь, что на меня в таком случае взвалится ответственность за сроки и т. п., тогда как, повторяю, положение с типографиями дрянное и они мне уже много крови испортили. Да и времени нужно много: телефона у Башкирцева нет, а он за городом, ездить далеко.

Какой «гвоздь» приготовили Вы в четвертом номере? Мне, между прочим, на днях обещали два стихотворения Мандельштама. И — восьмистишия, которые Вы печатали⁶, но с дополнительными, не имеющимися у Вас. Первые возьму, вторые нет: получилось бы вроде перепечатки⁷. Будет у меня еще булгаковский материал⁸, но Вас он не интересует. Мог бы напечатать (Вас тоже не интересует) и статью сов<етского> писателя «Ив.Ив. Иванова»⁹, но она велика, три печатных листа, это больше тысячи марок, а у нас денег и так еще не хватает. Поэтому воздержимся.

Принимайте наши приветы, поклон жене и всего лучшего,
Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Т. е. у живших в Мюнхене поэтессы, прозаика, переводчицы, мемуариста Галины Николаевны Кузнецовой (в замуж. Петрова; 1900–1976) и оперной певицы Маргариты (Марги) Августовны Степун (1895–1971), сестры философа Ф.А. Степуна.

² Башкирцев Иван Иванович (?–?) — издатель, журналист, редактор. В 1950 г. редактировал журнал «Маяк» (орган германского отдела Союза борьбы за освобождение народов России (СБОРН)); в 1954 г. — редактор газеты «Народная воля». В 1950–70-е гг. владелец мюнхенской типографии (I. Baschkirzew Buchdruckerei, München, Peter Müllerstrasse, 43). Автор романа в трех томах «Жизнь измятая» (Мюнхен, 1963–1974). В типографии Башкирцева печатались книги авторов-эмигрантов, живших не только в Германии: так, например, поэтесса К.П. Пестрово из далекой Австралии издала у него свой сборник стихов «Цветы на поддоннике» (1964).

³ Типография Георгия Бутова (Georg Butow, München, Kohlstrasse, 3 b), в которой до 1963 г. печатались издания ЦОПЭ, в т. ч. и журнал «Мосты».

⁴ Речь идет о кн. [Булгаков 1964]. За полгода до этого письма, 26 апреля 1964 г., Г.А. Хомяков писал Б.А. Филиппову: «Есть у меня еще одна вещь. Недавно я получил некоторые рукописи Булгакова, пришедшие из Сов<етского> Союза, не напечатанные (в их числе и напечатанный в прошлом году “Мольер”). Собственно Булгакова две рукописи: пьеса “Иван Васильевич”, которую в 1936 году запретили ставить, хотя МХАТ уже подготовил, и инсценировка “Мертвых душ”. Вторая, конечно, менее интересна для опубликования, но тем не менее, ее тоже следует издать» (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

⁵ Р.Н. Гринберг этим предложением не воспользовался — «Воздушные пути» печатались в Нью-Йорке: с 1-го по 4-й выпуск в типографии И.Г. Раузена (142 East 32nd St.), последний, 5-й, в Waldon Press, Inc. (150 Lafayette St.).

⁶ Речь идет о напечатанных во 2-м выпуске «Воздушных путей» (1961), среди 57 стихотворений О.Э. Мандельштама, четырех его восьмистишиях: «Шестого чувства крошечный придаток...» (С. 26), «Когда, уничтожив набросок...» (С. 30), «В игольчатых чумных бокалах...» (С. 31) и «И Моцарт на воде, и Шуберт в птичьей игре...» (С. 33).

⁷ В 11-й книжке «Мостов», о которой идет речь (увидела свет в 1965 г.), были напечатаны два стихотворения О.Э. Мандельштама — «На полицейской бумаге верже...» и «Неправда» («Я с дымящей лучиной вхожу...») (С. 170–171).

⁸ Имеются в виду «Материалы о М.А. Булгакове», составившие в 11-й книжке (1965) целый раздел: [Паустовский 1965; Заседание 1965; Стенограмма 1965; Из выступлений 1965; Немирович-Данченко 1965; Письмо 1965]. См. также примеч. 4 к настоящему письму.

⁹ Имеется в виду нашумевшее на Западе «Письмо русского писателя» Ивана Ивановича Иванова «Американские муки русской совести», напечатанное в английском журнале «Encounter» [Ivanov 1964]. За условным «Иваном Ивановичем Ивановым» скрывался приятель А.Д. Синявского, старший библиотекарь Государственной библиотеки иностранной литературы Андрей Александрович Ремизов (1925–2000) [Christopher, Mitrokhin 1999, p. 309].

4

Р.Н. Гринберг — Г.А. Хомякову

24 октября 1964 г., Нью-Йорк

24.10.64.

Дорогой Геннадий Андреевич,

Ваше письмо меня по-настоящему тронуло. Спасибо! Действительно наше положение с русской типографией в Нью-Йорке стало трудным. Почти монопольное хозяйство всего одной фирмы, где русским отделом ведает наш старый друг И.Г. Раузен¹. Типография образцовая, но и цена тоже.

№ 4 набирается. Ваше любезное предложение насчет Мюнхена снова вернется ко мне, когда я справлюсь с этим сборником.

«Ив.Ив. Иванова» читал в английском журнале. Может, на самом деле эта статья интересна для русского читателя. Вышлите ее мне, пожалуйста. Это перевод с английского или подлинник? Дайте мне примериться. Буду Вам весьма признателен за присылку рукописи*².

Вы, пожалуй, единственный человек на земле, который мне сочувствует en connnaissance de cause³. Вы знаете, что такое агония редактора русского эмиграционного издания. Одно утешение, что там, у источников, где говорят на нашем языке, альманах читают и обсуждают. Мне говорили люди, кот<орым> я верю, что в Москве звонят по телефону и зовут прийти «на “Возд<ушные> пути”», а это значит, что они переходят из рук в руки, из квартиры в квартиру на несколько часов, когда их читают совместно. Много, что говорилось при этом, интересно.

Вы спрашиваете, какой «гвоздь» появится в 4 №. Честно говоря — никаких гвоздей, сравнивая предыдущие выпуски. «Пеструшка», вот что, кажется, сварится в конце концов. Ждите выхода книги.

Самый сердечный привет Вашей супруге от нас обоих

Ваш

Р. Гринберг

* воздушной почтой, расходы будут возмещены тотчас же!⁴

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Машинопись, приписки и подпись — автограф.

¹ Раузен Израиль Григорьевич (1892–1977) — типограф, издатель, общественный деятель. Участник Первой мировой войны. Член партии социалистов-революционеров.

С 1920 г. в эмиграции в Париже. С 1932 г. совладелец (со своим братом, Л.Г. Раузенем) типографии «Братья Раузен». Издатель газеты «Le Combattant Juif». В 1940 г. переселился в Нью-Йорк, где явился одним из инициаторов основания Общества приехавших из Европы, став его секретарем. Совместно с братом продолжал в США типографское дело, был совладельцем книжного магазина; являлся заместителем председателя Одесского землячества в Нью-Йорке. См. о нем: [Седых 1962; Л.Д.В. 1962].

² См. примеч. 9 к письму № 3. Статья «И.И. Иванова»-Ремизова в «Воздушных путях» не появилась.

³ Фраза вписана от руки. *Connaissance de cause* — осознанно (*франц.*).

⁴ Вся строка вписана от руки.

5

Г.А. Хомяков — Р.Н. Гринбергу

27 октября 1964 г., Мюнхен

27 октября 1964 г.

Мюнхен

Дорогой Роман Николаевич,

к сожалению, просьбу о присылке «Иванова» не могу выполнить: мне дана фотокопия с условием, что если не будем печатать, то возвратим. Но Вы можете достать эту же рукопись, другую фотокопию, в Комитете, в русской редакции: ее отсюда, с нашей радиостанции, послали туда летом, у них где-нибудь лежит¹. Она интересна, по-моему, только тем, что «на этой стороне» об этом и так никто не пишет. Между прочим, Филиппов считает, что это подделка², как будто из Польши, якобы с целью провокации, — но не представляю, что с помощью этой рукописи можно спровоцировать? И если оговорить, что, дескать, за что купили, за то и продаем, то никакой провокации состояться не может.

Относительно же сочувствия, — ох, как понимаю Вас! В самом деле, работаешь как в каком-то мрачном безвоздушном пространстве, ни отклика ниоткуда, ни одобрения, кроме, конечно, из той же среды пишущих, своих же сотрудников. У меня на этот счет своя теория образовалась: все, что осталось в эмиграции действительно ценное, нужное — это несколько десятков пишущих, что-то создающих, но в их сочувствии что же сомневаться, это, так сказать, наши единомышленники. А все остальное — туман и беспросветность, стена, в которую сколько ни стучи, все бесполезно. Даже ведь газеты не откликаются. И есть только одно утешение: что «там» наши усилия не остаются тщетными и принимаются с величайшим вниманием. Что ж, этим и утешимся.

У Вас еще положение куда лучше: Вы полностью независимы, в том числе и в материальном отношении. Нам хуже: мы теперь тоже независимы, — да радости в этом не так много: где деньги возьмешь?³ У меня на «Мосты» еще много не хватает, хотя надеюсь как-то выкрутиться. Продажа книг идет ужасающе плохо, и поддержки и тут ни от кого и никакой. Ну, видно, такая наша планида.

«Мосты» у нас получатся тоже очень пестрыми, но, видимо, огорчаться этим не следует: «чем богаты» и т. д. Хорошо, что в этой пестроте есть и хороший материал.

Между прочим, Фед<ор> Авг<устович>⁴ предложил еще одну типографию, в Кемптене⁵, где, как ему говорил хозяин ее, могут выполнять работы и на русском. Это большая, хорошая типография, а так как она в сравнительно небольшом городе, то меньше и загружена. Когда понадобится Вам, сообщите мне или Ф<едору> А<вгустовичу>, пошлем Вам адрес, и Вы можете списаться с ними.

Привет сердечной супруге, тоже от нас обоих, и будьте здоровы, –
Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Речь идет о Комитете Радио Свобода.

² О своих подозрениях Б.А. Филиппов проинформировал Г.А. Хомякова в не дошедшем до нас письме, очевидно, лета — осени 1964 г. Свое мнение Филиппов повторил в письме Хомякову от 28 октября 1964 г. (Б.А. Филиппов — Г.А. Хомякову, 28 октября 1964 г. // Weinecke. В. Filippov papers. General Collection. Box 1, folder 10).

³ См. вступительную статью.

⁴ Ф.А. Степун.

⁵ Кемптен (Kempten) — город в Баварии, на юге Германии.

Н.П. Белевцева

ВРАЧ НА ВОЙНЕ: ИЗ ПЕРЕПИСКИ С.М. СЕРОВА (1884–1960)
В АРХИВЕ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Среди многочисленных материалов, переданных в Дом русского зарубежья известным издателем и русистом, внуком академика П.Б. Струве Никитой Алексеевичем Струве (1931–2016) и образовавших фонд № 12, находится переписка доктора Сергея Михеевича Серова (1884–1960) с женой и письма к нему разных лиц. Эти документы представляют живой материал о реалиях военной и мирной жизни России в 1917–1919 гг., а также разносторонне проявляют личность С.М. Серова, одного из достойнейших представителей русской эмиграции первой волны.

Сергей Михеевич Серов окончил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге, в 1917 г. служил врачом лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады [Незабытые могилы 2005, с. 534], во время Первой мировой войны участвовал в боевых действиях на Юго-Западном фронте. Его письма к жене Маргарите Александровне (1892–1975)¹ периода мая–июня 1917 г. отправлены с фронта, из городов Кременец и Тернополь. В конце ноября 1917 г. Серов гостил у родителей в Боровичах Новгородской губ.², а в декабре находился уже в Петрограде. Затем доктор получил отпуск по болезни и лето 1918 г. вместе с семьей провел в Кисловодске.

В начале 1919 г. С.М. Серов был призван на службу дивизионным врачом в белые войска Терско-Дагестанского края Вооруженных сил Юга России, штаб которых находился в Екатеринодаре. После того как в феврале 1920 г. кубанское правительство и добровольцы оставили город, почти на всей территории Северного Кавказа была установлена советская власть. Части ВСЮР (около 30 тысяч человек) были эвакуированы из Новороссийска в Крым. Вероятно, с ними ушел в эмиграцию и С.М. Серов, как оказалось — навсегда...

Первоначально С.М. Серов попал с семьей в Константинополь, где проявил себя как «светлый деятель и врач, бескорыстный друг всех бед-

---

¹ В 1942 г. во Франции Серов с женой расстался. Их дочь Ирина (1915–1999), впоследствии художница, в замужестве Мамонтова (см.: [Шмелев, Бредиус-Субботина 2003, с. 152–153, 205, 665]).

² Родители Сергея Михеевича жили в Боровичах с младшим сыном Петром.

нейших и обездоленных»³. После переезда в Париж (конец 1923 — начало 1924 г.) он работал в госпитале Ляэнек. Будучи человеком глубоко верующим, Серов много занимался благотворительностью, прежде всего поддержкой церковного строительства в Константинополе и Париже. Член Союза деятелей русского искусства во Франции, Серов бесплатно лечил актеров, певцов, художников, которые состояли в союзе. Среди его благодарных пациентов были знаменитый Квартет Кедрова, известная певица Нина Кошитц, Илья Львович Толстой, секретарь И.А. Бунина Л.Ф. Зуров, организатор Комитета по обеспечению образования русского юношества за границей М.М. Федоров и др. С.М. Серов был личным врачом писателя И.С. Шмелева. Последний в письме от 23 февраля 1940 г. своему крестнику Иву Жантийому⁴ отмечал: «Он (Серов. — Н.Б.) — знаток, и теперь чуть ли не все серьезные врачи Парижа его знают, посылают к нему в госпиталь Ляэнек» [Жантийом-Кутырин 2011, с. 145]. Иван Сергеевич в своих письмах называет Серова «дорогим и милым другом», «целителем», «врачом безмедным» [Белевцева 2010, с. 385].

Публикуемые письма хранятся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына в фонде «Коллекция материалов Струве Никиты Алексеевича» (№ 12. Оп. 3. Д. 1). В дальнейшем мы указываем только листы публикуемых текстов. Все даты даются по старому стилю, орфография и пунктуация — современные, авторские подчеркивания сохранены. Восстановленные по смыслу отдельные слова раскрыты в угловых скобках.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

Белевцева 2010 — Письма И.С. Шмелева доктору С.М. Серову / публ. Н.П. Белевцевой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 385–475.

Жантийом-Кутырин 2011 — *Жантийом-Кутырин И.* Мой крестный: Воспоминания об Иване Шмелеве. Письма И. Шмелева. М.: РФК: Изд-во им. Сабашниковых, 2011.

Незабытые могилы 2005 — Незабытые могилы: Некрологи. 1917–2001: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков и др. Т. 6, ч. 1. М., 2005.

Шмелев, Бредиус-Субботина 2003 — И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 3 т. Т. 1. М., 2003.

³ Архив ДРЗ. Ф. 12. Оп. 3. Д. 2. Л. 1.

⁴ Жантийом Ивистион Андреевич (Gentilhomme; 1920–2016) — сын Андре-Рене Жантийома и племянницы О.А. Шмелевой Юлии Александровны Кутыриной, крестник и воспитанник И.С. Шмелева. Окончил лицей Бюффона и Сорбонну. Математик и лингвист, доктор наук, заслуженный профессор Безансонского университета. Сохранил французский архив писателя и безвозмездно передал его в Российский фонд культуры.

С.М. СЕРОВ – М.А. СЕРОВОЙ

22 мая 1917 г.¹ Кременец

<...> Когда я думаю о тебе, у меня к сердцу приливает волна теплого чувства. И я сознаю тогда, ясно ощущаю, как я тебя глубоко люблю и что ты для меня составляешь единственное на свете счастье. Молюсь о тебе и об Иринушке дорогой, чтобы Господь оградил вас от всякой беды и напасти² <...>.

Стоим мы сегодня в небольшом имении на берегу болотистой речки. Дом стоит на высоком берегу, и за рекою с горы от дома открывается красивый широкий горизонт с деревушками и церквами. <...>

Л. 1–2 об.

¹ В этот день вместо генерала от кавалерии А.А. Брусилова командующим армиями Юго-Западного фронта был назначен генерал-лейтенант Алексей Евгеньевич Гутор (1868–1938), а командиром лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады — генерал-майор Дмитрий Васильевич Альфатер (1874–1931).

² Маргарита Александровна находилась в это время под Туапсе, в имении Надежды Григорьевны Иосса.

4 июня 1917 г.

<...> Ты пишешь, что у тебя один день была такая же тоска, как и в Петрограде. Да поможет тебе Господь все пережить и перенести и из всех этих испытаний выйти с бодрой и сильной душой в жизнь. Не разбитой и истерзанной, а бодрой и <нрзб.> быть в жизни. Все испытания посылает нам Господь; кто с твердой верой переносит их не падая духом, тот живет полною жизнью, ибо только в перестрадавшей душе найдется отклик на все, что совершается кругом, и только тот, кто страдал, тот может и радоваться, и в состоянии понять горести и радости ближних и откликаться на них душою. <...>

Сейчас у нас начнутся бои; наша бригада примет в них участие самое деятельное. Настроение у нас среди офицеров и солдат такое, что все до одного человека готовы, если только где дрогнет пехота, оставить свои пушки и занять место пехоты в окопах. Колеблющихся у нас почти нет. Да в такую минуту, когда решается судьба родины, колебаться и не приходится. Об этом уже у нас вынесено постановление в общебригадном комитете, и к нему скоро присоединятся и все батареи. <...>

Из Петрограда приходят вести не особенно утешительные. Там все живут на нервах, каждую минуту ожидая вспышек волнений. Продуктов там мало, и из-за этого приходится тяжело. Ленинская пропаганда идет всюю в Петрограде и находит благоприятную почву среди солдат и рабочих, особенно среди тех, кто не хочет думать о благе родины, а думает только о своих личных выгодах. <...>

Я уже писал тебе в предыдущих письмах, что у нас ожидаются бои. Наша бригада становится на полпути. Бои будут носить упорный характер, но,

повторяю опять, что мы не сомневаемся ни одной минуты в том, что противник будет опрокинут. Но что будет дальше? Как-то пойдут наши внутренние дела?! То, что сейчас делается внутри страны, не радует никого, кроме наших врагов и недоброжелателей. Там идет разруха. Осень мы еще проживем, а зимою нам грозит форменный голод. Если теперь в Петрограде и Москве не хватает хлеба, то зимой его не только не будет в городах, но в ужасном положении окажутся все северные губернии, которым грозит голод. О том, что будет предстоящей зимой, сейчас еще нельзя предугадывать, но, во всяком случае, моему взору рисуются самые ужасные картины. Темные силы в стране продолжают работать неумоимо и везде сеют смуту и анархию. <...> За будущее России я нисколько не боюсь и ни одной минуты не сомневаюсь, что оно будет светлым, но настоящее, действительно, тревожно и ужасно. Правда, просыпается здравый рассудок русского народа и чувство самосохранения, но удастся ли им одержать верх? — вот вопрос. <...>

Л. 5–10.

9 июня 1917 г. <Из-под Тернополя, Западная Украина>

<...> Мы стояли в галицийской деревушке, с русским униатским населением. Жители ко мне приходили со всякими болезнями. Я их осматривал, снабжал даром лекарством, и в конце концов они же у меня, когда мы выезжали из деревни, украли эмалированный чайник. Едва нам удалось его отыскать.

<...> Некоторые пехотные части отказываются идти в наступление решительно. Не знаю, чем все это окончится. Во всяком случае, предстоящее наступление — наша последняя ставка. Если оно не удастся в силу нежелания войск участвовать в нем, то на нашей армии надо поставить крест. Тогда воевать дольше ни к чему. А темные силы, чтобы только внести в войска беспорядок и разрухи, действуют вовсю. Единственная надежда на Бога.

Ритуленька, моя рыбка, голубка, о чем я тебя попрошу. Это должен я был сделать давно, да все как-то откладывал. Научи Иринушку молитве каждый день утром и вечером не только за всех православных христиан, но и за всю русскую землю. Уж очень тяжелое время мы сейчас переживаем. Безумно тяжелое.

Говорят, что скоро у нас будет финансовый крах; еще ужаснее того будет, если не хватит нам продовольствия; а обе эти грозные беды на нас надвигаются. Говорят, что железнодорожное движение должно будет приостановиться, тогда неминуемо должны будут вспыхнуть ужасные беспорядки в городах и в армии. Вот почему мы должны торопиться с нашим наступлением, которое должно непременно окончиться полным успехом, если у нас будет желание наступать, хоть в небольшой части наших войск. Ибо сил собрано здесь очень много, артиллерии — такое количество, какого мы не видавали за всю войну: причем пушки самых крупных калибров. Когда разыграется бой, я думаю, картина будет поразительная в своей грандиозности. Наш лазарет пока еще стоит далеко от позиций, но на этих днях мы подтягиваемся ближе к своей бригаде; наши батареи уже занимают свои боевые позиции <...>¹.

Л. 12–13.

¹ Речь идет о приготовлении к так называемому Июньскому наступлению, или «наступлению Керенского», в общем направлении на Львов из районов Злочев и Бржезаны. Наступление быстро задохнулось, т. к. отборные ударные части были выбиты, а пехота отказывалась наступать.

30 июня 1917 г.

<...> Эти дни пришлось пережить много тревожных минут. <...> я <...> направился с дивизионным врачом на перевязочный пункт егерского полка и на свою батарею 1-го дивизиона. Но на батарею так и не попал. И даже рад, что удалось уйти невредимым с пункта от егерей. Когда подходили к пункту, пришлось проходить место <...> которое немцы обстреливали шрапнелями и гранатами. Первые рвались с противным визгом над головой. <...> Когда пришли на пункт, тотчас же забрались в окоп, но и тут одна из гранат разорвалась в нескольких шагах от меня, и меня прямо всего забросало землей. Вернулся домой невредимым, за что поблагодарил Господа.

Наши солдаты с тех пор, как настали дни свободы, во многом испортились. Так, в егерском полку произошел такой возмутительный случай — санитары отказались выносить раненых из боя, и с этой целью многие из них побросали даже носилки. Возмутительно!

Много таких возмутительных дел у нас делается на Руси сейчас. Одни с полной готовностью отдают свою жизнь за родину, другие всеми способами стараются отлынить от своей службы и, спасая свою шкуру, творят массу подлостей. <...>

Народ предоставлен или самому себе, своей темноте и невежеству, или предан в руки темных сил. Он живет не разумом, который у него не просвещен, а добрыми инстинктами, заложенными в его душу. Он не может ясно считать разумом, где правда, но чувствует ее лишь инстинктом. Разум у него идет за чувством. Вот почему так у нас много в жизни бестолковости, ненужной суеты и самых диких несуразных явлений. Сейчас, если только не верить в силу русского народа и в величие его духа, то при виде всего того, что делается кругом, можно было бы сойти с ума; кажется, бросил бы все и бежал бы куда глядят глаза. В полках идет шатание, сегодня один полк собирается наступать, завтра он решительно отказывается идти в окопы. У нас в дивизии таким шатающимся полком является егерский полк. Сначала он пошел в бой, но потом потребовал, чтобы его отвели на отдых. <...> И вот каждый день приходится слушать речи на митингах, причем иногда речи и решения этих митингов носят характер большевистских резолюций. Среди интеллигенции полный упадок духа: она смотрит на народ как на страшного зверя, на которого снова необходимо надеть оковы, ибо, вырвавшись на свободу, он страшен в своем невежестве и в своем зверстве. И вот в такой-то атмосфере мне приходится здесь жить и исполнять по долгу совести свою службу. <...>

Я постарел, стал совсем седым, но благодарю Бога еще за то, что моя душевная бодрость меня не покидает, что еще во мне живет вера в светлое будущее России и русского народа и также надежда, что и для меня-то самого настанут тоже более светлые времена. <...>

Я тебе писал, что не сомневаюсь ни одной минуты в том, что наше наступление будет удачно: оно так и было; успех продолжает развиваться всюду, кроме нашего участка, где виновата гвардия. Гвардия не поддержала вовремя армейцев, которые сбили неприятеля с его позиций; виноваты солдаты, которые задержались в пути на несколько дней из-за постоянных митингов, и не было, таким образом, резервов, которые могли бы развить успех первого удара.

Вот когда делаются такие вещи, то поневоле как-то грустно становится на сердце, и надо слишком много душевной бодрости, чтобы иногда не впасть в полное отчаяние. А как темен наш народ: прямо становится временами страшно. Так, наши солдаты частенько расстреливают наши собственные аэропланы из винтовок; особенно те, которые летают низко над нашими позициями, корректируя стрельбу наших батарей. Солдаты, не отдавая себе отчета в том, что он, летая так низко, исполняет возложенную на него задачу, ругают летчика трусом и стреляют по нему. Сколько раз я вступал в разговоры с такими неразумными солдатами; никакие уговоры на них не действуют. Есть полки, которые настроены хорошо, есть полки, которых солдаты бегут с позиций. Так, во время одного из последних боев солдаты лгв. московского и здоровые убежали во время боя из окопов, бросая свои винтовки. Их ловили наши преображенцы и многих москвичей за это жестоко избивали.

Есть самострелы. За всю войну я впервые подал рапорт на двух самострелов — на одного жида, а другой был татарин. <...> Каждый день у нас проходят митинги; слова — буржуй, пролетарий, демократ — стали прямо тошнотворными, противными, ибо повторяются всеми и каждым на разные лады, без всякого смысла и вместе с площадной руганью. <...> Живем мы в палатках, никаких укрытий у нас нет, и вот, когда немец начинает стрелять, приходится выползать из своей палатки и искать защиты за стенами домов и сараев <...>. В это время часто привозят еще и раненых. Хуже всего то, когда стрельба поднимается ночью: темнота, идет дождь — жутко выползать из палатки, а приходится проделывать это удовольствие раза 2–3 за ночь. Заснуть удастся лишь под утро. <...>

Л. 18–23 об.

23 июля 1917 г.¹

<...> У нас понемногу все приходит в порядок. Дело налаживается. Принимаются для водворения порядка очень строгие меры, вплоть до расстрела неповинующихся боевым приказам начальников².

Сколько позора мы пережили в это время. И вся эта разруха, по моему мнению, есть только следствие крайнего нашего невежества. Правительство виновато

то в том, что держало народ сознательно в таком невежестве, интеллигенция — в том, что она вместо просвещения несла в народ агитацию. В невежественные массы интеллигенция шла с проповедью вражды к имущим и образованным, с проповедью одного сплошного животного эгоизма и окончательно этим развратила народ. Почва для этих учений в народе была благодарная, восприимчивая, ибо правящие классы, пользуясь своим положением, все земные блага присваивали только себе, отнимая у народа последнее его достояние и тем вселяя и зависть в нем, и ненависть к себе. Плоды всего этого мы теперь видим везде и всюду. Мы пожинаем сейчас только то, что посеяли сами.

Наше несчастье еще состоит в том, что проповедниками социалистических учений и их активными приверженцами являются купленные немцами провокаторы. Они умно используют социалистические лозунги, и невежество нашего народа, и ненависть к нам наших инородцев. Они подкупают потерявших совесть русских и губят нашу родину. Но им нас погубить не удастся. Этого не может быть. Твердо верю, что нельзя уничтожить, удалить с исторической арены 130-миллионный народ, еще совсем молодой, с избыточным запасом неиспользованных сил. Еще русскому народу предстоит великая будущность. Россия еще внесет в культурную сокровищницу народов мира и свою лепту. Еще мы увидим нашу родину в ореоле блеска и славы. Я твердо в это верю. <...>

Революция произошла под флагом войны до победного конца. Боялись, что старое правительство заключит мир с Германией и этим погубит Россию. Теперь готовы произвести новую революцию, чтобы заставить правительство заключить мир, хотя этот мир принесет нам позор и гибель нашей свободы. Но народ наш обманывают, и он не в состоянии разобраться — где правда.

Сейчас мы стоим в резерве в небольшой деревушке, но, кажется, сегодня опять выступаем на позиции.

Я тебе писал, что до 20 июля батареи стояли на позиции, лазарет был расположен в небольшом лесу в домике лесного сторожа. После ужасного отступления и пережитых волнений мы немножко отдохнули и душой и телом на этой стоянке.

В ночь на 21 июля мы ушли с позиций в резерв, эту последнюю ночь мы провели вот так: ночь была замечательно тиха и тепла. Светила полная луна. Так как нам предстояло выступить около 4 час<ов> у<тра>, то мы с вечера уложили все наши кровати и вещи в повозку и сами расположились спать на открытом воздухе. Подкинули мне соломы, я разостлал на ней свою шинель, под голову положил подушку и улегся. Спал великолепно.

Последнее время часто вижу во сне тебя, мою родную. Я прямо изнываю, не могу дождаться, когда наконец получу возможность удрать в отпуск. Устал. Хочется отдохнуть хоть немножко. Ведь только подумать, что пошел 4-й год, как я на войне.

Страшно даже подумать... Что пришлось пережить за эти три года... Мне безумно хочется передохнуть душой, хоть немного успокоиться. Я не боюсь никаких жизненных бурь и испытаний. Но мне как воздух нужна твоя ласка, твоя поддержка. Без этого я не хочу, не могу жить... <...>

В бригаде у нас все обстоит благополучно. С солдатами я держу свою прямую линию. Отношения у меня с ними хорошие.

Недавно у нас пустили в бригаде провокационный слух, имевший своею целью поссорить между собою офицеров и солдат. Но, к счастью, эта провокация успеха не имела, и все обошлось благополучно. <...>³

Л. 29–32.

¹ Письмо направлено в Туапсе.

² Имеется в виду введение Временным правительством по требованию генерала Л.Г. Корнилова смертной казни в войсках за дезертирство.

³ Это последнее письмо С.М. Серова с Юго-Западного фронта. 1-й гвардейский корпус, в составе которого находилась 1-я артбригада, был расформирован.

М.А. СЕРОВА — С.М. СЕРОВУ

13 ноября 1917 г. <Кисловодск?>¹

<...> Милый мой, если приедешь, захвати с собой все, что <нрзб.>, во-первых, мне страшно дороги наши образы Сергия и Маргариты, лампадка внизу в киоте <...> платья, которые я носила <...> серебро из буфета <...> шкуры горностая <...> скатерти <...> варшавские фотографии <...>. Серебряный <нрзб.> в зеркальном шкафу наверху <...>.

Л. 34–35 об.

¹ Письмо направлено в Петроград (Графский пер., 3).

М.С. СЕРОВ — М.А. СЕРОВОЙ

22 ноября 1917 г. Боровичи <Новгородской губернии>¹

<...> Приехал я сюда 18 ноября и думал выбраться отсюда уже 22, т. е. сегодня, но задержался и решил пробыть здесь до воскресенья 26/XI. <...> на 5-е декабря я назначен на комиссию в Николаевском военном госпитале. Меня уже осматривали специалисты, нашли у меня хроническое воспаление желчного пузыря и дали заключение, что я нуждаюсь по болезни в двухмесячном отпуске. <...> В Петрограде я успел сделать почти все дела. <...>

Настроение в Петрограде убийственное. Правда, все теперь можно достать без карточек, но за страшные деньги, а по карточкам все доставать очень трудно. <...> В Петрограде я, вероятно, пробуду числа до 10 декабря, с которого и будет считаться мой двухмесячный отпуск, если только мне удастся его получить. <...>

Л. 43–44 об.

¹ Письмо направлено в Кисловодск (Петрушевская ул., д. 16).

М.А. СЕРОВА — С.М. СЕРОВУ

28 ноября 1917 г. Кисловодск¹

...Жду твоего приезда! <...> говорят, что в Ростове идет междуусобная война и поезда не пропускают! <...> Непременно возьми свой револьвер и побольше патронов. <...>

Л. 42.

¹ Письмо направлено в Петроград (Графский пер., 3).

МАРИЯ МИХЕЕВНА СЕРОВА¹ — С.М. СЕРОВУ

2 июня 1918 г. Петроград²

...Была на ревизии сейфов <...> документов твоих не тронули — все они в сохранности и целости. Квартира твоя тоже благополучна <...>. Сегодня я уже была у доктора Воячека³ и подробно беседовала с ним, как ты просил меня о том. Вот его подлинные слова: «Я всегда рад Сергею Михеевичу и буду счастлив работать с ним вместе, но положение Академии теперь весьма шаткое и неопределенное, и рассчитывать на платное место при ней почти не приходится. Частная же работа в клиниках по его, т. е. твоей, специальности всегда возможна и будет ему, т. е. тебе, предоставлена». <...> Вообще, у Воячека взгляд на положение весьма пессимистический: «Петроград переполнен медицинским персоналом: евреи, пользуясь полной отменой черты оседлости, хлынули в столицу, зауряд-врачи тоже сосредоточили на ней свои вожделения, масса беженцев хлынула сюда, и все это жаждет практики... Но я лично думаю, что практики на всех хватит, только вот результатов даже очень большой практики может не хватить на прожитие, ибо у нас мясо — 9 рб. фунт, картофель — 3 рб. фунт, масло — 14–16 рб. фунт, яйца — 11 рб. десяток, молоко — 3 рб. бутылка, сахар — 26 рб. фунт., мука ржаная — 9–12 рб. за фунт, а белой совсем нет, и все в этом роде» <...>.

Л. 50–51.

¹ Сестра С.М. Серова, учительница.

² Письмо направлено в Кисловодск (Петрушевская ул., д. 16).

³ Воячек Владимир Игнатьевич (1876–1971), профессор Военно-медицинской академии, известный отоларинголог.

...Последняя неделя была особенной и исключительной в жизни Петрограда: нашу опозоренную и поруганную столицу посетил Святейший Патриарх Тихон.

Что это за светлые, незабвенные дни!! Дни какой-то удивительной светлой духовной радости, полные новых зарождающихся надежд на лучшее будущее для родины и народа. Мне удалось быть на торжественном служении Патриарха в Казанском соборе. После литургии был крестный ход вокруг собора: несли образа Царицы Небесной, мощи святителя Гермогена, покрытые святительской мантией... картина была удивительная: ясный солнечный день, многотысячная толпа, залившая площадь, окружившая своего духовного царя и Владыку, вдохновенные песнопения — все это незабываемые минуты... Домой я вернулась в 4 часа. Вчера же мне удалось присутствовать на торжественном собрании с Патриархом у нас на Стремянной и получить его благословение. <...> Завтра будет торжественная литургия в Александро-Невской лавре, а вечером Патриарх отбывает в Москву. Да хранит его Господь и да даст ему силы довести спасение родины до конца. <...>

Л. 54–55.

М.А. СЕРОВА — С.М. СЕРОВУ

26 января 1919 г. <Кисловодск?>

Мы бы просто голодали, если бы не твоя мука! <...> Сережа, родной, если возможно, то пришли еще муки <...> немного сыру, т. к. он страшно дорог здесь. <...>¹

Л. 58 об. – 59.

¹ К письму приложено послание от дочери Ирины печатными буквами: «Дорогой папа, я целую тебя, приезжай скорей домой, твоя Ира».

14 апреля 1919 г. Кисловодск¹

<...> Слава Богу, Иринушка совсем поправилась и уже бегаёт. <...> Теперь она все время просит есть, просто покоя не даёт! <...> Привези перловой крупы для Ирины. <...> Купили дров, <нрзб.>, но дороговизна на мясо ужасная, т<ак> ч<то> придется привыкнуть к постной пище, что меня и пугает! <...>

Л. 62–63 об.

¹ Письмо направлено в Екатеринодар и адресовано в Управление начальника санитарной части.

ГОД
ЯПОНИИ
В РОССИИ

П.Э. Подалко

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЯПОНОВЕД:
К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ПАВЛА ВАСКЕВИЧА

ВСТУПЛЕНИЕ

«Память потомков» — вещь совершенно непредсказуемая; и здесь, в отличие от спорта, зачастую побеждает тот, кто пришел к финишу вторым, третьим, пятым... Как известно, Новый Свет открыл Христофор Колумб, а пролив между Чукоткой и Аляской — Семен Дежнев, но на карте остались имена Америго Веспуччи и Витуса Беринга. До сих пор историки науки ведут дебаты о том, кто постиг первым свойства кислорода: «наш» Ломоносов или «их» Лавуазье? Кто стал «настоящим отцом» дифференциального исчисления — Ньютон или Лейбниц? Нечто похожее мы видим и в судьбе русского дипломата, ученого и публициста Павла Васкевича, который некогда стал первым русским дипломированным японоведом, но непринятие им революции и жизнь в эмиграции привели к тому, что звание первопроходца отечественного японоведения отдали другим, а сам он оказался забыт в России на долгие годы...

История жизни Васкевича представляется ярким примером того, какую роль в нашей судьбе может сыграть случай, и вместе с тем как выбор, сделанный однажды в юные годы, определяет всю последующую жизнь человека. Когда-то, много лет назад автору этих строк выпала честь открыть имя Васкевича для японской научной и исследовательской аудитории; думается, пришло уже время познакомить и российских читателей с человеком редкой, удивительной судьбы, чья долгая жизнь вместила в себя три войны, почти двадцать лет дипломатической службы, путешествия, научную работу, нелегкие годы жизни в эмиграции. Наряду с очерком жизни и деятельности Васкевича ниже помещены фрагменты из его «Воспоминаний». Это их первое появление в России; подготовка к печати и все комментарии (включая текстовые) и сноски выполнены автором настоящей публикации.

ДОРОГА НА ВОСТОК

Павел Васкевич родился 16 декабря 1876 г. в селе Белёво Заславского уезда Волынской губернии в семье сельского священника. Согласно документам настоящее имя отца Васкевича было Георгий¹, но вследствие обиходной взаимозаме-

---

¹ Кондуитный лист студента 2-го курса Восточного института Васкевича за 1900 г. // РГИА ДВ. Ф. 226. Кн. 1. Д. 266.

няемости в дореволюционной России имен Георгий и Юрий, все люди, знавшие Васкевича, постепенно стали называть его Павлом Юрьевичем, и это написание будет принято в данной статье. Отец Васкевича рано умер, оставив вдову с шестью детьми, из которых Павел был самым младшим. После окончания на казенный счет Волынской духовной семинарии в г. Кременец Васкевич отбыл срочную службу в армии в 19-м пехотном Костромском полку, где сначала прошел курс обучения на звание унтер-офицера, а перед самой демобилизацией, сдав соответствующий экзамен, получил офицерское звание прапорщика запаса. Вскоре Васкевич узнал из газет о готовящемся открытии во Владивостоке Восточного института, после чего он принял решение закончить образование там, посвятив себя изучению Японии. С этой целью, получив от старшей сестры 100 рублей на дорогу, Васкевич отправился в Одессу, где ему удалось через агентство Добровольного флота оформиться как переселенцу на Дальний Восток, что помогло не только значительно сократить дорожные расходы, но даже получить подъемные. В пути он не терял времени даром, бесплатно занимаясь английским языком с помощником капитана, и заодно осматривал все имевшиеся достопримечательности в портах, где пароход делал остановки. Одной из последних была стоянка в Нагасаки, где Васкевич впервые увидел природу и жителей Японии. Вряд ли, однако, он мог бы предположить в ту пору, куда приведет его дорога, начавшаяся на пароходе «Саратов», с какими людьми сведет судьба; и уж конечно, едва ли он мог вообразить тогда, что именно Японии суждено будет стать последним пристанищем в его долгой и богатой событиями жизни.

Перед открывшимся 21 октября 1899 г. Восточным институтом стояла задача «подготавливать учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточно-азиатской России и прилегающих к ней го-

Студенты и слушатели первого набора Восточного института. Владивосток, 1899 г. Крайний слева во втором ряду — П. Васкевич

сударств», для чего наряду с преподаванием в нем живых языков стран Дальнего Востока впервые ставилась задача решить проблему нехватки специалистов — знатоков указанных стран. Первый набор учащихся состоял из 26 студентов, в том числе 4 вольнослушателей (по другим данным — 27 студентов, из них 3 вольнослушателя); принимались без экзаменов молодые люди, окончившие курс средних учебных заведений всех типов и ведомств [ПСЗ, с. 518, 521; Серов 1994; Хохлов 1994; ДВГУ 1999, с. 13, 33]. Но далеко не все из поступивших прошли полный курс обучения: отсеив был очень велик, и уже к третьему курсу в институте оставалось лишь 15 человек из состава первого набора. Среди них на японском отделении числилось трое, на китайском — четверо, на монгольском — трое и на самом многочисленном (!) в то время, корейском, — пятеро человек [Савада 1997, с. 149].

В то время в России японский язык уже преподавался в Петербургском университете (с 1888 г.), но на факультативной основе: обязательным предметом он стал только в 1908 г., хотя кафедра японской словесности была создана там уже в 1898 г. Таким образом, вплоть до 1903 г. (год окончания Васкевичем Восточного института) японоведами (или японологами — так в те годы называли эту профессию) в России становились выпускники восточного факультета Петербургского университета по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду, т. е. фактические китаеведы, как Е.Г. Спальвин или Д.М. Позднеев.

Иной была ситуация в Восточном институте, где уже после окончания студентами первого курса существовало разделение их на самостоятельные китайско-японское, китайско-корейское, китайско-маньчжурское и китайско-монгольское отделения. Как мы видим, китайский язык играл здесь роль своеобразной «латыни Дальнего Востока», и детальное знакомство с Китаем являлось обязательным условием для всех студентов без исключения, хотя собственно «китайско-китайское» отделение отсутствовало. Три последующих года шла фактическая специализация студентов по профилирующей стране и ее языку. Общие для всех отделений предметы включали китайский и английский (по желанию — также французский) языки. Для совершенствования в изучаемых языках студенты в период летних каникул направлялись в соответствующие страны, причем если преподаватели Восточного института должны были посещать изучаемую ими страну не реже одного раза в три года, то для студентов возможность проведения самостоятельных исследований во время каникулярных командировок была предусмотрена уже после первого курса.

Таким образом, оказавшийся в итоге единственным выпускником самого первого набора китайско-японского отделения Восточного института П.Ю. Васкевич стал первым в России **профессиональным японоведом**, чье образование с первого и до последнего дня пребывания в институте подчинялось главной задаче — всестороннему изучению прежде всего языка, а также особенностей культуры, истории и экономического развития Японии, ставшей к концу XIX в. основной соперницей России на Дальнем Востоке. В год окончания Васкевичем Восточного института будущие прославленные японоведы С.Г. Елисеев (1889–1975), Н.А. Невский (1892–1937), Н.И. Конрад (1891–1970) еще учились в гимназиях; с каждым из них судьба сведет его позднее, в годы службы Васкевича в посольстве России в Токио.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Уже летом 1901 г., окончив второй курс, Васкевич вместе с другими студентами японского отделения впервые посетил Токио, где состоялось его знакомство с послом, будущим министром иностранных дел России А.П. Извольским, а также знаменитым первосвятителем Японии архиепископом Николаем (Касаткиным). Через год (1902) он получил от института задание проехать западный регион Японии Хокурику от порта Цуруга до порта Ниигата, где подробно изучил все четыре западные префектуры Японии. Собранный им материал и в наши дни способен поразить воображение исследователя дотошностью и обстоятельностью, проявленными вчерашним третьекурсником, которого интересовали муниципальные органы, биржи, фабрики, торгово-промышленные палаты, банки, губернское управление, отделы морской полиции, налоговая система, ввоз и вывоз товаров, динамика численности населения и многое другое, вплоть до расценок в гостиницах и ресторанах. Его отчет о поездке был впоследствии награжден золотой медалью, отмечен в русской прессе и издан во Владивостоке отдельной книгой. Однако, будучи всего лишь студентом, Васкевич не привлек внимания к своей работе у представителей российской администрации, вследствие чего собранные им сведения не были использованы для подготовки к грядущей войне.

Невероятно, но, судя по всему, уже тогда уровень знания Васкевичем японского языка позволял ему не только вести разговоры на бытовые темы, но и читать специальную литературу и материалы, насыщенные особой терминологией, и это при том, что японский письменный язык начала XX в. был чрезвычайно труден даже для самих японцев. По положению студенты Восточного института уже на втором курсе должны были читать по-японски газеты и журналы, разбираться в скорописи, вести разговор на общебытовые темы, а ко времени окончания 4-го курса владеть иероглификой в объеме до 3000 знаков, переводить военно-политические статьи, составлять деловые бумаги, знать основы частной и официальной переписки. Уровень же владения китайским языком позволял Васкевичу при случае вести на нем беседу на равных с изучающими этот язык японцами.

Васкевич высоко ценил полученное им образование и всю жизнь тепло относился к своей альма-матер. Так, в октябре 1919 г., когда праздновалось 20-летие Восточного института, бывший тогда генеральным консулом России в Дайрене П.Ю. Васкевич пожертвовал пять тысяч рублей в пользу малоимущих студентов [ДВГУ 1999, с. 54].

15 мая 1903 г. состоялся первый выпуск студентов Восточного института. Васкевич был определен на службу в Амурскую казенную палату Министерства финансов в Хабаровске с откомандированием его во Владивосток. Результатом его первого задания на новом месте стала работа, которая и теперь является ценнейшим источником для изучения истории Дальнего Востока, — «Очерк быта японцев в Приамурском крае» [Васкевич 1905]².

---

² Впоследствии работа неоднократно переиздавалась.

Здесь Васкевич впервые в России обращается к проблеме иностранной колонизации Приморья на примере японской диаспоры. Нельзя не признать, сколь своевременны и необходимы были подобные исследования для молодой российской администрации в новых районах, освоение которых, по сути, толком лишь начиналось.

Говоря об «Очерке...», следует обратить особое внимание на дату, проставленную автором на последней странице рукописи: 24 января 1904 г. Этот день поставил точку как в мирном заселении японскими колонистами Дальнего Востока, так и в «гражданском» периоде карьеры Васкевича. В этот день Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, и японский военный флот вышел в Желтое море с боевым заданием — началась Русско-японская война, первая большая война XX в.

ВОЙНА И ПЕРЕМЫНЫ ПО СЛУЖБЕ

С началом войны Васкевич был вызван в Мукден в Штаб главнокомандующего российской армией в Маньчжурии и вскоре назначен драгоманом в Дипломатическую канцелярию наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева. После упразднения наместничества и расформирования Дипломатической канцелярии Васкевича прикомандировали к генерал-квартирмейстерской части Штаба главнокомандующего, которым был теперь назначен генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин³. Это была их вторая встреча: годом ранее Куропаткин, в ту пору — военный министр, присутствовал на церемонии первого выпуска студентов Восточного института. На этой должности Васкевич оставался и после замены Куропаткина генерал-лейтенантом Линевицем⁴, вплоть до заключения перемирия в войне. Тогда же Линевиц (возможно, не без влияния Васкевича) возбудил ходатайство о привлечении в качестве переводчиков для армии студентов (с жалованьем 155 рублей в месяц) и слушателей-офицеров Восточного института [ДВГУ 1999, с. 10].

В отчете генерал-квартирмейстера генерал-майора Генштаба В.А. Орановского относительно причин поражения в войне особо отмечена проблема нехватки профессионально подготовленных переводчиков, кроме студентов и выпускников Восточного института, которые были «единственные надежные и интеллигентные переводчики». Думается, основания для столь высокой оценки у него

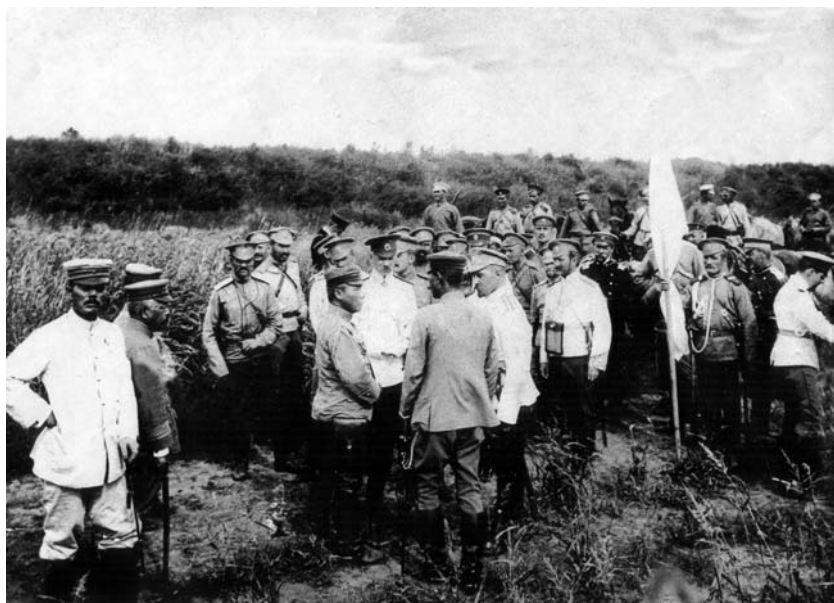
---

³ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, военный министр (1898–1904). Командующий Маньчжурской армией (с 7 февраля по 13 октября 1904 г.). Главнокомандующий всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке (с 13 октября 1904 г. по 5 марта 1905 г.). Командующий 1-й Маньчжурской армией (с 8 марта 1905 г.). Член Государственного совета, командующий Северным фронтом (1916), генерал-губернатор Туркестана (1916–1917).

⁴ Линевиц Николай Петрович (1839–1908), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Временный командующий Маньчжурской армией (до прибытия А.Н. Куропаткина). Командующий 1-й Маньчжурской армией (октябрь 1904 г.). С марта 1905 г. — командующий всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке (после сражения под Мукденом сменил А.Н. Куропаткина). 21 октября 1899 г. тогда еще генерал-майор Линевиц присутствовал в числе почетных гостей на церемонии открытия Восточного института.

«Пост сдал — пост принял»: смена главнокомандующего русской армией в Маньчжурии. Генералы А.Н. Куропаткин (слева) и Н.П. Линевиц. Фотография П. Васкевича

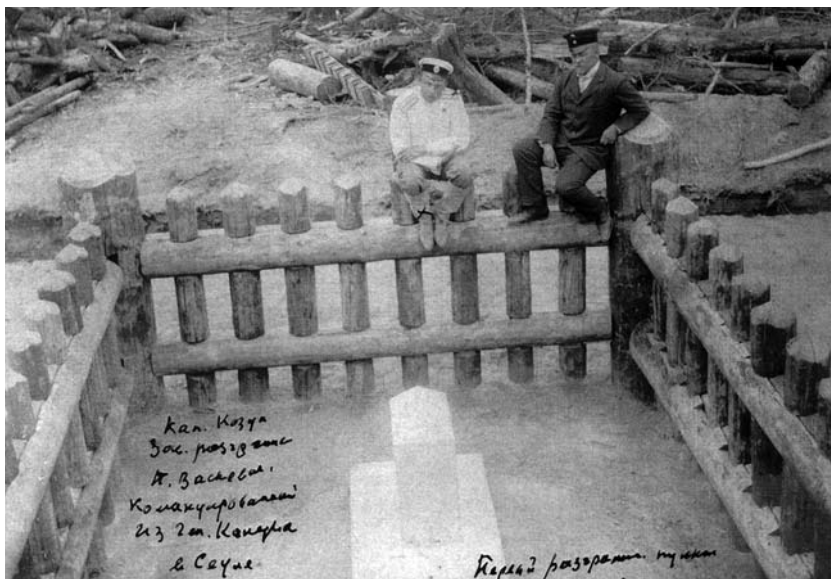

Переговоры представителей русской и японской армий о перемирии. Чжэцзятун, Сытингайские высоты. В центре: генерал В.А. Орановский (в белом мундире) и генерал Я. Фукусима (стоит спиной к камере). Справа от генерала Фукусима, в белом мундире — переводчик П. Васкевич

Васкевич во время Русско-японской войны (в белом мундире)

были: основным переводчиком на переговорах между генералом Орановским и генерал-майором Фукусима относительно заключения перемирия, проходивших в нейтральной зоне возле Сипингая, был первый выпускник Восточного института П. Васкевич.

Васкевич (справа, в темном мундире) во время работ по территориальному разграничению на Сахалине. 1906 г.

После заключения перемирия Васкевич выехал в Петербург, но не по Транссибирской магистрали, а через Японию, США и Европу. Одной из причин выбора такого маршрута было его всегдашнее стремление к путешествиям, желание увидеть как можно больше нового и интересного. Позднее, уже в Петербурге, после сдачи соответствующего экзамена, он окончательно оформил свой переход на дипломатическую службу. Рекомендацию для поступления в МИД Васкевичу написал лично генерал Линевиц.

Вскоре Васкевич получил новое назначение — в генеральное консульство России в Сеуле, откуда он был в качестве члена Разграничительной комиссии командирован на Сахалин, южная часть которого по условиям мирного договора должна была отойти к Японии. Позднее он был назначен управляющим российским консульством в Фузане (совр. Пусан). Об этом периоде он довольно подробно пишет в своих мемуарах, отмечая изменение позиции японских правящих кругов в отношении России после окончания войны.

ГОДЫ В ТОКИО

Спустя некоторое время Васкевич получил долгожданное назначение в посольство России в Токио, где он затем прослужил в течение шести лет, с марта 1911 по июль 1917 г., в должности драгомана при посольстве (двумя годами ранее Васкевич в течение нескольких месяцев уже работал в Токио, временно заменяя штатного драгомана А.К. Вильма) [Lensen 1968, p. 52–53].

Васкевич — драгоман посольства России в Токио

В Токио обязанности Васкевича зачастую выходили за рамки чисто профессиональной деятельности. Сохранилось письмо Н.А. Невского (в ту пору — молодого стажера) на имя Васкевича от 21 апреля (4 мая) 1916 г. с просьбой о предоставлении ему из средств посольства материальной помощи в связи с задержкой выплаты денег из России. Из содержания письма ясно, что, живя в Токио, Невский неоднократно встречался с Васкевичем, обращался к нему за советами по разным вопросам. В письме также упомянуты имена стажеров Н.И. Конрада и О.О. Розенберга, как хорошо знакомые адресату, и отмечается участие посольства в положительном решении их дел [Елисеев 2000, с. 236–237]. Благодаря современным исследованиям С.И. Махроновой (ИВР, СПб.) автору данного очерка стало известно также о том, что Васкевич состоял в переписке с С.Г. Елисеевым, незадолго до того вернувшимся в Россию после

*Персонал российского посольства в Японии в годы Первой мировой войны.
Нижний ряд: крайний слева — Д.И. Абрикосов, крайний справа — П.Ю. Васкевич.
Верхний ряд: крайний справа — В.А. Скородумов, в центре — посол Н.А. Малевский-Малевич, рядом — военный агент, генерал В.К. Самойлов (в фуражке)*

окончания им Токийского Императорского университета. Таким образом, можно заключить, что Васкевич, работая в Токио, был не только лично знаком, но и поддерживал регулярные контакты с крупнейшими представителями русского востоковедения на самом раннем этапе их профессионального становления; возможно, что он даже специально курировал их обучение со стороны посольства.

Там же, в посольстве, в числе прочих лиц состоялись встречи Васкевича с поэтом К.Д. Бальмонтом, российскими журналистами и писателями С.В. Яблоновским, Вас. И. Немировичем-Данченко и др.

Большое впечатление на Васкевича произвели похороны императора Мэйдзи, свидетелем которых он был и о которых оставил подробное описание в своих «Воспоминаниях». К этому же периоду относится знакомство Павла Юрьевича с Дмитрием Ивановичем Абрикосовым (1876–1951), с которым жизнь сведет его вновь почти через четверть века: именно Васкевич, проживавший тогда в

*Первый посол России в Японии
Н.А. Малевский-Малевич (1908–1916)*

окрестностях города Кобе, в годы Второй мировой войны приютил у себя Абрикосова, которому было опасно оставаться в Токио. В Токио же Васкевич познакомился со многими другими соотечественниками, позднее вновь встреченными им в Китае и в Японии в годы эмиграции. Здесь же он получил вместе с другими коллегами известие о произошедшей в России революции.

ЖИЗНЬ В КИТАЕ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

После Февральской революции 1917 г. российские дипломаты в Японии некоторое время продолжали работать в прежнем режиме. Более того, располагая весьма значительными средствами, посольство в Токио и в дальнейшем сохраняло известную самостоятельность и даже предпринимало попытки финансировать отдельные акции, направленные против установления советской власти в Сибири и Приморье.

В августе 1917 г. Васкевич получил через нового посла В.Н. Крупенского (он сменил Малевского-Малевица в 1916 г.) назначение консулом в город Дайрен (совр. Далянь, КНР), где он затем работал вплоть до официального закрытия консульства в 1925 г. в связи с признанием Японией советского правительства. По собственному признанию Васкевича, это была «самая тяжелая и неприятная полоса» в его жизни: непрерывно росло число беженцев из России, рассчитывавших на получение от консульства помощи, которую он мог оказать им далеко не всегда.

Оказавшись не у дел после закрытия им консульства, Васкевич купил участок земли в Инченцзы в окрестностях Дайрена и стал фермером. Помимо фруктового

Васкевич (второй справа в первом ряду) с группой японских и российских военных и дипломатов в годы службы в Токио

сада, он также организовал животноводческую ферму, к которой позднее добавилась пасека. В управлении сложным хозяйством ему помогала сестра Ольга Юрьевна, та самая, что некогда дала сто рублей на дорогу до Владивостока. Она еще до революции переехала к брату в Маньчжурию и с тех пор жила в его доме. В Дайрене Васкевич открыл молочный магазин, который быстро обрел популярность среди русских эмигрантов [Серебренников 1945, с. 114–115]⁵. Летом свой дом на молочной ферме Васкевич сдавал дачникам.

Жизнь людей в эмиграции, в отрыве от родины и привычного уклада и при отсутствии надежд на скорое возвращение, обусловили особую роль православной церкви как духовного центра, объединяющего и спланивающего людей на чужбине. Не был исключением и Дайрен. В списках прихожан регулярно встречается имя Васкевича, который являлся одним из самых щедрых жертвователей на нужды храмов. Больше него передавали церкви только известный предприниматель Чурин и атаман Семенов, состоявший на фактическом содержании у японской администрации в Маньчжурии⁶.

Постепенно режим в Маньчжурии начал ужесточаться, и Васкевич стал подумывать о переселении в другое, более спокойное и безопасное место. Продав свою ферму, он переехал в Какахаси (морской курорт близ Дайрена), где и поселился вместе с сестрой. Неожиданно, как это часто бывало в его судьбе, подвернулся случай перебраться в Японию, в город Кобе, где была значительная колония русских эмигрантов. Ему очень понравилось место в Сузурандае, неподалеку от Кобе, и он поделился своими впечатлениями с жившей там японской вдовой своего давнего знакомого и коллеги по посольству в Токио В.А. Скородумова (1880–1932). Узнав, что Васкевич выразил желание приобрести там участок земли, Скородумова оформила купчую, и он начал готовиться к переезду из Дайрена в Кобе.

Выгодно продав свое имущество в Дайрене местной пароходной компании и вложив часть средств в покупку земли и постройку дома в Сузурандае, Васкевич решил перед отъездом в Японию отправиться в океанский круиз, в ходе которого он посетил Гавайские острова, ряд городов на побережье Северной и Южной Америки и Африки, Таити, Цейлон. Описание этого путешествия было им опу-

Новое здание российского генконсульства в Дайрене, выстроенное под руководством П. Васкевича. 1921 г.

⁵ Stanford University, Hoover Institution Archives (Collection name: Serebrennikov I.I.) — получено автором от Н.Н. Аблажей (Институт истории СО РАН, Новосибирск).

⁶ См. журнал «Сэйкэ дзихо» («Православный вестник») за 1933–1935 гг.; получено автором от г-на Ода Ясухико.

*Интерьеры консульства в Дайрене.
Справа видна фигура Васкевича в его рабочем кабинете*

*Русские дипломаты в эмиграции. Стоит П. Васкевич.
Сидит второй справа В.А. Скородумов*

бликовано в нескольких номерах газеты «Харбинское время» зимой 1940 г., при этом он уделил немало места описанию самого парохода как примера рекламы для достижений Японии в области судостроения и художественного вкуса.

В Кобе Васкевич вернулся, преисполненный лучших чувств к японцам. К тому времени его старшая сестра скончалась, и первое время он жил в Сузурандае один, но с началом войны, узнав о неприятностях, возникших в Токио у Д.И. Абрикосова, он пригласил своего бывшего начальника поселиться вместе. Абрикосов с благодарностью принял это предложение и, получив специальное разрешение на переезд, переехал из Токио в Кобе.

ЖИЗНЬ В КОБЕ

«Сузурандай» по-японски — «Ландышевое плато», хотя, по саркастическому замечанию Абрикосова, за все время проживания там он ни разу не видел ни одного ландыша (Васкевич, однако, упоминает в своих мемуарах о наличии поблизости ландышей). Место, где они жили, находилось на расстоянии часа ходьбы от Кобе. Двум старикам требовалось приложить определенные усилия, чтобы избежать конфликтов, неизбежных при совместном проживании. Васкевич много лет находился в разводе; Абрикосов никогда не был женат. Оба привыкли жить, сообразуясь исключительно со своими личными интересами и вкусами, которые мало совпадали с интересами и вкусами напарника. Постепенно был достигнут компромисс, который заключался в четком распределении обязанностей каждого. За Васкевичем был оставлен огород и приготовление пищи; Абрикосов же взял на себя уборку в комнатах и во дворе, а также роль «фуражира», т. е. выстаивал часами в очередях для получения продуктов, распределяемых по карточкам.

Каждое воскресенье Абрикосов и Васкевич отправлялись в гости «на чай» к проживавшему неподалеку купцу Ф.Д. Морозову (1880–1971), одному из зачинателей кондитерского дела в Японии. Внучка Морозова Н.В. Тар ныне живущая в США, так вспоминает об этом времени: «Оба они всегда были одеты “с иголки”, в фетровых шляпах, при галстуках... Ходили они с тросточками <...> оба сохраняли учтивые манеры, дамам целовали руку. Абрикосов носил высокие воротнички, казался при этом немного старомодным, Васкевич же предпочитал более современный (т. е. простой) стиль одежды. Он был ниже Абрикосова ростом и казался старше, хотя они и были ровесники» (из разговора с автором. — П.П.). Из внешности Васкевича Н.В. Тар запомнились ярко-голубые глаза и овальное лицо с узким подбородком, похожее на лицо киноактера Кирка Дугласа⁷.

В годы войны положение иностранцев в Японии весьма осложнилось. Все эмигранты должны были регулярно являться в полицию для отметки либо принимать непосредственно у себя дома непрошенных визитеров. Требовалось особое искусство вести беседу в такой обстановке, чтобы не дать себя спровоциро-

---

⁷ Дуглас Кирк (Douglas; р. 9 декабря 1918) — американский киноактер. Сын эмигрантов из России (наст. имя и фамилия — Иссур Данилович Демски). Наиболее известен по фильму «Спартак» (1960 г.).

вать на невольную обмолвку, могущую иногда привести в итоге к самым тяжелым последствиям [Иванов 1978; Симонов 1977]⁸. Обычно эти разговоры брал на себя Васкевич, чье знание японского языка и обычаев было несравненно лучше, чем у его товарища. Неожиданно пригодился и огород: очень часто, чтобы поскорее выпроводить незваного гостя, ему вручались «в подарок» морковь или пучок лука, и тогда следующие несколько дней проходили спокойно. Хуже было, когда полицейские приходили группами; тут уже одним подарком отделаться было невозможно (а иногда было попросту нечего дать), и тогда Васкевич, искусно уходя от разговоров на политические темы, переводил беседу снова на свой огород, способы ухаживания за ним, о чем он мог говорить часами.

Но однажды и эта спасительная тема не помогла. Пришедшие с очередным обыском полицейские обнаружили у Васкевича радиоприемник с диапазоном приема коротких волн, что было строжайше запрещено. Несмотря на то что радио уже давно не работало на коротких волнах, а сам приемник был сломан, подозрения полицейских возросли, и они начали тщательно обшаривать дом. В ходе обыска они нашли географическую карту, показавшуюся им вдруг чрезвычайно подозрительной, так как на ней Япония была соединена с Германией линией, пересекающей территорию СССР в районе Памира и Средней Азии. Вообразив, что перед ними лежит некий секретный стратегический план, полицейские забрали с собой и карту, и хозяина в отделение для допроса. Васкевич категорически все отрицал. По его словам, в японских газетах, которые он регулярно читал, был опубликован план соединения Токио с Берлином прямой дорогой через Азию после победы в войне, и якобы он, Васкевич, мечтал быть первым путешественником, который мог бы проехать этим маршрутом. Его объяснения мало помогли, и, как писал об этом позднее Абрикосов: «Я никогда не видел своего друга таким испуганным. Уходя, он не думал, что сможет вернуться назад». Прдержав арестованного несколько часов в участке, его наконец отпустили домой. Стараясь запутать и одновременно запугать старика, на допросах его обвиняли во всех смертных грехах, вплоть до «государственной измены», хотя Васкевич не являлся подданным Японской империи и, следовательно, этому государству изменить не мог.

Как только немного улеглась тревога, вызванная картой «путешествия через Азию», возникла другая проблема: Япония все чаще подвергалась угрозе воздушных налетов, и всем домовладельцам было предписано подготовить к указанным срокам индивидуальные бомбоубежища. Тут уже невыполнение приказа могло грозить самыми суровыми последствиями. К счастью, Васкевич, который достаточно долго прожил к тому времени на Востоке и хорошо знал японскую психологию, понимал, что в ситуации, когда никто толком не знал, как должно выглядеть бомбоубежище, важен сам факт исполнения приказа. Ему, по словам Абрикосова, «никогда не испытывавшему недостатка в идеях», пришла мысль и тут использовать огород. После недолгих раздумий комиссии, которая пришла для проверки, был продемонстрирован погреб для хранения навоза, который был

⁸ См. также: Беседы автора с русскими эмигрантами (неопубл. рукописи).

тут же одобрен официально как внешне вполне достойное средство защиты от американских авиабомб.

Постепенно война шла к концу, и факт поражения Японии становился все очевиднее. Участились налеты американской авиации, ставшие особенно разрушительными весной 1945 г. После ряда особенно разрушительных налетов, уничтоживших значительную часть жилых кварталов Кобе, многие эмигранты остались без домов. Среди этих пострадавших был и старый знакомый Абрикосова Н.И. Бок с супругой, которые переехали в Кобе во время войны из города Такаока. Васкевич по просьбе товарища разрешил чете Бок поселиться у себя. Так домик в Сузурандае ненадолго пополнился еще двумя жильцами. Л.И. Бок, внезапно заболев, вскоре скончалась, после чего ее муж переселился в Токио, а после войны и вовсе покинул Японию.

После наступления мира Д.И. Абрикосов также начал готовиться к отъезду из страны. Наличие старых связей среди дипломатов западных держав облегчило ему получение американской визы, и в ноябре 1946 г. Васкевич навсегда простился со своим уезжавшим товарищем. Оставшись один, Васкевич прожил в Кобе еще двенадцать лет, по-прежнему по воскресеньям встречаясь за чашкой чая с семейством Морозовых. Он дарил детям Морозова книги по садоводству и русской истории, вспоминал в разговорах о своем участии в Русско-японской войне, обсуждал с ними последние политические новости. Позиция Васкевича при этом была неизменно антисоветской, а значит, прояпонской. Так, по словам В.Ф. Морозова (сын Ф.Д. Морозова, 1911–1999), Васкевич отрицательно отнесся к оккупации Советским Союзом Курильских островов, считая эту акцию нелегитимной, нарушающей прежние договоры между Японией и Россией. В последние годы жизни он часто нуждался в средствах. На выручку приходил все тот же сосед Морозов, хотя его и раздражало неумение Васкевича бережливо тратить деньги [Морозов б/д]. Васкевич с молодых лет увлекался фотографией; с возрастом он также начал собирать открытки с видами Японии, а также фотографии японских кинозвезд. В его архиве сохранились снимки известных актеров 1940–50-х гг., таких как Ямада Исудзу, Хара Сэцуко, Такаминэ Хидэко, Миякэ Кунио, Уэхара Кэн, Сабури Син и др.

Личная жизнь П.Ю. Васкевича сложилась не слишком удачно. После Русско-японской войны, уже состоя при генеральном консульстве в Сеуле (Корея), он 7 ноября 1907 г. женился на Нине Владимировне Ломан (1889–1936), дочери генерал-майора В.А. Ломана, бывшего начальника порта Владивосток⁹. В этом браке родились две дочери — Тамара (род. 18 окт. 1908 г.) и Нина (род. 1 окт. 1914 г.), однако уже в сентябре 1916 г. он был официально расторгнут епархиальным руководством в Петрограде (сам Васкевич в это время находился на службе в Токио), хотя, судя по сохранившейся переписке Васкевича, разъехались супруги гораздо раньше¹⁰. Вскоре Н.В. Васкевич повторно вышла замуж за князя Л.В. Урусова

---

⁹ РГИА ДВ. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 7. Л. 53 об. — 54.

¹⁰ См. письмо Васкевича С.Г. Елисееву от 15 (28) июля 1915 г. // ИВР РАН. Архив востоковедов. Ф. 16. Оп. 1. Д. 339 (получено автором от С.И. Марахоновой).

*Старшая дочь П. Васкевича Тамара
на ферме под Дайреном. 1920-е гг.*

(1877–1933), сослуживца Васкевича, который в 1914 г. прибыл в Токио в качестве первого секретаря посольства. Он же, очевидно, и был настоящим отцом родившейся в 1914 г. Нины, которая впоследствии официально именовалась княжной Ниной Львовной Урусовой (1914–2000). После революции 1917 г. Л.В. и Н.В. Урусовы покинули Японию и в дальнейшем обосновались в Европе; их общая могила находится на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Нина Львовна Урусова позднее эмигрировала в США, где 13 января 1945 г. вышла замуж за Т. Агишева (1914–1994). Сам же Васкевич после развода более в брак не

*Фото семей Ломан и Урусовых. Нижний ряд: крайняя слева — Н.В. Урусова
(в первом браке Васкевич). Верхний ряд: второй слева — князь Л.В. Урусов*

*Старшая сестра П. Васкевича Ольга Юрьевна (в центре)
и племянница Ида (Еликонида Николаевна)*

вступал. Его старшая дочь Тамара после развода родителей осталась с отцом. По неясной причине она рано ушла из жизни, не достигнув 20 лет (возможно, причиной тому стала некая болезнь). В Шанхае у Павла Юрьевича проживала племянница Ида (Еликонида Николаевна Ткаченко-Карамзина; 1904–1988), дочь его старшего брата Николая. После начала Первой мировой войны Николай Юрьевич Васкевич ушел на фронт, а дочь Иду он незадолго до этого отправил со своей сестрой, Ольгой Юрьевной Васкевич, в Маньчжурию, считавшуюся тогда сравнительно безопасным местом. Впоследствии, уже будучи взрослой, Ида поселилась в Шанхае, где она вышла замуж за доктора Л. Ткаченко, родила сына Володю, но вскоре овдовела. После войны семья была разлучена, и сын Иды, В. Ткаченко, которому было тогда около 20 лет, оказался впоследствии в Советском Союзе. Она же сама некоторое время продолжала жить в Шанхае, но позднее ей удалось вместе с другими русскими эмигрантами выехать на остров Тубабао (Филиппины), где беженцы из числа так называемых перемещенных лиц ожидали решения своих судеб от Международного Красного Креста. Пробыв там около двух лет и получив наконец разрешение на въезд в США, Ида по пути в Америку заехала в Японию, где она в последний раз виделась в Кобе со своим дядей. Именно она в последние годы жизни Васкевича оказывала ему материальную поддержку, оплачивая его долги и высылая небольшие денежные переводы¹¹. Более близких род-

¹¹ См. неопубликованные письма Васкевича из архива автора.

*Верхний ряд: шестой слева — П. Васкевич (в белой манишке),
нижний ряд: третья справа — Ида Васкевич*

*Ида Васкевич (в браке Карамзина). США.
1950-е гг.*

ственников у Васкевича к тому времени не оставалось, и к Иде должно было отойти то небольшое имущество, которое он имел. Большие надежды Васкевич возлагал на продажу своей коллекции картин и других произведений японского и китайского искусства, но покупателя не нашлось, и коллекция осталась в итоге непроданной. Последние годы жизни Васкевич держал экономку — пожилую японку, вдову его дайренского знакомого, швейцарца по фамилии Меклер. Вдова Меклер (японское имя Нагано Симэ) проживала в Нагасаки, где ее имущество было уничтожено атомным взрывом. Она обратилась за помощью к Васкевичу, и он ее охотно предоставил в обмен на ее помощь по дому. Ей же в итоге досталась значительная доля имущества Васкевича после его смерти, так как Ида, жившая и работавшая в то время в Нью-Йорке, не смогла приехать на похороны дяди. В Америке Ида вы-

шла повторно замуж; ее вторым мужем стал Алексей Александрович Карамзин, внучатый племянник знаменитого писателя и историка Н.М. Карамзина¹².

П.Ю. Васкевич завещал себя кремировать после смерти, что вызвало неожиданное противодействие со стороны священника православной церкви в Кобе, отца Михаила (Гордиенко) под предлогом того, что это противоречило христианскому обряду. Однако поддержку оказал токийский епископ Ириней, позволив кремировать тело после отпевания, что и было в итоге сделано. Хлопоты по устройству похорон взял на себя В.Ф. Морозов. Место для могилы было выбрано им на Иностранном кладбище Кобе, неподалеку от покоящегося там же В.А. Скородумова, других русских эмигрантов.

Автор настоящей публикации выражает свою глубокую и искреннюю признательность русским эмигрантам, японским и российским ученым и всем лицам, благодаря помощи которых был собран материал для данного очерка.

Источники и литература

ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской академии наук, СПб.

РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, Владивосток

Васкевич 1905 — *Васкевич П.* Материалы к изучению быта японцев в Приамурском крае // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 39.

ДВГУ 1999 — ДВГУ: История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999.

Елисеев 2000 — С.Г. Елисеев и мировое японоведение: Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2000.

Иванов 1978 — *Иванов М.И.* Япония в годы войны: (записки очевидца). М., 1978.

Морозов — *Морозов Ф.Д.* На память потомству. Б. д., б. м.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи: в 33 т. 3-е изд. Т. 19. СПб., 1902.

Савада 1997 — *Савада Кадзухико.* Материалы к исследованию проблем истории японо-российских отношений в период конца эпохи сегуната и начала эпохи Мэйдзи. Университет Сайтама, 1997.

Серебренников 1945 — *Серебренников И.И.* Мои воспоминания <: в 3 т.>. Рукопись. Т. 3: Среди китайских междоусобиц (1925–1936). Тяньцзинь, 1945.

Серов 1994 — *Серов В.М.* Становление Восточного института (1899–1909) // Известия Восточного института. Владивосток, 1994. Вып. 1. С. 14–36.

Симонов 1977 — *Симонов К.М.* Япония-46. М., 1977.

Хохлов 1994 — *Хохлов А.Н.* А.М. Позднеев — основатель Восточного института во Владивостоке // Известия Восточного института. Владивосток, 1994. Вып. 1. С. 37–47.

Lensen 1968 — *Lensen G.A.* Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. Tokyo: Sophia University, 1968.

---

¹² В довоенные годы семья А.А. Карамзина снимала у Васкевича дачу на ферме под Дайреном; т. е. Васкевич знал Карамзина еще ребенком.

Текст «Воспоминаний» П.Ю. Васкевича печатается по оригиналу авторской рукописи, обнаруженной мною в 2000 г. в Музее русской культуры в Сан-Франциско (США) во время сбора материалов по истории русской диаспоры за рубежом. Основному тексту предшествует сопроводительное письмо Васкевича, адресованное неустановленному лицу, скорее всего контр-адмиралу Б.П. Дудорову (1882–1965), проживавшему в США (см. примеч. 1). В этом письме Васкевич объясняет мотивацию написания им мемуаров как желание поучаствовать в подготовке сборника воспоминаний русских эмигрантов, посвященного 50-летию окончания Русско-японской войны, и дает подробные указания по использованию его текста в случае невозможности опубликования. По неясной причине текст «Воспоминаний» в итоге не был включен в упомянутый сборник («Порт-Артур. Воспоминания участников». Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955), но копия осталась в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско. Готовя рукопись к печати, я старался максимально сохранить особенности стиля и орфографии П.Ю. Васкевича, учитывая его собственную рукописную правку отпечатанного на машинке текста. Редактирование, таким образом, свелось в основном к добавлению комментариев там, где это могло помочь современному читателю лучше понять события ушедшей эпохи, и к уточнению отдельных персоналий. Прочее же, включая авторские самоповторы и стилистические особенности, сохранено в том виде, как это было написано шестьдесят пять лет тому назад.

П.Э.Подалко

П.Ю. Васкевич — <Б.П. Дудорову>

30 октября 1953 г.

5, Сузурандай, Кобэ¹

Глубокоуважаемый Борис Петрович!

В своем последнем письме Вы сообщали мне, что заняты подготовлением разных воспоминаний и прочих материалов, которые имеются в особом сборнике, в связи с предстоящим 50-ти летием Русско-японской войны. Вспомнил, что и я в некотором роде «пролил кровь «за отечество» <так в тексте. — П.П.>, будучи участником ее в составе Штаба Главнокомандующего от начала ее до конца. Пользуясь дождями и тайфунами, которыми так оказался <богат> настоящий год в Японии <и> причинившими столь<ко> разрушений, когда трудно было отдаваться своим любимым занятиям в саду, — усадил себя за пишущую машинку, чтобы со своей стороны отметить некоторые эпизоды из этой войны, как они остались у меня в памяти. Яркой для меня осталась страница гибели адмирала Макарова, которая <гибель> и мне угрожала, но лишь случайно пришлось слышать звук той мины, которая взорвала броненосец «Петропавловск», а с ним в пучинах моря погиб адмирал Макаров, с именем которого было связано столько надежд и чаяний

русского народа, что с его прибытием на фронт он сумеет повернуть русло войны в обратную сторону и сумеет возместить потери нашего флота по началу войны под Порт-Артуром. Я был командирован в его распоряжение и на какой-нибудь час-два опоздал явиться на броненосец «Петропавловск». Ему я решил посвятить строки своих воспоминаний, которых в сущности оказалось очень мало, касающихся его лично, как фигуры выдающейся нашего флота. Этот пробел восполнят другие, ближе знакомые с его значением и теми следами, какие он оставил после себя в Морском ведомстве. Отделивши «плевелы» из моих воспоминаний «Из прошлого в связи с настоящим. Памяти адмирала С.О. Макарова, в связи с пятидесятилетием Русско-Японской войны», может быть, найдется место и для них в этом сборнике.

Оригинал этих воспоминаний мной одновременно отправляется в РООВА, 315 Е. 10 стр. Нью-Йорк 9², с предложением их где-нибудь напечатать, и если бы при этом получался какой-либо «профит», присоединить его к тем средствам, какие у него имеются для вспомоществования нуждающимся воинам минувших войн, в первую очередь ветеранам Русско-японской войны.

В своих воспоминаниях я упомянул о желании приподнять занавес против всех тех досужих разговоров, что мы были неосведомлены о предстоящей войне с Японией, и ничего поэтому с нашей стороны не предпринималось. Но все же я слишком уклонялся от темы и много вспоминал о частностях из своей личной жизни, что, конечно, мало кого-нибудь может интересовать. Когда начал перечитывать, то хотелось все это выбросить, но чувствовал себя не в силах заниматься перепиской. То, что мной исправлено и кое-где дополнено, в таком виде, конечно, не годится отправлять в редакцию. Возлагать на Вас этот труд не собираюсь, а попросту прошу, если материал не подойдет, сдать его в архив Русского центра в Сан-Франциско.

Искренне Ваш П. Васкевич

Все, что Вы сделаете с моими «Воспоминаниями», спорить и прекословить не стану. Прошу по использованию или без одного отправить в Русский центр в связи с полученной от его председателя П.Ф. Константинова <просьбой> восполнить его архив разными книгами, имеющими отношение к русско-японским отношениям.

П.Ю. Васкевич

---

¹ Текст данного письма, сохранившийся в архиве Музея русской культуры при Русском центре Сан-Франциско, как и основной текст «Воспоминаний», был отпечатан на машинке, но рядом с именем «Борис Петрович» стоит сделанная кем-то от руки синим цветом пометка «Бок», что не позволяет однозначно установить имя адресата. Действительно, в подготовке к печати сборника воспоминаний русских эмигрантов — участников войны 1904–1905 гг. («Порт-Артур. Воспоминания участников». Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955) принимал активное участие бывший капитан первого ранга Борис Бок, но его отчество — Иванович. Либо Васкевич перепутал отчество, либо это — ошибка лица, сделавшего указанную пометку, а само письмо исходно было адресовано контр-адмиралу Борису Петровичу Дудорову (1882–1965), также проживавшему в 1950-х гг. в Сан-Франциско и, подобно Б.И. Боку, участвовавшему в подготовке к изданию вышеупомянутого сборника,

куда вошли также его собственные воспоминания. К сожалению, конверт с полным именем адресата данного письма до сих пор обнаружить не удалось. Об этом см.: *Васкевич П.* Из прошлого в связи с настоящим. Памяти адмирала С.О. Макарова и к 50-летию Русско-японской войны. Воспоминания (печат. текст, авторская версия) — Museum of Russian Culture (San Francisco), #118-1.

Здесь и далее текст печатается с сохранением особенностей авторского стиля и лексики П. Васкевича. Внесенные им позднее в уже напечатанный текст поправки и уточнения, вписанные большей частью от руки, заключены в угловые скобки. Аналогичным образом оформлены пояснения, необходимые для лучшего понимания отдельных мест современным читателем, с указанием на публикатора текста — П. Подалко.

²New York-9, 10th Street, East 315. По этому адресу находилась организация, оказывавшая материальное содействие русским эмигрантам.

Павел Васкевич

ВОСПОМИНАНИЯ

Из прошлого в связи с настоящим.
Памяти адмирала С.О. Макарова,
к 50-летию Русско-японской войны

Японцы, успешно осваивая разные достижения Европы и Америки в области техники, в частности военной, не опустили из виду психологического значения последней.

Профессор тактики Берлинской военной академии генерал Клаузевиц¹, столь популярный в военной среде Японии, учил, что мало технически подготовиться к войне с противником, но весьма важно по началу войны неожиданно нанести ему чувствительный удар по одной из важных его баз, чтобы этим не только обеспечить себе дальнейший успешный ход военных операций, но и в то же время удручающе подействовать на психику противника и одновременно приподнять дух и настроение масс населения собственной страны.

Верные заветам своего учителя, японцы хорошо подготовились к войне с Китаем и неожиданно для него высадили свой десант на острове Формоза <совр. Тайвань. — П.П.>, сделав его выгодной во всех отношениях коммуникационной базой для своих дальнейших военных операций, которые были очень скоро закончены. В результате, по Симоносекскому договору им досталась Формоза, которую в отдаленном прошлом они считали им принадлежащим <островом>, как и остров Сахалин и Корею.

В связи с этим договором великие державы «компенсировали»: Англия заняла Вейхайвей, Германия — Циндао, Россия — Порт-Артур.

Не только выдающийся финансист, но и в то же время прозорливый государственный деятель крупного масштаба С.Ю. Витте, предвидя возможность в дальнейшем осложнений с Японией из-за наших агрессивных действий в Корею, поторопился соединить Порт-Артур сплошным рельсовым путем с центром России и одновременно заняться укреплением Порт-Артура и устройством коммерческого

порта в Дальнем. С помощью последнего намечалось развить широкие торговые интересы не с одним Китаем, его емким рынком, но и с Японией и всеми островами, расположенными к югу от Китая, богатыми своими природными ресурсами.

Одновременно, для подготовки молодых людей к административной и торговой деятельности в странах Дальнего Востока, им был учрежден во Владивостоке Восточный Институт.

Раздавшийся по всем уголкам России горделивый голос <о том, что русские> «без выстрела заняли Порт-Артур», привлек внимание и автора этих воспоминаний, намеревавшегося по окончании Волынской духовной семинарии закончить свое образование в Сельскохозяйственном институте и строить свою будущую жизнь в единении с природой, чувствовавшего с ранних лет влечение к ее прелестям и красотам. Им было быстро изменено такое его намерение, и он решил закончить свое высшее образование в Восточном Институте, посвятив себя изучению Японии, до того ему знакомой лишь по курсу географии, как крошечный строй, заброшенный где-то на краю света, но вдруг привлечший к себе внимание всего мира, оказавшись победительницей в войне с седым Китаем, у которого в отдаленном прошлом ее истории она восприняла его культуру и его иероглифическую письменность.

Видимо, Дальний Восток привлек внимание многих русских, если в Волынской губернии нашелся среди далеко <довольно? — П.П.> богатых помещиков <некто> Дурилин, откуда-то узнавший о моем намерении посвятить себя изучению Японии, <который> пожелал повидаться со мной, и, видимо, узнавший от кого-то, что я не располагаю средствами, предложил обеспечить меня на первый год по поступлении в Восточный Институт стипендией в размере 500 рублей. Память о нем, исполненная искренней благодарности, сохранилась у меня навсегда.

Было бы большим пробелом в моих воспоминаниях, если бы я не вспомнил своей «альма-матэр», давшую мне возможность, в детстве лишившемуся отца и оставшемуся без всяких средств, получить образование на казенный счет, с особой любовью и благодарностью. Хочется отметить и роль тех преподавателей, которые оставили после себя глубокую память. Среди них выделялся Б.С. Давидович, блестяще окончивший Санкт-Петербургский университет по историко-филологическому факультету и оставленный при университете для приготовления к профессорской кафедре по истории. Он предпочел вернуться в лоно своей «альма-матэр» — Волынской духовной семинарии — на должность преподавателя всеобщей истории и русской <истории> в город Кременец, который был когда-то центром польского образования в Юго-Западном крае, где один из образованнейших польских деятелей того времени, крупный помещик Федор Чацкий на собранные им деньги среди помещиков учредил Польский лицей, сгруппировав вокруг него умственный и политический центр — многочисленные его многоэтажные здания, с чудной библиотекой и ботаническим садом, среди которого были сгруппированы здания Лицея. Сад занимал несколько десятков десятин земли и примыкал к подножью живописных отрогов Карпатских гор, прогулки по которым доставляли громадное удовольствие учащимся и приучали их ценить и восхищаться красотами природы. Все это после польского восстания 1830 года было передано в ве-

дение Волынской духовной семинарии, находившейся до этого времени в городе Остроге, считавшемся до того русским православным просветительским центром со времен князя Константина Острожского. Добавления Б.С. Давидовича к учебнику истории Иловайского, особенно о значении Французской революции и русской истории, начиная с царствования Петра I, остались более в памяти его учеников, чем изложения их почтенными авторами этих казенных учебников. Особенно осталась в памяти его речь в связи с кончиной императора Александра III, что все усилия покойного и охрана <им> мира не достигнут успеха. Мы стоим накануне больших мировых войн и величайших потрясений. Мир разделится на два враждебных лагеря. После больших усилий с той и другой стороны будет достигнуто то, к чему давно стремятся передовые умы как прошлого, так и настоящего. Войны с ужасными последствиями как для побежденных, так и <для> победителей будут отойти в область невозвратного прошлого.

Сейчас мы как будто стоим на грани этих событий. Как бы вожди коммунизма, засевшие в Москве, ни старались навязать свои принципы государствам всего мира с помощью насилия и грубого обмана, все же для человека свобода останется высшим достижением его и лучшим двигателем к творчеству и прогрессу.

История человечества преисполнена в своих взаимоотношениях людских заблуждений. Борьба партий есть борьба идей, и конечная победа останется за идеями самодовлеющими, вложенными в основу разума и сердца. Важно убедить человека, что он творит зло в заблуждении и ослеплении, не сознательно. При этом <ему> должна быть чужда даже тень человеконенавистничества и вражды. В этом случае подступы президента Айзенхауэра² к разрешению этого вопроса с помощью Объединенных Наций, <с тем чтобы> примирить несогласные стороны и предупредить новую кровопролитную войну, превосходящую все ужасы прошлых войн для обеих сторон, вполне отвечают вышеизложенным тезисам. Они полны благожелательства и дышат чувством дружелюбия к противнику и старанию <так в тексте. — П.П.> довести до его сознания ошибочность его идей коммунизма, лишаящих прежде всего человека свободы, этого важнейшего стимула для здоровой жизни, чуждой всякого насилия. Сущность его устремлений — не захват чьей-либо территории, что входит в программу верхов коммунизма Москвы, а мирное сожительство всех народов, основанное на общности интересов всех государств, не ущемляя их верований, их традиций, их обычаев, что достигнуто свободными гражданами САСШ-в³ у себя дома, при их конгломерате племен, наречий, религиозных верований и обычаев.

Конечно, для согласования всего этого с помощью Объединенных Наций потребуются известные усилия и время, пока верхи коммунизма Москвы все это осознают и убедятся <в своих ошибках>. Для этого прежде всего нужно просвещение в духе истины и правды, считаясь с человеком как свободным гражданином, а не рабом их, во всем только им поддакивающим, как это фактически существует в СССР, с помощью зоркого ока ГПУ. Спокойный подход к этому вопросу в результате скорее их разубедит в неправильности их мышления и действиях, чем война, одинаково убийственная для обеих сторон. Возможно, что в этих моих суждениях кроются отклики тех мыслей, которые были навеяны моим учителем

истории Б.С. Давидовичем, личностью исключительно благородной, преисполненной благожелательства к людям, в частности и к своим ученикам, не знавшим у него отметки «двойки», чем он самых ленивых вынуждал быть недостойным такой отметки своего любимого учителя.

Воскресает в памяти среди многих других учителей, оставивших после себя самые лучшие воспоминания, крошечного роста, живой, подвижной, весьма остроумный преподаватель латинского языка, который ухитрялся за уроками скучные переводы Овидия уснащать русскими пословицами и поговорками, безбидно принимавшимися за свой счет неподготовившегося к переводу <ученика>. Они часто приходят на память автору этих воспоминаний, и ими он часто злоупотребляет. Он же <был> регент чудесного многочисленного церковного хора, причувившего <меня> ценить русских как духовных композиторов, а также народных русских и малороссийских песен <так в тексте. — П.П.>. Ему я, будучи сам безголосым, обязан любовью к музыке и пению, и ряд подобранных мною пластинок улаживают мои перерывы в работе в саду, который я полюбил, вероятно, тоже потому, что вырос среди векового ботанического сада и живописных отрогов Карпатских гор, по которым так часто предпринимались прогулки сообща с песнями.

Любя природу и музыку, я счастливо доживаю свои последние годы, хотя и не без задней мысли тешу себя, что при своем режиме я должен дотянуть до ста лет, по меньшей мере. Место, куда меня привели три вековых сосны, где я сейчас живу, носит красивое название «Сузурандай», что значит в переводе с японского «Ландышевое плато». Устроивши здесь небольшой домик незадолго до минувшей мировой войны, я ждал с нетерпением наступления весны, чтобы подышать и насладиться нежным запахом ландыша, который на отрогах Карпатских гор растет в диком состоянии, как и здесь. Наконец появились стебли этого цветка, формы несколько иной, в виде длинного стебля с пестрыми листьями, цветы расцвели в форме колокольчика, совсем как у нашего ландыша, но запаха <при этом они не дают> никакого, словом, «Федот, да не тот». Вспомнил я тогда сложившуюся про Японию поговорку, что в ней «цветы без запаха и женщины без любви». Действительно, по пальцам можно перечесать, какие из растений и цветов издают запах. Пожалуй, что и среди японок не так много <таких>, которые одаряли бы своих мужей той беспредельной, жгучей, страстной любовью, какой пользуются, правда, тоже не особенно многие европейцы или американцы, не считая испанцев. Но все же японки одарены многими другими положительными чертами своего характера, которые сторицей покрывают вышеперечисленные качества европейской женщины.

Японка скромна, приветлива. Полна чарующей, прирожденной ей улыбкой, трудолюбива, аккуратна, любит красиво, со вкусом наряжаться, не столько для того, чтобы привлекать внимание других, сколько из-за присущей ей, прирожденной любовью ко всему прекрасному, и к цвету, и к красивой, с цветочками посуде, и конечно — к своему наряду, умея подбирать тона материи со вкусом, которому могут позавидовать законодательницы мод Парижа. Она покорна воле своих родителей, и браки заключаются японками чаще всего по выбору родителей. Если случаются разводы, то большей частью не по ее вине. В этом случае мужской пол

оставляет желать много лучшего, чем той доли, какую несет японская женщина. Развод производится без всяких доказательств виновности того или другого, за подписью двух свидетелей. Как жена, японка прекрасная, экономная хозяйка, старающаяся угодить во всем мужу. Она его приветливо, с улыбкой встречает и так же провожает из дому, даже в тех случаях, когда знает, что ему лучше было бы сидеть дома.

Как мать своих детей, она исключительно заботлива. Ласкова, и ребенок не знает окриков, даже в том случае, когда расшалившегося нужно было бы попридержать какими-нибудь более радикальными мерами. Вместо этого она прибегает к ласковому слову, но никак <не> к пинкам.

Ребенок дисциплинируется школой, куда он поступает с шестилетнего возраста. Обязательное посещение детей с этого возраста школы было введено как одна из первых мер, с чего начались реформы эры Мейдзи, давшие такие блестящие результаты, когда японцы по стечению каких-нибудь пятидесяти лет достигли блестящего развития на самых разнообразных поприщах культуры, в том числе и исключительной военной подготовки, которая сказалась на результатах их войн с Китаем и Россией.

Как приятно наблюдать за детьми в школе, когда они по одному слову учителя или учительницы быстро выравниваются <в строю> и хранят гробовое молчание в ожидании их команды. Любо смотреть на них, как во время своих прогулок по живописным местам, которых так много по всей Японии, когда они зарисовывают в свои тетради избранные ими ландшафты. Трудно найти в Японии самый бедный дом, в котором не висело бы какоемо — горизонтальный снимок по материи, чаще всего какого-нибудь одного из мифологических семи богов счастья с улыбающимися довольными лицами, исключая бога войны со страшным свирепым лицом и мечом в руках, а также видов живописных уголков Японии.

Заручившись поддержкой Дурилина насчет стипендии, <это> меня очень приободрило. <Теперь> нужно было подумать о средствах, как доехать во Владивосток. Получивши от старшей сестры, по профессии учительницы, максимум того, чем она могла мне помочь, я со ста рублями в кармане двинулся в путь «ковать свое будущее».

По прибытии в Одессу меня ждало разочарование: билет на пароходе по третьему классу стоил сто двадцать рублей. Агент пароходства Добровольного флота Ергомышев нашел выход из такого положения, предоставив мне билет, вопреки правил, как переселенцу, стоивший чуть ли не вполтину меньше, и я смело двинулся в путь-дорогу на пароходе «Саратов».

На пароходе нашелся бесплатный учитель английского языка, который в Восточном Институте <был> обязателен наряду с китайским и языком той страны, которой студент собирается посвятить себя изучению — Японии ли, Кореи или Монголии, в лице помощника капитана. По пути нашлись добрые люди, которые во время остановок парохода в разных портах облегчали мне способ передвижения, <и> таким образом, в Константинополе я имел возможность осмотреть исторический Собор Святой Софии, обращенный в мечеть, и разные другие достопримечательности его, <как> и ряда других портов.

Остановка в Нагасаки, с его колоритной жизнью японцев, столь разной <отличной> от европейской, с чарующей природой Японии, ее приветливым народом, приободрила меня <в том>, что мое подсознательное <чувство> не обмануло меня, <в том> что я решил заняться изучением этой страны, раньше мне совсем незнакомой.

Во Владивосток я прибыл за месяца три до открытия Восточного Института. Чтобы не терять времени и кое-что заработать, чтобы оправдать расходы на свою жизнь до его открытия, с какого времени мне было обеспечено существование стипендией Дурилина, я поступил на службу в контору агента Китайской Восточной железной дороги на жалованье значительно выше других, приехавших со мной на пароходе. На их протесты агент Дыновский отговаривался, что я не получил никаких подъемных и проездных, какими они были снаряжены от дороги.

При открытии Восточного института его директор, в прошлом заслуженный профессор и декан Восточного факультета Петербургского университета, известный монгололог <так в тексте. — П.П.>, Д.М. Позднеев⁴ держал речь, напомнив студентам о тех тратах народных средств на содержание Восточного Института и тех их обязанностях, какие они несут перед родиной по изучению ими стран Дальнего Востока, чтобы быть достойными работниками, знающими их. Он был строг и требователен и часто предупреждал студентов от увлечения Марксом, этим поветрием, с книгой которого многие студенты начинали свое вступление в высшее учебное заведение.

Учение в Институте требовало больших умственных напряжений и память, чтобы одолеть китайскую грамоту наряду с другими научными дисциплинами, как в области юриспруденции государственного и международного права, так равно истории каждой из стран Дальнего Востока, включая до курса по счетоводству, чтобы подготовить людей как для административной, так и коммерческой деятельности.

Незаметно в большом напряженном труде прошел год, и на каникулярное время перешедшие на второй курс, а их из восьмидесяти семи поступивших оказалось около тридцати человек, были командированы в Пекин для практического ознакомления с Китаем. Средства для этого были добыты Попечительским Советом при Институте, в состав которого вошли представители всех крупных торговых фирм, как-то: Чурина, Кунст-Альберса, Бринер-Кузнецова и ряд других, чутко отозвавшихся на помощь студентам этого детища С.Ю. Витте.

Путь наш лежал пароходом до Порт-Артура, далее из Инкоу по железной дороге до Пекина. В Порт-Артуре мы были свидетелями той интенсивной большой работы, которая особенно велась Военным и Морским ведомствами. Прошли слухи незадолго до назначенного времени нашего отъезда об успехах поднятого восстания в Китае боксеров, которые направляются к Пекину, и нам советовали отказаться от дальнейшего следования. Мы все же решили выполнить свою миссию и ехать в Пекин. <Однако> не доехавши до Тяньцзиня, как путь к Пекину был отрезан, и нам пришлось вернуться обратно в Порт-Артур. Тем же пароходом, по бесплатному билету первого класса пароходства Восточно-Китайской железной дороги, мы двинулись обратно во Владивосток. По пути, поблизости Нагасаки,

нас настигла буря — один из страшных тайфунов, этого бедствия стран Дальнего Востока, и наш пароход потерял возможность сопротивления, и его нанесло на одну из скал острова Оки, поблизости Нагасаки. Дно парохода было разворочено, и началась течь, угрожавшая гибелью пароходу, если бы по счастью ветер не начал утихать к ночи. На следующий день на помощь прибыл пароход из Нагасаки и всех пассажиров свез на берег. Нас разместили в первоклассной чудной гостинице «Нагасаки-отель», и там мы в ожидании следующего парохода прожили около десяти дней. За это время мне пришлось еще больше убедиться, насколько сложна и интересна жизнь японцев, и понадобится много труда, чтобы изучить их жизнь, особенно иероглифическую их письменность, позаимствованную в глубоком прошлом их истории у седого Китая, наряду с другими его культурными достижениями, когда Китай считался одним из самых могущественных, цивилизованных и сильных государств всего мира.

Незаметно прошел второй год, и на этот раз избравшие своей специальностью изучение той или иной страны — Японии ли, Китая, Кореи или Монголии, на каникулярное время были командированы в эти страны. Избравшие изучение Японии были отправлены в Токио. Поселились мы поблизости Токийского университета в одной из больших гостиниц, до отказа переполненной студентами. Оделись в кимоно, очень удобное и подходящее для летней жары Токио, питались исключительно японской пищей, посещали по вечерам театры, которые являлись одним из лучших средств для ознакомления с прошлым Японии, которое так тесно у них связано с настоящим, несмотря на некоторое увлечение Европой и ее достижениями. Встретили нас японские студенты очень приветливо, и никто из них не отказывался помочь нам в наших затруднениях. Они явились прекрасным дополнением к урокам, которые давал нам опытный преподаватель одной из гимназий.

Сочли мы своим долгом посетить наше Посольство, где нас очень любезно принял наш посланник Извольский, <который> интересовался программой Института и как мы устроились. При прощании он в очень деликатной форме нам заметил, что при Посольстве имеется церковь, не для одних его служащих, <a> и всех русских, проживающих в Токио, чтобы им не терять своей духовной связи с родиной и ее обычаями. «Я не касаюсь ни ваших религиозных, ни политических убеждений, но мне было бы желательно видеть вас в церкви за церковными службами» — такое его предупредительное отношение побуждало нас быть аккуратными посетителями храма, видя при этом в его лице пример, что сам он для этого спускался с гор Никко, где проводил летом время на даче. Не скрою и теперь, что для нас являлся при этом большой приманкой ожидавший нас завтрак, к которому он каждый раз нас приглашал.

Сочли мы своим долгом навестить и Первосвященника Православной Церкви Архиепископа Японского Николая. Подвижной, деятельный, анахорет в своей жизни, <он> принял нас сердечно, интересуясь, как мы устроились, выражая при этом радость, что наконец у нас <в России> начал проявляться интерес к Японии, если правительство решило основать во Владивостоке Восточный институт для изучения стран Дальнего Востока, в числе коих он, как сам большой японофил,

считал изучение Японии важнее <изучения> Китая. Узнавши, что мы живем в японской гостинице, переполненной студентами, порадовался за нас, заметив, что при изучении японского языка он пользовался ежедневно услугами четырех учителей, а мы их имеем значительно большее количество.

При переходе с третьего на четвертый курс каждому из студентов давались известные задания по изучению того или иного вопроса с обязательством представить подробный отчет о нем. Мне было поручено обследование в торгово-промышленном отношении района Японии от порта Цуруга до порта Ниигата округа Хокурикудо, с какими портами были установлены регулярные рейсы с Владивостоком пароходами Добровольного флота.

Посещая с этой целью разные фабрики, заводы, торговые палаты, губернские управления, я повсюду встречал самое предупредительное отношение и желание помочь мне в выполнении моих заданий. В городе Каназава при посещении мной губернского управления, после получения всех нужных мне статистических данных, мне было предложено осмотреть отдел Красного Креста. Мне были показаны его склады, переполненные походными кроватями для подноски раненых <раненых> и полное оборудование полевых госпиталей, включая до обмундирования его служащих и сестер милосердия, причем показывавший мне все это счел нужным заметить, что «мы готовы к войне». С кем? — не требовалось пояснений, так как к этому времени выявлялась явная агрессия России в отношении Маньчжурии и Кореи, и нами были скуплены земельные участки по берегу незамерзающего порта Масанпо для нужд нашего флота, а в Сеуле наши военные инструктора подготавливали корейскую армию.

В городе Фукуй случилось приблизительно то же. Посещение гимназии, тем более в каникулярное время, не входило в мою программу, но в городе Фукуй мне было предложено осмотреть ее. Я, конечно, охотно согласился. Первое, что мне было показано — это гимнастический зал, уставленный ружьями и прочим снаряжением солдата, причем сопровождавшим было объяснено, что вместо гимнастических упражнений гимназисты занимаются военными <упражнениями> и по окончании гимназии в Японии будет кадр, уже готовый для пополнения армии. Здесь мне не было сказано, что «мы готовы (или готовимся) к войне», но это было больше ясно и само собой понятно. И для меня было ясно, что японцы считают меня не столько <в качестве> командированного для изучения положения округа, ближайшего к Приморской области, как попросту <в качестве> шпиона, маскирующегося в роли исследователя <состояния развития> района в торгово-промышленном отношении, и карт своих не скрывали, что они будут воевать с Россией, если русское правительство оставит их требования в отношении Кореи, не удовлетворив их.

Собранный мной материал по экономическому исследованию порученного мне района вместе с только что приведенными фактами был представлен в отчете Конференции, напечатан в «Известиях Восточного Института» в 1903 году и удостоен золотой медали. Он был отмечен и в русской печати в «Новом времени», «Восточном Вестнике», «Русском Слове» и других, но <это произошло> уже когда война началась, в 1904 году, причем было <так>, что, доискиваясь виновных

в войне, указывалось, как ясно было <ранее из моего отчета>, что война неизбежна, но, к сожалению, это писал студент, а не высокопоставленная особа. На это я отвечаю, чтобы несколько приоткрыть занавес, что мне доподлинно известно, что наши послы в Токио Извольский и сменивший его незадолго до начала Русско-японской войны барон Розен, больше всего наш <военный> агент подполковник генерального штаба Самойлов и морской агент капитан второго ранга Русин, были прекрасно осведомлены о приготовлениях Японии к войне с Россией и доносили об этом по назначению подлежащим властям. Те тоже принимали возможные меры, при необъятных по пространству ее размеров России и наличию других крайне неотложных нужд, для покрытия всех расходов которых было трудно изыскивать доходы.

Все это наверное мог бы подтвердить до сих пор здравствующий бывший наш морской агент в Токио капитан второго ранга, теперь полный адмирал Русин, доживающий скоро столетнего возраста в Африке, не без материальных лишений, от себя хочется добавить — «в джунглях и среди людоедов», но зато чувствующий себя свободным, и <до> такого возраста он бы наверное не дожил бы у себя на родине, где наверное за свои заслуги родине он давно, выражаясь по-большевистски, был бы «выведен в расход». Низкий поклон ему и пожелание безболезненно дожить сто лет.

Я могу и смело и открыто сказать, что «самурай шел с открытым забралом» против России, не нося кинжала за пазухой. Нападение японцев в полночь 1904 года под Новый год⁵ на Порт-Артур вовсе не было неожиданным, а тем более коварным. Это дело войны и подготовленности к ней. Случилось оно после того, как японский посланник в Петербурге получил свою отзывную грамоту, что по международному <праву> считается началом объявления войны. Нужно, наконец, хоть к предстоящему пятидесятилетию (1954 г.) начала Русско-японской войны приоткрыть занавес на прошлое и признать, что японцы оказались более подготовленными и смыслеными для неожиданного нападения на Порт-Артур, чем мы для отражения подобной атаки. Наглая ложь, что наша офицерская молодежь развлекалась беззаботно в собрании танцами в момент нападения японцев на Порт-Артур. Все были на своих местах, при потушенных огнях, ожидая возможного нападения. Все это выдумки революционеров, подготовлявших с началом войны наше поражение, что ими в результате и <было> достигнуто и мы вынуждены были благодаря им, разложившим армию, заключить не совсем почетный для Великой России мир с маленькой Японией, какая она многим из нас рисовалась.

По окончании Восточного института я был определен на службу по Министерству финансов в Амурскую казенную палату с откомандированием во Владивосток для обследования быта японцев, проживающих в пределах России на Дальнем Востоке. Работа моя была полностью еще не закончена, как я был с началом войны призван в штаб Главнокомандующего и назначен драгоманом в Дипломатическую канцелярию, состоявшую при нем как наместнике на Дальнем Востоке. Представленные мной материалы появились на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли» в № 39 за 1904 год, под заглавием «Материалы по изучению быта японцев в Приамурском крае».

Еще в декабре 1903 года ясно было, что война становится неизбежной, если требования Японии не будут удовлетворены. Наш агент Петербургского официального Агентства от 10 декабря телеграфировал: «На последнем совещании старейших государственных деятелей было решено, что Япония вынуждена будет взяться за оружие, если ее требования Россией не будут удовлетворены. Шесть броненосцев вышли в открытое море. На всех военных судах сняты с палубы деревянные части», и <посылал> другие в самом тревожном духе телеграммы, которые вынуждали нас быть готовыми к войне. На местах во Владивостоке и Порт-Артуре, насколько возможно и было в силах, готовились к войне как морские, так и сухопутные наши силы. Говорить о неожиданном, и тем более коварном нападении после всего не приходится, и нужно это позабыть хотя бы и спустя пятьдесят лет после начала Русско-японской войны.

Правда, что этими выдумками создалось несколько приподнятое настроение в массах населения, и первые эшелоны, шедшие на пополнение армии, были полны энтузиазма: «Мы шапками закидаем этих коварных японцев!», забыв русскую поговорку «Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати».

Прибыл я в штаб главнокомандующего, когда ставка его после удачного нападения японцев на Порт-Артур была перенесена в Мукден. По прибытии вскоре стало известно о назначении командующим морскими силами на Дальнем Востоке вместо погибшего адмирала Витгефта⁶ адмирала С.О. Макарова. По пути в Порт-Артур он остановился в Мукдене для совещания с главнокомандующим. В числе чинов его штаба имел удовольствие и я его встречать. Передо мной ясно воскресает в памяти этот «чудо-богатырь», исполинского роста, с длинной, широкой, окладистой русой бородой, со смелым, решительным, орлиным взором, еще не так давно рассекавший на сконструированном им ледоколе «Ермак» непроходимые до того льды Северного Ледовитого океана и с опасностью для жизни обогащавшего науку новыми научными открытиями, один из трех витязей, увековеченных его другом Верещагиным в его бессмертной картине «Три витязя», несомненно и теперь привлекающей внимание зрителей Эрмитажа⁷.

Через некоторое время я получаю срочное предписание с первым отходящим поездом отправиться в Порт-Артур на броненосец «Петропавловск» в распоряжение командующего морскими силами на Дальнем Востоке адмирала Макарова. На следующее утро, подъезжая к Порт-Артуру, на одной из ближних к нему станций во время остановки послышался оглушительный взрыв. То был отголосок неприятельской мины, взорвавшей броненосец «Петропавловск», а с ним погиб в пучинах моря и адмирал Макаров, с именем которого было связано столько надежд, что с прибытием его будут компенсированы потери нашего флота за счет японского. С ним погиб на броненосце «Петропавловск» и Верещагин⁸, который собирался в предстоящих баталиях у японских берегов обессмертить своего друга. Предполагалось, что он <т. е. Макаров. — П.П.> должен вывести наши морские силы из этого ковша Порт-Артурской гавани и перенести базу наших морских сил во Владивосток, откуда более возможна уязвимость самой Японии и ее морскими силами. Но роковой случай иначе определил его судьбу и дальнейший ход военных событий.

Мне пришлось представляться сменившему адмирала Макарова адмиралу князю Ухтомскому⁹, поднявшему флаг Главнокомандующего морскими силами на броненосце «Победа», стоявшем в доке. Пришлось пробираться под градом снарядов японской эскадры, громившей безнаказанно Порт-Артур в разных его частях. В штабе чувствовалось уныние. Тут же при моем представлении адмиралу князю Ухтомскому последовал его приказ вернуться обратно в Мукден в штаб главнокомандующего.

Вскоре адмирал Алексеев был отозван и заменен главнокомандующим генералом Куропаткиным, а вместе с тем наместничество на Дальнем Востоке упразднено и бывшая при нем Дипломатическая канцелярия расформирована. Я был прикомандирован к генерал-квартирмейстерской части штаба главнокомандующего и оставался при сменившем генерала Куропаткина генерале Линевице вплоть до заключения перемирия, в котором мне пришлось участвовать.

После наших отступлений при Шахэ и Ляояне ожидалось, что с приходом надежного корпуса генерала Скугаревского под Мукденом дадим должный отпор и перейдем в наступление. <Никто не знал тогда, что революционное> движение окончательно парализует боеспособность армии, и Россия <будет> вынуждена заключить далеко не почетный для нее мир.

На запрос главнокомандующему генералу Линевицу, есть ли надежды на дальнейший успешный ход войны, он <Линевич. — П.П.> был вынужден поставить ряд «если», в числе которых: если пополнения в армию будут прибывать нераспропагандированными революционерами, если армия своевременно будет снабжена вооружением и т. д., <так> что другого ответа не могло последовать, как приступить к заключению перемирия.

Благо нашелся посредник, одинаково благожелательно расположенный к обеим воюющим сторонам, в лице президента САСШтатов Т. Рузвельта, благополучно доведший переговоры о мире к концу.

Переговоры о заключении перемирия, возглавляемые с нашей стороны генерал-квартирмейстером генералом Орановским, а с японской стороны начальником штаба армии генералом Фукусима, длились не более каких-нибудь 4–5 часов, и соглашение было подписано под Сипингаем, в нейтральной зоне Южной Маньчжурии. Обе стороны прекрасно понимали, что ни одна из них войны продолжать не в состоянии. Русские — из-за революции, а японцам «пороху» не хватало в буквальном смысле этого слова. К тому же и денег не хватало, чтобы <оплачивать> заказы по вооружению, которым охотно снабжали Японию по началу войны англичане и частью американцы. Они прекрасно поняли, что не в их интересах допустить, чтобы японцы стали полными победителями, им нужно было ослабить ту и другую сторону.

Та же история получилась у японцев в последнюю мировую войну. Напрасно их предупреждал в своей книге «Тихоокеанская проблема» наш начальник Российской Академии Генерального Штаба генерал Андогский¹⁰, написавший свою книгу в беженстве в Харбине за года два-три до начала этой войны. На основании статистических данных он доказывал, что <в> первые года два этой неизбежной войны успехи обеспечены за Японией, но когда за это время американцы

по-настоящему подготовятся к войне, японцы вынуждены будут капитулировать. Он также верно предсказал, что со стороны японцев будет совершено такое же неожиданное нападение на Перл-Харбург <Пёрл-Харбор. — П.П.>, как в свое время на Порт-Артур. Американцы, предупрежденные о неизбежности войны, если правительство их не пойдет на уступки требованиям японцев, послом Грю¹¹ и военно-морской агентурой в Токио, ожидали нападения, но искусство японской дипломатии и подготовленность военно-морских сил к неожиданному их нападению на Перл-Харбург сыграла свою роль по началу войны и сопутствовала их успеху до тех пор, пока у них хватало материала для изготовления пушек и снарядов, и пока американцы не изобрели атомных бомб, которые остались живы в памяти не только у одних японцев, но теперь <ими> пугают и <самих> американцев, когда Маленков открыто заявил, что у них имеются бомбы маркой повыше атомных, более губительных.

В этой последней войне весьма крупную роль сыграл капрал Хитлер <так в тексте. — П.П.>, давший им <т. е. руководству СССР. — П.П.> мысль поделить весь мир и самим стать полными хозяевами Европы, включая необъятные просторы России, а японцам предоставить строить новый порядок среди народов Азии, включая и острова, примыкающие на юге владений Китая. Им же был проектирован сплошной железнодорожный путь с тоннелями через о. Цусиму и Дарданеллы между Берлином и Токио, которые должны были стать мировыми центрами.

Должен сознаться, что, наблюдая за интенсивной работой японцев в Корее и Южной Маньчжурии, при их соглашении Японии со Сталиным о взаимном ненападении, а также взаимной помощи, я склонен был строить прогнозы, что американцы повоюют года два с Японией, как русские в Русско-японской войне, а затем, под давлением революционеров, какого добра у них имеется достаточно, скажут, что мы потеряли на Филиппинах, и придут к какому-нибудь соглашению, не в ущерб интересам Японии.

После заключения перемирия, в котором мне пришлось участвовать, я выехал в Петербург, но не по Сибирской железной дороге, которая в некоторых местах Сибири находилась в распоряжении революционных банд, а через Японию, САСШтаты и Европу, с остановками в разных местах для осмотра музеев и других достопримечательностей.

В Иокохаме мне пришлось наблюдать, как враждебно был встречен барон Кокура¹², вернувшийся из Портсмутской конференции, массаами населения. На защиту его открыто выступил один из величайших государственных деятелей Японии, принимавший деятельное участие в ее строительстве с началом эры Мейдзи, князь Ито¹³, заявивший, что Япония в результате войны с Россией получила большее, на что могла рассчитывать. Она закрепила за собой Корею и Южную Маньчжурию, кроме того, приобрела еще южную часть о. Сахалина, с его неисчислимыми рыбными богатствами, столь важными для японцев, питающихся почти исключительно рыбой и овощами.

Нельзя сказать, чтобы и С.Ю. Виттэ <так в тексте. — П.П.>, возведенный в графское звание за заслуги, оказанные по заключению мирного договора в Пор-

тсмуте, <был> приветливо и благожелательно <встречен> массами населения. Между тем как на конференции он проявил и свои крупные заслуги как искусного дипломата. Его пожатие руки машинисту, доставившему русскую делегацию в Портсмут в экстренном поезде, в значительной степени растопило и согрело те холодные чувства, какие были вызваны Русским правительством, противившимся допуску иностранцев для использования природных ресурсов Маньчжурии на равных основаниях с русскими. Его визит банкиру Шифу¹⁴, пользовавшемуся большим влиянием среди финансовых кругов Америки, до известной степени расположил их в свою пользу. Но все <же> решающую роль в благоприятном исходе конференции сыграли не его сборы и упаковка им вещей в чемоданы, якобы с целью возвращения в Петербург, когда барон Комура упорно настаивал на исполнении всех требований — полностью уплаты контрибуции и передаче о. Сахалина полностью, а категорическое заявление Президента Т. Рузвельта, что если представитель Японии на конференции не пойдет на уступки и не будет найден компромисс, то САСШтаты откажут Японии в помощи и припасами, и военным снаряжением, и финансами, без чего Япония не в состоянии была продолжать войну. Компромисс был найден, барон Комура согласился не настаивать на контрибуции и передаче Японии полностью о. Сахалина, ограничившись лишь половиною его и возмещением расходов по содержанию русских военнопленных.

Но главная заслуга графа Виттэ, как одного из крупных государственных деятелей России, оставившего после себя незабываемый след в ее истории, состоит в том, что ему удалось настоять на открытии Государственной Думы с ее конституционными девизами, которые должны были вывести Россию на дальнейший широкий путь свободного развития и творчества. Это он сам сознавал и на кресте над своей могилой завещал отметить одну дату, 17 октября, — она должна была сказать каждому, чей прах похоронен в этой могиле.

Из Иокогамы я отплыл в Сан-Франциско на «Эмпре оф Канада» — одном из крупных мировых пароходов по тому времени, и по своей роскошной отделке, и по своему тоннажу — по первому классу, часто вспоминая на нем, как я совершал свое путешествие из Одессы во Владивосток в качестве пассажира третьего класса вместе с переселенцами. Восточный Институт дал мне возможность позволить себе эту роскошь, и я не могу не помянуть добрым словом его педагогический состав, столь много потрудившийся, чтобы его питомцы освоили все те научные дисциплины, преподаваемые в нем, и явились достойными работниками в будущем на пользу своей родине. С грустью я узнал во время остановки в Японии, в ожидании отплытия парохода, что лектор японского языка¹⁵ при Восточном Институте, когда японцам было предложено с началом войны эвакуироваться, <то> он счел своим долгом остаться и продолжать в Институте возложенную на него работу практического ознакомления <студентов> с японским языком, <после войны> в первую же ночь по прибытии им в Японию для свидания с родными, он был убит фанатиком-патриотом, как якобы содействовавший противнику вопреки интересам его родины. Убийца был оправдан судом, признавшим его невиновным в своем поступке. Это один из ярких штрихов японского патриотизма, который им привит и поддерживается в более острой форме, чем у других народов.

Хотя во время войны я не испытывал каких-либо особых лишений и большую часть времени провел в пульмановском вагоне 1-го класса вместе с другими чинами штаба, а жалованье получал генеральское, как бывший драгоман Дипломатической канцелярии Наместника на Дальнем Востоке, которому, с прикомандированием его к генерал-квартирмейстерской части, было оставлено жалованье прежнее 250 рублей в месяц, слишком крупное по моему чину прапорщика, как отбывшего в свое время воинскую повинность и вышедшему в запас в этом чине, <то все это> вызывало со стороны некоторых зависть. При таком жалованьи и минимальных расходах я имел возможность составить себе некоторые сбережения, позволившие мне допустить некоторую роскошь, как вознаграждение за усиленные мои труды по изучению китайской грамоты. Как в Америке, так и в Европе я имел возможность посетить крупные их центры и, осматривая их музеи и другие достопримечательности, обогатить себя знаниями из разных других областей, чего я не мог себе позволить в Институте, где требовалась исключительно напряженная работа в области лишь познания стран Дальнего Востока.

В Петербург я прибыл приблизительно в середине 1905 года, и в Министерстве иностранных дел мне пришлось долго ожидать своего назначения на Дальний Восток. Моя докладная статья, появившаяся в печати, «К вопросу о современном положении Кореи», сослужила мне «медвежью услугу». Вместо того чтобы быть назначенным в Японию, куда я стремился, я был назначен в наше Генеральное консульство в Сеуле, заменившее <бывшую там до войны> нашу дипломатическую миссию, согласно условий Портсмутского договора.

Ко времени моего прибытия в Петербург революционное движение затихло. Хотя при мне в один прекрасный день разнеслись слухи, как какой-то осетин¹⁶ <так в тексте. — П.П.> Джугашвили, подобрав себе сообщников в центре Петербурга, совершил разбойное нападение среди белого дня на караван телег, следовавших под охраной, <с грузом> народных сбережений государственного казначейства. Впоследствии выяснилось, что это был <человек> известный революционному миру под кличкой «Сталин». Присужденный за такой разбойный поступок, стоивший нескольких жертв охраны, <он> был сослан в отдаленные края Сибири, вместо того чтобы быть накрепко засаженым в тюрьму, а и того проще «выведенным в расход», как он <впоследствии сам> выводил миллионы русских людей, когда бежал из Сибири и таким же налетом прибрал к своим рукам русский народ, мало того, и народы других государств прижал крепко своим тяжелым грязным сапогом, обратив всех в покорных рабов, лишенных всяких признаков свободы, во имя которой он когда-то ратовал. Пример оказался весьма заразительным. Американцы, не знавшие до этого такой наглости и смелости, с успехом теперь применяют у себя дома подобные налеты, как это видно по газетным сообщениям.

В Сеуле мне пришлось быть свидетелем, как Генеральный резидент Кореи князь Ито, при котором корейский император отказался от престола и, оставаясь в своем дворце в Сеуле, спокойно доживал свой век, а Корея была аннексирована Японией, как это было обусловлено Портсмутским договором, часто в разговорах с нашим Генеральным консулом Г.А. Плансоном, участником Портсмутской кон-

ференции, а до того — начальником Дипломатической канцелярии при заместителе на Дальнем Востоке, подчеркивал, что будущее Японии должно строиться на тесном единении и дружбе с Россией. Эта политика проводилась японцами неуклонно в прошлом. Незадолго до начала Первой мировой войны между Японией и Россией было подписано соглашение о взаимной помощи, а перед Второй <мировой войной> с диктатором Сталиным это соглашение дополнено <пунктом> не только о взаимной помощи, но и о ненападении друг на друга, что было важно для Сталина в интересах собственной безопасности.

Конечно, Сталин ни того ни другого не собирался выполнять. Когда японское правительство убедилось, что дальнейшее сопротивление в войне с САСШтатами бесполезно, что необходимо заключить мир, и оно обратилось с просьбой к Сталину о принятии на себя посредничества по заключению мира с САСШтатами, <то> он под разными предлогами медлил с выполнением этого обязательства по договору и этим принудил американцев прибегнуть к последним решительным мерам — смертоносным атомным бомбам, унесшим сотни тысяч ни в чем не повинного мирного населения городов Нагасаки и Хиросима, и почти накануне капитуляции объявил нагло Японии войну. Это беспримерный акт вероломства — вонзить своему союзнику кинжал в спину, останется несмываемым пятном на прошлом истории — конечно, не России, а той шайки беспринципных, вероломных деятелей СССР, сковавших русский народ в железные тиски, не позволившие ему высказать <своей> воли, которая, конечно, никогда бы не допустила подобный вероломный поступок.

Не к тому ли готовятся преемники этого деспота, тирана 20-го века, во главе с Маленковым, заверяющие мир своим миролюбием, а втайне подготавливающие вонзить свой преступный меч в спину усыпленному ими противнику? Не успели еще закончиться их вероломные действия в Северной Корее, как они готовят новое выступление на юге Китая, на границах Бирмы, Сиам, Индокитая и других соседних границах, стараясь втянуть в эту их авантюру и мирную Индию. Все это делается чужими руками, с помощью китайцев, в сознании, что собственный народ не пойдет на такую авантюру...

Вскоре из Сеула я был командирован на о. Сахалин в качестве члена его Разграничительной комиссии. Работы по разграничению прошли гладко, при самых дружественных отношениях между ее членами. Стоявший во главе Комиссии с японской стороны полковник Осима¹⁷, впоследствии занимавший пост военного министра, всячески старался подчеркнуть, что все прошлое должно быть забыто, что в будущем отношения между японцами и русскими должны зиждиться на тесной дружбе. Он же принимал деятельное участие в подготовке Японии к новой войне, налаживанию нового порядка среди народов Азии, вне той политической и экономической зависимости от Европы и Америки, которая существовала до этого времени. Сын его, бывший военный агент Японии в Берлине, а впоследствии, при Хитлере — посол, находил в его лице горячую поддержку в такой политике Японии. В его уме мыслилось, что в будущем Германия и Япония — это два мировых центра, в Европе будут господствовать немцы, включая и необъятные просторы Сибири, а на востоке — японцы, включая в орбиту своего влияния не

только один Китай, но все те обширные острова, примыкающие к нему на юге, жившие своей собственной жизнью, со своей особой культурой, с давних времен принадлежащие Голландии, смелые мореплаватели которой много веков тому назад первыми их открыли.

По окончании работ по разграничению о. Сахалин председатель комиссии полковник Генерального штаба Лилеев и я были приглашены председателем японской комиссии полковником Осима в Токио в качестве гостей. Нам был устроен исключительно радушный прием. Нас знакомили с высшими государственными деятелями Японии, и от них мы только и слышали, что прошлое во взаимоотношениях России и Японии должно быть забыто и что между ними должны царить единение и дружба. На аудиенции, данной нам Японским Императором, Его Величество удостоил нас исключительного внимания, заговорив по-японски, <сделав это> как исключение в отношении иностранцев, с которыми всегда разговоры велись с помощью японского переводчика. Это, конечно, нами такое внимание не могло быть принято за наш личный счет, а как внимание особое в отношении русских, с которыми <у японцев> должны царить мир и единение, что было отмечено также Императором.

Из Токио мне пришлось проследовать в Фузан¹⁸, куда я был назначен управлять нашим консульством. Здесь мне представился новый случай убедиться в таком стремлении японцев жить в дружбе с Россией. Министерство иностранных дел предписало консульству войти в переговоры с японскими властями о возмещении расходов по покупке земельных участков на имена частных лиц по берегу незамерзающего порта Мазампо¹⁹, расположенного против острова Цусима, <приобретенных> для нужд Морского ведомства. Японцы были прекрасно осведомлены, с какой целью скупаются эти земельные участки, и это, собственно, послужило одним из важных поводов к объявлению ими войны России.

По Портсмутскому договору, все казенные предприятия в Корее и южнее Куаньченцзы в Южной Маньчжурии должны <были> отходить безвозмездно в пользу Японии. Когда <я> снесся с японскими властями по этому делу, мне сразу было указано на это соглашение, тем не менее заявление консульства по этому делу мной было оставлено <японским> властям. Прошло несколько месяцев, и я считал это дело безнадежным. Случайно через Фузан проезжал Генеральный резидент в Корее князь Ито. В числе его встречающих счел и я своим долгом присутствовать. Разговорчивый, живой, общительный князь Ито заговорил, что, должно быть, мне скучновато в Фузана, как единственному консулу, и наличию <из иностранцев, кроме меня> одного лишь католического французского миссионера. Неожиданно пришла мне мысль заговорить о полученном консульством предписании войти в переговоры относительно возмещения 50 тысяч, израсходованных на приобретение участков в Мазампо. Он только улыбнулся и, не входя в суть дела, уверил меня, что просьба консульства будет удовлетворена, и тут же распорядился ускорить в благоприятном смысле для консульства его просьбу, заметив, что просимые 50 000 иен не имеют значения ни для японской, ни для русской казны, но желательно, чтобы все наши взаимоотношения проходили без всяких шероховатостей.

За все время своего общения с японцами в течение 50 лет как в своей частной жизни, так особенно и в официальной, я встречал всегда благожелательное отношение. Полагаю, что эту черту их характера заметили и другие. <Например>, когда при обращении к японцу за разъяснениями про местожительство такового он не только объяснит, <но и> при малейшей возможности проводит <вас> к <нужному> дому.

В Фузанае мне пришлось наблюдать ту большую, интенсивную работу японцев, начиная с устройства школ, дорог, фабрик, заводов и т. д. Не прошло и 10 лет после этого, когда мне <снова> пришлось проезжать через Корею, она была уже неузнаваема.

Неузнаваем стал и Токио, куда я вскоре был назначен в наше Посольство драгоманом, по сравнению с тем, каким я помнил <его> каких-нибудь лет 10 тому назад, когда я жил в нем как студент Восточного института для изучения Японии. Многоэтажные, а-ля американские небоскребы, здания, устройство новых школ и высших специальных учебных заведений, обилие учащейся молодежи, все это резко мне бросилось в глаза.

Япония после Русско-японской войны стала особенно привлекать внимание туристов с разных концов света. Всем хотелось посмотреть на Японию, эту маленькую по пространству страну, почти одновременно одержавшую победу над такими колоссами, как Китай и Россия. Манила туристов также чарующая субтропическая природа Японии с особым укладом жизни ее приветливого народа.

Не убоились расстояния тяжелые на подъем русские, которые с полным комфортом в каких-нибудь 10 дней <могли проехать> по Сибирской и Восточно-Китайской железным дорогам и в ожидавшем на пристани во Владивостоке их пароходе достичь берегов этой таинственной, так еще недавно малознакомой всем Японии.

В памяти воскресает появившийся в посольстве поэт Бальмонт²⁰, в сопровождении двух прелестных его спутниц, поклонниц его поэтического творчества. Был субботний день, и мы вместе возвращались в Камакуру, где я жил летом на даче, а он со своими спутницами ехал посмотреть достопримечательность этого морского курорта — Дайбуцу, это величайшее в мире сооружение из бронзы 7-го века по Р. Х. <Рождество Христово. — П.П.>, весом свыше 500 тонн. Вагон, в который мы попали, случайно оказался заполненным японками высшего круга, проживающими летом в этом известном морском, ближайшем к Токио, курорте. Нужно было видеть его растерявшееся от восторга выражение глаз, вглядывавшегося то в одну из них, то в другую. Это не могло остаться незамеченным японками, и каждая из них старалась, видя проявленный к ним интерес со стороны иностранца, едва заметным поворотом тонкой шейки, свойственной <им> от природы очаровательной улыбкой привлечь его внимание. Не могло остаться незамеченным и выражение лиц на его спутницах, которые напомнили мне растерявшуюся наседку, когда подростки цыплята разбегаются во все стороны из-под ее крыльев и она тщетно старается вернуть их под свое крылышко.

В понедельник Бальмонт почему-то снова появился в посольстве и прочел нам свое стихотворение, посвященное японцу и японке, в котором действитель-

но им выявлен особый дар Божий, давший ему возможность видеть то, что и мы, смертные, видим, но не замечаем, и это проходит мимо нашего внимания и не оставляет того впечатления, какое талантливо запечатлел в своем стихотворении талантливый поэт²¹.

Хотелось бы полностью восстановить это стихотворение, которое когда-то <я> знал наизусть, но теперь память отказывается воспроизвести его. Но все-таки хочется отметить хоть некоторые штрихи его. Вот некоторые из <этих> штрихов. Все, что выходит из рук японца, то носит следы аккуратности, точности, продуманности, и при том не лишено известного художественного вкуса, данного ему от природы. И действительно, возьмем ли мы для примера обычную в его домашнем обиходе посуду. Каждая чашечка, лаковая ли, или фарфоровая, или же глиняная, она непременно украшена рисунком цветка ли, или ландшафта, и вполне соответствует по своей вместимости его аппетиту. Кушает он с чувством и расстановкой, никогда не позволяя себе лишнего, любясь цветком на его посуде.

А его <Бальмонта> сравнение японки с ирисом, как удачно по старинной ее двухэтажной прическе с воткнутым искусственным, чаще всего, цветочком. Ее тонкая, хрупкая с виду фигурка в красочном кимоно, точно соответствующем ее возрасту, с удивительно подобранными тонами материи, в чем по выбору их ей может позавидовать любая законодательница мод Парижа. «Я ирис увидел в цветку, чей дух душист и стебель тонок. Хочу вот ту, и ту, и ту...», заканчивает он свои талантливые стихи, посвященные японке.

Появилась как-то в посольстве и тощая фигурка С. Яблоновского²², «в чем только душа держится», а какие чудные <у него статьи>, проникнутые большой наблюдательностью, полной душевной теплоты, любви и благожелательности ко всем его окружающим. Для него, как и для В.Г. Короленко, «несть ни эллина, ни иудея», в каждом он находит частицу чего-то хорошего, но и <когда> осуждает плохое, его перо не исполнено чувств ненависти и злобы, этих недобрых чувств, не приносящих добра и спокойствия никому. Его корреспонденции в «Русском слове» о Японии <были> полны большой наблюдательности и должной оценки своеобразной жизни японцев, имеющей много хороших сторон.

Подкатил как-то к посольству цугом на рикше с подтолкачем В. Немирович-Данченко²³, а то, пожалуй, одному человеку не справиться <было бы> с его мощной фигурой по тому подъему, не подвезти к вестибюлю посольства, подъезд к которому занят крошечным садиком, в строго выдержанном японском стиле, с его кустарниковыми цветущими растениями и со вкусом разбросанными среди них большими каменными глыбами, поросшими ярко-зеленым мхом. Его окладистая «а-ля Скобелев» борода поневоле напоминала фигуру «белого генерала», носившегося на своем белом коне в белом кителе по разным уголкам своего фронта, <заражая> своей храбростью других. Среди сопровождавших <Скобелева> в его свите можно было видеть молодого корреспондента В. Немирович-Данченко, много способствовавшего своим пером ореолу славы этого героя прошлого России.

Ему, как корреспонденту первой статьи, «не ходить за словом в карман». Достаточно было ему полуслова, чтобы он уселся на своего коня и лихо понесся вперед, развивая до бесконечности затронутую тему по своему разумению. Недаром

его завистливые коллеги по перу называли «Немирович-Вральченко». Достаточно ему было сказать, что Япония не почилла на лаврах, что она еще собирается снова удивить мир своей агрессией, не дав развить мне эту тему до конца, как он «уселся на своего коня и помчался», и по-скобелевски помчался вперед без оглядки. В его уютной комнате «Империял-отеля» рисовалось в его воображении, как японцы, закутанные в бараньи меха, по снеговым сугробам двигают свои полчища по необъятным просторам Приамурья, и к Камчатке, и к Байкалу, забыв, что они жители субтропической страны, что им нужно солнце и тепло, а не сибирские морозы. Естественно, что они стремились приблизиться к тропическим странам, но только запугивали Сталина и его сообщников, чтобы они не трогали их. Для этого они вошли и в союзные отношения с СССР, о ненападении на них, и никак не ожидали с их <советской> стороны такого коварства, что они вонзят им в спину свой предательский кинжал. Если бы этой их <японцев. — П.П.> агрессии не воспротивились САСШтаты, они <японцы> были бы хозяевами положения в Азии и всех прилегающих к ней островов. Холодная и тощая Сибирь, с ее стужами, их никогда не заманивала. Это был только с их стороны дипломатический маневр с картами, раскрашенными в один цвет с Японией, как ее территория вплоть до Урала. Этому прежде всего воспротивился бы их единомышленник Хитлер, поощрявший их в их агрессии в Азии. Ими еще задолго до окончания войны, в дни их успехов обсуждался серьезно план о соединении сплошным железнодорожным путем Токио с Берлином. Если немцам и японцам простительно не знать русской поговорки «не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати», то Маленкову с его приспешниками не знать ее преступно, а ведь он хвастается, что юг Китая соединен с Москвой сплошным железнодорожным путем, а стало быть, победа у него в кармане, с помощью невинных жертв Китая.

Припоминается по посольству и другая фигура, печального образа, о которой лучше следовало бы умолчать, — это появление в Токио протоиерея Восторгова²⁴, видного деятеля Союза русского народа. Значительно раньше до его приезда на страницах «Нового времени» появилась короткая заметка безо всяких комментариев: «Состав Русского посольства в Токио: посол — Малевский, советник — Броневский, студент Заневский»²⁵.

С места в карьер почтенным протоиереем была выявлена им цель своего посещения — привлечь членов посольства в Союз русского народа. Малевский и Броневский, деда которых погибли под Бородино, своей грудью защищая подступы неприятеля к сердцу России Москве, только улыбнулись на подобное предложение. После завтрака, устроенного послом в честь гостя, за которым без всяких предварительных крепких напитков с соответствующей закуской, о которых русским приходится забыть, к чему отец Восторгов привык у себя дома, что было ясно видно по его упитанной фигуре, и <которому> пришлось ограничиться лишь несколькими рюмками вина, разлитого камердинером в установленное по этикету количество рюмок, он <Восторгов> уехал к Архиепископу Японскому Николаю, пообещав вечером пообедать у меня. Как впоследствии выяснилось, его визит к Архиепископу оказался тоже не совсем удачным, так как к нему он <Восторгов> явился в роли как бы ревизора. Ни разу никто к нему <Архиепископу> в роли ре-

визора не появлялся со времени начала открытия миссии Православной церкви в Японии. Конечно, ни к какой ревизии он <Архиепископ> его <Восторгова> не допустил, но при своей доброте все же не высказал какого-либо неудовольствия.

В то время я не был еще трезвенником и вегетарианцем, к чему меня побудило серьезное положение моего здоровья, приговоренного знаменитостями Токио, как серьезно больного и сердцем, и печенью, и почками, к неминуемой смерти, так как против испорченных в такой степени сердца, печени, почек медицина не знала каких-либо средств, <могущих мне помочь>. Случайно попавшаяся мне <позднее> «Диэта» Хейга²⁶ поставила меня «на ноги», и благодаря рекомендуемому им режиму, связанному с работами в саду, я вот уже приближаюсь к 80-летнему возрасту и более 30 лет не знаю, что существуют какие-то одышки, боли в пояснице, и даже о существовании насморка позабыл.

В те времена я рад был гостям и тоже не прочь был позволить себе выпить. За неимением водки нам пришлось довольствоваться более серьезными напитками — виски, коньяком и другими. Скоро о. Восторгов охмелел и заговорил о своей миссии, о значении «Союза русского народа», указав, что мне не мешало <бы> войти в число его членов — это выгодно. Когда он вплотную подошел с этим вопросом, я ему ответил, к его неудовольствию, что для меня «несть ни эллина, ни иудея», что евреев, воспитанных на русской культуре, учившихся в тех же русских школах, я считаю теми же русскими, так же любящими свою родину, желающими ей не меньше добра, чем другие, но вся беда, что в этом случае каждый по своему рецепту понимает эту любовь и действует. Всех нас довольно мудреное дело соединить в одно целое, не лишив в этом случае известной свободы, этого самого дорогого для человека. Я ею дорожу и до сих пор ни в какие общества или организации не вступал и не собираюсь вступать. Видимо, против моих аргументов он не нашел возможным особенно возражать и не без грусти заметил, что «на этом я кормлюсь, иначе в Японию, эту прелестную страну, не попал бы». «Что у пьяного на языке, то у трезвого на уме», — вспомнил я эту меткую поговорку, и стало мне тоскливо, если такие люди собираются спасать Россию.

Через некоторое время, спустя, кажется, полгода, посол Малевский-Малевич без всякого повода был отозван и снят с поста посла и назначен членом Сената, а не Государственного Совета, как обычно <делалось>. Его сменил В. Крупенский.

С молодых лет я посвятил себя изучению Японии, но далек от мысли считать, что изучил Японию, что освоил черты характера ее народа, понял сущность его своеобразной жизни и устремлений, а также изучил его трудный язык, с его трудно поддающейся освоению иероглифической письменностью, позаимствованной от Китая. Несомненно, это люди высокой культуры особого стиля, мало похожего на Китай. Китай, в этом случае, и его цивилизация в самом отдаленном прошлом Японии, начиная с 3-го века по Р. Х., оказывали влияние на все стороны жизни Японии и ее народа. От них, собственно, а не из Кореи, как это зафиксировано историей прошлого Японии, было заимствовано высокое учение Будды, которое прекрасно уживается вместе с национальной их религией, построенной на их мифологии с семью богами счастья, зовущими к обычной жизни довольства и веселья.

Не совсем понятен мне был и тот антураж, с которым проходили похороны императора Мейдзи, на которых мне довелось присутствовать. Когда говорят, что он был творцом и вдохновителем нового режима, усвоения достижений Европы и Америки, то забывают, что нашлись выдающиеся государственные деятели и он пошел им навстречу, а вернее — не мешал передовым умам его страны, <считавшим>, что Япония должна отрешиться от своей замкнутости, <выйдя> на арену мировой истории в качестве равноправном с другими народами. Встречена была смерть императора с неподдельным чувством горя и траура. Нужно было видеть десятки тысяч народа, стекавшегося из отдаленных уголков Японии, чтобы снаружи дворца поклониться праху покойника. Сами похороны отличались исключительной торжественностью по старинному обряду. Ровно в полночь двинулась урна с сожженным прахом, везомая в особой высокой колеснице, покрытой черным лаком, везли которую восемь черных быков к месту, избранному самим упокойником.

Еще до прибытия праха к месту похорон у могилы в особом павильоне для ожидания собрался в полном сборе Дипломатический корпус во главе с послами, специально присланными для возложения венка на могилу покойного. От Англии — принц Конаутский²⁷ <Кентский>, от Германии — принц Прусский²⁸, от Испании — представитель принца Бурбонской королевской династии, от всех других государств — особые именитые заслуженные государственные деятели. Только русским императором не был соблюден этот декорум, как это было истолковано, по причине <того>, что император не мог примириться с тем, что Япония в минувшую Русско-японскую войну оказалась победительницей. Со стороны японских государственных деятелей <были> употреблены все усилия, чтобы этот неприятный эпизод войны, вызванной скорее по вине государственных деятелей России, нежели Японии, был бы забыт, сглажен из памяти. Венок было поручено государем возложить русскому послу, который шел в хвосте этой процессии. Когда с наступлением Первой мировой войны Россия сразу же ощутила недостаток в военном снаряжении, и военное ведомство обратилось за помощью к Японии, тогда для подкрепления этой просьбы был в Японию прислан великий князь Георгий Михайлович²⁹. Но и без этого подкрепления японцами не было бы отказа России в этой помощи.

В ожидании погребальной процессии Дипломатическому корпусу стало известно, что в тот момент, как двинулась процессия с прахом императора из дворца, совершил харакири генерал Ноги³⁰, герой Порт-Артура, чтобы служить своему сюзерену в его загробной жизни, и жена его тоже лишила себя жизни. Сам он все время скорбел, что благодаря ему гибло под Порт-Артуром столько напрасных жертв японской молодежи, выявляя свое беззаветное геройство. Это признавал он и за русскими защитниками крепости, и в то же время заслуги доблести генерала Стесселя, который защищался до последней возможности, тогда как у нас досужая молва не признавала за ним этого, считая его виновником преждевременной сдачи крепости, считая, что крепость еще можно было оборонять.

Поступок этот генерала Ноги воскресил у японцев в их памяти прошлое их истории, когда довольно часто бывали подобные случаи, когда <люди> заканчи-

вали свои жизни харакири, и такие лица этим увековечивали свои имена в памяти потомства, памятники которым можно встретить во многих местах Японии.

Несколько раньше мне пришлось присутствовать на похоронах Архиепископа Японского Николая, первосвященника Православной церкви в Японии. Прибыл он в Японию в город Хакодате на о. Хоккайдо в молодые годы, когда в памяти японцев были еще свежи следы гонения на последователей христианских религий, когда их свергали в пучину бушующего океана, когда отец выгонял своего сына из дому за принятие им христианства. Деятельный, неутомимый в своей работе, полный бессеребряник, анахорет в своей жизни, <Николай> быстро сумел привлечь сердца к себе проповедью христианской любви к ближнему... Был построен величественный Собор, доминирующий над Токио, на пожертвования русского народа на распространение православия среди языческих народов. Число православных <росло> благодаря его неутомимой деятельности и примеру истинного христианина, полного бессеребряника. Умер с пером в руках по переводу книг Святого Писания. Хоронили его с особой торжественностью. На гроб его был прислан венок японским императором и русским <императором>. Его популярность стала особенно быстро расти после того случая, когда с началом Русско-японской войны близкие его сотрудники, опасаясь эксцессов со стороны фанатиков-патриотов, которые могут угрожать его жизни, предложили на время войны уехать к себе на родину, где он и не был со времени прибытия в Японию, приблизительно около 50 лет, но такое предложение он счел для себя кровной обидой и остался в Японии, и ничто его не устрасило, чтобы покинуть свою паству.

В 1923 году Собор во время великого землетрясения Токио был разрушен. Помощи со стороны русских, на какую православные японцы могли бы рассчитывать в обычное время, нельзя было ожидать. В этом случае пришли на помощь чаоторговцы Ханькоу и другие беженцы, оказавшиеся при деньгах, но была при этом оказана помощь и со стороны японских властей. Бывший в это время Архиепископом Японским, Сергей был возведен по восстановлению Собора Московским патриархом в сан митрополита Японской церкви³¹. По началу революции он признал его юрисдикцию, не допуская возможности, что Московский патриарх, возглавитель <так в тексте. — П.П.> православной церкви в России, может стать простой пешкой в руках верхов коммунизма, прочно свивших себе гнездо в сердце ее.

Незадолго до своей смерти Митрополит Японский Сергей осознал свою ошибку и этого не скрывал от других, но выступить открыто с таким заявлением не решался по своему мягкому характеру, вернее — по своей бесхарактерности.

С его смертью Японская Православная церковь <осталась> без своего возглавителя епископа. Не в духе верхов коммунизма было помочь в этом японцам, а сам Митрополит Московский без указаний их не решался кого-либо назначить. В этом случае на помощь Японии <пришел> Митрополит всея Америки Леонтий, назначив Архиепископа Питсбургского Вениамина, как возглавителя Японской Православной церкви. Трудно было ему в преклонном возрасте приспособляться к новым условиям жизни, и он не так давно вернулся на свою кафедру в САСШтаты, а его заместителем назначен сравнительно еще молодой, полный

энергии епископ Иреней, в прошлом беженец, испытывавший на себе тяжелые условия и при режиме Сталина, и Хитлера. В своих проповедях он сможет ознакомить с условиями действительно той ненормальной во всех отношениях, равно как и в церковном, жизни как свою японскую паству, так и поведает о тяжелой участи наших собратьев за «железным занавесом».

С назначением меня российским консулом в Дайрен для меня настала самая тяжелая и неприятная полоса в моей жизни. Появились беженцы из России, и вполне естественно они искали и ожидали помощи от консульства. Такими многочисленными средствами оно не располагало. Постепенно, при русской предприимчивости и находчивости русского человека, они приспособлялись к местным условиям и быстро становились «на ноги». Нужно отдать должное, что в этом случае им пришли на помощь и японские власти, и представители разных иностранных фирм.

Среди беженцев <в Дайрене> оказался владелец дома, <некогда> арендованного у него под консульство на условиях ежегодного возобновления контракта по взаимному согласию. Консульству пришлось искать новое помещение, что по тем временам было не так легко. По счастью, незадолго до революции им <т. е. консульством. — П.П.> был арендован у японских властей под устройство здания для консульства земельный участок в центральной части города, за который оно обязано было платить ежегодно аренду в размере 700 иен. Таких средств у консульства с началом революции не оказалось. Пришлось обратиться к начальнику Гражданского управления и просить об отсрочке платежа, чтобы не утратить право на участок в ходе быстрого расширения Дайрена <и> поднятия цен на земельную собственность. Вдруг совершенно случайно пришла идея ввиду вздо- рожания земельной собственности просить его <т. е. начальника Гражданского управления Дайрена. — П.П.> разрешения продать часть участка, оставив часть его, вполне достаточную для сооружения здания для консульства. Переговоры по этому делу увенчались успехом, но с условием, что часть участка будет предоставлена какому-либо из японских официальных учреждений, как расположенному в центре города среди других правительственных учреждений и банков. Меня это еще больше устраивало, так как сделка с частным лицом могла бы вызвать разные кривотолки не в мою пользу. Таким учреждением оказалось «Восточно-колони- зационное Общество», учрежденное японским правительством в целях облегче- ния колонизации японцами Южной Маньчжурии и снабжения их кредитами на разные предприятия. Впоследствии, когда консульство, согласно инструкции по- сольства в связи с признанием Японией правительства СССР, в 1925 году было передано японским властям, я сам пользовался его кредитами для покупки по- близости Дайрена земли и насаждения фруктового сада, а с ликвидацией его — на покупку дома в Дайрене.

Само Общество оценило участок, предоставляемый ему, в размерах значи- тельно больше, чем я предполагал — в 150 000 иен. На эти деньги я смог устроить 3-этажное здание с полуподвальным этажом и с квартирами для сотрудников. Оставшиеся 50 тыс., как неприкосновенный капитал, давали возможность на по- лучаемые с него проценты отапливать и содержать здание.

При самом сильном воображении трудно было тогда предположить, что в нем со временем будет помещаться ГПУ и из-за железных решеток полуподвального этажа здания консульства будут выглядывать грустные лица, ожидающие сурового приговора этого учреждения, не знающего пощады для инакомыслящих с ним.

С занятием Дайрена после минувшей войны <т. е. Второй мировой. — П.П.> верхами коммунизма Москвы, ими <было> экспроприровано под консульство здание более крупных размеров, какими японское правительство, а еще больше «Общество Южно-Маньчжурской железной дороги», укрепили этот город.

Судьбы Господни неисповедимы. Где-то сказано в Священном Писании: «И возвратится ветер на круги своя». Все достижения Японии в области расширения ею своих владений после минувшей мировой войны были сведены на нет. А ведь японцы еще в мифологический период прошлого истории считали Корею своей страной, покоренной их воинственной императрицей Дзингу. Из Кореи в 6 веке по Р. Х. ими было заимствовано великое учение Будды, во многом заменившее национальную религию синто с мифологическими семью богами счастья, — Дайкоку, раздающим рис и золото; Эбису, заботливо выуживающим рыбу «тай», этот деликатес японского народа; Дзюродзин, с серьезным видом наподобие когда-то существовавшей сахарной головы — бог мудрости; Бисямон — со страшным выражением лица, бог войны; наконец, Бэнтэн — спускающаяся с небес прелестная богиня милосердия, — все они прекрасно уживаются и укладываются в голове японца. Обе религии и по сию пору прекрасно уживаются. Обряд при рождении ребенка выполняется священником религии синто, а хоронит японца буддистский священник по буддистскому обряду. Нет вражды у японцев и к христианам, которые по началу проникновения христианства, когда двери иностранцам были закрыты, подвергались местами преследованию и даже избиению. Школы, содержимые за счет миссионеров разных стран, в значительной степени содействуют увеличению <количества> их последователей, и христианство заметно начинает пускать глубокие корни, и число последователей заметно увеличивается.

Номинальное господство Японии в Корее собиравшийся превратить в фактическое ею обладание великий государственный деятель Японии 16-го века по Р. Х. генералиссимус Хидеиоси³², которому новейшая история Японии присваивает имя «японского Наполеона». Его мечты простирались даже дальше этого — овладеть Китаем, но его преждевременная смерть помешала ему приступить к осуществлению его планов. Овладение Кореей и намерение осуществить то же и в отношении Китая приняло на себя современное поколение, но все это окончилось печальным финалом — «ветер вернулся на прежний свой круг».

Того же нужно ожидать и в отношении России. Верхи коммунизма должны будут испариться, и Россия вернется к своему прежнему руслу.

Если мы проследим жизнь каждого из нас, то не можем не заметить ряд тех случайностей, которыми она преисполнена. В конце концов они приводят к тому финалу, к которому поначалу у нас была склонность, что нам предназначено природой от нашего рождения.

Даже Наполеон, которого история признала как гениального полководца, приписывал все свои успехи случайностям и в результате умер как узник.

Вспоминаю слова Конфуция — когда к нему начали приставать его ученики, чтобы он разъяснил им, в чем состоит цель жизни человека, каково его назначение, он им коротко ответил: «Пусть каждый из вас хоть одно дерево посадит, живите в единении с природой и любите ее».

Инстинктивное мое стремление с молодых лет строить свою жизнь именно в этом духе, <пока> коренным образом оно не было изменено и пошло по другому руслу, но в результате я «сiju на земле» и только теперь познаю все прелести своей жизни. Говорят, что «старость — не радость», но именно благодаря такому образу моей жизни я доволен и старостью, и во многом чувствую себя лучше, чем в молодые годы. Я каждый день вижу результаты своего труда. Я посадил несколько тысяч фруктовых деревьев поблизости Дайрена, а теперь — несколько сот декоративных деревьев у себя в саду в Сузурандае. Только в Японии на площади около сажени квадратной могут ужиться и прекрасно расти до десяти самых разнообразных насаждений. Одних разновидностей клена с его красивой узорчатой листвой разных колеров собрано мной до 10 сортов. Круглый год среди насаждений моего сада какое-нибудь растение цветет. Словом, получился волшебный уголок, вдобавок — с дивной панорамой на ряд окружающих его, круглый год зеленеющих гор.

Но возвращусь к Дайрену, где, оставивши консульство, я «сел на землю», занявшись садоводством и будучи одним из первых садоводов на Квантуне. Пока деревья начали приносить плоды, пришлось изыскивать какой-либо другой источник доходов. Была организована молочная ферма на акционерных началах из 4 компаньонов о 4 коровах. К ней были добавлены разные другие виды хозяйства, как-то: пчеловодство, куроводство, козеводство и свиноводство. Последнее оказалось самой прибыльной статьей доходности, когда начали коптить окорока и выделывать колбасы. Неизменно деятельной помощницей в хозяйстве оказалась ныне покойная старуха сестра, оказавшая в прошлом помощь мне своими 100 рублями, <чтобы> добраться из Одессы во Владивосток, с дочерью моего покойного старшего брата, подростком. Последняя выявила свои большие способности по части бухгалтерии. По этой дороге она и пошла впоследствии, став бухгалтером крупного швейцарского алюминиевого общества в Шанхае. Вовремя бежавши оттуда, с передышкой около года на о. Тюбабао, она очутилась в Нью-Йорке на службе в «Алюминии Импорт Корпорейшен». Думалось ли мне когда-либо, что эта крошка явится в результате всех коммерческих комбинаций своего дядюшки его кормилицей, какой она оказалась сейчас в действительности. Не расплатись <она> с долгами своего дядюшки под обеспечение дома, он давно уже лишился бы его. Пожалуй, теперь, в его годы, ему ничего «не скомбинировать», чем он смог бы добывать себе средства к существованию. Получая от нее ежемесячно «пенсию», все свои расчеты он <дядюшка, т. е. сам Васкевич. — П.П.> строит на ликвидации своей картинной галереи и разных японских и китайских художественных изделий, собранных им в лучшие времена его прошлого, когда он, с ликвидацией своего имущества поблизости Дайрена незадолго до начала минувшей войны, переехал на жительство в Японию, <будучи> богатым человеком. Ему с избытком хватило бы этих средств при прежних условиях жизни в Японии до глубокой ста-

рости, даже до 100 лет, как он предполагает при своем режиме дожить, но результаты минувшей войны все перевернули вверх дном. Я еще счастливо отделался, купивши вовремя землю, выстроивши дом и вложивши часть капитала в разные художественные вещи, с экземплярами, заслуживающими стен музеев. Не желая все же сидеть «на шее» своей дорогой племянницы, я решился вступить в переписку с Рокфеллером в бытность его в Японии, о приобретении им моей коллекции, но, как и нужно было ожидать, получил от его секретаря весьма любезный ответ, что, к сожалению, его шеф не располагает временем, чтобы осмотреть мою коллекцию. Опытные коммерсанты говорят, что если бы я оценил свою коллекцию не в 26 тысяч долларов, а в 226 тысяч долларов, то у него нашлось бы время ее осмотреть. «Надежды юношей питают, отраду старцам подают». Вот и сижу я теперь у моря и жду погоды, может быть, найдется Рокфеллер маркой пониже, который бы купил у меня мою коллекцию.

Летом свой дом на молочной ферме я сдавал дачникам. В моей памяти воскрес облик атамана Семенова³³, бывшего у меня одним из дачников, снимавшим две комнаты с платой в месяц по 200 иен. Он оказался одним из самых у меня неаккуратных плательщиков, хотя досужая молва упорно распространяла, что у него хранятся целые горы запасов золота, добытых всевозможными реквизициями. Вспомнилось, как как-то в консульстве появился его агент, некто Нахабов, в прошлом мне случайно известный по посольству, когда он явился за вспомоществованием ему как обокраденному в пути. Ему было выдано 25 иен, а через некоторое время из Владивостока была получена бумага, что из тюрьмы бежал этот Нахабов в Японию, с просьбой обратиться к японским властям о его аресте и препровождении во Владивосток. Обратился он <на сей раз> в консульство за содействием в получении явно чужих грузов, застрявших в таможне. Конечно, такого содействия он не получил. В результате, через некоторое время консульством была получена официальная бумага за подписью атамана Семенова и секретаря его канцелярии генерала Афанасьева, в прошлом военного судьи, о предании меня военно-полевому суду за неоказание содействия его агенту. Я спокойно приобщил эту бумагу к архиву консульства, но только меня удивило, как подобного рода бумага могла быть подписана в прошлом военным судьей, наверное, знакомым с нормами международного права.

Когда я как-то припомнил атаману Семенову об этом случае и высказал удивление, как он мог окружать себя подобными личностями, на это последовал ответ, что Нахабов явился в его штаб с пожертвованием на борьбу с большевиками 100 000 рублей и выявлял себя ярым их противником.

А когда я ему напомнил о досужей молве, что он является пособником к овладению японцами Приамурским краем вместе с родным ему Забайкальем, он с большой горячностью ответил, <дескать>, как я могу ему, природному казаку Забайкалья, предки которого искони являлись защитниками порядка внутри России и защитниками ее границы от внешнего врага, <говорить подобное, и> я склонен был поверить <его словам>, тем более что у меня самого сложилось представление, мной уже выше отмеченное, что японцы собираются расширять свои владения к югу, где ждет привычное им тепло, а не морозы пустынной Сибири,

где им самим пришлось бы тяжело работать, тогда как в Китае и на островах, прилегающих к нему на юге, сколько угодно дешевого труда и неизмеримо больше разных природных богатств, чем в Сибири.

Тот же удовлетворительный ответ получил от него, когда <я> напомнил, что он сдерживал грузы, шедшие на помощь белой армии адмирала Колчака — что ему якобы доподлинно было известно, что эти грузы в Иркутске задерживались комиссаром, даже фамилия его осталась в памяти — Яковлевым — который ими пользовался на организацию отрядов против армии адмирала Колчака. Лично мне рисовалось, что фигура атамана Семенова поддерживалась японцами как своего рода дипломатический «шахматный ход», как угроза тем же большевикам, если бы они в будущем собрались аннулировать их <т. е. японцев. — П.П.> достижения по Портсмутскому договору в Южной Маньчжурии и то же — в Корее, не говоря уже о Южной части о. Сахалина. В нем они <японцы в Семенове> склонны были видеть того же своего рода Хитлера, который сумеет, когда настанет к тому время, повести массы русского населения против большевиков, но атаман есаул Семенов был далек от капрала Хитлера, чтобы оставить после себя крупный след в истории революции, даже когда возможны всякие неожиданности по нынешним временам.

Среди жильцов-дачников на даче был и потомок большого государственного деятеля в прошлом истории России, бывший офицер в прошлом одного из блестящих гвардейских полков, А.А. Карамзин³⁴, с супругой и двумя прелестными детками, мальчиком и девочкой. Шустрый сынишка его был деятельным помощником в моих работах, сопровождая меня и выражая желание в чем-нибудь мне помочь. По способностям и силам своих лет он только мог подносить мне корзинку с разными орудиями при работах, садовые ножницы, пилку и другие мелочи — обязанности, которые выполнял у меня приученный для этого пудель Мишка. Я видел, как он ревновал собачонку и как ему хотелось быть в этом мне полезным, и я охотно это его желание исполнил и наблюдал, как Мишка этим был недоволен. Расстался я с этим милым семейством и потерял их из виду, как вдруг получаю из о. Тюбабао от племянницы письмо, в котором она сообщает, что встретила с семьей Карамзиных: Алеша уже стал великолепным 30-летним мужчиной, и что интереснее всего — что она успела влюбиться в него, пользуется его взаимностью, и что оба они намерены строить свое будущее в полном единении. Конечно, этим известием я был бесконечно обрадован, помня Алешу как мальчика с добрым сердцем, этой основой счастливого брака, и заочно их благословил. <Вот> еще один из случаев, оставшихся навсегда в моей памяти.

Читаю как-то в газетах, что пароходством «Осака сиосэн кайша» спущен в Кобэ <так в тексте. — П.П.> только что отстроенный пароход «Бразил-мару», предназначенный для кругосветного путешествия со всеми новейшими усовершенствованиями, приспособленный главным образом для туристов. «Вот бы приятно было на нем совершить путешествие», — подумал я, но — «рад бы попасть в рай, да грехи не пускают»: кроме долга «Восточно-колониционному Обществу», за счет которого был построен дом, никаких других средств в наличии не имеется. Давно <я> подыскивал покупателя на дом, чтобы рассчитаться с долгами, да охотника не находится, когда услышат цену. Случайно встречаюсь с директором

местного отделения того пароходного Общества, которому принадлежит «Бразил-мару». Пользуюсь случаем предложить ему свой дом. <Он> заинтересовался, осмотрел, спрашивает: сколько просите за дом. Отвечаю: 40 000 иен, вместо 30 000, за которые готов был уступить другим покупателям. — Несколько дороговато. — Согласен на 30 тысяч плюс к этому билет 1-го класса на «Бразил-мару», стоящий 3 тысячи иен. — Телеграфирую Ваши условия в контору Общества. Через дня три получаю благоприятный ответ и начинаю сборы в Кобэ, откуда пароход начинает свой кругосветный вояж: Гонолулу, Сан-Франциско, Панамский канал, все государства Южной Америки, вокруг Африки, Цейлон, и ряд других портов на островах, примыкающих к Китаю на юге, и снова Кобэ — всего пути три месяца с небольшим.

Хочется уделить несколько строк описанию самого парохода, отделанного исключительно с большим вкусом и продуманностью. Описание на нем моего путешествия в свое время появилось на страницах «Харбинского времени», начиная с 21 января 1940 г. Одно удовольствие было из уютной одноместной каюты с отдельной ванной при ней подняться наверх в гостиную, декорированную художественно вышитыми панно видов Японии, и посидеть в удобном кресле, слушая с утра прекрасную игру известной японской пианистки С. Иноуэ, ученицы нашей соотечественницы мадам О. Тодорович, оставившей после себя в Токио заметный след в музыкальном мире по подготовке своих учениц, многие из которых закончили свое музыкальное образование в консерватории и шли в числе первых учениц. Она сумела своей ученице С. Иноуэ привить любовь к русской музыке. В ее концертах, с которыми она выступала почти во всех портах остановки парохода, превалировали русские композиторы, по преимуществу — произведения Чайковского.

Меню завтрака и обеда с его обилием блюд удовлетворяло по своему исполнению вкусам самого строгого гурмана. Наличие бассейна для купанья, а также разных спортивных площадок, включая до детской с игрушками, довершали все удобства, <удовлетворяющие> самого избалованного и прихотливого пассажира.

К прибытию парохода в каждом порту поджидали автомобили с проводниками по всем достопримечательностям данного района. Остановка в Сан-Франциско парохода на два дня, как и в других значительных портах, как Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Кэптаун <Кейптаун> и других, давала возможность пассажирам парохода видеть то, чего далеко многие старожилы этих мест не собрались <бы> осмотреть. Во время остановки в Сан-Франциско нам удалось побывать даже в Мевиске, не говоря уже о Лос-Анжелосе с осмотром синемаграфических студий Холи-ууда <Голливуда>, куда обычно доступ иметь не так легко. По пути побывали и в парке Иосемите, и в Университете Станфорда в Пало-Альто <Стэнфордский университет>, где нам для курьеза кроме университета был показан подъезд к резиденции бывшего президента Хувера, разбитый в японском стиле, но все же <в итоге> получился «Федот — да не тот» <т. е. вышло не вполне по-японски. — П.П.>.

Во время отсутствия пассажиров пароход предоставлялся в распоряжение посетителей, а по вечерам устраивались на нем банкеты для именитых граждан порта и его округи.

Словом, все было обдумано, чтобы «показать товар лицом». Это была лучшая реклама для достижений Японии в области судостроительства и их художественного вкуса. И только подумать! Ужас берет <при мысли>, что на следующий год, с началом войны этот пароход был обращен в военный транспорт и был уничтожен бомбой с американского аэроплана у берегов одного из островов, раскинутых на юге Китая.

Так дальше человечество жить не должно, пора наконец серьезно подумать и предать войны тяжелому прошлому, которое должно быть забыто. В этом направлении делаются все усилия свободными гражданами САСШтатов. Будем жить надеждой, что с помощью Объединенных Наций им удастся это осуществить. В этом кроется их провиденциальная миссия. Их Статуя Свободы при входе в Нью-Йорк, этот главный нерв жизни Америки, зовет все остальные народы к свободе, чуждой тех эфемерных фантастических идей верхов коммунизма, засевших в Москве, какие они стараются навязать народам всего мира и обратить их в послушных им рабов.

Вернувшись в Кобэ, преисполненный лучших чувств к японцам, давшим мне возможность получить во время путешествия удовольствие высшего порядка, я счел необходимым поделиться своими впечатлениями с вдовой моего сослуживца по посольству в Токио <В.А. Скородумова³⁵. — П.П.>, скончавшегося в Кобэ в должности российского консула, проживающей в Сузурандае, поблизости Кобэ. Выйдя из дому, мне вздумалось полюбоваться его красивыми окрестностями. По пути мое внимание привлекли три вековых сосны, расположенные на горе, куда меня инстинктивно потянуло подняться к ним. Оказалось, это не так легко сделать, так как гора представляла собой непроходимые джунгли. Но невозможное оказалось возможным, и через минут 20 тяжелого пути я оказался у их подножия, очарованный дивной панорамой окрестностей — гор ярко-зеленого оттенка. Вот где я должен доживать свои последние годы и еще кое-что создать на земле, оставить после себя след и в Японии, в области созидания «на земле» в виде разного рода насаждений, вспомнив при этом завет Конфуция своим ученикам.

Я вернулся в дом госпожи Скородумовой, японки, подарившей мужу своему трех прекрасных и по характеру и <по> красоте дочерей, устроивших свою судьбу «по-современному» — одна вышла замуж за немца, другая — за американца, а третья — за итальянца. Все это «такое столпотворение народов» наделали последние войны. Поделившись засевшей у меня мыслью заканчивать свои годы у подножия этих трех вековых сосен, я высказал, что если бы не так израсходовался во время своего кругосветного вояжа, то тотчас же постарался <бы> приобрести земельный участок в Сузурандае с этими тремя соснами. — «Так я вам его куплю», — был ответ. С покойным ее мужем были у меня денежные расчеты, и я был аккуратным плательщиком своих долгов, с известной прибылью.

Вернувшись домой в Дайрен в Какакаси, когда я рассказал своей старушке сестрице о таком своем решении, она пришла в ужас. Куда в наши годы двигаться с места — этого прекрасного теплого двухэтажного дома со всеми удобствами, с пчельником, виноградником, прекрасным погребом, где зрели вина собственного производства из винограда и меда собственного, вдобавок с чудным видом на

взморье, с живописно раскинувшимися вдали островами. Но мысль эта меня не покидала, особенно когда через недели две я получил купчую крепость от мадам Скородумовой на земельный участок с теми тремя вековыми соснами, которые не давали мне спокойствия. Оставалось теперь ликвидировать свое имущество в Какакаси, куда я всего два года тому назад переселился, ликвидировавши свое имущество в Инченцзы — почти рядом, по тому же морскому побережью поблизости Дайрена. Если в Дайрене мне стоило больших трудов, лишь случайно найти покупателя на дом, то тем более оказалось это трудным <делом> в Какакаси — оживленном морском курорте, «глохшем» к зиме. Тут и вспомнилась поговорка: «купить — что клопа убить, а продать — что блоху поймать». Вот я и ловил все ускользавшую от меня блоху, когда покупатель узнавал мою цену, те же 30 тысяч, что я просил за свой 3-этажный дом с тремя доходными квартирами, ту же сумму. В одно прекрасное утро появляется китаец-повар и сообщает, что пришел покупатель на дом. Когда я взглянул на этого грязно одетого «ходьку», у меня пропало всякое желание с ним разговаривать. Но все же сказал повару, пусть показывает дом. Когда покупатель заинтересовался, <то> чтобы отвязаться от него, я запросил с него вдвое дороже, 60 тысяч иен. — Уступите! — «Ладно, 10 тысяч уступлю, но ни копейки меньше». «Завтра принесу деньги», — был ответ. Таким образом, я сразу же развязался с домом и сделался богатым человеком, рассчитавшись раньше, по ликвидации своего дома в Дайрене, с долгами. Не замедлил отправиться в Сузурандай для того, что нужно <было> торопиться с постройкой дома.

Сестра условием своего переезда выставила, чтобы с ней жила в качестве сиделки незадолго до этого овдовевшая <госпожа> Меклер³⁶, японка, прекрасно говорящая по-русски. Дом, доставшийся ей после смерти мужа, по соседству с моим в Какакаси, она вскоре ликвидировала, а когда <моя> сестра умерла, сама уехала к себе на родину в Нагасаки. Когда через полгода мой дом <в Сузурандае> был выстроен, сестры моей в живых не оказалось. Предстояло жить в одиночестве.

Неожиданно случайно поинтересовался, как я устроился в Сузурандае, мой сослуживец по посольству Дмитрий Иванович Абрикосов³⁷. Его внимание также привлекли эти таинственные три вековые сосны у окон только что отстроенного дома. Понравился <ему> и уют в доме, стены которого были украшены редкими художественными японскими и китайскими картинами, и само расположение комнат в доме, который был спроектирован в Дайрене одним из строителей в прошлом Цинтао, который планировал мне дома в Дайрене, и они благодаря его планировке никогда у меня не пустовали. Ему я во многом обязан своему благополучию и пользуюсь случаем, чтобы архитектора В<алена? Нрзб.> помянуть добрым словом и выразить ему свою благодарность.

Д.И. Абрикосов, не собиравшийся никуда двигаться из Токио из своего прекрасного особняка, в котором он прожил около 20 лет, передавши посольство, которым он управлял с отъездом посла Крупенского в Париж до признания японским правительством СССР в 1925 г., японским властям, согласно инструкции Российского посла в Париже Маклакова, который возглавлял все посольские и консульские учреждения во всех государствах до признания ими правительства СССР, неожиданно для себя самого решил поселиться вместе со мной в Сузуран-

дае. Мирно и тихо зажили два старика, распределивши все обязанности по дому по взаимному соглашению между собой, чтобы обходиться без прислуги. Он взял на себя несложные обязанности судомойки и бил нещадно при этом посуду; на мою долю выпала более сложная обязанность, требующая известных познаний в области кулинарии — повара. Хотя стол у нас был самый несложный вегетарианский, но повар из меня получился далеко неважный. Стоило показаться над кастрюлей пару, как я уже считал блюдо готовым. Мысли мои все время витали на огороде, что входило в круг моих обязанностей исполнять роль огородника. Дмитрий Иванович <вдобавок> к своим обязанностям нес еще обязанности фуражира, и ему, бедняге, частенько приходилось выстаивать в очереди часами, пока не сжалилась над нами старушка, взявшая на себя с фунтом сахара эти обязанности. Ко всему он еще с большим увлечением спиливал лишние вековые деревья на участке и превращал их в дрова, предварительно убрав утром все комнаты, подметя даже наружные в саду дорожки. Все это каждым из нас выполнялось с увлечением, без всяких жалоб и сетований на нашу судьбу.

Жили экономно, чтобы не сказать — скудовато. Когда фунт масла поднялся в цене с 50 до 62 иен, фуражир <т. е. Абрикосов. — П.П.> объявил, что такая роскошь нам не по средствам. Теперь масло поднялось до 365 иен, но эту роскошь я могу себе изредка позволить, не выходя из моего пятидесятидолларового бюджета, который аккуратно выплачивает мне ежемесячно из своего незавидного бюджета моя племянница Е.Н. Карамзина. Последнее обстоятельство <т. е. материальная зависимость от небогатой племянницы. — П.П.> и побуждает меня искать покупателя на мою коллекцию картин и других разных японских и китайских художественных изделий и вещей, с которыми мне будет труднее расстаться, чем с моими костюмами, включая до занавесок, <которые я продал> чтобы покрывать свои расходы на пропитание во время минувшей войны. Мой сожитель <Абрикосов> был тоже в положении не лучше моего. Я мог хоть заложить свой дом, а с его замороженными капиталами в САСШтатах трудно было комбинировать. Он часто укорял меня в моей расточительности продуктов, угрожал, что вскоре мне придется его содержать за свой счет. Все расходы по дому у нас делились пополам, никто не мог сепаратно побаловать себя чем-нибудь вопреки желанию другого.

Чтобы разморозить свои капиталы, ему пришлось вскоре после минувшей войны, благодаря содействию бывшего посла САСШтатов <Джозефа Грю> и нашего бывшего морского агента адмирала Дудорова, выехать в Америку, где он поселился в Пало-Алто и там же скоро скончался. Незадолго до смерти он писал мне, что все ему там хорошо, но не хватает пилы и топора, которыми он любил орудовать в Сузурандае, а я добавлю от себя, что ему не хватало еще того, может быть, и не так вкусного, вегетарианского супа в изготовлении плохого повара, какой он не имел в Пало-Алто с обилием там вредных мясных блюд.

Поселившись в Сузурандае, он избег смерти, когда его особняк был разрушен американскими бомбами до основания. Впрочем, этого он случайно избег и в Сузурандае, когда мы вместе с первым появлением американских аэропланов над Сузурандаем вышли на веранду понаблюдать за их полетом. Вдруг один из них быстро начал опускаться <так>, что мы могли различить даже очки на пилоте, и

вдруг неожиданно для нас раздался какой-то непонятный шелест среди растений у веранды. В это же время рядом со мной стоявший Д.И. Абрикосов поднял у моих ног пулю, которая лишь случайно не отправила меня на тот свет. Ее я храню как реликвию тех случайностей, которыми полна моя жизнь. Рядом с ней лежит заостренный молоток, который был занесен разбойником над моей головой, проникнувшим в дом рано утром, когда была открыта дверь в дом, и я наслаждался приятными звуками штраусовских вальсов под бритве и вышел из ванной комнаты в столовую, чтобы сменить пластинку. Я не стал вступать в единоборство с этим рязим <ражим> детиной, так редко встречающимся среди японцев. Громким повелительным голосом, простерши руки полного напряжения мускулов, я громко прокричал: «Остановись!» Он опустил свой молоток.

Я <не случайно> так часто упоминал о тех трех вековых соснах, которые меня сюда привели и моего сожителя <Абрикосова>, который сразу же был ими заморожен. Не им ли мы обязаны своей жизнью?

Атаман Семенов поселился на покой в Какакаси, насколько мне известно, оставленный без внимания японцев. Там он соорудил себе дом, значительно уступавший моему, построенному там же, чтобы доживать свой век, ликвидировав свой сад и молочную ферму в Инченцзы. Частенько посещавшие меня спрашивали, где дворец атамана Семенова, я им тогда рекомендовал осмотреть лучше мое «палаццо», так как в действительности дом атамана Семенова ни по своей внешности, ни по внутренней <отделке> не мог сравниться с моим. Но досужая молва о миллионах, находящихся в его распоряжении, и наличии «царского золота» продолжала циркулировать. То же говорилось о «высокой политике» его, связанной с намерением японцев отторгнуть Приамурье и его родное Забайкалье, о чем мной уже было отмечено. Я поддерживал с ним добрососедские отношения, и мы изредка навещали друг друга. Но этого уже было достаточно, чтобы сосчитать и меня в число его сотрудников.

С появлением в результате минувшей войны в Дайрене представителей верхов Москвы, атаман с его окружением сразу же были отправлены в пределы «железного занавеса». Участь их как «инакомыслящих» теперь известна всем. Меня, конечно, постигла бы та же участь, если бы эти три таинственные сосны не заманили меня к себе. Я чувствовал, что нужно торопиться под их покров, покидая в Дайрене то, на что я не мог рассчитывать в Сузурандае. Я лишился своего «палаццо» и доживаю сейчас в скромном доме, не кирпичном, который не может оказывать должное сопротивление тайфунам, и черепицы с его крыши полетели как перышки во время последнего тайфуна, причинившего столько бедствий всей Японии.

Любуюсь этими соснами из окон своего дома, где под ними будет похоронен прах моего сожженного тела в заготовленной могиле, окруженной растениями, которые круглый год будут цвести.

Будет здесь и глаза кому закрыть <мне> при смерти. <Госпожа> Меклер, которую покойная сестра собиралась иметь в качестве сиделки, ликвидировав свое имущество в Какакаси, вернулась к себе на родину в Нагасаки. Там она купила несколько домов и разместила свою родню. Осталась одна только сестра, за которой

она уехала в Кумамото, а когда вернулась, не оказалось ни ее домов, ни родственников. Все было без остатка уничтожено атомной бомбой. Вспомнила она тогда меня и искала помощи. Я охотно предложил ей поселиться у меня, и сейчас я не знаю никаких забот о кухне и прочем хозяйстве по дому. Могу полностью с раннего утра отдаваться любимым мной работам в саду, а по вечерам спокойно слушать в исполнении лучших артистов классическую музыку своих пластинок, перечитывая одновременно газеты, которые получаю на правах «бедного родственника» от тетушки по мужу <моей> племянницы М.Ф. Фрешковой, которой весьма признателен за такое одолжение. Почти одновременно с вдовой Меклер — японкой Симе-сан, неожиданно появилась и племянница по пути из о. Тюбабао в Америку. Без всяких с моей стороны намеков, она оплатила всю мою задолженность под дом и теперь ежемесячно аккуратно оплачивает мои расходы, необходимые для пропитания.

Началась новая спокойная жизнь, что так к старости важно. Все было бы хорошо, если бы порой не одолевали грустные мысли о положении наших братьев за «железным занавесом».

Не могут не беспокоиться и японцы за свое будущее. Злой гений со своим «вето» в ОН <ООН. — П.П.>, Вышинский³⁸, враг их доступа в ОН. Под эгидой флага ОН, с его всеобщим мировым парламентом, общей армией, политикой и экономикой они смогут полностью выявить свою творческую мирную культурную деятельность, чуждую прежней агрессивности.

Благодаря угрозам Маленкова, что в его распоряжении имеются бомбы более разрушительные, чем атомные, и что Москва соединена с Нанкином беспрерывным железнодорожным путем, это значит, что Китай в его полном распоряжении, японцам приходится подумать о вооружении своей страны, иначе их участь ждет та же, что и Китая.

Не успели верхи коммунизма Москвы закончить свою авантюру в Северном Китае, как они готовятся к новым выступлениям на Юге Китая, являясь угрозой для всего мира. Веры в свою собственную армию в них нет. Она легко может повернуть оружие против них же. В этом случае все их надежды на успех и полонение всего мира и обращение всех в своих рабов строятся на помощи китайской армии.

Снилось ли когда-нибудь автору этих воспоминаний, что его любимая родина станет каким-то страшилищем, пугалом для всех, в то же время и для самих коммунистов? Нет, такого кошмарного сна он не видел. Не видал его и адмирал Макаров, которому посвящены эти воспоминания. Он живо воскресает в моей памяти как надежда всех русских людей, что с его назначением командующим флотом он сумеет компенсировать потери нашего флота под Порт-Артуром по начале войны за счет потерь японского флота. Но, к ужасу, сам он случайно погиб. Мне, командированному в его распоряжение Штабом главнокомандующего, подъезжая к Порт-Артуру пришлось слышать лишь отзвук предательской мины, которая взорвала броненосец «Петропавловск», а с ним погиб в пучинах моря и адмирал Макаров.

Да будет могила покойнику мягкой в его родном морском царстве, с которым он вел борьбу в водах Северного Ледовитого океана, на родном ему ледоколе «Ермак», а погиб в теплых водах Желтого моря.

24 октября 1953 года

Сузурандай, Кобе. <подпись> П. Васкевич

---

¹ Клаузевиц Карл, фон (1780–1831), военный теоретик и историк, директор Прусской военной академии (1818–1831).

² Имеется в виду Дуайт Эйзенхауэр, занимавший пост президента США в 1953–1959 гг.

³ Полностью: Северо-Американские Соединенные Штаты.

⁴ Ошибка памяти: китаевед и японовед Д.М. Позднеев (1865–1937) возглавлял Восточный институт в 1904–1905 гг. Первым директором был его старший брат, монголовед А.М. Позднеев, отозванный в 1903 г. в Петербург.

⁵ Здесь Васкевич ошибается: ночная атака японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре, ставшая началом войны, была произведена 26 февраля 1904 г.

⁶ Ошибка: вице-адмирал С.О. Макаров был назначен командующим Тихоокеанской эскадрой вместо вице-адмирала О.В. Старка; контр-адмирал В.К. Витгефт, заменивший погибшего 31 марта 1904 г. Макарова, также погиб в бою в Желтом море 28 июля (10 августа) 1904 г.

⁷ Имеется в виду картина «Богатыри» В.М. Васнецова, хранящаяся в Третьяковской галерее (Москва).

⁸ Художник и писатель В.В. Верещагин (1842–1904).

⁹ Контр-адмирал князь П.П. Ухтомский после гибели С.О. Макарова кратковременно командовал Тихоокеанской эскадрой (до назначения В.К. Витгефта).

¹⁰ Андогский А.И. (1876–1931), генерал-майор, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, последний начальник Николаевской военной академии Генштаба. Эмигрант. В 1922–1923 г. преподавал стратегию японскому наследному принцу (будущему императору) Хирохито. Упомянутая выше книга: «Пути к разрешению тихоокеанской проблемы» (Харбин, 1926).

¹¹ Грю Джозеф Кларк (1880–1965), американский дипломат, посол США в Японии в 1832–1942 гг.

¹² Комура Дзютаро (1855–1911), барон, министр иностранных дел Японии в 1901–1906 и 1908–1911 гг.

¹³ Ито Хиробуми (1841–1909), князь, один из ведущих японских политиков эпохи Мэйдзи, автор текста японской конституции, первый премьер-министр Японии, первый генерал-резидент Кореи.

¹⁴ Шифф Джейкоб (1847–1920), американский банкир и общественный деятель, активно поддерживал Японию в войне с Россией.

¹⁵ Маэда Киёцугу, преподаватель японского языка в Восточном институте. Причиной убийства было названо то, что, оставшись в России во время Русско-японской войны, он продолжал работать в Восточном институте и тем самым «вредил Японии».

¹⁶ Здесь Васкевич намекает на ходившие одно время слухи об осетинском происхождении И.В. Сталина (Джугашвили).

¹⁷ Осима Кэнъити (1858–1947), впоследствии генерал-лейтенант, занимал пост военного министра (1916–1918). Его сын Осима Хироси (1886–1975) — германofil, посол Японии в Германии в годы Второй мировой войны.

¹⁸ Совр. Пусан.

¹⁹ Совр. Масан.

²⁰ Бальмонт Константин Дмитриевич (1876–1942), русский поэт, переводчик, эссеист, побывал в Японии в 1916 г.

²¹ К. Бальмонт «Японке» (1916).

Японка, кто видал японок,
Тот увидал мою мечту.
Он ирис повстречал в цветку,
Чей дух душист и стебель тонок.
Японка, ты полуробеночек,
Ты мотылец на лету,
Хочу вон ту и ту, и ту,
Ты ласточка и ты котенок.
Я слышал голос тысяч их,
Те звуки никогда не грубы.
Полураскрыты нежно губы, —
Как будто в них чуть спетый стих.
Всегда во всем необычайна
Японка — и японцу — тайна.

²² Яблоновский (Потресов) Сергей Викторович (1870–1953), русский журналист, критик, поэт, переводчик.

²³ Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936), русский писатель, журналист, путешественник.

²⁴ Восторгов Иоанн (Иван) Иванович (1864–1918), религиозный и общественный деятель, протоиерей, настоятель Покровского собора на рву (храм Василия Блаженного). В 2000 г. был причислен к лику святых.

²⁵ Здесь Васкевич намекает на антисемитские взгляды И. Восторгова.

²⁶ Хейг Александр (1853–1924), врач-диетолог, автор некогда весьма популярной бессолевой и бескислотной диеты.

²⁷ Артур, герцог Коннаутский (1850–1942), третий сын королевы Виктории (Великобритания).

²⁸ Генрих Прусский (1862–1929), адмирал флота, младший брат кайзера Вильгельма II.

²⁹ Георгий Михайлович (1863–1919), великий князь, внук Николая I, двоюродный дядя Николая II.

³⁰ Ноги Марэсуке (1849–1912), японский генерал, командовал армией, осаждавшей Порт-Артур в 1904–1905 гг.

³¹ Сергей (Тихомиров; 1871–1945), епископ Русской православной церкви, митрополит Токийский и Японский, преемник на этом посту архиепископа Николая (Касаткина).

³² Тоётоми Хидэёси (1536–1598), военный и политический деятель средневековой Японии, внесший значительный вклад в процесс объединения страны и укрепления центральной власти.

³³ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946), атаман казачьих войск, генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке.

³⁴ Карамзин Александр Александрович (1893–1971), внучатый племянник Н.М. Карамзина, штаб-ротмистр 5-го гусарского Александрийского полка, в эмиграции — художник, иконописец.

³⁵ Скородумов Виталий Александрович (1880–1932), выпускник Санкт-Петербургского университета, переводчик и дипломат.

³⁶ Японка, вдова давнего знакомого Васкевича по фамилии Меклер.

³⁷ Абрикосов Дмитрий Иванович (1876–1952), дипломат, мемуарист, последний управляющий старым российским посольством в Токио до признания Японией СССР в 1925 г.

³⁸ Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954), постоянный представитель СССР в ООН (1953–1954).

ПИСЬМА О ЯПОНИИ (1908–1912):
НОВЫЙ АРХИВ ДИПЛОМАТА Н.А. МАЛЕВСКОГО-МАЛЕВИЧА

*Публикация, вступительная статья, подготовка текста
и комментариев М.М. Гофинова-мл.*

14 февраля 2018 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына открылась новая историко-просветительская программа «Русское зарубежье: от А до Я» (куратор — кандидат исторических наук М.Ю. Сорокина), первое заседание которой было посвящено перекрестному году Японии в Российской Федерации и Российской Федерации — в Японии. В рамках круглого стола «Русские дипломаты-эмигранты в Японии», в котором принимали участие П.Э. Подалко, М.Ю. Сорокина и др., неоднократно высказывалась мысль о том, что поддержке японско-российских связей мы обязаны прежде всего русским дипломатам, а также подчеркивалась необходимость изучения их биографий на основе архивных документов. Некоторые личные архивы российских дипломатов до сих пор хранятся в семейных собраниях их потомков. Таковым, например, является архив российского посла в Токио в 1908–1916 гг. Николая Андреевича Малевского-Малеви́ча (1855–1919), сведения о котором поступили необычным образом.

В 2011 г. интерес автора этой статьи к личности другого дипломата, графа Николая Павловича Игнатъева (1832–1908), автора Сан-Стефанского договора 19 февраля (3 марта) 1878 г., привел на Украину, где в Киеве живет правнучка графа Александра Николаевна Столповская (р. 1940). Вместе с мужем Николаем Васильевичем она радушно приняла меня в своем доме, а затем отвезла в бывшее имение Игнатъевых в селе Круподеринцы Погребищенского района Винницкой области. В этом имении проводили время все дети Николая Павловича с их семьями: Николаевичи, Павловичи, Алексеевичи. Здесь, в усыпальнице церкви Рождества Богородицы, похоронен сам Николай Павлович с супругой Екатериной Леонидовной (1842–1917) и дочерью Екатериной (1869–1914). До недавнего времени в бывшем графском имении располагалась средняя школа, сегодня здесь находятся мастерские художников.

Русско-японская война 1904–1905 гг. принесла семье Игнатъевых немало горя. При трагическом поражении русского флота в Цусимском проливе погибли любимый младший сын графа Н.П. Игнатъева Владимир (1879–1905) и его племянник, морской офицер Алексей Александрович Зуров (1864–1905). Во дворе церкви Рождества Богородицы возвышается трогательный памятник — двухметровый крест на гранитном постаменте с корабельными якорями у подножия и надписью: «Крест сей воздвигнут в 1914 г. в молитвенную память лейтенанта гвардейского экипажа графа Владимира Игнатъева, капитана 2-го ранга

*Петр Николаевич Малевский-Малевич
(1891–1974)*

*Магдалина Николаевна, урожденная
Игнатъева (1899–1982)*

Алексея Зурова и всех наших славных моряков, с честью погибших в Цусимском бою 14–15 мая 1905 г.». Это единственный памятник, связанный с Русско-японской войной, на Украине.

Другой сын графа Н.П. Игнатъева — Николай (1872–1962) — был военным и командовал лейб-гвардии Преображенским полком с 1914 г., с самого начала Первой мировой войны. В мае 1918 г. остатки этого полка, расформированного в декабре 1917 г., вошли под командованием его бывшего командира в его семейное имение Круподеринцы. Там у адъютанта графа Н.Н. Игнатъева Петра Николаевича Малевского-Малевича (1891–1974), штабс-капитана, сына дипломата Николая Андреевича¹, завязался роман с его старшей дочерью Магдалиной Николаевной (1899–1982). В январе 1919 г. они венчались в церкви Рождества Богородицы [Андоленко 2010, с. 304, 308–309; Горинов 2017, с. 65]. С конца 1919 г. П.Н. Малевский-Малевич был участником Белого движения, воевал в войсках Киевской области

¹ Окончив в 1912 г. Александровский лицей в Санкт-Петербурге, П.Н. Малевский-Малевич был зачислен на службу в Преображенский полк. В 1913 г. был произведен в офицеры. С октября 1914 г. командовал 14-й, с апреля 1915 г. — 13-й ротой Преображенского полка (РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44607. Л. 1–2. Послужной список П.Н. Малевского-Малевича. 1917 г.). Во время Первой мировой войны участвовал в Люблинской, Ивангородской, Краковской, Холмской операциях. В августе 1915 г. был назначен полковым адъютантом. За участие в последнем бою полка 7 июля 1917 г. у деревни Мшаны в районе Тернополя был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени [Андоленко 2010, с. 56–59, 95, 100, 130, 136–138, 143–144, 166, 288–294].

Вооруженных сил Юга России, затем в составе отряда генерала Н.Э. Бредова. В 1920 г. этот отряд был интернирован в Польше. После освобождения П.Н. Малевский-Малевич жил в Великобритании, где некоторое время занимался сельскохозяйственными работами в имении графа П.Н. Игнатьева (1870–1945) «Бощан», находившемся между городами Гастингс и Баттл на побережье Ла-Манша, а затем переехал в Лондон [Мнухин 2010, с. 125; Горинов 2017, с. 65–66]. Россию и свою семью он больше не увидел.

Между тем от Столповских было известно, что оставшаяся в советской России супруга П.Н. Малевского-Малевича Магдалина родила сына Николая (1920–2016), который с золотой медалью окончил школу в Ростове-на-Дону, стал инженером и преподавал в Московском высшем техническом училище имени Н.Е. Баумана до 87 лет! Это был последний правнук графа Н.П. Игнатьева, появившийся на свет в Круподеринцах, и это было последнее счастливое событие в семействе Игнатьевых.

Дочь Николая Петровича Малевского — Ольга Николаевна Чевская (р. 1948), специалист по стали, научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института черной металлургии им. И.П. Бардина, живет в Москве.

При первом визите к Ольге Николаевне в 2011 г. обнаружилось, что в ее семейном собрании хранятся уникальные фотографии семей Игнатьевых и Малевских. О.Н. Чевская бережет старинное бюро своего прадедушки Н.А. Малевского-Малевича из красного дерева. Помимо этого, в отдельной шкатулке хранится его архив, прежде всего его письма сыну Петру за 1908–1912 гг. из Японии. Небольшие по объему, они написаны на обороте фотографий, сделанных дипломатом и его сотрудниками. Николай Андреевич подробно описывал российское посольство в Токио, его интерьеры, а также Японию того времени. Эти письма-фотографии мы и подготовили к настоящей публикации.

Н.А. Малевский-Малевич был женат на Софии Петровне Рогович, дочери сенатора, тайного советника Петра Ивановича Роговича (1854–1892). У них было трое детей: Петр (1891–1974), Евгения (1892–1976) и Андрей (1896–1916)². Но Николай Андреевич был существенно, на 20 лет, старше своей жены. В 1897 г. она ушла из семьи, забрав только младшего сына Андрея. Петр и Евгения остались с отцом. Брак был расторгнут официально 4 января 1901 г.³ Когда Андрею исполнилось 15 лет, он тоже захотел жить с Николаем Андреевичем.

Слева направо: Петр (1891–1974), Евгения (1892–1976) и Андрей (1896–1916) Малевские-Малевичи

² АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2119. Л. 2. Формулярный список Н.А. Малевского-Малевича. 1905 г.

³ Там же. Л. 2.

Евгения Малевская всю жизнь не могла простить матери того, что она ее оставила, а отца боготворила. В 1908 г., когда Малевский-Малевиц был назначен послом в Японию, она изъявила решительное желание ехать с ним.

Андрей Николаевич Малевский-Малевиц, так же как и его старший брат Петр, с мая 1915 г. служил в Преображенском полку: сначала в 4-й, а с января 1916 г. — в 14-й его императорского высочества роте. В конце августа 1916 г. он был произведен в поручики⁴, а 3 сентября того же года убит в бою у Свиныхского леса на владими́ро-во́лынском направлении. Награжден посмертно георгиевским оружием и орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость» [Андоленко 2010, с. 209, 214–218, 220].

Как следует из личного дела Н.А. Малевского-Малевица в Центральном государственном архиве Москвы, он родился 8 декабря 1855 г. в Москве⁵ в семье врача, коллежского асессора Андрея Егоровича Малевского-Малевица (1820–1906), потомка древнего польского дворянского рода из Плоцкого воеводства. Представители этого рода с конца XVIII в. состояли на российской военной службе [Малевский-Малевиц 1909, с. 120–121]. Мать — Екатерина Александровна (1823–1856) — была дочерью московского судьи, коллежского советника, члена Московской губернской строительной и дорожной комиссии Александра Ивановича Розова (1791–1863) и его первой супруги Варвары Дмитриевны (урожд. Трубецкая; 1799–1826). Варвара Дмитриевна очень рано умерла (в 1826 г.), и ее дочек — Екатерину и Надежду (в зам. Балашевская; 1824 — ок. 1897) — воспитывала вторая жена Александра Ивановича Юлия Федоровна (урожд. Куниш; 1806–1879).

Николай Малевский-Малевиц лишился матери в возрасте одного года, отец вскоре завел другую семью⁶, и мальчик воспитывался бабушкой и дедушкой Розовыми в их доме в Скатертном переулке. В воспоминаниях Николая Андреевича о детстве и семье, опубликованных в журнале «Русский архив» за 1908–1916 гг., подробно описан старинный быт среднего круга дворян-москвичей [Малевский-Малевиц 1908; 1909; 1910; 1911; 1912; 1916]. Юлия Федоровна очень заботилась об интеллектуальном развитии внука: он получил первоклассное домашнее образо-

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44335. Л. 4–5. Послужной список А.Н. Малевского-Малевица. 1915 г.

⁵ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 289. Д. 237. Л. 6. О принятии в студенты Н.А. Малевского-Малевица.

⁶ В 1859 г. А.Е. Малевский-Малевиц женился на Екатерине Васильевне Алексеевой, дочери каширского помещика, надворного советника В.В. Алексеева [Малевский-Малевиц 1909, с. 130]. От этого брака родилось трое сыновей — Борис (р. 1862), Всеволод (р. 1868) и Святослав (р. 1872) — и дочь Ольга (р. 1870) (Там же. Л. 8–9). Борис служил в Москве присяжным поверенным, Всеволод — чиновником особых поручений в Управлении московского губернатора, а Святослав — младшим делопроизводителем (в 1917 г. — управляющим делами) Государственного дворянского земельного банка в Санкт-Петербурге. Сын Святослава Андреевича Святослав Святославович (1905–1973) — химик, дипломат, художник. В 1920 г. был эвакуирован с отцом в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Учился на филологическом факультете Белградского университета и на физико-химическом факультете Сорбонны. В 1926 г. женился на литераторе и журналистке княжне З.А. Шаховской (1906–2001) и переехал с ней в Брюссель (Бельгия), получил бельгийское гражданство (1928), состоял начальником отдела технической документации в химическом консорциуме Угре-Маркиз (1929–1939). В 1930–1934 гг. руководил Брюссельской группой евразийцев. С 1943 г. сотрудник бельгийского посольства в Лондоне, а в 1956 г. первый секретарь бельгийского посольства в Москве. В 1964–1973 гг. администратор парижской газеты «Русская мысль». Автор книги «СССР сегодня и завтра» (Париж, 1972) [Мнухин 2010, с. 125].

вание, бабушка сама обучала его музыке и немецкому языку. Юлия Федоровна приглашала опытных учителей, в частности географа-методиста Сергея Павловича Меча (1848–1936), для его подготовки к гимназии [Малевский-Малевиц 1910, с. 593, 597–598; Малевский-Малевиц 1911, с. 287–288; Малевский-Малевиц 1912, с. 290; Малевский-Малевиц 1916, С. 13, 15]. «Дом ее в Скатертном переулке обратился в подобие школы», — вспоминал позднее Николай Андреевич [Малевский-Малевиц 1912, с. 290].

Юноша без труда сдал вступительные экзамены в 5-ю московскую гимназию, одну из лучших в Москве, окончил ее с золотой медалью (1868–1875)⁷, его имя было выгравировано на мраморной доске [Там же, с. 298, 300]. Затем он окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав (1875–1880)⁸.

В марте 1881 г. Н.А. Малевский-Малевиц был определен на службу в Собственную его императорского величества канцелярию по учреждениям императрицы Марии и сразу откомандирован в канцелярию Совета Санкт-Петербургского женского патриотического общества. Целью этого общества была благотворительная и просветительская деятельность⁹. В октябре 1881 г. он был назначен на должность правителя дел Совета Женского патриотического общества¹⁰.

В июне 1882 г. Н.А. Малевский-Малевиц был причислен к Министерству юстиции с откомандированием в канцелярию 4-го департамента Сената, где состоял переводчиком, не оставляя службу в Собственной его императорского величества канцелярии. С сентября 1882 г. занимал должность младшего, с марта 1883 г. — старшего помощника секретаря того же департамента. В сентябре 1885 г. был назначен обер-секретарем 4-го департамента¹¹.

В марте 1887 г. за «усердную, успешную и полезную» службу по управлению делами Женского патриотического общества Николай Андреевич был удостоен благоволения самого императора Александра III (1845–1894)¹².

Одно знакомство кардинально изменило жизнь Малевского-Малевица. Работая по благотворительной части, Николай Андреевич обратил на себя внимание юриста Владимира Карловича Саблера (1845–1929), личного секретаря именитой благотворительницы, великой княгини Екатерины Михайловны Романовой (в замуж. Мекленбург-Стрелицкая; 1827–1894), будущего обер-прокурора Святейшего синода (1911–1915), благодаря содействию которого попал в Министерство

---

⁷ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 289. Д. 237. Л. 3–3 об. За время обучения в гимназии Николай Малевский-Малевиц показал «отличные успехи в науках», в особенности в русской словесности, латинском языке и истории.

⁸ Там же. Л. 2, 4, 34–35.

⁹ Общество занималось следующими вопросами: выдачей бедным и увечным людям денежных пособий, их помещением в больницы; предоставлением разоренным ремесленникам средств к возобновлению работ; заботой о детях-сиротах. Ходатайствовало о помещении детей бедных родителей на казенное содержание; о предоставлении помещения тем, кто своими трудами не мог обеспечить себе пропитание.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2119. Л. 1 об.

¹¹ Там же. Л. 1 об., 2 об.

¹² Там же. Л. 2 об.

иностранных дел¹³. Высочайшим приказом по МИД от 8 декабря 1886 г. Николай Андреевич был переведен на службу в Департамент внутренних сношений этого министерства делопроизводителем V класса¹⁴.

Под руководством директора этого департамента барона Ф.Р. Остен-Сакена (1832–1916) Малевский-Малевич сделал головокружительную служебную карьеру. Через два года, в ноябре 1888 г., он был назначен вице-директором, а в августе 1897-го — начальником Департамента внутренних сношений МИД (в декабре 1897 г. преобразованного во Второй департамент МИД)¹⁵, в ведении которого находились дела по составлению дипломатических грамот и писем и заключению международных договоров [Таубе 2007, с. 51]¹⁶.

В декабре 1904 г. Н.А. Малевский-Малевич был пожалован в гофмейстеры двора его императорского величества, а в июне 1905 г. — в сенаторы¹⁷. Награжден рядом высших российских орденов: Св. Анны 3-й степени (1886), Св. Владимира 3-й степени (1899), Св. Станислава 1-й степени (1902), Св. Анны 1-й степени (1909) и Св. Владимира 2-й степени (1912).

Дипломат, профессор кафедры международного права Петербургского университета Михаил Александрович Таубе (1869–1961), занимавшийся юрисконсультской работой во Втором департаменте МИД, характеризует Малевского-Малевича как «умного и опытного» руководителя. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. М.А. Таубе составил по его поручению правила, которыми должна руководствоваться Россия во время этой войны. А Николай Андреевич «весьма лаконично и хладнокровно» отстранял протесты на эти правила британского правительства [Таубе 2007, с. 40, 57–58, 93].

Н.А. Малевский-Малевич отличался склонностью к привлечению в дипломатическое ведомство молодых интеллектуалов. Задумав в 1898 г. издавать министерский «Сборник консульских донесений» и зная о достоинствах служащего Государственного контроля Владимира Борисовича Лопухина (1871–1942) как стилиста, он поручил это дело именно ему, предварительно посодействовав его переходу в МИД [Лопухин 2009, с. 73, 109, 157–158, 356].

Через руки Н.А. Малевского-Малевича как начальника Второго департамента МИД прошел ряд ответственных международных соглашений. Он неоднократно командировался за границу, где ему приходилось сталкиваться с виднейшими европейскими государственными деятелями¹⁸. Среди прочих служебных дел он постоянно интересовался Японией, знакомился с ней по ученым трудам и ди-

¹³ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1020. Л. 4. Назначение Н.А. Малевского-Малевича послом в Токио. 1908–1916 гг.

¹⁴ Там же. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2119. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Л. 2 об., 4 об.

¹⁶ Департамент вел также дела, связанные с государственной границей империи, пребыванием русских подданных за границей и иностранцев в России.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2119. Л. 6 об.

¹⁸ Так, в мае 1893 г., еще будучи вице-директором Департамента внутренних сношений МИД, он был командирован делегатом МИД на конференцию по частному международному праву в нидерландский город Гаага (Там же. Л. 2 об.).

пломатическим документам. Это обстоятельство послужило причиной того, что министр иностранных дел Александр Петрович Извольский (1856–1919) предложил ему взяться за подготовку нового договора о торговле и мореплавании с этой страной взамен отмененного в связи с войной¹⁹.

В 1906–1907 гг. Малевский-Малевич возглавлял российскую делегацию на переговорах с Японией. Непосредственно ведя эти переговоры, Николай Андреевич последовательно отстаивал интересы России. Японские представители выдвинули ряд пунктов, которые он счел неприемлемыми. Они требовали разрешения на беспошлинный ввоз японских товаров в Сибирь через маньчжурскую сухопутную границу и согласия России на плавание японских судов по реке Сунгари. Беспошлинный ввоз открыл бы возможности для экономического захвата рынков русского Дальнего Востока и Восточной Сибири, от Уссурийского края до Иркутска. Развивая свое судоходство на реке Сунгари, Япония могла проникнуть на Амур, чего Россия тоже не могла допустить [Кутаков 1988, с. 298–299]²⁰. Но ряд требований российские делегаты отнесли к «приемлемым». По торговому договору, подписанному 15 (28) июля 1907 г., японским подданным было предоставлено право на приобретение недвижимости в России, на занятие земледелием и промыслами [Маринов 1974, с. 28–30].

Кроме того, российские представители добились восстановления в новом договоре некоторых постановлений прежнего русско-японского торгового договора 27 мая 1895 г.: о праве каботажного плавания между открытыми японскими портами и о сохранении за русскими подданными владения земельными участками вечного пользования. Японцы согласились и на подписание конвенции о взаимной охране торговой и промышленной собственности [Там же, с. 31]. В дальнейшем переговоры по этому вопросу вел в Токио также Н.А. Малевский-Малевич, который 19 апреля 1908 г. был назначен послом России в Японии²¹.

Предваряя вступление Николая Малевского-Малевича на новую должность, А.П. Извольский снабдил его инструкцией 3 июня 1908 г., в которой вменил ему в обязанность развивать мирные добрососедские отношения между двумя странами; выработать ряд соглашений, вызываемых растущими потребностями российской торговли и промышленности, и удовлетворить частные интересы русских подданных в Японии²².

Наиболее щекотливыми и сложными во взаимных отношениях обеих стран являлись не разрешенные и даже не затронутые в Портсмутском мирном договоре 23 августа (5 сентября) 1905 г. частнопрововые претензии русских подданных, возникшие в ходе Русско-японской войны. Главнейшие из них касались следующих вопросов: русской собственности на Квантунском полуострове; захвата японцами русских госпитальных судов; нарушения ими прав южносахалинских

---

¹⁹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1020. Л. 7.

²⁰ Японцы получили право на беспошлинный ввоз товаров только в Приморскую и Амурскую области.

²¹ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1020. Л. 6.

²² Там же. Л. 7, 16–23.

рыбобромышленников; военных реквизиций у русских подданных в Маньчжурии и растраты японскими должностными чинами денег, выславшихся из России русским военнопленным²³.

Трудность возложенной на Малевского-Малевица задачи добиться удовлетворения этих требований русских подданных состояла в исходном взгляде японского правительства, которое полагало, что, не заявленные вовремя, при мирных переговорах в Портсмуте, они утратили всякое юридическое значение. Ему стоило многих усилий убедить японцев, ради поддержания добрососедских отношений, согласиться на принятие этих претензий к рассмотрению дипломатическим, а не судебным путем, что обрекало бы их заранее на неудачу.

После настойчивых переговоров российскому послу удалось добиться благоприятного решения многих спорных вопросов. Так, японское правительство вернуло России госпитальное судно «Ангара», оцененное в 1 миллион рублей, и выплатило на погашение претензий русских подданных 580 000 рублей. Кроме того, оно изъявило согласие на выкуп русской собственности на Квантуне и на уплату денег за захваченное там японскими военными властями недвижимое имущество русских подданных²⁴.

Благоприятный исход этого дела имел не только материальное, но и политическое значение: из отношений обоих государств устранился повод к постоянным конфликтам и к нападкам на Японию российской прессы.

Параллельно с деятельностью по защите интересов русских подданных Н.А. Малевский-Малевиц готовил заключение между Россией и Японией целого ряда международно-правовых соглашений. Так, с декабря 1909 по май 1910 г. он занимался подготовкой соглашения 21 июня (4 июля) 1910 г. «о поддержке статускво в Маньчжурии», подтверждающего раздел Маньчжурии на русскую (северную) и японскую (южную) сферы влияния²⁵.

Это соглашение, послужившее ступенью к большему сближению с Японией, было непосредственно направлено против планов американской экономической экспансии в северо-восточном Китае [Игнатъев 2000, с. 129–130; Маринов 1974, с. 77–79, 82–83]. При его активном участии 31 мая 1911 г. был заключен договор о взаимной выдаче «политических преступников» и лиц, виновных в покушении на монархов [Маринов 1973, с. 148]²⁶.

Долгие переговоры завершились подписанием 23 июня 1911 г. двух конвенций: о взаимной охране торговой и промышленной собственности граждан одной страны на территории другой и о взаимной охране промышленной собствен-

²³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 74. Л. 46 об. Дешети посла в Токио. 1916 г.

²⁴ Там же. Л. 47–47 об.

²⁵ Этот раздел был установлен русско-японским соглашением по общеполитическим вопросам 17 (30) июля 1907 г.

²⁶ Договаривающиеся стороны взяли обязательство принять меры «к предупреждению того, чтобы какая-либо часть их территории была использована подданными другой стороны как поле агитационной и конспиративной деятельности против государственных установлений или органов другой стороны или установленного порядка и общественной безопасности». К договору прилагалось секретное соглашение о предупредительных мерах против революционных элементов на территориях обеих держав.

ности граждан договаривающихся сторон на территории Китая [Кутаков 1988, с. 331].

Помимо этого, Н.А. Малевскому-Малевичу пришлось вести с японским правительством сложные переговоры и по многим другим, более частным делам. Таковы, например, дела о соединении русских и японских телеграфных линий в Корее, на Сахалине и в Маньчжурии; о прямых товарных сообщениях по русским и японским железным дорогам; о подделке в Нагасаки русских кредитных билетов; о поднятии и возвращении России части кабеля, соединявшего Порт-Артур с Чифу; о взаимной судебной защите по уголовным делам, о разграничении и рыболовстве на реке Тумень-ула и др. Большинство этих дел было разрешено в благоприятном для российских интересов смысле²⁷.

По представлениям Николая Андреевича японское правительство оказало России целый ряд ценных услуг: содействовало отпуску медицинских принадлежностей, чеканке русской серебряной монеты на Осакском монетном дворе, отправке русских войск по Южно-Маньчжурской железной дороге в город Дальний для посадки на суда, установлению контроля при изготовлении на частных японских заводах различных военных материалов [Павлов 2012, с. 16]²⁸. В 1914–1915 гг., во время Первой мировой войны, в Японии были собраны значительные денежные и вещевые пожертвования для раненых русских воинов, а Японский Красный Крест послал в Россию отряд врачей и сестер милосердия²⁹.

Н.А. Малевскому-Малевичу приходилось брать на себя удар в сложных дипломатических ситуациях между двумя странами. Так, он помог спасти положение во время похорон императора Мэйдзи (Муцухито; 1852–1912) в сентябре 1912 г., когда после отказа Николая II (1868–1918) прислать в Японию представителя дома Романовых Россию вынужден был представлять посол. Однако как ни старался Николай Андреевич соблюсти все положенные правила, его присутствие на церемонии резко контрастировало с представителями других правящих домов Европы [Маринов 1974, с. 124; Подалко 2004, с. 213, 286].

Большое количество документов, свидетельствующих о работе Малевского-Малевича на посту российского посла (его содержательные и интересные отчеты, телеграммы, донесения, депеши — всего 198 дел!), содержится в Архиве внешней политики Российской империи, в фондах Японского стола (ф. 150), канцелярии министра иностранных дел (ф. 133), российского посольства в Токио (ф. 195) и ждет своего исследователя.

Активность Н.А. Малевского-Малевича, его многогранная деятельность — все эти факты ставят под сомнение справедливость хлестких оценок, данных ему Дмитрием Ивановичем Абрикосовым (1876–1951), служившим в 1912–1913 гг. под его началом вторым секретарем посольства в Токио. По мнению Дмитрия Ивановича, Николай Андреевич являл собой тип «напыщенного посла», не имевшего дипломатического опыта и знаменитого только «величием манер». В своих воспо-

---

²⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 74. Л. 49–50.

²⁸ Там же. Л. 55.

²⁹ Там же. Л. 55 об.

минаниях он отмечал его трепетное отношение к протокольным вопросам и стремление беспокоить своих подчиненных по мелочам [Абрикосов 2008, с. 246–247, 265–266, 269]. Но надо учитывать то обстоятельство, что отношения между двумя дипломатами не сложились. Представляется, что виной тому являются их психологические различия. Дмитрий Абрикосов был по натуре «жуиром», испытывал страсть к путешествиям и нередко нарушал служебную дисциплину, за что получал нагоняй от своего начальника — строгого служаки [Там же, с. 264–265].

Другой дипломат — Сергей Виссарионович Чиркин (1875–1943), секретарь российского генерального консульства в Сеуле (1911–1914), повидавшийся с Малевским-Малевичем в городе Камакура во время частной поездки в Японию, напротив, подчеркивал «авторитетность» посла в вопросах политики. Кроме того, он был покорен его простотой, приветливостью, радушием. Так, Николай Андреевич с дочерью Евгенией лично показали Сергею Виссарионовичу достопримечательности города — бронзовое изваяние Будды и Ёкосимийский грот, «что было верхом любезности со стороны столь высоких по сравнению со мной особ» [Чиркин 2006, с. 212–213].

В годы Первой мировой войны российское посольство в Токио прилагало много усилий для увеличения объемов военных поставок из Японии, привлечения японских правящих кругов к идее более тесного сближения двух стран и заключения между ними военно-политического союза [Подалко 2004, с. 72]. Благодаря содействию Н.А. Малевского-Малевича в начале 1915 г. Главное артиллерийское управление Военного министерства заказало в Стране восходящего солнца 335 000 винтовок, 87 млн. патронов к ним и свыше полумиллиона снарядов. Кроме того, Япония уступила России 60 гаубиц и крупнокалиберных пушек Круппа [Павлов 2012, с. 4–5, 10–11]. Летом того же года Николай Андреевич добился согласия японцев отпустить России из неприкосновенных запасов 100 000 винтовок нового образца [Там же, с. 8]³⁰. В октябре 1915 г. Япония обязалась поставить России 2 млн. винтовок в течение четырех лет [Кутаков 1988, с. 338; Павлов 2012, с. 15]. По данным Д.Б. Павлова, за годы войны Япония поставила российскому артиллерийскому ведомству 635 000 винтовок и 1135 орудий, или четвертую-пятую часть вооружения, полученного от всех союзников [Павлов 2012, с. 15, 25].

Но все же Н.А. Малевский-Малевич, считавший, по свидетельству Д.И. Абрикосова, что «послу никогда не следует спешить», оказался не в состоянии достаточно быстро выполнять все возраставшие и не всегда выполнимые запросы Военного министерства. Так, в январе 1916 г. оно запросило немедленно выдать из японских военных запасов 200 000 винтовок с тысячей патронов на каждую. В письме министру иностранных дел Сергею Дмитриевичу Сазонову (1860–1927) российский посол доложил, что рассчитывать на скорое получение запрашиваемого количества ружей не имеется оснований ввиду отсутствия у Японии свободных запасов оружия и что японское правительство заинтересовано только в заказах на более или менее продолжительный срок³¹.

³⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 74. Л. 53 об.

³¹ Там же. Л. 17–19.

А однажды российское военное ведомство даже приказало посольству в Токио немедленно запросить у японцев один миллион винтовок³². Японские чиновники были ошарашены таким заказом, поскольку его выполнение в ту пору означало провести разоружение в пользу России всей японской армии [Абрикосов 2008, с. 301].

Н.А. Малевский-Малевич был отозван со своего поста 3 марта 1916 г.³³ На смену ему прибыл Василий Николаевич Крупенский (1868–1945), занимавший до этого должность посланника в Китае (1913–1916). Недовольство императора Николая II выразалось, в частности, в том, что Малевский-Малевич после своей отставки не был введен «в утешение» в Государственный совет, как это обычно практиковалось, а так и остался «всего лишь» сенатором, что было для него большим потрясением [Подалко 2004, с. 66, 286]. По сведениям Ольги Чевской, правнучки дипломата, после революций 1917 г. Николай Андреевич сидел в Бутырской тюрьме, где скончался в 1919 г.

Подводя итог дипломатической деятельности Н.А. Малевского-Малевича, можно уверенно утверждать, что он способствовал улучшению российско-японских отношений после Русско-японской войны 1904–1905 гг.

От неприязни и недоверия стороны подошли даже к заключению союзного договора 20 июня (3 июля) 1916 г. о дружбе и взаимопомощи в случае нападения третьей державы [Там же, с. 45, 47]. Договор был подписан уже в то время, когда российским послом в Токио был В.Н. Крупенский. Но основную работу по подготовке документа провел его предшественник, который еще в августе 1914 г. представил на обсуждение МИД подготовленный японцами проект союзного соглашения [Маринов 1974, с. 125; Кутаков 1988, с. 339–340; Подалко 2004, с. 43]³⁴. Крупенскому же достались лавры.

После революционных событий 1917 г. судьба детей дипломата, Петра и Евгении Малевских-Малевичей, сложилась по-разному. Евгения Николаевна жила в Москве и работала преподавателем иностранных языков. Она никогда не служила в государственных учреждениях, давала только частные уроки. Дочь дворянина и бывшего царского посла, она неоднократно арестовывалась, жила на съемных квартирах (однажды даже снимала угол в бывшем семейном особняке в Скертном переулке), никогда не выходила замуж. Скончалась 20 декабря 1976 г. и похоронена на Переделкинском кладбище.

Жизнь же ее брата, эмигранта Петра Николаевича Малевского-Малевича, была более яркой и насыщенной событиями. С сентября 1924 г., после знакомства с одним из евразийских деятелей Петром Семеновичем Араповым (1897–1938), он посвятил себя организации евразийского движения. В середине 1920-х гг. П.Н. Малевский-Малевич выехал в Париж, где был одним из ведущих деятелей этого движения, входил в руководящие органы («Совет пяти», «Совет евразийства»). С октября 1925 г. заведовал казначейским отделом «Совета евразийства»

---

³² Там же. Л. 54.

³³ Там же. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1020. Л. 85, 87.

³⁴ Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 74. Л. 52.

[Быстрыков 2007, с. 116, 121–122, 129]. Еще в Англии он сблизился с профессором Оксфордского университета Г.Н. Сполдингом (1877–1953), который только за период с 1924 по 1928 г. истратил на организацию пропагандистской и идейно-теоретической работы евразийцев около 15 тысяч фунтов стерлингов, что позволило организации безбедно существовать [Там же, с. 115–116].

В 1928–1929 г. Петр Николаевич был членом редколлегии газеты «Евразия». Он принимал участие в подготовке и проведении в Брюсселе Первого съезда евразийцев 1–5 сентября 1931 г., составил «Устав евразийской организации», меморандум «Евразийство и СССР», редактировал евразийские программные документы: «Декларацию» и «Формулировку» 1931 г. [Там же, с. 130, 132, 135–137]³⁵.

В январе 1929 г. П.Н. Малевский-Малевиц переехал в США, где состоял секретарем Американского общества помощи русским беженцам [Быстрыков 2007, с. 132; Мнухин 2010, с. 125]. Живя в Нью-Йорке, он зарабатывал себе на жизнь бизнесом. Вместе с бывшим однополчанином, капитаном Преображенского полка Георгием Петровичем Дитмаром (1909–1977), он открыл предприятие, занимавшееся производством оборудования для гостиниц, школ, церквей и семейных квартир³⁶. В свободное же время Петр Николаевич занимался пропагандой евразийских идей, распространением литературы, формированием Нью-Йоркской и Бостонской евразийской групп³⁷.

Он устраивал в американских городах (Нью-Йорке, Бостоне) доклады и беседы о евразийстве, вел Евразийский семинар³⁸.

В 1932 г. П.Н. Малевский-Малевиц пытался создать Информационное бюро, выпускающее регулярные бюллетени о состоянии экономики и финансов СССР³⁹. В 1933 г. по заказу американских бизнесменов он выпустил на английском языке книгу-справочник «Россия-СССР»⁴⁰. Она давала общую картину жизни российского государства за 1900–1930 гг. с политической, социально-экономической и культурной точек зрения. Ее выход в свет дал исключительную возможность для распространения евразийских взглядов⁴¹.

---

³⁵ О своем участии в евразийской работе П.Н. Малевский-Малевиц регулярно сообщал в письмах к одному из руководителей евразийского движения Петру Николаевичу Савицкому (1895–1968). Выявленные нами 155 писем Петра Николаевича за 1928–1938 гг. хранятся в личном фонде П.Н. Савицкого в ГА РФ: Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 421. Л. 235–338; Д. 423. Л. 188–267; Д. 425. Л. 122–147; Д. 427. Л. 163–209; Д. 428. Л. 8–33; Д. 431. Л. 69–112; Д. 432. Л. 28–66; Д. 434. Л. 194–216; Д. 437. Л. 1–21; Д. 436. Л. 216–223; Д. 438. Л. 237–256; Д. 440. Л. 25–30. В своих письмах П.Н. Малевский-Малевиц внимательно анализировал социально-политическую ситуацию в СССР 1930-х гг., а также экономическое и международное положение этой страны.

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 437. Л. 106. Письмо В.А. Стороженко П.Н. Савицкому от 17 апреля 1935 г.

³⁷ Там же. Д. 421. Л. 239, 257–264; Д. 425. Л. 45; Д. 427. Л. 166; Д. 431. Л. 102.

³⁸ Там же. Д. 421. Л. 258, 262; Д. 427. Л. 200; Д. 431. Л. 102.

³⁹ П.Н. Малевский-Малевиц не смог это осуществить ввиду финансового кризиса в США (ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 431. Л. 70–71, 74, 76, 79).

⁴⁰ Russia-USSR: A complete handbook / ed. by P.N. Malevsky-Malevitch, W.F. Payson. N. Y., 1933.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 427. Л. 171, 173, 192. Книга состояла из четырех разделов: общего, экономического, политического и культурного. Большинство авторов были евразийцами: Н.Н. Алексеев (1879–1964), А.А. Зайцев (1889–1954), Н.А. Клепинин (1899–1941), В.П. Никитин (1885–1960), П.Н. Савицкий,

В США Петр Николаевич создал новую семью. После развода с первой женой, Магдалиной Николаевной Игнатъевой, отказавшейся ехать за ним в изгнание, в марте 1935 г. он женился на американке Сюзанне, урожденной Тод⁴², купил под Нью-Йорком дом, где и скончался 25 мая 1974 г.

Н.А. Малевский-Малевиц всю жизнь пристально изучал жизнь Страны восходящего солнца. Успешное выполнение внешнеполитических задач обуславливалось именно прекрасным знакомством дипломата с Японией. Его даже упрекали в японофильстве. Касаясь этих обвинений, в интервью газете «Голос Москвы» от 24 апреля 1908 г. Николай Андреевич заявил: «...Упрек странный для русского человека. Но, оставаясь русским человеком, я не могу не признать, что Япония всегда возбуждала во мне интерес. <...> Я следил за развитием ее общественности и не могу отказать дружественной народности в моем уважении к тем качествам, которые ею проявляются и проявлялись постоянно. Эти качества — крепость национального духа и горячее, здоровое отчизнолюбие. Взаимное уважение должно предопределять в будущем наши отношения»⁴³.

Публикуемые письма-фотографии Н.А. Малевского-Малевица к сыну Петру Николаевичу за 1908–1912 гг., хранящиеся в личном архиве его правнучки Ольги Николаевны Чевской, воочию показывают эту привязанность дипломата к Японии, его пронизанность японской культурой. Она выражалась в том, что Николай Андреевич скупал японские предметы (посуду, гравюры, бронзовые фигуры, украшения, предметы культа) и украшал ими посольский дом и сад. Документы характеризуют личность самого дипломата, человека образованного, разностороннего, с хорошим вкусом, страстного коллекционера старинных картин и нежного отца, обожавшего свою дочь Евгению. В них мы впервые знакомимся с подробнейшим описанием российского посольства в Токио: гостиной, столовой, рабочего и приемного кабинетов посла и даже лестниц и посольского сада. Это делает их прекрасным источником сведений о повседневной жизни царских дипломатов начала XX в.

Уникальность материала, впервые вводимого в научный оборот, состоит в том, что мы имеем возможность не только «прочитать», но и увидеть своими глазами старую Японию. Фотографии Н.А. Малевского-Малевица позволяют буквально перенестись во времени и оказаться в Стране восходящего солнца. Японские храмы, школьницы «с книжками, завязанными в платочек», правительственные здания, торговые лавки и трамвайные остановки, набережные и бульвары — все это становится предметом и нашего внимания.

В отличие от многих других «карьерных» дипломатов, Н.А. Малевский-Малевиц, человек интересующийся, активный, инициативный, считал своей обязанностью изучать страну и ее население во всем их многообразии. Он не ограничивался посещением только государственных учреждений японской столицы, а исходил вдоль и поперек весь город, включая торговые кварталы и бедные рай-

---

К.А. Чхеидзе (1897–1974). Петр Савицкий написал экономическую и географическую части, а Петр Малевский-Малевиц — главы по истории.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 437. Л. 1 об., 2, 8–9.

⁴³ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1020. Л. 7.

оны. Этот подход Малевского-Малевича к работе дипломата, его метод работы, предполагающий вращение в гуще событий страны пребывания, представляются актуальными и в наше время и требуют внимательного изучения.

Старый Токио начала XX в., с деревянными домиками и бамбуковыми заборами, неосвещенными и плохо мощенными улицами, отсутствием тротуаров, узкими переулками, уже не существующий ныне, предстает перед нами в письмах-фотографиях дипломата. В то же время Николай Андреевич, будучи человеком крайне наблюдательным и обладающим тонким чувством юмора, подмечал и признаки происходивших в стране перемен. Один из них — вхождение в моду европейской одежды. В то время как большинство японцев еще ходили по улицам с непокрытыми головами, интеллигенты «на босу ногу и в кимоно» стали украшать себя котелками и жокейскими фуражками.

За 1908–1912 гг. Н.А. Малевский-Малевич отправил сыну Петру Николаевичу 32 письма. Они очень короткие: в среднем — 4–5 предложений, есть даже письма, состоящие из одного предложения. В архиве Ольги Чевской хранятся и написанные в Японии четыре письма к Петру Малевскому-Малевичу от его сестры Евгении. Поскольку они составляют единую коллекцию с письмами Николая Андреевича, то тоже включены в публикацию.

К сожалению, Н.А. Малевский-Малевич в большинстве случаев не датировал свои письма. Только несколько документов имеют сведения о годе и месяце их создания. Тем не менее при публикации мы стараемся придерживаться хронологической последовательности, оставляя без изменений авторские написания дат.

Письма Н.А. Малевского-Малевича публикуются по рукописному оригиналу. Текст передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Выдержаны современные принципы расстановки кавычек. Недостающие по смыслу части слов восстановлены в угловых скобках. Авторские подчеркивания сохранены.

Выражаем глубокую признательность Ольге Николаевне Чевской за разрешение на публикацию писем ее прадеда и их сканирование, за предоставление фотографий по истории семьи и постоянное заинтересованное содействие. Приносим также искреннюю благодарность М.Ю. Сорокиной и профессору Университета Аояма Гакуин (Токио) П.Э. Подалко за консультации при подготовке примечаний к документам.

Источники и литература

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

ЦГАМ. ОХД до 1917 — Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г.

Абрикосов 2008 — *Абрикосов Д.И.* Судьба русского дипломата / пер. с англ. Н.Ю. Абрикосовой, Е.Ю. Дорман; предисл., науч. ред. и коммент. М.Ю. Сорокиной. М.: Русский путь, 2008. 576 с.

- Андоленко 2010 — *Андоленко С.П.* Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы / сост. А.А. Тизенгаузен, С.Б. Патрикеев. СПб.: АО «Славия», 2010. 411 с.
- Быстряков 2007 — *Быстряков В.Ю.* В поисках Евразии: общественно-политическая и научная деятельность П.Н. Савицкого в годы эмиграции (1920–1938). Самара: Самарское книжное изд-во, 2007. 278 с.
- Горинев 2017 — *Горинев-мл. М.М.* Преображенец граф Николай Николаевич Игнатъев в России и в эмиграции (по материалам архивов России, Украины и Болгарии) // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 62–69.
- Игнатъев 2000 — *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000. 231 с.
- Кутаков 1988 — *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. 384 с.
- Лопухин 2009 — *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / отв. ред. С.В. Куликов. СПб.: Нестор-История, 2009. 540 с.
- Малевский-Малевиц 1908 — *Малевский-Малевиц Н.А.* Из воспоминаний. Александр Иванович Розов (Московский старожил) // Русский архив. 1908. Кн. 2. Вып. 5. С. 82–100.
- Малевский-Малевиц 1909 — *Малевский-Малевиц Н.А.* Из воспоминаний // Русский архив. 1909. Кн. 2. Вып. 5. С. 115–133.
- Малевский-Малевиц 1910 — *Малевский-Малевиц Н.А.* Из воспоминаний (Детство) // Русский архив. 1910. Кн. 2. Вып. 8. С. 585–603.
- Малевский-Малевиц 1911 — *Малевский-Малевиц Н.А.* Из воспоминаний (Сельцо Лукьяново) // Русский архив. 1911. Кн. 3. Вып. 10. С. 267–288.
- Малевский-Малевиц 1912 — *Малевский-Малевиц Н.А.* Из воспоминаний (Учебные годы) // Русский архив. 1912. Кн. 1. Вып. 2. С. 290–308.
- Малевский-Малевиц 1916 — *Малевский-Малевиц Н.А.* Из воспоминаний // Русский архив. 1916. Кн. 2. Вып. 5–6. С. 9–20.
- Маринов 1973 — *Маринов В.А.* Русская революционная эмиграция в Японии и русско-японские отношения в начале XX века: (По архивным материалам) // Народы Азии и Африки: История, экономика, культура. 1973. № 1. С. 145–148.
- Маринов 1974 — *Маринов В.А.* Россия и Япония перед Первой мировой войной (1905–1914 годы): очерки истории отношений. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974. 152 с.
- Мнухин 2010 — Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биограф. словарь: в 3 т. / под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 2: Л–Р. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. 685 с.
- Павлов 2012 — *Павлов Д.Б.* Япония и Россия в 1914–1918 гг.: сотрудничество на фоне «большой» политики // Вопросы истории. 2012. № 11. С. 3–27.
- Подалко 2004 — *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX — начале XX в. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 352 с.
- Таубе 2007 — *Таубе М.А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М.: Памятники исторической мысли: РОССПЭН, 2007. 272 с.
- Чиркин 2006 — *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата / отв. ред. Т.М. Симбирцева. М.: Русский путь, 2006. 368 с.

1

Фасад посольского дома, в котором мы живем¹. Канцелярия и квартиры секретарей и переводчиков помещаются в отдельных флигелях не в связи с домом. На верхний балкон выходят — мой рабочий кабинет, Женина гостиная², ее спальня и спальня Над<ежды> Влад<имировны>³.

2

Верхний кабинет (рабочий), снятый из противоположного угла (от дверей балкона). Виден письменный стол, стул и конторка, также темного ореха. На конторке портрет Пети и Жени⁴ и стереоскоп, подаренный мне вами. Над конторкой на столе портреты детей, папашы⁵, Ени⁶ и Тутуша⁷. Над камином опять семейные портреты. У камина кто-то на меня непохожий и, во всяком случае, имеющий не менее 60 лет от роду.

3

Уголок моего приемного кабинета. Внизу на сером мраморном камине стоят дедушкины английские часы⁸. Думали ли они, когда ходили в Скатертном переулке на дедушкином бюро⁹, что им придется показывать время в Японии? У вещей есть также своя история и, может быть, своя душа! Рядом с часами бронзовый Хотей¹⁰ — японский Бахус. Около окна бронзовый гонг, прекрасного тона, а на шкафу две исторических бронзовых фигуры.

4

Приемная комната, в которой висят почти все мои картины — ты узнаешь «Мадонну»¹¹ и голландскую деревню Дрохслота¹². В углу на китайской подставке стоит бронзовая ваза, которую мы с Петей купили в Киото¹³, рядом на столике стоит бронзовая фигурка — Конфу цу¹⁴ — китайский мудрец, врач и святитель. На столе моя китайская вазалампа, наследство от гр<афа> Ламздорфа¹⁵. Мебель красная, шелковая, ковер в комнате синий бархатный.

5

Женина спальня. Над постелью сама Женя в виде гиперболического привидения. У стены ее письменный стол — левее стол туалетный. Мебель белая лакиро-

ванная, стены светло-зеленые. Эта спальня самая теплая комната в доме — в ней окно и дверь на балкон заклеены, и камин топится целый день.

6

Я со своей учительницей английского языка¹⁶.

7

Женина гостиная наверху — стены, как во всех комнатах наверху, окрашены масляной краской. Она розового цвета, с розовой под цвет стен мебелью и розовыми шелковыми занавесками. На столе в вазе распустившаяся на Рождество верба. На одной стене старая гравюра, ценимая много здесь, на другой бабушкина акварелька. Женя была совершенно здорова, но в кресле имеет вид *d'une jeune convalescente*¹⁷.

8

Я стою в саду посольства под пальмами и смотрю на фасад дома. Снимок сделан на днях одним из моих секретарей, к сожалению, пришлось его обрезать со всех сторон, не влезает в конверт. Пришлю еще несколько подобных снимков.

12 окт<ября> 1908. Ток<ио>

9

Уголок сада перед домом посольства. Я направляюсь к двум бронзовым журавлям (цуру), которых купил для украшения лужайки. На другой стороне еще три бронз<овых> журавля такой же величины.

Токио, октябрь 1908.

10

8 дек<абря> 1908

Столовая посольства: светло-зеленый штоф на стенах и мебели, которая вся белая. На столе, на такой же как материя на стенах скатерти, стоит ваза — мой единственный пока *surtout de table*¹⁸. Для каминки куплены здесь по случаю серебряные канделябры, но они пока в подписке, и поставлены чашки (*viex Poroff*¹⁹), напоминающие ряд зубов. В вазе (куки) хризантемы из нашего сада.

11

Петя (16 лет) и Женя (15 л<ет>). С ними дочка английского врача. Япония. Чусейджи (курорт в горах)²⁰.

12

Я стою перед фасадом дома. Фотография для меня неудачная, т<ак> к<ак> лица не вышло, но подъезд виден сбоку — в глубине стоит случайно попавшая на нижний балкон лестница. Наверху видна балюстрада верхнего балкона.

13

Моя лошадка и я²¹.

Снято на лужайке около канцелярии. На фотографии лошадь без ног, но на самом деле ноги у нее есть.

14

Дворецкий Мойида, живущий в посольстве более 30 лет, он, собственно, хозин, мы же, скорее, его часто сменяющиеся гости. Имеет дом, дачу, тысяч 40 капитала и две жены — одну зимнюю, а другую летнюю. Детей у него множество — старший сын врач, а младший чуть не в колыбели. 67 лет от роду, говорят, дает деньги под %.

15

Вход в один из храмов. Храмы здесь все стоят в парках, иногда очень больших и старых, с колоссальными деревьями, как здесь на первом плане. Между передними деревьями каменные ворота в храм, так называемые «тори». Тори делаются обыкновенно из серого гранита. В воротах стоит один из моих молодых людей Скородумов²², а за ним в конце аллеи лестница, ведущая в капище.

16

Ворота женской гимназии, которая находится в ближайшем соседстве с посольством — через улицу. Из ворот гимназии вышли школьницы с книжками, завязанными в платочках. Школьные девицы имеют юбки коричневого цвета, а корсажи с длинными рукавами, ленты в волосах разных цветов — шляп ни зимой, ни летом не носят. На ногах белые носочки и соломенные подошвы.

17

Оба жеребца австралийской (английской) породы, 6 лет, прозванные по свойственным им чертам характера «Ревнивый» и «Злой». Впрочем, кони добрые, и меня признали отлично. Коляска совсем новая, легкая, темно-синяя, колеса красные, приборы на ней и сбруя модные. Резиновых шин в Токио нет, и нельзя их ставить, т<ак> к<ак> шоссе усеяно камешками.

18

Одна из типичных неторговых улиц Токио в нашем квартале «Кожымачику»²³, где живут люди более зажиточные, служилое сословие и т<ому> под<обные>. Всюду заборы и садики, которые выступают на улицу. Улицы мощены мелким щебнем, но очень плохо, так что после сильного дождя прохода нигде нет иначе, как в гетах, т<о> е<сть> на деревянных подставках. Освещения тоже нет, если не считать маленьких фонарей у каждых ворот. Посреди улицы курума²⁴.

19

Наш сад после выпавшего на новый год первого снега. Он пролежал, однако, всего три дня и стаял после тайфуна. Наступили опять теплые дни с холодными (-2) ночами. В зимнем уборе при синем небе и ярком, ослепительном солнце сад напоминал декорацию из «Снегурочки»²⁵.

20

В стране карликовых деревьев.
Отора близ Токио.
Снято 31 января 1910 года.

21

Женя в лионском наряде. Снято домашним нашим фотографом Скородумовым²⁶. К сожалению, она двинулась и вышла не совсем удачно. Она сидит на моей веранде и наливает из японского лакового чайника sake²⁷.

Токио. 15 февраля 1910 г.

22

Я с моей учительницей французского языка²⁸.

23

Я в коляске перед подъездом дома. На козлах слева — betto — бегун, или скороход, направо — кучер с бичом. Оба

в японских костюмах с моими гербами. Упряжь шорная — лошади гнедые высокие, но не резвые, лет по 25-ти!

24

Канал кругом императорской резиденции в Токио, в котором осенью водятся во множестве дикие утки. Стрелять их запрещено, так как это собственно центр города. За валом налево — императорский парк, куда доступа никто не имеет. Налево от канала — город, высокое здание над деревьями — военное министерство, вдали, если смотреть по каналу, — здания судебных учреждений и юстиции.

25

Цветение вишневых деревьев в Токио. Один из бульваров. Цветы появляются задолго до распускания листвы, так что кажется, как будто дерево покрыто снежным инеем. Такими деревьями обсажены здесь все дороги. Снято на Страстной²⁹.

26

Одна из торговых улиц Токио. Все лавочки с обеих сторон вместе с тем и дома, где живут семьи хозяев и приказчиков. Все дома деревянные. Пестрота вывесок, фонарей, флагов и костюмов в ясный день бьет в глаза — любимое смешение цветов — красный, синий, желтый и белый. И мужчины, и женщины ходят по улицам с непокрытыми головами, кроме «интеллигентов», которые на босу ногу и в кимоно украшают себя котелками и жокейскими фуражками.

27

Одна из бесчисленных набережных в Токио, который весь пересечен каналами. Над передним домиком вывеска с огромным, отлично нарисованным львом. Такие вывески попадаются на каждой улице. Дня два после приезда я спросил Ленковского³⁰, что значат эти вывески. Он ответил мне с почитительно-

стью к японской культуре в голосе: «Маленькие зоологические сады для наглядного обучения детей». Оказалось после проверки: реклама для зубного порошка! Lion's dent's price³¹.

28

Моя школа³².

29

Женя на лестнице в русском сарафане красного цвета с золотом. Костюм этот, который она надела в первый раз для встречи нового года, был шит дома и стоит всего 15 рублей. Он, по-мо<ему>, очень идет, но фотография не удалась, т<ак> к<ак> снимали в день пасмурный. Женя стоит на площадке лестниц между первым и вторым этажами, около одного из двух бронзовых мальчиков, ук<р>ашающих ниши. Лестница темного дуба с красным бархатным ковром и дорожкой.

30

2 апр<еля> 1911. В Камакуре, в ожидании электр<ического> трамвая.

С левой стороны на правую — я, Женя, Н.В. Муханова, Ольга Коростовец³³, нос ее гувернантки.

Снимал Гольдаммер³⁴.

31

Женя.

Токио, апрель 1911.

32

Женя на камне, под вуалью в саду.

Токио, октябрь 1912 г.

Считаю эту фотографию весьма удачной.

33

В центре Токио. Осмотр места, приобретаемого морским агентом для постройки дома на казенный счет. Рядом с нами и сам морской агент Воскресенский³⁵. Место красивое, на горе, с прекрасным видом на квартал Акасака.

Октябрь 1912.

34

В ботаническом саду в Токио в октябре 1912 г. — на камне.

Женя имеет вид ангела-искусителя.

35

Типичный токийский переулок, настолько узкий, что два экипажа на нем разехаться не могут. По обеим сторонам деревянные некрашенные здания и бамбуковые заборы, из-за которых видны садики. Каждый дом имеет свой садик. Вместо тротуаров канавы вонючей и крайне загрязненной воды.

36

Женя и Над<ежда> Влад<имировна>³⁶ в саду перед домом идут на прогулку. За ними, на куске красного мрамора шиши, бронзовая ваза, изображающая фантастич<еского> древнего льва, по бокам бронзовые высоки<е> фонари, также старые. Все три вещи и пьедесталы к ним стоили мне 400 р<ублей>!

¹ Здание старого российского посольства находилось неподалеку от парламента Японии, рядом с парком Хибия. В 1927 г. оно было выкуплено японской стороной у занимавшего его советского правительства с предоставлением другого участка земли и денег для строительства нового посольства. А старое здание было снесено, и на его месте японцы построили корпус Министерства финансов.

² Здесь и далее: Женя — Евгения Николаевна Малевская-Малевич (1892–1976), дочь дипломата Николая Андреевича Малевского-Малевича (1856–1919). Жила с отцом в период его работы послом в Японии (1908–1916).

³ Муханова Надежда Владимировна (р. 1875—?) — гувернантка Евгении Малевской-Малевич.

⁴ Петра (1891–1974) и Евгении (1892–1976) Малевских-Малевичей.

⁵ Андрея Егоровича Малевского-Малевича (1820–1906), отца Николая Андреевича Малевского-Малевича.

⁶ Ня — семейное прозвище сестры Николая Андреевича Малевского-Малевича Евгении Андреевны (1854 – ок. 1917), в замужестве Лукиной, художницы. Ее муж — Александр Петрович Лукин (1842/1843–1905; псевд. Скромный наблюдатель), писатель, публицист, беллетрист. Член редакции, фельетонист газеты «Русские ведомости».

⁷ Семейное прозвище Лукина Бориса Александровича — сына Александра Петровича и Евгении Андреевны Лукиных, дворянина.

⁸ Эти часы-маятник из Лондона достались Н.А. Малевскому-Малевичу от бабушки с материнской стороны А.И. Розова (1791–1863).

⁹ Дед Н.А. Малевского-Малевича А.И. Розов жил в Москве по адресу: Скатертный переулок, дом 11 (не сохранился).

¹⁰ Хотэй (яп. — «холщовый мешок», «полотняный мешок») — в японской мифологии один из семи богов счастья; бог общения, веселья и благополучия.

¹¹ Копия с картины «Сикстинская Мадонна» итальянского живописца Рафаэля Санти (1483–1520).

¹² Картина голландского художника, мастера многолюдных сцен Йоста Корнелиса Дрохслота (1586–1666) «Деревенский праздник».

¹³ Древний город Японии, расположен в центральной части острова Хонсю, с 794 по 1868 г. являлся столицей страны и главной резиденцией императоров (микадо).

¹⁴ Конфу цу — автор имеет в виду древнего мыслителя и философа Китая Конфуция (Кун Фу-Цзы; 551–479 до н. э.), создателя философской системы, известной как конфуцианство.

¹⁵ Ламздорф Владимир Николаевич (1841–1907) — граф, в 1880–1897 гг. директор канцелярии МИД, с 1897 г. товарищ министра, в 1900–1906 гг. министр иностранных дел.

¹⁶ Фотографию подписала Е.Н. Малевская-Малевиц. Она училась в монастырской школе в центре Токио.

¹⁷ Выздоровливающая молодая девушка (*франц.*).

¹⁸ Большая ваза посредине стола (*франц.*).

¹⁹ Старый Попов (*франц.*). Имеются в виду чашки, произведенные на существовавшем в XIX в. фарфоровом заводе А.Г. Попова в с. Горбуново Дмитровского у. Московской губ.

²⁰ Н.А. Малевский-Малевиц любил отдыхать в горном местечке Чузенджи, расположенном неподалеку от города Никко, и приглашал туда своих детей.

²¹ Фотографию подписала Е.Н. Малевская-Малевиц.

²² Скородумов Виталий Александрович (1880–1932) — дипломат, переводчик посольства в Токио (1908–1915). Консул в Кобе (1914), Нагасаки (1915), Пусане (1916–1925). В последние годы жизни жил в Кобе, активный участник Общества русских эмигрантов. Большой знаток Японии, делал мастерские фотографические снимки. Был женат на японке, родившей ему трех дочерей: Ирину, Екатерину и Марию.

²³ Козимачи — правительственный квартал в центре Токио.

²⁴ Легкий двухколесный экипаж, запрягаемый вместо лошади человеком — рикшей.

²⁵ Автор имеет в виду спектакль «Снегурочка», ставившийся в начале XX в. в театрах Москвы и Петербурга. Так, в 1900 г. его постановку осуществили Московская и Петербургская императорские труппы, а также Московский Художественный театр К.С. Станиславского.

²⁶ Скородумов Виталий Александрович.

²⁷ Японская рисовая водка.

²⁸ Фотографию подписала Е.Н. Малевская-Малевиц.

²⁹ Подразумевается Страстная неделя перед Пасхой.

³⁰ Ленковский Иван Казимирович — дворянин, служащий российского посольства в Токио.

³¹ Львиные зубы — в цене (*англ.*).

³² Фотографию подписала Е.Н. Малевская-Малевиц.

³³ Коростовец Ольга Ивановна (в замуж. Страцери (Стразерри); 1895–1993) — дочь российского посланника в Пекине И.Я. Коростовца (1862–1933) от первого брака с Александрой Вячеславовной (урожд. Горданова), жена итальянского морского офицера, после 1917 г. жила в Италии.

³⁴ Гольдаммер — скорее всего, служащий российского посольства в Токио.

³⁵ Воскресенский Аполлинарий Николаевич (1879–1930) — капитан, морской агент России в Японии (1906–1917). В сентябре 1917 г. был смещен с должности указом Временного правительства, жил в Японии на положении частного лица, преподавал в Токийском университете. Затем уехал во Францию, где умер в Марселе в 1930 г.

³⁶ Надежда Владимировна Муханова.

Н.В. Башкова

**Б.Н. АБРАМОВ – УЧЕНИК Н.К. И Е.И. РЕРИХОВ:
ВЕХИ БИОГРАФИИ ПО ДОКУМЕНТАМ
ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ**

В судьбе Бориса Николаевича Абрамова (1897–1972), духовного ученика и последователя Н.К. и Е.И. Рерихов, мыслителя и писателя, драматичную роль сыграли исторические события в России/СССР в первой четверти XX в. Во время Гражданской войны он был вынужден покинуть родину и почти сорок лет прожить в эмиграции в Китае. Несмотря на все жизненные перипетии, Б.Н. Абрамов остался верен духовным идеалам и вошел в историю русской мысли как автор уникального труда – нравственно-философских записей, получивших при издании название «Грани Агни Йоги». В этих книгах развиваются философские и духовно-практические аспекты Учения Живой Этики (Агни Йоги), составленного Е.И. и Н.К. Рерихами в сотрудничестве с их индийскими духовными Учителями в 1920–40-е гг. Мировоззренческие идеи гармонично отражены также в поэтическом, живописном и музыкальном творчестве Б.Н. Абрамова.

В 2017 г., когда отмечался 120-летний юбилей со дня рождения Б.Н. Абрамова, в г. Венёве Тульской области усилиями общественности был открыт музей его имени¹. В Музее многогранно представлен его жизненный и творческий путь. Экспозицию составили редкие фотографии, скан-копии архивных документов, личные вещи, издания работ писателя, высококачественные репродукции живописных работ Н.К. Рериха и Б.Н. Абрамова.

На жилом здании, построенном в середине 1980-х гг. на месте дома, где последние 7 лет жил Борис Николаевич с супругой Ниной Ивановной, обновлена мемориальная доска с барельефом мыслителя². Годом ранее, в 2016 г., возле этого здания по инициативе ТулРИЦа создан сквер имени Б.Н. Абрамова (ул. Советская, 15), ставший звеном памятного туристического маршрута, местом отдыха для жителей и гостей города.

---

¹ Адрес Музея Б.Н. Абрамова: Тульская обл., г. Венёв, ул. Советская, д. 15, кв. 17. Музей создан как филиал комплекса «Музей Н.К. Рериха» Сибирского Рериховского Общества (СибРО, г. Новосибирск). Его работа ведется на волонтерской основе сотрудниками Тульского Рериховского исследовательского центра (ТулРИЦ) и СибРО. В Венёвском краеведческом музее также хранится фонд Б.Н. и Н.И. Абрамовых.

² Первая мемориальная доска была установлена к 110-летию со дня рождения Б.Н. Абрамова в 2007 г. по инициативе СибРО. Художница — Н.И. Кулакова (г. Москва). Барельеф Б.Н. Абрамова для новой мемориальной доски 2017 г. выполнен скульптором А.Д. Леоновым по заказу ТулРИЦа.

*Сквер имени Б.Н. Абрамова в г. Венёве Тульской обл. Открытие новой мемориальной доски, посвященной Б.Н. Абрамову. Скульптор А.Д. Леонов. 30 июля 2017 г.
Архив Н.В. Башковой*

*Музей Б.Н. Абрамова в г. Венёве Тульской обл. Экспозиция 2017–2018 гг.
Архив Н.В. Башковой*

С 1997 г. в Венёве проводятся ежегодные Абрамовские чтения (до 2017 г. — Венёвские). Они проходят в выходной день, ближайший к дате рождения Б.Н. Абрамова — 2 августа. С 2011 г. организатором чтений стал ТулРИЦ. Абрамовские чтения объединяют людей из самых разных уголков нашей родины и стран ближнего зарубежья. Они носят культурно-просветительный, исследовательский характер.

В 2015 г. автором статьи была подготовлена передвижная философско-художественная выставка «Верхний путь Духа: жизнь и творчество Б.Н. Абрамова». На шести стендах выставки были представлены фотографии, репродукции картин и акварелей, поэтические и философские тексты. Выставка экспонировалась в филиале Центральной библиотеки и в Доме культуры Венёва (август 2015 г. — февраль 2016 г.), в Государственном Музее-институте семьи Рерихов в Санкт-Петербурге (октябрь 2015 г.), в Тульском областном художественном музее (февраль–март 2016 г.) и одновременно прошла в Доме русского зарубежья имени А. Солженицына в Москве (февраль–апрель 2016 г.).

На Венёвских чтениях 2016 г. состоялось открытие ответной фотодокументальной выставки «Путевку многим в жизнь он дал» из Дома русского зарубежья об истории Харбинского политехнического института, где с 1949 г. в течение десяти лет работал Б.Н. Абрамов. На чтениях с докладом выступила составитель выставки Н.А. Егорова. Выставка была представлена в Доме культуры Венёва.

Рассказ о жизни и творчестве Б.Н. Абрамова запечатлен в ряде видеofilьмов («Тропы необычности» (2010), «Встречи в Венёве. Воспоминания о Б.Н. Абрамове» (2007–2012) студии СибРО и других). Его вокальные произведения, написанные на собственные стихотворения, с 2007 г. звучат на концертах в исполнении оперных певцов.

В 2017 г. автором статьи и другими исследователями были обнаружены уникальные документы, связанные с Б.Н. Абрамовым, в разных архивах России. Часть из них представляет собой анкеты, лично заполненные и заверенные им. Они имеют особую ценность, т. к. освещают ранее неизвестные страницы его жизни.

ГОДЫ ОБУЧЕНИЯ. 1910-е гг.

Б.Н. Абрамов родился в Нижнем Новгороде в семье потомственного дворянина. Его отец Николай Николаевич Абрамов (1872–1917) был военным (с 1916 г. — подполковник)³. Мать Екатерина Григорьевна (1872–1954?)⁴ происходила из семьи отставного подполковника. В семье Абрамовых было двое детей: Борис и его старший брат Николай (1896–?)⁵.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 45874. Л. 19.

⁴ ГАХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 116. Л. 3.

⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 45874. Л. 23.

Семья была православного вероисповедания. Б.Н. Абрамов был крещен в Воскресенской церкви Нижнего Новгорода 24 июля⁶ 1897 г., о чем сохранилась запись в метрической книге церкви⁷.

В августе 1906 г. в возрасте 9 лет Б.Н. Абрамов начинает обучение в Нижегородском дворянском институте императора Александра II⁸. Это среднее учебное заведение (приравнивалось по статусу к классической гимназии) считалось одним из лучших учебных заведений своего времени. Дворянский институт давал восьмилетнее среднее образование, которому предшествовал дополнительный «приготовительный» класс. Институт работал на полном пансионе. В нем преподавались русская грамматика и словесность, Закон Божий, несколько иностранных языков и точные науки, а также велось обучение танцам, музыке, гимнастике.

Фотоальбом «Нижегородский дворянский институт императора Александра II. 1913 учебный год» [Нижегородский дворянский институт 1913], изданный в Париже, содержит более тридцати снимков, дающих хорошее представление как о внешнем виде и интерьерах учебного корпуса, так и о проводимых с учениками занятиях и их быте. На снимке «Шестой класс» запечатлен 15-летний Борис Абрамов в первом ряду возле учителя.

В дворянском институте Борис Николаевич обучался по 28 апреля 1915 г. и окончил полный восьмиклассный курс с серебряной медалью. По окончании ему выдан аттестат зрелости за № 800⁹.

В том же году Б.Н. Абрамов поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. В Центральном государственном архиве г. Москвы хранится канцелярское дело студента Б.Н. Абрамова, в котором находятся его прошение на имя ректора университета и комплект документов, необходимых для зачисления¹⁰. К сожалению, Борису Николаевичу удалось полностью закончить только первый курс университета.

*Б.Н. Абрамов — студент Императорского Московского университета. 1915 г.
ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 329. Д. 6. Л. 16*

⁶ Здесь и далее в статье даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

⁷ ГАНУ. Ф. 570. Оп. 3. Ед. хр. 1301.

⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 329. Д. 6. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁰ Там же. Д. 6.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА. 1916–1918 гг.

В 1916 г. ситуация на фронтах Первой мировой войны становилась все более сложной и драматичной для российской армии, которая в ходе тяжелых боев несла невосполнимые потери офицерского корпуса. С марта 1916 г. на военную службу начали призывать студентов высших учебных заведений.

*Б.Н. Абрамов — прапорщик по Адмиралтейству. 1917 г.
Архив Б.А. Данилова*

Несмотря на то что в феврале 1916 г. Б.Н. Абрамову была выдана отсрочка для окончания образования в университете до призыва 1924 г., уже в августе он «подвергнут был освидетельствованию в годности к военной службе» и признан «годным»¹¹.

Б.Н. Абрамов был отправлен в первый подготовительный учебный батальон, который находился в родном городе, в зданиях Нижегородской духовной семинарии¹². Здесь в течение двух-трех месяцев студенты проходили первоначальное солдатское обучение, после которого направлялись в школы прапорщиков.

9 ноября 1916 г. Борис Николаевич был зачислен в Школу прапорщиков по Адмиралтейству при морской учебно-стрелковой команде в г. Ораниенбауме (ныне г. Ломоносов Ленинградской обл.). 12 декабря он принял присягу на верность службе государю императору и родине. В январе 1917 г. его производят в строевые унтер-офицеры¹³.

Второй выпуск школы, в составе которого находился Б.Н. Абрамов, завершил обучение в конце февраля 1917 г. В «Списке по старшинству баллов» он числится первым (общая сумма баллов – 146,8) из 153 обучающихся¹⁴. Позже приказом Временного правительства весь выпуск февраля 1917 г. был произведен в мичманы флота [Глушко 2012].

Согласно приказу командующего флотом Балтийского моря № 143 от 21 апреля 1917 г., подписанному вице-адмиралом А.С. Максимовым, Б.Н. Абрамов и еще четверо выпускников школы получили назначение в Або-Аландскую укрепленную позицию¹⁵. Сначала он исполнял должность старшего офицера 2-й роты 2-го отдельного батальона артиллерии При-

¹¹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 329. Д. 6. Л. 18, 21–21 об.

¹² РГАВМФ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1–1 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 2. Л. 237–239.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 1. Л. 118–118 об.

морского фронта¹⁶, а весной 1918 г. он был уже командиром этого батальона¹⁷.

Або-Аландская позиция входила в систему обороны Морской крепости Императора Петра Великого, охватывавшей финское и эстонское побережья, и защищала подходы к Петрограду с моря. Русский гарнизон на Аландах в активных боевых действиях не участвовал, т. к. они происходили в основном на море. К январю 1918 г. большая часть русского гарнизона была эвакуирована на российский материк [Густавссон 2014]. В апреле 1918 г. Б.Н. Абрамов «на основании постановления Центрального комитета Балтийского флота увольняется от действительной службы с перечислением в ратники государственного ополчения»¹⁸.

Вернувшись в Москву, в этом же месяце Борис Николаевич подает прошение на имя ректора Московского государственного университета о восстановлении его студентом юридического факультета, куда он и был зачислен¹⁹. Однако продолжению учебы помешала развернувшаяся в стране Гражданская война.

УЧАСТИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ. 1918–1920 гг.

Второй этап военной службы Б.Н. Абрамова начался в Пермском крае, где он оказался летом 1918 г.²⁰ Причины его пребывания на Бикбардинском заводе нам пока неизвестны. Однако архивные документы свидетельствуют о том, что он находился здесь и летом 1915-го, и летом 1916 г.²¹

В августе 1918 г. Борису Николаевичу исполнился 21 год, когда он вновь был призван в армию и оказался в одном из эпицентров боевых действий Гражданской войны. В такое драматичное время судьба отдельного человека зависела от истории тех воинских частей, в которых он служил. В связи с непрекращающимися боями и начавшимся общим отступлением Белой армии шло постоянное переформирование войск в целях более успешной тактики. Это нашло отражение и в биографии Бориса Николаевича.

С 1 сентября²² 1918 г. по 1 марта 1919 г. он в должности «командира команды разведчиков» состоял на службе «во 2-й батарее артиллерийского ди-

¹⁶ Там же. Ф. 952. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 62 об., 73.

¹⁷ Там же. Ф. r0005. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 97.

¹⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 329. Д. 6. Л. 25.

¹⁹ Там же. Л. 24.

²⁰ Здесь и далее сведения до декабря 1943 г. приведены на основании трех анкет, собственноручно заполненных Б.Н. Абрамовым для Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (Харбин, Китай) 12 августа 1935 г., 13 июня 1940 г. и 28 декабря 1943 г. (ГАХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 67. Л. 2–16). Особые случаи расхождения дат в других источниках указаны в сносках.

²¹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 329. Д. 6.

²² Так отмечено Б.Н. Абрамовым в анкете от 13 июня 1940 г. (ГАХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 67. Л. 10). Однако в официальных данных датой формирования 8-й Камской стрелковой дивизии указывается 30 сентября 1918 г.

визиона 8-й Камской стрелковой артиллерийской бригады»²³. Эта бригада входила в состав 8-й Камской стрелковой дивизии адмирала А.В. Колчака, которая была одной из крупнейших на Восточном фронте [Пучков 2010].

С 1 марта 1919 г. Борис Николаевич перешел на службу младшим офицером на плавучую батарею «Микула Селянинович» в Камской флотилии. Как и во время службы на Балтийском флоте, он участвовал в обеспечении боеспособности 152-мм пушек Кане. Эти пушки были первым скорострельным орудием отечественной береговой артиллерии, участвовавшим во всех военных конфликтах первой половины XX в.

С 1 июня 1919 г. Б.Н. Абрамов стал офицером команды связи артиллерийского дивизиона артиллерийской дивизии морских стрелков и через какое-то время оказался в г. Барнауле. Еще в декабре 1918 г. адмиралом А.В. Колчаком был издан приказ о формировании из команд Речной боевой флотилии Отдельной бригады морских стрелков. При каждом ее батальоне была и команда связи. После тяжелых боев в июле 1919 г. бригада морских стрелков была переформирована в дивизию по штатам стрелковой дивизии. Дивизион артиллерии морских стрелков формировался отдельно от дивизии не в Новониколаевске, а в Барнауле [Петров].

Дивизион соединился с дивизией несколько позже. В ее составе Б.Н. Абрамов стал участником масштабного отступления Белой армии на восток, которое вошло в историю как Великий сибирский ледяной поход под командованием генерала В.О. Каппеля. Как указал в биографической анкете Борис Николаевич, пять месяцев, с ноября 1919 г. по март 1920 г., продолжался трагический, почти 2000-километровый конно-пеший переход до Читы и далее. Отступающая армия преодолевала 50-градусные морозы, голод и эпидемии на своем пути. В Забайкалье в конце февраля 1920 г. дивизия морских стрелков вышла в количестве всего лишь около 300 человек [Там же].

В период с января по ноябрь 1920 г. Забайкалье стало последним оплотом Белого движения в Сибири. В феврале остатки армии погибшего генерала В.О. Каппеля соединились с войсками атамана Г.М. Семенова. Каппелевские соединения были переформированы во 2-й и 3-й корпуса [Новиков 2004; 2006]. Приказом атамана Г.М. Семенова за участие в Ледяном походе Б.Н. Абрамова производят в лейтенанты флота военного времени.

В составе 2-го корпуса Дальневосточной армии, которым командовал генерал-майор И.С. Смолин, Борис Николаевич продолжает служить офицером Артиллерийского парка. Он оказывается восточнее Читы, в г. Нерчинске, который когда-то был первой столицей Забайкальского края. Позже в составе этого корпуса он участвовал в обороне станции Оловянная Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД), южнее Нерчинска.

С последними частями 2-го корпуса 20 декабря 1920 г. Б.Н. Абрамов прибывает из Забайкалья на станцию Маньчжурия КВЖД в Китае, имея

²³ ГАХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 116. Л. 10.

при себе удостоверение от командира Артиллерийского парка Добровольческой бригады. Причиной прибытия им указано «отступление армии в пределы Маньчжурии»²⁴.

Позже, в письме от 30 января 1922 г. к Е.Г. Зариной Борис Николаевич отмечает в скупых строках об этих тяжелейших годах: «...Только путем невероятных лишений, ужасов и ежеминутной опасности быть убитым или замерзнуть я спас эту <свою> жизнь...» [Абрамов 2012, с. 616].

В годы Гражданской войны по всей России свирепствовала эпидемия тифа. В период между 1917 и 1921 гг. от сыпного тифа погибло около трех миллионов человек. Тогда против этой болезни еще не было создано вакцины. Согласно анкете Борис Николаевич ранен не был, но два раза переболел тифом — сыпным и возвратным. Последствием чего стал приобретенный порок сердца²⁵. По воспоминаниям его ученицы О.А. Копецкой, второй раз он перенес тиф уже по прибытии в Китай: «В походе вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Он очень хорошо понимал, что заболеть в походе — это значит конец. Он приложил всю силу своей воли и мысли, чтобы остаться здоровым в походе. Но по приезде в Харбин слег с этой болезнью... Это рассказывал как иллюстрацию того, что силой воли и мысли можно многое контролировать» [Там же, с. 579]. Надо сказать, Борис Николаевич не любил говорить о себе и о своем прошлом и рассказал этот поучительный эпизод прежде всего как пример действия психофизических сил человека, до сих пор нами не оцененных и не используемых.

ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ. ХАРБИН. 1920–50-е гг. РАБОТА

После перенесенной болезни 1 марта 1921 г. Б.Н. Абрамов уже вышел на работу. В течение двух лет он служил помощником лаборанта на заводе сухой перегонки дерева на лесной концессии «Л.С. Скидельского и сыновей» на разъезде Лукашёво КВЖД. Несколько его писем, датированных 1922 г., имели адрес отправления то станцию Лукашёво, то г. Харбин.

С 1 марта²⁶ 1923 г. по 1 ноября 1931 г., в течение восьми лет, Борис Николаевич работал помощником лаборанта в лаборатории Агрономической секции Земельного отдела КВЖД в Харбине. В 1928 г. в «Известиях Агрономической организации» вышел сборник работ лаборатории под названием «Упрощенные методы исследования бобов и некоторых продуктов их переработки». В этом сборнике была напечатана научная статья Б.Н. Абрамова «Определение влажности бобов» [Морозов и др. 1928, с. 5–26].

---

²⁴ ГАХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 67. Л. 8.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ Согласно «Справке о стаже и заработке» в «Пенсионном деле Б.Н. Абрамова» — с 1 мая 1923 г. (ВКМ372 ПИ493. Л. 27).

Причиной увольнения из лаборатории, как указывает Борис Николаевич в анкете, послужило то, что он был китайским подданным (соответствующее ходатайство было подано им в 1925 г.²⁷). Осенью 1931 г. Маньчжурия была оккупирована японскими войсками. В связи с этим, видимо, начались массовые увольнения китайских граждан по политическим и идеологическим причинам.

Два с половиной года, с 1931 по 1934 г., Борис Николаевич жил частными уроками — преподавал английский язык. В анкетах он указывал уровень владения языком как «преподаватель» и «переводчик».

С 1 июня²⁸ 1934 г. до конца 1937 г. Борис Николаевич работал инспектором в торгово-налоговом отделе Городского управления г. Харбина. С 1 января 1938 г. по 30 ноября 1939 г. был на должности инспектора в Государственном пошлинном бюро.

С 1 февраля²⁹ 1940 г. по февраль 1946 г. служил сначала секретарем колледжа, а затем заведующим студенческим клубом в Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ) г. Харбина. Как служащий союза он состоял его членом³⁰.

С середины февраля 1946 г. по 1 августа 1948 г. Б.Н. Абрамов работал в должности лаборанта химической лаборатории Акционерного общества «И.Я. Чурин и К^о», с 1 октября 1948 г. по 1 марта 1949 г. — Акционерного общества Северо-восточной химической и фармацевтической лаборатории «Востхим»³¹.

С 1 сентября 1949 г. в течение 10 лет, вплоть до отъезда в СССР, Борис Николаевич работал в Харбинском политехническом институте: сначала лаборантом, через год — преподавателем русского языка и в течение последних трех лет был консультантом китайских преподавателей русского языка, а также участвовал в составлении учебников русского языка для учащихся³².

Борис Николаевич в совершенстве владел английским, знал китайский и разговорный японский языки. В анкете 1943 г. он также указывал о среднем знании им французского языка³³. По воспоминаниям его ученика Б.А. Данилова, он читал и немецкие тексты [Данилов 1997, с. 6].

²⁷ ГАХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 67. Л. 2.

²⁸ В анкете Б.Н. Абрамова от 12 августа 1935 г. — с 1 июля (Там же. Л. 3).

²⁹ Согласно «Удостоверению» ХСМЛ от 1 марта 1946 г. — с 1 января 1940 г.; согласно «Справке о стаже и зароботке» — с 15 января 1940 г. по 15 февраля 1946 г. (ВКМ372 ПИ493. Л. 12, 27).

³⁰ ГАХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 67. Л. 8.

³¹ ВКМ372 ПИ493. Л. 13, 14.

³² Там же. Л. 16.

³³ ГАХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 67. Л. 16.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В феврале 1923 г. к Борису Николаевичу приехала мать, как он отмечает, «бежавшая из Забайкалья»³⁴. Она приехала из г. Иркутска (хотя родилась и жила с семьей в Нижнем Новгороде). Все годы в Харбине проживала с сыном³⁵.

В январе 1929 г. Борис Николаевич вступил в брак с Ниной Ивановной Шахрай (1907–1994), ставшей его единомышленницей и спутницей до конца жизни.

Нина Ивановна родилась 15 мая 1907 г. в г. Пирятине (Украина, Полтавская область)³⁶. В 1924 г. она окончила Харбинское коммерческое училище КВЖД, а через пять лет, в 1929 г. — Харбинский юридический факультет, высшее учебное заведение, существовавшее здесь с 1920 по 1937 г.³⁷

Никаких мест работы в харбинской анкете 1942 г. Ниной Ивановной не указано. Она написала, что состоит на иждивении мужа и занимается домашним хозяйством. Вместе с тем в более позднем документе (заготовке прошения 1958 г. о разрешении на въезд в СССР) она отмечала, что имеет двадцать лет практического стажа цветочницей и вязальщицей [Величко 2012, с. 5]. В «Пенсионном деле» Н.И. Абрамовой не представлено документов, подтверждающих этот трудовой стаж³⁸. Видимо, это было неофициальное место ее работы либо производство к моменту сбора документов, т. е. к концу 1959 г., уже не существовало, а свидетелей не осталось.

Известно, что в середине 1940-х гг. Нина Ивановна перенесла сильное пищевое отравление, которое серьезно подорвало ее здоровье. После перенесенной болезни и небольшой операции она уже не могла больше работать. Поэтому на попечении Бориса Николаевича в Харбине находились и мать, и жена.

Б.Н. Абрамов. Харбин, Китай. 1920-е гг. Архив Б.А. Данилова

³⁴ Там же. Л. 14.

³⁵ Там же. Д. 116. Л. 3.

³⁶ Имеются и другие сведения о дате и месте рождения Н.И. Абрамовой. Приведенные здесь признаются разными исследователями наиболее достоверными. Их источник: «Выпись из метрической книги градо-харбинской Софийской церкви Харбинской епархии № 13 от 29 января 1929 г.» о бракосочетании Б.Н. Абрамова и Н.И. Шахрай (ВКМ372 ПИ493. Л. 22–22 об.).

³⁷ ГАХК. Ф. Р830. Оп. 3. Д. 130. Л. 2.

³⁸ ВКМ372 ПИ493. Л. 31–68.

ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ

С молодости Б.Н. Абрамов был увлечен вопросами о смысле жизни и значении человека, активно интересовался теософией и восточной философией. В поисках ответов он много читал и выписывал в тетрадь все, что касается духовного совершенствования. В его тетрадях и письмах мы встречаем выдержки из Евангелий, из произведений Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, К.Д. Бальмонта, О. Вейнингера, М. Коллинз и др. Внимательно и неоднократно была изучена им книга Рамачараки «Пути достижения индийских йогов». Этот период исканий приходится на начало 1920-х гг.

До наших дней сохранились четыре письма Б.Н. Абрамова, адресованные им Екатерине Георгиевне Зариной, члену Президиума Теософского общества во Владивостоке в 1920–1922 гг. Она была издательницей теософского журнала «Новые мысли, новые пути». Письма Б.Н. Абрамова были опубликованы ею в двух номерах журнала (№ 12, 13) за 1922 г. в разделе «Теософическое движение в области в письмах».

Письма показывают напряжение духовных исканий и устремлений Бориса Николаевича. Вот два значимых фрагмента из этих писем: «И мне кажется, что только то учение, которое в состоянии охватить все: от инфузории до Шекспира, от притяжения атомов до космогонического цикла, от злободневной гнусной сплетни или пошлости до величайшего самоотречения, — смело, без запинки может быть принято мною. Где оно?» (30.01.1922) [Абрамов 2012, с. 619]; «Я глубоко убежден, что не учреждения, не формы, не правительства и общественный строй надо переделать, а надо переделать самих себя — и остальное придет само к ним, кому это “остальное” нужно» (12.05.1922) [Там же, с. 620].

Борис Николаевич оказался верен высказанным мыслям. Большую часть жизни он посвятил постижению нового Учения Живой Этики (Агни Йоги), принесенного в мир семьей Рерихов. Разработка идей этого учения и приложение их в каждодневной практике самосовершенствования стали основным направлением его творческой деятельности.

ВСТРЕЧА С Н.К. РЕРИХОМ И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ЖИЗНИ

Летом 1934 г. произошло личное знакомство Б.Н. Абрамова с Николаем Константиновичем Рерихом (1874–1947), великим художником, мыслителем-гуманистом, инициатором Пакта «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников», и его сыном — востоковедом Ю.Н. Рерихом (1902–1960). Рерихи посетили Харбин в период Маньчжурской экспедиции 1934–1935 гг. Эта встреча стала поворотной вехой и определила всю последующую жизнь Бориса Николаевича.

В период пребывания в Харбине Николай Константинович объединил вокруг себя небольшую группу людей, духовно созвучных Учению Живой

Этики, готовых к сотрудничеству и привнесению идей культуры в жизнь. Под его личным руководством проходили регулярные встречи сложившегося «Содружества». В группу входили, кроме Б.Н. и Н.И. Абрамовых, Е.П. Инге, З.Н. Чунихина, В.К. Рерих, П.А. Чистяков, супруги А.П. и Е.С. Хейдок, В.Н. Грамматчиков и др. [Анненко 2013].

Центральное место в этих беседах отводилось Учению Живой Этики, посвященному вопросам беспредельной эволюции мироздания и человечества, их глубинному единству и многомерному взаимодействию. Николай Константинович говорил о непреложном наступлении «Новой эры планеты, о новом человечестве, которое должно прийти на смену нынешнему, задыхающемуся в ярости хищнических захватов» [Хейдок 1994, с. 335]. Новый Мир сотрудничества и братства народов не спустится с неба, а должен быть создан человеческими руками. Путь к нему лежит через культуру и начинается «с преобразования самого себя, со вступления в постоянную борьбу со своими недостатками <...> с самоусовершенствования» [Там же, с. 335–336]. Человек сможет постичь смысл своего существования в творчестве, познании, сотрудничестве, деятельности на общее благо, построенных в созвучии с едиными Законами космоса.

В 1934 г. в Харбине был образован Русский комитет Пакта Рериха по защите культурных ценностей, активным сотрудником которого стал Б.Н. Абрамов. В том же году комитетом была издана брошюра «Знамя Мира. Русский комитет Пакта Рериха в Харбине. Отчет» [Знамя Мира 1934]. Три красных круга в единой окружности — символ Пакта — отражают рериховское понимание культуры и движущие силы эволюции человечества. Культура — это синтез лучших достижений в трех важнейших сферах человеческой деятельности: науке, искусстве и религии. Также это символ прошлого, настоящего и будущего в круге вечности; единство трех начал в человеческом микрокосмосе — тело, душа и дух, и в бытии — земное, тонкое и огненное начала жизни [Рерих 1995; Баренбойм, Захаров 2010].

Нравственно-философские и культурно-просветительские идеи Н.К. Рериха оказались очень близки Б.Н. Абрамову. Всем сердцем он принял Николая Константиновича как наставника жизни, духовного Учителя. Перед отъездом из Харбина Н.К. Рерих вручил Борису Николаевичу и его жене Нине Ивановне кольца ученичества как знак особого доверия и духовной близости [Абрамов 2008, с. 18]. В жизни Абрамовых совершилось самое главное — произошло внутреннее самоопределение, открылись новые горизонты развития и совершенствования.

С середины 1930-х гг. и вплоть до ухода из жизни Н.К. Рериха, а затем Е.И. Рерих (1955) Абрамовы вели переписку с ними и надеялись на новые встречи. До нас дошло 38 писем Е.И. Рерих, адресованных Абрамовым. Эта переписка носила глубоко доверительный и угонченно-сердечный характер. Елена Ивановна называла Бориса Николаевича «духовным сыном» и помогала ему мудрыми советами [Абрамов 2012, с. 463–534]. Она прислала

Абрамовым на память два тома книги «Беспредельность», входящей в состав Учения Живой Этики [Там же, с. 464].

«Содружество», основанное Н.К. Рерихом, просуществовало долгие годы, вплоть до 1950-х гг., когда члены его начали разъезжаться по разным странам из китайского Харбина. Позже оно получило название «старшего» «Содружества», т. к. некоторые из его членов, в свою очередь, стали вести небольшие группы по изучению Живой Этики.

С начала 1940-х гг. под руководством Б.Н. Абрамова сложился круг заинтересованных молодых людей, ставших со временем его духовными учениками и ученицами. Еженедельный ритм встреч в течение многих лет формировал уникальную атмосферу для глубокого погружения в мир Учения Живой Этики.

На встречах изучались основы философии и практики нравственного совершенствования, выработывались правила жизни и внутренней работы над собой. Большое внимание уделялось развитию собственных творческих способностей членов группы. Борис Николаевич поддерживал учеников, делился своим опытом, давал ценные советы. Одна из его учениц отмечала, что «беседы с ним на темы о значении искусства и творчества, о самоусовершенствовании, о цели жизни, о счастье, о жизненном пути, о вечности и еще о многом другом были интереснейшими беседами, которые запали в сердце на всю жизнь» [Там же, с. 576].

Среди учеников Б.Н. Абрамова назовем Наталию Дмитриевну Спиринову (1911–2004), рериховеда и поэта. С ее именем связано создание нового — рериховского направления в поэзии. Она явилась основательницей и председателем Сибирского Рериховского Общества (г. Новосибирск), организатором создания двух музеев Н.К. Рериха: в Новосибирске и в Горном Алтае, в селе Верхний Уймон. Издательством СибРО опубликованы конспекты ее бесед с Борисом Николаевичем с 1946 по 1971 г. под названием «Искры Света» [Искры Света 2000–2009].

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ. НОВОСИБИРСК – МОСКВА

Долгие годы Б.Н. и Н.И. Абрамовы находились в ожидании возвращения на родину, поскольку стремились к исполнению завета своих духовных Учителей Н.К. и Е.И. Рерихов — ехать именно в Россию, страну будущей новой культуры. С наступлением хрущевской «оттепели» такая возможность наконец открылась.

22 сентября 1959 г. генеральное консульство СССР в Харбине удостоверяло ряд документов, касающихся жительствова и мест работы Б.Н. Абрамова, а 8 октября супруги уже получили советские паспорта и через неделю были прописаны в г. Новосибирске³⁹.

³⁹ ВКМ372 ПИ493. Л. 3.

Борису Николаевичу удалось провезти через жесткий досмотр на границе книги Учения Живой Этики, свои духовно-философские дневники, переписку с Рерихами. Эти чудом привезенные книги стали источником первой полной публикации Учения Живой Этики в Советском Союзе в начале 1990-х гг. [Данилов 1997].

Обустройство на родине заняло несколько лет и складывалось непросто. Больше года Абрамовы прожили в Новосибирске на квартире у харбинских знакомых, занимая одну комнату и даже не имея возможности распаковать вещи. Получить собственное жилье (несмотря на обещания властей) или снять что-то подходящее им так и не удалось [Мельников 2013]. Известно, что Борис Николаевич работал один месяц в марте 1960 г. в Новосибирской областной библиотеке⁴⁰.

27 сентября 1960 г. в картинной галерее Новосибирска открылась постоянная выставка картин Н.К. Рериха. Основу этой коллекции составили 60 полотен, которые передал в дар Сибири Ю.Н. Рерих [Молчанов 1960]. В организации выставки активно помогал и Борис Николаевич. Он принимал участие в развешивании картин и информационной разработке экспозиции.

Сразу по приезде в СССР Б.Н. Абрамов приехал в Москву для личной встречи с Ю.Н. Рерихом, вернувшимся на родину в 1957 г. Во время встречи (прошедшей до 8 декабря 1959 г.⁴¹) состоялась важная беседа. В СССР Юрий Николаевич привез большую часть наследия родителей — картины, рукописи, коллекции восточного искусства. Он прикладывал много усилий для создания в Москве или Петербурге музея Н.К. Рериха. Сотрудничество с Юрием Николаевичем, участие и помощь в его делах были, несомненно, важной целью Бориса Николаевича и явились причиной его стремления к переезду в Москву. Однако так сложилось, что это была их единственная личная встреча. Второй приезд Б.Н. Абрамова в Москву в конце мая — начале июня 1960 г. был омрачен трагической вестью об уходе из жизни Ю.Н. Рериха 21 мая.

Ранее, узнав о проблеме Абрамовых с жильем в Новосибирске, Юрий Николаевич пытался помочь им обосноваться в Москве. Вариантов поселения на тот момент оказалось два: либо на строящейся специально для него государственной даче, либо на даче академика Н.Д. Зелинского, с семьей которого был дружен Юрий Николаевич (сын академика был его учеником).

После смерти Ю.Н. Рериха строительство его дачи остановилось. Получив разрешение от Зелинских поселиться у них, Абрамовы переехали в Москву и с середины февраля до конца мая 1961 г. жили в Подмосковье, заняв флигель, обустроенный для жизни в холодный период. Однако полу-

---

⁴⁰ Там же. Л. 25.

⁴¹ Примерная дата встречи обозначена в письме Ю.Н. Рериха к Р.Я. Рудзитису от 8 декабря 1959 г.: «Был у меня Б.Н. Абрамов, который также вернулся на родину» [Рудзитис 2002, с. 151].

читать постоянную прописку там оказалось невозможным, и им пришлось искать новое местожительство [Абрамовы 2017].

После непростых поисков Борис Николаевич остановил свой выбор на г. Венёве Тульской области. Город располагается в 163 км к югу от Москвы. Важную роль в этом решении, по всей видимости, сыграли более теплый климат (в связи с нездоровьем Нины Ивановны), близость к столице и возможность ездить туда на электричке или автобусе. 12 июня 1961 г. Абрамовы приехали в Венёв и жили здесь до февраля 1962 г. [Там же, с. 47]. По приглашению знакомых с Украины Абрамовы весной 1962 г. предприняли последнюю попытку поменять место жительства и обосноваться в деревне недалеко от Киева. Но знакомые, позвавшие их, не выполнили своих обещаний, и надежды на получение жилплощади не осуществились. В июне того же года Абрамовы вернулись назад в Венёв и обосновались здесь до конца жизни [Там же].

В 1961 г. во время пребывания в Москве З.Г. Фосдик, исполнительного директора Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, с целью изучения архивов о Н.К. Рерихе Б.Н. Абрамов оказывал активную помощь в ее работе. Познакомились они в начале 1950-х гг. по инициативе Е.И. Рерих через письма. З.Г. Фосдик вспоминала: «Борис Николаевич во многом мне способствовал, был полон воодушевления, находил для меня нужные справки... Сам он горел огнем духа, верил в светлое будущее, был полон внутренними исканиями. Красота, в чем бы она ни выражалась, на него глубоко действовала, он весь светился при соприкосновении с нею» [Абрамов 2012, с. 572].

ЖИЗНЬ В ВЕНЁВЕ. 1961–1972 гг.

Венёв – небольшой старинный русский город, в котором в 1960-х гг. проживало около 6 тысяч человек. По преданию, веневские места были озаменованы приходом преп. Сергия Радонежского в Венев монастырь навестить своего духовного ученика – игумена Петра, первого настоятеля обители. Преп. Сергей подарил ему на престольный крест, посох и власяницу, которые хранились здесь вплоть до XX в. [Коновалова 2012, с. 14–15].

Над Венёвом возвышается величественная колокольня разрушенного после Великой Отечественной войны Николаевского храма. Это самая высокая колокольня в Тульской области – 77,5 м. По воспоминаниям веневцев, Б.Н. Абрамов заботился о ее восстановлении, видя в ней символ стойкости и устремленности человеческого духа.

Борис Николаевич полюбил природу веневского края. Его глубоко тронула легенда о двенадцати ключах, рассказанная ему веневским другом. Это место, как и другие живописные окрестности Венёва, он любил посещать и радовался красоте природы [Горская 2009].

Третьим местом жительства Абрамовых в Венёве стала однокомнатная квартира в двухэтажном панельном доме, которую они получили в 1964 г.

Однако шум и беспокойство соседей вынудили их через год переехать в небольшой частный дом барачного типа (на трех хозяев), где и прошли последние годы жизни Бориса Николаевича [Абрамовы 2017]. До наших дней дом не сохранился. В 1987 г. на его месте построено жилое пятиэтажное здание.

В Венёве Б.Н. Абрамов, несмотря на пенсионный возраст, старался найти работу: преподавал английский язык на вечерних курсах и давал частные уроки поступающим в вуз [Горская 2009].

К сожалению, приехавших из-за границы в СССР окружала атмосфера подозрительности и настороженности. Абрамовых это вынуждало быть более замкнутыми и осмотрительными. Подполковник в отставке Ю.П. Бургасов, работавший в то время директором автотранспортного предприятия и близко знавший Б.Н. Абрамова на протяжении последних семи лет его жизни, вспоминал: «Многие знали о нашей дружбе. Я за это два строгих выговора получил и предупреждение об исключении из партии. В Венёве он больше никому о себе не рассказывал, отчасти и потому, что я его предупредил»; «Борис Николаевич был кристальной чистоты человек. Для него честь была дороже жизни. Таких офицеров, как он, я знал очень немного» [Там же, с. 20].

Несмотря на бытовую неустроенность (приходилось самому носить воду, колоть дрова, топить печь, работать в огороде), интенсивность творческой жизни Бориса Николаевича никогда не прерывалась. Близость к Москве позволяла ему посещать важные мероприятия рериховской направленности и поддерживать контакты с единомышленниками. Известно, что он присутствовал на праздновании 60-летия Ю.Н. Рериха в Институте народов Азии АН СССР в 1962 г., на праздновании 90-летия Н.К. Рериха и на выставке его картин в Государственном музее искусств народов Востока в 1964 г., в сентябре 1965 г. — на открытии памятника Ю.Н. Рериху на Новодевичьем кладбище [Абрамовы 2017].

Многие друзья, несмотря на дальность расстояний, посещали Абрамовых в Венёве, некоторые из них — достаточно регулярно. Среди них Л.С. Митусова, дочь двоюродного брата Е.И. Рерих, из Санкт-Петербурга [Мельников 2013], харбинцы, вернувшиеся на родину: Г.А. Иванов, Г.П. Кучма, З.Н. Чунихина, А.П. Хейдок, новые московские знакомые: художники-космисты Б.А. Смирнов-Русецкий, В.Т. Черноволенко, воспитанница семьи Рерихов И.М. Богданова, супруги А.М. Горностай-Польский и З.К. Кермель и другие [Деменко 2017]. Общение с Борисом Николаевичем поддерживали и его ученики: Н.Д. Спирина, А.С. Падерин, Б.А. Данилов. Так, Наталия Дмитриевна ежегодно приезжала в Венёв из новосибирского Академгородка. Все годы между ними существовала регулярная переписка, доверительная и содержательно насыщенная [Абрамовы 2017].

Единомышленники и друзья приезжали к Борису Николаевичу для бесед на темы Учения Живой Этики, чувствуя в нем силу духа и признавая его авторитет. «Вы для меня очень Большой Человек», — писал Б.Н. Абра-

мову в августе 1961 г. художник В.Т. Черноволенко [Деменко 2017, с. 33]. В 1963 г. Н.И. Абрамова в одном из писем к Н.Д. Спириной отмечала: «На Новый год мы получили 34 поздравления, и все, конечно, ждут писем...» [Абрамовы 2017, с. 86].

В 1972 г. Борис Николаевич получил долгожданную и радостную весть: в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга «Рерих» [Беликов, Князева 1972]. Один из ее авторов, П.Ф. Беликов, крупный рериховед, близкий и преданный сотрудник семьи Рерихов, с которым Борис Николаевич состоял в переписке, подарил ему книгу с дарственной надписью: «Дорогому Борису Николаевичу с сердечным приветом и самыми светлыми пожеланиями. Автор. 22.08.1972 г.»⁴²

Лето 1972 г. было очень засушливое и жаркое. Начались пожары на торфяных болотах, вызвав сильное атмосферное загрязнение. Борису Николаевичу приходилось поливать огород, носить воду из колонки и самому заготавливать дрова. Для его сердца эта нагрузка оказалась чрезмерной [Абрамовы 2017, с. 332–343].

5 сентября 1972 г. Борис Николаевич Абрамов скорострительно ушел из жизни⁴³. Он был похоронен в Венёве на кладбище возле старинного Иоанно-Предтеченского храма.

Несмотря на физическую слабость и нездоровье, Нина Ивановна прожила еще более 20 лет одна. В середине 1980-х гг. она получила квартиру в новом доме. Все последние годы Нину Ивановну опекали Б.А. Смирнов-Русецкий и его ученики (Е.А. Николаев, О.И. Тананаева и др.), которые регулярно приезжали из Москвы в Венёв, привозили продукты и лекарства. Н.И. Абрамова ушла из жизни 20 июня 1994 г.⁴⁴ Похоронена рядом с мужем.

Нина Ивановна хранила архив и рукописи Бориса Николаевича, за несколько лет до своего ухода передав их Б.А. Данилову и Н.Д. Спириной в Новосибирск.

ТВОРЧЕСТВО.

ЗАПИСИ НА ДУХОВНО-ФИЛОСОФСКИЕ ТЕМЫ

Главным трудом всей жизни Б.Н. Абрамова стало составление нравственно-философских записей, развивающих темы Учения Живой Этики (Агни Йоги) и отражающих практический путь самосовершенствования, которому он неуклонно следовал до конца своих дней. Начало записей относится к 1940 г., последней датой отмечен день ухода Бориса Николаевича из жизни – 5 сентября 1972 г. Почти ежедневно мыслитель подвижнически трудился над записями, сохраняя уникальный творческий ритм на протя-

⁴² МНКР. КП-300.

⁴³ В «Свидетельстве о смерти» причиной указан инфаркт миокарда (ВКМ372 ПИ493. Л. 65).

⁴⁴ ВКМ372 ПИ493. Л. 60.

жении всей жизни. С начала публикации записей в 1993 г. к 2018 г. издано 26 томов, охватывающих период с 1951 по 1972 г.

Е.И. и Н.К. Рерихи были знакомы с записями Б.Н. Абрамова, которые он посылал им в Индию. В ответных письмах Елена Ивановна неоднократно подтверждала их единый с Учением Живой Этики духовный источник и идейную преемственность. Она призывала Бориса Николаевича «хранить эти жемчужины» [Абрамовы 2012, с. 530] и систематично продолжать творческую работу.

Сейчас записи Б.Н. Абрамова, получившие при издании название «Грани Агни Йоги», постепенно входят в научный оборот наряду с Учением Живой Этики, прежде всего в русле исследований по философии космизма [Башкова 2013; Русский космизм 2012]. Многие ученые выделяют творческое наследие семьи Рерихов и Б.Н. Абрамова в отдельное направление философии космизма, наиболее аутентично обозначенное как «евразийский антропокосмизм» [Аблеев 2010, с. 25–27, 113–116].

«Грани Агни Йоги» ценны не только открытием новых горизонтов знания, но и описанием индивидуальной духовной работы, которую Б.Н. Абрамов не прекращал ни на минуту. Путь неуклонного утверждения в своих действиях высших ценностей и сознательного противодействия всем низшим проявлениям человеческой природы и лежит в основе духовного подвижничества, или духовной йоги.

Через все книги «Граней Агни Йоги», как и Учения Живой Этики, красной нитью проходит краеугольная тема нравственного совершенствования. Она развивается в контексте онтологических и философско-антропологических представлений о многомерности бытия и человека, беспредельности жизни и бессмертия человеческого духа как высшей части его многоуровневой природы, цикличности существования человека в земном и надземном мирах. Сознательная *внутренняя* работа над собой утверждает как основное направление эволюции человека, одно из главных условий познания им себя и мира, а также как естественный путь прогрессивных изменений социального и природного бытия.

В «Гранях Агни Йоги» описываются принципы развития человеческого сознания и его творческого потенциала, регулирования его ментально-психических функций и реакций, формулируются правила нравственной дисциплины и самоконтроля. Важными показателями духовно-личностного роста утверждаются, во-первых, синтетичность и глубина понимания человеком высших духовных ценностей Знания, Красоты, Общего блага, направленность на социальное сотрудничество и мужественное противодействие невежеству и злу; и во-вторых, степень соответствия повседневной жизни человека этим критериям.

В работах Б.Н. Абрамова идеи часто выражены в отточенной, краткой, емкой форме. «Найти вечное во временном — значит найти тропу жизни» [Грани 1951, 337]. «Каждодневность — ковер достижений. Хотят мировых подвигов, но подвиг восхождения духа, совершаемый в жизни каждого дня,

много труднее, потому приветствуем победителя жизни обычной, утвердившего в ней необычность» [Грани 20.11.1960]. «Несовершенства и слабости не препятствия, но камни, которые попирает нога идущего к вершинам» [Грани 1953, 129]. «Каждая трудность – возможность для возрастания духа. Каждое препятствие требует, чтобы духом подняться над ним и его перерастить, то есть стать сильнее его» [Грани 1963, 310]. «Один в поле воин – ведь это уже подвиг» [Грани 18.11.1960]. «С тьмою борьба – только Светом, Свет укрепляя в себе» [Грани 1965, 474]. «Всякая жизнь и всякое существование, в конце концов, есть процесс целого ряда усилий, борьбы и преодоления. Жизнь – это то, что преодолевает само себя» [Грани 1952, 461]. «Бессмертен тот, кто живет не собою, но для других» [Грани 1961, 489]. «Родина наша – оплот Нового Мира. Будущее ее лучезарно» [Грани 1970, 473].

ЛИТЕРАТУРНОЕ, МУЗЫКАЛЬНОЕ И ЖИВОПИСНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Б.Н. Абрамов был всесторонне образованным человеком: любил и хорошо знал литературу, музыку, живопись, разбирался в технике. Писал стихи и рассказы на духовно-нравственные темы, сочинял вокально-инструментальные произведения, рисовал акварели – пейзажи и символические картины.

Художественное творчество Б.Н. Абрамова дошло до нас, к сожалению, не в полном объеме. В его записях и письмах мы находим описание акварелей и названия рассказов, до настоящего времени не обнаруженных. То, что нам известно из его творческого наследия, преимущественно относится к харбинскому периоду его жизни.

Литературное, музыкальное и живописное творчество Б.Н. Абрамова наполнено стремлением передать красоту и одухотворенность жизни, приоткрыть тайны тонкой, духовной реальности, доступной чистому сознанию человека. Содержание его произведений отражает глубокое проникновение в сущность духовно-философских идей Учения Живой Этики.

Лейтмотивом в поэзии Б.Н. Абрамова звучат темы горного пути, символизирующего духовное восхождение человека («Голгофа жизни», «Ночью ненастной путники дальние...», «Путь горний»), неустанной борьбы и преодоления себя и жизненных испытаний («Напутствие», «Жемчужины»), сердечного обращения к духовному Учителю как ведущему и руководящему началу («Устремленное сердце горит...», «Звезды духа»). Поэтические произведения построены на ярких, запоминающихся метафорах («Белый орел», «Елочка» и др.) и выразительных противопоставлениях («Мрачны и тесны пределы земные...») [Абрамов 2012].

Стихи и рассказы Б.Н. Абрамова, написанные в 1940–50-х гг., впервые опубликованы в альманахе «Феникс» (г. Аделаида, Австралия).

Стихотворения Б.Н. Абрамова внутренне музыкальны, и не случайно некоторые из них были положены им на музыку. До нас дошли ноты 15 во-

кальных произведений Б.Н. Абрамова [Абрамов 2009]. По воспоминаниям друзей, Борис Николаевич любил классическую музыку, обладал красивым голосом, пел.

Б.Н. Абрамов. 1941. Бумага, акварель. 11,5 × 14,7. Архив Музея Н.К. Рериха Сибирского Рериховского Общества, г. Новосибирск

*Б.Н. Абрамов. Бумага, акварель. 14,3 × 18,7.
Архив Музея Н.К. Рериха Сибирского Рериховского Общества, г. Новосибирск*

С 2007 г. вокальные произведения Б.Н. Абрамова исполняются солистами Новосибирского театра оперы и балета. В Музее Н.К. Рериха в Новосибирске регулярно проходят концерты, где звучат эти произведения.

В фондах новосибирского Музея Н.К. Рериха хранятся 13 рисунков, выполненных графитовым карандашом, и 17 акварельных рисунков Б.Н. Абрамова. Большинство этих работ Н.И. Абрамова передала в 1974 г. Н.Д. Спириной. 13 из 17 акварелей датированы январем 1941 г. Названия своим произведениям Б.Н. Абрамов не давал.

В 1997 г. была осуществлена первая публикация рисунков в журнале СибРО «Перед Восходом» и выпущен набор открыток с акварелями [Абрамов 1997]. Тогда же, к столетию со дня рождения Бориса Николаевича, акварели впервые экспонировались во время юбилейной конференции в Новосибирске.

Живописные и графические работы Б.Н. Абрамова глубоко символичны. На акварелях мы встречаем мотивы, близкие к символике Н.К. Рериха. Горы и восхождение на них символизируют жизненный путь человека, устремленного к достижению избранных идеалов и высших ценностей духа. Путь этот наполнен препятствиями и суровыми испытаниями. На многих рисунках изображена узкая горная тропа, по которой поднимаются человеческие фигуры. В этих работах центральное место занимает образ духовного Учителя, самоотверженно охраняющего и оберегающего путников жизни.

В графических работах Бориса Николаевича повторяется образ птицы с камнем в клюве. На некоторых рисунках имеется надпись: «Алатырь»⁴⁵. Этот священный камень в контексте мировоззрения мыслителя символизирует кристаллы духовных накоплений опыта, мудрости и знаний, которые составляют сокровенный смысл человеческой жизни.

* * *

Биографические сведения, емко сжатые в скупых строках старых анкет, раскрывают перед нами событийную канву жизни уникального человека, мыслителя и подвижника. Символично и, видимо, неслучайно архивные документы были обнаружены именно в 2017 г. — юбилейном как для Б.Н. Абрамова, так и для всей нашей страны, когда мы подошли к столетнему рубежу русской революции. Через биографию отдельного человека лучше и глубже понимается история нашего отечества, история целой эпохи на ее трагическом повороте. Страдания и лишения, выпавшие на долю Бориса Николаевича, он сумел пронести не только стойко и мужественно, но и в самоотверженном стремлении постичь сущность жизни и ее вечные ценности, претворить их в себе и выразить в своих произведениях. Его творческое наследие несет в себе мощный активно-преобразовательный

---

⁴⁵ Алатырь — «в русских средневековых легендах камень с чудесными и целебными свойствами» [Мифы 1997, с. 57], символ мощи природы, вечности и бесконечности жизни вселенной.

потенциал, призывает нас строить жизнь на основах самосовершенствования, творческого труда, познания, помощи людям, общего блага и любви к родине.

Источники и литература

- ВКМ — Муниципальное учреждение культуры «Венёвский краеведческий музей»
ГАО — Государственный архив Новгородской области
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края
МНКР — Музей Н.К. Рериха Сибирского Рериховского Общества, г. Новосибирск
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
ЦГАМ — Центральный государственный архив города Москвы
- Аблеев 2010 — *Аблеев С.Р.* Универсум Сознания: Философские проблемы сознания в евразийском антропокосмизме: монография. М.: Амрита, 2010. 448 с.
- Абрамов 1997 — *Абрамов Б.Н.* Акварели: Набор открыток. Новосибирск: СибРО, 1997. 17 рис.
- Абрамов 2008 — «По праву сыновства»: Письма Б.Н. Абрамова к Е.И. Рерих // Культура и время. М., 2008. № 2. С. 17–25.
- Абрамов 2009 — *Абрамов Б.Н.* Путь Горний. Для голоса в сопровождении фортепиано: Нотный сборник. Новосибирск: ИЦ РОССАЗИЯ, 2009. 48 с.
- Абрамов 2012 — *Абрамов Б.Н.* Устремленное сердце: Сб. 3-е изд. Новосибирск: ИЦ РОССАЗИЯ СибРО, 2012. 640 с.
- Абрамовы 2017 — Стойкость духа: Письма Б.Н. и Н.И. Абрамовых к Н.Д. Спириной. 1961–1972. Новосибирск: ИЦ РОССАЗИЯ СибРО, 2017. 384 с.
- Анненко 2013 — *Анненко А.Н.* Харбинское Содружество: (штрихи к портрету явления) // Междунар. научно-практическая конф. «Рериховское наследие». Т. 11: Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи. СПб.: Изд. СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов», 2013. С. 340–345.
- Баренбойм, Захаров 2010 — *Баренбойм П., Захаров А.* Пакт Рериха в XXI веке. М.: Летний сад, 2010. 160 с.
- Башкова 2013 — *Башкова Н.В.* Преображение человека в философии русского космизма: монография. М.: Директ-Медиа, 2013. 273 с.
- Беликов, Князева 1972 — *Беликов П.Ф., Князева В.П.* Рерих. М.: Молодая гвардия, 1972. 256 с. (ЖЗЛ).
- Величко 2012 — *Величко Н.Н.* Путем йоги сердца // Свет Утренней Звезды. Новокузнецк, 2012. 30 июля. № 3 (86).
- Глушко 2012 — *Глушко А.В.* Неизвестный Лангемак. Конструктор «катюш». М.: Эксмо, 2012. 512 с.
- Горская 2009 — *Горская Е.* «Духом мы были едины...» // Восход. 2009. № 5 (181), май. С. 19–22.
- Грани — Грани Агни Йоги. 1951–1972 гг. Новосибирск: Алгим, 1993–2018.
- Густавссон 2014 — *Густавссон К.* Аландские острова и Первая мировая война // Консул. 2014. № 1 (36). С. 41–45.
- Данилов 1997 — *Данилов Б.А.* Весть принесший. Новосибирск: Алгим, 1997. 112 с.
- Деменко 2017 — *Деменко Т.М.* Борис Николаевич Абрамов и круг его общения на родине // Восход. 2017. № 7 (279), июль. С. 25–34.

- Знамя Мира 1934 — Знамя Мира. Русский комитет Пакта Рериха в Харбине: Отчет. Харбин, 1934. 25 с.
- Искры Света 2000–2009 — Искры Света: Из бесед Б.Н. Абрамова с Н.Д. Спириной. Вып. 1–8. Новосибирск: ИЦ РОССАЗИЯ, 2000–2009.
- Коновалова 2012 — *Коновалова Е.В.* Венев монастырь. Тула: Борус-Пресс, 2012. 140 с.
- Мельников 2013 — *Мельников В.Л.* Б.Н. Абрамов и Н.Д. Спирина по материалам архива Л.С. Митусовой // Междунар. научно-практическая конф. «Рериховское наследие». Т. 11: Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи. СПб.: Изд. СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов», 2013. С. 346–354.
- Мифы 1997 — Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Российская энциклопедия, 1997. Т. 1: А–К. 671 с.
- Молчанов 1960 — *Молчанов В.* Дар сибирскому городу // Правда. 1960. 16 октября. № 290 (15414). С. 6.
- Морозов и др. 1928 — *Морозов Н.И., Абрамов Б.Н., Сычев В.М., Калягин П.А.* Упрощенные методы исследования бобов и некоторых продуктов их переработки. Харбин: Типография КВЖД, 1928.
- Нижегородский дворянский институт 1913 — Нижегородский дворянский институт императора Александра II. 1913 учебный год. Париж: Изд. фирмы С. Случанский и Сын, 1913. 36 с.
- Новиков 2004 — *Новиков П.А.* Борьба за Забайкалье (март–ноябрь 1920 г.) // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-поп. альм. Екатеринбург: НИЦ «Белая Россия», 2004. № 14. С. 69–77.
- Новиков 2006 — *Новиков П.А.* Борьба за Забайкалье (март–ноябрь 1920 г.) // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-поп. альм. Екатеринбург: НИЦ «Белая Россия», 2006. № 15. С. 43–51.
- Петров — *Петров А.А.* Морские части адмирала Колчака на сухом пути. 1918–1920 гг. URL: http://old.bfrz.ru/cgi-bin/load.cgi?p=news/morskoyi_vecher_20_11_2006/petrov_20_11_2006.htm (дата обращения: 26.03.2018).
- Пучков 2010 — *Пучков Ф.А.* 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе. М.: Директ-Медиа, 2010. 137 с.
- Рерих 1995 — *Рерих Н.К.* Листы дневника: в 3 т. Т. 2. М.: МЦР, 1995. 512 с.
- Рудзитис 2002 — *Рудзитис Р.Я.* Встречи с Юрием Рерихом. Минск: УП «Лотаць», 2002. 224 с.
- Русский космизм 2012 — Русский космизм: философско-антропологический проект: сб. науч. статей. СПб: СПбГИЭУ, 2012. 456 с.
- Хейдок 1994 — *Хейдок А.П.* Радуга чудес. Рига: Виеда, 1994. 440 с.

НЕКРОПОЛЬ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

С.А. Бешанова, Е.Н. Ельцова

«МЫ ЛИШЬ ТЕНИ БЫЛОГО...»: ЗАХОРОНЕНИЯ С РУССКОЙ
ЭСКАДРЫ НА ХРИСТИАНСКОМ КЛАДБИЩЕ
ГОРОДА МЕНЗЕЛЬ БУРГИБА В ТУНИСЕ

...Из холодных снегов
В край цветущей весны
Мы пришли умирать.
И. Кнорринг¹. Беженцы

Истории Русского исхода Черноморского флота Российской империи посвящены исследования ведущих историков и специалистов дальнего зарубежья, разноаспектно раскрывающие судьбу русской эмиграции в Тунисе (А. Емелин, П. Науменко, Н. Кузнецов, М. Панова, Н. Черкашин и др.). Особого внимания заслуживает мемуарная литература, представляющая не только важные исторические сведения, но и личные переживания и восприятие пережитого (документальные повести о жизни русских беженцев в Африке В. фон Берга, Н. Кнорринга, А.А. Ширинской, дневник матроса крейсера «Генерал Корнилов» Алексея Брута, записки врача с госпитального судна «Цесаревич Георгий» Н. Ищенко и т. д.). Важную роль в восстановлении забытых имен играют биографические списки, справочники и мартирологи, в которых на основе архивных материалов и публикаций собраны биографические данные (К. Махров, А. Плотто, С. Волков, В. Лобыцын). Переиздана значимая книга русского зарубежья — «Бизертинский Морской сборник. 1921–1923» (2003), где приводятся документальные свидетельства и списки эвакуированных, описывается жизнь русских моряков и членов их семей в изгнании. Свидетельством того, что интерес к истории Русского исхода и к судьбам русских эмигрантов не угасает, являются издания «Люди русской эскадры» [Плотто 2015] и «Русская эскадра. Прощание с императорским флотом» [Емелин и др. 2015]. К сожалению, среди всего многообразия тем о Русском исходе в Бизерту остается не вполне описанной и систематизированной, с нашей точки зрения, важная тема — кладбища и отдельные захоронения русских беженцев² по всей стране. Без должного ухода многие могилы разрушаются, надписи сти-

¹ Кнорринг Ирина Николаевна (4 мая 1906, Елшанка Самарской губ. — 23 января 1943, Париж), поэтесса русского зарубежья, дочь преподавателя Морского корпуса (далее — МК) в Бизерте Н.Н. Кнорринга, автора книги «Сфаят» о жизни МК в Бизерте. В пятнадцатилетнем возрасте она эвакуировалась в Бизерту с родителями на борту линкора «Генерал Алексеев», около пяти лет жила в лагере Сфаят (см.: [Русская колония в Тунисе 2008, с. 290–291]).

² В своем дневнике И. Кнорринг пишет: «Что такое беженец? Беженец — это человек без отечества, без права, без состояния, без собственности. Бездомный скиталец, всем мешающий и бесполезный» [Кнорринг 2009, с. 250].

раются — так постепенно уходит в небытие российское историко-мемориальное наследие Русской эскадры.

Захоронения разбросаны по всей стране, так как в поисках работы русские эмигранты из лагерей (Айн-Драхам, Табарка, Монастир, Надор, Бен-Негро, Рара, Сен-Жан, Эль-Эйч и др.) отправлялись не только в ближайшие города — Тунис, Мегрин, Эль-Кеф, но и в центральные и южные регионы страны (Сусс, Кайруан, Сфакс, Гафса) [Русская колония в Тунисе 2008, с. 18–19], где их принимали в топографические, сельскохозяйственные, железнодорожные и строительные компании, в службу водоснабжения, на железные рудники, цементные заводы и фосфатные шахты, в Иностраннный легион. Изучая биографические справочники и списки захороненных, можно встретить упоминания разных городов и местностей, в том числе таких отдаленных, как Редеиф и Метляуи (районы фосфатных шахт), и южных территорий, пограничных с Ливией и Алжиром. Самые известные компактные захоронения русских находятся в г. Бизерта на европейском кладбище Уэд Аль Асель и в Тунисе на кладбище Боржель. К.В. Махров пишет:

В начале 20-х гг. XX века в городе Тунисе было три места захоронения для христиан: Бельведер, Беб-эль-Кафра (упразднено — теперь сквер) и Боржель, которое сохранилось до настоящего времени. Часть останков была перевезена с кладбища Бельведер в общие могилы на кладбище Боржель <...> остальные могилы утеряны» [Там же, с. 230].

Так, прах контр-адмирала М.А. Беренса³ был перенесен с кладбища в г. Мегрин (пригород столицы) на русский участок кладбища Боржель 30 мая 2001 г. Исчезают не только отдельные захоронения, но и целые кладбища, так как русские захоронения находятся на христианских муниципальных кладбищах страны, которые с течением времени закрываются, а в последующем попадают под снос и городскую застройку.

В настоящее время всего четыре русских захоронения в Тунисе входят в Перечень находящихся за рубежом мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2012 г. № 1551-р: в г. Тунисе на кладбище Бор-

---

³ Беренс Михаил Андреевич (29 (по другим источникам, 16) января 1879, Кутаис — 20 января 1943, Мегрин, пригород г. Туниса). Контр-адмирал (выпуск МК, 1898). Участник обороны Порт-Артура, награжден золотым оружием «За храбрость» и орденом Св. Георгия 4-й ст. Один из организаторов перехода Русской эскадры в Бизерту, был назначен младшим флагманом 2-го отряда эскадры. В Бизерте был командующим Русской эскадрой, заменив вице-адмирала М.А. Кедрова. После ликвидации эскадры (29 октября 1924 г.) служил землемером-топографом в сельскохозяйственной дирекции Туниса. Был уволен, т. к. не принял французское гражданство. Шил дамские сумочки, делал деревянные игрушки. Скончался 20 января 1943 г. в Мегрине и был похоронен на местном кладбище. 30 мая 2001 г. прах был перезахоронен на русском участке кладбища Боржель. В сентябре 2001 г. на могиле М.А. Беренса была установлена памятная плита, доставленная крейсером российского Черноморского флота «Москва». На плите высечены слова: «Россия помнит Вас» (см.: [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 391; Волков 1995–2016; Русская колония в Тунисе 2008, с. 246–247; Плотто 2015, с. 65]).

жель — могилы художника А. Рубцова⁴ и контр-адмирала М. Беренса, в г. Бизерта на кладбище Уэд Аль Асель — могила старшего лейтенанта, командира эскадренного миноносца (эсминца) «Жаркий» А. Манштейна⁵ (секция Н), на христианском кладбище г. Мензель Бургиба — могила полковника Н. Обосенко⁶ [Распоряжение Правительства РФ]. На наш взгляд, необходимо расширить этот список, дабы сохранить память о наиболее значимых людях русской эмиграции в Тунисе. Не менее важной и злободневной проблемой является и то, что полного списка всех захороненных в Тунисе русских, прибывших в 1920–1921 гг., и единообразного описания (инвентаризации) сохранившихся на данный момент некрополей Туниса, к сожалению, пока нет. Между тем создание электронного регистра или единой базы данных по русским захоронениям в Тунисе могло бы стать отдельным проектом в ходе подготовки юбилейных мероприятий, приуроченных к 100-летию Русского исхода (2020 г.). Подобные проекты уже существуют: например, электронный регистр военных некрополей, созданный общественной организацией MemorialGenWeb во Франции [Дыбов 2010, с. 383].

На данный момент имеется несколько разрозненных списков по захоронениям в Тунисе. Впервые «Список чинов морского ведомства, захороненных в Тунисе», составленный А.А. Смирновым, был включен в книгу А.А. Ширинской-Манштейн — дочери командира эсминца «Жаркий» А.С. Манштейна — «Бизерта. Последняя стоянка» [Ширинская 1999, с. 240–245]. Однако в нем представлены лишь офицеры Черноморского флота. Местом захоронения всех обозначен Тунис (имелась в виду страна, а не одноименный город, столица Тунисской Республики), который внес путаницу в последующие списки. Так, например, капитан 2-го ранга Н.А. Монастырев⁷ похоронен в 1957 г. на кладбище в г. Табарка, а вице-адмирал

---

⁴ Рубцов Александр Александрович (24 января 1884, Санкт-Петербург — 25 ноября 1949, Тунис). Художник-ориенталист. Приехал в Тунис в 1914 г. в качестве пенсионера петербургской Академии художеств. Был постоянным участником тунисского и парижского художественных салонов. Опубликовал ряд статей о старом Тунисе в журнале «Tunisie». Награжден тунисским орденом Почета (Nichan Iftikar) и орденом французской Академии художеств. Скончался 25 ноября 1949 г. от туберкулеза (по другим сведениям — от белокровия) (см.: [Махров 2008, с. 345; Панова 2008, с. 230–242]).

⁵ Манштейн Александр Сергеевич (22 июня 1888, Санкт-Петербург — 2 февраля 1964, Бизерта). Старший лейтенант (выпуск МК, 1908). Осенью 1918 г. был назначен командиром эсминца «Жаркий». Его стараниями и настойчивостью эсминец был эвакуирован в составе Русской эскадры. В Тунисе после ликвидации эскадры тачал сапоги, занимался чеканкой и выполнял поделочные работы (см.: [Русская колония в Тунисе 2008, с. 311–312]).

⁶ Обнаруженные нами автобиографические сведения об Н. Обосенко см. ниже.

⁷ Монастырев Нестор Александрович (1887, Москва — 13 февраля 1975, Табарка, Тунис). Капитан 2-го ранга, офицер-подводник. В Первую мировую войну служил на минном заградителе «Краб» и участвовал на нем в минировании Босфора, был командиром подводных лодок «Нерпа» и «Скат». Награжден георгиевским оружием. В составе Русской эскадры привел в Бизерту подлодку «Утка». С 1922 г. был начальником дивизиона подводных лодок в Бизерте и членом правления заемного капитала эскадры (1924). Основатель и редактор первого в эмиграции военно-морского журнала «Морской сборник» (1921–1923), который печатался в типографии подлодки «Утка». Был членом Исторической комиссии Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке. Автор ряда книг, посвященных истории русского морского флота. За свои литературные труды был удостоен «Пальмовой ветви» Французской академии (см.: [Русская колония в Тунисе 2008, с. 321; Бизертинский Морской сборник 2003, с. 541]).

А.М. Герасимов⁸ в 1931 г. в г. Бизерта. В книге К.В. Махрова, помимо статей и воспоминаний, представлен обширный биографический справочник об отдельных лицах — в основном моряках Черноморского флота и членах их семей, чьи судьбы оказались связаны с Тунисом после прибытия Русской эскадры⁹ в Бизерту в конце 1920 г. Составитель опирался не только на опубликованные мемуары, военно-исторические бюллетени «Часовой» и бюллетени Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке, но и на метрические книги православной церкви Воскресения Христова в Тунисе [Русская колония в Тунисе 2008, с. 229]. На основе различных метрических книг — как церковных, так и корабельных — М. Пановой составлены две сводные таблицы: «Сводная таблица регистрации актов гражданского состояния русской колонии Туниса за 1920–1969 гг.» (по данным церковных книг) и «Смертность среди русских эмигрантов в Тунисе за 1921–1930 гг. (на кораблях Русской эскадры, г. Бизерта, г. Тунис)» [Панова 2008, с. 261–267]. В приведенных таблицах указаны возраст, пол и причина смерти, но, к сожалению, приведены фамилии и имена не всех умерших, а лишь офицеров. На текущий момент метрические книги (первичный источник при поисковой работе)¹⁰, на которые ссылаются во многих исследованиях прошлых лет, не доступны широкому кругу современных исследователей, что значительно усложняет поиск данных и сверку фамилий. В 1999 г. во время поездки в Тунис капитан 2-го ранга В.В. Лобыцын составил список похороненных мужчин на кладбище Боржель, который также далеко не полный, туда не включены женщины и дети, прибывшие с Русской эскадрой, а также погребенные в братской могиле и на греческом участке [Лобыцын 2001]. И в «Списке захоронений соотечественников на кладбище в Бизерте на 1.06.2012», составленном клубом «Бизерта» и размещенном на сайте Фонда изучения культурного и исторического наследия А.А. Манштейн-Ширинской [Список захоронений в Бизерте 2012], имеются неточности: например, ошибочно включены фамилии захороненных с христианского кладбища в г. Мензель Бургиба (более 10 фамилий).

Данная статья посвящена первому году пребывания Русской эскадры в Тунисе и поисковой деятельности волонтерской группы соотечественников¹¹, которая

---

⁸ Герасимов Александр Михайлович (14 ноября 1861, Нерчинск — 11 марта 1931, Бизерта). Вице-адмирал (выпуск МК, 1882). Участник обороны Порт-Артура. Во время Гражданской войны служил начальником Морского управления при Главнокомандующем ВСЮР. Прибыл в Бизерту с Русской эскадрой. Был директором МК в Бизерте (см.: [Русская колония в Тунисе 2008, с. 262]).

⁹ Черноморский флот приказом генерала Врангеля за № 11 от 21 ноября 1920 г. был переименован в Русскую эскадру. Командующим эскадры был назначен старший флагман вице-адмирал М.А. Кедров, начальником штаба — контр-адмирал Н.Н. Машуков (см.: [Узники Бизерты 1998, с. 222]).

¹⁰ Сейчас метрические книги церковей Русской эскадры хранятся в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. Выписки по захороненным на кладбище г. Ферривиль были проведены и предоставлены авторам статьи историком А. Шугаевым.

¹¹ В поиске сведений о захороненных на кладбище г. Мензель Бургиба активное участие принимали *Горятинова Елена Михайловна*, преподаватель французского языка одного из государственных лицеев г. Туниса, *Кабешова Оксана Юрьевна*, заведующая библиотекой РЦНК в Тунисе, *Никитина Марина Львовна*, преподаватель английского языка, туристический гид, *Нещерет Марина Юрьевна*, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки.

ведется при поддержке Представительства Россотрудничества в Тунисе, по восстановлению сведений о захоронениях русского участка на христианском кладбище г. Мензель Бургиба (ранее Ферривиль). Это кладбище редко упоминается в вышеназванных списках, а фамилии захороненных с русского участка либо отсутствуют, либо местом их захоронения ошибочно указана Бизерта.

В период французского протектората в Тунисе (1881–1956) в удобной бухте Сиди-Абдалла¹² (Sidi-Abdallah, озеро Бизерта, Тунис) был основан военный порт и город Ферривиль, названный в честь французского министра Жюля Ферри (Ferry), ярко выступавшего за колониальную экспансию Туниса. Работы по созданию военно-морской базы в Сиди-Абдалла были начаты в 1899 г. и завершились в 1903 г. Гавань получила внушительных размеров: общая площадь — 86 га, длина северного причала — 1023 м, юго-восточного — 950 м, глубина — до 13 м во время отлива. В то же время был продрагирован канал длиной 2400 м, соединяющий внешнюю гавань с внутренней, и сооружен паромный мост длиной 97 м. Порт был оборудован доками, мастерскими, военным арсеналом, погрузочно-разгрузочной техникой, паровыми кранами на 1,5, 10 и 20 тонн и ангаром на 600 кв. м. До соединения с железной дорогой Бизерта — Тунис также была проложена железнодорожная линия общей протяженностью 1000 м. Рядом с арсеналом был построен «искусственный» порт для быстрой выгрузки войск и орудий и проведения морских минных и противоминных работ. Здесь же была сооружена оборонительная станция для укрытия торпедоносцев (см.: [Espitallier 1902]).

Русские корабли Российского Императорского флота, не раз заходившие в порт Бизерта, были хорошо знакомы с этой военно-морской базой. Так, 22–27 февраля 1902 г. для офицеров эскадренного броненосца «Император Николай I» французами было предоставлено два миноносца для осмотра нового порта в Сиди-Абдалла (см.: [Емелин и др. 2015, с. 54]). Данный порт имел стратегическое значение и, несомненно, был тесно связан с франко-русским военно-политическим союзом, который определял внешнюю политику двух государств в 1891–1917 гг. и противостоял Тройственному союзу во главе с Германией. Согласно двусторонним договоренностям Россия становилась активным рынком сбыта для французской военно-морской промышленности. В свою очередь, в Средиземном море должна была постоянно базироваться действующая эскадра Российского Императорского флота, а русские корабли — пополнять запасы топлива и проводить ремонтные работы в портах озера Бизерта. Гардемарин с линейного корабля «Генерал Алексеев», вспоминая свое пребывание в порту Сиди-Абдалла во время ремонта учебного судна, пишет:

В арсенале Сиди Абдалла два сухих дока были выстроены по чертежам русских инженеров согласно размерам наших дренаутов постройки 1912–1916 гг. На самом деле, по договору, подписанному в начале 1-й мировой войны министром Сазоновым и союзниками, Россия, в случае победы, должна была получить кроме Босфора и Дарданелл еще и Бизерту в качестве Русского

¹² В мемуарной литературе и публикациях, посвященных Русской эскадре, встречаются разные варианты написания данного топонима: Сиди-Абдалла, Сиди Абдалла, Сиди-Абдаллах, Сиди-Абдала.

Средиземного Форта, для дренаутов-крейсеров «Кинбург» и «Измаил» [Кадетская переписка 1976, с. 21].

Однако весь ход мировой истории был изменен. В 1920 г. озеро Бизерта с его внутренними бухтами, в том числе и военно-морским портом Сиди-Абдалла, был выбран французскими властями для стоянки российских военных кораблей, пришедших из Крыма. Во многом это было связано с франко-русскими договоренностями, наличием военно-морской базы и удобным расположением самого озера:

Озеро Бизерта представляет собой мелководный бассейн с наибольшей глубиной 11 м. Берега преимущественно низкие и заболоченные, местами встречаются холмистые и обрывистые участки. Вдоль берегов простирается отмель с глубиной менее 5 м, на которой отдельные скалы. В юго-западной части расположена гавань Сиди-Абдалла [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 513].

В конце 1920 — начале 1921 г. в тунисский порт Бизерта под командованием контр-адмирала М.А. Кедрова приходят 33 корабля Русской эскадры: два линкора, «Генерал Алексеев» и «Георгий Победоносец», крейсер «Генерал Корнилов», корабль-мастерская «Кронштадт», вспомогательный крейсер «Алмаз», 10 эскадренных миноносцев, 3 подводные лодки, 14 кораблей меньшего водоизмещения, корпус недостроенного танкера «Баку», буксиры, ледоколы и т. д. В ежемесячном оперативном рапорте штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры в Генеральный штаб Вооруженных сил Франции за декабрь 1920 г. указано:

Телеграмма министерства от 1 декабря одобрила направление в Бизерту русского военного флота <...>. Все русские корабли прибыли в Бизерту после перехода, который составил честь их командирам, учитывая, что экипажи кораблей были укомплектованы неопытными моряками [Русская военная эмиграция 1998, с. 268–269].

Корабли эскадры были разделены на четыре группы. По распоряжению французских властей они сопровождались кораблями французского флота (крейсер «Эдгар Кинэ», миноносец «Марокканец» и посыльные суда «Бар-ле-Дюк», «Изер», «Гяур» и «Араб») и прибыли в Бизерту под Андреевским флагом.

Эта мера была вызвана не только желанием облегчить радиосвязь, но, по мнению французов, чтобы избежать недоразумений в море, т. к. эскадра шла под Андреевским флагом, на что якобы с международной точки зрения ставится вопрос: «Андреевский больше не принадлежит государству, имеющему свою территорию?» [Русская колония в Тунисе 2008, с. 61].

На судах было примерно 5400 беженцев. Из воспоминаний А.А. Ширинской:

Рано утром 23 декабря 1920 года «Великий князь Константин» вошел в бизертский порт. Обогнув волнорыз, поврежденный немецкой миной, он шел

теперь вдоль канала <...>. «Константин» отдал якорь у противоположной стороны канала, у южного берега, который казался малонаселенным. Никто из беженцев не понимал, почему французы выбрали для стоянки именно это место [Ширинская 1999, с. 118].

Корабли направлялись во внутреннюю бухту Сиди-Абдалла, где располагались доки, мастерские, дезинфекционный пункт и военно-морской госпиталь. По прибытии корабли были поставлены на карантин.

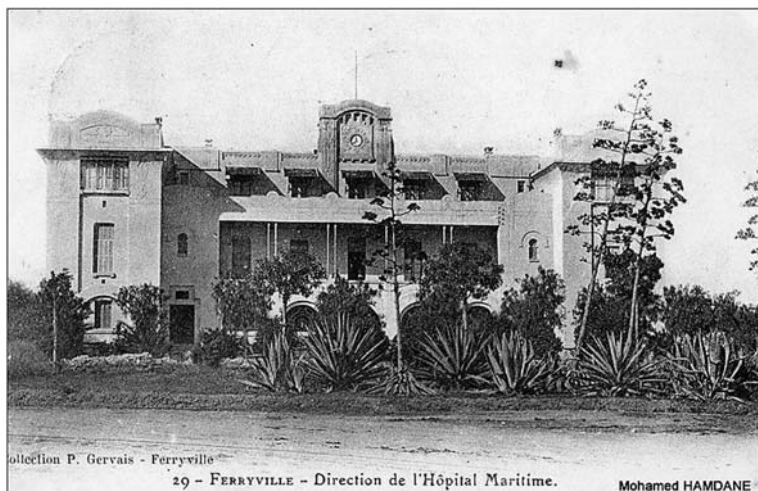
Ярко-желтые флаги взвились на мачтах. Французский карантин покрыл русские суда. Никто не смел съехать на берег, никто не смел приехать к нам. Что за болезнь была на эскадре? Оспа, тиф или чума? Нет! Не того опасались французы: от тифа, чумы — есть прививка. Мы шли из страны ужасной болезни: красной духовной проказы, вот этой заразы, пуще другой, боялись французы (цит. по: [Узники Бизерты 1998, с. 81]).

Карантин носил не только строгий санитарный характер, но и политический. Это отмечали и русские беженцы, и высшие чины эскадры. Приведем яркое замечание вице-адмирала М.А. Кедрова, который не мог свободно общаться с командирами прибывающих кораблей: «Мы выглядим, словно зачумленные, как ваши враги и пленники, хотя заслуживаем другого обхождения» [Русская военная эмиграция 1998, с. 293]. Вице-адмирал Фердинанд Жан-Жак Де Бон (de Bon), командующий французской Восточно-Средиземноморской эскадрой, писал в своем отчете:

<...> русские были болезненно поражены по прибытии в Бизерту строгостью мер предосторожности, предпринятыми в отношении их, будь то с точки зрения санитарного состояния или с точки зрения полицейских мер. Это впечатление было мне подтверждено командирами ледоколов (в составе 3-го отряда Русской эскадры шли вооруженные ледоколы «Илья Муромец», «Джигит», «Гайдамак» и «Всадник». — *Примеч. авт.*) по возвращении из Бизерты [Там же, с. 299–300].

Хотя санитарная обстановка в экипажах военных кораблей была неплохой, о чем свидетельствует и Де Бон, дезинфекцию проходили и люди, и корабли. Перед тем как перейти в лагерь, всех прибывших группами отправляли в военно-морской госпиталь Сиди-Абдалла для дезинфекции. Сама процедура была «довольно неприятной» и унижительной. В своих воспоминаниях А.А. Ширинская пишет:

<...> о госпитале Сиди-Абдаля у меня останется очень неприятное воспоминание. После почти холодной бани нас, женщин и детей, повели голыми через длинный и широкий коридор на раздачу госпитальной одежды: ночных рубашек или пижам, по выбору, пока дезинфицируют нашу одежду. Как унижительно показалось мне идти, как в стаде, по этому коридору, на глазах

*Военно-морской госпиталь Сиди-Абдалла. Ферривиль.
Из коллекции Mohamed Hamdane*

госпитального персонала, не всегда скрывающего свое любопытство! [Ширинская 1999, с. 123].

Тем не менее многие беженцы, прошедшие через лишения и холод, три дня, проведенные в госпитале, сравнивали с раем:

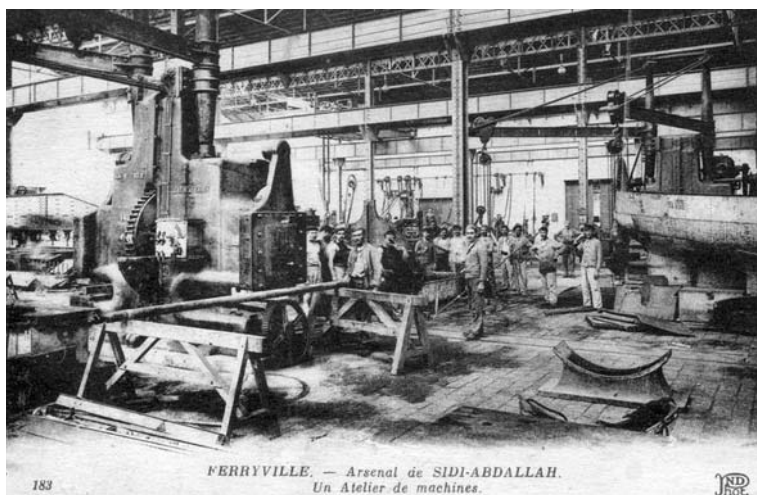
Там у каждого была чудная, мягкая кровать с белоснежными простынями. С теплыми одеялами, тарелка, ложка и кружка. <...> Французы относились к нам замечательно, и вообще эти три дня, что мы пробыли в госпитале, были для нас днями блаженства. <...> (26 января 1921 г.) [Кнорринг 2009, с. 230].

Приведем также воспоминание учителя МК в лагере «Сфаят» Н. Кнорринга:

Вкусная госпитальная еда <...>. Масса новых впечатлений, теплые дни, когда можно было сидеть без пальто на солнце, — все это успокаивало нервы, а когда вечером, откинув белые, пушистые одеяла, мы утонули в пружинах госпитальных кроватей и спали на чистых простынях, без всякой предварительной «регистрации», — хотелось подольше не уходить из этих простых больничных барачков [Кнорринг 1998, с. 135].

Все корабли также прошли дезинфекцию — были обработаны сернистым газом в порту Сиди-Абдалла «начиная с первых чисел февраля по 10 марта» [Емелин и др. 2015, с. 148]. В последующем русские корабли свозились на хранение и испытания артиллерийских и стрелковых боеприпасов в арсенал порта, а также распределялись по якорным стоянкам. Корабли стояли в бухтах Понти и Каруба в проливе Гуле-дю-Люк, в гавани Сиди-Абдалла в озере Бизерта, а «большой линей-

ный корабль “Георгий Победоносец” до 1925 г. стоял на западном берегу канала Бизерта, соединяющего одноименное озеро со Средиземным морем» [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 513]. По приказу морского префекта Бизерты вице-адмирала Габриеля Даррьё (Dargieus) об определении мест якорной стоянки русских военных кораблей и размещении их личного состава на берегу от 9 марта 1921 г. в Сиди-Абдалла находился вспомогательный крейсер «Алмаз», на борту которого была создана русская служба связи, куда входили капитан 1-го ранга В.А. Григорков (10 августа 1888 — 12 ноября 1965, кладбище Сет-Женевьев-де Буа, Париж), один инженер и один комиссар, которые совместно с контр-адмиралом Генерального штаба должны были «регулировать все вопросы проведения работ и заявок по консервации русских кораблей» [Русская военная эмиграция 1998, с. 312]. Корабли и суда вводились в сухие доки с июля 1921 г. по осень 1922 г. по четко установленному штабом эскадры порядку. Ремонтные работы производились в мастерских на линкоре «Генерал Алексеев», на крейсере «Генерал Корнилов» и в русской мастерской, организованной в арсенале Сиди-Абдалла, где работали рабочие, списанные с плавучей мастерской «Кронштадт» [Русская колония в Тунисе 2008, с. 66]. После распоряжения французского правительства о сокращении команды эскадры в русской мастерской осталось небольшое количество рабочих.

Арсенал Сиди-Абдалла. Мастерские. Из коллекции Mohamed Hamdane

В одной из мастерских Сиди-Абдалла работает наша партия мастеров из 14 человек под руководством инж<енера>-механика ст<аршего> л<ейтенан>та Шевченко¹³. Эта мастерская производит мелкий ремонт на-

¹³ Шевченко Герман Германович (1887–1967). Инженер-механик, старший лейтенант, руководил работами по мелкому ремонту русских судов в одной из портовых мастерских, позже заведовал русской ремонтной мастерской в порту Сиди-Абдалла. В феврале 1923 г. списан в лагерь Рара около Бизерты. В эмиграции во Франции. Умер в 1967 г. в Париже [Бизертинский Морской сборник 2015, с. 392; Волков 1995–2016].

ших судов и является единственной для нас. Она помогает командирам судов кое-как, с большим трудом поддерживать судовые механизмы, т. к. никаких средств ни на ремонт, ни на окраску судов не отпускается [Бизертинский Морской сборник 2015, с. 378].

Постепенно налаживалась жизнь, русские беженцы либо устраивались в лагерь, либо в поисках работы уезжали в близлежащие города: Тунис и Бизерту. В пригороде Ферривилия у местных землевладельцев русские арендовали участки для выращивания овощей. Летом 1921 г. устраивались футбольные матчи, личному составу на кораблях читались лекции на общие, военно-морские и нравственно-религиозные темы, ставились спектакли; оркестр с эскадры выступал на выходных в сквере Бизерты. Здесь же в бухте проводились гонки на яхтах [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 377–378]. Приведем рассказ Н. Монастырева о жизни русских моряков в изгнании в 6-м выпуске «Морского сборника» от августа 1921 г.:

Два раза был футбольный матч в Бизерте и Ферривиле. Оба раза наша команда выиграла у французов. Искренне желаем, чтобы спорт во всех видах развивался у нас на эскадре и чтобы личный состав принимал в нем возможно большее участие [Там же, с. 378].

Однако сам переход Русской эскадры из Крыма через Константинополь в Бизерту, первые дни и месяцы жизни на чужбине сопровождались не только изоляцией, дезинфекцией, болезнями, бытовыми трудностями, но и первыми потерями.

1921 год, особенно его первая половина, стал для эскадры тяжелым. С одной стороны, полная неопределенность ее положения и дальнейшего существования в начале, а также большой процент чуждых флоту людей, нервность и шаткость их настроения. С другой — стремление французских властей сократить штаты и распылить как можно больше русских по частным работам, ограничить передвижение русских даже в пределах Тунисского протектората [Кузнецов 2009, с. 190].

Все эти обстоятельства усугубляли моральное состояние беженцев. Приведем некоторые данные из документов ГПУ:

О состоянии умов в феврале–апреле 1921 года можно судить по следующим фактам: 4 случая самоубийства и 8 случаев умопомешанных. Наконец, были предприняты попытки к бегству <...>. Паровой катер с «Генерала Алексева» с пятью машинистами и инженером-механиком Жалитковым вышли на 13-тонном паровом катере в море, но из-за шторма должны были вернуться, посажены в тюрьму <...> были случаи смерти русских от голода при безработице (цит. по: [Русская колония в Тунисе 2008, с. 111]).

Представитель Российского общества Красного Креста П.П. Перфильев, побывав в Тунисе в июне–июле 1921 г., отмечал, что беженская масса предоставлена «самой себе, без всякого руководства и помощи в чужой стране, без знания языка и условий быта» [Из доклада П.П. Перфильева 1998, с. 76]. В своем докладе он также говорит о возможных программах трудоустройства, о необходимости обучения детей и предоставлении качественной медицинской помощи:

Медицинская помощь амбулаторно дается военными врачами, прикомандированными штабом эскадры. Работа этих врачей ничем не оплачивается. Обыкновенно при каждом лагере существует военный французский госпиталь, куда поступают тяжело больные; для ухода за ними и лечения при этих лазаретах находятся русские доктора и сестры милосердия, работающие также бесплатно. Вследствие такого положения вещей медицинская помощь поставлена плохо: врачи и сестры часто меняются, уходя на заработки, ничего общего не имеющие с медициной [Там же, с. 70].

Те же русские беженцы, которые в поисках работы покидали лагерь, лишались всякой бесплатной медицинской помощи. В книге М. Пановой, где приводятся данные церковных метрических книг, в 1921 г. зафиксировано 42 смерти, а по корабельным книгам — 31. Возраст умерших варьируется от 8 дней до 63 лет. Указаны разные причины смерти: у детей — дизентерия, круп и воспаление легких, у взрослых — тиф, туберкулез, лихорадка, паралич сердца, несчастные случаи (задавлен машиной, утонул, отравление газом, солнечный удар) и самоубийство. В 1922 г. по корабельным книгам зафиксировано 29 смертей, по церковным — 31. И причины смерти уже несколько другие. Например, причинами детской смерти названы менингит, воспаление легких и слабость, у взрослых — туберкулез, чихотка, воспаление печени и др. [Панова 2008, с. 261–264]. Самыми уязвимыми из этой еще не вполне сформированной русской диаспоры были раненые, больные, пожилые и новорожденные дети.

На местном христианском кладбище г. Ферривилия и, предположительно, на территории госпиталя Сиди-Абдалла с января 1921 г. начали появляться первые русские захоронения. Во французском журнале «L'Afrique du Nord illustré» («Северная Африка иллюстрированный <журнал>») отмечается, что ферривильское кладбище является одним из самых больших в Тунисе по числу сербских военных захоронений, где их насчитывается около трех тысяч. Здесь же покоятся раненые, моряки с подбитых кораблей, а также беженцы, эвакуированные в Бизерту (см.: [Dridi]). На центральной аллее этого кладбища возвышается сербский мемориал-оссуарий, спроектированный генералом Габриэлем Долотом (Dolot) в греческом стиле, который был торжественно открыт в 1920 г. [Les tombes militaires 1924, р. 41–43]. Слева от него расположены сербские захоронения времен Первой мировой войны (1054 могилы). Н. Кнорринг в повести «Сфаят» писал:

После разгрома сербские войска частью эвакуировались в Бизерту — в некотором роде они были нашими предшественниками, значит, и здесь, по ла-

Сербский мемориал. Фотография авторов. 11 марта 2018 г.

*Крупнейший сербский военный некрополь в Тунисе, в г. Мензель Бургиба.
Фотография авторов. 11 марта 2018 г.*

герям, в тоске по родине и с болью военной неудачи умирали от полученных ран. На кладбище они, как на параде — длинная шеренга крестов... (цит. по: [Узники Бизерты 1998, с. 159]).

Русский участок находится при входе на кладбище, с правой стороны от центральной аллеи, неподалеку от сербского. Однако контраст между сербским некрополем и русским участком разителен. Сербский разделен на несколько сек-

торов с большой площадкой по центру, с флагштоком для проведения ежегодных церемоний, с большой мраморной стеной со списком захороненных. Надгробия выполнены в виде единообразных крестов-шпаг (модель была разработана организацией «Французское воспоминание» («Souvenir Français»)) и отлита из чугуна для всех сербских могил в Тунисе [Les tombes militaires 1924, р. 53]), где пронумерованные металлические таблички установлены и на крестах, и на их основаниях. Русский же участок, без каких-либо указателей ни при входе на кладбище, ни на ведущей к нему дорожке, зарос травой и кустами. Вот это и подвигло группу волонтеров-энтузиастов к приведению участка в достойный вид и поисковой деятельности. Первый этап работы практически завершен: русский участок кладбища в этом городе за 2,5 месяца теперь ухожен благодаря пожертвованиям наших соотечественников и активной поддержке Представительства Россотрудничества в Тунисе, но поиски биографических сведений еще продолжаются.

На этом участке кладбища компактно расположены 35 русских захоронений, имена сохранились лишь на 22 плитах. Возможно, их было здесь больше. Русские могли быть похоронены и в других местах кладбища, и, предположительно, на территории госпиталя. Почти все захоронения датируются 1921 г. и, несомненно, связаны с историей Русского исхода, с первыми месяцами жизни в изгнании. Восстановительные работы на этом участке были проведены посольством РФ в начале 2000-х гг., и тогда на новые мраморные надгробия были перенесены с могильных металлических табличек разрушенных крестов все имеющиеся данные. Фамилии и име-

Русский участок кладбища в г. Мензель Бургиба. Фотография авторов. 17 декабря 2018 г.

Русский участок кладбища в г. Мензель Бургиба после ремонтных работ. Фотография авторов. 11 марта 2018 г.

Надгробие Sesviatsky Voldemar / Aspiran off / Russe / 4.11.1921. Фотография авторов. 11 марта 2018 г.

Надгробие Ertchikoff Alexandre / Soldat / Russe / 4.6.1921. Фотография авторов. 11 марта 2018 г.

на на плитах приведены во французской транслитерации, нередко в искаженном виде, иногда отсутствует и имя, указана дата смерти / похорон. На всех могилах отсутствует дата рождения, но указано воинское звание и принадлежность к России (Russe). Вероятно, при регистрации и переводе документов на французский русские фамилии и имена записывались со слуха. В последующем из-за долгого нахождения в земле первоначальные металлические таблички сильно пострадали и, со слов тунисского мастера, проводившего ремонтные работы, их было сложно отчистить и прочесть, что также могло привести к изменениям и искажениям данных. Особенно это касается первых букв фамилий. Например: **Sesviatsky / Voldemar / Aspiran off / Russe /**

Надгробие Phoguelairf / Lieutenant / Russe / 13.7.1921. Фотография авторов. 11 марта 2018 г.

4.11.1921¹⁴ — предположительно, *Всесвятский Владимир*; *Ertchikoff / Alexandre / Soldat / Russe* / 4.6.1921 — предположительно, *Терчков Александр*; *Phoguelairf / Lieutenant / Russe* / 13.7.1921 — предположительно, *Фогелер Федор* и др.

Компактное расположение захоронений в четыре ряда и даты на плитах помогли нам в некоторой степени восстановить очередность захоронений и обстоятельства смерти, связанные с событиями на Русской эскадре. Первые захоронения датируются 6, 7 и 10 января 1921 г. и связаны с приходом в порт Сиди-Абдалла госпитального судна «Цесаревич Георгий». Он вышел из Ялты 1 ноября 1921 г., на его борту находился 1841 эвакуированный [Кузнецов 2009, с. 409]. По пути часть больных и раненых была оставлена в Константинополе и в Греции в местных госпиталях в Пирее и в Афинах, а оставшиеся были направлены в Бизерту вслед за Русской эскадрой. «Цесаревич Георгий» прибыл 5 января 1921 г. под флагом Красного Креста. На нем находилось 449 госпитализированных офицеров и солдат, 90 человек медперсонала с семьями [Русская колония в Тунисе 2008, с. 71]. Врач Н.З. Ищенко¹⁵ в своем дневнике так повествует о трагическом переходе на корабле:

Пароход был набит людьми до невозможности. Духота внутри парохода и холод снаружи на палубе. Грязь, вонь, паразиты внутри; на палубе потоки воды от дождей <...>. В каюте на пять человек помещалось двенадцать и более. Коридоры, проходы были заняты телами. А что делалось в уборных?! Это был ужас: это были бесконечные страдания больных, стоящих в вонючих коридорах в очереди (цит. по: [Там же, с. 114–115]).

Больных в вагонах направляли в бараки военно-морского госпиталя Сиди-Абдалла, где лечились офицеры, матросы и солдаты в течение 1921–1922 гг. «К 1 декабря 1921 г. в госпитале Сиди-Абдалла числилось 26 морских офицеров и 27 матросов» [Шугаев 2011, с. 110]. В дальнейшем выздоровевшие переводились в лагерь Надор близ Бизерты. В отчете от 25 января 1921 г. (архив А.Ф. Ульянина) говорится, что медперсонал и часть приехавших офицеров на «Цесаревиче Георгии»

поступили санитарями во французский госпиталь ухаживать за своими же русскими ранеными. Французы требуют работы интенсивной и толковой. Невежд и ленивых немедленно отчисляют. <...> Доктора обходят палаты, ос-

¹⁴ На надгробии сведения даны в разбивку в несколько строк: фамилия, имя, воинское звание, слово «Russe», в правом нижнем углу плиты указана дата смерти / похорон.

¹⁵ Ищенко Николай Захарович (5 мая 1882, дер. Барвинково Харьковской губ. — 31 декабря 1972, Париж). Врач. Окончил медицинский факультет Харьковского университета. Работал земским врачом Мариупольского уезда, затем младшим врачом в Обществе Красного Креста в Ялте. В 1916–1920 гг. был врачом санатория «Здравница». Эвакуировался в Бизерту с Русской эскадрой на пароходе «Цесаревич Георгий», с февраля по октябрь 1921 г. находился в лагере Руми, где открыл амбулаторию по обслуживанию русских из близлежащих лагерей. В октябре 1921 г. совместно с врачами С.И. Жуковым и П.С. Соловьевым открыл больничную кассу взаимопомощи русских беженцев и Русскую поликлинику с четырьмя хирургическими койками. Позднее уехал работать врачом на север страны, на стройку плотины в Сиди-Бу-Бакер. Вернулся в Тунис и продолжал работать врачом (см.: [Русская колония в Тунисе 2008, с. 287]).

матривают всех, у кого есть потребность, отношение к больным самое внимательное [Русская колония в Тунисе 2008, с. 87–88].

Остальной медперсонал после дезинфекции направляли в лагерь Руми. Из воспоминаний Н.З. Ищенко:

Нас тоже туда направили, но в лагерь, за колючую проволоку. Нас вымыли, обстригли, одежду снова продезинфицировали паром (вшей все же не убили) и поместили в чистые бараки, хорошо накормили, и мы уснули как убитые (цит. по: [Там же, с. 118]).

Медперсонал также был причислен к «беженцам» и полностью подчинялся приказам французского ведомства. Во время пребывания в госпитале Сиди-Абдалла русскими врачами был выпущен первый номер сатирикона под названием «Утром — чай, вечером — чай, сиди в Абдаллах и не скучай». Проиллюстрируем статью отрывком из стихотворения Н.З. Ищенко «Средиземное море», описывающим жизнь русских в первые месяцы эмиграции в Ферривиле:

В Ферревилле-городке
В Сиди-Абдаллах-бараках,
Разместились мы там все
После стрижки, бани в баках.
А бараки были чисты
И кровати хороши,
Накормили, были сыты
И уснули... не буди!

Лагерь наш большой, просторный,
Огорожен весь кругом,
Мы за проволокой тюремной,
Стража строга и с ружьем.
В город нас не отпускают,
Точно деток рассажали,
Книг, бумаги не дают.
Будто детский здесь приют.
(цит. по: [Там же, с. 123–124]).

В лагере Руми была организована амбулатория по оказанию медицинской помощи русским из лагерей в горах около Бизерты (Сен-Жан, Надор, Эль-Эйч, Рара). Из стихотворения Н.З. Ищенко: «Скоро всех нас разбросали / На старинных здесь фортах, / В Аин-Руми врачей услали, / “Инфермери-Рюсс” — у всех на устах» [Там же, с. 124]. Впоследствии одни врачи уехали, а другие вели врачебную практику в Тунисе (например, В.И. Бологовской, Б.А. Золотилов, П.С. Соловьев, Б.А. Кораблев и др.). К сожалению, судьба этих врачей забыта, да и могилы либо находятся в плачевном состоянии, либо утеряны. Эта тема также требует более глубокого и всестороннего дальнейшего исследования.

В «Бизертинском Морском сборнике» помещен первый список умерших русских с госпитального судна «Цесаревич Георгий» (14 человек, из них 4 умерли в пути) и прибывших в Бизерту с Русской эскадрой (23 человека) [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357–358]. В этом списке приводятся фамилии офицеров, матросов, солдат, женщин, новорожденных и мертворожденных детей, а также указаны даты смерти / похорон с примечаниями: умер в пути, умер в госпитале от ранений и их последствий, умер в лагере... Диагнозы: брюшной тиф, зараже-

ние крови от ран, паралич, отравление газами в цистерне подводной лодки, самоубийство, несчастный случай во время шторма, чума бубонная. Сразу же после прихода госпитального судна умершие в пути были похоронены на местном христианском кладбище Ферривилия. Местоположение захороненных с госпитального судна «Цесаревич Георгий» по списку «Морского сборника» от августа 1921 г. волонтерской группой установлено. Из списка Русской эскадры от августа 1921 г. на надгробиях сохранились фамилии троих: **Bienkof / Paul / Eleve officier / Russe / 21.2.1921** — предположительно, **Бирюков Павел**; **Gelichouk / Andre / Matelot / 5.3.1921** — предположительно, **Желтюк (Желчук) Андрей**; **Sourbouliia / Victor / Enfant de troupe / 3.7.1921** — предположительно, **Бурбуль**, рабочий с корабля-мастерской «Кронштадт», умерший от чумы в 1921 г.

Во многих источниках и литературе о Русской эскадре говорится о несчастном случае во время шторма. 12 (13) февраля 1921 г. во время перехода большого линейного корабля «Георгий Победоносец» «самопроизвольно отделились (выскочили из креплений) найтовы (тросы) стрел на фок-мачте. Размахами стрел были убиты два офицера — старший штурман лейтенант А.П. Ставицкий и армейский капитан А. Нестеров, исполнявший должность боцмана [Кузнецов 2009, с. 163]. Во всех имеющихся списках указано, что тела доставили в Сиди-Абдалла 15 февраля 1921 г. и похоронили на кладбище Ферривилия. Согласно архивной справке, предоставленной посольством Франции в Тунисе, могилы А. Нестерова и А. Ставицкого распложены среди безымянных надгробий второго ряда с правой стороны (надгробия № 12, 13).

Весной на кораблях Русской эскадры была вспышка тифа. На линейном корабле «Генерал Алексеев» обнаружили больного тифом. Другим кораблям запретили сообщение не только с берегом, но и между собой. Несколько случаев заболеваний, по некоторым симптомам похожих на тиф, были отмечены и на других кораблях [Емелин и др. 2015, с. 148]. По данным сводной таблицы «Смертность среди русских эмигрантов в Тунисе» за 1921 г., от тифа скончалось 5 человек [Панова 2008, с. 263]. Умерших от тифа хоронили как на кладбище в Ферривиле, так и в Бизерте.

В июле 1921 г. была вспышка бубонной чумы на крейсере-мастерской «Кронштадт». Матрос крейсера «Генерал Корнилов» Алексей Брут пишет в своем дневнике:

Второе июля. На эскадре бубонная чума. На транспорте «Кронштадт» три смертных случая от чумы и еще восемнадцать больных. «Кронштадт» сразу изолировали, отвели в озеро и поставили в карантин [Дневник А. Брута].

Эти дневниковые записи подтверждаются и словами Н. Монастырева:

В июне месяце на транспорте «Кронштадт» были случаи заболеваний бубонной чумой, транспорт был уведен в Сиди-Абдалла, изолирован и продезинфицирован. Из его состава умерло 8 человек, на других судах случаев заболевания не было, и эпидемия далее не распространилась (цит. по: [Русская колония в Тунисе 2008, с. 93]).

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ МОГИЛ
НА РУССКОМ УЧАСТКЕ КЛАДБИЩА г. МЕНЗЕЛЬ БУРГИЯ

KIRIEFF NESTOR 35	BLACHOFF TIIHONÉ 34	KAPTARIE VOLDEMAR 33	BOGATSCHOFF EMILIAN 32	SESVIATSKY VOLDEMAR 31	PHOGUELAIRF 30	COUBENKO EGNACE 29	28
SERGEANT MAJOR RUSSE 27.1.1921	SOUS LIEUTENANT RUSSE 29.9.1929	CAPITAINE INF 30.8.1922	OFFICIER RUSSE 7.8.1921	ASPIRAN OFF RUSSE 4.11.1921	LIEUTENANT RUSSE 13.7.1921	MATELOT MECANICIEN RUSSE 5.7.1921	
27	T'CEBINA HILARION 26	25	SOURBOULLIA VICTOR 24	KOUTCHERENKU GREGORIY 23	ERTCHIKOFF ALEXANDRE 22	RICK MICHEL 21	MINOUTROFF GEORGES 20 19
	MATELOT RUSSE 4.7.1921		ENFANT DE TROUPE 3.7.1921	SOUS CAPITAINE RUSSE 21.6.1921	SOLDAT RUSSE 4.6.1921	LIUETENANT RUSSE 4.5.1921	SOLDAT RUSSE 8.4.1921
18	17	GELICHOUK ANDRE 16	15	BIENKOF PAUL 14	13	12	11 10
	MATELOT RUSSE 5.3.1921			ELEVE OFFICIER RUSSE 21.2.1921			
9	MOUSRAEF ERINGENE 8	WESTERMAN FREDERIC 7	DIMITRIEF VOLDEMAR 6	ZENALOFF 5	MARTINOF JEAN 4	BORISSOFF MICHEL 3	OBOSENKO NICOLA 2 1
	SOLDAT RUSSE 25.1.1921	LIEUTENANT RUSSE 19.1.1921	LIUETENANT VAISSEAU RUSSE 19.1.1921	SOLDAT RUSSE 7.1.1921	SOLDAT RUSSE 10.1.1921	CAPITAINE RUSSE 6.1.1921	COLONEL RUSSE 6.1.1921

Весь личный состав корабля-мастерской был распределен по другим судам. Сам «Кронштадт» после дезинфекции удушливым газом и впоследствии под предлогом дальнейшей и более полной дезинфекции без русской команды был уведен в Тулон, переименован в «Вулкан», после чего сразу же начал эксплуатироваться французским морским ведомством.

Транспорт «Кронштадт» — плавучая мастерская — уведен французами в Тулон и, по-видимому, останется там для обслуживания французского флота. Пожалуй, только это судно является единственной по своему великолепному оборудованию мастерской. Из русской команды на нем, к сожалению, никого не оставлено. Для эскадры уход «Кронштадта» является большой потерей [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 378].

Такой быстрый отвод уникального в своем роде корабля-мастерской породил среди эмигрантов массу подозрений:

«Кронштадт» стоит под желтым флагом, не ушел в озеро. Там чума. Трое или четверо уже умерли, больных — двадцать. Говорят, что в одной из американских присылок на «Кронштадт» была дохлая крыса, которая и принесла чуму. Предполагают даже, что это проделка большевиков. Еще новость: с эскадры срочно удирают все крысы. К добру ли?.. (5 июля 1921 г.) [Кнорринг 2009, с. 250].

В списке «Морского сборника» приводятся следующие фамилии людей, умерших от бубонной чумы: баталер Туррутин, рабочий с «Кронштадта» Бурбуль, поручик Алексей Михайлович Куковский [Бизертинский Морской сборник 2015, с. 358]. В «Списке прибывших в Тунис с Русской эскадрой и умерших 1921–1922 гг.» К. Махров также перечисляет погибших с «Кронштадта»: Бурбуль, Куковский Алексей Михайлович, Никош Пьер, Таранин (Тарутин) Сергей Иванович [Русская колония в Тунисе 2008, с. 425–432]. Фамилия Таранина (Тарутина) есть на братской могиле христианского кладбища г. Бизерта (Taroûpine S.) [Список захоронений в Бизерте 2012]. Из всех приведенных фамилий на русском участке кладбища Мензель Бургиба сохранилось надгробие рабочего Бурбуля (на надгробии № 24 стоит фамилия *Sourboulia*). Могилы остальных располагаются в третьем и четвертом рядах среди безымянных.

Надгробие *Sourboulia / Victor / Enfant de troupe / Russe / 3.7.1921*. Фотография автором. 11 марта 2018 г.

Восстановлению фамилий безымянных могил существенно помог архивный документ, предоставленный в мае 2018 г. посольством Франции в Тунисе, в котором имеется весь список похороненных русских на кладбище г. Ферривиль с номерами плит, воинскими званиями и датами смерти / похорон [Etat Nominatif]. К сожалению, проведенные 20 лет назад ремонтные работы без предварительной поисковой деятельности привели к тому, что современные надписи на надгробиях в некоторых случаях не соответствуют списку, особенно в 3-м и 4-м рядах.

К настоящему времени на основе сверки имеющихся биографических списков, мартирологов и архивных документов удалось предположительно установить имена и биографические сведения практически всех, захороненных на христианском кладбище г. Ферривиль:

Первый ряд (расположение могил справа налево):

(№ 1)¹⁶ **Безымянная могила** (1. *Samoëloff Georges / Soldat Russe / 31.12.1920*)¹⁷

Самойлов Георгий, ребенок 5 дней, умер 30 декабря 1920 г. [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Плотно 2015, с. 358]. В архивном списке (вероятно, по аналогии с другими захороненными) ошибочно указан солдатом.

(№ 2) **Obosenko / Nicola / Colonel / Russe / 6.1.1921**¹⁸ (2. *Obosenko Nicolas*)

Обозненко (Обозенко) Николай Ефграфович¹⁹. Полковник, родился в 1866 г. В службе с 1887 г., офицером с 1890 г. Есаул (1902–1913). Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер около 6 января 1921 г. на пути из Константинополя в Бизерту [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Плотно 2015, с. 314; Русская колония в Тунисе 2008, с. 429; Список захоронений в Бизерте 2012]. В Перечне находящихся за рубежом мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение, его фамилия указана как Обосенко.

(№ 3) **Borissoff / Michel / Capitaine / Russe / 6.1.1921** (3. *Borissoff Michel*)

Борисов Михаил. Капитан. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер во время перехода из Константинополя в Бизерту (погребен 6 января 1921 г.) [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Плотно 2015, с. 77; Русская колония в Тунисе 2008, с. 425].

(№ 4) **Martinof / Jean / Soldat / Russe / 10.1.1921** (4. *Martinoff Jean*)

Мартынов Иван. Рядовой. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер 9 января 1921 г. во время перехода из Константинополя в Бизерту [Бизертинский Морской

¹⁶ Номер надгробия.

¹⁷ Здесь и далее в круглых скобках приводятся сведения из архивного документа о русских захоронениях на кладбище г. Ферривиль, хранящегося в посольстве Франции в Тунисе. По безымянным захоронениям приводится все сведения, по остальным — номер захоронения, фамилия и имя и та информация, которая варьируется с записью на плите.

¹⁸ Здесь и далее жирным шрифтом приведена надпись на надгробии.

¹⁹ Приводятся все обнаруженные нами варианты написания фамилий и имен.

сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 276; Русская колония в Тунисе 2008, с. 428].

(№ 5) *Zenaloff / Soldat / Russe / 7.1.1921* (5. *Zenaloff Mohamed / 17.1.1921*)

Зенанов Магомет. Рядовой. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован в Бизерту на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Во всех списках указано, что скончался 16 января 1921 г. в морском госпитале в Сиди-Абдалла [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 173; Русская колония в Тунисе 2008, с. 427; Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 6) *Dimitrieff / Voldemar / Lieutenant vaisseau / Russe / 19.1.1921* (7. *Dimitrieff Voldemar*)

Информация противоречивая. В. Лобыцын говорит о **Дмитриево Георгии Константиновиче**, «МК (1906), который упоминается в пражском “Морском журнале” за ноябрь 1930 г. (№ 35)» [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357]. Однако на могильной плите сохранилось имя умершего — **Владимир**. О лейтенанте **Дмитриево Владимире** сведений не обнаружено. В имеющихся списках есть сведения о **Дмитриево Владимире**, матросе 1-й статьи, музыканте в Штабе командующего Русской эскадрой в декабре 1920 — апреле 1921 г. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Но так как на апрель 1921 г. он числился на крейсере «Генерал Корнилов», здесь идет речь о другом человеке [Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 147].

(№ 7) *Westerman / Frederic / Lieutenant / Russe / 19.1.1921* (6. *Westerman Frédéric*)

Вестерман Фридрих. Поручик. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован в Бизерту на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер 12 (18) января 1921 г. в морском госпитале в Сиди-Абдалла [Волков 1995–2016; Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Плотто 2015, с. 97; Список захоронений в Бизерте 2012]. В списках дата смерти варьируется — 12 /18 января 1921, в списке К. Махрова местом захоронения обозначена Бизерта [Русская колония в Тунисе 2008, с. 426].

(№ 8) *Mousraef / Eringene / Soldat / Russe / 25.1.1921* (8. *Mousraëff Eringene*)

Мусраев (Муфаев) Эринген (Эригон; Эриген). Рядовой. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован в Бизерту на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер 24 января 1921 г. в морском госпитале в Сиди-Абдалла [Бизертинский 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 299; Русская колония в Тунисе 2008, с. 429; Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 9) *Безымьянная могила* (9. *Glomnaskoff Dimitri / Colonel Russe / 8.2.1921*)

Глумасков (Глумаков) Дмитрий Яковлевич. Полковник. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище в 1909 г. Во ВСЮР в медперсонале транспорта № 7. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска в Константинополь на корабле «Владимир». В Русской армии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован в Бизерту на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер 7 февраля 1921 г. в морском госпитале в Сиди-Абдалла. [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 120; Русская колония в Тунисе 2008, с. 426; Список захоронений в Бизерте 2012].

Второй ряд:

(№ 10) **Безымянная могила** (10. *Stanilavky Alexis / Aspirant Russe / 8.2.1921*)

Станиславский Алексей (род. в 1897 г.). Учитель, юнкер флота. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев», затем с флотом в Бизерту. Матрос на транспорте «Добыча», умер от брюшного тифа 8 февраля 1921 г. [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016, с. 452; Плотто 2015, с. 411]. Числится похороненным на европейском кладбище г. Бизерта [Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 11) **Безымянная могила** (11. *Badakoff Eringene / Soldat Russe / 10.2.1921*)
Бадаков (Вадаков) Эринген. Солдат. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма, рядовой. Ранен. Эвакуирован в Бизерту на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер 9 февраля 1921 г. в морском госпитале в Сиди-Абдалла. [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Русская колония в Тунисе 2008, с. 426; Плотто 2015, с. 52, 89].

(№ 12) **Безымянная могила** (12. *Nesteroff Alexandre / Capitaine Russe / 15.2.1921*)
Нестеров Александр Петрович (26 лет). Поручик артиллерии. Во ВСЮР и Русской армии в составе экипажа линейного корабля «Генерал Алексеев» до эвакуации Крыма. Капитан. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Погиб 12–13 февраля 1921 г. на линейном корабле «Георгий Победоносец» под Бизертой. 15 февраля тело погибшего доставили в Ферривиль. Жена Елена Филициановна (эвакуирована туда же на пароходе «Константин») [Бизертский Морской сборник 2003, с. 358; Волков 1995–2016; Русская колония в Тунисе 2008, с. 429]. В списках К. Махрова и А. Плотто приводятся другие сведения о жене: Людмила Алексеевна (ок. 1878 — умерла в возрасте 72 лет, 18 августа 1950, Бизерта) [Выписки из метрических книг 2018; Плотто 2015, с. 306; Русская колония в Тунисе 2008, с. 463; Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 13) **Безымянная могила** (13. *Stavitzky Alexis / Lieut<enant> de vaisseau Russe / 15.2.1921*)

Ставицкий Александр (Алексей) Петрович (род. 5 октября 1888 г.). МК 1908 г., офицером с 1909 г. Произведен в лейтенанты 14 апреля 1913 г. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма; штурманский офицер линейного корабля «Георгий Победоносец». Погиб во время шторма 12 февраля 1921 г. на пути в Бизерту. Тело доставили 15 февраля. Жена Зинаида Александровна (ок. 1894) прибыла на линкоре в апреле–сентябре 1921 г. [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 358; Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 411; Русская колония в Тунисе 2008, с. 431; Список захоронений в Бизерте 2012]. Священник церкви лагеря «Надор» Петр Попов, не являясь очевидцем несчастного случая в море, в метрической книге указал неверную дату смерти А. Нестерова и А. Ставицкого — 14 февраля [Выписки из метрических книг 2018].

(№ 14) **Bienkof / Paul / Eleve officier / Russe / 21.2.1921** (14. *Birnkoff Poul / 24.2.1921*)

Предположительно, **Бирюков Павел Павлович.** Юнкер. Умер от заражения крови в госпитале Ферривили 24 февраля 1921 г. [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 358; Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 68; Русская колония в Тунисе 2008, с. 425; Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 15) **Безымянная могила** (15. *Jouzefovitch Antoine / Enseigne de vais<seau> Russe / 5.3.1921*)

Юзефович Оттон (Антон) Петрович. С 1 декабря 1918 г. в Морском училище во Владивостоке. 27 октября 1920 г. прибыл в Русскую армию в Севастополь на посыльном судне «Якут». Мичман. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Застрелился 2–3 марта 1921 г. в Бизерте [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 358; Волков 2004, с. 550; Плотто 2015, с. 486; Русские в Тунисе 2008, с. 432]. Числится похороненным на кладбище г. Бизерта [Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 16) **Gelichouk / Andre / Matelot / Russe / 5.3.1921** (16. *Geltchouk André*)

Желтюк (Желчук) Андрей Семенович (Луганск — 3 марта 1921, по другим источникам, 25 марта 1921). Матрос. Умер от тифа в госпитале Ферривилья [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 358; Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 162; Русская колония в Тунисе 2008, с. 427; Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 17) **Безымянная могила** (17. *Vassiliëff Alexandre / Soldat Russe / 25.3.1921*)
Васильев Александр Степанович (1897, Санкт-Петербург — 25 марта 1921). Солдат. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма, рядовой. Ранен. Эвакуирован в Бизерту на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер 25 марта 1921 г. в морском госпитале в Сиди-Абдалла, 24 года [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Махров 2008, с. 426; Плотто 2015, с. 91].

(№ 18) **Безымянная могила** (18. *Volkoff Jean / Elève Ecole Navale / 29.3.1921*)

Волков Иван Тихонович (1905, ст. Кавказская — 28.03.1921). Кадет 7-й роты МК. 16 лет. Тяжело ранен в июле–сентябре 1920 г. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Умер от заражения крови после боевого ранения [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 358; Плотто 2015, с. 102; Русские в Тунисе 2008, с. 426]. Числится похороненным на кладбище г. Бизерта [Список захоронений в Бизерте 2012].

Третий ряд:

(№ 19) **Безымянная могила** (19. *Minguiroff Georges*). Сейчас эта фамилия написана на надгробии № 20.

(№ 20) **Minoutroff / Georges / Soldat / Russe / 8.4.1921** (19. *Minguiroff Georges*).

Менжиров (Монгирев; Менчижский) Георгий Иванович (1898 (?) — 8 апреля 1921, Ферривиль). Возраст 23 года. Поручик на линкоре «Генерал Алексеев» [Плотто 2015, с. 284; Русская колония в Тунисе 2008, с. 429; Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 21) **Rick / Michel / Lieutenant / Russe / 4.5.1921** (20. *Rick Michel / 11.5.1921*).

Во всех имеющихся списках приводится одинаковая информация на две близкие по созвучности фамилии: **Рейх Михаил** и **Рык Михаил**. На наш взгляд, речь идет об одном и том же человеке.

Рейх / Рык Михаил Семенович (1899, Могилев — 11 мая 1921 г.). Поручик. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован в Бизерту на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер 11 мая 1921 г. в морском госпитале в Сиди-Абдалла [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Махров 2008, с. 430; Русская колония в Тунисе 2008, с. 430; Список захоронений в Бизерте 2012].

В метрической книге церкви лагеря «Надор» (священник Петр Попов) приведена запись о подпоручике 1-го офицерского полка им. генерала Маркова **Михаиле Семеновиче Рыке** (25 лет), который скончался 10 мая 1921 г. от туберкулеза и был похоронен на кладбище Ферривилья [Выписки из метрических книг 2018].

№ 21 (21) *Zvezdini Nicolas / Lieut<enant> Infanterie/ 28.5.1921*²⁰.

Звездин Николай Николаевич (1895, ст. Есаульская Донской обл.). Казак 6-го Ермаковского конного полка, поручик, умер в госпитале Ферривилья от ран, 26 лет. Похоронен 28 мая 1921 г. [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Выписки из метрических книг 2018; Плотто 2015, с. 171; Список захоронений в Бизерте 2012]. В списке К. Махрова указана другая дата похорон — 30 апреля 1921 г. [Русская колония в Тунисе 2008, с. 427].

(№ 22) *Ertchikoff Alexandre / Soldat / Russe / 4.6.1921 (22. Tertchikoff Alexandre)*

Предположительно, **Терчков (Терчкаев) Александр Николаевич** (1900, ст. Ольгинская Терской обл. — 5 июня 1921, Ферривилья). Казак 3-го Терского полка. Умер в госпитале Сиди-Абдалла, 21 год [Выписки из метрических книг 2018; Русская колония в Тунисе 2008, с. 431].

(№ 23) *Koutcherenku / Gregoriy / Sous capitaine / Russe / 21.6.1921 (23. Koutchérenko Grégoire)*

Кучеренко Григорий Васильевич (Таганрог, 27 лет). Штабс-капитан 8-го железнодорожного полка. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован в Бизерту на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер 10 июня (по другим источникам, 19 июня) 1921 г. в военно-морском госпитале Сиди-Абдалла от туберкулеза [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Выписки из метрических книг 2018; Плотто 2015, с. 245; Русская колония в Тунисе 2008, с. 428; Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 24) *Sourboulia / Victor / Enfant de troupe / Russe / 3.7.1921 (24. Sourboulia Victor)*

Предположительно, **Бурбуль**. Рабочий на корабле-мастерской «Кронштадт», умер от чумы в июле 1921 г. (по другим источникам, 25 августа 1921 г.) [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 358; Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 86; Русская колония в Тунисе 2008, с. 426; Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 25) **Безымянная могила** (25. *Kiriëff Nestor/ Sergeant Major 27.1.1921*). Сведения о Кирееве Несторе приводятся ниже (№ 35).

(№ 26) *Tcherbina / Hilarin / Matelot / Russe / 4.7.1921 (26. Koukososki Jean / Sous Lieut<enant> / Russe / 4.7.1921)*.

Куковский Иван Васильевич (г. Сороки Бессарабской губ., 38 лет, из мещан). Поручик. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован с эскадрой в Бизерту, кладовщик корабля «Кронштадт». Умер от чумы в июле 1921 г. Жена Анастасия [Волков 1995–2016; Выписки из метрических книг 2018].

(№ 27) **Безымянная могила** (27. *Tcherbina Hilarion / Matelot Russe / 4.7.1921*).

Щербина Илларион, информация о нем не обнаружена.

²⁰ В третьем ряду во время ремонтных работ в начале 2000-х гг. произошло смещение, из-за чего могила лейтенанта Звездина Николая считалась среди безымянных.

Четвертый ряд:

(№ 28) **Безымьянная могила** (28. *Artemenko Joseph / Ouvrier Russe / 5.7.1921*)

Артеменко Иосиф Епифанович, мастер литейной мастерской на транспорте «Кронштадт» в декабре 1920 г. [Плотто 2015, с. 45]. В других источниках сведений не обнаружено.

(29. *Nikoch Pierre / Matelot Russe/ 5.7.1921*)

Никош Пьер (Петр), матрос, горнист вооруженного ледокола «Джигит». Умер от бубонной чумы на корабле-мастерской «Кронштадт» [Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 310; Русские в Тунисе 2008, с. 429]. Числится похороненным на кладбище г. Бизерта [Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 29) **Coubenko / Egnace / Matelot Mecanicien / Russe / 5.7.1921** (30. *Goubenko Ignace / 7.7.1921*)

Губенко (предположительно, **Игнатий**) — на вооруженном ледоколе «Гайдамак», в декабре 1920 г. сигнальщик [Плотто 2015, с. 135]. В метрической книге церкви лагеря «Надор» (священник Петр Попов) указано, что **Губенко Игнатий Самуилович** (Екатеринославская губ.), 51 год, умер от грыжи после операции 3–4 июля 1921 г. [Выписки из метрических книг 2018].

(№ 30) **Phoguelairf / Lieutenant / Russe / 13.7.1921** (31. *Phoguélair / 18.7.1921*)

Фогелер Федор. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 1-й запасной артиллерийской бригады в 1917 г. Прапорщик 2-й Особой артиллерийской бригады. Во ВСЮР и в Русской армии до эвакуации Крыма, после 1 января 1919 г. убыл из Салоник в Новороссийск, затем в Офицерской артиллерийской школе. Подпоручик (с 30 сентября 1919 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту, мастерской на транспорте «Кронштадт». Скончался в сентябре 1921 г. от чумы в госпитале Сиди-Абдалла [Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 448].

(№ 31) **Sesviatsky Voldemar / Aspiran off / Russe / 4.11.1921** (32. *Vsesviatsky Voldemar*)

Всесвятский Владимир Александрович (ок. 1895). Гардемарин 1-й роты МК, родственник инженера-механика капитана 1-го ранга Константина (Вильгельма) Брода [Плотто 2015, с. 82]. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован с флотом в Бизерту. В апреле 1921 г. числился на корабле «Кронштадт». В сентябре 1921 г. лечился от туберкулеза в госпитале Сиди-Абдалла, где скончался 5 ноября 1921 г. [Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 107]. В метрической книге II отряда Русской Черноморской эскадры священником протоиереем Василием Торским указана другая дата смерти В. Всесвятского — 22 октября 1921 г. [Выписки из метрических книг 2018].

(№ 32) **Bogatchov / Emilian / Officier / Russe / 7.8.1921** (33. *Bogatchoff Emilian / 7.8.1921*)

Богачев Емельян Матвеевич (Терская обл., 43 года). Из казаков станицы Луковской Терской обл. 1-я Тифлисская школа прапорщиков 1915 г. Прапорщик Терской пешей запасной сотни. Участник Терского восстания. В Добровольческой армии и ВСЮР; младший офицер 2-го Горско-Моздокского полка. Хорунжий (1919). Подъесаул. В июне–июле 1921 г. лечился в госпитале Сиди-Абдалла от туберкулеза, скончался в августе 1921 г., похоронен в Ферривиле [Волков 1995–2016; Выпи-

ски из метрических книг 2018; Плотто 2015, с. 72; Русская колония в Тунисе 2008, с. 425; Список захоронений в Бизерте 2012].

(№ 33) *Kaptarie / Voldemar / Capitaine inf / Russe / 30.8.1922* (34. *Kaptarie Voldemar*)

Каптарь Владимир. Во ВСЮР; доброволец. 31 июля 1919 г. направлен из Тульчи в Новороссийск на корабле «Николай» [Волков 1995–2016]. В метрической книге церкви большого линейного корабля «Георгий Победоносец» (священник Николай Богомолов) указано, что **Владимир Каспари**, военного времени чиновник г. Севастополя, 44 года, умер 30 августа от чахотки и похоронен 31 августа на ферривильском кладбище [Выписки из метрической книг].

(№ 34) *Blachoff / Tihone / Sous lieutenant / Russe / 29.9.1929* (35. *Balachoff Tihon 29.9.1922*)

Балашов Тихон Андреевич (Таврическая губ, г. Алешек, 1886 — 22 сентября 1922). Во ВСЮР и Русской армии в корпусе корабельных офицеров Черноморского флота — ревизор на спасательном буксире «Черномор» до эвакуации Крыма. Подпоручик (1 сентября 1918 г.). Эвакуирован с флотом в Бизерту (вахтенный начальник крейсера «Алмаз»), заболел у острова Кефалония. На 25 марта 1921 г. числился в составе Русской эскадры в Бизерте, в феврале 1921 — июле 1922 г. в госпитале Сиди-Абдалла. Умер в возрасте 35 лет от чахотки 22 сентября 1922 г. Жена Екатерина Константиновна осталась в Севастополе. Сестра Балашова Мария скончалась 15 ноября 1983 г. в Тунисе в возрасте 88 лет, похоронена на кладбище Боржель. Год смерти Тихона Балашова на надгробии при реставрации был искажен (1922–1929). В сборнике К. Махрова в разных списках приводятся два года смерти: 1921 и 1922, а в остальных источниках — 1922 [Волков 1995–2016; Выписки из метрических книг 2018; Плотто 2015, с. 53–54; Русская колония в Тунисе 2008, с. 425, 444].

(№ 35) *Kiriëff / Nestor / Sergeant Major / Russe / 27.1.1921* (25. *Kiriëff Nestor*)

Киреев Нестор. Фельдфебель. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуирован в Бизерту на госпитальном судне «Цесаревич Георгий». Умер 27 января 1921 г. в морском госпитале в Сиди-Абдалла [Бизертинский Морской сборник 2003, с. 357; Волков 1995–2016; Плотто 2015, с. 204; Русская колония в Тунисе 2008, с. 427; Список захоронений в Бизерте 2012]. Его могила должна располагаться в третьем ряду под № 25.

В метрической книге церкви лагеря «Надор» (священник Петр Попов) похороненным на кладбище лагеря Сиди-Абдалла при г. Ферривиль в 1921 г. числится также трехмесячный ребенок Александр Шмеман (17 июня 1921 г.). Отец — Ричард Ричардович Шмеман, подпоручик, писарь на линкоре «Генерал Алексеев», в январе 1921 г. электрик на том же корабле, мать — Нина Алексеевна, эвакуировалась в Бизерту на пароходе «Константин» в декабре 1920 — январе 1921 г., родила ребенка, который умер 1 июня 1921 г. [Плотто 2015, с. 475]. Это захоронение волонтерами не обнаружено.

В сборнике К.В. Махрова среди похороненных в Ферривиле в последующие годы указаны: **Фосс Сергей Ксаверьевич** (1860 — 6 декабря 1927, военный госпиталь, Ферривиль). Генерал-майор армии. В Бизерту эвакуировался с Русской

эскадрой. В 1922 г. был русским комендантом во французском госпитале Сиди-Абдалла [Русская колония в Тунисе 2008, с. 368]. **Андрюшкевич Иосиф Иосифович** (1855 (?) — 19 октября 1929, Сиди-Абдалла, госпиталь при арсенале). Полковник. Жил в г. Сусс. Был членом Союза комбатантов (ветеранов войны). Умер в морском госпитале [Там же, с. 237]. **Волощенко Михаил Георгиевич** (ноябрь 1890, Грозный, Северный Кавказ — 30 октября 1949, Ферривиль). Старший лейтенант флота. Инженер-механик. Прибыл в Бизерту с Русской эскадрой на миноносце «Дерзкий» и служил на нем до 1922 г. Принял французское гражданство [Там же, с. 257–258]. **Заболуева Софья Михайловна** (? — 1 августа 1951, Ферривиль). Жена инженера-механика. Умерла в возрасте 57 лет [Там же, с. 451]. **Ремизов Федор Васильевич** (1889 — 8 ноября 1959, Ферривиль). Поручик, инженер-механик. Вероятно, работал в арсенале [Там же, с. 467]. В сборнике «Люди Русской эскадры» об этом же человеке приводится иная информация: **Ремизов Василий** — поручик, прибыл на госпитальном судне «Цесаревич Георгий»; находился на излечении в госпитале Сиди-Абдалла в 1921 г. и в январе 1922 — марте 1923 гг. [Плотто 2015, с. 369]. В списках захоронений кладбищ Уэд Аль Асель в Бизерте и Боржель в Тунисе данные фамилии отсутствуют.

Итак, мы можем предположить, что первые русские с госпитального судна «Цесаревич Георгий» и Русской эскадры были погребены на христианском кладбище г. Ферривиль, где к тому времени уже находился большой военный сербский некрополь. В дальнейшем после распределения русских по лагерям и их рассеяния по стране хоронить начали на других кладбищах, больше всего их в Бизерте и в Тунисе. Сверка данных показала, что многие из приведенных выше фамилий числятся в Списке клуба «Бизерта», размещенном на сайте Фонда сохранения культурного и исторического наследия А.А. Манштейн-Ширинской, как похороненные в Бизерте [Список захоронений в Бизерте, 2012].

При проведении восстановительных работ на кладбище Мензель Бургиба были также обнаружены рядом с сербским некрополем захоронения русских военных периода Первой мировой войны. Отчетливо видны несколько полуразрушенных крестов — в два ряда. На одном из них нами была обнаружена табличка с фамилией, именем, номером воинского подразделения и датой: **Klemechhoff Alexis 85 С.Т. décédé le 19-9-18** (предположительно, **Клемешов Алексей, рабочая рота, умер 19 августа 1918 г.**). Их состояние крайне

Крест с табличкой периода Первой мировой войны. *Klemechhoff Alexis 85 С.Т. décède le 19-9-18*. Фотография авторов. 11 марта 2018 г.

Крест с табличкой периода Первой мировой войны. Miassoiedoff Serge 21 Soldat Russe B-on ART 25-5-19. Фотография П. Науменко. 2009 г.

Крест с табличкой периода Первой мировой войны. Diachenko Spiridon Soldat Russe S reg 6-12-18. Фотография П. Науменко. 2009 г.

неудовлетворительное, соответственно, приведение этого участка в достойный вид требует гораздо более значительных временных, финансовых затрат и поисковых усилий. О русских захоронениях 1918–1919 гг. на данном кладбище в своей статье пишет исследователь-филокартист А. Шугаев, посетивший в 2009 г. христианское кладбище, госпиталь и военный арсенал г. Мензель Бургиба совместно с историком П. Науменко и капитаном сухогруза «Форес» Н. Китовым [Шугаев 2011]. В статье приводятся и две другие фамилии: **Сергей Мясоедов** (21-й артбатальон, умер 24 мая 1919 г.) и **Спиридон Мащенко** (полк S, умер 6 декабря 1918 г.) [Там же, с. 112]. В марте 2018 г. П. Науменко также подтвердил эту информацию и предоставил фотографии двух крестов с табличками на французском языке. К сожалению, сейчас к крестам невозможно подойти, они практически полностью разрушены, остались только фрагменты оснований или крестов. При расчистке участка в марте 2018 г. в земле было обнаружено 5 табличек со следующими фамилиями: **Diachenko Spiridon Soldat Russe S Reg 6-12-18; Rozirenko Vassilie Soldat Etat Maj. Russe 3-11-18; Dokoukin Yvan 21 B-on Soldat Inf. Russe 6-6-17; Barachoff Serge Sergent Russe 2 B-on Art. 23-2-19; Klemechhoff Alexis 85 C.T. 19-9-18**. В архивном документе, предоставленном посольством Франции в Тунисе, о военных и гражданских союзниках (русские, англичане, итальянцы, португальцы), погибших в ходе военной кампании 1914–1918 гг. и похороненных на европейском кладбище г. Ферривиль, значатся 12 русских фамилий. Помимо приведенных выше, указа-

ны также: *Miassoiedoff Serge Soldat Russe 21 B-on ART 25-5-19*; *Vikdmelzlev Alexsa Soldat Russe 26 ° B 2-4-1919*; *Mamontoff Michel Soldat Russe 26 ° B 1- 5-1919*; *Vlassof Alexis Soldat Russe 22 ° B 19-5-1919*; *Guatiouk Stéphan Soldat Russe I ° Reg. 30-5-1919*; *Aleyenkov Yvan Soldat Russe 20 ° B 13-2-1919*; *Tetioukin Ephimer Trav. Russe 29-9 -1918*. [Liste des Russes]. До сих пор нет однозначного ответа, при каких обстоятельствах на кладбище г. Ферривиль в период Первой мировой войны могли оказаться русские могилы. А. Шугаев эти захоронения связывает со службой Русского экспедиционного корпуса в Европе:

Можно предположить, что они из взбунтовавшихся частей Русского экспедиционного корпуса, воевавших во Франции и Греции и отправленных на каторжные работы в Африку в конце 1917 — начале 1918 г. [Там же, с. 112].

На сегодня, кроме работы А. Шугаева, нигде из доступных нам источников не говорится об этих русских, похороненных в тунисской земле. Волонтерская группа уже составила план проведения работ в несколько этапов на данном участке кладбища и обратилась в ряд архивных обществ и к историкам за консультациями. Наличие этих могил существенно меняет значимость кладбища г. Мензель Бургиба в историко-мемориальном наследии русской диаспоры в Тунисе, т. к. в имеющихся на данный момент публикациях о пребывании русских в Тунисе ранее 1921 г., т. е. до прихода Русской эскадры в Бизерту, упоминается лишь о бизертинских могилах двух русских моряков, датируемых 1907 г. Там похоронены матросы эскадренного броненосца «Цесаревич» **Терентий Приезжаев** (умер 1 января 1907 г.) и **Федор Никитин** (умер 23 января 1907 г.). 20 декабря 1906 г. линейный корабль «Цесаревич» вошел в бухту Бизерты, где стоял 40 дней, команда отметила Рождество. Однако на корабле началась небольшая эпидемия тифа. А.В. Белли, корабельный гардемарин, позднее контр-адмирал советского флота, пишет в своих воспоминаниях:

Умерли два матроса от брюшного тифа. Скончались они на берегу во французском военном госпитале, где были и другие наши больные, нечто вроде небольшой эпидемии. Похороны устроили очень торжественными. Присутствовали: начальник отряда, офицеры, гардемарины, матросы, оружейный взвод, оркестр <...>. За гробом шли также французские офицеры, русский консул в Тунисе с женой. Потом стало традицией, когда русские корабли заходили в Бизерту, служить панихиду на могилах русских моряков (цит. по: [Емелин и др. 2015, с. 61–63]).

Русские некрополи в городах Мензель Бургиба, Бизерта и Тунис являются важнейшим свидетельством таких трагических событий в истории России, как Первая мировая война, революционные события, Гражданская война и Русский исход, и представляют историко-мемориальное наследие России за рубежом. Сохранение русских некрополей — это не только укрепление престижа России, сближение представителей русской диаспоры и современной России, но и вос-

становление исторической памяти и справедливости. Приведем слова Владимира фон Берга²¹, сказанные над могилами, где «спят вечным сном усталые русские труженики»:

Пухом да будет вам французская земля на арабской горе. В спасение великой Родины вы тоже внесли свою долю труда, любви и заботы, и не забудутся они в вечной книге Живота и Правды (цит. по: [Узники Бизерты 1998, с. 79]).

Все работы на кладбище г. Мензель Бургиба, уже проведенные и предполагаемые в будущем, возможны лишь при участии (и на средства) людей, которым дорога история родины, небезразлично сохранение памяти о судьбах наших соотечественников и времен Первой мировой войны, и времен Русской эскадры. Полностью согласны со словами А.А. Ширинской:

Нельзя позволить утратить то, что имеем, дать прерваться цепи в передаче культуры. Каждый, кто способен, обязан что-либо сделать для выполнения этой миссии (цит. по: [Глезеров 2015]).

Главной целью нашего волонтерского проекта является сохранение исторической памяти о прошлых событиях, передача ее будущим поколениям для укрепления чувства сопричастности живущих в Тунисе соотечественников к истории и культуре России. Этот небольшой волонтерский проект показывает, что в наших силах внести свой вклад в благородное дело сохранения мемориального наследия России за рубежом, и подобные проекты могут стать частью подготовки большой международной юбилейной программы «100-летие Русского исхода».

Список сокращений

ВСЮР — Вооруженные силы Юга России

ГПУ — Государственное политическое управление при НКВД РСФСР

МК — Морской корпус

РЦНК — Российский центр науки и культуры в Тунисе

Литература

Бизертинский Морской сборник 2003 — Бизертинский Морской сборник. 1921–1923. Избранные страницы / сост. и науч. ред. В.В. Лобыцын. М., 2003. 560 с.

Волков 1995–2016 — Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России». 1995–2016. URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (дата обращения: 11.02.2018).

²¹ Берг Владимир Владимирович, фон (5 октября 1879 — январь 1963, Эквадор). Капитан 1-го ранга (МК 1900). Преподавал навигацию и артиллерию в МК в Севастополе, был командиром кадетской роты. Эвакуировался в Бизерту с МК в составе Русской эскадры на линкоре «Генерал Алексеев». Преподавал в МК Бизерты. Им была написана книга «Последние гардемарины», повествующая о жизни МК в Бизерте. Книга была издана в 1931 г. в Париже, в 1998 г. переиздана в сборнике «Узники Бизерты» (составитель С. Власов) [Махров 2008, с. 246].

- Выписки из метрических книг 2018 — Выписки из метрических книг церкви лагерей «Сен-Жан» и «Ремель» (священник протоиерей Иоанникий Полегаев), церкви лагеря «Надор» (священник Петр Попов), из метрической книги II Русской Черноморской эскадры (священник протоиерей Василий Торский) / сост. А. Шугаев. 2018.
- Глезеров 2015 — *Глезеров С.* Русский очаг // Санкт-Петербургские ведомости. 28.04.2015. URL: https://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/russkiy_ochag/ (дата обращения: 27.03.2018).
- Дневник А. Брута — Дневник матроса крейсера «Генерал Корнилов» Алексея Брута. URL: <http://mil.sevhome.ru/voenistor/garzhdwoina/belarmygrw/dnevnik-matrosa-krejsera-general-kornilov-alekseja-bruta/> (дата обращения: 19.03.2018).
- Дыбов 2010 — *Дыбов С.* Франция хранит могилы белых и красных русских // «Русский миръ»: Пространство и время русской культуры. 2010. № 4. С. 381–386.
- Емелин и др. 2015 — *Емелин А.Ю., Кузнецов Н.А.* Русская эскадра: Прощание с императорским флотом. М., 2015. 408 с.
- Из доклада П.П. Перфильева 1998 — Из доклада П.П. Перфильева о положении русских беженцев в Тунисе // Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы: в 3 т. Т. 1: Так начиналось изгнание. Кн. 2: На чужбине. М., 1998. С. 66–77.
- Кадетская переключка 1976 — Кадетская переключка: Ж-л Объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов. Нью-Йорк, 1976. № 15. 97 с.
- Кнорринг 2009 — *Кнорринг И.Н.* Повесть из собственной жизни: [дневник]: в 2 т. / подгот. текста Н.Н. Кнорринга, М.Н. Черновой; вступ. ст., коммент. И.М. Невзоровой. Т. 1. М., 2009. 608 с.
- Кузнецов 2009 — *Кузнецов Н.* Русский флот на чужбине. М., 2009. 464 с.
- Лобыцын 2001 — *Лобыцын В.В.* Русский военный некрополь в городе Тунисе // Русский некрополь. 2001. № 11–12 (часть 2). С. 446–456.
- Панова 2008 — *Панова М.* Русские в Тунисе: Судьба эмиграции «первой волны». М., 2008. 296 с.
- Плотто 2015 — *Плотто А.В.* Люди Русской эскадры. М., 2015. 512 с.
- Распоряжение Правительства РФ — Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 августа 2012 г. № 1551-р г. Москва. URL: <https://rg.ru/2012/09/04/memorialy-site-dok.html> (дата обращения: 23.03.2018).
- Русская военная эмиграция 1998 — Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Документы и материалы: в 3 т. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1: Исход / сост. И.И. Басик и др. М., 1998. 751 с.
- Русская колония 2008 — Русская колония в Тунисе. 1920–2000: Сб. / сост. К.В. Махров. М., 2008. 496 с.
- Список захоронений в Бизерте 2012 — Список захоронений соотечественников на кладбище в Бизерте на 01.06.2012 // Фонд сохранения исторического и культурного наследия им. А.А. Манштейн-Ширинской. URL: <http://www.hccf.ru/fund/activities/publish/zahogoneniya.php> (дата обращения: 09.02.2018).
- Узники Бизерты 1998 — Узники Бизерты: Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–25 гг. / сост. С. Власов. М., 1998. 272 с.
- Ширинская 1999 — *Ширинская А.А.* Бизерта: Последняя стоянка. М., 1999. 246 с.
- Шугаев 2011 — *Шугаев А.* По следам русской эскадры с открытками в руках // Восточная коллекция. 2011. № 2 (45). С. 107–113.
- Espitallier 1902 — *Espitallier G.-F.* Travaux du port de Bizerte et de l'Arsenal de Sidi Abdallah // Le Génie civil. P., 1902. URL: <http://milguerres.unblog.fr/travaux-du-port-de-bizerte-et-de-larsenal-de-sidi-abdallah/> (дата обращения: 20.03.2018).

Etat Nominatif des Militaires ou civils alliés — Russes, Anglais, Italiens et Portugais morts au cours de la campagne 1914/18 et inhumés dans le cimetière européen de Ferryville, dont les tombes sont identifiées. Souvenir Français. (Поименный список военных и гражданских союзников — русских, англичан, итальянцев и португальцев, погибших в ходе военной кампании 1914/18 гг. и похороненных на европейском кладбище г. Ферривиль, чьи могилы идентифицированы. <Организация> Французское воспоминание.)

Dridi — *Dridi M.* L'hôpital N°2 et les réfugiés serbes de Ferryville. URL: <http://menzelbourguiba-ex-ferryville.over-blog.fr/article-l-hopital-n-2-et-les-refugies-serbes-de-ferryville-68318411.html> (дата обращения: 20.03.2018).

Les tombes militaires 1924 — Les tombes militaires et le souvenir français en Tunisie: 1881–1923 par le Général Dolot Gabriel. Tunis: Imp. G. Gumle, 1924. 70 p.

Liste des Russes-inhumés au cimetière de Ferryville. Carre Q. (Список русских, похороненных на кладбище г. Ферривиль. Сектор Q.)

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

С.А. Цоя

КНИГА О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЛАТВИИ

Ковальчук С.Н. Настоящий изгнанник с собой все уносит: судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг. — М.: Новый хронограф, 2017. — 432 с.

Весной 2017 г. вышла из печати монография доктора философии, ведущего исследователя Института философии и социологии Латвийского университета Светланы Николаевны Ковальчук, посвященная судьбам российских эмигрантов, нашедших приют в молодом государстве, созданном у восточного побережья Балтийского моря в межвоенный период.

В недавних провинциях Российской империи эмигрантов, оказавшихся по воле судьбы за пределами советской России, встречали многочисленные группы пестрого по этническому составу населения (латыши, русские, немцы, евреи, поляки, литовцы), сложная сеть школьных учреждений, разные христианские конфессии. Демократические основы жизни молодого латвийского государства способствовали частным инициативам всех этнических групп.

С начала 1920-х гг. многие известные имена, определявшие облик дореволюционной российской науки, культуры, стали постоянно встречаться на страницах рижских периодических изданий — «Перезвоны», «Сегодня», «Сегодня вечером», «Слово». В книжных магазинах рижских русских книгоиздательств предлагался широкий выбор книг классиков русской литературы и последние новинки писателей-эмигрантов. Устоявшиеся задолго до распада Российской империи традиции мультикультурности, мультиэтничности привлекали в Ригу людей. Ученые, писатели, певцы, музыканты собирали полные залы в Латвийском университете (далее — ЛУ), в Латвийской опере, в Доме купеческой гильдии Черноголовых, в зале Большой гильдии, в помещении Русского клуба. На газетных страницах, афишах тех далеких лет были написаны имена А. Федоровой, И. Жадана, В. Качалова, Э. Купера, Ф. Шаляпина, Л. Собинова, М. Черкасской, Т. Карсавиной, И. Бунина, С. Франка, С. Шмелева, И. Ильина, Н. Плевицкой, Н. Бердяева, Е. Студенцова, хора донских казаков С. Жарова и многих других.

Итак, монографическое исследование С.Н. Ковальчук стало результатом многолетнего исследования. Ряд сюжетов, правда в несколько ином контексте, поднимался в 1998 г. в вышедшей в Риге монографии С.Н. Ковальчук «Взыскую истину...» (Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю.Ф. Самарин, Е.В. Чешихин, К.Ф. Жаков, А.В. Вейдемман. Середина XIX в. — середина XX в.), в многочисленных статьях, опубликованных и в Латвии, и в России. Несомненным достоинством нового монографического исследования является то, что научный характер книги успешно сочетается с дина-

мичным, увлекательным изложением материала. Автором даются яркие портреты представителей российской науки, волей исторических событий оказавшихся в Латвии в начале 1920-х гг. или имевших с ней связь после революционных потрясений в России.

Монография начинается с введения, где делается обзор общей ситуации в Латвии. Работа состоит из трех глав, ее структура логична и продумана.

Первая глава посвящена известным русским философам-эмигрантам (Ф.А. Степун, С.И. Гессен, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин и др.), неоднократно выступавшим с публичными лекциями в Риге и других городах страны. Визиты некоторых видных русских ученых — философов Бердяева и Зеньковского — связываются автором с деятельностью Русского студенческого христианского движения (РСХД)¹. Подробно описан конфликт РСХД с Латвийской православной церковью, произошедший в начале 1930-х гг. (с. 42–47, 51–54). Автор для освещения темы широко использовала публикации «Вестника Русского студенческого христианского движения», латвийских периодических изданий («Слово», «Сегодня», «Сегодня вечером»), фонды Латвийского государственного исторического архива (далее — ЛГИА). Упомянута и деятельность Рижского русского просветительного общества, его председателя Е.М. Тихоницкого² (с. 19–25).

Во второй главе речь идет о философях К.Ф. Жакове, А.В. Вейдемане, М.Д. Вайнтробе, историке Р.Ю. Виппере, даются подробные биографии ученых, также делается характеристика их научной и общественной деятельности.

Автор прослеживает непростой путь в науке философа, писателя и поэта Жакова, его стремление создать свою оригинальную философскую систему — философию лимитизма (философию малой величины), базировавшуюся на синтезе философии, науки и религии (с. 123–126, 139, 141), часто вызывавшую неприятие со стороны академического сообщества и в Петербурге, и в Риге. При всех трудностях судьбы Жаков нашел в Латвии последователей своих идей. В 1924 г. поэт Янис Райнис опубликовал перевод на латышский язык части эпической поэмы Жакова «Биармия», написанной в 1916 г. На русском языке и языке коми эта поэма будет опубликована только в начале 1990-х гг. Сегодня творчество Жакова стало предметом для исследования многих литературоведов — от Москвы и Петербурга до Тарту, Екатеринбург и Сыктывкара.

Самый большой раздел посвящен Александру Вейдеману (с. 161–238). Философ также претендовал на оригинальность и новаторство, но в своих подходах стремился к строгой научности, прошел путь от неокантианства к неогегельянству. Надо отметить, что Вейдеман был далек от христианства, но в его работах встречаются мотивы, близкие к русской религиозной философии первой половины XX в. Несомненной заслугой С.Н. Ковальчук является то, что исследователю

¹ В Латвии дочерняя организация именовалась Русское студенческое православное единение.

² Тихоницкий Елпидифор Михайлович (1875–1942) — педагог, общественный деятель, депутат Второго сейма Латвии (1925–1928). В межвоенные годы в Риге руководил Рижским русским просветительным обществом, которое было главным организатором Дней русской культуры в Латвии. Жизнь свою окончил в сталинских застенках.

удалось полностью проследить судьбу Вейдемана, установить дату смерти и выяснить место погребения. Напротив, не увенчались успехом старания автора и ее коллег через архивы разных стран прояснить детали превратностей судьбы Марка Вайнтроба (с. 239–259). Однако собранные факты жизни поданы ярко, эмоционально и не должны оставить равнодушным ни одного читателя. Удивительно то, что при отсутствии документов о рождении, образовании Вайнтроб многие годы успешно работал в области школьного образования, возглавлял Еврейские педагогические курсы, поддержал проф. Константина Арабажина при создании Русских университетских курсов. Научные изыскания Вайнтроба пролегли в области истории философии, эстетики, психологии.

Следует помнить, что с 1920 по 1944 г. в ЛУ успешно преподавали многие российские профессора разных специальностей (К. Арабажин, Э. Гартге, В. Старков, В. Косинский, В. Клименко и др.), они возглавляли кафедры, были научными руководителями магистерских, докторских диссертаций в области медицины, архитектуры, права, исторической науки, поддерживали высокий интеллектуальный уровень латвийской науки. Так, в разделе, посвященном Роберту Випперу — профессору Московского и Латвийского университетов, дается общая характеристика научной деятельности, взглядов и методологических подходов ученого. Будучи непревзойденным архивистом, знатоком истории Нового времени, проф. Виппер занимался сам и руководил работами молодых историков, направленными на переосмысление положения латышских крестьян в XVI–XVIII вв. По ряду вопросов выступал оппонентом прибалтийско-немецких историков (с. 305–312). К сожалению, автор лишь коротко рассказала о деятельности в Латвии известного знатока истории искусства проф. Бориса Робертовича Виппера, который внес весомый вклад в исследование латышской культуры, дал творческий импульс для осмысления произведений искусства Латвии в контексте общеевропейской культуры (с. 286–288).

Третья глава посвящена юристам-эмигрантам, которые, пожалуй, наиболее успешно нашли применение своих знаний по причине явно прослеживающейся преемственности правовой системы вновь возникшего государства с дореволюционной российской. Некоторые дореволюционные законы так и оставались в силе вплоть до 1940 г., то есть до насильственной инкорпорации Латвии в состав СССР. В главе говорится о влиянии психологической теории права Л. Петражицкого на многих выпускников Санкт-Петербургского университета, в числе которых были известные латышские юристы — проф. К. Дишлерс, сенатор К. Дуцманис, а также депутат Латвийского сейма М. Лазерсон и проф. А. Круглевский. Автор не обошла вниманием поистине европейский проект межвоенного периода — издание в Риге единственного во всем русском зарубежье профессионального юридического вестника «Закон и суд», в котором публиковались юристы из многих европейских стран. Возглавлял журнал известный адвокат О.О. Грузенберг, друг и однокурсник проф. Петражицкого (с. 320–340).

В разделе, посвященном Максиму (Максу) Лазерсону, рассказано о научных поисках, чрезвычайно активной общественно-политической деятельности и непростой личной судьбе. Указывается, что в своих изысканиях он развивал идеи

проф. Л.И. Петражицкого в области общей теории и философии права. Особое место в разработках этого ученого, еврея по национальности, занимали вопросы защиты прав национальных меньшинств (с. 353–364).

Небольшой раздел посвящен специалисту по уголовному праву проф. Александру Круглевскому (с. 372–377, 379–388), который применял идеи проф. Петражицкого в разработке проблем уголовного права. Здесь же читатель познакомится и с судьбой ученых-эмигрантов проф. В.М. Грибовского и приват-доцента А.А. Угрюмова, которые преподавали на факультете народного хозяйства и права ЛУ в 1920-е гг. (с. 377–379). Что ценно, так как информации про этих ученых в научной литературе практически нет, а книга Ковальчук благодаря своей уникальности выполняет еще и функцию справочного издания.

Раздел о проф. Василии Синайском содержит биографию и обзор научной и творческой деятельности этого замечательного человека (с. 389–431). Будучи признанным специалистом по римскому и гражданскому праву, Синайский был личностью чрезвычайно разносторонней: принимал активное участие в культурной, общественной жизни, писал стихи, писал иконы и картины (с. 389–390, 397–398). Отмечается, что краеугольным камнем права Синайский считал справедливость. Истоки права искал в фольклоре, связи с этическими нормами. Профессор с сожалением констатировал, что современная западная цивилизация пошла по пути вытеснения из права религиозных и моральных основ и утверждения «механического права» — то есть исполнения юридических норм не под воздействием требований сознания, а по причине их карающей силы. Такой подход, по убеждению профессора, ведет человечество к катастрофе, и следует противостоять этой тенденции (с. 404–407). Прочитав страницы, посвященные Синайскому, становится понятным, почему в римском праве его интересовало не классическое, а именно раннее — квинтитское право. Последнее было связано с религией и моралью, тогда как классическое право все более отходило от этого.

Для подготовки второй и третьей глав С.Н. Ковальчук широко использовала работы самих ученых, воспоминания, статьи из газет, архивные материалы ЛГИА.

К сожалению, в книге встречаются мелкие неточности, отсутствует именной указатель. Автор завершала разделы и главы заключительными словами, но отказалась от общего заключения по всей работе. В монографическое исследование можно было включить главу о ряде иных коротко упомянутых деятелях науки, проживавших в межвоенные годы в Латвии. Данную монографию нельзя считать исчерпывающим исследованием в осмыслении деятельности в Латвии проф. Р.Ю. Виппера, проф. В.И. Синайского, поскольку эти ученые заслуживают специальных книг. Ряд вопросов сознательно обойден вниманием, в частности отсутствует подробный анализ трудов Синайского по римскому праву.

В заключение хочется подчеркнуть, что труд С.Н. Ковальчук является ценным, уникальным исследованием, проливающим свет на интеллектуальную жизнь, судьбы и научное наследие русских ученых, проживавших, посещавших или имевших связи с Латвией и Ригой в 1920–1944 гг.

Д.В. Акулова

РУССКИЙ БАЛЕТ ПОСЛЕ ДЯГИЛЕВА

Григорьев С. Оригинальный русский балет. 1932–1952. — СПб.: Балтийские сезоны, 2016. — 392 с.: ил.

Книга С.Л. Григорьева «Оригинальный русский балет. 1932–1952» представляет панорамный взгляд на историю балетного предприятия полковника де Базиля¹. Автор воспоминаний являлся бессменным главным режиссером балетов Сергея Дягилева и полковника де Базиля: по удивительному совпадению он был причастен к делу одного и второго ровно по 20 лет и продолжил служить русскому балету на Западе после их смерти.

Сергей Леонидович Григорьев родился 5 (17) октября в 1883 г. в городе Тихвине Новгородской губернии и был в семье вторым ребенком из девяти. После окончания Петербургского театрального училища работал артистом балета Императорского Мариинского театра, а затем по рекомендации Михаила Фокина стал помощником Сергея Дягилева и оставался с ним на протяжении всего времени деятельности «Русских сезонов». Сергей Леонидович был артистом, режиссером, репетитором, отвечал за состояние группы и текущий репертуар, помогал хореографам готовить спектакли и возобновлял полузабытые, участвовал в отборе актеров. Скончался он в Лондоне в возрасте 84 лет.

Сергей Григорьев оставил две книги воспоминаний. Первая из них — «Балет Дягилева. 1909–1929» — вышла в 1953 г. в Лондоне, а в России была опубликована только спустя 40 лет — в 1993 г., в переводе с английского языка [Григорьев 1993]. Именно знакомство с этой книгой С. Григорьева положило начало крупнейшей в мире частной коллекции русского театрального искусства, собранной князем Никитой Лобановым-Ростовским. По словам супруги коллекционера Нины, эта книга стала их Библией (см.: [Карлик 2013, с. 10]).

Рукопись второй части воспоминаний Сергея Григорьева хранится в Библиотеке Конгресса США, долгое время она оставалась неопубликованной. Только в 2016 г. мемуары, написанные на русском языке, стали доступны широкому кругу читателей благодаря копии, сделанной Валерием Игоревичем Воскресенским (1939–2018). Книга издана в Петербурге и проиллюстрирована 32 фотографиями из личного архива В.И. Воскресенского [Григорьев 2016].

Сергей Григорьев погружает читателей в чарующую атмосферу русского балета, приоткрывает его тайны. «Театр, и в первую очередь балет, — писал он, — это особый мир, окруженный всякими чудесами» (с. 235). Повествование в книге

---

¹ Colonel W. de Basil — псевдоним офицера Белой армии, ставшего эмигрантом, Василия Григорьевича Воскресенского (1888–1951).

«Оригинальный русский балет», основанной на дневниковых записях автора, разделено по годам. После каждого года следует название городов и стран, в которых проходили выступления, что значительно облегчает поиск нужной информации.

Сергей Григорьев рассказывает, как после смерти Дягилева в 1929 г. было продолжено его дело, с какими трудностями пришлось столкнуться, как был завоеван успех и какие принимались решения. Новая балетная организация, названная «Русский балет Монте-Карло», первоначально имела двух руководителей — полковника де Базиля, одного из директоров «Русской оперы и балета Парижа», и Рене Блюма (Blum) — директора Театра Монте-Карло. В 1932 г. они объединили свои деловые и художественные усилия и организовали выступления обновленной труппы. Ими были приглашены совсем юные танцовщицы, лишь недавно окончившие балетные школы в Париже. Главные партии распределили между имевшей опыт Валентиной Блиновой и так называемыми беби-балеринами — совсем юными Тамарой Тумановой, Любовью Ростовской, Татьяной Рябушинской, Ириной Бароновой. Им предстояло составить славу и гордость русского балета за рубежом.

Прежде работавший с Дягилевым хореограф Джордж Баланчин поставил для первого сезона три балета: «Котильон», «Конкуренция» и «Мещанин во дворянстве». Двумя другими хореографами этого времени были Леонид Мясин и Борис Романов. Чтобы расширить и разнообразить репертуар, С. Григорьев восстановил дягилевские балеты «Сильфиды», «Лебединое озеро» (II акт), «Петрушка», которые служили визитными карточками новой балетной организации.

Григорьев предстает перед читателями человеком скромным, всей душой преданным общему делу и не лишенным самоиронии. «Окруженный такой молодежью, — писал он, — я часто переставал себя чувствовать режиссером, а ощущал себя классной дамой, особенно когда мне приходилось успокаивать, утешать, а частенько и утирать слезы чем-нибудь горько, по-детски расстроенных молоденьких жриц Терпсихоры» (с. 19).

Экзаменом для новой балетной организации, с успехом выступившей в Монте-Карло, стал сезон в Париже. Тогда, как отмечал Григорьев, юные танцовщицы не произвели ожидаемого впечатления: «Хотя они и нравились, но все указывали на то, что это еще дети <...>. Париж был заинтересован увиденным, но в восторг не пришел» (с. 25). Рене Блюм вскоре отошел от руководства, вернувшись в Монте-Карло и заключив с де Базилем соглашение на три зимних сезона. С этого времени все заботы легли на плечи полковника де Базиля.

В первый год существования нового Русского балета состоялись выступления в Голландии, Бельгии и Швейцарии. После возвращения артистов в Монте-Карло принцесса Монако Шарлотта отмечала, что по прошествии года труппа стала гораздо сильнее и что все танцуют превосходно. В 1933 г. состоялись гастроли в Барселоне, Париже, Лондоне и поездки по английской провинции. Молодое дело крепло и открывало большое поле деятельности. Перед первой поездкой артистов в Америку полковник де Базиль приобрел все оставшееся театральное имущество Сергея Дягилева.

С.Л. Григорьев восстановил одну из самых знаменитых постановок Михаила Фокина «Жар-птица». После третьего сезона в Париже с его искушенной публи-

кой решили туда не возвращаться и сделать своим центром Лондон. Рассказывая о турне по США, автор так вспоминает о выступлениях в столице мирового кинематографа — Лос-Анджелесе: «Но страхи наши оказались напрасны. После первого спектакля и публика, и пресса были в восторге от балета, а затем на наших спектаклях перебивали многие режиссеры “синема” и все звезды, начиная с Греты Гарбо и Чарли Чаплина и кончая прелестной маленькой Ширли Темпл» (с. 83). Труппа активно набиралась опыта.

В восстановленном балете «Шехерезада» Сергей Леонидович, как и во времена Дягилева, исполнил роль Шахтиара, а его жена, балерина и педагог танцев Любовь Павловна Чернышева, снова танцевала заглавную партию. Их единственный сын Всеволод работал администратором балета. Он был женат дважды, но детей у него не было, а потому зарубежная ветвь Григорьевых на нем пресеклась.

Любовь Чернышева и у Дягилева, и у полковника де Базиля была одной из самых востребованных балерин. В ее большом репертуаре значились роли Клеопатры и Тамары в постановках Михаила Фокина, присоединившегося к «Русскому балету полковника де Базиля» в 1937 г., партии в балетах Леонида Мясина и Брониславы Нижинской. Звездной стала роль Франчески в балете Давида Лишина «Франческа да Римини» на музыку П.И. Чайковского. Более «балетный» сюжет трудно представить: любовь Франчески, насильно выданной замуж, к Паоло, брату мужа, и финальная гибель влюбленных от рук последнего. По договоренности с де Базилем эта роль была предназначена исключительно для Чернышевой. Чтобы лучше вжиться в образ, балерина уговорила супруга, Сергея Григорьева, побывать в Римини на адриатическом побережье, в замке, где разворачивались прославленные в «Божественной комедии» Данте события. Позже в письмах балерине потрясенные зрители сравнивали ее с Сарой Бернар и Марией Ермоловой.

«Русский балет полковника де Базиля» вошел в историю балетами «Предзнаменования» и «Прекрасный Дунай» на музыку И. Штрауса (хореограф Леонид Мясин), «Сто поцелуев» Брониславы Нижинской на сюжет сказки Андерсена «Свинопас», «Выпускной бал» хореографа и артиста Давида Лишина и многими другими. Одним из первых в репертуаре появился несюжетный балет «Детские игры», некогда намеченный к постановке самим Дягилевым. Это была мозаика из танцев оживших игрушек и одной бойкой девочки, которую исполняла Рябушинская, а в партии Волчка две другие звезды, Туманова и Баронова, по свидетельству С. Григорьева, вертелись «как настоящие волчки» (с. 21). За 20 лет существования «Русского балета полковника де Базиля» в репертуар вошло более 40 балетов — внушительная цифра!

Над созданием декораций и костюмов работали известные художники: Хуан Миро (Miró i Ferrà) («Детские игры», 1932), Александр Бенуа («Мещанин во дворянстве», 1932), Наталья Гончарова («Золотой петушок», 1937 и «Золушка», 1938), Сергей Судейкин («Паганини», 1939) и др. В один вечер могло быть показано несколько спектаклей со сменой декораций. Например, 24 августа 1935 г. в Лондоне была дана большая программа: балеты «Волшебная лавка», «Призрак розы», «Тамара» и «Хореартиум».

Книга С. Григорьева затрагивает историю не всегда простых отношений полковника де Базиля с другими деятелями балетного искусства, что отразилось в названиях балетной труппы, под которыми она давала представления. Название «Оригинальный русский балет» было шестым по счету, появилось только в 1939 г. и оказалось последним. Перемещаясь с континента на континент, «Русский балет полковника де Базиля» обогнул весь земной шар: путь лежал через Лондон в Австралию, затем в Америку и снова в Европу.

В воспоминаниях приводятся любопытные путевые заметки автора. Так, на Гавайских островах артистов встречали живописно одетые, с большими гирляндами цветов на шеях местные жители, которые играли на гитарах и исполняли завораживающие песни. В Боливии удалось увидеть в дикой природе лам с грустными глазами, а на пути в Перу на борт океанского лайнера сели огромные пеликаны и бесстрашно, не боясь людей, разгуливали по палубе.

Во время Второй мировой войны «Русский балет полковника де Базиля» много выступал в Северной и Южной Америке и надолго обосновался в аргентинском театре «Колон», где была сформирована объединенная труппа. Полковник де Базиль хотел создать большой русско-аргентинский балет, но план не реализовался, поскольку в результате государственного переворота 1943 г. к власти в стране пришли военные, поменялось руководство театра и контракт не был продлен.

Интересной чертой балетов полковника де Базиля стало введение в репертуар спектаклей с использованием местного колорита, что являлось данью уважения той или иной стране, служило росту популярности и способствовало коммерческому успеху. Например, в Уругвае был поставлен балет «Остров деревьев сейба». Эти деревья предстают во всей красе весной, когда они покрываются большими красными цветами. Артисты исполняли роли цветка сейбы, порывистого ветра, птички и ветки. Русский художник Я. Анчутин сочно и ярко, по словам Григорьева, передал в декорациях и костюмах тропическую растительность, а мелодичная музыка была написана популярным уругвайским композитором. Не удивительно, что балет имел большой успех у местной публики, как и другой, — балет «Яра» о богине воды, созданный по мотивам бразильской мифологии.

Русское балетное искусство, почти неизвестное за океаном, поражало и захватывало настолько, что представления давались не только в театрах, но и на стадионах для тысяч зрителей, и в парках, как, например, в чилийском городе Вильядель-Мар. Сцена, в центре которой росла пальма, вспоминал Сергей Леонидович, получилась на редкость красивая, обрамленная сплошной зеленью, на ее фоне балеты смотрелись очень эффектно: «Публика, которая перестала ходить в театр, в парк повалила валом. Чуть ли не весь город ежедневно приходил сюда, и все были довольны: ново, оригинально, красиво и никогда еще такого не бывало» (с. 217).

Таким образом, как писал Сергей Григорьев, «семя балета, посеянное С.П. Дягилевым, выросло в огромное дерево, раскинувшее свои ветви по всему миру» (с. 205). Количество артистов в труппе достигало 70 человек, а за 20 лет существования «Русского балета полковника де Базиля» через него прошли сотни танцовщиков. После окончания балетного сезона часть артистов оставалась в странах, где давались представления (как Д. Ростов в Перу), и работала там. В результате

стали появляться балетные школы, а затем национальные и частные труппы в странах, где балета не существовало. С. Григорьев искренне радовался успеху и отдавал должное преемнику Дягилева: «В этом распространении балетного искусства и пробуждении интереса к нему есть огромная заслуга полковника де Базиля» (с. 305).

После окончания Второй мировой войны артисты «Оригинального русского балета» выступали в США, Лондоне, Париже, Брюсселе, Испании, Португалии, в Марокко. Большому коллективу с огромным количеством декораций и костюмов приходилось испытывать на себе несовершенства транспорта и дорог, как, например, по пути в испанский город Памплона, когда сломался старый локомотив, тянувший состав из трех вагонов, и два часа пришлось ждать присылки нового, а так как он неистово коптил, то в город артисты приехали совершенно черными.

В книге можно найти яркие портретные зарисовки артистов балета, подобно описанию впечатления С. Григорьева от знакомства с Киной Нижинской: «Повернувшись и взглянув, я был поражен: передо мной стоял... юный Нижинский и мило улыбался <...>. Она летала по залу так же замечательно, как когда-то это делал он, и, смотря на нее, я пожалел, что она девушка, а не юноша, который мог бы воскресить изумительные танцы своего отца» (с. 52).

Смерть полковника де Базиля 27 июля 1951 г. положила конец всем планам создателей балета. Последние представления по заключенным им контрактам состоялись при деятельном участии С. Григорьева в начале 1952 г. На этом автор заканчивает свой рассказ о том, как русское балетное искусство приобретало всемирную славу и стало неотъемлемой частью мировой культуры. Дополнением книги служит список премьер балетов с информацией о них, составленный Сергеем Григорьевым, и подробный научный комментарий В.В. Чистяковой.

Пока том «Ежегодника...» готовился к печати, пришла весть о кончине Валерия Игоревича Воскресенского, без которого не состоялось бы рецензируемое издание. Редкостной целеустремленности был человек, умный, деятельный, тонкий. Валерий Игоревич по первому образованию был военным музыкантом, после армии учился бальным танцам, участвовал в первенстве Москвы, занимался радиотехникой, работал помощником ректора Белорусского государственного технологического университета (БГТУ). Большую часть жизни он не знал, чьим внуком является, и по удивительному стечению обстоятельств именно Дом русского зарубежья им. А. Солженицына способствовал началу поисков В.И. Воскресенского: в 2011 г. в стенах ДРЗ проходила фотодокументальная выставка, посвященная военной службе полковника Воскресенского, на которой Валерий Игоревич заметил свое сходство с наружностью деда. После этого он начал искать подтверждение их родства, стал интересоваться балетом и увлекать им других людей. 23 ноября 2017 г. в Доме русского зарубежья был проведен воркшоп, инициированный Валерием Игоревичем, который рассказал о «Les ballets russes» Р. Блюма и полковника де Базиля по собранным им и оцифрованным материалам. Он буквально горел историей русского балета за рубежом и способен был зажечь любого. Он мечтал о том, что в создаваемом музее русской эмиграции будет рассказано и о полковнике де Базиле, и о беби-балеринах, и о феерических гастро-

лях — словом, обо всем том, что последние годы вдохновляло его жизнь и любительские архивные разыскания. 3 мая 2018 г. внук полковника де Базиля Валерий Игоревич Воскресенский ушел из жизни в Минске, где жил и работал, оставив по себе светлую память.

Литература

Григорьев 1993 — *Григорьев С.* Балет Дягилева, 1909–1929. М., 1993.

Григорьев 1993 — *Григорьев С.* Оригинальный русский балет. 1932–1952. СПб., 2016.

Карлик 2013 — *Карлик В.И.* Сергей Григорьев, Любовь Чернышева: Двойной портрет. СПб., 2013.

В.В. Леонидов

ПЕРВАЯ КНИГА О НИКОЛАЕ ЛОХОВЕ В РОССИИ

Вересова Т.В., Талалай М.Г. Человек Ренессанса: Художник Николай Лохов и его окружение. — М.: Старая Басманная, 2017. — 318 с.

Имя Николая Николаевича Лохова (1872–1948), сына псковского купца, замечательного мастера создания копий шедевров итальянского Возрождения, сегодня мало известно даже историкам искусства. Он умер во Флоренции через три года после окончания Второй мировой, так и не узнав о судьбе своих работ, оставленных в России еще до начала Первой, как ее называли русские эмигранты, Великой войны.

А между тем его талант ценил Павел Муратов, один из самых блистательных русских искусствоведов XX столетия. Он просто восторгался методами Лохова, создававшего огромные копии Беллини и Фра Анжелико с соблюдением методик эпохи создания полотен. Все, до мельчайших пятнышек грязи, реконструировалось русским реставратором необыкновенно тщательно. «Теперь уже не помню, при каких обстоятельствах я видел впервые его работы... Нельзя было отрицать, что это были совершенно исключительные копии. Лохов тут же объяснил причину этого. В отличие от заурядного копииста, старающегося какими угодно средствами достигнуть сходство с оригиналом, Лохов стремился раскрыть самый процесс создания картины и в точности повторить его. Возможно ли это? Результаты были налицо. “Аллегория” (из Уффици) и “Пиета” (из Бреры) Беллини, “Паллада” Боттичелли, фреска Беноццо Гоццоли из Палаццо Риккарди были повторены (в буквальном смысле слова “воспроизведены”) им с таким совершенством, с каким это никогда никому другому не удавалось... Он проник глазом в глубину живописи своих оригиналов: “Пиета” Беллини удалась ему так хорошо, потому что он разглядел или разгадал все странные и неожиданные ее цветные подмалевки и в своей копии повторил их» [Муратов 1926]. Муратов также отмечал фантастическую точность Николая Николаевича при работе над фресками: «При воспроизведении фресок эта необыкновенная тщательность привела его уже совсем к беспорным результатам. Не только пишет он действительной фреской на специально подготовленном слое сырой известки, совсем как писали флорентийские мастера. Но при изучении Мазаччо и Гирландайо ему удалось найти те еле заметные каймы в разное время высохшей краски, которые обозначают во фреске работу каждого дня» [Там же]. Также не скрывал своего восторга классик американского искусствознания Бернанд Беренсон (Berenson). Однако он не ограничивался эмоциями — благодаря ему работы Лохова хранятся в Питтсбургском университете, в Искусствоведческой библиотеке Нью-Йорка, в Художественном музее Фогт при Гарвардском университете.

Самое интересное, что Николай Николаевич вовсе не предполагал работать для европейских и американских заказчиков. Его судьбу, как и миллионов других жителей Российской империи, расколола Первая мировая, а затем революция и Гражданская война.

Каждый раз, проходя по Волхонке мимо или входя в Музей изобразительных искусств, мы конечно вспоминаем Ивана Владимировича Цветаева. Сын владимирского дьячка, он сумел по всей Европе собрать артефакты и сделать копии великих произведений мировой цивилизации. Но, любуясь поразительными слепками с античных и древнеримских скульптур, мы знать не знаем, что в Музее Цветаев предполагал грандиозную галерею копий работ мастеров Возрождения. И заказал эту работу Николаю Лохову.

Николай Николаевич Лохов воплотил своей судьбой многие заблуждения русской интеллигенции. Исключенный из Санкт-Петербургского университета за революционные увлечения, он в родном Пскове стал «экономистом» и даже с этих позиций спорил с Лениным, которого занесла на северо-запад революционная судьба. «Между Лоховым и Лениным, иногда в моем присутствии, происходили горячие споры, чрезвычайно острого характера, так как Лохов в это время состоял членом петербургского комитета партии, сплошь состоявшего из “экономистов”. Понятно, что политик Ленин с особой страстностью нападал на “еретика” Лохова, мешавшего его влиянию на рабочих в одном из главных центров соц.-демократического движения», — вспоминал князь Владимир Оболенский, один из известных деятелей кадетского движения [Оболенский 1948]. Причем Оболенский подчеркивал, что Лохов всегда мечтал, как после падения большевизма в Москве откроется музей с его работами.

Николай Николаевич сумел бежать за границу из псковской ссылки и вернулся в Россию лишь по амнистии, принятой царем в результате революционных событий 1905 г. Но весь дурман насильственного передела мира уже прошел окончательно. Николай Николаевич всю силу и мощь своего таланта направил на создание копий шедевров мировой живописи.

Именно тогда он и встретился с Иваном Владимировичем Цветаевым, и тот, познакомившись с его работами, заказал создание копий 70 полотен мастеров Возрождения. Николай Николаевич в Европе окунулся с головой в работу, но дальше умер Цветаев, потом началась война, и мастер так навсегда остался в эмиграции.

Трудолюбием, тщательностью и душевными затратами он поражал окружающих. «Чтобы снимать копии с фресок, нарисованных в куполе какой-нибудь церкви, ему приходилось строить огромные помосты и поднимать на них цементные глыбы при посредстве системы блоков. В течение тридцати лет усидчивой работы он составил большой музей картин и фресок, который хранился во Флоренции в ожидании отправки в Россию. Большая часть его копий написана красками, употреблявшимися старыми мастерами, так что посетители будущего московского музея будут видеть не только копии, но как бы подлинники знаменитых произведений искусства эпохи Возрождения» [Там же].

Такова общепринятая канва биографии Лохова, представленная в немногочисленных работах, посвященных художнику. Однако все было не совсем так.

И это блестяще продемонстрировали известный историк русской Италии Михаил Талалай и псковский искусствовед Тамара Вересова. В своей недавно вышедшей в московском издательстве «Старая Басманная» книге «Художник Николай Лохов и его окружение» они распутали весь клубок жизни мастера.

Главное открытие — то, что ряд работ Николая Николаевича оказался совсем рядом, под рукой. И хранятся они ныне в Музее при Московской государственной художественно-промышленной академии имени С.Г. Строганова. Оказывается, Николай Николаевич привез несколько своих произведений на родину и, оставив их в Москве, вернулся в Италию продолжать работу. Дальнейшее известно.

Что особенно привлекает — авторы книги использовали значительное количество архивных материалов, с которыми работали прежде всего во Пскове, а также в Москве, в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Особенно пригодились им документы реставратора и художника Евгения Евгеньевича Климова, неоднократно приезжавшего к Лохову в Италию. Кроме того, сын Климова, известный славист Алексей Евгеньевич Климов, из своего личного архива предоставил для работы авторам дневники отца.

И тем не менее есть определенные лакуны. К примеру, почти неизвестна жизнь Н.Н. Лохова в период его пребывания за границей после побега из ссылки до возвращения после 1905 г. Так же как и не ясна судьба некоторых работ художника. Однако главное сделано: на основе большой работы с источниками создана первая книга о блистательном русском мастере, почти неизвестном до этого отечественным специалистам.

Литература

Муратов 1926 — *Муратов П.* Римские письма. Лохов // Последние новости. 1926. 11 февр.
Оболенский 1948 — *Оболенский В.* Редкий дар: Памяти Николая Лохова // Русская мысль.
1948. 20 авг.

ХРОНИКА

М.А. Васильева

«РУССКИЙ МОНПАРНАС» КАК ХРОНОТОП:
О ВЫСТАВКЕ В ДОМЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

...Только в полночь Париж совершенно стихал, и во всем городе оставалось несколько оживленных перекрестков, как оазисы в каменной ночной пустыне — Монпарнас, Монмартр, некоторые места Больших Бульваров — то, что называлось ночным Парижем.

Гайто Газданов. Ночные дороги

Выставочный сезон 2017/18 г. оказался крайне богат проектами, посвященными русскому Парижу, и прежде всего Монпарнасу. Практически одновременно в Москве и Петербурге прошли выставки «Хаим Сутин. Ретроспектива» (Государственный музей изобразительных искусств; 24 октября 2017 — 21 января 2018); «Модильяни, Сутин и другие легенды Монпарнаса» (Музей Фаберже, 25 ноября 2017 — 27 марта 2018), создав тем самым многомерный и содержательный контекст выставке «Русский Монпарнас» (24 ноября 2017 — 1 марта 2018), прошедшей в Доме русского зарубежья (приурочена к 300-летию установления дипломатических отношений между Россией и Францией). Между тем выставка в ДРЗ значительно отличалась от репрезентативных проектов на ту же тему и более скромным масштабом, и принципиально иной интерпретацией парижского сюжета. Выставка «Русский Монпарнас» — попытка увидеть межвоенный Париж под несколько иным углом зрения; не столько изобразительное искусство и художественная жизнь здесь обретают статус *persona grata*, сколько сложное переплетение судеб, многомерные культурные связи, которым обязано было русское зарубежье легендарному парижскому кварталу. В силу этого творчество знаменитой интернациональной Парижской школы становится частью сложного феномена, а «архитектуру» экспозиции, помимо графики русских парижан, составляют также автографы, фотографии и документы, отдельные издания, эмигрантская периодика, семейные реликвии, афиши, документальные киноленты и аудиозаписи тех лет. В сущности, на небольшом выставочном пространстве Дом русского зарубежья постарался представить сколок эпохи в ее разных проявлениях, русский Монпарнас — как текст и хронотоп. Замысел создателей выставки (автор и куратор проекта Мария Васильева) был аутентично интерпретирован дизайнером Виталием Кулишовым с группой экспозиционеров (Ольга Тесленко и Ольга Соколова). Выставочное пространство было разделено на несколько тематических зон и стало напоминать улицу с выходами в переулки. При этом архитектура зала, напоминая сложный лабиринт, исключила замкнутость благодаря остроумному

дизайнерскому решению: все тематические зоны просматривались с любой точки — так, чтобы сюжеты выставки вели визуальный диалог друг с другом.

Проект был подготовлен в сотрудничестве с Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, который любезно предоставил для экспонирования из своих фондов графику русских парижан — работы Осипа Цадкина, Ивана Пуни, Константина Терешковича и Сергея Шаршуна, — ставшую безусловным украшением выставки. Особую признательность хотелось бы выразить директору ГМИИ Марине Девовне Лошак, заместителю директора по науке Ирине Викторовне Бакановой и заведующей отделом графики Наталии Олеговне Веденеевой, оказавшим всестороннюю поддержку начинанию Дома русского зарубежья.

«Монпарнасская эпоха» XX в. была недолгой, заняв лишь два-три десятилетия — 1910–30-е гг. Однако этот исторический и культурный феномен был настолько значимым, что оказался в центре внимания послевоенной мемуаристики многих представителей первой волны русской эмиграции. О русском Монпарнасе писали Юрий Терапиано («Встречи», 1953) и Георгий Адамович («Одиночество и свобода», 1955), Владимир Варшавский («Незамеченное поколение», 1956) и Глеб Струве («Русская литература в изгнании», 1956), Андрей Седых («Далекие, близкие», 1962) и Нина Берберова («Курсив мой», 1972), Зинаида Шаховская («Отражения», 1975) и Ирина Одоевцева («На берегах Сены», 1978), Александр Бахрах («По памяти, по записям», 1980) и Василий Яновский («Поля Елисейские», 1983), Роман Гуль («Я унес Россию. Апология русской эмиграции», 1981–1989) и многие другие русские эмигранты.

Выставка «Русский Монпарнас». Куратор М.А. Васильева, художник В.А. Кулишов

Вот как оценивал атмосферу тех лет Юрий Терапиано: «Вторая половина двадцатых и первая половина тридцатых годов являлась воистину героическим периодом в жизни парижской молодой литературы. Незаметно, безо всякой преднамеренности, сам собою, создавался как раз тот “таинственный разговор о самом важном и главном”... <...> Создался особый “климат духовный” — многие участники монпарнасских собраний ему обязаны. Монпарнас тех лет был как бы орденом “Рыцарей бедных”, связанных общностью устремления и мироощущения».

Русская эмиграция органично влилась в культурную жизнь квартала и довольно быстро «подверсталась» Монпарнас под свои задачи и нужды. Постепенно XIV округ на левом берегу Сены стал обрастать знаковыми русскими адресами: балетная студия Ирины Гржебиной, Интимный театр Дины Кировой, русский ресторан «Доминик», Парижский комитет помощи русским писателям и ученым... На «блистательном Монпарнасе» кипела творческая жизнь и ковалась литературная мысль русского зарубежья. Здесь в знаменитых парижских кафе («Дом», «Куполь», «Ротонда», «Селект», «Клозери де Лиля», «Хамелеон», «Таверна Дюмениль») проходили заседания литературных объединений русского Парижа — «Гатарапак», «Палата поэтов», «Через», «Перекресток», «Кочевье». Монпарнасской атмосферой была создана и знаменитая «Парижская нота» — неформальное литературное течение, которое увлекло большинство молодых писателей пореволюционной эмиграции.

Именно здесь определялась стратегия знаменитого журнала «Числа». Для бедствующей эмиграции подобное периодическое издание — с оригинальным оформлением и прекрасными репродукциями — было уникально. Здесь же встречались и проводили выставки известные русские художники: Н. Гончарова, М. Ларионов, М. Шагал, В. Барт, И. Пуни, М. Васильева, К. Терешкович, С. Шаршун, О. Цадкин и др. Многие из них вошли в состав «художественной группы “Чисел”», устраивая выставки под эгидой журнала. Недалеко от бульвара Монпарнас расположилась и знаменитая Художественная академия Марии Васильевой (авеню дю Мэн, 21), которую посещали не только русские художники, но и многие представители Парижской школы: Ж. Брак, А. Модильяни, Ф. Леже, Л. Фужита и др. Интернациональный Монпарнас был также напрямую связан и с резиденци-

Н. Хэмнетт. *Café de la Rotonde*. Париж. Не позднее 1923 г. Бумага, карандаш. Музейное собрание ДРЗ

ей художников «La Ruche» — так русская эмиграция через монпарнасский топос вновь объединялась, наводила мосты и внутри русского рассеяния, и с внешним европейским миром.

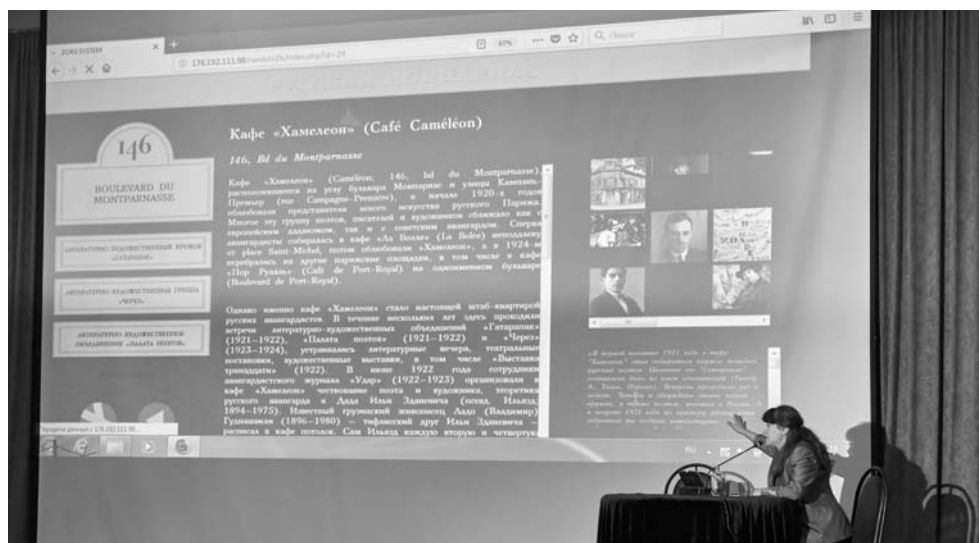
Большинство кафе, послуживших пристанищем для русских писателей, художников и артистов, находилось на пересечении бульваров Монпарнас и Распай (перекресток Вавен). На другом же конце бульвара по адресу: бульвар Монпарнас, 10, обосновалось сразу несколько организаций, напрямую связанных с религиозно-философской традицией русского зарубежья: секретариат Русского студенческого христианского движения, книгоиздательство «УМСА-Press», редакции журналов «Вестник РСХД», «Путь» и «Новый Град», Религиозно-философская академия Н.А.Бердяева, церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (Введенская церковь) и т. д. Это был своего рода духовный центр русской эмиграции. Особенностью же монпарнасского «климата духовного» было глубинное переплетение литературно-артистического и философского бытования русской эмиграции. Монпарнасская идеология отразилась во многих литературно-художественных, литературно-критических и философских произведениях русских парижан (Г. Адамовича, В. Варшавского, Б. Вильде, Г. Газданова, Г. Иванова, К. Мочульского, Б. Поплавского, С. Шаршуна, Г. Федотова, И. Фондаминского и др.). Благодаря «кодексу чести», выработанному особой философской аурой русского Монпарнаса («разговор о самом важном и главном»), многие русские парижане во время Второй мировой войны сделали безоговорочный выбор в пользу Сопrotивления.

Передать всю многосложность уникального монпарнасского топоса на большом выставочном пространстве — цель трудновыполнимая, поэтому организаторы выставки подошли к решению вопроса «феноменологически», представив разные грани жизни русского Монпарнаса через отдельные феномены. Жизнь литературно-артистической богемы — через образ прославленного кафе «Ротонда»; художественную жизнь русского Монпарнаса — через два известных адреса: Академию Марии Васильевой и фаланстер художников «Улей» («La Ruche»); историю периодических изданий и литературных полемик — через журнал «Числа»; судьбу одного человека на фоне эпохи — через личный архив апологета русского Монпарнаса Владимира Варшавского. На выставке были также представлены материалы, посвященные знаменитому адресу Монпарнас-10 (рукописи Н. Бердяева, Б. Вышеславцева, В. Ильина, документы, связанные с деятельностью «УМСА-Press» и РСХД, акварели сестры Иоанны Рейтлингер и т. д.), кинодеятелям русского Парижа, творчеству Сергея Лифаря, мемуарам русской эмиграции, в том числе истории издания книги Владимира Варшавского «Незамеченное поколение» (1956). На выставке впервые были продемонстрированы уникальные материалы и музейные реликвии из фондов Дома русского зарубежья (рукотворные открытки А. Ремизова, рукописи Б. Поплавского, личные вещи В. Варшавского, неизвестные фотографии прот. С. Булгакова, рисунки А. Арнштама, письма Г. Адамовича, К. Мочульского, Г. Федотова, С. Шаршуна и т. д.). Событием проекта стало экспонирование картин представителей Парижской школы из собрания Марка Талова — в том числе портрета самого М. Талова, созданного Жанной Эбютерн — любимой женщиной и музой великого Амедео Модильяни.

Задачу показать русский Монпарнас во всей его полноте взяла на себя мультимедийная часть проекта. Возможность пройтись по легендарным бульварам и улочкам Монпарнаса, увидеть воочию русские адреса и узнать их историю предоставила интерактивная карта «Русский Монпарнас». Виртуальная прогулка по левому берегу Сены — результат отдельной поисковой работы группы исследователей (М.А. Васильева, О.А. Коростелев, С.Р. Федякин, Н.И. Герасимов, С.Ю. Урбан; техническое сопровождение А.С. Савоневич). Особую ценность «живой карты» Монпарнаса представляют авторские фотоснимки Светланы Урбан, запечатлевшей современные виды знаменитых эмигрантских адресов. Идея интерактивной навигации по русским историческим местам французской столицы вызвала большой интерес и отклик у наших зарубежных соотечественников. Неоценимую помощь в подборе материала оказали Марина Юрьевна Дориомедова (Неаполь), о. Даниил Кабаньольс (Sabagnols) и Татьяна Владимировна Викторова (Париж), за что устроители выставки приносят им свою искреннюю признательность.

Ж. Эбютерн. Портрет Марка Талова. Париж. 1919 г. Бумага, карандаш. Музейное собрание ДРЗ

Презентация мультимедийного проекта «Карта «Русский Монпарнас»» на открытии выставки 23 ноября 2017 г.

Презентация мультимедийного проекта прошла в рамках торжественного открытия выставки. На открытии с приветственным словом выступили директор Дома русского зарубежья им. А. Солженицына Виктор Москвин, советник по культуре посольства Франции в России Оливье Гийом (Guillaume), заместитель директора по науке ГМИИ им. А.С. Пушкина Ирина Баканова, директор Государ-

Торжественное открытие выставки «Русский Монпарнас». Слева направо: Жорж Нива, Оливье Гийом, Вениамин Смахов, Виктор Москвин, Владимир Угаров

Торжественное открытие выставки. Стихи поэтов «Парижской ноты» читает Вениамин Смахов

ственного литературного музея Дмитрий Бак, профессор Женевского университета и президент «Русского кружка» при университете Жорж Нива (Nivat). На вечере также выступила Анна Чулкова, передавшая в ДРЗ коллекцию картин художников Парижской школы из собрания Марка Талова. Завершилось открытие выставки стихами монпарнасских поэтов — Георгия Иванова, Георгия Адамовича и Бориса Поплавского в исполнении друга нашего Дома, выдающегося актера театра и кино Вениамина Смехова.

К открытию выставки был приурочен круглый стол «Русский Монпарнас: Топография, судьбы, творчество» в рамках постоянного научно-популярного семинара «Русское зарубежье. Неизвестные страницы». В дискуссии приняли участие Манфред Шруба (Бохумский университет / Миланский университет) с докладом «УМСА-Press. Каталог 1921–1956» как библиографический источник; Николай Игоревич Герасимов (Дом русского зарубежья) с докладом «Николай Бердяев в контексте русского Монпарнаса»; Анник Морар (Женевский университет) с докладом «“Чудовищное” творчество Сергея Шаршуна. О проекте издания»; Андрей Сергеевич Егоров (Московский музей современного искусства) с докладом «Мастерская на авеню дю Мэн, № 21 сегодня: художественный и исследовательский центр Villa Vassilieff»; Сергей Романович Федякин (Литературный институт им. А.М. Горького; Дом русского зарубежья) с докладом «Георгий Иванов в “Числах”»; Елена Владимировна Кривцова (Дом русского зарубежья) с докладом «“На музыкальном Монпарнасе”. К постановке вопроса о “русском присутствии”»; Иван

Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в России Сильви Берманн в гостях у Дома русского зарубежья. Экскурсия по выставке «Русский Монпарнас». 1 февраля 2018 г.

Никитич Толстой (Радио Свобода, Прага) с докладом «Монпарнасская филология: Григорий Лозинский, попытка русско-французского профиля».

1 февраля 2018 г. выставку «Русский Монпарнас» посетила Чрезвычайный и Полномочный Посол Французской Республики в Российской Федерации госпожа Сильви Берманн (Bermann) в сопровождении советника по культуре и сотрудничеству Оливье Гийома и сотрудника посольства Ирен Зайончек. Это первый визит госпожи Берманн в Дом русского зарубежья, и она с большим интересом познакомилась с его деятельностью. В тот же день госпожа Берманн очень тепло написала о выставке на странице посольства в Твиттере. От Дома русского зарубежья французскую делегацию встречали директор Виктор Москвин, заместитель директора по общим вопросам Владимир Угаров, заместитель директора

по науке Наталия Гриценко, ученый секретарь Мария Васильева и сотрудник международного отдела Светлана Романова.

IN MEMORIAM

И.В. Домнина

АНДРЕЙ ЛЬВОВИЧ СМЕТАНКИН
(1928–2018)

Ряды многолетних друзей, ревнителей, дарителей Дома русского зарубежья неумолимо редеют. 1 августа 2018 г. во Франции ушел из жизни один из самых давних в этом строю — Андрей Львович Сметанкин.

Его биография в чем-то типична для тех, кто появился на свет в молодых семьях первой волны русской эмиграции. Он родился 25 октября 1928 г. в Булонь-Биянкур (тогда — ближайший пригород Парижа), где на знаменитых заводах «Рено» работали тысячи русских изгнанников. Его отец был казаком станицы Чернышевской Всевеликого Войска Донского, боролся против большевизма, эвакуировался из Крыма осенью 1920 г. Мать происходила из семьи Генерального штаба генерал-майора В.К. Бурковского, прибывшего в Париж через Балканы. Семья Сметанкиных, в которой кроме старшего сына — Андрея — были его младший брат и сестра, к 1941 г. переехала в Париж, где устроилась в самом «русском» — XV районе.

В 1947 г. Андрей Сметанкин окончил русскую гимназию в Париже и после подготовительных курсов в 1948 г. поступил на медицинский факультет университета. Но через полтора года из-за трудного материального положения семьи вынужден был оставить обучение и пойти работать, поочередно осваивая профессии таксиста, кровельщика и, как он по старинке называл, — приказчика в небольшом предприятии. Тем не менее после двенадцатилетнего перерыва, уже в начале 1960-х гг., Андрей Львович возобновил свое медицинское образование и стал дипломированным врачом-офтальмологом. Сказался казачий характер. Но был еще один, возможно важнейший фактор: его брак с Марией Васильевной Гудковой, с которой они венчались в 1962 г., хотя были знакомы с 1947 г. — оба оканчивали русскую гимназию в Париже. Мария Васильевна (всю жизнь друзья называли ее Мусей) была немного старше

*Андрей Львович Сметанкин.
Фото И.В. Домнина*

Андрея Львовича, попала во Францию с родителями сразу после Второй мировой войны со второй волной эмиграции. Ее отец В.М. Гудков являлся крупным педагогическим деятелем на юге России — еще императорской, а затем в Советском Союзе. Ко времени бракосочетания Андрея и Марии она уже была врачом и настаивала на продолжении обучения Андрея.

У них не было детей, но в браке они счастливо прожили почти полвека до кончины Марии Васильевны в 2011 г. Все это время были верными, благочестивыми прихожанами известного всему русскому Парижу храма Христа Спасителя в Аньере. Трудно было найти более русскую пару. Общаясь с ними, останавливаясь в их гостеприимном доме в Буа-Коломб (соседнем с Аньером ближайшем пригороде Парижа), можно было забыть, что находишься во Франции: русские разговоры, русские темы, иконы, картины русских художников, в том числе классиков, русские книги.

Когда рухнул Советский Союз и в стране возникли огромные трудности во всех сферах, Андрей Львович организовал несколько благотворительных акций по сбору в Париже и доставке больших партий медикаментов на свою историческую родину, которой всегда для него являлась Россия. А впервые он посетил ее еще в советские времена, в 1960-х гг. Тогда ему удалось добраться до Ростовской области, до родных мест его отца.

Так вышло, что Андрей Львович был едва ли не первым из лиц «старой эмиграции», с которыми мне при посредстве коллеги из Института истории России РАН А.С. Федотова (впоследствии он несколько лет работал у нас в Доме русского зарубежья) довелось познакомиться, что называется, в живую. С той поры прошло почти четверть века. Постепенно А.Л. Сметанкин проникся делом, которому мы служим, — сохранением памяти и распространением знаний о русском изгнанничестве XX столетия. Он стал передавать в наш Дом отдельные архивные материалы, попадавшие в его руки, делиться различными изданиями эмиграции. Среди даров — около полутора тысяч эмигрантских открыток на темы Русской православной церкви, документы и художественные работы офицера и художника Н.В. Кураксина, архивы и картины художницы Н.Л. Брук, архив семьи И.Д. и М.И. Толстых, комплект редкого журнала «Вечное» и многое другое. Главным даром нашему Дому Андрей Львович с гордостью считал их с Марией Васильевной коллекцию живописи и графики русских художников-эмигрантов: работы Филиппа Малявина, Александра и Альберта Бенуа, Сержа Иванова, Бориса Крылова, Николая Кураксина, Александра Гефтера и других именитых и менее известных авторов. Эта коллекция размещена в отдельном зале и пока является единственной постоянно действующей экспозицией в нашем Доме.

Надо сказать, что А.Л. Сметанкин одаривал не только нас. Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки он преподнес в дар прекрасное собрание русских гравюр и литографий. В небольшой городок Всеволожск Ленинградской области он передал более 170 изумительных оригинальных фотографий тех мест, сделанных в начале XX в. Они принадлежали Л.Ф. Всеволожской, оказавшейся после революции в эмиграции, а уже в Париже — через несколько рук попали к Сметанкиным.

Андрей Львович отличался основательностью, рассудительностью, сосредоточенностью, настойчивостью в достижении задуманного. Он был корректен, обходителен, глубоко воцерковлен. Русская речь его, как у большинства представителей его генерации, удивительным образом сохраняла неповторимые формы и интонации речевой культуры старой России, унесенной в изгнание теми, кто покинул ее после революции и Гражданской войны и сумел передать своим детям.

В июне, когда Москву сотрясали страсти футбольных болельщиков, Андрей Львович вновь прилетел из Парижа и остановился в нашем Доме. Футбол не занимал его. Пробыв у нас несколько дней, он сел на теплоход и совершил круиз до Нижнего Новгорода, наслаждался видами русской природы, волжских берегов и приволжских городов. Вернулся довольный и вдохновленный. Правда, сказывались болезни и слабость. Улетая в последний день июня домой, сказал, что будет ждать меня в конце лета, — были у нас новые планы...

1 августа, в день седьмой годовщины кончины Марии Васильевны Сметанкиной, он сел за руль своего автомобиля и поехал в русский Покровский монастырь в Бюсси-ан-От, чтобы отстоять панихиду по своей супруге. Но доехать ему было не суждено — автомобильная катастрофа оборвала его жизнь.

Мы всегда будем помнить и чтить Андрея Львовича, а посетители Дома русского зарубежья будут видеть и изучать то наследие отечественной истории и культуры, которое собрал, сохранил и донес до России этот русский человек, всю свою долгую жизнь проживший во Франции.

К.Б. Ермишина, О.Т. Ермишин

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЛОВИНКИНА
(1935–2018)

Сергей Михайлович Половинкин скончался 17 июля 2018 г., накануне дня памяти своего небесного покровителя, преподобного Сергия Радонежского. Известный философ, автор более 200 научных работ, один из основателей семинара «Русская философия», проходившего в Доме русского зарубежья и в Доме А.Ф. Лосева, — он был в числе первопроходцев-исследователей русской философии. Друзья и коллеги называли его «патриархом русской философии» не только за выразительную внешность, но и за особое, теплое, отеческое отношение к окружающим, особенно к ученикам, студентам и аспирантам. Он был лицом кафедры отечественной философии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), пользовался неизменной любовью и уважением коллег и студентов, был самым «популярным» научным руководителем дипломных работ и кандидатских диссертаций. Часто значение человека открывается после ухода в мир иной. Сергей Михайлович был невероятно скромным человеком, что иногда препятствовало осознать его значение как мыслителя и исследователя. Обладая поистине энциклопедическими познаниями, он предпочитал выслушивать коллег, оппонентов, студентов, аспирантов и только после этого осторожно высказывать свое мнение, часто в шутиливой форме. Его деликатность особенно проявлялась в ситуациях, когда ему необходимо было высказать критическое суждение. Он не способен был обидеть или задеть человека, особенно на виду у других. Одновременно мог четко и с большой энергией высказать свое мнение о том или ином вопросе, если считал, что речь идет о чем-то существенно важном.

Обладая великолепным чувством юмора, аналитическим складом ума, огромным стремлением к познанию нового, способностью удивляться, С.М. Половинкин одновременно являл тип русского интеллигента — порядочного, немного наивного и даже чудаковатого. Особое место в его жизни занимал музей-заповедник «Коломенское», рядом с которым находилась его квартира. Он не был поклонником городского образа жизни с его суетой, тщеславием, истощением всех сил в погоне за «лучшим», дорогим, престижным. Природа давала ему силы жить и мыслить — не только метафорически или поэтически, но буквально. В юности он получил от врачей смертельный диагноз, но выжил благодаря особым упражнениям, зимним купаниям в проруби, часовым прогулкам на свежем воздухе.

Сергей Михайлович был обладателем крупнейшей в Москве философской библиотеки, которую собирал несколько десятилетий. Особое внимание он уделял

русской культуре в широком контексте — политическая и социальная мысль, литературная критика, исследования быта, нравов, биографий, исторического контекста. Этим определялся его подход к изучению русской мысли: он исследовал не просто философский текст и биографию автора, но эпоху, окружение, различные обстоятельства жизни и быта.

В 1959 г. Сергей Михайлович окончил механико-математический факультет МГУ, там же в 1965 г. — аспирантуру на кафедре философии естественных факультетов, после чего 19 лет (1965–1984) проработал на кафедре философии Московского физико-технического института, а в 1984 г. перешел в Московский государственный историко-архивный институт (с 1991 г. — РГГУ).

С.М. Половинкин считал, что пройденная им в студенческие годы школа математического мышления является краеугольным камнем его исследовательской работы. Однажды мы беседовали о роли критического суждения и методах работы в гуманитарных исследованиях. Сергей Михайлович заметил: «По долгу своей работы я часто встречаюсь с людьми, которые, допустим, выступают на конференциях, что-то говорят, но это все пустота, нет сути, они просто показывают себя, и — молодцы. Но ничего существенного в их сообщениях нет. Чем хороша математика — она приучает мышление избегать поверхностности, она дает импульс — докопаться до сути, вот до этого главного, существенного. И потом, решение задач показывает, что хотя и существует множество возможностей, но правильный ответ только один. Еще важна и стереометрия, все эти усеченные конусы, разрезы, вычисления — какая школа мысли!»

Из русских философов Сергею Михайловичу особенно был близок священник Павел Флоренский, который пришел в философию после физико-математического факультета Московского университета. Исследуя творчество Флоренского, С.М. Половинкин с особым вниманием относился к математическим истокам его мысли, к его аритмологии, монадологии, теории разрывов в бытии как аналога теории математических множеств. Он исследовал историю Московской философско-математической школы и указывал на то, что истоком русской философской мысли нужно считать лейбницианство, а значит, и персонализм. Лейбницианская монадология была особым образом осмыслена в России как теория персонализма, что нашло наиболее яркое отражение у Н.О. Лосского. Через Х. Вольфа, ученика Лейбница, монадология пришла в Россию, в том числе и через М.В. Ломоносова, который слушал его лекции в Марбургском университете. Русские философы считали, что каждая монада-личность способна к непосредственному общению, интуитивному прозрению другой монады-личности. Сергей Михайлович придерживался персоналистических взглядов не только в философии, но и в жизни, в общении. Каждый человек перед ним был личностью, которая хранит свою тайну, имеет свою уникальную судьбу. Личности в общении составляют особое сообщество, новую творческую монадологическую единицу. С.М. Половинкин говорил, что классическая пара монад — учитель и ученик. Для многих он был учителем, русским Сократом, который больше спрашивал, направлял мысль, а не подсказывал готовые ответы. Менторство, заносчивое или навязчивое руководство, ощущение собственного превосходства были совершенно ему чужды. Сер-

гей Михайлович обладал редкой способностью к дружбе, к общению. Недаром он подчеркивал, что русская философия выростала из споров, кружков, сообществ, соборного обсуждения. Кружки западников и славянофилов, Лопатинский кружок, встречи на «башне» Вяч. Иванова, московское и Санкт-Петербургское религиозно-философские общества, Пражская и Парижская группы евразийцев — все это показывает соборное начало русской философской мысли, отражает дух русской цивилизации.

Для С.М. Половинкина математические идеи были подлинным истоком философской мысли, и победу лингвистического подхода в философии XX в. он считал роковой. Сергей Михайлович подчеркивал, что философия — это то, что говорят философы, т. е. необходимо в первую очередь называть имена, обращаться к личности. Только личность определяет направление мысли, метод, идеи, подходы. С этой точки зрения И. Кант есть условие возможности для кантианства, а Э. Гуссерль — для феноменологии. Но как люди они могли ошибаться и даже с необходимостью ошибались, поскольку строили свои системы, исходя из субъективного видения. Никакая математика и никакая личность не могут претендовать на последнюю, крайнюю, незыблемую и вечную Истину. В этом вопросе Сергей Михайлович твердо исповедовал свою веру в Бога и свое смирение перед высшим Разумом.

Свою веру в Бога С.М. Половинкин нигде не рекламировал и не доказывал. Тем не менее одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что перед нами православный христианин. Верующим Сергей Михайлович стал еще в годы воинствующего атеизма, и это научило его крайней осторожности, которая, возможно, была излишней после падения коммунистической власти. Он рассказывал о том, как православные интеллигенты прятали иконы и религиозную литературу, как сам в годы гонений разыскивал запрещенные книги, хранил самиздат и делал ксерокопии изданий из спецхранов. Тема скрытого, сокровенного, тайного была ему близка. Сергей Михайлович общался с представителями катакомбной церкви, одним из первых открыто заговорил о тайном монашеском постриге А.Ф. Лосева, занимался имяславием и евразийством в годы, когда о них ничего не было известно не только обывателю, но и многим исследователям.

С.М. Половинкина можно по праву считать первопроходцем в области изучения евразийства. В первую очередь его интересовали историософские взгляды евразийцев, их творческий, новаторский подход к русской культуре, географии, проблемам персонологии и соборного творчества. Сергей Михайлович мало интересовался политическими аспектами евразийства. Политику он считал не просто малоинтересной частью евразийской теории, но и не дающей существенного понимания евразийства как уникального явления, при этом подчеркивая, что Серебряный век уже был болен евразийскими идеями. Евразийство звучало в стихах, в прозе, в публичных высказываниях, в самом стиле жизни, как он сложился в России накануне революции 1917 г. В этом смысле евразийство в эмиграции было концентрацией тех основных идейных интенций, которые сформировались в эпоху русского религиозного ренессанса начала XX в. С.М. Половинкин считал, что культурологический и историософский подход к изучению евразийства дол-

жен быть доминирующим. Это не значит, что Сергей Михайлович был наивен или не хотел называть вещи своими именами. Он просто умел точно отделить главное от второстепенного, существенное от внешнего или случайного.

Незадолго до кончины, несмотря на телесные страдания, Сергей Михайлович живо интересовался научными новостями, прошедшими конференциями, работой своих коллег и друзей. Он говорил, что молится: «Господи, дай мне христианскую кончину, мирную, непостыдную», при этом произнося молитву с большим чувством и смирением, ясным осознанием того, что неизбежное близко. С.М. Половинкин был личностью с особым складом ума, уникальным даром первым увидеть новое, редкой способностью вникнуть в явление, добравшись до сути, поэтому он постоянно менял мир, в котором жил. В мире больше нет Сергея Михайловича, но, к счастью, нам остались его книги.

С.М. Половинкин долгое время был известен как публикатор архивных текстов, автор предисловий к различным изданиям. Вероятно, из скромности он не стремился пропагандировать свои философские взгляды, о существовании которых знали только немногие его друзья. Однако в 2004 г. Сергей Михайлович все же решился открыто заявить о личном философском мировоззрении и издал книгу «Всё (опыт философской апологетики)». Мысли автора относительно сущности философии были сформулированы в указанной книге достаточно ясно и последовательно. О какой же «философской апологетике» шла речь? Автор книги взял на себя трудную задачу защитить религиозную философскую мысль от критики «научной философии», претендующей на истину в последней инстанции.

Как доказывал С.М. Половинкин, в разные эпохи философия сначала претендует на окончательное объяснение, а когда это не удается, впадает в скептицизм и начинает сомневаться во всем. История философии в книге «Всё» предстает не рядом разрозненных фактов, а единой традицией, формируемой бесконечной борьбой между стремлением к высшей Истине и критическим скепсисом. От Фалеса до Э. Гуссерля и М. Хайдеггера идет тяжба между философами, которые хотят заключить истину в рамки своей теории, и религиозными мыслителями, призывающими к смиренномудрию. Сергей Михайлович в этом споре, безусловно, принадлежал ко вторым, но считал, что одного ограничения в претензиях научного разума на исключительность мало. Он предлагал вернуться к некоторым важным основам философии, считая, например, негативным отказ философии Нового времени от удивления, о котором писал еще Аристотель. Сергей Михайлович полагал: «Не следует ли восстановить во всей полноте значение удивления в философии и удивляться всему: и ординарному, и неординарному» [Половинкин 2004, с. 96]. Правда, тогда удивление открывает доступ «чуда» в философию и начинает разрушать веру в незыблемость научных законов. Ссылаясь на А. Эйнштейна и его понятие «космической религии», С.М. Половинкин считал веру в «рациональную природу реальности» своеобразной религией, требующей безоговорочного подчинения. Однако для Сергея Михайловича незыблемой жизненной и философской ценностью была свобода, которая противоречит догматизму, в том числе в научной форме. Для утверждения свободы мысли он ввел понятие «всё возможное» (кратко «всё»). Он утверждал: «Пафос введения “всё” — предельная ши-

рота свободы воображения, сметающая любые поставленные ей пределы» [Там же, с. 101]. За пределами научного рационализма открывается, по определению Сергея Михайловича, «философия возможного», которая показывает, что с одной стороны есть полнота бытия, а с другой — скромные возможности человеческого мышления, и сблизить то и другое очень трудно. Тем не менее философ может отказаться от гордыни мысли и использовать все свои способности, чтобы сопоставить личное миропонимание, определяемое рефлексией, с образом высшей Истины, провозглашаемой религией. Общий стиль такого свободного религиозного философствования С.М. Половинкин пытался обосновать и развивать, считая самым важным выбор философа между теизмом и атеизмом. Он утверждал: «Свобода нужна философии для осознания своей исконной способности выбирать» [Там же, с. 137]. Только за личным выбором начинаются философские построения, метод, аргументация, логика — к такому выводу пришел Сергей Михайлович, исследуя историю мировой философии.

Личный выбор сделал и сам С.М. Половинкин, когда во время учебы в аспирантуре на кафедре философии естественных факультетов считал своим долгом внимательно прочитать и изучить труды позитивистов, материалистов и всех тех, кто считал, что наука является главной ценностью, в том числе для философии. Он откровенно признавал, что от большинства подобных работ испытывал скуку, и только, когда обратился к трудам русских философов, почувствовал что-то близкое для себя, заслуживающее внимания и вызывающее интерес. Затем, после сделанного личного выбора, Сергей Михайлович почти полвека посвятил исследованиям русской философии. Итоговыми в этом направлении стали его книги «Русская религиозная философия» (2010), «Христианский персонализм священника Павла Флоренского» (2015).

В сборнике «Русская религиозная философия» объединены избранные статьи автора, которые хорошо показывают круг его историко-философских интересов. В предисловии Сергей Михайлович вспоминал, каким открытием для него стала книга Л. Шестова «Potestas clavium» (Берлин, 1923), которую он «прочел с наслаждением» [Половинкин 2010, с. 7]. Затем, во время учебы в аспирантуре, Сергей Михайлович проштудировал «Столп и утверждение Истины» (М., 1914) священника Павла Флоренского. Вслед за этими книгами последовало знакомство со многими другими работами русских мыслителей, но личность П. Флоренского для С.М. Половинкина осталась центральной. Сборник начинается с раздела «Свящ. Павел Флоренский и...». Далее автор исследовал биографии и философские идеи И.В. Киреевского, П.А. Некрасова, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, Л. Шестова и др. В разделе «Школы, общества, течения» большое внимание уделено Московской философско-математической школе, которая представлена Н.В. Бугаевым, П. Флоренским и др. Завершает сборник статья «Евразийство и русская эмиграция», написанная еще в 1991 г., но по объему использованных источников и по глубине анализа ее можно считать уникальной для своего времени.

Последней вышедшей при жизни автора книгой С.М. Половинкина стала монография, посвященная П. Флоренскому. Изданный в РГГУ «Христианский персонализм священника Павла Флоренского» начинается с предисловия, содер-

жащего в кратком изложении общую концепцию Сергея Михайловича, согласно которой русская философия есть прежде всего история персонализма. С.М. Половинкин был солидарен с основными идеями персонализма, из которых он выделял для себя мысль: «Всем абстракциям-отвлеченностям русские персоналисты противопоставляли конкретную, живую, одушевленную личность. Они были близки к тому, чтобы личность полагать единственным видом бытия» [Половинкин 2015, с. 9]. Именно проблема личности, по мнению Сергея Михайловича, является главной для учений многих русских мыслителей, и Флоренский не был исключением. Книга состоит из небольших глав, которые тематически показывают с разных сторон персонализм Флоренского. С.М. Половинкин применил метод детальной реконструкции к философскому мировоззрению Флоренского, считая такой подход наиболее адекватным для изучения русской мысли и многообразия человеческой жизни. Книга о Флоренском была частью большого исследовательского проекта, над которым Сергей Михайлович работал в последние годы жизни. Труд по истории русского персонализма был практически закончен, но издать его автор не успел.

С уходом Сергея Михайловича Половинкина философское сообщество понесло невосполнимую утрату, без него значительно оскудела творческая энергия, питающая русскую мысль. Издание и изучение его философского наследия является важной и актуальной задачей. Сергей Михайлович был не просто исследователем русской философии, но и философом, взгляды которого основывались на персонализме, аритмологии, монадологии, теории множеств, религиозном мировоззрении. Придавая большое значение религиозной апологетике, он одновременно был последовательным мыслителем, ценившим математику и точные науки. В этом смысле его можно считать наследником священника Павла Флоренского, который пришел от математики к философии, а далее — к вере и церковному служению. По мнению С.М. Половинкина, этот путь дает свободу и радость, освобождает личность от формализма и научного догматизма. Свобода русской мысли, которая так привлекала Сергея Михайловича, в его работах заявлена с особой силой. Книги и статьи С.М. Половинкина открывают подлинное значение, масштаб и значимость русской мысли, поэтому можно сказать, что благодаря им наступило время, когда изучение русской философии приблизилось к уровню фундаментальных исследований.

Литература

- Половинкин 2004 — *Половинкин С.М. Всё (опыт философской апологетики)*. М.: Изд. автора, 2004.
- Половинкин 2010 — *Половинкин С.М. Русская религиозная философия: Избранные статьи*. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010.
- Половинкин 2015 — *Половинкин С.М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского*. М.: РГГУ, 2015.

РЕЗЮМЕ

УДК 82

Телеинтервью А.И. Солженицына на литературные темы с Н.А. Струве Париж, март 1976

Беседа А.И. Солженицына и Н.А. Струве, записанная в марте 1976 г. в Париже, в России впервые была опубликована в «Литературной газете» (27.3.1991). В интервью затронуты не только такие темы, как революция в России и Гражданская война, массовые ссылки и заключения, репрессии, выдворение, речь также идет об истории создания отдельных произведений А.И. Солженицына, о героях его романов и их прототипах, о задуманных, но пока не написанных главах романа «Красное Колесо» и многом другом.

Ключевые слова: Россия, русская литература, писатель, биография, литературный персонаж, роман-эпопея.

УДК 94(47).084

А.Ю. Сулов

Протоколы Второго съезда заграничных организаций партии социалистов-революционеров (Париж, 29 апреля — 6 мая 1928 г.)

Казань, Казанский национальный исследовательский технологический университет
E-mail: plusha131333@yandex.ru

Публикуются протоколы заседаний Второго съезда заграничных организаций партии социалистов-революционеров (Париж, 1928 г.). Рассматриваются организационные проблемы формирования и деятельности эсеровской эмиграции в 1920-е гг. Подчеркивается отсутствие полноценной научной истории ПСР в эмиграции, анализируются особенности эмиграции социалистов-революционеров, создание различных внутривнутрипартийных группировок, конфликты и противоречия. Исследуются причины неудачи Второго съезда как одной из последних попыток достичь партийного единства среди эсеров-эмигрантов.

Ключевые слова: социалисты-революционеры, эмиграция, Заграничная делегация, социализм, конфликт, съезд.

УДК 94 (4)

Б.В. Яковенко

Статьи из итальянской газеты «Россия» 1917–1918 гг.

*Предисловие и комментарии О.Т. Ермишина,
перевод с итальянского языка Ю.Г. Россиус*

О.Т. Ермишин

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: rfm@bfrz.ru

Ю.Г. Россиус

Москва, Институт философии Российской академии наук

E-mail: juliarossius@yandex.ru

Публикация включает политические статьи Б.В. Яковенко 1917–1918 гг. из газеты «Россия» с анализом событий в Европе и России, изложением политических взглядов и прогнозов. Яковенко призывал к единому союзу демократических стран, которые должны победить автократию и добиться всеобщего европейского мира. Яковенко верил в прогресс и оправдывал революцию, потому что революционные изменения должны стать источником новой, демократической жизни.

Ключевые слова: политика, история, революция, большевизм, демократия, свобода, Россия, Италия.

УДК 93/94

«Мы забыли, что законы написаны и пишутся для бедняков»:

Письма Г.П. Максимова и О.И. Максимовой

к Эмме Гольдман (апрель–май 1927 г.)

Предисловие, подготовка текста и комментарии Н.И. Герасимова

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

Публикация включает в себя два письма от Г.П. Максимова и О.И. Максимовой к Э. Гольдман. В них семья Максимовых решает вопрос о въездной визе в США. Письма дают представление о тесном сотрудничестве между анархистами-эмигрантами и ведущими политиками Канады, которые были готовы оказать помощь в решении указанной проблемы. Кроме того, Г.П. Максимов высказывает свое мнение о деле «Сакко и Ванцетти».

Ключевые слова: русская анархистская эмиграция, Г.П. Максимов, Э. Гольдман, русская эмиграция, феминизм, русские анархисты.

УДК 281.93; 929; 94

Н.В. Ликвинцева
**Архимандрит Лев (Жилле) в контексте истории
русского зарубежья**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

В статье рассматривается биография и творческое наследие французского католического иеромонаха, перешедшего в 1928 г. в православие, — архимандрита Льва (Жилле) — в контексте его участия в церковной и культурной жизни русского зарубежья. Автор прослеживает особенности его церковного служения в русском Париже, участие в РСХД, публикации на русском языке, преподавание в Свято-Сергиевском православном богословском институте, роль в создании первого франкоязычного православного прихода и в распространении идей Западного православия, участие в «Православном Деле», период жизни в Лондоне, позднее творчество и дружбу с митрополитом Антонием Сурожским.

Ключевые слова: история русского зарубежья, церковь, архимандрит Лев (Жилле).

УДК 94 (4)

М.В. Шкаровский
Служение протопресвитера Георгия Шавельского в Болгарии

Санкт-Петербург, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
E-mail: shkarovs@mail.ru

Заметной фигурой русской послереволюционной церковной эмиграции являлся бывший глава российского военного и морского духовенства протопресвитер Георгий Иванович Шавельский, еще до революции 1917 г. ярко проявивший себя как талантливый администратор, церковный писатель, поэт и историк. С 1920 г. до своей кончины в 1951 г. он проживал в Болгарии, внося заметный вклад в церковную жизнь этой страны. В конце 1926 г. отец Георгий Шавельский перешел в юрисдикцию Болгарской церкви и с этого времени служил в храмах Софии. Кроме того, он был профессором богословского факультета Софийского университета, преподавал в русских гимназиях, написал целый ряд научно-богословских и учебных книг. Особенную ценность представляют его обширные воспоминания. Хорошая память о протопресвитере сохраняется и в современной Болгарии.

Ключевые слова: русская эмиграция, Русская православная церковь, Георгий Шавельский, протопресвитер, Болгария, духовенство, Болгарская православная церковь.

УДК 930.253

В.Н. Ильин
«Русская музыка»
(главы из книги)

*Публикация и археографическое предисловие Е.В. Бронниковай,
вступительная статья К.Б. Ермишиной и В.Ю. Григорьевой,
комментарии К.Б. Ермишиной*

Е.В. Бронникова
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: bronnikova55@yandex.ru

К. Б. Ермишина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

В.Ю. Григорьева
E-mail: veronikagrigorjevaveronika@yandex.ru

Публикация включает две первые главы из работы В.Н. Ильина «Русская музыка». В предваряющей их вступительной статье анализируется его текст, имеющий ряд особенностей. Они обусловлены тем, что Ильин в качестве основы для своей работы использовал книгу Н.Ф. Финдейзена «Очерки по истории музыки в России» (М., 1928), которую он конспектировал, давая свои примечания к тексту Финдейзена. Работа Ильина не является плагиатом, это творческая переработка книги Финдейзена с позиций евразийской историософской концепции. Ильин показывает, что русская музыка отлична от европейской в первую очередь в силу историко-географических условий, она глубоко укоренена в стихии народности и соборности и в основе ее эллинизма. Ильин полагал, что русская музыка есть сплав скифо-татарской и славяно-эллинической стихий, а европейская выучка, которую прошла Россия в XVII–XVIII вв., стала школой композиторского творчества. Во вступительной статье также дан отзыв современного исследователя древнерусской музыки на основные положения Ильина о знаменном распеве.

Ключевые слова: эмиграция, история искусства, история русской музыки, евразийство, месторазвитие, европеизация, русское эллинизма.

УДК 930.85 + 93/94

«Нет утешения в разлуке...»:

Переписка Н.П. и Н.В. Толлей и Н.Е. Андреева (1948–1980 гг.)

*Публикация Е.Н. Андреевой, подготовка текста А.А. Кондратьевой
и М.Ю. Сорокиной, вступительная статья Е.Н. Андреевой и М.Ю. Сорокиной,
комментарии М.Ю. Сорокиной*

Е.Н. Андреева
Оксфорд, Оксфордский университет
E-mail: ena2360@mail.ru

М.Ю. Сорокина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

А.А. Кондратьева
Москва, Музей истории ГУЛАГа
E-mail: kondrateva@gmig.ru

Впервые публикуемая переписка Н.П. и Н.В. Толлей с Н.Е. Андреевым за 1948–1980 гг. рассказывает о судьбе и контактах членов Семинария / Археологического института им. Н.П. Кондакова в Праге (Чехословакия) / Белграде (Югославия) после Второй мировой войны.

Ключевые слова: Н.П. Толль, Н.В. Толль, Н.Е. Андреев, Археологический институт им. Н.П. Кондакова, Кондаковский семинарий, русская эмиграция, русское зарубежье, история науки, социальная история науки.

УДК 821.054.7

А.А. Бабиков
Сократова отрав

Москва, независимый исследователь
E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Статья рассматривает неизвестные или малоизвестные автобиографические и литературные источники в ранних пьесах («Смерть», 1923, и «Трагедия господина Морна», 1924) и рассказах («Удар крыла», 1924 и «Месть», 1924) В.В. Набокова и их последующее переосмысление в романе «Приглашение на казнь» (1936).

Ключевые слова: драмы и рассказы В.В. Набокова, автобиографические источники, «Приглашение на казнь».

УДК 94 (4)«1914/19» + 026 + 099.5

Н.А. Егорова

**Книга, библиотека и чтение в лагерях для военнопленных
Российской империи в Германии и Австро-Венгрии
в период Первой мировой войны**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: egorova@bfrz.ru

Работа посвящена теме военного плена периода Первой мировой войны. В статье рассматриваются некоторые аспекты лагерной повседневности, связанные с книгой и чтением в лагерях для военнопленных Российской империи в Германии и Австро-Венгрии. В числе этих аспектов: процесс обучения языкам и специальным наукам; лагерная пресса, выпускавшаяся пленными; круг чтения военнопленных; организация и функционирование лагерных библиотек. Автор опирается на опубликованные личные воспоминания военнопленных, а также на работы современных исследователей, отражающие положение русских военнопленных в германском плену. Впервые в научный оборот вводятся данные о конкретных книгах, принадлежавших лагерным библиотекам периода Первой мировой войны и хранящихся в настоящее время в фонде Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Ключевые слова: Первая мировая война, российские военнопленные, лагерный досуг, лагерные библиотеки, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

УДК 94(100) «1939/45» + 94(470) «1941/1945» + 325.2:82-94

Ю.В. Матвеева

Размышляя над «возвращением» писателя Бориса Ширяева

Екатеринбург, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ)
E-mail: julia-matveeva@yandex.ru

В статье дается полемическая оценка вышедших в 2010-е гг. книг писателя второй волны эмиграции Б.Н. Ширяева: «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол» (СПб.: Алетейя, 2007), «Италия без Колизея» (СПб.: Алетейя, 2014) «Кудеяров дуб: Повести и рассказы» (СПб.: ООО «Полиграф», 2016), «Бриллианты и бульжники: статьи о русской литературе» (СПб.: Алетейя, 2016), «Люди земли Русской. Статьи о русской истории» (СПб.: Алетейя, 2017), ставших результатом публикаторской деятельности редакторов-составителей А.Г. Власенко и М.Г. Талалая по возвращению литературного наследия прозаика. Особое внимание уделяется книге «Кудеяров дуб: Повести и рассказы», объединившей повести Ширяева, посвященные жизни русских людей под властью большевиков и на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны, а также книге «Бриллианты и бульжники: статьи о русской литературе», явившейся собранием литературно-критических статей, эссе и рецензий писателя, публиковавшихся

в различных эмигрантских изданиях. При том что все новоизданные книги Ширияева представляют собой безусловно новый для российского читателя материал, делается вывод о невозможности однозначного отношения к самой фигуре писателя-коллаборанта и его литературному творчеству, лишенному в вышеупомянутых изданиях объективного исторического и литературно-художественного комментария.

Ключевые слова: Б.Н. Ширияев, вторая волна русской эмиграции, коллаборационизм, Вторая мировая война, М.Г. Талалай, А.Г. Власенко.

УДК 821.054.7

«Там» наши усилия не остаются тщетными и принимаются с величайшим вниманием» (Пять писем из переписки редакторов альманахов «Мосты» и «Воздушные пути»)

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии
П. Трибунского и В. Хазана*

П.А. Трибунский
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: pt2140@yandex.ru

В. Хазан
Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Публикуемая переписка Г.А. Хомякова и Р.Н. Гринберга (1963–1964 гг.) охватывает две основные темы — издание альманахов «Мосты» и «Воздушные пути» и публикацию советской подцензурной литературы, и прежде всего «Реквиема» А.А. Ахматовой.

Ключевые слова: Г.А. Хомяков (Андреев), Р.Н. Гринберг, переписка, «Мосты», «Воздушные пути», «Реквием», А.А. Ахматова.

УДК 929.94(47).084

Н.П. Белевцева

**Врач на войне: Из переписки С.М. Серова (1884–1960) в архиве
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natbelev@gmail.com

Публикация фрагментов переписки врача Сергея Михеевича Серова (1884–1960) за 1917–1919 гг., переданной в Дом русского зарубежья им. А. Солженицына Н.А. Струве. Участник боевых действий на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, С.М. Серов оказался в эмиграции — сначала в Константинополе, затем в Пари-

же, где работал в госпитале Ляэнек и был личным врачом писателя И.С. Шмелева и других известных русских эмигрантов.

Ключевые слова: С.М. Серов, И.С. Шмелев, Юго-Западный фронт, свобода, Гражданская война, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

УДК 94(47).083.4 + 94(520) + 94(520).033.55

П.Э. Подалко

**Первый русский японоведа:
К 60-летию со дня смерти Павла Васкевича**

Япония, Токио, Университет Аояма Гакуин
E-mail: podalko@sipeb.aoyama.ac.jp

Настоящая работа знакомит читателя с описанием жизни и деятельности первого русского профессионального японоведа, ученого и дипломата П. Васкевича (1876–1958), чьи мемуары, написанные в эмиграции, впервые публикуются в России.

История жизни Васкевича представляется ярким примером того, какую роль в судьбе может сыграть случай, и как выбор, сделанный однажды в юные годы, определяет всю последующую жизнь человека.

Когда-то, много лет назад автору публикации выпала честь открыть имя Васкевича для японской читательской публики. Думается, пришло время рассказать российским читателям об этом человеке редкой, удивительной судьбы, долгая жизнь которого вместила в себя Русско-японскую и две мировые войны, почти двадцать лет дипломатической службы, путешествия, научную работу, нелегкие годы эмиграции, ставшем своеобразным живым мостом между Россией и Японией, ярким примером того, какую роль играет порой Япония в судьбе россиян.

Ключевые слова: Россия, Япония, Русско-японская война, Дайрен, эмиграция, мемуары, дипломатическая служба, переговоры, японоведение.

УДК 93/94-930.1

**Письма о Японии (1908–1912):
Новый архив дипломата Н.А. Малевского-Малевица**

*Публикация, вступительная статья, подготовка текста
и комментарии М.М. Горинова-мл.*

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

Публикация включает письма дипломата, посла России в Японии Н.А. Малевского-Малевица (1855–1919) к его сыну П.Н. Малевскому-Малевицу (1891–1974), храня-

щиеся в семейном архиве правнучки дипломата О.Н. Чевской. В письмах, написанных на обороте фотографий, дается изображение повседневной жизни российского посольства в Токио и жизнь Японии начала XX в.

Ключевые слова: Япония, дипломат, Николай Малевский-Малевиц, Токио, российское посольство, японцы.

УДК 929:1(09)

Н.В. Башкова

**Б.Н. Абрамов — ученик Н.К. и Е.И. Рерихов:
Вехи биографии по документам из государственных архивов**

Тула, Тульский Рериховский исследовательский центр
E-mail: santamig@mail.ru

В статье освещены ранее неизвестные страницы жизни Бориса Николаевича Абрамова (1897–1972) — духовного ученика и харбинского сотрудника Н.К. и Е.И. Рерихов, мыслителя, поэта и писателя. Имя Б.Н. Абрамова стало широко известно благодаря публикации (с 1993 г.) труда всей его жизни — нравственно-философских записей, получивших при издании название «Грани Агни Йоги» (с 1951 по 1972 г.).

В 2017 г., когда отмечался 120-летний юбилей со дня рождения Б.Н. Абрамова, автором статьи и другими исследователями были обнаружены важные документы в разных архивах России (РГВИА, РГАВМФ, ГАХК). Часть из них представляет собой анкеты, лично заполненные и заверенные Б.Н. Абрамовым. Они имеют особую ценность, так как в них впервые охарактеризованы самые драматичные этапы его жизни: участие в Первой мировой войне, Гражданской войне, в Великом сибирском ледяном походе; уточнены причины и путь эмиграции, а также временные периоды мест работы в Харбине (Китай). Б.Н. Абрамов вернулся в СССР в 1959 г. и жил с 1961 г. до конца жизни в г. Венёве Тульской области.

Ключевые слова: рериховское наследие, последователи Рерихов, Первая мировая война, Гражданская война 1918–1920 гг., Белое движение, Великий сибирский ледяной поход, белая эмиграция, русская эмиграция первой волны в г. Харбине (Китай), Учение Живой Этики (Агни Йога), «Грани Агни Йоги».

УДК 94(47).084 + 94(611)

С.А. Бешанова, Е.Н. Ельцова
**«Мы лишь тени былого...»: Захоронения с Русской эскадры
на христианском кладбище города Мензель Бургиба в Тунисе**

С.А. Бешанова
Тунис, Российский центр науки и культуры
E-mail: svetlanabechanova@yahoo.fr

Е.Н. Ельцова
Тунис, Высший институт языков г. Туниса, Университет Карфагена
E-mail: elcova-elena@mail.ru

Статья посвящена поисковой деятельности волонтеров-соотечественников из Туниса по восстановлению сведений о русских захоронениях на христианском кладбище в г. Мензель Бургиба. Во время французского протектората там располагался военноморской госпиталь Сиди-Абдалла, куда сразу по прибытии направляли на лечение раненых и больных с Русской эскадры, пришедшей из Крыма в Бизерту к январю 1921 г. Там же на местном кладбище появились первые русские захоронения. Фамилии и имена на плитах приведены во французской транслитерации, нередко в искаженном виде, иногда отсутствует и имя, но указана дата смерти / похорон, воинское звание и слово «Russe». Накануне 100-летия исхода Русской эскадры волонтерами организованы работы по приведению этого участка кладбища в достойный вид, а также поиск биографических сведений о захороненных, т. к. сохранение русских некрополей — это не только укрепление престижа России за рубежом, сближение представителей русской диаспоры и современной России, но и восстановление исторической памяти и справедливости.

Ключевые слова: волонтеры, русские захоронения, Русская эскадра, Ферривиль, порт Сиди-Абдалла, военноморской госпиталь, госпитальное судно «Цесаревич Георгий».

УДК 82-95+94(474.3)

С.А. Цоя
Книга о русской эмиграции в Латвии

<Рец.: *Ковальчук С.Н. Настоящий изгнанник с собой все уносит: судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг.* — М.: Новый хронограф, 2017. — 432 с.>

Рига, Латвия, Рижская средняя школа «Анниньмуйжа»
E-mail: coja@baltinet.lv

В рецензии кратко анализируется вышедшая в 2017 г. новая книга по истории русской эмиграции «Настоящий изгнанник с собой все уносит: судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг.», автор — доктор философии С.Н. Ковальчук. В работе рас-

сказывается о деятельности таких ученых, как историк проф. Р.Ю. Виппер, философы К.Ф. Жаков, М.Д. Вайнтроб и А.В. Вейдеман, юристы проф. В.И. Синайский, проф. А.Н. Круглевский, М.Я. Лазерсон, и о судьбе издания «Закон и суд». Отдельная глава посвящена истории деятельности РСХД в Латвии. Монография является ценным исследованием, проливающим свет на интеллектуальную жизнь, судьбы и научное наследие русских ученых, связанных с Латвией и Ригой в 1920–1944 гг.

Ключевые слова: российская эмиграция в Латвии, русская культура в межвоенный период, Латвийский университет, Русское студенческое христианское движение.

УДК 7.091

Д.В. Акулова

Русский балет после Дягилева

<Рец.: *Григорьев С. Оригинальный русский балет. 1932–1952.* — СПб.: Балтийские сезоны, 2016. — 392 с.: ил.>

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: malinki25@mail.ru

В рецензии рассмотрена книга воспоминаний артиста и режиссера Сергея Григорьева о работе с полковником де Базилем. «Оригинальный русский балет. 1932–1952» является продолжением книги С. Григорьева «Балет Дягилева», вместе с которой составляет рассказ о значительной эпохе в развитии балетного искусства. Перед читателями предстает целая плеяда театральных деятелей первой половины XX в. Мемуары впервые опубликованы на русском языке. Выявляются характерные черты авторского повествования и особенности издания.

Ключевые слова: С. Григорьев, балет Дягилева, полковник де Базиль, «Русский балет Монте-Карло», «Оригинальный русский балет», зарубежные гастроли.

УДК 82-95+75+7.07

В.В. Леонидов

Первая книга о Николае Лохове в России

<Рец.: *Вересова Т.В., Талалай М.Г. Человек Ренессанса. Художник Николай Лохов и его окружение.* — М.: Старая Басманная, 2017. — 318 с.>

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

Работа представляет собой рецензию на книгу Т.В. Вересовой и М.Г. Талалай «Человек Ренессанса. Художник Николай Лохов и его окружение». Это первое в России

исследование о жизни и наследии замечательного создателя копий шедевров итальянского Возрождения Николае Лохове (1872–1948), о его революционной молодости в России, дружбе с Иваном Цветаевым, о работе в Италии и о том, как в нашей стране отыскивались работы мастера.

Ключевые слова: Николай Николаевич Лохов, Иван Владимирович Цветаев, копии картин и фресок эпохи Возрождения, Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, русская эмиграция в Италии.

УДК 821.161.1

М.А. Васильева

**«Русский Монпарнас» как хронотоп: О выставке
в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijvasil@mail.ru

Статья посвящена выставке «Русский Монпарнас», прошедшей в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына (ноябрь 2017 — март 2018). Организаторы проекта попытались воспроизвести живую жизнь легендарного парижского квартала, представить русский Монпарнас как уникальный хронотоп и как наглядный пример интеграции русского зарубежья в европейское пространство и сохранения своей идентичности и своей культуры в чужой среде. На выставке были представлены архивные документы, музейные экспонаты, печатные издания и аудиовизуальные материалы из фондов Дома русского зарубежья, а также графика представителей Парижской школы из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Выставка была приурочена к 300-летию установления дипломатических отношений между Россией и Францией.

Ключевые слова: русская эмиграция, межвоенный Париж, русский Монпарнас, выставочная экспозиция, архивные документы и музейные экспонаты, аудиовизуальный и мультимедийный контент выставки.

SUMMARY

Interview with A.I. Solzhenitsyn to N.A. Struve on the Literary Topics

Paris, March 1976

The interview by N.A. Struve with A.I. Solzhenitsyn was recorded in March 1976 in Paris. It was first published in Russia in the «Literaturnaya Gazeta» (27 March 1991). The interview touched upon not only such topics as the revolution in Russia and the Civil War, mass references and conclusions, repressions, expulsion, it also deals with the history of the creation of individual works of A.I. Solzhenitsyn, about the heroes of his novels and their prototypes, about the conceived but not yet written chapters of the novel «The Red Wheel» and many other things.

Keywords: Russia, Russian literature, writer, biography, literary character, epic novel.

A.Y. Suslov

Protocols of the Second Congress of Foreign Organizations of the Party the Socialist-Revolutionaries (Paris, 29 April — 6 May 1928)

Kazan, Kazan national research technological University
E-mail: plusha131333@yandex.ru

Published protocols of meetings of the Second Congress of the overseas organizations of the party of socialists-revolutionaries (Paris, 1928). Examines the organizational problems of formation and activities of the socialist-revolutionary emigration in the 1920s. Emphasized the lack of full scientific history of the PSR in exile, analyzes the peculiarities of the emigration of the socialist revolutionaries, the establishment of various groups, conflicts and contradictions. Examines the reasons for the failure of the Second Congress as one of the last attempts to achieve party unity among the socialist-revolutionaries-emigrants.

Keywords: the socialists-revolutionaries, emigration, Foreign delegation, socialism, conflict, Congress.

B. V. Jakovenko

The Articles from Italian Newspaper «Russia» 1917–1918

The preface and comments by O.T. Ermishin, translated by J.G. Rossius

O.T. Ermishin

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: rfm@bfrz.ru

J. G. Rossius

Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

E-mail: juliarossius@yandex.ru

The publication consists of B.V. Jakovenko's political articles 1917–1918 from the newspaper «Russia» with the analysis of events in Europe and Russia, the statement of political views and forecasts. Jakovenko called to the union of democratic countries which must conquer autocracy and achieve universal European peace. Jakovenko believed in progress and justified revolution because revolutionary changes will be the source of new democratic life.

Keywords: policy, history, revolution, Bolshevism, democracy, freedom, Russia, Italy.

«We Forget that the Law is Written and Written for Poor People»:

Letters G.P. Maximov and O.I. Maximova

to Emma Goldman (April–May 1927)

The preface, preparation of the text and notes by N.I. Gerasimov

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

The publication includes two letters from G.P. Maximov and O.I. Maximova to E. Goldman. In them, the Maximov family solves the problem of an entry visa in the United States. The letters give an idea of the close cooperation between the Russian anarchist emigrants and the leading politicians of Canada who were ready to help in solving this problem. In addition, G.P. Maksimov expresses his opinion on the case of «Sacco and Vanzetti».

Keywords: Russian anarchist emigration, G.P. Maksimov, E. Goldman, Russian emigration, feminism, Russian anarchists.

N.V. Likvintseva

Archimandrite Lev Gillet in the Context of History of Russia Abroad

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

The author of the article examines biography and writings of Archimandrite Lev Gillet, initially catholic French hieromonk who became orthodox in 1928. His life and theological

heritage is analyzed in the context of his participation in ecclesiastic and cultural life of Russian emigration. It goes also about the character of his ecclesiastical ministry for «Russian Paris», as well as about his involvement in Russian Christian Students' Movement, his publications and lecturing in St. Sergius Orthodox Theological Institute, his role in the organization of the first francophone Orthodox parish and expansion of the ideas of Western Christianity. The article describes his participation in the «Pravoslavnoe Delo», his life in London and later writings, as well as his friendship with Metropolitan Antony of Sourozh.

Keywords: history of Russia Abroad, church, Archimandrite Lev Gillet.

M.V. Shkarovskiy

The Activities of Protopresbyter George Shavel'sky in Bulgaria

Saint Petersburg, Central State Archives of Saint Petersburg
E-mail: shkarovs@mail.ru

A notable figure of the Russian post-revolutionary Church emigration was the former head of the Russian military and naval clergy, protopresbyter Georgy Ivanovich Shavel'sky, who even before the Revolution of 1917 clearly manifested himself as a talented administrator, Church writer, poet and historian. From 1920 until his death in 1951 he lived in Bulgaria, by making a significant contribution to the Church life of this country. At the end of 1926 father Georgy Shavel'sky came under the jurisdiction of the Bulgarian Church and from that time served in the churches of Sofia. In addition, he was a Professor at the faculty of theology at the University of Sofia, taught at Russian gymnasiums, wrote a number of scientific, theological and educational books. His extensive memories are of particular value. A good memory of the Archpriest persists in modern Bulgaria.

Keywords: Russian emigration, Russian Orthodox Church, George Shavel'sky, protopresbyter, Bulgaria, clergy, Bulgarian Orthodox Church.

V.N. Ilyin

«Russian music» (chapters from the book)

*The publication and archeographic preface by E.V. Bronnikova,
introduction by K.B. Ermishina and V.Y. Grigorieva, comments by K.B. Ermishina*

E.V. Bronnikova
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: bronnikova55@yandex.ru

K.B. Ermishina
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

V.Y. Grigorieva
E-mail: veronikagrigrorjevaveronika@yandex.ru

The publication includes two chapters of V.N. Ilyin's «Russian Music». An analysis of the work highlighting a number of peculiarities is presented in the forward article. The peculiarities demonstrate the fact that Ilyin used Nicolas Findeisen's «Essays on the History of Music in Russia» (Moscow, 1928) as the basis for his work. Ilyin outlined the work, giving notes for Findeisen's book. Ilyin's work constitutes a legitimate, creative revision of Findeisen from the standpoint of the Eurasian historical philosophical concept. Ilyin demonstrates how Russian music is different from European primarily because of historical and geographical conditions. He also shows its deep roots in the element of national identity as well as traces of ancient Greek Hellenism. Russian music is thus an alloy of Scythian-Tatar and Slavic-Hellenic elements, and the European training that Russia underwent in the 17th and 18th centuries became both a school of compositional creativity and as a great advantage for the expression of Russian culture. In the forward article contemporary researcher gives feedback about Ilyin's concept of ancient Russian notation.

Keywords: emigration, history of art, history of Russian music, Eurasianism, place of development, Europeanization, Russian Hellenism.

**«No Consolation to Live Apart from...»:
The Correspondence of Nikolai and Nina Toll' with
Nikolai Andreev (1948–1980)**

*The publication, preparation of the text by A. Kondrateva and M.Yu. Sorokina,
preface by E.N. Andreeva and M.Yu. Sorokina, comments by M.Yu. Sorokina*

E.N. Andreeva
Oxford, Oxford University
E-mail: ena2360@mail.ru

M.Yu. Sorokina
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

A. Kondrateva
Moscow, Museum of the GULAG History
E-mail: kondrateva@gmig.ru

The correspondence of N.P. and N.V. Toll with N.E. Andreev for 1948–1980 deals with the fate and contacts of the members of the Seminary / Kondakov Archaeological Institute in Prague (Czechoslovakia) / Belgrade (Yugoslavia) after the Second World War.

Keywords: N.P. Toll, N.V. Toll, N.E. Andreev, Kondakov Archaeological Institute, Kondakov Seminarium, Russian Emigration, Russia Abroad, History of Science, Social History of Science.

A.A. Babikov

Socrates Hemlocker

Moscow, independent scholar
E-mail: andreybabikov1@gmail.com

The article observes some unknown or lesser known autobiographic and literature sources in early Vladimir Nabokov's dramas («Death», 1923, «The Tragedy of Mister Morn», 1924) and short stories («Wingstroke», 1924, «Revenge», 1924) and their further rethinking in his novel «Invitation to a Beheading» (1936).

Keywords: V. Nabokov's dramas and short stories, autobiographic sources, «Invitation to a Beheading».

N.A. Egorova

**A Book, a Library and Reading in the Camps
for the Russian Empire War Prisoners in Germany and Austria-Hungary
During the First World War**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: egorova@bfrz.ru

The article is about war captivity during the First World War. The article considers certain aspects of the daily camp life, related to the books and readings in the camps for the Russian Empire War prisoners in Germany and Austria-Hungary. These aspects include: study of languages and special subjects; camp media issued by the prisoners; the circle of readings of the war prisoners; organisation and work of the camp libraries. The author bases the research on the memoirs of the war prisoners, as well as on the modern researches, reflecting the life conditions of the Russian war prisoners in the German capture. For the first time the data on the particular books owned by the war camps libraries are published; these books are now deposited in the House of the Solzhenitsyn Centre of Russian Emigré Studies.

Keywords: the First World War, Russian war prisoners, camp leisure time, camps' libraries, the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad.

Y. Matveeva

Reflecting on the «Return» of the Writer Boris Shiryayev

Yekaterinburg, Ural Federal University
E-mail: julia-matveeva@yandex.ru

In this work is given a polemical estimate of two books which were written by the author of the second wave of emigration B.N. Shiryayev and which were published in 2010th: «Di-Pi in Italy. Notes of the doll seller» (St. Petersburg: Aleteya, 2007), «Italy without the Coliseum» (St. Petersburg: Aleteya, 2014), «Kudeyarov Oak: Tales and stories» (St. Peters-

burg: PLC «Polygraph») and «Diamonds and cobblestones: articles about Russian literature» (St. Petersburg: Alety), «People of the Russian land. Articles about Russian history» (St. Petersburg: Aletya, 2017) which became a natural continuation of the publication work of the editors-compilers A.G. Vlasenko and M.G. Talalay aimed at the return of the literary heritage of the writer. Particular attention is paid to the book «Kudeyarov oak: Tales and Stories», which unites the stories of Shiryaev, dedicated to the life of Russian people under the rule of Bolsheviks and in the occupied territories during the Great Patriotic War, as well as to the book «Diamonds and Cobblestones: Articles on Russian Literature» that is a literary-critical articles, essays and reviews of the writer, published in various emigre editions. Conclusion is that it is impossible to have an unambiguous attitude to the figure of the writer-collaborator and his literary work, which is devoid of the objective historical and literary-artistic commentary in the above-mentioned editions.

Keywords: B.N. Shiryaev, second wave of Russian emigration, collaborationism, «Kudeyarov Oak: Tales and stories», «Diamonds and cobblestones: Articles about Russian literature», World War II, M.G. Talalay, A.G. Vlasenko.

**«Our Efforts do not Remain in Vain and are Received
with the Greatest Attention “There”» (Five Letters from the Correspondence
of the Editors of the Almanacs «Mosty» and «Vozdushnye Puti»)**

The publication, preparation of the text, preface and notes by P. Tribunskii and V. Khazan

P.A. Tribunskii

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Russia Abroad

E-mail: pt2140@yandex.ru

V. Khazan

Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem

E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

The correspondence between G.A. Homjakow and R.N. Grynberg (1963–1964) deals with two major topics — issue of almanacs «Mosty» and «Vozdushnye Puti», as well as publication of Soviet censored literature, and, above all, «Requiem» by A.A. Akhmatova.

Keywords: G.A. Homjakow (Andreev), R.N. Grynberg, correspondence, «Mosty», «Vozdushnye Puti», «Requiem», A.A. Akhmatova.

N.P. Belevtseva

**The Physician in the War: S.M. Serov (1884–1960) Correspondence
in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: natbelev@gmail.com

The publication of the fragments from doctor S.M. Serov's correspondence at 1917–1919. Physician Sergei Mikheevitch Serov (1884–1960) participated in the First World and Civil wars. After the emigration to Constantinople and then to Paris worked in the hospital and was also a personal physician of the writer I.S. Shmeliov and other well-known Russian emigrants.

Keywords: S.M. Serov, I.S. Shmeliov, South–West front, freedom, Civil war, the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad.

P. Podalko

**Memoirs of the First Russian Japanologist, P. Vaskevich (1876–1958):
To 65th Anniversary of Completing of the Manuscript**

Japan, Tokyo, Aoyama Gakuin University

E-mail: podalko@sipeb.aoyama.ac.jp

This paper is a first public presentation in Russia of the manuscript written by late Pavel Vaskevich (1876–1958), who can also be called «the first Russian Japanologist». He himself was by nature a very gifted person, who served his country (then Czarist Russia) in various fields through the first quarter of the 20th century. After graduating from the Institute of Oriental Studies (Vladivostok), Vaskevich was an interpreter for the Russian Army during the Russo-Japanese War (1904–1905), then he served as diplomat in Korea (Seoul, Fuzan, Masampo), Japan (Tokyo) and China, where he was the last Russian Consul of Dairen until 1925. He later retired to Kobe, Japan, where he once lived with his fellow-ex-diplomat, Dmitrii I. Abrikossow, who then wrote about their life in the years of the Second World War in his later memoirs. In his youth, Vaskevich also wrote some research papers about Japan and Japanese people, which are still valuable today. In his later years, Vaskevich wrote his memoirs, where he described almost all his life starting with his youth, with special emphasis on Japanese things, including a few interesting episodes of the modern history of Russo-Japanese relations which are still unknown to the public and gave his own vision of modern society and the world order after the Second World War. After completing the writing of the manuscript in mid 1953, he sent it to his friend «Boris» (Boris I. Bock, or maybe Boris P. Doudoroff. — *P.P.*), who then lived in San Francisco, where a group of Russian émigrés (most of them former army or marine officers) had a plan to publish a book of their memoirs, commemorating the 50th anniversary of the Russo-Japanese war (1904–1905). Vaskevich himself also wanted to contribute to that book, but for some reason (yet unknown) his manuscript was not included in the volume. He died in 1958, and was buried at the Foreign Cemetery in Kobe by his friends, the family of the famous Russian merchant F.D. Morozoff, with whom Vaskevich was particularly friendly in his later years. After that, the

manuscript was stored in some private collection of papers for a while, from where it was given to the Museum of Russian Culture in San Francisco. It remained there unpublished for almost half a century, until I found it there when visiting in San Francisco in October, 2000. Here I want to thank cordially all the staff of the Museum, especially its deputy director G.A. Tarala, and curator A.A. Karamzin, for their cooperation and a lot of important advice they gave me, which made this first publication of Pavel Vaskevich's memoirs in Russia possible.

Keywords: Russia, Japan, Russo-Japanese war, Dairen, emigration, memoirs, diplomatic service, negotiations, Japan studies.

**Letters about Japan (1908–1912):
The New Archive of Diplomat N.A. Malevsky-Malevich**

The publication, introduction, preparation of the text and comments by M.M. Gorinov-jun.

M.M. Gorinov-jun.

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

The publication of letters of the Ambassador of the Imperial Russia to Japan N.A. Malevsky-Malevich (1855–1919) to his son P.N. Malevsky-Malevich (1891–1974). Documents are keeping in the family archive of the diplomat's great-granddaughter O. Chevskaya. The letters describe the Russian Embassy in Tokyo and the life of Japan in the early 20th century. They supplemented by the pictures of the Old Tokyo.

Keywords: Japan, diplomat, Nikolai Malevsky-Malevich, Tokyo, Russian Embassy, Japanese.

N.V. Bashkova

**B.N. Abramov — Disciple of Nicolas and Helena Roerich:
Biographical Milestones Based on Documents
from the State Archives**

Tula, Tula Roerich Research Centre

E-mail: santamig@mail.ru

The article deals with previously unknown pages of life of Boris Nicolaevich Abramov (1897–1972) — the spiritual disciple and Harbin coworker of Helena and Nicolas Roerich, a thinker, poet and writer. The name of Boris Abramov became well-known due to the publication (from 1993) of his lifework — ethical and philosophical records which were later titled «Facets of Agni Yoga» (from 1951 to 1972) by the publishers.

In 2017 when we celebrated the 120th-anniversary of the birth of N.B. Abramov the author of the article and other researchers have found important documents in different Russian archives (RGVIA, GRAVMF, GAXK). Some of them are forms which were personally filled and signed by B.N. Abramov. They are especially valuable as they characterize the most dramatic periods of his life: his participation in the First World War, the Civil War, and the

Great Siberian Ice March; the reasons and his emigration route and also the time periods of his places of work in Harbin (China) were specified. N.B. Abramov returned to the USSR in 1959. From 1961 and up to the end of his life he lived in Venev town of Tula region.

Keywords: Roerich heritage, Roerich followers, the First World War, Civil War 1918–1920, White movement, Great Siberian Ice March, White Russian emigration, the First wave of Russian emigration to Harbin (China), The Teaching of Living Ethics (Agni Yoga), «Facets of Agni Yoga».

S.A. Bechanova, E.N. Eltsova

**«We are Only the Shadows of the Past...»:
Burials from the Russian Squadron at the Menzel Bourguiba
Christian Cemetery in Tunis**

S.A. Bechanova
Tunisia, Russian Center of Science and Culture
E-mail: svetlanabechanova@yahoo.fr

E.N. Eltsova
Tunisia, Higher Institute of Languages of Tunis, University of Carthage
E-mail: elcova-elena@mail.ru

The subject of the article is volunteers' search activities on information retrieval about Russian burials at the Menzel Bourguiba Christian cemetery. During the French protectorate, there was the Sidi Abdallah naval hospital for wounded and sick persons from the Russian squadron that had arrived from the Crimea to Bizerte by January 1921. Thuswise, the first Russian graves appeared at the local cemetery. Officers' and soldiers' names on the tombstones are given in French transliteration, often in a distorted form, sometimes only with the date of funeral and word «Russe». On the eve of the 100th anniversary of the exodus of the Russians, volunteers started up bringing the cemetery site into the decent standard, as well as searching for biographical information on the belowground people. It is done out of desire to save the historical memory and justice and strengthen coming closer together Russian diaspora and contemporary Russia.

Keywords: volunteers, Russian burials, Russian squadron, Ferryville, Port Sidi Abdallah, naval hospital, hospital ship «Tsesarevich George».

S. Coja

The Book on Russian Emigres in Latvia

Riga, Latvia, Riga Anninmuizas secondary school,
E-mail: coja@baltinet.lv

<**Kovalchuk S. A true castaway takes everything with him: fates of the emigrant scientists in Latvia 1920–1944.** — Moscow: Novy Khronograf, 2017. — 432 p.>

This short review analyses a new book on the history of the Russian emigration printed in 2017 — «A true castaway takes everything with him: fates of the emigrant scientists in Latvia 1920–1944», written by S.N. Kovalchuk, Ph.D. This research describes the activities of such scientists as the historian professor R. Vipper, philosophers K. Zhakov, M. Waintrob and A. Veideman, lawyers professor V. Sinayski, professor A. Kruglevsky, M. Lazerson and the history of periodical «Law and Legal Procedure». A whole chapter talks about the history and activities of the Christian Movement of the Russian students in Latvia. This monograph is a very valuable scientific work that describes the intellectual life, biographies and scientific achievements of the Russian scientists who were connected with Latvia or Riga in 1920–1944.

Keywords: Russian emigres in Latvia, Russian culture in the inter-war period, The University of Latvia, The Christian Movement of the Russian Students.

D.V. Akulova

Russian Ballet after Diaghilev

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: malinki25@mail.ru

<**Grigoriev S. Original Ballet Russes. 1932–1952.** — St. Petersburg: The Baltic seasons, 2016. — 392 p.: ill.>

The review considers the book of the memories of the artist and director Sergei Grigoriev about working with Colonel de Basile. «Original Russian ballet. 1932–1952 is a continuation of his book «The Diaghilev Ballet», with which it composes a story about a significant epoch in the development of ballet art. A whole galaxy of theatrical figures of the first half of the 20th century appears before readers. Memories were published first in Russian. Characteristic features of the author's narrative and features of the edition are revealed.

Keywords: S. Grigoriev, Diaghilev's ballet, Colonel W. de Basil, Russian ballets of Monte Carlo, Original Ballet Russes, foreign concert tours.

V.V. Leonidov

The First Book in Russia about Nicolas Lokhov

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

<**Veresova T.V., Talalay M.G. The Man of Renaissance. The painter Nicolai Lokhov and his entourage.** — Moscow: Staraya Basmannaya, 2017. — 318 p.>

This paper is a review of the book by Tamara Veresova and Mikhail Talalay «The Man of Renaissance. The painter Nicolai Lokhov and his entourage» (Moscow: Staraya Basmannaya, 2017). This is the first in Russia research about the life and heritage of the creator of copies of the Italian Renaissance masterpieces Nicolas Lochov, his revolutionary youth in Russia, his friendship with Ivan Cvetaev, his work in Italy and about the finding of his works in our country.

Keywords: Nicolas Nicolas Lokhov, Ivan Vladimirovich Cvetaev, the copies of the pictures and frescoes of Italian Renaissance, The Museum of Fine arts named after Alexander Pushkin, Russian emigration in Italy.

M.A. Vasilieva

**«The Russian Montparnasse» as a Chronotopos (Time-Space) Idea:
About the Exhibition in the Alexander Solzhenitsyn Centre
for Studies of Russia Abroad**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: marijavasil@mail.ru

Article is devoted to the Russian Montparnasse exhibition which has taken place in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad (November, 2017 — March, 2018). Organizers of the project have tried to reproduce live life of the legendary Parisian quarter, to present the Russian Montparnasse as a unique chronotopos and as a bright example of integration of the Russian abroad into the European space and at the same time maintaining the identity and the culture in others environment. Archival documents, museum pieces, printing and audiovisual materials from funds of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad and also the schedule of representatives of «The Parisian school» from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts have been presented at the exhibition. The exhibition has been dated for the 300 anniversary of establishment of diplomatic relations between Russia and France.

Keywords: Russian emigration, Paris between two wars, the Russian Montparnasse, display at the exhibition, archival documents and museum pieces, audiovisual and multimedia content.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акулова Дарья Викторовна,

старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья, координатор научно-исследовательского центра Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;
научные интересы: культурное наследие русской эмиграции, русская история и архитектура.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
malinki25@mail.ru

Андреева Екатерина Николаевна,

доктор философии (PhD), преподаватель современной истории в колледже Крайст-Чёрч (Оксфорд, Великобритания);

научные интересы: военная и политическая история России XX в., история русской эмиграции.

ena2360@mail.ru

Бабиков Андрей Александрович,

независимый исследователь;

научные интересы: литература и культура русской эмиграции.

ex.orientale@gmail.com

Башкова Наталья Валентиновна,

кандидат философских наук, сотрудник Тульского Рериховского исследовательского центра, куратор общественного Музея Б.Н. Абрамова в г. Венёве Тульской области (основан в 2017 г.), редактор издательства ООО «НексМедиа»;

научные интересы: этика, философская антропология, философия космизма, наследие семьи Рерихов и их последователей.

117342, Москва, ул. Обручева, дом 34/63, стр. 1
300012, г. Тула, пр. Ленина, д. 52-Б, кв. 22
Тульская обл., г. Венёв, ул. Советская, д. 15, кв. 17
santamig@mail.ru

Белевцева Наталья Павловна,

хранитель отдела изобразительных материалов, вещевых источников и предметов быта Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына;

научные интересы: жизнь и творчество И.С. Шмелева, жизнь и творчество Ю.Н. Рейтлингер.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
natbelev@gmail

Бешанова Светлана Анатольевна,

преподаватель русского языка в Высшем институте языков г. Туниса Университета Карфагена (Universite de Carthage, Institut Superieur des Langues de Tunis) и Российском центре науки и культуры в Тунисе, руководитель подросткового клуба «МиР» («Мы и Россия»);

научные интересы: методика преподавания русского языка как иностранного, русский язык для детей соотечественников, культурно-исторические связи России и Туниса.

34, av. de la Liberte, 1002, Tunis, Tunisie
svetlanabechanova@yahoo.fr

Бронникова Елена Владимировна,

кандидат исторических наук, главный специалист группы подготовки документальных публикаций научно-информационного центра Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ);

научные интересы: история русской культуры, археография, архивоведение, текстология, источниковедение.

125212, Москва, ул. Выборгская, д. 3, корп. 2
bronnikova55@yandex.ru

Домнин Игорь Владимирович,

заместитель директора по вопросам культурно-исторического наследия Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история и творческое наследие русской послеоктябрьской эмиграции; военная культура русского зарубежья, творчество русской военной эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
info@bfrz.ru

Егорова Надежда Алексеевна,

кандидат педагогических наук, главный библиотекарь отдела «Библиотека», сектора обслуживания читателей и библиографии Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российской эмиграции, литература и печатное дело русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
egorova@bfrz.ru

Ельцова Елена Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент Высшего института языков г. Туниса Университета Карфагена, кафедра восточных языков (секция русского языка) (Universite de Carthage, Institut Superieur des Langues de Tunis Departement des Langues Orientales);

научные интересы: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, культурно-исторические связи России и Туниса, геокультурный образ Туниса в русской путевой и мемуарной литературе.

14, av. Ibn Maja, Cite El Khadhra, 1003, Tunis, Tunisie
elcova-elena@mail.ru

Васильева Мария Анатольевна,

кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына; основатель и ответственный редактор научной серии «Дом рус-

ского зарубежья имени Александра Солженицына: Материалы и исследования», член редколлегии научной серии ДРЗ «Ex Cathedra»;

научные интересы: литературоведение русского зарубежья, творчество младоэмигрантов первой волны русской эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

marijavasil@mail.ru

Герасимов Николай Игоревич,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история анархистской эмиграции, история русской философии, социальная философия русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

nickgerasimow@yandex.ru

Горинов-младший Михаил Михайлович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории русского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история России XIX — начала XX в.; Михаил Михайлович Карпович: научное и эпистолярное наследие; государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатъева (1879–1908); Игнатъевы в эмиграции; российское медицинское зарубежье; русская эмиграция в Югославии и Чехословакии; историческое краеведение русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

info@bfrz.ru; mihail_gorinov@mail.ru

Григорьева Вероника Юрьевна,

сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета;

научные интересы: история древнерусской музыки, знаменный распев наонной традиции.

115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.

Ермишин Олег Тимофеевич,

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской философии, религиозно-философская мысль русской эмиграции 1920–30-х гг., научное наследие В.В. Зеньковского.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

rfm@bfrz.ru

Ермишина Ксения Борисовна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры русского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история евразийского движения, богословие архим. Софрония (Сахарова), В.Н. Лосского и других значительных философов и богословов эмиграции, древнерусская история, культура и музыка.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

rfm@bfrz.ru

Кондратьева Анна Алексеевна,

магистр культурологии, куратор проектов отдела по работе с музеями памяти Государственного музея истории ГУЛАГа;

научные интересы: история ГУЛАГа.

127473, Москва, 1-й Самотечный пер., д. 9, стр. 1
kondrateva@gmig.ru

Леонидов Виктор Владимирович,

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела по развитию и связям с общественностью, главный библиограф Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история культуры русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
viktor-leonidov@yandex.ru

Ликвинцева Наталья Владимировна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: творчество матери Марии (Скобцовой), богословская и религиозно-философская мысль XX в., культура русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
natalia.likvintseva@gmail.com

Матвеева Юлия Владимировна,

доктор филологических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), кафедра русской и зарубежной литературы;

научные интересы: русская литература XX–XXI вв., литература русской эмиграции.

620000, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19
julia-matveeva@yandex.ru

Подалко Пётр Эдуардович,

профессор (PhD) Университета Аояма Гакуин в Токио (Aoyama Gakuin University), кафедра международной коммуникации факультета международной политики, экономики и коммуникации (School of International Politics, Economics & Communication);

научные интересы: история эмиграции, история культуры, кино как исторический источник и др.

Japan 150-8366, Tokyo, Shibuya 4-4-25
podalko@sipeb.aoyama.ac.jp

Россиус Юлия Геннадиевна,

младший научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН;

научные интересы: философия в Италии в первой половине — середине XX в.

109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
juliarossius@yandex.ru

Сорокина Марина Юрьевна,

кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского зарубежья, социальная история науки, в том

числе научного зарубежья, некрополистика российского зарубежья, архивы зарубежья, история Второй мировой войны.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
msorokina61@gmail.com

Суслов Алексей Юрьевич,

доктор исторических наук, доцент Казанского национального исследовательского технологического университета, кафедра гуманитарных дисциплин;

научные интересы: история и историография российских социалистических партий.

420015, Казань, ул. К. Маркса, д. 68
plusha131333@yandex.ru

Трибунский Павел Александрович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых, издательское дело.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
pt2140@yandex.ru

Тюрина Галина Андреевна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история классической филологии в России, жизнь и творчество А.И. Солженицына.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
sectorais@yandex.ru

Хазан Владимир Ильич,

профессор (PhD) Еврейского университета в Иерусалиме (The Hebrew University of Jerusalem), кафедра немецких, русских и восточноевропейских исследований;

научные интересы: история русской литературы XX в.; история эмигрантской литературы; русско-еврейский культурный диалог.

Dept. of German, Russian and East European Studies, The Hebrew University of Jerusalem, Mount Scopus
91905, Jerusalem, Israel
vladimirkhazan6@gmail.com

Цоя Сергей Александрович,

магистр истории (Mg. hist.), учитель, преподаватель истории, культурологии и социальных знаний Рижской средней школы «Анниньмуйжа»;

научные интересы: история русского национального меньшинства в Латвии, история Православной церкви в Латвии.

Latvija, Rīga, Kleistu ielā 14, LV-1067
coja@baltinet.lv

Шкаровский Михаил Витальевич,

доктор исторических наук, главный архивист отдела публикации и научного использования документов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга;

научные интересы: история Русской православной церкви.

193168, Санкт-Петербург, ул. Антонова-Овсеенко, д. 1
shkarovs@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КАФЕДРА

К 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына

- Г.А. Тюрина. Доверенный летописец эпохи: К 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына* 7
- Телеинтервью А.И. Солженицына на литературные темы с Н.А. Струве. Париж, март 1976* 11

К 100-ЛЕТИЮ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКА, ЦЕРКОВЬ, НАУКА, ЛИТЕРАТУРА

ПОЛИТИКА

- А.Ю. Сулов. Протоколы Второго съезда заграничных организаций партии социалистов-революционеров (Париж, 29 апреля — 6 мая 1928 г.)* 31
- Б.В. Яковенко. Статьи из итальянской газеты «Россия» 1917–1918 гг. Предисловие и комментарии О.Т. Ермишина, перевод с итальянского языка Ю.Г. Россиус* 85
- «Мы забыли, что законы написаны и пишутся для бедняков»: Письма Г.П. Максимова и О.И. Максимовой к Эмме Гольдман (апрель–май 1927 г.). Предисловие, подготовка текста и комментарии Н.И. Герасимова* 100

ЦЕРКОВЬ

- Н.В. Ликвинцева. Архимандрит Лев (Жилле) в контексте истории русского зарубежья* 117
- М.В. Шкаровский. Служение протопресвитера Георгия Шавельского в Болгарии* . . . 152
- В.Н. Ильин. «Русская музыка» (главы из книги). Публикация и археографическое предисловие Е.В. Бронниковой, вступительная статья К.Б. Ермишиной и В.Ю. Григорьевой, комментарии К.Б. Ермишиной* 163

НАУКА

- «Нет утешения в разлуке...»: Переписка Н.П. и Н.В. Толлей и Н.Е. Андреева (1948–1980 гг.). Публикация Е.Н. Андреевой, подготовка текста А.А. Кондратьевой и М.Ю. Сорокиной, вступительная статья Е.Н. Андреевой и М.Ю. Сорокиной, комментарии М.Ю. Сорокиной 203

ЛИТЕРАТУРА

- А.А. Бабиков. Сократова отравка 235
- Н.А. Егорова. Книга, библиотека и чтение в лагерях для военнопленных Российской империи в Германии и Австро-Венгрии в период Первой мировой войны 244
- Ю.В. Матвеева. Размышляя над «возвращением» писателя Бориса Ширяева. 275
- «Там» наши усилия не остаются тщетными и принимаются с величайшим вниманием» (Пять писем из переписки редакторов альманахов «Мосты» и «Воздушные пути»). Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии П. Трибунского и В. Хазана 282
- Н.П. Белевцева. Врач на войне: Из переписки С.М. Серова (1884–1960) в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 299

ГОД ЯПОНИИ В РОССИИ

- П.Э. Подалко. Первый русский японовед: К 60-летию со дня смерти Павла Васкевича. 311
- Письма о Японии (1908–1912): Новый архив дипломата Н.А. Малевского-Малевича. Публикация, вступительная статья, подготовка текста и комментарии М.М. Горинова-мл. 367
- Н.В. Башкова. Б.Н. Абрамов — ученик Н.К. и Е.И. Рерихов: Вехи биографии по документам из государственных архивов. 390

НЕКРОПОЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- С.А. Бешанова, Е.Н. Ельцова. «Мы лишь тени былого...»: Захоронения с Русской эскадры на христианском кладбище города Мензель Бургиба в Тунисе 415

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

- С.А. Цоя. Книга о русской эмиграции в Латвии. <Рец.:> Ковальчук С.Н. Настоящий изгнанник с собой все уносит: судьбы ученых-эмигрантов в Латвии 1920–1944 гг. — М.: Новый хронограф, 2017. — 432 с. 449

- Д.В. Акулова.* Русский балет после Дягилева. <Рец.:> Григорьев С. Оригинальный русский балет. 1932–1952. — СПб.: Балтийские сезоны, 2016. — 392 с.: ил. . . . 453
- В.В. Леонидов.* Первая книга о Николае Лохове в России. <Рец.:> Вересова Т.В., Талалай М.Г. Человек Ренессанса: Художник Николай Лохов и его окружение. — М.: Старая Басманная, 2017. — 318 с. 459

ХРОНИКА

- М.А. Васильева.* «Русский Монпарнас» как хронотоп: О выставке в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына 465

IN MEMORIAM

- И.В. Домнин.* Андрей Львович Сметанкин (1928–2018) 475
- К.Б. Ермишина, О.Т. Ермишин.* Памяти Сергея Михайловича Половинкина (1935–2018) 478
- Резюме 484
- Summary 496
- Сведения об авторах 507

CONTENT

EX CATHEDRA

To the 100th Anniversary of Alexander Solzhenitsyn

G.A. Tyurina. *Trusted Chronicler of the Era: To the 100th Anniversary of the Birth of Alexander Solzhenitsyn* 7

Interview with A.I. Solzhenitsyn to N.A. Struve on the Literary Topics.
Paris, March 1976. 11

TO THE 100th ANNIVERSARY OF FOREIGN RUSSIA: POLITICS, CHURCH, SCIENCE, LITERATURE

POLITICS

A.Y. Suslov. *Protocols of the Second Congress of Foreign Organizations of the Party the Socialist-Revolutionaries (Paris, 29 April — 6 May 1928)* 31

B.V. Jakovenko. *The Articles from Italian Newspaper «Russia» 1917–1918. The preface and comments by O.T. Ermishin, translated by J.G. Rossius* 85

«We Forget that the Law is Written and Written for Poor People»: Letters G.P. Maximov and O.I. Maximova to Emma Goldman (April–May 1927). *The preface, preparation of the text and notes by N.I. Gerasimov* 100

CHURCH

N.V. Likvintseva. *Archimandrite Lev Gillet in the Context of History of Russia Abroad* ... 117

M.V. Shkarovskiy. *The Activities of Protopresbyter George Shavelsky in Bulgaria* 152

V.N. Ilyin. «Russian music» (chapters from the book). *The publication and archeographic preface by E.V. Bronnikova, introduction by K.B. Ermishina and V.Y. Grigorieva, comments by K.B. Ermishina* 163

Content

SCIENCE

- «No Consolation to Live Apart from...»: The Correspondence of Nikolai and Nina Toll' with Nikolai Andreev (1948–1980). *The publication, preparation of the text by A.A. Kondrateva and M.Yu. Sorokina, preface by E.N. Andreeva and M.Yu. Sorokina, comments by M.Yu. Sorokina* 203

LITERATURE

- A.A. Babikov. Socrates Hemlocker 235
- N.A. Egorova. A Book, a Library and Reading in the Camps for the Russian Empire War Prisoners in Germany and Austria-Hungary During the First World War. 244
- Y. Matveeva. Reflecting on the «Return» of the Writer Boris Shiryaev 275
- «Our Efforts do not Remain in Vain and are Received with the Greatest Attention “There”» (Five Letters from the Correspondence of the Editors of the Almanacs «Mosty» and «Vozdushnye Puti»). *The publication, preparation of the text, preface and notes by P. Tribunskii and V. Khazan* 282
- N.P. Belevtseva. The Physician in the War: S.M. Serov (1884–1960) Correspondence in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad 299

YEAR OF JAPAN IN RUSSIA

- P. Podalko. Memoirs of the First Russian Japanologist, P. Vaskevich (1876–1958): To 65th Anniversary of Completing of the Manuscript 311
- Letters about Japan (1908–1912): The New Archive of Diplomat N.A. Malevsky-Malevich. *The publication, introduction, preparation of the text and comments by M.M. Gorinov-jun.* 367
- N.V. Bashkova. B.N. Abramov — Disciple of Nicolas and Helena Roerich: Biographical Milestones Based on Documents from the State Archives 390

NECROPOLIS OF RUSSIAN EMIGRE

- S.A. Bechanova, E.N. Eltsova. «We are Only the Shadows of the Past...»: Burials from the Russian Squadron at the Menzel Bourguiba Christian Cemetery in Tunis 415

NEW EDITIONS

- S. Coja. The Book on Russian Emigres in Latvia <Kovalchuk S. A true castaway takes everything with him: fates of the emigrant scientists in Latvia 1920–1944. — Moscow: Novy Khronograf, 2017. — 432 p.> 449

<i>D.V. Akulova.</i> Russian Ballet after Diaghilev <Grigoriev S. Original Ballet Russes. 1932–1952. — St. Petersburg: The Baltic Seasons, 2016. — 392 p.: ill.>	453
<i>V.V. Leonidov.</i> The First Book in Russia about Nicolas Lkhov <Veresova T.V., Talalay M.G. The Man of Renaissance. The Painter Nicolai Lkhov and His Entourage. — Moscow: Staraya Basmannaya, 2017. — 318 p.>.	459

ACADEMIC EVENTS

<i>M.A. Vasilieva.</i> «The Russian Montparnasse» as a Chronotopos (Time-Space) Idea: About the Exhibition in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad	465

IN MEMORIAM

<i>I.V. Domin.</i> Andrey Lvovich Smetankin (1928–2018)	475
<i>K.B. Ermishina, O.T. Ermishin.</i> In memory of Sergei Mikhailovich Polovinkin (1935–2018)	478
Summary in Russian	484
Summary in English	496
About the Authors.	507

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ
В «ЕЖЕГОДНИКЕ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА, 2017»

Номер страницы	Номер письма	Напечатано	Следует читать
463	10	В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову	В.С. и Т.Г. Варшавские — Г.А. Хомякову
466	13	В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову	В.С. и Т.Г. Варшавские — Г.А. Хомякову
468	15	В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову	В.С. и Т.Г. Варшавские — Г.А. Хомякову
476	23	<i>23 мая 1964 г., Мюнхен</i> 23 мая 1964 г. Мюнхен	<i>22 мая 1964 г., Мюнхен</i> 22 мая 1964 г.
478	25	В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову	В.С. и Т.Г. Варшавские — Г.А. Хомякову
479	26	В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову	В.С. и Т.Г. Варшавские — Г.А. Хомякову
482	28	В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову	В.С. и Т.Г. Варшавские — Г.А. Хомякову
485, 3-я строка снизу		НИА. G.P. Struve papers. Box 94, folder 11).	НИА. G.P. Struve papers. Box 95, folder 11).
486	30	В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову	В.С. и Т.Г. Варшавские — Г.А. Хомякову
489	33	В.С. Варшавский — Г.А. Хомякову	В.С. и Т.Г. Варшавские — Г.А. Хомякову
504, 3-я строка снизу		НИА. G.P. Struve papers. Box 94, folder 11).	НИА. G.P. Struve papers. Box 95, folder 11).

Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Е-361 2018 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. — М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2018. — 520 с. : ил.

ISSN 2313-7517

Настоящий выпуск «Ежегодника...» открывается разделом «Кафедра», посвященным 100-летию со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. В честь юбиляра и в память о Н.А. Струве публикуется мало известный сегодняшнему читателю текст их беседы — интервью писателя на литературные темы, записанное в марте 1976 г. в Париже. Специальный тематический раздел, в который включены отдельные блоки «Политика», «Церковь», «Наука», «Литература», посвящен столь значимой исторической вехе, как столетие Зарубежной России. Здесь представлены самые различные материалы: документы, воспоминания, письма, редкие фотографии, а также главы из книги В.Н. Ильина «Русская музыка» — рукописи, хранящейся в архиве ДРЗ. Публикация о первом русском японоведе П. Васкевиче и письма дипломата Н.А. Малевского-Малевица стали основой раздела «Год Японии в России». Истории Русского исхода Черноморского флота Российской империи и захоронениям с Русской эскадры на христианском кладбище г. Мензель Бургиба в Тунисе посвящен раздел «Некрополь русского зарубежья».

В «Ежегоднике...» традиционно содержатся хроника научной жизни Дома русского зарубежья, отзывы на новые издания и большое количество иллюстраций.

УДК 08
ББК 79.1

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына
2018

Ответственный редактор
Гриценко Наталия Федоровна

Редактор *М.Л. Максимова*
Корректоры *А.З. Лазуткина, О.А. Савичева*
Верстка *П.А. Сандомирского*

Подписано в печать 01.12.17. Формат 70x100/16. Бумага писчая.
Гарнитура Minion Pro. Печ. л. 32,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48
www.domrz.ru

ЗАО «Издательство «Русский путь»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, оф. 64
Тел.: (495) 629-04-82
E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6